

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

**ПУШКИН
И ЕГО СОВРЕМЕННОКИ**

Сборник научных трудов

Выпуск 5 (44)

«Нестор-История»
2009

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 08-04-16022д

ISBN 978-5-98187-462-8

Под редакцией *Е. О. Ларионовой* и *О. С. Муравьевой*

Редколлегия:

*М. Н. Виролайнен, Е. О. Ларионова,
Н. Н. Мазур, О. С. Муравьева, И. С. Чистова*

ISBN 978-5-98187-462-8

9 785981 874628

© Авторы статей, 2009

© Издательство «Нестор-История», 2009

I

История о докторе Форе в русском плену

В 1821 г. в Париже вышла в свет книга Раймонда Фора «Воспоминания о Севере, или Война, Россия и русские, или Рабство»¹. Ее автор был в недавнем прошлом французским офицером, попавшим в плен и длительное время прожившим в России. Любое мемуарное свидетельство рядового участника русского похода уже само по себе могло вызывать интерес, но Фор вовсе не ставил своей целью просто рассказать читателю о перипетиях собственной военной судьбы. Основную часть его сочинения занимали наблюдения над русской жизнью и размышления о социальном и политическом устройстве страны, о быте и нравах разных слоев ее населения, о национальном характере русских, их интеллектуальных и моральных типических чертах и т. д. Само положение автора — человека, имевшего возможность увидеть русскую жизнь изнутри, с тех ее сторон, что не всегда и не вполне открываются взгляду заезжего путешественника, — сообщало его тону и суждениям должную меру авторитетности, и журнал «*Revue Encyclopédique*», удостоив книгу Фора похвальным отзывом, рекомендовал ее всем французам, желающим пополнить свои знания о России:

Эта книга заслуживает того, чтобы быть отмеченной среди всех сочинений подобного рода, произведенных на свет нашей эпохой. Автор ее, один из самых известных врачей города Бордо, в продолжение многих лет оставался в России и вынес оттуда набор полезных сведений и наблюдений. — Его «Воспоминания о Севере» предоставили ныне драгоценную возможность объединить в рамках одного сочинения множество любопытных замечаний о стране, которая известна мало и которую всем хочется узнать. Г-н Фор выступает проницательным и здравомыслящим наблюдателем. Он рисует с жаром ту картину нищеты и деспотизма, какую являет русская жизнь. Стиль его часто оригинален, хотя порой, быть может, сбивается в декламацию. Думаем, что все те, кто желал бы составить представление о политическом и моральном состоянии русского народа, не могут сделать ничего лучше, как обратиться к этой книге.²

¹ *Faure R. Souvenirs du Nord, ou la Guerre, la Russie et les Russes, ou l'Esclavage.* Paris, 1821 (далее: Faure). Объявление о выходе: *Bibliographie de la France.* 1821. № 34, 24 août. P. 454 (№ 3359).

² *Revue Encyclopédique.* 1822. Т. 16, livr. 47 (novembre). P. 359–360 (подпись: P. A. D.).

Впрочем, говоря по правде, Фор не сообщил французскому читателю ничего, что бы тот не мог уже ранее встретить в многочисленных посвященных России сочинениях, издававшихся во Франции на протяжении XVIII — первых десятилетий XIX в. Не нова, разумеется, была и обозначенная в самом заглавии книги тема существующего в России рабства, которое, как стремился показать Фор, не только лежит в основе социального устройства страны, но накладывает свой неизгладимый отпечаток на нравственный облик нации, на все сферы ее духовного и материального существования и во многом определяет политическое поведение России на европейской арене. Сочинение получилось на злобу дня. К 1821 г., после нескольких лет послевоенного затишья, на передний план снова вышла тема «русской угрозы», всегда сопровождавшая в европейской политике обострение восточного вопроса. На смену периоду европейских войн пришел период конгрессов и политических коалиций, возможности которых обсуждались в министерских кабинетах и оживленно дискутировались в обществе и в печати³. Фор присоединил свой голос к общему хору⁴. Для русских книга была мало лестной. Автор не сказал доброго слова ни о стране, ни о людях (исключая императора Александра) и писал, кажется, только с целью предостеречь некоторых легкомысленных соотечественников от возможных симпатий к России, о чем он открыто и заявил в заключительных строках:

³ Некоторые подробности см.: *Corbet Ch. A l'ère des nationalismes: L'opinion française face à l'inconnue russe (1799—1894)*. Paris, 1967. P. 110—120.

⁴ О малой оригинальности книги Фора свидетельствуют, между прочим, и сходные по темам и направлению сочинения, появившиеся почти одновременно с «Воспоминаниями о Севере». За несколько месяцев до книги Фора из печати вышел «Взгляд на Петербург» (*Coup-d'œil sur Pétersbourg*. Par M. J. C. Paris, 1821; объявление о выходе: *Bibliographie de la France*. 1821. № 14, 6 avril. P. 186 (№ 1312); в следующем году переиздано под заглавием: «О современном состоянии России, или Замечания о ее нравах, политическом влиянии и ее литературе...» (*De l'État actuel de la Russie, ou Observations sur ses mœurs, son influence politique et sa littérature...* Paris, 1822)). Его автор, Жан-Мари Шопен (Chopin; ок. 1795 —?), секретарь и библиотекарь князя А. Б. Куракина, родившийся и долго живший в России, представив широкую картину русской жизни, также выражал обеспокоенность «русской угрозой». В следующем году появилось сочинение Поля Дюкре де Пасенана (*Ducret de Passenans*) «Россия и рабство в их отношении к европейской цивилизации, или О влиянии крепостной зависимости на домашнюю жизнь русских, на их гражданское, нравственное и политическое состояние и на судьбы Европы» (*La Russie et l'esclavage, dans leurs rapports avec la civilisation européenne; ou de l'influence de la servitude sur la vie domestique des Russes, sur leur existence civile, morale et politique, et sur les destinées de l'Europe*. Paris, 1822). Близость между книгами Пасенана и Фора отмечена Ш. Корбе (см.: *Corbet Ch. A l'ère des nationalismes*. P. 116—117).

Европе нечего ожидать от этого народа, но можно всего опасаться. Дай ему Бог употребить свои силы на великое дело своего внутреннего устройства! Мир переведет дух, если эта полезная деятельность сможет привязать русских к родной земле настолько, что они не будут стремиться за ее пределы, хотя, как представляется, такое стремление всегда будет диктоваться им суровостью природных условий. Оставим нациям, равно беззаботным к своей славе и мало дорожающим своей независимостью, пользоваться этим опасным покровительством. Они узнают (может быть, слишком поздно!), что народы, подобно людям, в младенческом возрасте не знают сострадания и предоставит им тогда излишнюю власть или допустить до нее означает приготовить неслыханные беды себе самим и многим другим. Они признают однажды, что в ослеплении положились на великодушные державы еще варварской и приучили себя видеть в ней арбитра в делах Европы. Однако ей достаточно лишь сменить государя, чтобы превратиться в ужас Европы.⁵

Неизвестно, имело ли сочинение Фора успех во Франции. Как это ни странно, наиболее заинтересованных читателей оно могло найти в России, и определялось это вовсе не достоинствами философских и политических спекуляций автора, а некоторыми обстоятельствами его жизни в русском плену.

* * *

В мае 1812 г. двадцатипятилетний доктор Раймонд Фор⁶, военный хирург Первого корпуса кавалерийского резерва Великой армии⁷, прибыл в Мариенверден, где расположился штаб командующего корпусом генерала Нансути. Вскоре, 31 мая, корпус двинулся в сторону русской границы — через Преysiш-Эйлау, Фридланд, Ландсберг, Домнау⁸.

⁵ Faure. P. 301–302.

⁶ Родился 28 сентября 1786 г. в Марманде (департамент Ло и Гаронна); изучал медицину в Париже, где 6 декабря 1810 г. защитил диссертацию на тему об острых заболеваниях кишечника и действии некоторых ядов (*Réflexions sur la mort causée par quelques affections aiguës du bas-ventre et par quelques poissons*. Paris, 1810) (*Dictionnaire de Biographie française*. Paris, 1975. Т. 13. Col. 770).

⁷ Фор был призван на военную службу, по-видимому, весной 1812 г.

⁸ «Городок Эйлау отстроился со времени последней войны. На поле этой кровавой битвы людские и лошадиные кости еще белелись на поверхности земли. Но ничто не напоминало о достопамятном дне — глаза проходящего не встречали никакого памятника, никакого обелиска: эти поля нашей славы принадлежали иностранцам. Лишь деревянный крест, выступающий над колосьями пшеницы в двадцати шагах от дороги, указывал место скромной могилы; но никакой надписи, сообщавшей, чьи останки, без сомнения славные, здесь покоятся. При мысли о почестях, кои следовало воздать всем этим храбрым

Впрочем, написанная Фором книга даже в собственно мемуарной части удивительно скупа на биографические подробности. Мы не знаем, что и кого оставил молодой врач во Франции, как он относился к своей начинавшейся военной карьере и задумывался ли вообще над целью и смыслом этого похода на Восток. Несомненно лишь, что Фор разделял с другими солдатами Великой армии чувство восхищения императором, отголоски которого слышались в его словах и по прошествии многих лет: «Самый могущественный государь на земле наводнил эти равнины своими грозными легионами <...>. По воле одного-единственного человека двигалась эта бесчисленная толпа! один-единственный человек стоял у истоков стольких бед! во власти одного-единственного человека было все остановить, все предупредить, и он упорствовал в своем пагубном решении!»⁹

Военные главы книги Фора отличаются от некоторых других воспоминаний младших офицеров французской армии, пожалуй, тем, что автор рассказывает только о пережитом им самим и увиденном собственными глазами. В то же время, поскольку Фор видел и знал очень немного, главы эти не добавляют ничего нового к картине первых месяцев русской кампании. 12 (24) июня Кавалерийский резерв перешел Неман, 13 (25) июля корпус понес первые потери при Островно, потом был в деле под Смоленском, штурмовал Шевардинский редут, сражался при Бородине, 6 (18) сентября прошел через горящую Москву и, не останавливаясь в городе, двинулся по Рязанской дороге, затем у Бронниц повернул на Старую Калужскую. Ровно через месяц военная эпопея доктора Фора завершилась. На рассвете 6 (18) октября Фор был взят в плен, во время внезапной казачьей атаки, не оставившей спавшим французам времени ни оседлать лошадей, ни взяться за оружие. Это было начало Тарутинского сражения, в котором, таким образом, Фор уже не участвовал. День он вместе с другими пленными провел под охраной казаков в ближнем лесу, ночью их отправили в главную квартиру, откуда в составе большой партии пленных под командованием конвойного офицера — в Калугу, а из Калуги — в Рязань.

воинам, можно было бы жалеть, что они пали вдали своего отечества, если бы путь, пройденный ими от домашнего очага до тех мест, названия которых увековечены их смертью, сам по себе не являлся лучшим свидетельством их несравненной доблести. Хотелось бы видеть их близких, пришедших оросить слезами землю, напоенную их кровью, — тогда их незатейливые надгробия были бы ценнее меди и мрамора, менее долговечных, чем их слава» (Faure. P. 7—8). «Воспоминания о Севере» изобилуют такого рода патетическими рассуждениями, так что рецензент «Revue Encyclopédique» имел все основания упрекать их автора в излишней «декламации».

⁹ Faure. P. 6, 7.

Этот путь в Рязань, вероятно, на всю жизнь остался самым страшным воспоминанием доктора Фора, и его описание должно было потрясти воображение французского читателя, хотя и тут Фор писал о том же, о чем вспоминали и другие его соотечественники, оказавшиеся в плену. Он писал о невыносимых морозах, о французских солдатах, застреленных по дороге или умиравших от тифа без медицинской помощи. По представлениям Фора, партия пленных, с которой он следовал, прибыла в Рязань где-то в начале ноября. В Рязани французских офицеров разместили по домам, и они получили от губернатора теплую одежду. Но конечным пунктом был назначен Тамбов, и дальнейшее путешествие сквозь морозную зиму в глубь России пугало даже пленных офицеров, передвигавшихся на санях. О солдатах, следовавших пешей колонной, говорить не приходилось. «Какая смерть для тех воинов, которые столько раз триумфально возвращались в свое отечество покрытые доблестными ранами, для людей, составлявших гордость Франции и внушавших уважение своим врагам!»¹⁰

В Тамбов Фор, однако, не попал: ему было разрешено остаться в Рязани при раненном в Бородинской битве французском генерале, названном в книге «генерал Б». Этим генералом, с которым судьба на ближайшие годы связала жизнь Фора, был Шарль-Огюст Бонами¹¹, во главе 30-го линейного полка атаковавший батарею Раевского и взятый в плен во время русской контратаки чуть ли не лично А. П. Ермоловым, который посвятил впоследствии этому эпизоду несколько строк в своих «Записках»¹². «Я отправил его в Орел, — писал Ермолов, — и

¹⁰ Faure. P. 81.

¹¹ Шарль-Огюст-Жан-Батист-Луи-Жозеф Бонами де Бельфонтен (Vonnamy de Bellefontaine; 1764—1830) — французский аристократ, принявший сторону революции; в 1792 г. начал службу в Армии Севера; с 1798 г. бригадный генерал; в июле 1800 г. вышел в отставку; вернулся в армию в марте 1811 г., с 18 июня 1811 г. командующий 3-й бригады 1-й пехотной дивизии Первого армейского корпуса.

¹² «Подойдя к небольшой укрепленной долине, отделяющей занятое неприятелем возвышение, нашел я егерские полки 11-й, 19-й и 40-й, служившие резервом. Несмотря на крутизну восхода, приказал я егерским полкам и 3-му батальону Уфимского полка атаковать штыками, любимым оружием русского солдата. Бой яростный и ужасный не продолжался более получаса: сопротивление встречено отчаянное, орудия возвращены, и не было слышно ни одного ружейного выстрела.

Израженный штыками, можно сказать, снятый со штыков неустрашимый бригадный генерал Бонами получил пощадку; пленных не было ни одного, из всей бригады спаслись бегством немногие. Признательность генерала за оказанное ему уважение была совершенна» (*Ермолов А. П. Записки. 1798—1826 гг. М., 1991. С. 191—192*).

просил отца моего иметь непрерывно особенное о нем попечение»¹³. Присутствие Фора, кажется, не принесло генералу Бонами большой пользы, поскольку сам доктор через несколько дней заболел тифом¹⁴.

Едва Фор оправился от болезни, как Бонами, еще не встававший с постели, получил предписание следовать в Орел. В сопровождении русского офицера 31 января (12 февраля) 1813 г. Бонами с доктором выехали из Рязани. «Нас предварили, — вспоминал Фор, — что Орел представляет собой один из самых приятных губернских городов. Он более других цивилизован, и военнопленных там принимают во всех домах <...> и, прибыв туда, мы убедились, что нас не обманули в благорасположении его жителей. Городские власти и все дворянство были готовы разместить офицеров у себя, приглашали каждый день к столу и к участию во всех своих праздниках. Это настолько отличалось от ранее нами виденного, что мы не могли себе поверить. Все благородное общество говорило по-французски»¹⁵. Пленных в Орле было немного: большое число их умерло в предшествующие месяцы от тифа — «в месте, называвшемся у них больницей», замечает Фор с очевидным пренебрежением¹⁶. Оставшихся, в том числе и солдат,

¹³ Там же. С. 191.

¹⁴ Эта болезнь стала впоследствии предметом особого медицинского интереса Фора; он изучал ее в 1845 г. в тюремном госпитале Тулона и посвятил ей специальную работу (*Typhus, différent de la fièvre typhoïde... Toulon, 1846*).

¹⁵ Faure. P. 85—86.

¹⁶ Ibid. P. 87. Усовершенствование этой «больницы» за несколько месяцев до прибытия Фора в Орел стоило жизни Василию Ивановичу Киреевскому, мужу Авдотьи Петровны Киреевской (урожд. Юшкова, во втором браке Елагина; 1789—1877), племянницы и близкого друга В. А. Жуковского, в скором времени ставшей хорошей знакомой Фора. См. основанное на семейных рассказах свидетельство Т. Толычевой (Е. В. Новосильцевой) о деятельности В. И. Киреевского осенью 1812 г.: «Поселившись в своей скромной усадьбе под Орлом, он позаботился немедленно о том, чтоб приобрести себе деятельность. Городская больница обратила на себя его внимание; он поехал ее осмотреть и нашел в ней страшный беспорядок. Страдавшие заразительными болезнями не были отделены от прочих больных; раненые, которых привозили из нашей армии, лежали вповалку на полусгнившей соломе; одна палата казалась грязней другой; воздух был везде заражен. Василий Иванович принял на себя немедленно и совершенно самовластно попечение над больницей; распушил всех служивших при ней, приказал все привести в порядок и распорядился, чтоб из его имения доставляли свежую солому. Он знал толк в медицине: мало того, что все предписанья медиков проходили через его контроль, он прописывал сам лекарства. Каждое утро его встречали в больнице как начальника и ожидали его приказаний. <...> Мужеством и твердостью воли он подчинял себе всех, в том числе и городские власти. Число больничных кроватей он увеличил на свой счет, не жалея ни денег, ни труда. Все кипело под его руками; но дорого пришлось

расселили у жителей города и в окрестностях. Фор получил приглашение от Александра Алексеевича Плещеева и отправился в имение Большая Чернь Болховского уезда¹⁷. «Через две недели после прибытия в Орел, — пишет он, — я переселился на жительство в деревню, в круг семьи, где нашел бы счастье, если бы оно существовало для человека, видящего, что отечеству его грозят великие беды»¹⁸.

Фора встретил гостеприимный и веселый дом. Наследственного состояния у Плещеева не было, но он удачно женился на красавице Анне Ивановне Чернышевой¹⁹. «Они поселились в Черни, и там началась жизнь, которая была непрерывный пир. Всякий день что-нибудь праздновалось концертом, домашним театром, балом или гуляньем в рощу»²⁰. «Плещеев был человек богатый, славился хлебосольством, мастерством устраивать parties de plaisir²¹ в великолепном селе сво-

ему полатиться за свою деятельность. Он вернулся раз домой в сильном лихорадочном состоянии: медики объявили, что он заразился больничным тифом, и не оказалось возможности его спасти» (*Толычева Т.* Рассказы и анекдоты // РА. 1877. Т. 2, № 7. С. 364—365). В. И. Киреевский умер 1 ноября 1812 г. Возможно, его усилий оказалось недостаточно, чтобы сделать больницу приемлемой с точки зрения французского доктора, и, как часто бывает с делами, движимыми частной инициативой, после смерти Киреевского все в больнице, очевидно, вернулось к первоначальному состоянию. Вместе с В. И. Киреевским с тифом в Орле боролись доктор Вицман и Гаспари, представленный осенью 1813 г. к ордену св. Анны 2-й степени. В 1814 г. Жуковский через своих петербургских друзей А. И. Тургенева и Д. А. Кавелина, директора Медицинского департамента, хлопотал о получении Гаспари обещанной награды (см. его письмо к А. И. Тургеневу от 24 марта и 1 декабря: Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895. С. 108—109, 134; также стихотворное послание «К Кавелину» («Кавелин! друг, поэт, директор...»), датированное 27 октября 1814 г.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1999. Т. 1. С. 354—355, 711 (далее: Жуковский. ПСС).

¹⁷ А. А. Плещеев (1778—1862) — сын Алексея Александровича Плещеева и Анастасии Ивановны (урожд. Протасова), московских друзей Н. М. Карамзина (в 1801 г. женившегося на Елизавете Протасовой (1771—1802), младшей сестре Анастасии Ивановны). Чернь находилась в 50 верстах от Орла.

¹⁸ Faure. P. 88.

¹⁹ А. И. Плещеева (ум. 1817) — дочь генерал-фельдмаршала графа И. Г. Чернышева (1726—1797). «Анна Ивановна страстно любила мужа своего и так же страстно ревновала его, хотя и не знала, до какой степени имела причины ревновать его. Он наружно оказывал ей всевозможные знаки обожания и обманывал изо всех сил. Все именины и день ее рождения в Черни для нее были сюрпризы на каждом шагу. Она прославлялась, как богиня; и тут же, под ее носом, он обманывал ее. Кажется, что она так дожила и до смерти своей, в блаженном неведении» (*Елагина Е. И.* Семейная хроника // Российский архив: История отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. (Нов. серия). М., 2005. Вып. 14. С. 285).

²⁰ Там же.

²¹ увеселения (*франц.*).

ем Черни, держал музыкантов, фокусников, механиков, выстроил у себя театр, сформировал из своих крепостных труппу актеров и обладал сам замечательным сценическим искусством. Он не мог жить без пиров и забав: каждый день общество, собиравшееся в Черни, каталось, плясало и играло в *Secrétaire*²². Общество это, членом которого оказался Фор, представляло из себя большой родственно-дружеский круг. В Черни жили Плещеев с Анной Ивановной и детьми²³, не в очень большом отдалении (в сорока верстах) находилось Муратово — имение Екатерины Афанасьевны Протасовой²⁴. Тревожную осень и зиму 1812 г. Протасова с дочерьми²⁵ прожили в Орле, в доме Плещеевых, но по изгнании французов из России переехали обратно в Муратово, где к ним присоединился вернувшийся 6 января 1813 г. из армии В. А. Жуковский. В Муратово у тетки на первое время поселилась также овдовевшая Авдотья Петровна Киреевская с детьми, только спустя несколько месяцев решившаяся отправиться в свое имение Долбино²⁶. В родовое Мишенское под Белевым приехали незамужние сестры Киреевской Юшковы²⁷, которые бежали в августе из Москвы и нашли пристанище у родных под Рязанью. Ко времени появления Фора они тоже уже перебрались в Муратово. В 1814 г. по возвращении

²² Толычева Т. Рассказы и анекдоты. С. 366; то же: В. А. Жуковский в воспоминаниях современников. М., 1999. С. 145—146. Упомянутая модная салонная игра «секретарь» (*Secrétaire*) состоит в следующем: каждый из играющих пишет вопрос, предлагая указать сходство или разницу между двумя какими-нибудь предметами. Вопросы опускаются в общую коробку, после чего каждый вытаскивает наудачу записку и пишет ответ. Несколько таких стихотворных ответов Жуковского 1813 г. см.: Жуковский. ПСС. Т. 1. С. 314—316.

²³ Алексей (1800—1842), в 1814 или 1815 г. определенный в Корпус инженеров путей сообщения, Александр (1803—1848) (см. о них: Декабристы: Биограф. справ. М., 1988. С. 143), Петр (1805—1859), Григорий (ум. не ранее 1866), Варвара и Мария.

²⁴ Е. А. Протасова (урожд. Бунина; 1770—1848) — дочь Афанасия Ивановича (ок. 1716—1791) и Марии Гавриловны (урожд. Безобразова; ок. 1728—1811) Буниных, сводная сестра В. А. Жуковского.

²⁵ Мария Андреевна (в замуж. Мойер; 1793—1823) и Александра Андреевна (в замуж. Восейкова; 1795—1829).

²⁶ Дочь Петра Николаевича Юшкова (ум. 1805) и Варвары Афанасьевны (урожд. Бунина; 1758—1797), двоюродная сестра М. А. и А. А. Протасовых; ее дети от брака с В. И. Киреевским — Иван Васильевич (1806—1856), Петр Васильевич (1808—1856) и Мария Васильевна (1811—1859). Имение Киреевских Долбино Лихвинского уезда Калужской губернии находилось в шести верстах от Белева.

²⁷ Анна Петровна (в замуж. Зонтаг; 1785—1864) и Екатерина Петровна (в замуж. Азбукина; ум. в 1817).

русских войск из Парижа в родных местах появился увещанный наградами штабс-капитан Василий Андреевич Азбукин, вскоре женившийся на Екатерине Юшковой. Сестра его Наталья Андреевна²⁸ жила попеременно то в Муратове, то в Долбине у Киреевской. В октябре 1813 г. Жуковского заехал навестить давний товарищ А. Ф. Воейков и надолго остался в Муратове. Следует упомянуть также барона и баронессу Черкасовых, хозяев имения Володьково Белевского уезда²⁹, и привезенного Е. А. Протасовой из Орла доктора Фриофа, врача русского передвижного госпиталя, который заболел тифом на марше из Калуги в Орел и отстал от армии³⁰. Фор не был лишен и общества соотечественников: у Протасовых жил пленный офицер Мену, племянник наполеоновского генерала, в Черни — управляющий Осип Петрович Букильон и губернёр маленьких Плещеевых месть Визар.

9 мая 1813 г. Жуковский обращался к А. И. Тургеневу в Петербург с просьбой:

Здесь в Орле есть пленный генерал Бонами, храбрый и благородный человек. Я видел его после Можайского сражения, с десятью или и более ран, сделанных штыком (из коих одна преглубокая

²⁸ В. А. Азбукин (ум. 1832) и Н. А. Азбукина — внебрачные дети Андрея Ивановича Протасова (ум. 1805), сводные брат и сестра М. А. и А. А. Протасовых.

²⁹ Иван Петрович Черкасов (ок. 1761 — после 1841), владелец более тысячи душ в Тамбовской, Тульской, Орловской и Московской губерниях, и Мария Алексеевна (урожд. Кожина; ум. до 1826). Из восьми детей Черкасовых участницей чернско-муратовского общества, по-видимому, была Елена Ивановна, часто упоминающаяся в письмах Жуковского и Киреевской (см.: Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагинной. 1813—1852. М., 2009 (по указ.)). Сыновья Петр Иванович (1796—1867), воспитанник Московского училища для колонновожатых, и Алексей Иванович (1799—1855), будущий декабрист, ученик Московского университетского пансиона, а с 1816 г. — училища для колонновожатых, видимо, бывали в Володькове только наездами.

³⁰ Иоханн Людвиг Вильгельм (Иван Федорович) Фриоф (Früauf; 1765 — после 1826) — сын лютеранского пастора, выпускник Лейпцигского и Энского университетов, доктор медицины и хирургии; в России с 1792 г., занимался врачебной практикой в Москве. Фриоф был уволен из военной службы по состоянию здоровья 8 июня 1814 г. Об устройстве его судьбы Жуковский хлопотал через А. И. Тургенева и Д. А. Кавелина (см. письмо Жуковского к А. И. Тургеневу от 24 марта 1814 г.: Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. С. 108). В июле 1814 г. Фриоф уже покинул Протасовых и находился в Орле (см. письмо Жуковского к Д. А. Кавелину от 18 июля 1814 г.: РА. 1900. Т. 3, № 9. С. 31). В Муратове Фриоф пробовал свои силы в переводе на немецкий русских поэтов (Дмитриева, Крылова, Державина, Жуковского), создал цикл иллюстраций к произведениям Жуковского. Позднее, с сентября 1819 до конца 1826 г. служил в Публичной библиотеке в Петербурге (см. о нем: Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биограф. словарь. СПб., 1995. Т. 1: 1795—1917. С. 552).

на груди и от которой он весьма страдает). Теперь он находится в Орле, откуда велено его переслать с прочими пленниками в Казань. Это путешествие будет для него смертельно; тяжелая рана его погубит. Он писал к военному министру письмо, в котором просит, чтобы ему позволено было остаться в Орле до поправления раны. Письмо это послано вместе с моим к тебе. И просьба моя состоит в том, чтобы ты, если имеешь какую-нибудь возможность, выхлопотал у министра ответ благоприятный; если не сам, то хотя через други. Очень бы я желал, чтобы можно было помочь этому хорошему человеку, умному и храброму. Будет весьма жестоко, если просьба его не уважится.³¹

Хлопоты за Бонами увенчались успехом, он остался в Орле и вошел в круг гостей Черни и Муратова. Постоянные столкновения ярого бонапартиста Мену и Бонами, который сохранял верность республиканским идеалам своей молодости, «не скрывал <...> своей ненависти к Наполеону и предсказывал, что “этот самозванец” загубит окончательно Францию»³², разнообразили жизнь обитателей Муратова политическими дискуссиями, несомненно заслуживавшими внимания молодого доктора Фора.

Плещеевы, казалось, вообще стремились собрать вокруг себя как можно больше французских пленных. Так, 31 января 1814 г. Жуковский обращался к А. И. Тургеневу с очередным поручением — перевести из Тамбовской губернии в Орловскую для пребывания в Болхове племянника Букильона, капитана 4-го линейного полка Франсуа. «Этим одолжишь меня, ибо я желаю оказать какую-нибудь услугу Плещеевым, которые более нежели мне родные, потому что их дружба заботится обо мне как об них о самих», — прибавлял он в письме³³.

³¹ Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. С. 99.

³² *Толычева Т.* Рассказы и анекдоты. С. 365; то же: В. А. Жуковский в воспоминаниях современников. С. 144. Т. Толычева пишет, что Бонами постоянно жил в Муратове, но это, по-видимому, неверно. Так, Бонами не упомянут, например, среди встречавших Новый 1814 год в Муратове в дневниковой записи А. Ф. Воейкова, приводимой ниже. Мену упоминается как живущий в Муратове в письме Жуковского к А. П. Киреевской от 22 мая 1814 г., там же говорится и о некоем Морленкуре, знакомом Мену, видимо, также французском офицере, бывавшем у Протасовых и Плещеевых (см.: Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной. С. 35). 6 сентября 1815 г. М. А. Протасова, характеризуя в письме к Киреевской постоянных гостей их дома в Дерпте, писала про одного из них, что он «точно Мепон наш, француз во всей силе слова и такой же нестерпеливый» (Уткинский сборник. I: Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Протасовой. М., 1904. С. 157).

³³ ИРЛИ, ф. 309, № 124, л. 340—341.

Уже 15 февраля Тургенев извещал Жуковского об исполнении его желания, и к началу июня капитан Франсуа пополнил ряды посетителей Черни³⁴.

Все это многочисленное общество свободно перемещалось между именными, постоянно обменивалось записками, часто в стихах, и книгами, посылавшимися с дворовыми людьми. Семейные предания, переданные Е. И. Елагиной, сохранили память о небывало веселых 1813 и 1814 гг., когда «к обыкновенному обществу гостей-соседей присоединилось много образованных и любезных пленнх французов, живших в Черни или по соседству»³⁵. «Не знаю, — прибавляет мемуаристка, — как на это смотрел простой народ, крестьяне чернские, но они это выносили и не оскорбляли ни французов, ни помещиков»³⁶.

Новый 1814 год встречали в Муратове (Е. А. Протасова с дочерьми, Жуковский, Плещеевы, Киреевская и сестры Юшковы, Воейков, Букильон, доктор Фриоф и доктор Фор) с ужином, шампанским, игрой в жмурки и стихами Жуковского³⁷. 6 января в Черни праздновалась годовщина возвращения Жуковского из армии. А. Ф. Воейков оставил памятную запись об этом дне:

Двойной праздник *fête des rois*³⁸ и возврат Жук<овского> из армии в прошлом году. Меня выбрали в короли бобов. А. И. Плещеева пела «Светлану»³⁹ с оркестром, потом «Велизария»⁴⁰, потом Клоссен играл русские песни на виолончели. За ужином все, кроме меня, подпили; пито за здоровье ангела-хранителя Жуковского, за любовь и дружбу. Горацианский ужин! благородное пьянство! изящные дурачества!⁴¹

³⁴ См.: Там же, № 4713а, л. 23; Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. С. 121.

³⁵ Елагина Е. И. Семейная хроника. С. 285.

³⁶ Там же.

³⁷ См.: Тольчева Т. Рассказы и анекдоты. С. 365—366; то же: В. А. Жуковский в воспоминаниях современников. С. 145; Соловьев Н. В. История одной жизни: А. А. Воейкова — «Светлана». Пг., 1915. [Т. 1]. С. 29—31; написанные к празднику стихи Жуковского «Друзья! я восемьсот...» см.: Жуковский. ПСС. Т. 1. С. 293—295.

³⁸ Буквально: праздник королей — Богоявление, отмечающееся в большинстве европейских стран 6 января. Существовал обычай готовить к этому празднику круглый пирог с запеченным в него бобом. Тот, кому доставался боб, объявлялся королем или королевой.

³⁹ Баллада Жуковского (1808—1812).

⁴⁰ Романс на стихотворение А. Ф. Мерзлякова (1806).

⁴¹ Цит. по: Соловьев Н. В. История одной жизни. [Т. 1]. С. 33.

14 июля 1814 г. состоялась свадьба А. Ф. Воейкова и А. А. Протасовой. 3 августа традиционно отмечали день рождения А. И. Плещеевой. Описание этого дня дает представление о подлинном размахе праздников в Черни:

После обедни, на которую съехались ближние и дальние соседи, хозяин предложил прогулку. Пошли в рощицу, где, к общему удивлению, стояла выросшая за ночь роща.

Когда виновница пира к ней приблизилась, роща склонилась перед ней и обнаружился жертвенник, украшенный цветами; возле него стояла богиня, которая приветствовала Анну Ивановну поздравительными стихами. Потом богиня и жертвенник исчезли, и на место их явился стол с роскошным завтраком. По выходе из-за стола Плещеев спросил у жены и гостей, расположены ли они воспользоваться хорошою погодой, и привел их к канавке, за которой возвышалась стена. Вход в ворота был загорожен огромной женской статуей, сделанной из дерева. «Madame Gigogne, voulez-vous nous laisser entrer?»⁴² — закричал хозяин. Но негостеприимная madame Gigogne размахивала руками вправо и влево и кивала грозно головой. Тогда явился монах и стал творить над ней заклинанья, разумеется по-французски. Побежденная madame Gigogne упала во весь рост через канаву, и спина ее образовала мост. С своей стороны, монах превратился в рыцаря и приглашал гостей войти. Когда они перешагнули за ворота, целый город представился их взорам. Тут возвышались башни, палатки, беседки, качели. Между ними стояли фокусники с своими снарядами и сновали колдуны, которые предсказывали каждому его будущность. Под звуки военной музыки маневрировал полк солдат. На их знаменах и киверах стояла буква Н, так как Плещеев звал жену свою Ниной. Лавочники приглашали посетителей взглянуть на их товары и подносили каждому подарок. Для крестьян были приготовлены лакомства всякого рода. У одной из башен стоял молодец, который звал к себе гостей. «Voulez-vous entrer, mesdames et messieurs, — кричал он, — voulez-vous entrer: nous vous ferons voir de belles choses»⁴³. У него была устроена *камер-обскура*; все входили и глядели поочередно сквозь стеклышко, вставленное в ящике, на портрет Анны Ивановны, вокруг которого плясали амуры.

Обед был, разумеется, роскошный; потом общество получило приглашение на спектакль. Давали «Филоктета», трагедию Софокла, переложенную на французский язык⁴⁴, потом комедию-фарс под

⁴² «Мадам Жигонь, позвольте ли нам войти?» (*франц.*) Матушка Жигонь — персонаж театра марионеток.

⁴³ «Не угодно ли войти, дамы и господа, не угодно ли войти, мы покажем вам прекрасные вещи» (*франц.*).

⁴⁴ Вероятно, трагедия Ж.-Ф. де Лагарпа (La Harpe; 1739—1803) «Филоктет» («Philoctète», 1781).

заглавием «Le sourd, ou L'auberge pleine»⁴⁵. На этом представлении отличался сам Плещеев, который дополнял комедию своими остротами и морил со смеху публику. За спектаклем следовали иллюминация, танцы и ужин.⁴⁶

Фор не просто был принят в Черни и Муратове как свой — он скоро сделался совершенно необходимым их обитателям. В 1813 г. он успешно лечил тяжело заболевшую Машу Протасову, и, когда опасность миновала, благодарный Жуковский выразил свою радость в прочувствованном стихотворном послании «К доктору Фору». Послание Жуковского дает и некоторые штрихи к портрету доктора:

Могу сказать тебе в стихах,
Что дар приятным быть имеешь,
Что сердцем добр, как на словах,
И притворяться не умеешь;
Что к шахматам имеешь страсть,
Хотя играешь очень худо;
Что для тебя совсем не чудо,
Зажмурясь, в шар шаром попасть;
Что пишешь умные ответы⁴⁷
И что всегда твои портреты
Похожи, только не на тех,
Кто был твоим оригиналом;
Что ты с друзьями любишь смех
И не боишься за бокалом
Пред ними сердце расстегнуть...⁴⁸

Сам Фор, не зная русского языка, не мог, конечно, прочесть адресованных ему стихов. Тем не менее ему, возможно, был лестен этот знак внимания русского поэта, о возрастающей славе которого он должен был быть наслышан. Год спустя Фор со своей стороны обратился к Жуковскому с французскими стихами. При отъезде Жуковского в Дерпт, прощаясь с ним 9 (21) января в Долбино у Киреевской, Фор записал русскому поэту на память:

De tous vos titres à la gloire
Je ne peux sentir la grandeur.
A tout un peuple s'il faut croire
En vous vit un feu créateur

⁴⁵ «Глухой, или Полный постоялый двор» (франц.).

⁴⁶ Толычева Т. Рассказы и анекдоты. С. 367—368; то же: В. А. Жуковский в воспоминаниях современников. С. 146—147.

⁴⁷ Имеется в виду игра «секретарь».

⁴⁸ Жуковский. ПСС. Т. 1. С. 299.

Dont j'avais bien vu la lueur.
Mais de cette divine flamme
Si par malheur je fus privé,
Toujour je fus dédommagé
En vous voyant une belle âme
Faitе pour l'immortalité.⁴⁹

Фор лечил, вероятно, и А. И. Плещееву, и Е. А. Протасову, с осени 1812 г. страдавшую сильными головными болями, и других. По-видимому, в своем лечении он широко прибегал к диетам и вообще не был сторонником обильных чернских трапез. Так, как-то раз Плещеев с Жуковским простудились на прогулке и Жуковский, вынужденный остаться в Черни, извещал об этом жителей Муратова стихотворной запиской, сообщая, что он

...в лапах у Лефорта,
Не доктора, а черта,
Сушителя кишков,
Злодея поваров!
Когда б его послушать,
То кухню б на запор!
Он не охотник кушать,
И бог его запор.
Зато уж наша Нина⁵⁰
На голос казачка

⁴⁹ Перевод: «Я не могу вполне чувствовать, сколь велики ваши права на славу. Общее мнение уверяет, что в вас горит творческий огонь, отблеск которого был хорошо виден и мне. Но если, к несчастью, это божественное пламя осталось мне недоступным, я всегда утешался созерцанием прекрасной души, созданной для бессмертия». Запись сделана в альбоме (ИРЛИ, № 27802, л. 4), подаренном Жуковскому родными и друзьями перед отъездом в Дерпт. Этот так называемый альбом представляет собой кожаную папку-футляр с вложенными в нее листками бумаги с золотым обрезом; на первых листках — обращенные к Жуковскому памятные записи его чернских и долбинских друзей. Надо признать, что Фор в поэтическом мастерстве не далеко ушел от девятилетнего Ивана Киреевского, также написавшего стихи на отъезд Жуковского, причем уж точно более искренние:

Ах! в Дерпт зачем ты едешь,
Жуковский добрый мой!
Зачем от нас уедешь,
Жуковский, ангел мой!
Подумай, как прекрасно
Тебе бы с нами жить.
Уедешь ты напрасно,
Мы будем все тужить.

(Там же, л. 3).

⁵⁰ А. И. Плещеева.

Поет исподтишка:
«О рожа! О скотина!
Копченный сатана!»
Не диво! ведь она
Желудку не злодейка!
В руках ее индейка
И два-три пирога
Исчезнут в два мига!
Приятно ль ей поститься!⁵¹

Несмотря на принятые им на себя обязанности семейного доктора, участие во всех коллективных чернско-муратовских развлечениях и непрерывную игру с Плещеевым на биллиарде⁵², времени для досуга у Фора оставалось достаточно. В его распоряжении была хорошая исключительно французская библиотека Плещеевых. Видимо, с целью приобрести какие-нибудь знания о стране своего вынужденного пребывания Фор читал «Русскую историю» Левека⁵³ (единственный, кстати, из исторических трудов, который он широко цитирует в своей книге).

⁵¹ Жуковский. ПСС. Т. 1. С. 321.

⁵² См., например, в одном из стихотворных писем Жуковского в Муратово из Черни:

Встречать меня пришли
В передней Плещеняты,
Их мать и Букильон.
А сам Плещук копченный,
Быв страшно рассержен
Моей, друзья, изменой,
Ко мне не выходил
И с доктором долбил
В столовой шаропехом
Шары как на убой!

(Там же. С. 319)

⁵³ *Levesque P.-Ch. Histoire de Russie, tirée des chroniques originales, de pièces authentiques et des meilleurs historiens de la nation. Paris, 1782. Vol. 1—5.* В библиотеке Плещеевых, скорее всего, было второе издание, включающее описание царствования Екатерины II: *Levesque P.-Ch. Histoire de Russie. Nouv. éd. corrigée et augmentée par l'auteur, et conduite jusqu'à la mort de l'impératrice Catherine II. Paris, an VIII [1799]. Vol. 1—8* (то же: *Hambourg et Brunswick, 1800. Vol. 1—8*). Фор, читающий Левека, упоминается в шуточном стихотворении Жуковского 1813 г. «Похождения или поход первого апреля» (в изд.: Жуковский. ПСС датировано 1814 г., что неверно. Жуковский не мог 1 апреля 1814 г. находиться в Черни, где написано стихотворение: Пасху, приходившуюся на 29 марта, он встречал с Протасовыми и Воейковым в Муратово, Плещеевы же в это время были в Ельце; см. письмо Воейкова и Жуковского к А. И. Тургеневу от 30 марта 1814 г. и письмо Жуковского к А. П. Киреевской от 16 апреля 1814 г.: Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. С. 111—113; Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной. С. 18—19).

Фор было что вспомнить и о праздниках, и о буднях своей русской жизни, и его воспоминания могли бы представлять исключительный интерес. Но он писал не воспоминания. Во второй и третьей частях своей книги Фор почти не пишет о себе, не упоминает никаких имен своих знакомых. Он полностью сосредоточен на создании образа страны, представляющей в настоящий момент реальную угрозу западной цивилизации, повторяя при этом как послушный ученик все общие места недружелюбной европейской россики. И здесь уместно задать вопрос, могли ли обстоятельства жизни Фора способствовать сколько-нибудь глубокому знакомству с Россией.

Этот вопрос трудно решить однозначно. Фор имел возможность хорошо изучить только одну, хотя и очень важную, составляющую русской жизни. Он познакомился с провинциальной помещицей Россией, причем в лучших ее проявлениях, — с Россией культурных «дворянских гнезд». Однако среда, в которой оказался Фор, сама по себе, кажется, препятствовала тому, чтобы у доктора мог сложиться достаточно адекватный образ страны в целом. Его окружало замкнутое, совершенно самодостаточное общество, целиком сосредоточенное на своих внутренних отношениях и заботах. Политикой здесь не интересовались, острые социальные темы вообще не поднимались, общественные вопросы занимали в жизни обитателей Муратова и Черни очень незначительное место, и социальный уклад, на котором основывалось все их существование, воспринимался как нечто само собой разумеющееся и пока еще не становился предметом рефлексии. Приятности чернской жизни не только не скрывали от взора европейца ее оборотной стороны, но едва ли не делали ее более очевидной.

Моим хозяевам, — пишет Фор, — принадлежало две тысячи четыреста душ мужского пола и достаточно земли, чтобы все они были на ней заняты; они имели от 55 до 70 тысяч рублей годового дохода. Таким образом, почти пять тысяч человек прозябали в бедности, чтобы выкормить и обогатить одно семейство, которое, несмотря на это, не достигло ни достаточного богатства, ни достаточно высокого положения в обществе. Этот доход почти полностью поглощался их деревенской жизнью, и значительная его часть уходила на содержание двора.⁵⁴

Француз не оставил без внимания и оборотную сторону пышных праздников Плещеева, устраиваемых силами крепостных музыкантов и танцоров. Упомянув о существовавшем в Черни оркестре, он замечает: «Я был немало удивлен, когда в первый раз услышал приказание выпороть первую скрипку, талантливого молодого человека;

⁵⁴ Faure. P. 203.

однако скоро я к этому привык: пороли альт, бас, контрабас, и ни я, ни тем более они не придавали этому значения»⁵⁵. «Я видел, — пишет он в другом месте книги, — как изящные чувствительные барышни, обладавшие прекрасным сердцем, хладнокровно приказывали подвергнуть кого-нибудь из своих людей телесному наказанию, потому что не могли вообразить, что этот человек способен чувствовать так же, как они...»⁵⁶

Вероятно, излишне требовать, чтобы молодой французский доктор был способен осмыслить то сочетание варварства и высокой культуры, которое открылось ему в русской жизни. При всем том он должен был отдавать себе отчет, что окружали его люди просвещенные, хорошо образованные, доброжелательные и в каком-то смысле глубоко нравственные. Интересы корысти, эгоистические побуждения, честолобивые виды были совершенно чужды обитателям Черни и Муратова. Кроме того, этих людей, при их явном нежелании посвятить себя государственной службе и достаточно очевидном равнодушии к хозяйственным занятиям, нельзя было обвинить и в праздности. Их повседневное существование было наполнено деятельностью, но деятельностью несколько особого свойства, направленной на совершенствование своего духовного мира и движимой неким туманным идеалом «прекрасной души» — семейно-провинциальным изводом дошиллеровского сентиментального типа «schöne Seele»⁵⁷.

А. П. Киреевская писала Жуковскому:

Ваша жизнь прекрасна, милый друг, и тогда даже, когда вы зеваете: «Владимир» может быть нужен для потомства, но не для украшения вашей жизни. Жить для добра, любить его при каждом дыхании, и в горести, и в счастии, жертвовать для него всем и беспрестанно иметь сердце, полное прелестною этою любовью, — милый друг, такая жизнь хороша и без славы и вся может почестся добрым делом. — «Владимир», прочие ваши будущие поэмы, послания, оды и прочее, все в моих глазах не цель вашей прелестной жизни, а занятия так, как чулок, картинка, соната наполняют несколько часов жизни Машиной⁵⁸, а не составляют жизни ее. Труд утешитель, конечно! — но потому, что им вы можете сообщать другим прекрасную душу свою, потому что она видна в каждой строчке, что им сохраняется и передается великая

⁵⁵ Ibid. P. 201—202.

⁵⁶ Ibid. P. 247.

⁵⁷ О различии сентименталистского и штюмерского вариантов понятия «schöne Seele» см., например: Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб., 1994. С. 34—35.

⁵⁸ Имеется в виду М. А. Протасова.

мысль, добро, чувство и что он делает душу способною к наслаждениям, покою и радости. — Но без прелести этой милой души ни труд, ни покой, ни занятия не были бы утешением!⁵⁹

Этот идеал был неразрывно связан с представлением о частном семейном счастье, в котором «прекрасная душа» только и могла проявиться вполне и к которому были направлены все стремления обитателей Муратова, Черни и Долбина, считавших его единственной достойной целью человеческой жизни⁶⁰. Когда Жуковский еще надеялся на союз с М. А. Протасовой, он писал в своем дневнике:

С нетерпением жду той минуты, в которую счастье даст мне новую жизнь. Это возможное преобразование самого себя радует меня наравне с тою надеждою, которая представляет мою Машу моим ангелом-спутником, участником чистой, невинной жизни. <...> И как теперь Маша для меня бесценна: только с нею такая жизнь для меня возможна. Не могу порядочно объяснить себе теперешнего моего понятия о будущем: какое-то темное предчувствие чего-то необыкновенно счастливого. Вижу перед собою самую тихую и вместе самую деятельную жизнь. Тихую, потому что она ограничится самым тесным кругом, где будет нашим свидетелем и судиею одна мать; деятельную, потому что вся обратится на себя — столько чувств, которые во мне погибали даром, вдруг получают свободу...⁶¹

Поместный домашний быт, с которым соприкоснулся Фор, по формам был вполне европейским, а его русские друзья, всеми силами пы-

⁵⁹ Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной. С. 101—102 (письмо от 10 июля 1815 г.).

⁶⁰ О таком счастье, обретенном ее сестрой в замужестве, А. П. Киреевская писала 9 ноября 1815 г. Жуковскому: «*Игнатъево* — то есть маленький *кастел* (укрепленный замок, от нем. *Kastell*. — *Е. Л.*) в обетованной земле, о котором некоторые листки говорят, будто она *terra incognita* <земля неведомая (*лат.*)>! — Тут наши оба! — Тут наши оба ленивые отшельники без всяких хлопот доказывают, что ее отыскать можно, что она не так-то далеко в *безвестном океане*, как иные воображают, что она на *твердой земле*, что без компаса, без бурных ветров, без туч, без звезд и просто при светлом сиянии тихого солнца ее найдешь, да и то еще подле себя! — Милый Жуковский! на них глядеть весело... Маленький их домик, только что построенный, без мебели, без всякого еще украшения, новое, совсем еще не заведенное хозяйство и беззаботное, счастливое наслаждение! — Катюшка моя таскает свое брюшко, смеется гримасам своего Амадиса, ходит из горницы в горницу, запирает и отпирает сама ящички с домашними припасами, вяжет свивальники, спорит об шахматах и поглядывает беспрестанно с милым взглядом на курносого героя» (Там же. С. 125; упомянутое *Игнатъево* — деревня Юшко-вых, где после свадьбы отстроили дом и поселились Азбукины).

⁶¹ Жуковский. ПСС. Т. 13. С. 58.

тавшиеся оградить от внешнего мира свой маленький семейный круг, вероятно, несказанно бы удивились, услышав о якобы неодолимой русской экспансии в Западную Европу. То, что видел вокруг себя Фор, явно требовало более глубокого социологического анализа. Но Фор не был ни мыслителем, ни политическим писателем. Он принес личные воспоминания в жертву концепции.

Впрочем, следы этих воспоминаний, кажется, можно найти на страницах его книги, но только в специфически трансформированном виде. Так, несомненно, впечатления от библиотеки Плещеевых легли в основу его характеристики частных книжных собраний в России:

В составлении своих библиотек, если они их имеют, русские руководствуются исключительно вкусом; они мало ценят, даже презирают занятия, в которых надо с трудом доискиваться истины, вместо того чтобы пустить свои мысли вослед игре воображения.⁶²

Далее Фор пишет о русском образованном дворянстве:

...едва ли кто из этих господ хотел быть ученым, физиком, натуралистом. Они не могут удержаться от жалостливой усмешки, произнося эти слова, которые приводят нас на память столько чудесных свершений человеческого духа и указывают последний приют, где он мог бы укрыться от угнетения. Но при том едва ли хоть один из них не видит себя автором романа, стихотворной пьесы, трагедии, которые можно писать везде и не теряя из виду трон и двор, куда их беспрестанно влечет обольщенное самолюбие или высокое представление о самих себе.⁶³

Невольно возникает мысль, что в этом пассаже косвенно имелся в виду Жуковский. Во всяком случае, литературные опыты остальных русских знакомых Фора не шли дальше шуточных стихов и записей в альбомы. В Муратове жил еще Воейков, но он в 1814 г. был озабочен не литературной славой, а получением профессорского места в Дерпте — ученой должности, которая в глазах француза не могла не связываться с представлением о постоянном усидчивом труде. Жуковский, правда, не писал трагедий, но еще не оставил мысли о создании исторической поэмы «Владимир»⁶⁴. Из письма И. И. Дмитриева от

⁶² Faure. P. 230.

⁶³ Ibid. P. 230—231.

⁶⁴ Замысел поэмы «Владимир» относится к 1810 г., но еще в середине сентября 1814 г. Жуковский интересовался у А. И. Тургенева: «Нет ли у тебя каких-нибудь пособий для “Владимира” — древностей, которые бы дали понятия о том веке, старинных русских повестей?» (Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. С. 125).

20 февраля 1813 г.⁶⁵ он узнает о высокой оценке вдовствующей императрицей «Певца во стане русских воинов» и желании ее на свой счет напечатать второе издание. Жуковский откликается на это известие посланием «Государыне императрице Марии Федоровне» («Мой слабый дар царица ободряет...»), над которым работает в марте — начале апреля 1813 г., не скрывая от друзей своих переживаний:

...все это меня чрезвычайно радует и порядочно шекочет мое авторское самолюбие, которое теперь беспрестанно жужжит мне на ухо словами моего доброго друга: пиши более и скорее. Буду, буду писать. Другого нечего и делать, ибо ничего другого не умею⁶⁶.

Осенью 1814 г. создается послание «Императору Александру», 1 декабря отосланное в Петербург. Известие о его торжественном чтении во дворце 30 декабря вскоре дошло до Черни⁶⁷. О своем представлении Марии Федоровне и великим князьям Николаю и Михаилу Павловичам Жуковский подробно рассказывал в письме к А. П. Киреевской из Петербурга от 11 июня 1815 г.⁶⁸

Жуковскому, впрочем, менее чем кому-либо можно было вменить в вину «обольщенное самолюбие», которое бы влекло его к придворным кругам. На протяжении долгого времени он упорно отклонял все попытки петербургских друзей вытащить его из сельской глуши в столицу. Однако в глазах Фора последовательный отказ поэта от службы мог только подтверждать сложившееся у него мнение о русском дворянстве:

Общественные посты, судейские должности, серьезные занятия, которые могли бы уничтожить или, по крайней мере, несколько переменить эту склонность ума и сердца к мечтательным крайностям, строго говоря, не существуют. Никто не хочет занимать незначительные должности, всеми презираемые...⁶⁹

⁶⁵ См.: *Дмитриев И. И.* Соч. СПб., 1895. Т. 2. С. 217.

⁶⁶ Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. С. 101 (письмо от 20 мая 1813 г.).

⁶⁷ Письмо А. И. Тургенева с рассказом о чтении послания у вдовствующей императрицы от 1 января 1815 г. (РА. 1864. № 4. Стб. 448—452) Жуковский получил 9 января, «садясь в кибитку и на отъезде в Москву» (см. его ответное письмо к Тургеневу от 25 января 1815 г.: Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. С. 135). Список с него он в тот же день отправил Плещеевым (см.: РА. 1864. № 4. Стб. 452).

⁶⁸ См.: Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной. С. 92—94. «Чтобы не описывать два раза одного и того же, — пишет Жуковский в конце письма, — начало моих здешних походов опишу к Плещеевым, и от них вы получите это письмо. <...> Это письмо и для Мишенского, и для двух Володьковских моих друзей» (Там же. С. 95).

⁶⁹ Faure. P. 231.

В результате, томясь от скуки в своей деревне, русский помещик, подавленный сознанием собственной бесполезности, предается печальным размышлениям.

Они становятся меланхоличны или склонны к самым грустным, самым мрачным переживаниям; они прямо падки на них. Это страна, где элегическим поэтам публикация их произведений доставляет, вероятно, наибольшее удовольствие, поскольку ни в какой другой стране Европы они не производят такого эффекта. Все сердца стеснены желанием излить печаль, все так и стремятся рассыпаться в патетических выражениях: все хотят писать или слушать стихи и чувствуют облегчение, когда им удастся доказать свою чувствительность.⁷⁰

Это, конечно, тоже отчасти навеяно жизнью Муратова и Черни, фон которой составляли элегические песни и романсы Жуковского.

Однако никто из русских знакомых Фор у точно не мог служить оригиналом нарисованного им портрета русского помещика. Фор описывает день хозяина усадьбы: медленно тянущееся время от завтрака до обеда и от обеда до ужина, сон днем, много водки, долгие вечера, которые как-то скрашиваются картами, пением крепостных или, редко-редко, чтением романов. Никаких занятий практических, поскольку все хозяйственные вопросы по имени возложены на управляющего. Никакого общения, поскольку усадьбы достаточно удалены одна от другой и, чтобы обменяться с кем-нибудь мыслями, следовало бы проделать слишком большой путь. Вообще разбросанность и протяженность этой страны крайне негативно сказывается на ее обитателях: «Значительную часть жизни они проводят в дороге; быть может, нет ничего более пагубного для умственного развития»⁷¹. Фор поднимается в своих рассуждениях даже до глобальных философских обобщений: «Мысль гораздо менее подвижна у обитателей стран пустынных, чем стран густонаселенных»⁷². Общая картина выглядит плачевно:

Их разум, оставленный без обработки, а способность к суждению — без упражнения, теряют всю свою силу и после нескольких лет этой праздной жизни столь ослабевают, что одна мысль хоть о каком-то занятии утомляет их, отталкивает, вызывает в них отвращение. Внимание их ни на чем не останавливается. Никакой предмет не может вызвать интереса и побудить к размышлению. Они неспособны думать, находясь сами с собой, и еще менее способны к общению. Им совсем не требуется чьего-либо присутствия, ведь это повлекло бы

⁷⁰ Ibid. P. 238—239.

⁷¹ Ibid. P. 230.

⁷² Ibid.

необходимость беседовать и приводить в движение свои закостеневшие в бездействии умственные способности.⁷³

* * *

Патетично заявив, что в семье Плещеевых он «нашел бы счастье, если бы оно существовало для человека, видящего, что отечеству его грозят великие беды», Фор характерным образом «проговорился». Внимательный читатель его книги не мог не заметить здесь противоречия: о каком вообще счастье в этой ужасной, варварской стране мог говорить житель просвещенной Франции. Противоречие существовало не только на страницах книги. Дело в том, что в этой варварской стране Фор задержался довольно надолго и уже, кажется, совершенно по собственной воле.

13 мая 1814 г. управляющий Министерством полиции С. К. Вязмитинов отдал распоряжение об отправлении на родину всех военнопленных. К июлю более 14,5 тысяч из них уже покинули Россию⁷⁴. Среди них был и генерал Бонами. В августе 1814 г. он вернулся во Францию, с сентября снова числился в службе и в завершение своей военной карьеры, при всей нелюбви к Наполеону, во время Ста дней еще раз повоевал за свою страну в императорской армии. Фор же, в отличие от Бонами, во Францию не торопился. 21 июня Жуковский послал А. И. Тургеневу в Петербург очредной перечень просьб и поручений и среди прочего писал:

Другая просьба о Плещеевых. Здесь есть пленный доктор Фор, которого они очень бы желали оставить у себя. Есть ли средство, и если есть, то какое? Уведомь об этом обстоятельно и поскорее.⁷⁵

Ответного письма Тургенева не сохранилось, но, поскольку в следующих письмах Жуковский своей просьбы не повторяет, видимо, Тургенев навел справки и объяснил, как следует действовать. Фор обосновался в Черни и, наверное, в попытках противостоять окружающей его мечтательной праздности решил усовершенствоваться в греческом языке. По требованию Жуковского А. И. Тургенев сбился с ног, пытаясь отыскать в Петербурге нужные доктору учебные книги⁷⁶. «...Посы-

⁷³ Faure. P. 229—230.

⁷⁴ См.: *Бессонов В. А.* Военнопленные Великой армии // *Отечественная война 1812 года: Энциклопедия.* М., 2004. С. 138.

⁷⁵ Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. С. 121.

⁷⁶ Письмо Жуковского к А. И. Тургеневу с первой просьбой о греческих книгах нам неизвестно; 27 августа Тургенев отвечал ему: «Поручение твое исполню. Посоветовавшись с греческим литератором, куплю нужные книги и по первой же почте постараюсь прислать их» (ИРЛИ, ф. 309, № 4713а, л. 34 об.). На протяжении следующих месяцев Жуковский несколько раз напоминал

лаю греч<еский> лексикон, греч<ескую> грам<матику> и греч<еское> (на древн<ем> и нов<ом> наречиях) Евангелие. Gail⁷⁷ найти не мог, но выписываю и пришлю тебе. Других книг греч<еских> здесь никаких и нет, ни в лавках, ни у приятелей; ибо мало занимающихся греч<ескою> словесностию», — писал он Жуковскому 13 ноября⁷⁸, но получил в ответ суровый выговор: «Книги греческие, выписываемые мною, не для меня, а для француза, не знающего ни по-немецки, ни по-русски. На что они будут годны, если они для русского и для немца?»⁷⁹

В начале января 1815 г. Воейков и Протасовы уехали через Москву в Дерпт, к месту новой службы Воейкова, и с ними отправился Жуковский. Но и после их отъезда жизнь в Орловской губернии текла по старому. Киреевская писала Жуковскому 15 апреля 1815 г.:

...доложу просто вашему высокоблагородию, что мы все живем по-прежнему в четырех стенах. Ездим из Мишенского в Долбино, из Долбина в Мишенское, из Мишенского в Игнатьево, из Игнатьева в Мишенское, из Долбина в Володьково, из Володькова в Долбино, из Долбина в Чернь, из Черни домой и прочие подобные неистовства, что мы точно так же носимся на тех же ногах, на которых и при вас носились...⁸⁰

Возможно, еще в Москве, где он пробыл до 7 марта, или уже в Дерпте Жуковский получил письмо от доктора Фора:

В ноябре месяце я обратился с прошением на имя г-на Вязмитинова, как мне сообщили исполняющего должность министра полиции, и просил его позволить г-ну орловскому губернатору оставить меня в качестве иностранного подданного во вверенной ему губернии до того времени, пока я оправлюсь от недомогания, помешавшего мне уехать во Францию с другими военнопленными. Я не получил ответа. Я прошу г-на Жуковского оказать мне услугу и получить это разрешение и, более того, разрешение, если мне понадобится, перемещаться внутри России. Это избавило бы меня от неприятностей в случае, если я буду должен сопровождать семейство в Петербург.

Тургеневу о своей просьбе. «Что Форovy греческие книги? Вспомнишь ли ты когда-нибудь об них и познакомишься ли хотя на минуту со стыдом?» — писал он 8 ноября (Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. С. 130).

⁷⁷ Имеется в виду греческая грамматика французского филолога-эллиниста Жана-Батиста Гея (1755—1829): *Cours de langue grecque ou extraits de différens auteurs, avec la traduction interlinéaire latine et française et des notes grammaticales*. Paris, an V—VII (1797—1798); *Nouvelle grammaire grecque*. Paris, an VII (1798) (к 1814 г. выдержала 8 изданий).

⁷⁸ ИРЛИ, ф. 309, № 4713а, л. 45 об.

⁷⁹ Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. С. 134.

⁸⁰ Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной. С. 60.

Нет необходимости повторять, что безотносительно этой просьбы всегда имею честь пребыть его покорнейшим слугой.

Не заботьтесь более о поиске греческих книг. Если бы они у меня были в начале зимы, я занялся бы этой зимой греческим языком, но теперь уже будет слишком поздно.⁸¹

По словам Фора, его отъезду воспрепятствовала болезнь. Однако ни в первом письме Жуковского к А. И. Тургеневу, ни в его переписке 1814—1815 гг. с А. П. Киреевской о болезни Фора не упоминается. Кроме того, недомогание, якобы удерживавшее Фора в России, почему-то не служило препятствием его поездке в Петербург. Фор, как увидим из приводимого ниже письма Киреевской, действительно был болен весной 1816 г., но вполне вероятно, что заболел он позднее, а болезнь в 1814 г. — только предлог, изобретенный для русских властей.

Так или иначе, А. И. Тургенев в Петербурге снова принялся хлопотать за Фора и обратился к М. Я. фон Фоку, правителю Особенной канцелярии Министерства полиции, в функции которой входило, в частности, наблюдение за иностранцами и выдача им виз и видов на жительство. В письме от 19 июля 1815 г. Жуковский торопил А. И. Тургенева:

...что отвечал тебе Фок о Форе? Прошу тебя уведомить меня на следующей же почте. Мне очень будет больно, если Фор не получит своего позволения ехать в Петербург к сроку. Плещеев, вероятно, будет туда в начале августа или в половине. Прошу тебя избавить меня от незаслуженного упрека и отложить на время свою лень и написать для дружбы несколько строк к Фоку.⁸²

Ответ, видимо, был получен благоприятный, но дело почему-то затягивалось: в письме от 4 августа из Дерпта Жуковский сообщает Тургеневу, что Фор «еще по сию пору ничего не получил от Вязмитинова»⁸³. Впрочем, поездка Плещеевых в Петербург в 1815 г. все равно не состоялась.

В 1864 г. П. И. Бартенев, комментируя имя Фора в публикуемых в «Русском архиве» письмах Жуковского, сообщил, что Фор «просил у военного министра Вязмитинова, чтоб его приняли на русскую службу без особого экзамена»⁸⁴. О желании Фора вступить в русскую службу пишет и П. А. Висковатов в примечании к своей публикации писем А. П. Киреевской⁸⁵. Эти свидетельства никак документально не под-

⁸¹ ИРЛИ, № 27895, л. 11—12 (без даты; оригинал по-франц.).

⁸² Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. С. 147.

⁸³ Там же. С. 149.

⁸⁴ РА. 1864. № 4. Стб. 453.

⁸⁵ РС. 1883. № 1. С. 199.

тверждаются, но вполне могут быть приняты во внимание. Не исключено, что и намерение Фора заняться греческим языком следует связать с подготовкой к экзамену, необходимому для получения права на врачебную практику в России.

В конце января 1816 г. А. П. Киреевская собралась к родным в Дерпт. В 40 верстах от дома ночью на реке лошади провалились в полынью. Киреевская чудом спаслась и добралась до Москвы, где тяжело заболела. Спустя некоторое время, еще больную, ее перевезли в Долбино, и у ее постели оказался неизменный Фор. 11 марта Киреевская отвечала на испуганные письма Жуковского:

Теперь вы на мой счет покойны, вы получили мои письма, прибавлю еще (ибо вы приказываете подробно описывать), что у меня теперь Фор, что он в третий раз уже всю меня облепил шпанскими мухами, что поит хиной, исландским мохом и прочей дрянью, что уверяет, будто через три недели я, конечно, перестану так глупо кашлять, что весною буду здорова <...>. Надеюсь, что вы беспокоиться не будете, зная меня в его когтях, — впрочем, такой доброты мудрено найти, он узнал не от меня, от посторонних, что я больна, и приехал, несмотря на сильную боль в ноге, которая половину дня его принуждает лежать в постели; — вечером, когда мне всегда бывает худо, он ухаживает за мной, как бы родной.⁸⁶

Сам Фор тем временем, кажется, оказался в странной ситуации. Вида на жительство в России он так и не получил и, наскучив бюрократической волокитой, решил все-таки ехать во Францию. Однако теперь ему и на это требовалось разрешение. В апреле 1816 г. Жуковский продолжал требовать от Тургенева «выхлопотать свободу Фору»⁸⁷. Тургенев отвечал, что «прежде еще просил уже о Форе, и <...> обещали дать ему свободу идти и ехать на все четыре стороны»⁸⁸. Но месяц спустя Жуковский вновь упрекал друга, что тот не думает «о пленных французских лекарях, которые просятся домой»⁸⁹. После этого упоминания о Форе исчезают из переписки Жуковского с А. И. Тургеневым и А. П. Киреевской. В декабре 1816 г. М. А. Протасова, готовившаяся к свадьбе с дерптским доктором И. Ф. Мойером, обещала А. П. Киреевской, которая все еще не могла окончательно оправиться после своей болезни, что Мойер ее «совершенно вылечит»⁹⁰. В январе 1817 г.

⁸⁶ Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной. С. 171.

⁸⁷ Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. С. 157.

⁸⁸ ИРЛИ, ф. 309, № 4771, л. 47.

⁸⁹ Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. С. 155 (письмо без даты; должно быть отнесено к концу мая).

⁹⁰ Уткинский сборник. С. 181.

Киреевская ездила к врачу в Козельск⁹¹. Вероятно, в это время Фора поблизости уже не было⁹². Во Францию он возвращался маршрутом, предписанным еще в 1814 г. всем бывшим военнопленным: без заезда в столицы, через Чернигов и Белосток⁹³.

По странному стечению обстоятельств, если появление Фора в Орле в 1813 г. пришлось на время наивысшего расцвета в жизни чернско-муратовского «дворянского гнезда», то отъезд доктора из России совпал с периодом ее угасания. Приехавшие в Муратово в конце июня 1817 г. Е. А. Протасова с дочерьми нашли только обломки прежней жизни. Мишенское стояло пустым, после того как в начале года А. П. Юшкова вышла замуж за капитан-лейтенанта Черноморского флота Е. В. Зонтага и уехала с ним в Николаев. В середине марта 1817 г. внезапно умерла Е. П. Азбукина⁹⁴. За пять дней до их приезда, 20 июня, в Орле скончалась А. И. Плещеева⁹⁵. Плещеев горевал и готовился к переезду из Черни в Петербург. Оставалась, правда, А. П. Киреевская, но она 4 июля венчалась с А. А. Елагиным и, поглощенная новой семейной жизнью, мало виделась с родными. «Кто мог вообразить, что приезд мой в Муратово будет время самое несчастное в жизни. Здесь точно ничего более для меня не осталось, точно дух смерти пролетел по родине», — писала М. А. Мойер (Протасова) Жуковскому⁹⁶. А год с небольшим спустя, в ноябре 1818 г., А. П. Елагина (Киреевская) получила от Жуковского только что написанное им стихотворение «Минувших дней очарованье...», заканчивавшееся строфой:

⁹¹ См. письмо М. А. Мойер (Протасовой) к А. П. Киреевской от 11 февраля 1817 г. (Уткинский сборник. С. 189).

⁹² Во французском биографическом словаре (*Dictionnaire de Biographie française*. Т. 13. Col. 770) указано, что Фор вернулся во Францию в 1814 г. Возможно, не имея точной информации, составители словаря проставили эту дату по аналогии, как год возвращения большинства пленных из России. В каких-либо официальных биографических источниках дата «1814 год» могла появиться, только если сам Фор не хотел впоследствии акцентировать внимание на своем слишком долгом пребывании в России. Дата, приведенная В. И. Сайтовым («около 1820» — см.: ОА. Т. 2. С. 513), очевидно неверна.

⁹³ См.: Faure. P. 305.

⁹⁴ Время смерти Е. П. Азбукиной устанавливается по письму М. А. Мойер (Протасовой) к А. П. Киреевской от 1 мая 1817 г.: «Мой ангел, сейчас получила твое письмо от 7 апреля, итак, полтора месяца прошло уже с ее смерти» (Уткинский сборник. С. 193; оригинал по-франц.).

⁹⁵ См. письмо М. А. Мойер (Протасовой) к Жуковскому от июля 1817 г. (Там же. С. 195).

⁹⁶ Там же.

Зачем душа в тот край стремится,
Где были дни, каких уж нет?
Пустынный край не населится!
Не узрит он минувших лет!
Там есть *один* жилец безгласный,
Свидетель милой старины!
Там вместе с ним все дни прекрасны
В единый гроб положены.

К этой строфе Жуковским было сделано лаконичное примечание:
«Этот край — Чернь!»⁹⁷

* * *

Что касается Раймонда Фора, то дальнейшая его жизнь, похоже, сложилась вполне удачно. Как видим из рецензии «Revue Encyclopédique» на «Воспоминания о Севере», к 1822 г. Фор уже приобрел репутацию «одного из самых известных» докторов Бордо. Правда, в следующем году он вернулся на военную стезю. Бывший наполеоновский офицер теперь воевал под знаменами Священного союза: 7 апреля 1823 г. в качестве врача одного из военных госпиталей Фор вступил с французской армией в Испанию. Эту кампанию Фор завершил благополучно, и результатом ее стало появление в 1831 г. в Париже книги «Воспоминания о Юге, или Испания, какой она является в своем политическом и монархическом правлении». Само заглавие свидетельствует, что книга писалась в пандан к «Воспоминаниям о Севере». Как и в книге о России, очерк политического и нравственного состояния Испании Фор предварил рассуждениями о физической географии страны и различных ее областей, о ее климате, о жителях Испании, их внешнем облике, одежде, образе жизни и даже о болезнях, которым они подвержены. Коснулся он и некоторых важных событий испанской истории. Аналогию между двумя книгами можно провести и в отношении их автора к описываемым им странам — несколько свысока, с позиций просвещенного носителя европейской цивилизации (Фор, похоже, так и не задумался, насколько подходит эта роль человеку, входящему с оружием в чужую страну). Общей для обеих книг была и демократическая тенденция автора, но с одним существенным отличием. В «Воспоминаниях о Севере» Фор с негодованием и отвращением описывал рабство как социальный и политический институт и одновременно выступал против страдающего от этого рабства народа, изображая его как реальную угрозу для существования Европы. «Воспоминания

⁹⁷ Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной. С. 204.

о Юге», напротив, писались им как бы «в пользу» народа, «который всеми силами пытаются отделить от остальной Европы», и против его «алчных опекунов», не желающих признать, что их подопечный «уже давно достиг возраста совершеннолетия»⁹⁸. В дальнейшем Фор ничего, кроме медицинских сочинений, не писал. После испанской кампании он служил в учебном военном госпитале Страсбурга, где с 1838 г. до своей отставки в 1846 г. возглавлял кафедру внутренней патологии. Умер он в Бордо 30 мая 1850 г.

* * *

Книга Р. Фора «Воспоминания о Севере» появилась у парижских книгопродавцев в конце августа 1821 г., а уже в первых числах октября А. И. Тургенев сообщал П. А. Вяземскому: «Я получил “Les souvenirs du Nord”, par le medecin Lefauve⁹⁹, что был в Орле с Плещеевым, Тепловым¹⁰⁰ и прочими. Много справедливого о России»¹⁰¹. «Француза я не читал: пришли, если можно», — писал Вяземский в ответ 10 октября¹⁰². 19 октября он еще раз повторил свою просьбу¹⁰³. Вероятно, вскоре после этого Тургенев отправил ему «Воспоминания о Севере», во всяком случае, в переписке Вяземского с Тургеневым они больше не упоминаются. В России книга Фора была за-

⁹⁸ Faure R. Souvenirs du Midi, ou l'Espagne telle qu'elle est sous ses pouvoirs religieux et monarchique. Paris, 1831. P. III.

⁹⁹ «Воспоминания о Севере», написанные доктором Лефором (франц.).

¹⁰⁰ Алексей Григорьевич Теплов (1857 ? — 1826) — гражданский губернатор Слободско-украинской (1797—1798) и Киевской (1800) губерний, сенатор (с сентября 1801), почетный опекун в Петербурге (с 1802) и управляющий делами петербургского Вдовьего дома (1803). Общение его с Жуковским и Плещеевыми в 1813—1816 гг. никакими источниками не подтверждается, тем не менее Тургенев, видимо, не ошибается. Выйдя в отставку в 1813 г., Теплов жил в Орловской губернии, где ему принадлежало имение Молодовое в Карачаевском уезде, в 1818—1821 г. был орловским губернским предводителем дворянства. Дочь Теплова Екатерина была замужем (с 1834) за декабристом Захаром Григорьевичем Чернышевым (1797—1862), племянником А. И. Плещеевой. По свидетельству Д. Н. Бантыш-Каменского, Теплов «имел лучшую музыку в России, им образованную, и сам прекрасно играл на скрипке» (*Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей русской земли. М., 1836. Ч. 5. С. 137—138; о Теплове см. также биографич. справку В. И. Саитова: ОА. Т. 2. С. 514*). Несомненно, именно Теплова имел в виду Фор, когда упомянул жившего в соседнем городе сенатора, имевшего, может быть, лучших в России музыкантов, которых он собственноручно бил до и после концертов (см.: Faure. P. 202).

¹⁰¹ ОА. Т. 2. С. 214.

¹⁰² Там же. С. 215.

¹⁰³ См.: Там же. С. 218.

прещена для ввоза и продажи¹⁰⁴, и маловероятно, чтобы она попала в руки кому-нибудь из его русских знакомых¹⁰⁵.

2 февраля 1823 г. Вяземский сообщил Тургеневу, что его «вызывают быть русским корреспондентом редакции» парижского журнала «*Revue Encyclopédique*»¹⁰⁶. Уволенный из службы в апреле 1821 г., Вяземский уже полтора года жил в Москве и своем подмосковном Остафьеве под негласным полицейским надзором¹⁰⁷. Его оппозиционные настроения достигли апогея. Своего рода литературным манифестом его либерализма стало написанное еще в Варшаве в ноябре 1820 г. стихотворение «Негодование». Это, по мнению А. И. Тургенева лучшее, произведение Вяземского, разумеется, не могло быть напечатано¹⁰⁸.

¹⁰⁴ См.: Общий алфавитный список книгам на французском языке, запрещенным иностранною цензурою *безусловно и для публики* с 1815 по 1853 год включительно... СПб., 1855. С. 119.

¹⁰⁵ Жуковского осенью 1821 г. в России не было — он возвратился из своего первого заграничного путешествия только 6 февраля 1822 г., и к этому времени «Воспоминания о Севере» были уже скорее всего у Вяземского. Живший в Петербурге А. А. Плещеев не принадлежал к числу близких друзей Тургенева, и в отсутствие Жуковского они выделялись не часто. С. А. А. Воейковой влюбленный в нее в тот момент Тургенев вряд ли стал бы обсуждать французское политическое сочинение.

¹⁰⁶ ОА. Т. 2. С. 298.

¹⁰⁷ В августе 1817 г. Вяземский был назначен чиновником для иностранной переписки в канцелярию Н. Н. Новосильцева (представителя Александра I при Совете, управляющем Царством Польским, с 1821 г. — советника наместника Царства Польского); с весны 1818 г. служил в Варшаве, был переводчиком с французского речи Александра I на открытии польского сейма 1 марта 1818 г., в 1818—1820 гг. участвовал в работе комиссии по подготовке проекта русской конституционной хартии (Уставной грамоты). В апреле 1821 г., во время поездки в Петербург, Вяземский получил уведомление, что ему запрещено возвращаться в Варшаву. Причиной его высылки стали откровенные либеральные разговоры и антиправительственные высказывания. Так, по словам варшавского знакомого Вяземского И. Фовицкого, Вяземский говорил «встречному и поперечному о свободе, о деспотизме и проч.», «распространялся» об этом «даже у Нов<осильцева> публично, при лакеях» (цит. по: *Ланда С. С. О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России. 1816—1821 гг.: (Из политической деятельности П. А. Вяземского, Н. И. и С. И. Тургеневых, М. Ф. Орлова) // Пушкин и его время: Исследования и материалы. Л., 1962. Вып. 1. С. 200*). О стремительной эволюции политических взглядов Вяземского в варшавский период его жизни см. также: *Лотман Ю. М. П. А. Вяземский и движение декабристов // Тр. по русской и славянской филологии. III. Тарту, 1960. С. 50—82 (Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 98)*.

¹⁰⁸ См. письмо А. И. Тургенева к Вяземскому от 19 января 1821 г. Далее Тургенев прибавляет, что в Петербурге, «кроме оригинального экземпляра, ни одного не будет», и даже читать он станет «Негодование» немногим — «это совет благоразумия» (ОА. Т. 2. С. 140, 142).

Но и многие гораздо более безобидные стихотворения Вяземского не пропускались цензурой. Как критик и публицист Вяземский тоже не мог выразиться вполне. Даже чисто литературные его статьи если вообще выходили в свет, то обязательно с изъятиями и искажениями. В 1819 г. была запрещена статья «О новых письмах Вольтера»¹⁰⁹, в 1822 г. петербургская цензура остановила направленную против М. Т. Каченовского полемическую заметку «О двух статьях, напечатанных в “Вестнике Европы”». Потерявший терпение Вяземский в январе 1823 г. обратился в Главное правление училищ с жалобой, в которой изложил свои причины «к неудовольствию на притеснение авторских прав, высочайшим постановлением утвержденных и ныне отъемлемых <...> цензором Красовским»¹¹⁰. Жалоба дошла до министра просвещения¹¹¹, но, кажется, так и осталась без официального ответа. В этой ситуации предложение сотрудничать в европейском либеральном журнале имело особую привлекательность.

На протяжении полутора лет Вяземский пытался приспособить к печати свое «Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева»¹¹². В том же письме к А. И. Тургеневу от 2 февраля 1823 г., где он говорил о своем приглашении в «Revue Encyclopédique», Вяземский сообщал, что подготовил очередной исправленный по замечаниям Вольного общества любителей российской словесности вариант статьи о Дмитриеве, и предупреждал: «Или цензура все пропустит, или ничего не напечатаю, разумеется, здесь. Но тогда переведу ее с помощью других на французский язык и напечатаю в Париже, как памятник нашего варварства. Клянусь честью, что это сделаю»¹¹³.

20 июля 1823 г. датировано письмо Вяземского к редактору «Revue Encyclopédique» М.-А. Жюльену:

Отъезд одного из моих друзей в Париж предоставляет мне сегодня возможность сообщить Вам некий несовершенный опыт, которому тем не менее, как я думаю, можно было бы дать надлежащее употребление. Чтение книги г-на Фора о России, изданной в 1821 году и, кстати заметить, у нас запрещенной, вызвало у меня ряд соображений, которые я набросал на бумагу. Прекрасно понимаю, что разбор мой несовершенен, что слог недостаточно выработан (не го-

¹⁰⁹ См. ниже примеч. 37 к тексту статьи Вяземского.

¹¹⁰ РА. 1896. Т. 2, № 6. С. 295.

¹¹¹ См. об этом в письме С. И. Тургенева к Вяземскому от 22 февраля 1823 г.: ОА. Т. 2. С. 300.

¹¹² Подробнее см.: Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 84–94.

¹¹³ ОА. Т. 2. С. 298.

ворю уже об ошибках в языке, которых как иностранец я не мог из-бегнуть), что, может быть, и вся пьеса в целом требует перекройки, а главным образом, понимаю, что должен был по крайней мере, хотя бы из приличия, послать Вам верный и аккуратный список этой невыверенной и написанной наспех статьи. Однако поспешный отъезд того, в чьи руки она вручается, не оставляет мне времени удовлетворить этим требованиям. Как видите, я рассчитываю на Вашу снисходительность. Оправданием мне служит мое безграничное к Вам доверие. Я ободряю себя мыслью, что, если мои соображения, продиктованные глубоким чувством любви к своему отечеству, покажутся и Вам заслуживающими какого-то внимания, вы легко сможете придать им вид, достойный публикации. Вы найдете на полях рукописи многочисленные пометы, сделанные моими друзьями: они часто могут служить дополнением к тексту и выражают мнения здравомыслящие и полные истины.¹¹⁴

Далее Вяземский просил в случае публикации статьи не оглашать имени автора, а если Жюльен найдет статью не соответствующей плану журнала, предоставлял редактору право употребить ее так, как он сочтет удобным, «опубликовав ее в приложение к какому-нибудь труду, посвященному России, или отдельно, или любым другим образом»¹¹⁵.

Рукописи французской статьи Вяземского «Замечания на книгу доктора Фора “Воспоминания о Севере”» сохранились в его бумагах. Они представляют собой черновой автограф и список рукой В. Ф. Вяземской. Список, по всей видимости, был сделан непосредственно с экземпляра, отправленного в «Revue Encyclopédique»: некоторые размещенные на полях рукописи В. Ф. Вяземской примечания производят впечатление не собственно примечаний к тексту, а скорее намеченных дополнений и заметок при чтении. По-видимому, они в большинстве своем принадлежат не Вяземскому (не случайно их нет в черновом автографе), а точно воспроизводят те пометы его друзей, о которых упоминал Вяземский в письме к Жюльену. Кто были эти друзья, первые читатели статьи, неизвестно. С уверенностью можно предполагать, что среди них был М. Ф. Орлов, который к Пасхе 1823 г. (22 апреля) приехал из своей калужской деревни в Москву и пробыл там до 30 мая¹¹⁶. Мог быть в их числе и П. Я. Чаадаев, с которым до его отъезда в конце мая 1823 г. в Петербург и потом за границу Вяземский встречался в Москве. Ко времени работы над статьей следует отнести и обширные выписки из «Воспоми-

¹¹⁴ Два письма князя П. А. Вяземского / Подгот. Ю. П. Иваск // Русский литературный архив. Нью-Йорк, 1956. С. 44 (оригинал по-франц.).

¹¹⁵ Там же. С. 45.

¹¹⁶ См. в письмах Вяземского к А. И. Тургеневу сообщения о приезде и отъезде Орлова: ОА. Т. 2. С. 313, 327.

ний о Севере», занимающие шестнадцать страниц в третьей записной книжке Вяземского (первые две с половиной страницы — рукой самого Вяземского, далее — рукой В. Ф. Вяземской) и сопровождающиеся его полемическими замечаниями¹¹⁷.

Почему именно «Воспоминания о Севере», книга достаточно заурядная, наполненная штампами и представляющая своего рода компендиум расхожих представлений о России, были избраны Вяземским темой его первой статьи в «Revue Encyclopédique»? Видимо, здесь сошлись разные причины.

Неоригинальность и поверхностность суждений Фора должна была быть воспринята Вяземским тем более остро, что он читал «Воспоминания о Севере» практически одновременно с «Десятью годами в изгнании»¹¹⁸ и имел перед глазами пример г-жи де Сталь, так же, как и Фор, приехавшей в Россию с некоторым набором общеевропейских расхожих представлений, но в своей книге постоянно отмечающей «несовпадение реальности с готовыми концептуальными схемами, как чужими, так и своими собственными»¹¹⁹. В одном месте своей статьи Вяземский прямо сопоставляет мнения Фора и г-жи де Сталь. Несомненно, этим же сопоставлением навеяно и открывающее статью рассуждение о двух типах путешественников — путешественников, находящихся в плену «принужденных гипотез»¹²⁰ и движимых недоброжелательством и предрассуждениями, и тех, кто с беспристрастием и чистосердечием желают изучить страну. Однако именно «Воспоминания о Севере» были рекомендованы тем же «Revue Encyclopédique» французскому читателю

¹¹⁷ Расположены в записной книжке между записями о посещении Нижегородской ярмарки в августе 1822 г. и о поездке в Мещерское и Пензу в декабре 1827 — январе 1828 г. (см.: *Вяземский П. А. Записные книжки. (1813—1848)* / Изд. подгот. В. С. Нечаева. М., 1963. С. 104—107 (Лит. памятники)). «Выписаны по преимуществу характеристики разных слоев русского народа: крестьян, дворовых, помещиков, но главным образом описание тяжелого положения крепостного крестьянства, его униженного рабского состояния, жестокого обращения с ним владельцев и власти. Много места уделено также изображению низкого культурного уровня помещиков, описанию их времяпровождения, сводящегося к еде, выпивкам и грубым забавам» (Там же. С. 404, коммент. В. С. Нечаевой).

¹¹⁸ В письме к А. И. Тургеневу от 12 октября Вяземский сообщал, что читает «Десять лет в изгнании» и находит это сочинение «любопытным и занимательным» (ОА. Т. 2. С. 216).

¹¹⁹ *Мильчина В. А. Жермена де Сталь и ее «философическая география» // Сталь Ж. де. Десять лет в изгнании / Пер. с франц., статьи и коммент. В. А. Мильчиной. М., 2003. С. 34.*

¹²⁰ Здесь и далее статья Вяземского цитируется по публикуемому ниже переводу.

как источник верных сведений о «политическом и моральном состоянии русского народа», и это уже само по себе заслуживало возражений.

Но борьба Вяземского с европейским общественным мнением вовсе не имела целью защитить и «обелить» свою страну. «Мы все носим траур не по усопшем, а по нерожденному отечеству, — заметил Вяземский еще в 1819 г., — мы не оплакиваем отечество, а по нем плачем»¹²¹. Тема рабства, центральная в книге Фора, была в эти годы самой болезненной для Вяземского и его ближайшего окружения. Надежды на сколько-нибудь радикальные изменения в существующем положении дел к 1823 г. практически исчезли. «В конце царствования Александра, — писал Н. И. Тургенев, — общественное мнение было в куда большей степени проникнуто либеральными устремлениями, чем в первые годы, но теперь их не разделял император: нация шла вперед, государь же, наоборот, двигался вспять»¹²². Явным доказательством этого движения вспять для Вяземского, как и для братьев Тургеневых, стала их неудавшаяся попытка учредить весной 1820 г. общество для обсуждения крестьянской реформы¹²³. Знал Вяземский и о судьбе положенной под сукно записки Н. И. Тургенева «Нечто о крепостном состоянии в России»¹²⁴, и о неудаче, постигшей А. И. и Н. И. Тургеневых, когда они пытались провести в Государственном совете закон о запрещении продажи крепостных порознь и без земли¹²⁵. Взгляд Фора на русское «рабство» как главную беду и «болезнь» России, таким образом, не мог вызвать возражений. В вопросах же о корне зла и способах лечения этой «болезни» Вяземский с французским автором принципиально разошелся.

¹²¹ ОА. Т. 1. С. 349 (письмо к А. И. Тургеневу от начала ноября 1819 г.).

¹²² *Тургенев Н. И.* Россия и русские / Пер. с франц. и ст. С. В. Житомирской. М., 2001. С. 248.

¹²³ См. ниже примеч. 14 к тексту статьи Вяземского.

¹²⁴ Была заказана генерал-губернатором Петербурга графом М. А. Милорадовичем. С предложением написать записку к Н. И. Тургеневу обратился его адъютант Ф. Н. Глинка. «Трудясь над запиской, я изо всех сил старался умерить ужас, который внушало мне рабство... — вспоминал впоследствии Н. И. Тургенев. — Впрочем, я чувствовал, что если бы император желал полного освобождения, он наверняка взял бы инициативу в свои руки, поэтому если вместо нескольких легко осуществимых мер я предложу ему радикальное и последовательное решение, то записка моя может прийтись ему не по вкусу» (*Тургенев Н. И.* Россия и русские. С. 254). Записка была передана Глинке 4 января 1820 г. и вскоре представлена императору. «Впоследствии я узнал, — пишет Н. И. Тургенев, — что император, прочтя записку, высказал генералу свое удовлетворение; государь говорил с воодушевлением, как это обычно случалось, когда он касался вопроса о крепостном праве» (Там же).

¹²⁵ См. об этом: Там же. С. 213—217.

Фор писал, что ликвидации рабства в России должен предшествовать длительный период просвещения народа, причем проводимого исподволь и «хитростью», поскольку, по мнению доктора, русский народ и не готов, и вообще не восприимчив к просвещению. Вяземский, не питавший особенных иллюзий относительно успехов представительного правления в России¹²⁶, тем не менее решал вечный спор о том, что первично, свобода или просвещение, в пользу свободы. Он достаточно убедительно опроверг обвинения, предъявленные Фором русскому народу, но суть была даже не в этом, а в том, что он вообще вывел народ из-под суда, переложив всю ответственность за происходящее в России на правление, которое «порочно и по сути, и по форме». На совести этого правления в конечном счете лежало и то, о чем как-то забыл Фор, но что Вяземского волновало не меньше, чем вопрос о политической свободе, — отсутствие в России свободы гражданской, в первую очередь свободы печати. Написанная Вяземским статья, несомненно, является наиболее резким из всех его полемических выступлений 1810—1820-х гг. и едва ли не единственным опытом не литературной, а чисто политической публицистики.

Статья была послана в «Revue Encyclopédique» 20 июля 1823 г., но написана, вероятно, раньше, в феврале—марте, вскоре после приглашения к сотрудничеству в журнале. Для ее пересылки требовалась очень надежная оказия, которую приходилось ждать. В письме к Жюльену Вяземский говорит, что посылает статью с «одним из друзей». Этим другом, которому Вяземский вверил судьбу своего европейского литературного дебюта, был отправлявшийся в заграничное путешествие отставной полковник л.-гв. Московского полка Григорий Александрович Римский-Корсаков¹²⁷.

¹²⁶ «Правительство наше, как ребенок, шалит и говорит: “Никто не увидит!” — писал Вяземский А. И. Тургеневу 17 марта 1819 г. — Пора, пора приставить к нему в дядьки представительство народное; пусть дядька будет и глуповат, но все дитя будет немного помирнее. Беда только, как дядька не забудет, что он из рабов, и станет на все говорить: “Ваша господская воля”. Вот этого одного боюсь, а глупости меня не пугают» (ОА. Т. 1. С. 204).

¹²⁷ Г. А. Римский-Корсаков (1792—1852) — второй сын камергера Александра Яковлевича (ум. в 1814 или 1815) и Марии Ивановны (урожд. Наумова; 1764 или 1765 — 1832) Римских-Корсаковых, участник войны 1812 г. и европейской кампании, отличившийся под Бородином, Тарутиным и Малоярославцем, за храбрость в Лейпцигской битве награжденный золотым оружием, дошедший с гвардией до Парижа и имевший репутацию либерала и «беспокойного человека». После «семеновской истории» осенью 1820 г. командующий гвардейским корпусом И. В. Васильчиков назвал императору имя Корсакова в числе тех офицеров гвардии, кто особенно много «болтает». В это же время Александру I стало известно какое-то перлюстрированное письмо Корсакова «в весьма дурном духе», и он распорядился перевести офицера из гвардии в армию. Корсаков подал в отставку и в феврале 1821 г. был уволен, причем, в виде особой немилости, «без мундира» (см.: *Гершензон М. О. Грибоедовская Москва*. 2-е изд. М., 1916.

18 июля 1823 г. он выехал из Москвы и на сутки задержался у князя в Остафьеве¹²⁸.

Благополучно доставив статью Вяземского в Париж к Жюльену, Римский-Корсаков в течение нескольких месяцев безуспешно хлопотал о ее публикации. 6 марта 1824 г. он сообщал Вяземскому, что редактор «Revue Encyclopédique», «кажется, боится, чтоб не запретили его журнал в северных странах, что бы было довольно простительно для человека, который имеет большую семью и не хочет лишиться нескольких десятков подписчиков». Впрочем, Римский-Корсаков предполагал и иную причину: «...не мудрено, если они и оттого не берутся, что это ответ их соотечественнику»¹²⁹. К этому времени Жюльен уже сам написал Вяземскому, видимо объяснив причины, по которым не могут увидеть свет его замечания на книгу Фора, и уточнив, какого рода журнальный материал он хотел бы получать из России. Ответ Вяземского из Остафьева помечен 21 мая.

С истинным удовлетворением имел я честь получить ваше письмо от 1 марта 1824 г. в ответ на мое прошлогоднее. Ваше доверие мне льстит, и я был бы счастлив, если бы имел возможность дать на него ответ, достойный вас и вашего периодического издания. Но, по совести, вы просите невозможного, требуя сведений главным образом о фактах, которые могут характеризовать развитие и успехи цивилизации на нашей родине. Разве вы не знаете, что Россия находится в еще совсем младенческом возрасте и что говорить вам о ней — значит делать крайне жестокую критику той опеки, которая держит ее в состоянии запоздалого детства? Беседовать с вами о наших академиях, о наших ученых обществах, литературных, филантропических и т. д. — это значило бы составлять газетные статьи; но для этого надо сначала запастись совестью газетного писаки, на что я чувствую себя неспособным. Я вижу свою нацио-

С. 120—122). Г. А. Римский-Корсаков состоял членом Союза благоденствия, но в момент восстания находился за границей и по высочайшему повелению был «оставлен без внимания» (см. о нем: Декабристы: Биогр. справ. С. 156—157). Вяземский называл Римского-Корсакова человеком замечательным «по многим нравственным качествам и по благородству характера» (*Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1882. Т. 7. С. 170).

¹²⁸ См.: Гершензон М. О. Грибоедовская Москва. С. 136.

¹²⁹ Цит. по: Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 95. См. также: Неизданные письма Грибоедова. II. Письмо Грибоедова П. А. Вяземскому / Публ. В. С. Нечаевой // ЛН. М., 1946. Т. 47—48. С. 238—239 (здесь письмо цитируется В. С. Нечаевой по черновику из архива Римских-Корсаковых). Корсаков не скрывает своего удивления и досады, говоря, что уже четыре месяца не может добиться внятного ответа от Жюльена, и прибавляет: «...одним словом, мы в Москве слишком хорошо думали об его особе, читая “Revue Encyclopédique”».

нальную гордость не в том, чтобы торжествовать по поводу того, что у нас есть, а в том, чтобы сожалеть о недостающем. Я не принадлежу к нищим, старающимся выставить напоказ богатства, которых они не имеют, а скорее принадлежу к тем, которые нарочно показывают свои лохмотья, потому что считают себя достойными лучшей судьбы. И все мои благомыслящие соотечественники, конечно, разделяют мое мнение. <...>

Несомненно, что, заснув в пеленках нашей кормилицы, в один прекрасный день мы проснемся взрослыми. До той поры предоставим наемным панегиристам или тем, кто принимает слепое тщеславие за национальную гордость, хвастаться нашими успехами; мы, прочие, помолчим, если уже нам никак не позволено говорить правду.¹³⁰

Далее Вяземский сообщал Жюльену, что посылает «маленький литературный бюллетень» о русской поэзии и четыре выдержки из своей статьи «Известие о жизни и сочинениях И. И. Дмитриева», подчеркивая, что условием его сотрудничества в «Revue Encyclopédique» является полная анонимность, и призывал редактора к некоснительному соблюдению осторожности:

...удостоверено, что всякий русский или поляк, про которого узнают, что он состоит неофициальным корреспондентом каких-либо иностранных журналов, кончает тем, что попадает на плохой счет у правительства, даже если он и не преследуется за мнения, высказанные им в его писаниях. <...> Постарайтесь, пожалуйста, милостивый государь, проникнуться важностью этих соображений и избавить меня от неприятностей, которые могли бы последовать для меня из нашей переписки. Не нужно удивляться, если маленькие литературные сплетни могут сойти в глазах властей за государственное преступление и если им придадут такую важность, что станут разыскивать их автора всеми имеющимися в распоряжении Священного союза способами.¹³¹

В постскрипуме Вяземский не отказал себе в удовольствии несколько просветить Жюльена о судьбе его журнала в «северных странах»:

Знаете ли Вы, что номера вашего журнала в редком случае приходят к нам необезображенными ножницами цензуры! Большая часть книжек попадает к нам с изъятием нескольких листов!¹³²

¹³⁰ Цит. по: *Дурылин С. Н.* П. А. Вяземский и «Revue Encyclopédique» // ЛН. М., 1937. Т. 31—32. С. 94—95; текст французского оригинала письма см.: Два письма князя П. А. Вяземского. С. 47—50.

¹³¹ См.: *Дурылин С. Н.* П. А. Вяземский и «Revue Encyclopédique». С. 96.

¹³² Там же. С. 97.

Это письмо отправилось в Париж тоже с надежным человеком — князем Василием Федоровичем Гагариным, братом В. Ф. Вяземской, получившим, вероятно, устные инструкции по поводу ранее отосланной Жюльену статьи «Замечания на книгу доктора Фора...». Судьба ее окончательно проясняется одной иносказательной фразой в письме Вяземского к В. Ф. Гагарину в Париж, написанном с очевидной оглядкой на возможную перлюстрацию:

Что подельывает суп Жюльен Корсаковых? Я хотел бы знать, что бумаги и письма по этому поводу находятся в твоих руках и преданы огню, потому что иначе я боюсь разбудить спящую кошку.¹³³

Беспокойство Вяземского о «спящей кошке» было словно внушено роковым предчувствием — письмо к Гагарину датировано 13 декабря 1825 г.

Публикуемый ниже текст статьи Вяземского «Замечания на книгу доктора Фора “Воспоминания о Севере”» печатается по списку рукой В. Ф. Вяземской из Остафьевского архива (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1065). Примечания к тексту статьи, расположенные на полях рукописи В. Ф. Вяземской (см. о них выше), приведены под строкой. Там же отмечены сколько-нибудь существенные отличия чернового автографа (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 939а) от текста копии. Примечания публикатора имеют сквозную цифровую нумерацию и помещены после текста. Приношу искреннюю благодарность Н. Л. Дмитриевой и В. А. Мильчиной, много способствовавшим подготовке этой публикации.

¹³³ Цит. по: *Дурьлин С. Н.* П. А. Вяземский и «Revue Encyclopédique». С. 102—103.

Observations sur l'ouvrage du Docteur Faure, intitulé «Les Souvenirs du Nord»

Un voyageur n'a pas besoin d'être homme de lettres pour aspirer aux honneurs de la publicité*: aussi rien n'est si commun que les relations de voyages. Mais si le nombre de ces ouvrages est grand, combien est petit celui des voyages vraiment instructifs. Les voyageurs observateurs sont rares. Ordinairement on arrive dans un pays avec une opinion déjà toute faite; les notes que l'on prend sur les lieux ne servent qu'autant qu'elles sont propres, non à la rectifier, mais à l'étayer par des observations prises à la hâte. C'est en vain que l'évidence viendrait contrarier ces hypothèses obligées: le voyageur dirait avec l'abbé de Vertot: «Mon siège est déjà fait»¹, et repousserait la vérité qui le forcerait à se dépouiller de ses préventions. Le thème des voyageurs en Russie est préparé depuis longtemps; la malveillance l'a tracé, les préjugés le consacrent**. Beaucoup d'accusations contre la barbarie de la nation, des plaisanteries sur le compte de la superstition du peuple et un hommage de rigueur aux efforts infructueux que fait le gouvernement pour civiliser cette nation endurcie dans les habitudes de la barbarie et <dédaigneuse de>*** toute amélioration politique et sociale, voilà les bases principales sur lesquelles la plupart des voyageurs édifient l'échafaudage de leurs considérations sur la Russie. Une observation impartiale et faite de bonne foi, un désir sincère de connaître ce pays à fond, d'étudier les mœurs de la nation et d'avancer pour ainsi dire dans cette étude, sans s'arrêter aux extrémités saillantes qui sont pourtant les résultats de circonstances étrangères et accidentelles pourraient peut-être prouver avec succès que la vérité réelle est diamétralement opposée à cette vérité factice qui se présente au premier coup d'œil.

Mr Faure dont «Les souvenirs du Nord» vont être l'objet de cet article, n'a pas voulu malheureusement se tracer une nouvelle route: il a mieux aimé suivre le sentier battu; ses observations sur la Russie sont presque en tout fidèlement calquées sur les mille et un voyages ou pour mieux dire les mille et une nuits qui ont servi à entourer ce pays de ténèbres impénétrables. Il est

* *В автографе*: aux honneurs de la publication

** *В автографе*: l'usage le consacre.

*** *Слова, видимо случайно пропущенные в копии, восстанавливаются по автографу.*

fâcheux pour les Russes bien-pensants, que l'auteur n'ait pas voulu tenter une entreprise à laquelle il paraissait propre; quelques observations fines et justes répandues dans son ouvrage peuvent prouver qu'il était fait pour voir de ses propres yeux, sans se servir de ceux d'autrui. Une noble indignation, qui le pousse quelques fois à rembrunir même le tableau de l'esclavage des serfs en Russie, est faite pour lui concilier l'estime de tous ceux qui savent apprécier la dignité de l'homme; un sentiment généreux, qui répand de la chaleur sur plusieurs de ses réflexions et de ses vues philosophiques, dispose le lecteur à aimer l'écrivain qui réveille en lui des sentiments honorables. Je le répète, il est d'autant plus fâcheux pour les Russes bien-pensants et d'autant plus impardonnable à Mr Faure, d'avoir fait un ouvrage qui, loin de servir à la vérité, servirait, si malheureusement on y ajoutait une fois aveugle, à justifier le dédain de l'étranger et de quelques indigènes pour une nation qui ne serait point digne d'un meilleur ordre de choses. Vauvenargues a dit: «La servitude avilit l'homme au point de s'en faire aimer»². Il faut espérer que le peuple russe n'est pas encore arrivé à ce point de dégradation, ou que du moins il s'y trouve un grand nombre d'infidèles à cet objet de son amour.

L'ouvrage de Mr Faure est partagé en trois parties, sous les dénominations suivantes: «la Guerre», «la Russie» et «les Russes ou l'esclavage». Pour disculper en partie l'auteur d'avoir vu tout en noir, il faut rappeler qu'en 1812, qu'il a fait la connaissance de la Russie, et qu'attaché à l'armée de Napoléon, il avait choisi un *guide*, qui n'était pas fait pour présenter la Russie en beau aux voyageurs qui l'avaient suivi*.

J'aurai peu de choses à dire sur la partie de l'ouvrage qui traite de *l'aspect du pays, du climat, des vêtements*, etc. etc. — Les erreurs qui peuvent se glisser dans ces observations ne tirent pas à conséquence et ne servent point à calomnier une nation. L'auteur débute dans cette partie par avancer *que la Russie n'est ni un pays montueux, ni un pays plat*³. Cette assertion est faite pour étonner ceux mêmes qui ne connaîtraient de la Russie que sa carte géographique. Cette empire immense dans son étendue renferme pour ainsi dire un abrégé complet de tous les climats, de tous les sols, de tous les aspects. Plus loin, après avoir donné quelques traits spécieux sur l'aspect du pays, *telle est la Russie* dit l'auteur⁴. La même généralisation qui l'a porté à intituler son ouvrage «Souvenirs du Nord», tandis qu'il n'avait rapport qu'à un seul des pays septentrionaux, l'a induit ici à peindre la Russie dont il n'avait vu qu'un fort petit nombre de gouvernements**, comme il le dit lui-même dans les notes annexées au

* N'étant pas militaire, je passerai les huit premiers chapitres de l'ouvrage relatifs à la guerre de 1812. Je suppose d'ailleurs qu'un homme de l'art ne pourrait dans cette section trouver plus que moi sujet à observations. — *Примеч. в рукописи.*

** La Russie se divise en gouvernements comme la France en départements. — *Примеч. в рукописи.*

texte de l'ouvrage⁵. Je m'attacherai plutôt à relever quelques-unes de ces intentions* dénigrantes, qui sembleraient être dictées par la malveillance, si elles n'étaient, comme je l'ai dit plus haut, un effet de la prévention**. «Tout le peuple russe et les paysans eux-mêmes, — dit l'auteur, — se saluent très profondément, avec un air très respectueux***, avec ce qu'un appellerait ailleurs de la grâce, mais qui n'est ici que l'humble souplesse de l'esclavage»⁶. N'est-ce pas dénaturer l'origine d'un usage qui manifeste plutôt une franche cordialité, et si l'on veut en Russie rapporter tout à l'esclavage, pourquoi ne pas attribuer cette bienveillance réciproque à une fraternité de souffrances, jusqu'à ce qu'un avenir plus doux ne vienne rassurer ces lieux par la sympathie du bonheur. Le peuple russe en s'interpellant se donne le nom de frère; un jeune homme en adressant la parole à un vieillard lui dit *mon père*. La politesse du peuple russe n'a pas échappé à Mme de Staël; nous avons eu dans cette femme célèbre un interprète plus bienveillant et peut-être plus juste. «Je n'ai rien vu de barbare dans ce peuple, — dit-elle («Dix années d'exil»), — au contraire, ses formes ont quelque chose d'élegant et de doux qu'on ne retrouve point ailleurs. Jamais un cocher russe ne passe devant une femme de quelque âge ou de quelque état qu'elle soit sans la saluer, et la femme lui répond par une inclination de tête, qui est toujours noble et gracieuse»⁷. Plus loin on ne peut s'abstenir d'un mouvement de surprise, pour le moins, quand on voit l'auteur porter contre la classe des marchands une accusation véhémement, fondée sur le costume qu'ils adoptent l'*été pour paraître devant qui que ce soit*: «On voit, — ajoute-t-il, — que ce sont des hommes sans respect pour eux-mêmes et doublement méprisables, puisque n'étant pas esclaves par le fait, ils le sont par les sentiments»⁸. Et tout cela à propos de quelque négligence dans la mise! C'est en effet pousser trop loin le rigorisme des convenances et l'intolérance de la toilette. Il faut rendre à l'auteur la justice qui lui est due: en parlant du culte des images pratiqué en Russie, des superstitions communes à la classe ignorante de la nation**** et qui ne sont pas toujours étrangères aux individus des classes élevées, ils n'est pas loin d'avouer que les Russes en cela n'agissent guères différemment des autres peuples⁹. Il est à remarquer que nos habitudes superstitieuses sont plutôt privées que publiques. Notre église***** n'admet point les cérémonies dites religieuses usitées en Italie. M-Ile Le Normand n'aurait acquis en Russie, ni la célébrité, ni la fortune qui ont été le

* В автографе: insinuations

** В автографе: effet d'habitude

*** Cet usage existe aussi en Allemagne. — Примеч. в рукописи.

**** Исправлено по автографу, в копии, вероятно, описка: la classe ignorante de la nature

***** В автографе: Notre religion

prix de ses talents occultes¹⁰. Le prince Hohenloé n'y aurait point attiré par ses représentations thaumaturges la foule crédule qui se portait sur ses pas en d'autres pays¹¹. Si une odeur de mysticité se répand à la ronde, ce n'est point certainement la nation proprement dite, qui peut être accusée d'en être la complice ou la dupe.

Nous arrivons à la partie de l'ouvrage, qui mérite sous tous les rapports l'examen le plus scrupuleux et le plus approfondi, celle qui traite de l'esclavage. L'auteur plaide la cause de la liberté avec chaleur; il venge ses droits méconnus en citant le despotisme au tribunal de la raison et de la conscience. Ce but est honorable. Mais plaide-t-il avec art et surtout avec justice la cause du peuple* asservi à un joug honteux et pénible, quand il représente ce peuple sous les traits les plus hideux et les plus avilissants en accumulant sur la tête du pauvre paysan russe les épithètes *de paresseux, d'ivrognes, d'hommes sans honneur, sans mœurs, sans conscience; de voleurs, en affirmant que le peuple russe s'est laissé tomber dans la fange où il ne veut plus que se vautrer*¹². Ma main se refuse à retracer ces paroles outrageantes**. Ne sert-il pas la cause de ceux, qui feignent de croire le peuple indigne de la liberté, pour le retenir dans un esclavage, qui leur est profitable? Il n'est pas suffisant de dire, que c'est la forme du gouvernement qui l'a rendu tel. Cette espèce de justification pour le peuple en devient une aussi pour l'autorité, qui s'étayant de ce que les vices des siècles ne peuvent point être déracinés dans un jour, protège leurs progrès par son coupable inaction, colorée du nom de prudence et de sagesse. Si jamais <un> peuple fut digne d'une liberté sage et légale, c'est certainement le peuple russe. Voyez le paysan dans les gouvernements proprement dit russes*** et que Mr Faure a vu à peine, ce qui devrait l'empêcher de parler avec cette assurance; prenez, par exemple, l'habitant des bords du Wolga; actif, industrieux, intelligent, entendant ses intérêts, avec toute la justesse du gros bon sens, infaillible dans ses calculs, fort de corps et de jugement, rien ne manque à son bien-être, qu'une garantie légale de sa prospérité. Dans quelques gouvernements, sous la dépendance des seigneurs éclairés, il est même libre de fait sans l'être de droit. Vous trouverez aussi sans doute en Russie un grand nombre de villages où l'hideux esclavage règne dans toute son horreur. Mais vous en trouverez aussi où rien ne rappelle à votre esprit les traces de sa funeste influence. Bien des paysans font le commerce non seulement dans leurs villages et leurs bourgs, mais encore dans les capitales et étendent leurs entreprises jusque dans l'étranger. Les éléments de la liberté existent donc: ils

* *В автографе*: la cause du peuple russe

** *В автографе*: Ma plume a de la peine à retracer ces paroles outrageantes.

*** *В автографе*: les gouvernements proprement russes, mieux partagés de la nature

ne sont pas constitués, mais le débrouillement de ce chaos n'est nullement une chose impossible, ni même difficile; on peut répondre qu'il n'amènera point de secousses périlleuses, si toutefois cette réforme importante n'est ni arrachée par la violence, ni imposée par la pouvoir. Pour être tout à la fois légitime, stable et salutaire, elle doit être synallagmatique*. On se tromperait beaucoup si l'on supposait que ce n'est que l'intérêt pécuniaire des seigneurs, qui se trouverait lésé momentanément par l'affranchissement des serfs, ou si on ne l'envisageait que sous le point de vue philanthropique. Cet affranchissement se rattache à des intérêts de la plus haute importance** et serait le point de départ de grands développements qui y sont pour ainsi dire étouffés***. «L'Empereur et toute la noblesse désirent un changement», — dit le docteur Faure¹³. Si cette conformité de désirs était prouvée, je ne sais trop ce qui pourrait en empêcher l'exécution****. Ce n'est certainement pas les paysans qui s'y opposeraient*****. Il est de notoriété publique que plusieurs membres de la noblesse qui comptaient parmi eux des personnes aussi distinguées par leur naissance que par leur fortune, ont demandé au gouvernement l'autorisation de traiter la question de l'affranchissement des serfs, sauf à lui soumettre le fruit de leur travail et que le gouvernement n'a pas acquiescé à leur demande¹⁴. Il est plus que douteux d'un autre côté, que l'autorité s'occupe en silence de la résolution de cette question importante; ou du moins il faudrait avouer dans ce cas, que jamais gouvernement n'a su mieux garder un secret et donner à la nation le change sur ses desseins.

«L'Empereur ne pourrait modifier le peuple russe par force, il faudra qu'il le prenne par ruse», — dit l'auteur¹⁵. Ni par l'un ni par l'autre, mais par la bonne foi, par la force de persuasion, qui est bien autrement efficace, que la *persuasion de la force*. La ruse est bonne pour faire le mal: le bien n'a pas besoin de tant d'appâts. Pour se dispenser de le faire, on prétend que le bien doit s'opérer lentement et avec précaution, qu'un bien précoce est pernicieux. Dire qu'une nation n'est pas encore assez mûre pour être heureuse***** c'est

* *В автографе*: elle doit être le résultat de commun accord entre les parties intéressées.

** *В автографе*: à des intérêts politiques de la plus haute importance

*** *В автографе*: renfermés

**** Si le paysan russe aimait l'esclavage, la faute en serait à ses maîtres et au gouvernement, ce serait une raison de plus pour l'affranchir. Aime-t-on la peste? — *Примеч. в рукописи*.

***** *В автографе*: Si cette solidarité de désirs était prouvée, je ne sais trop ce qui pourrait en empêcher l'exécution ou ce qui pourrait du moins s'opposer à ce qu'en préparait les éléments de ce grand œuvre. Ce n'est certainement pas les paysans qui s'y opposeraient.

***** Il ne s'agit même pas de bonheur mais de justice; non pas du mieux mais du bien. Ce n'est pas le peuple, mais le gouvernement qu'on pourrait accuser de n'être pas préparé à l'affranchissement. — *Примеч. в рукописи*.

calomnier la Providence. Le renard de la fable trouvait que le raisin était trop vert¹⁶; les renards à sophismes prétendent que c'est nous qui sommes trop verts pour le raisin. Tous ses abus de mots ne trompent plus personne. Des hommes intéressés à protéger les enfances tardives, disent avec un regret comique, qu'il n'y a plus d'enfants parmi les hommes; on pourrait dire avec plus de justesse qu'il n'y a plus d'enfants parmi les nations*. Tout peuple est majeur pour jouir d'un bien qui lui revient. Les murailles de la Chine qui séparaient les états sont tombées, minées par le temps et par la raison. Si nous n'avons point d'expérience personnelle, nous avons celle d'autrui, qui peut y suppléer. Le faisceau de lumières qui éclaire l'humanité nous prête sa clarté comme aux autres; il ne s'agit que de l'appliquer. On aurait beau retenir un peuple dans les lisières de l'enfance, qu'on ne pourrait l'empêcher d'être le contemporain des nations placées sous la sauvegarde des lois et des trônes constitutionnels. On dirait qu'une nation a besoin d'être composée d'académiciens pour savoir apprécier le bienfait d'un tel régime, pour savoir que l'homme ne peut jamais être la propriété foncière d'un autre homme, que la traite des blancs est aussi intolérable que celle des noirs, et plusieurs autres vérités qui n'ont pas besoin d'être proclamées dans les livres pour retenir au fond des cœurs. «Il n'y a aucun doute que le mot de liberté serait mal entendu du peuple russe», — dit l'auteur¹⁷, il se trompe. Dans plusieurs villages, ceux des paysans qui ne sont pas employés par le maître aux travaux de la terre ou des fabriques, et paient uniquement une redevance au seigneur, sont familiarisés <pour> la plupart avec les formes électives; ce sont eux, qui se choisissent leurs chefs, dont la nomination est confirmée par le seigneur, ce sont eux qui annuellement se choisissent les autres fonctionnaires, et fixent d'un commun accord, dans les assemblées délibératives la quote-part que chacun doit payer pour former le revenu exigé par le seigneur. Certainement le fond de tout cela est esclavage; le caprice du maître peut d'un jour à l'autre faire peser sur eux le poids d'un arbitraire absolu; mais on voit cependant que des paysans habitués déjà à quelques formes de liberté, ne seraient nullement embarrassés, si la liberté même, venait les consacrer et leur donner de l'extension. D'ailleurs il y a déjà des exemples de paysans libres¹⁸.

On accusa le peuple en Russie de s'adonner à l'ivrognerie; mais qui doit en porter la majeure responsabilité? est-ce lui, qui tout entraîne à ce vice, ou le gouvernement qui l'exploite à son avantage et qui va sans aucune pudeur border les routes et infester les villages à son enseigne? Placé dans une singulière et funeste alternative, le gouvernement afin de pourvoir à la plus grande partie de ses dépenses, est obligé d'une main à pousser le peuple à cet excès, et de l'autre à châtier les victimes qui se livrent à cette passion et à tous les dérèglements qui l'accompagnent. On dit le peuple russe voleur. C'est le flétrir d'un vice qui lui

* *В астрографѣ*: Il n'y a plus d'enfants parmi les hommes; il n'y en a pas davantage parmi les nations.

est tout à fait étranger. Le paysan russe, le marchand, l'ouvrier est rusé, peu loyal dans tous les rapports d'intérêts; il tâchera d'abuser de votre confiance et de spéculer sur votre crédulité. Tel qu'un joueur fin et peu consciencieux, il ne se fera pas scrupule de vous duper en profitant de votre ignorance ou de votre aveuglement, mais il n'ira pas lâchement se rendre maître de votre argent. Les vols sont presque inconnus dans les campagnes: vous arrive-t il en voyageant d'oublier quelques effets ou votre bourse à la poste ou dans une cabane de paysan; de vous tromper en payant plus qu'il n'est dû, il est rare que l'on ne vous restitue le tout de bonne grâce. L'auteur accuse le peuple russe de paresse; sur quoi fonde-t il cette accusation? «Le peuple russe, — dit-il, — n'est pas moins paresseux d'esprit que de corps». Et quelques lignes plus bas pour prouver cette assertion, il ajoute: «derrière la chaise de son maître, pour le servir à table, ils oublient qu'ils y sont, ils s'y endorment; je les ai vus ronfler ainsi debout»^{*19}. Mais peut-on en conscience juger le peuple pour la valetaille, qui est à peu près la même dans toutes les nations et dans toutes les classes. Certes l'état de domesticité est peut-être encore moins propre que l'esclavage à développer les facultés intellectuelles de l'homme et à donner de la vigueur à son moral. L'auteur rapporte encore comme preuve de paresse l'exemple «d'un seigneur qui voulait faire monter une maison en bois qu'il avait achetée; huit hommes pouvaient terminer cet ouvrage en quatre jours, on mit trois mois à cette construction»^{**20}.

* Si les valets dorment debout derrière les chaises de leurs maîtres, c'est parce qu'il y en a plus qu'il n'en faut et qu'ils n'ont rien de mieux à faire. Placez une douzaine d'Allemands derrière trois ou quatre maîtres et vous verrez comme ils vont ronfler. — *Примеч. в рукописи.*

** Les huit hommes n'avaient pas besoin de se hâter. Il leur était indifférent de travailler au champ de leur maître ou à sa maison. Peut-être ce dernier travail était-il plus facile. Si Faure avait vu construire une maison par des ouvriers libres ou par les mêmes ouvriers mais payés, il dirait autre chose. Il y a deux êtres dans le serf russe, il y a l'homme et l'esclave; il travaille mal s'il travaille pour son maître, il fait des merveilles quand il est payé.

En général Faure n'a pas su voir qu'outre l'action indirecte de l'esclavage qui corrompt et défait le caractère national, il y avait encore son action immédiate qui déplace les hommes et leur facultés, qui leur fait faire un travail puéril et qui n'a aucun rapport ni avec leur goût ni avec leur capacité, ce qui doit produire un travail lent et mauvais.

Le Russe n'est paresseux que quand il est misérable, et c'est tout simple, c'est le cas partout; mais aussitôt qu'on lui a laissé acquérir quelque aisance, c. à d., s'il a obtenu quelque liberté, il devient tout autre. C'est là une observation que Faure n'a pas été dans le cas de faire, parce qu'il n'a vu que des paysans du régime de la corvée (издол<ьных>); s'il avait vu des paysans <пропуск в рукописи> (оброч<ных>) dont il ne parle que par ouï-dire, il aurait changé d'avis (s'il disait qu'ayant vu des paysans de la couronne il a vu le paysan le plus libre — ce serait faux; il est serf comme tous les autres et il s'en faut qu'il soit le mieux partagé de tous)²¹, et remarquez que c'est de beaucoup le plus grand nombre. Tous les jugemens du docteur pèchent par ce défaut; il n'a vu qu'une province et une seule classe de paysans. Il y a parmi eux une infinité de degré de liberté et d'aisance et partant de civilisation. Cette règle d'ailleurs s'adaptant à tous les pays, Faure est d'autant plus coupable de ne l'avoir pas observé. — *Примеч. в рукописи.*

Cette exception ne peut pas servir de règle, car il est constant que les maisons en bois et en briques s'élèvent en Russie comme par enchantement et pour ainsi dire d'un jour à l'autre*. Pour dernière preuve il cite l'exemple des femmes qui entreprennent de longs pèlerinages pendant l'été et vont, des endroits les plus reculés à Kieff pour adorer les reliques** 24. Cet usage peut prouver toute autre chose, mais non la paresse. La paresse est le goût de l'inaction: quelqu'un qui entreprend un long voyage à pied, se résout à braver les fatigues d'une marche longue et pénible et les intempéries des saisons, donne au contraire des preuves d'une activité, qui pourrait, si l'on veut, être employée avec plus d'utilité, mais n'en est pas moins réelle.

L'auteur prétend, qu'on ne trouverait pas parmi les paysans *un homme qui sache tailler un arbre*²⁶. Les paysans russes sont au contraire remarquables par leur aptitude à toute espèce de travail. La nécessité est mère de l'industrie, et dans un pays où les villes sont rares, où l'argent est peu commun, où la classe spéciale d'ouvriers est peu nombreuse, chaque paysan est obligé d'être à la fois charron, tisserand, charpentier &... Un paysan russe avec l'aide d'une hache, fait l'ouvrage de plusieurs ouvriers munis d'un grand nombre d'outils. Interrogez les fabricants étrangers, qui ont eu des établissements en Russie: ils rendront certainement justice à l'intelligence des Russes et préféreront toujours avoir plutôt à faire à un paysan de la campagne, novice encore dans le métier, qu'à un ouvrier qui aurait déjà pris une routine. «*N'ayez pas peur*, répètent-ils à tout propos, — dit l'auteur, — non pour vous dire de ne pas craindre, mais pour vous engager à faire comme eux, à ne pas réfléchir»²⁷. Cette explication est plutôt méchante*** que juste. Cet adage du peuple russe est dicté par une foi aveugle dans la Providence, par un fatalisme chrétien, si j'ose le dire, qui se fait remarquer dans plusieurs de nos proverbes, tel que: *On ne subira pas deux morts et on ne peut échapper à une; on ne serait éviter ce qui doit arriver*; et nombre d'autres portant le même caractère****.

* Parlez de Moscou incendié. — Napoléon a dit: *Moscou a été... Moscou a cessé d'exister; elle ne sera pas rebâtie dans cent ans* (26 bul<letin>)²². Voyez ce qu'elle est redevenue en <dix>²³ années et sans le secours d'étrangers. — Примеч. в рукописи (в отличие от остальных примечаний, расположенных на полях, это и следующее записанны также рукой В. Ф. Вяземской на отдельном листке, вложенном в копию).

**De par le roi, deffense à Dieu

De faire miracle en ce lieu. — ²⁵

Parlez des missions en France &... des processions publiques, à pieds-nuds dans la fange; véritables parodies religieuses qui ont eu lieu en 1817, 18, 19 et 20 et 21. — Примеч. в рукописи (записано вместе с предыдущим примечанием на отдельном листке).

*** В автографе: malveillante

**** Un dicton militaire dit: *que chaque balle porte son adresse*. — Примеч. в рукописи.

Le sombre tableau que l'auteur nous donne des nobles russes, a malheureusement de la vérité; mais plus à sa place dans une satire, qui sert à corriger les mœurs par l'arme du ridicule, il devait dans un ouvrage pour ainsi dire historique offrir quelques points lumineux réclamés par la justice et l'impartialité. Il est hors de doute que plusieurs gentillâtres campagnards, pourraient se reconnaître dans le portrait tracé par l'auteur; mais il est tout aussi incontestable, qu'il ne doit s'en prendre qu'à son guignon, si pendant son séjour en Russie il n'a eu occasion de connaître que de pareils originaux*. «Il y a longtemps que la nation a des poètes, et elle n'a encore ni savants, ni orateurs?» — dit Mr Faure²⁹. Il est presque généralement prouvé, que le sort de toutes les littératures a été de commencer par la poésie, et en cela nous ne différons pas des autres. Quant aux savants, ceux même qui pourraient parmi nous en porter le titre, resteraient inconnus au monde tant que notre langue ne sera pas naturalisée dans la république des lettres. Et comment pourrions nous avoir des orateurs, quand nous n'avons ni tribune nationale, ni juridiction publique; à moins que nos orateurs n'aillent comme Démosthène se former à l'art de la parole sur le rivage de la mer, pour aller ensuite comme St. Jean Baptiste prêcher dans le désert, nous ne saurions jusqu'à présent avoir d'éloquence oratoire. Quelques prédicateurs distingués, quelques académiciens lauréats au nombre desquels se distingue Lomonosoff, le Malherbe de la poésie russe³⁰, offrent bien quelques beautés oratoires; mais que sont-elles en comparaison des modèles de l'éloquence délibérative, qui est selon l'expression de La Harpe, *la plus auguste de toutes et la plus imposante*? Les Russes pourraient avec justice demander aux Français s'ils ont eu des orateurs avant la révolution?³¹ Au reste en nous accordant quelqu'espèce de littérature, Mr Faure fait encore pour le moment un anachronisme. Le règne de Catherine la Grande avait donné une forte impression aux progrès des lettres dans notre pays — par une bizarrerie particulière, le règne de Paul I-er^{**} avait peu ralenti cet essor bienfaisant; les impressions, qu'il avait reçues dans sa jeunesse, ou peut-être même, tout au contraire le peu de cas qu'il faisait du progrès des lumières et de l'ascendant qu'elles doivent avoir tôt ou tard sur les esprits, ou enfin je ne sais quelles heureuses combinaisons accordèrent à la littérature une protection négative^{***}. Les premières années du nouveau règne furent signalées par de très belles intentions. Des institutions sages,

* Mais parmi les gentilshommes campagnards, en France, le voyageur Arthur Young en a trouvé qui lui ont demandé (en Languedoc) s'il y avait des arbres en Angleterre; à quelle distance elle se trouvait de l'Europe; &c.²⁸ — *Примеч. в рукописи.*

** *В автографе*: le règne sévère de Paul I-er

*** Si dans les pays constitutionnels la liberté de penser est un droit et une justice, dans les états absolus elle est une nécessité. Dans l'absence de droits politiques, vous frappez de mort l'existence sociale en enchaînant la pensée; vous étouffez même les germes de l'avenir, et vous livrez à des crises violentes les probabilités d'une résurrection morale. — *Примеч. в рукописи.*

des réformes libérales, promettaient de grands développements dans la civilisation, l'instruction publique, et toutes les branches de la prospérité nationale*. Un règlement sur la censure**, si jamais une censure peut être une sage institution, nous faisait espérer, que la nôtre <la> serait***. Confiée aux membres des universités et autres sociétés savantes, à des gens éclairés qui du moins par état sont amis des lumières et doivent avoir la conscience de leur art, elle offrait des garanties aux auteurs. Où nous ont conduits ces belles espérances? Une censure prude, bigote, livrée aux séides de l'obscurantisme payés pour étouffer toute idée, tout symptôme de vie, a totalement paralysé les progrès de notre littérature. Des ouvrages publiés sous le règne de l'empereur Paul, seraient mis aujourd'hui à l'index. La philosophie, l'étude du droit naturel, les sciences politiques ne sont pas plus tolérées que la mythologie. Figurez-vous la compagnie de Trévoux³³, dénuée des connaissances qu'elle pouvait avoir, mise à la tête de nos institutions scientifiques et littéraires, armée de tous les moyens de répression et d'oppression, qui sont à la disposition du pouvoir absolu, et vous n'aurez encore qu'une faible idée de la stérilité, qui doit frapper les champs incultes de notre littérature. Des mains impitoyables s'opposent non seulement à ce qu'on la fertilise**** de semences utiles, mais en arrachent même les fleurs de l'imagination et du sentiment. Leurs ciseaux meurtriers n'épargneraient pas davantage un Montesquieu qu'un Démadys³⁴. Omars fanatiques et Tartuffes méprisables tout à la fois³⁵, ils étouffent la voix de la raison et disent aux grâces ingénieuses: *Avant que de parler prenez moi ce mouchoir, par de pareils objets les âmes sont blessées, et cela fait venir de coupables pensées*³⁶. Le nom seul de Voltaire les effarouche! Un professeur censeur dont je tairai le nom par égard pour un corps estimable, dont il est membre, a rayé dernièrement

* Le gouvernement reconnaissant alors la vérité de ces principes voulut protéger l'activité de l'esprit. — *Примеч. в рукописи.*

** Voici des passages de la loi sur la censure promulguée en l'année 1804.
21-me article.

La censure dans ses défenses de publicité doit consulter une tolérance judicieuse et s'écarter de toute interprétation partielle des ouvrages ou des ouvrages y compris, qui pourraient par quelques causes supposées paraître mériter une interdiction.

Quand un passage douteux offre deux sens; il vaut mieux dans ce cas interpréter d'une manière favorable à l'auteur, que de persécuter sa personne.

22

L'examen sage et modéré de toute vérité, qui a rapport à la religion, à l'humanité, à l'état social, à la constitution ou l'administration de l'état ou à toute autre branche du gouvernement est non seulement exempt de la plus légère sévérité, mais jouit même d'une entière liberté de la presse, faite pour accélérer les progrès des lumières.³²

(Je me rappelle d'avoir lu dans le "Courrier français" plusieurs articles de notre loi.) — *Примеч. в рукописи.*

*** В этом месте текст копии не исправлен. Восстанавливается по автографу.

**** Исправлено по автографу, в копии, вероятно, описка: à ce qu'on la fructifie

dans un manuscrit l'épithète de célèbre qu'on y donnait à Voltaire, et n'a même permis de désigner, que par la lettre initiale celui, que l'immortelle Catherine, se glorifiait de compter au membre de ses amis³⁷. Sous ce rapport l'auteur des «Souvenirs du Nord», aurait raison de dire, *que nous dégénérons, et que nous sommes plus loin de la perfection, que nous ne l'étions il y a deux cents ans*³⁸. Cela peut être vrai sous certains rapports*; car alors nous avions une impulsion pour avancer; au lieu que maintenant on veut nous *imprimer un élan rétrograde*. Mais il a tort quand c'est le peuple qu'il accuse de cette dégénération, et quand infidèle au précepte de l'Évangile il ne rend pas à chacun ce qui lui est dû.

L'examen de l'ouvrage de Mr Faure m'a porté au delà des bornes que je m'étais prescrites. Mais en effet il est trop pénible à tout Russe qui aime sa patrie de la voir si méconnue au dehors, et traiter dans l'intérieur d'une manière si peu digne d'elle. J'ai voulu disculper en partie la nation des torts qu'on lui supposait et indiquer les sources des vices qui corrompent notre existence politique et sociale. Si dans une monarchie alliée au système représentatif, la personne du roi est inviolable; sous le règne d'un gouvernement absolu, c'est la nation qui doit l'être. Elle ne saurait malfaire et la responsabilité ne pèse pas sur elle. On pourrait comparer la nation russe à la statue de Memnon: pendant le règne des ténèbres, froide, inanimée et silencieuse, elle sert de refuge aux oiseaux de la nuit; mais que le premier rayon d'un soleil régénérateur darde sur elle, et rendue à elle-même, elle s'animera et exhamera des sons mélodieux qui attesteront son origine et sa vocation. Plusieurs écrivains distingués** semblent avoir pris à tâche depuis quelque temps de montrer les Russes comme épouvantail à l'Europe. Cet *hommage de la terreur**** rendu à notre puissance peut flatter le pouvoir; mais il est rejeté par la nation et par la vérité. Il me semble qu'un état**** attaché à un gouvernement vicieux dans sa constitution et ses formes, n'offre de danger qu'à sa propre existence, et qu'une nation quelque forte qu'elle puisse être, mais administrée d'une manière sage et libérale, ne peut jamais exercer sur les autres, que la puissance de la raison. C'est désormais à cette influence-là que doivent se borner les prétentions d'un peuple envers un autre. Je finis par applaudir au vœu que fait Mr Faure en parlant du peuple russe et par répéter avec l'auteur du fond de mon âme : «Puisse-t-il (le peuple russe) employer ses forces au grand oeuvre de son organisation intérieure»⁴¹. QUE LE CIEL L'ENTENDE!!!

* *В астрографѣ*: Il n'y a pas de doute

** Entre autres l'ancien archevêque de Malines, qui prend la puissance russe pour son vrai *cheval de bataille*³⁹. — *Примеч. в рукописи.*

*** Expression de Lebrun⁴⁰. — *Примеч. в рукописи.*

**** *В астрографѣ*: une nation

Перевод:

Замечания на книгу доктора Фора «Воспоминания о Севере»

Путешественнику не нужно быть присяжным литератором, чтобы претендовать на всеобщее внимание, поэтому и нет ничего более обыкновенного, чем описания путешествий. Но если число такого рода сочинений велико, то как мало среди них путешествий действительно просветительных. Путешественники-наблюдатели редки. Обычно в страну приезжают с сложившимся мнением; заметки, сделанные на местности, будь они даже вполне самостоятельны, служат не тому, чтобы это мнение исправить, но лишь подкрепить его поспешными наблюдениями. Тщетно очевидность противоречила бы этим принужденным гипотезам: путешественник скажет вслед за аббатом Верто: «Моя осада завершена»¹ — и отвергнет истину, призывающую его отказать от своих предубеждений. Взгляды путешественников на Россию определились давно; ход их рассказов прочерчен недоброжелательством и освящен предрассуждениями. Множество обвинительных выступлений против варварства народа, насмешки по адресу народных суеверий и необходимая дань уважения бесплодным усилиям, которые предпринимает правительство, чтобы цивилизовать эту нацию, законелую в варварских обычаях и невосприимчивую к любым социальным и политическим улучшениям, — вот то основание, на котором большая часть путешественников воздвигают здание своих рассуждений о России. Взгляд беспристрастный и чистосердечный, искреннее желание основательно узнать эту страну, изучить обычаи народа и продвигаться, так сказать, в этом изучении, не останавливаясь на очевидных крайностях, кои не что иное, как результаты посторонних и случайных обстоятельств, могли бы, возможно, с успехом обнаружить, что подлинная истина решительно противоположна той деланной истине, что являет себя при первом взгляде.

Г-н Фор, чьи «Воспоминания о Севере» будут предметом настоящей статьи, к несчастью, не захотел избрать нового пути. Он предпочел следовать проторенной дорогой; его суждения о России почти во всем являются верным сколком с тысячи и одного путешествия или, скажем лучше, с тысячи и одной ночи, окутавших эту страну непроницаемым мраком. Для благомыслящих русских досадно, что автор

не решился на опыт, казалось бы ему вполне посильный: некоторые тонкие и справедливые наблюдения, рассеянные в книге, свидетельствуют о его способности смотреть вокруг своими глазами, не довольствуясь взглядом заемным. Благородное негодование, порой побуждавшее его даже сгущать темные краски в картине рабства крестьян в России, может снискать ему уважение всех тех, кто умеет ценить достоинство человеческое. Великодушие, коим согреты многие его размышления и философские замечания, располагает читателя к автору, пробуждающему чувства возвышенные. Повторяю, тем более досаден для благомыслящих русских и тем более неизвинителен для г-на Фора выпуск в свет сочинения, которое не только не откроет истину, но, оказавшись, по несчастью, слепо принято на веру, послужит лишь тому, чтобы оправдать презрение иностранцев и иных соотечественников наших к народу, по видимости недостойному лучшей участи. Вовенарг сказал: «Рабство унижает человека до того, что он начинает любить свои оковы»². Остается надеяться, что русский народ еще не дошел до сей степени падения или, по меньшей мере, что любви этой многие в нем не верны.

Книга г-на Фора делится на три части, озаглавленные соответственно «Война», «Россия» и «Русские, или Рабство». Чтобы несколько оправдать автора, все видящего в черном свете, стоит напомнить, что его знакомство с Россией произошло в 1812 г. и что, вступив в нее с армией Наполеона, он тем самым избрал себе *проводника*, вряд ли способного представить Россию с лучших сторон сопровождавшим его путешественникам*.

Не много могу сказать о той части книги, что относится до общего описания страны, климата, одежды и т. д. и т. п. — Если даже и вкрались ошибки на эти страницы, большой беды в том нет, как нет и повода к клевете на целый народ. Автор начинает эту часть с предупреждения, что *Россия не является ни страной горной, ни страной равнинной*³, — утверждение, способное удивить даже тех, чьи знания о России ограничиваются географической картой. Пространства этой обширной империи вмещают, так сказать, полный перечень всех климатов, всех почв, всех видов местности. Далее, добавив несколько с виду правдоподобных штрихов к описанию страны, автор заключает: «Такова Россия»⁴. Движимый той же любовью к обобщениям, какой было продиктовано название книги — «Воспоминания о Севере», хотя речь в ней идет лишь об одной из северных стран, автор рисует карти-

* Не будучи военным, пропускаю первые восемь глав книги, относящиеся к войне 1812 г. Полагаю, впрочем, сведущий человек найдет там не больше, чем я, материала для размышлений.

ну России, в которой посетил, как признает он сам в сопровождающих текст примечаниях, лишь немногие губернии* ⁵. Обращу лучше внимание на некоторые измышления автора, кои могли бы быть отнесены на счет его недоброжелательства, если бы не явились, как я говорил выше, следствием предубеждения. «Весь русский народ, в том числе и крестьяне, — пишет автор, — приветствуют друг друга глубоким поклоном, с большой почтительностью**, что в ином месте почлось бы учтивостью, но здесь выказывает лишь униженное раболепство»⁶. Не есть ли это извращение самой природы обычая, в котором выражается, скорее, прямая сердечность, а если уж автору угодно все в России сводить к рабству, почему не приписать это доброжелательство друг к другу чувству взаимного сострадания, до тех пор пока будущность более утешительная не принесет в эти края благорасположение счастья. Русский человек окликает друг друга именем брата, юноша, обращаясь к старику, говорит ему *батюшка*. Вежливость русского народа не ускользнула от г-жи де Сталь; в этой знаменитой женщине мы нашли толкователя более доброжелательного и, быть может, более справедливого. «Я не нашла в русских ничего варварского, — говорит она («Десять лет в изгнании»), — напротив, в их повадках есть нечто изысканное и мягкое, чего не сыщешь у других народов. Ни один русский кучер не пройдет мимо женщины, какого бы возраста она ни была и к какому бы сословию ни принадлежала, не поклонившись ей, женщина же отвечает ему кивком головы, неизменно исполненным благородства и учтивости»⁷. Далее невозможно сдержатъ по меньшей мере изумления, видя, как автор с жаром ополчается против сословия купцов из-за одежды, в которой летом они *появляются перед всеми и каждым*. «Видишь, что эти люди лишены уважения к себе и вдвойне презренны, поскольку, не будучи рабами по состоянию, ощущают себя таковыми», — прибавляет он⁸. И все это по поводу некоторой небрежности костюма! Поистине далеко зашедшие ригоризм благопристойности и нетерпимость в вопросах туалета. Надо отдать автору должное: говоря о существующем в России культе икон, о суевериях, общих для классов невежественных, но не чуждых и представителям благородного сословия, он почти готов признать, что в этом отношении русские не сильно разнятся с другими народами⁹. Заметим еще, что наши суеверные обыкновения касаются более жизни частной, чем публичной. В нашем богослужении вовсе не приняты обычные в Италии так называемые религиозные церемонии. Пророческие таланты

* Россия делится на губернии, как Франция на департаменты.

** Такой же обычай существует в Германии.

мадемуазель Ленорман не доставили бы ей в России ни славы, ни состояния¹⁰. Чудотворные действия князя Гогенлоэ не увлекли бы за ним, как в других странах, легковерной толпы¹¹. Если говорить о распространяющемся духе мистицизма, то, конечно, не собственно народ следует обвинять в том, что он соучастник этого или жертва обмана.

Мы переходим к той части книги, которая заслуживает во всех отношениях наиболее тщательного и углубленного рассмотрения, — части, посвященной рабству. Автор с жаром защищает дело свободы; в отмщение ее поправных прав он влечет деспотизм на суд разума и совести. Цель достойная. Но искусен ли и, главное, прав ли автор в защите дела народа, угнетенного постыдным и тягостным игом, когда рисует этот народ в чертах самых отвратительных и унижительных, обрушивая на голову бедного русского крестьянина эпитеты *лентяй, пьяница, человек без чести, без морали, без совести, вор*; утверждая, что *русский народ повернулся в грязь и не хочет ничего более, как в ней барахтаться?*¹² Мое перо отказывается выводить эти оскорбления. Не действует ли здесь автор в пользу тех, кто притворяются убежденными, что народ недостойн свободы просто потому, что рабское его состояние для них прибыльно? Сказать, что это форма правления сделала народ таковым, недостаточно. Сей способ оправдания народа становится также оправданием и власти, которая, исходя из того, что вековые пороки неискоренимы в одночасье, усугубляет их своим преступным бездействием, прикрытым именами осмотрительности и мудрости. Если есть в мире народ, достойный мудрой и огражденной законами свободы, это, конечно, русский народ. Взгляните на коренные русские губернии, которые г-н Фор едва видел (что должно было бы помешать ему говорить так уверенно). Возьмите, к примеру, обитателя берегов Волги: деятельный, предприимчивый, сообразительный, понимающий свои выгоды, обладающий всею верностью простого здравого смысла, безошибочный в своих расчетах, физически крепкий и твердый в суждениях — для благоденствия недостает ему лишь законных гарантий его процветанию. В некоторых областях, во владениях помещиков просвещенных, он даже свободен по сути, не будучи таковым по праву. Вы найдете в России множество деревень, где гнусное рабство царит во всем своем ужасе. Но найдете и множество таких, где ничто не наведет вас на мысль о его пагубном действии. Многие крестьяне ведут торговлю не только в своих деревнях и уездных городах, но и в столицах и доходят даже и земель заграничных. Элементы свободы, таким образом, существуют: они не определены законом, но упорядочение этой стихии никак не есть вещь невозможная, ни даже затруднительная; можно утверждать, что оно не повлечет опасных последствий, если только эта важная ре-

форма не будет вырвана насильем или навязана властью. Чтобы быть в одно время законной, прочной и благодетельной, она должна быть взаимообязывающей. Было бы глубоко ошибочным полагать, что мгновенное освобождение крестьян нанесет ущерб только денежным интересам помещиков, или смотреть на него лишь с точки зрения филантропической. С этим освобождением связаны выгоды важнейшие, оно может стать отправной точкой великих сдвигов, начала которых скрыты в нем, так сказать, под спудом. «Император и все дворянство желают перемен», — говорит доктор Фор¹³. Если бы это согласное желание обнаружилось, не знаю, что могло бы воспрепятствовать его осуществлению*. Уж разумеется, не крестьяне ему бы противодействовали. Общеизвестно, что многие представители дворянства, и меж ними лица выдающиеся как по своему рождению, так и по состоянию, испрашивали дозволения обсудить вопрос об освобождении крепостных и представить правительству плоды своих трудов, но что правительство не уступило их просьбам¹⁴. С другой стороны, более чем сомнительно, чтобы власть втайне занималась решением сей важной проблемы; в противном случае пришлось бы, по крайней мере, признать, что никогда еще правительству не удавалось лучше хранить секрет и вводить нацию в заблуждение относительно своих намерений.

«Император едва ли сможет изменить русский народ силой, придется взять его хитростью», — говорит автор¹⁵. Ни тем ни другим, но чистосердечием, силой убеждения, которая действует совсем иначе, нежели *убеждение силы*. Хитрость пригодна для дурных дел, добро не нуждается в подобных уловках. Кто желает уклониться от благих преобразований, тот настаивает, что они должны совершаться постепенно и с предосторожностью, что преждевременно дарованное благо губительно. Говорить, что нация недостаточно созрела для счастья**, значит клеветать на Провидение. Лиса из басни находила незрелым виноград¹⁶, лисы, вооружившиеся софизмом, утверждают, что это мы незрели до винограда. Все это злоупотребление слов никого не обманывает. Люди, из корысти покровительствующие запоздалому младенчеству, сетуют со смешным сожалением, что не осталось более младенцев среди людей; с большею верностью можно было бы говорить, что не осталось более младенцев среди народов. Каждый народ вошел в возраст совершеннолетия, что-

* Если бы русский крестьянин любил рабское состояние, вина за это ложилась бы на его хозяев и на правительство, и это было бы лишним поводом к его освобождению. Любят ли моровую язву?

** Речь не идет даже о счастье, но о справедливости; не о лучшем, а о хорошем. Не народ, но правительство можно было бы обвинить в том, что оно не готово к делу освобождения.

бы пользоваться причитающимся ему достоянием. Китайские стены, разделявшие государства, рухнули, подточенные временем и разумом. Пусть у нас нет своего опыта, зато есть чужой на замену. Лучи просвещения, озаряющие человечество, проливают свой свет на нас наравне с другими; дело лишь в том, чтобы им воспользоваться. Как ни стремишься удержать народ на детских помочах, ему не запретишь быть современником наций, живущих под сенью законов и тронов конституционных. Как будто нация должна состоять из академиков, чтобы уметь оценить благодетельность такого образа правления, чтобы понимать, что человек никогда не может быть собственностью другого, что торговля белыми рабами так же нестерпима, как черными, и множество других истин, которые и не будучи провозглашены в книгах находят отзыв в сердцах. «Без всякого сомнения, слово свободы было бы неверно понято русским народом», — говорит автор¹⁷. Он заблуждается. Во многих деревнях крестьяне, не занятые на хозяйской земле или фабриках и обязанные только оброком, в большинстве своем близко знакомы с выборными формами управления; они сами избирают своих старост, назначение которых лишь утверждается помещиком, они сами ежегодно избирают других должностных лиц и определяют общим решением на своих совещательных сходах долю каждого в установленном помещиком оброке. Конечно, в основании всего этого лежит рабство; каприз владельца в любой момент может обрушить на них бремя безграничного произвола. Но представляется, однако, что крестьян, освоившихся уже с некоторыми формами свободы, вряд ли приведет в замешательство самая свобода, явись она утвердить эти формы и дать им дальнейшее развитие. К тому же есть уже примеры свободных хлебопашцев¹⁸.

Русский народ обвиняется в пристрастии к пьянству. Но кто должен нести за это большую ответственность — народ ли, предающийся сему пороку, или правительство, которое извлекает из него выгоду и без всякого стыда ему потакает, умножая заведения питейные вдоль дорог и в самих деревнях? Оказавшись перед единственной в своем роде роковой дилеммой, правительство вынуждено одной рукой толкать народ к злоупотреблению, которое обеспечивает казне значительную часть доходов, другой — карать жертв сей пагубной страсти и всех сопутствующих ей крайностей. Говорят еще, что русские все воры. Упрекать русский народ в воровстве — это пятнать его пороком, совершенно ему чуждым. Русский крестьянин, купец, мастеровой хитер, лукав везде, где видит свою выгоду; он злоупотребит вашим доверием и постарается сыграть на вашем простосердечии. Как искусный и малощепетильный игрок, он без всяких угрызений совести обманет вас, воспользовавшись вашей неосведомленностью или вашей ошибкой, но не станет подло присваивать ваши деньги. Кражи почти не-

известны в деревнях: если вам случается, путешествуя, забыть что-нибудь из вещей или кошелек на почтовой станции или в крестьянской хижине или ошибкою заплатить больше должного, редкий случай, чтобы вам не возвратили все с готовностью. Автор обвиняет русский народ в лени. На чем основано это обвинение? «Русский народ, — пишет он, — не менее ленив нравственно, чем физически». И несколькими строками ниже в доказательство этого утверждения прибавляет: «Прислуживая своему господину за столом, они забывают, где находятся, и засыпают, стоя за хозяйским стулом; мне случалось видеть как они там храпят»^{* 19}. Но можно ли с чистой совестью судить о народе по челяди, более или менее одинаковой у всех наций и во всех слоях. Ведь лакейство, быть может, еще менее, чем рабство, способно содействовать развитию умственных способностей человека и укреплению в нем морали. В доказательство лени русского человека автор ссылается также на пример «одного помещика, который решил надстроить купленный им деревянный дом; восемь работников могли закончить эту работу в четыре дня, ушло же на нее целых три месяца»^{** 20}. Это исключение не может быть принято за правило, поскольку

* Если лакеи спят стоя за стульями своих господ, то это потому, что их там больше, чем требуется, и ничего другого им не остается. Поставьте дюжину немцев позади трех или четырех хозяев, и вы увидите, как захрапят они.

** Восемь человек не имели никакой нужды спешить. Им было безразлично, работать ли на поле своего помещика или в его доме. Возможно, последняя работа была и более легкой. Если бы Фор посмотрел, как строится дом свободными работниками или даже теми же крепостными, но трудящимися за плату, он сказал бы иное. В русском крепостном живут два существа — человек и раб; он работает плохо, если работает на своего господина, он творит чудеса, когда его труд оплачен.

Вообще, Фор разглядел лишь *косвенное действие* рабства, которое называется в искажении и подавлении национального характера, но не увидел *действия непосредственного*, когда самим человеком и его способностями распоряжаются по произволу, когда его обрекают на пустой труд, совершенно несогласный ни с его склонностями, ни с его навыками, результатом чего и является плохая и медлительная работа.

Русский ленив, лишь пока пребывает в ничтожестве, это очевидно; но позвольте ему достичь хоть какого-то благосостояния, иначе говоря, обрести хоть какую-то свободу, и он изменится совершенно. Этого наблюдения Фор не имел случая сделать, поскольку видел только барщинных (издольных) крестьян; если бы он видел крестьян оброчных, о которых говорит лишь понаслышке и которых, заметим, больше, он переменял бы мнение (скажи он, что видел наиболее свободного крестьянина среди крестьян государственных, — это было бы неправдой; государственный крестьянин такой же раб, как другие, если не более угнетаемый)²¹. Все суждения доктора грешат этим недостатком; он видел только одну губернию и один разряд крестьян. Между ними существует бесконечное разнообразие в степени свободы, благосостояния и, соответственно, образованности. Поскольку, впрочем, это правило применимо ко всем странам, Фор тем более виноват, что не принял его во внимание.

общепризнано, что и деревянные, и каменные дома возводятся на Руси, так сказать, день ото дня, как по волшебству*. В качестве последнего примера автор ссылается на женщин, совершающих летом длительные паломничества к киевским святыням из мест самых удаленных** 24. Этот обычай доказывает не лень, а нечто совсем иное. Лень выражается в наклонности к бездействию. Тот же, кто предпринимает долгое путешествие пешком, не боясь ни долгих утомительных переходов, ни суровости погоды, напротив, являет пример деятельности, которая при желании могла бы быть направлена в более полезное русло, но не становится от этого менее очевидной.

Автор утверждает, что среди русских крестьян вряд ли найдется *человек, способный обтесать дерево*²⁶. Русские крестьяне между тем замечательны своей сноровкой в любом виде работы. Необходимость — мать изобретательности, и в стране, где города редки, где денежный оборот ограничен, а сословие ремесленников немногочисленно, каждый земледелец вынужден быть в одно время каретником, ткачом, плотником и т. д. Русский крестьянин с помощью топора выполняет работу многих рабочих, вооруженных множеством инструментов. Спросите иностранных фабрикантов, имеющих предприятия в России: они, несомненно, отдадут должное русской понятливости и всегда предпочтут иметь дело с деревенским крестьянином, еще не искушенным в ремесле, нежели с рабочим, уже закосневшим в своих навыках. «*Не бойтесь*, поминутно повторяют они, не для того, чтобы убедить вас не бояться, но чтобы склонить действовать, как они, не задумываясь», — пишет автор²⁷. Объяснение скорее злое, нежели справедливое. Эта поговорка русского народа внушена слепой верой в Провидение, осмелюсь так сказать, христианским фатализмом, который дает себя заметить в большинстве наших пословиц, таких как: *Двум смертям не бывать, а одной не миновать; Чему быть, того не миновать*, и множестве других подобных***.

Мрачная картина *русского дворянства*, нарисованная автором, к несчастью, не лишена истины, однако более уместна в сатире, действующей оружием насмешки к исправлению нравов; в труде же, можно

* Скажите о сожженной Москве. — Наполеон сказал: *Москва была... Москва перестала существовать, она не отстроится в сто лет* (26-й бюллетень)²². Посмотрите, какой она стала через <десять>²³ лет и без помощи иностранцев.

** В сем месте чуда творить ты не изволь! —
Так Богу приказал король. — ²⁵

Скажите о французских миссиях и т. д., о публичных процессиях, шествующих босиком по грязи; настоящих церковных пародиях, имевших место в 1817, 1818, 1819 и 1820 и 1821-м гг.

*** Военное присловье: *Пуля цель найдет*.

сказать, историческом справедливость и беспристрастие должны разнообразить ее некоторыми светлыми пятнами. Вне всяких сомнений, многие из наших деревенских дворянчиков могли бы признать себя в набросанном автором портрете, но столь же неопровержимо, что если за время пребывания в России он не имел случая познакомиться с другими образцами, винить в том ему следует лишь собственное невезение*. «Нация уже давно имеет поэтов, но в ней еще нет ни ученых, ни ораторов», — замечает г-н Фор²⁹. Почти общепризнано, что всем литературам было определено начинаться с поэзии, и в этом мы не отличаемся от других. Что касается ученых, то даже те, кто мог бы у нас носить это имя, останутся неизвестны миру, пока язык наш не получит гражданства в республике словесности. Да и как иметь нам ораторов, когда у нас нет ни парламентской трибуны, ни открытого судопроизводства. До настоящего времени у нас не могло появиться ораторского красноречия, разве что наши ораторы постигали бы свое искусство, как Демосфен, на морском берегу, чтобы затем, как Иоанн Креститель, отправиться проповедовать в пустыню. Несколько замечательных проповедников, несколько увенчанных лаврами академиков, в числе коих выделяется Ломоносов, Малерб русской поэзии³⁰, подарили нас, правда, отдельными красотами ораторского искусства; но что значат они в сравнении с образцами красноречия публичных прений, самого, по выражению Лагарпа, *величественного и важнейшего*? Русские с полным правом могли бы спросить французов, были ли у них ораторы до революции³¹. Впрочем, признавая существование у нас в настоящее время хоть какой-то литературы, г-н Фор допускает анахронизм. Царствование Екатерины Великой имело сильное влияние на развитие нашей словесности — царствование Павла I, по странной случайности, мало замедлило этот благодетельный порыв. Впечатления ли, полученные им в молодости, или же, как раз напротив, то, что он придавал малое значение успехам просвещения и тому влиянию, которое они рано или поздно должны оказать на умы, или не знаю какое еще счастливое стечение обстоятельств избавили литературу от его попечительного внимания**. Первые годы нового царствования были ознаменованы самыми прекрасными начинаниями. Установления му-

* Однако среди деревенских дворян во Франции путешественник Артур Юнг встречал таких, кто его спрашивал (в Лангедоке), растут ли в Англии деревья, на каком расстоянии она находится от Европы и т. д.²⁸

** Если в странах конституционных свобода мысли есть право и закон, в государствах самодержавных она является необходимостью. В отсутствие прав политических вы смертельно поразите общественное существование, наложите оковы на мысль; вы задушите даже ростки будущего и нанесете жестокий удар по возможностям морального возрождения.

дые, реформы либеральные обещали большие успехи в развитии нашей образованности, народного просвещения и всех отраслей национального благосостояния*. Положение о цензуре подало нам надежду, что если цензура вообще может быть мудрым установлением, у нас она будет именно такой**. Вверенная профессорам университетским и членам других ученых обществ, людям образованным, которые по меньшей мере по своему положению являются друзьями просвещения и должны с пониманием относиться к своему занятию, она обеспечила бы права авторов. И куда привели нас эти прекрасные надежды? Цензура неприступная, ханжеская, отданная во власть наемных сеидов обскурантизма, призванных задушить любую мысль, любой признак жизни, полностью остановила ход нашей литературы. Книги, печатавшиеся при императоре Павле, были бы сегодня запрещены. Философия, изучение естественного права, науки политические преследуемы наравне с мифологией. Вообразите во главе наших научных и литературных учреждений иезуитов из Треву³³, только лишенных знаний, какие у них могли быть, и во всеоружии тех карательных и запретительных средств, которыми обладает самодержавная власть, и вы получите еще слабое представление о бесплодии, поразившем невозделанные поля нашей словесности. Безжалостные руки преграждают путь не только тому, что могло бы оплодотворить эти поля полезными семенами, но срезают с них даже цветы воображения и чувства. Их смертоносные ножницы равно не щадят ни Монтескье, ни Демада³⁴. Фанатичные Омары и презрительные Тартюфы одновременно³⁵, они заглушают голос

* Правительство, признававшее тогда значение этих начал, хотело способствовать движению умов.

** Вот фрагменты из цензурного устава, утвержденного в 1804 г.

«21-й параграф

Впрочем, цензура в запрещении печатания или пропуска книг и сочинений руководствуется благородным снисхождением, удаляясь всякого пристрастного толкования сочинений или мест в оных, которые по каким-то мнимым причинам кажутся подлежащими запрещению. Когда место, подверженное сомнению, имеет двоякий смысл, в таком случае лучше истолковать оное выгоднейшим для сочинителя образом, нежели его преследовать.

22

Скромное и благоразумное исследование всякой истины, относящейся до веры, человечества, гражданского состояния, законоположения, управления государственного или какой бы то ни было отрасли правления, не только не подлежит и самой умеренной строгости цензуры, но пользуется совершенною свободою тиснения, возвышающею успехи просвещения»³².

(Припоминаю, что читал в «*Courrier français*» несколько статей о нашем уставе.)

разума и говорят искусным грациям: *Пожалуйста сперва возьмите мой платок, нам возмущают дух подобные предметы, и мысли пагубным волнением согреты*³⁶. Одно имя Вольтера их пугает! Профессор-цензор, о чьем имени я умолчу из уважения к почтенному сословию, коему он принадлежит, недавно вычеркнул в рукописи эпитет *знаменитый* при имени Вольтера и даже разрешил лишь инициалом обозначить того, кого бессмертная Екатерина гордилась считать в числе своих друзей³⁷. В этом отношении автор «Воспоминаний о Севере» имел бы право сказать, что *мы вырождаемся и что мы более далеки от совершенства, чем были двести лет назад*³⁸. В некоторых отношениях это справедливо, поскольку тогда нами руководствовало стремление вперед, меж тем как теперь нам хотят сообщить попятное движение. Однако он ошибается, когда ставит это вырождение в вину народу и, изменяя евангельскому завету, не воздает каждому по делам его.

Рассмотрение книги г-на Фора увлекло меня за те пределы, какие я себе положил. Но, действительно, слишком больно русскому, который любит свое отечество, видеть, как дурно знают иностранцы его страну и как мало умеют ее ценить. Я хотел отчасти снять с народа выдвинутые против него обвинения и указать на корень тех пороков, кои искажают наше политическое и общественное существование. Если в монархии, соединенной с представительной системой, неподсудна персона короля, в государстве самодержавном таковым должен быть народ. От него не может исходить зло, и ответственность не лежит на нем. Русский народ можно было бы сравнить со статуей Мемнона: пока царит тьма, она, холодная, безжизненная и молчаливая, служит убежищем ночных птиц, но стоит ей почувствовать прикосновение первого луча возрождающего солнца — и она оживет и издаст мелодические звуки, в которых отзовутся ее природа и предназначение. С некоторого времени многие известные писатели*, кажется, поставили своей задачей сделать из русских пугало для Европы. Сия *дань ужасу***⁴⁰, приносимая нашей державе, может льстить властям, но отвергается нацией и истиной. Мне думается, что страна, где правление порочно и по сути, и по форме, представляет опасность лишь для себя самой, нация же, сколь угодно сильная, но управляемая мудро и либерально, никогда не может воздействовать на другие, кроме как могуществом разума. Этим влиянием должны ограничиться отныне притязания одного народа по отношению к другим. В заключение приветствую пожелание, которое высказывает г-н Фор, говоря о русском народе,

* Среди прочих бывший архиепископ Мехеленский, который сделал тему русского могущества своим настоящим *коньком*³⁹.

** Выражение Лебрена.

и от всей души повторяю вслед за автором: «Дай ему (русскому народу) Бог употребить свои силы на великое дело своего внутреннего устройства»⁴¹. **ДА УСЛЫШИТ ЕГО НЕБО!!!**

Примечания

¹ Эти вошедшие в поговорку слова французского историка аббата Рене Обера де Верто (1655—1735) приводит Ж. Д’Аламбер в «Рассуждениях об истории и различных способах ее писать» («Réflexions sur l’histoire, et sur les différentes manières de l’écrire», 1761): «Одному историку прошлого столетия, известному своими выдумками (Варийясу), указали на то, что он погрешил против истины в изложении какого-то события. “Это возможно, — ответил он, — но что за важность, не лучше ли оно так, как я о нем рассказывал”. Другой (Верто) работал над описанием знаменитой осады. Поскольку воспоминания, которых он дожидался, сильно запоздали, он написал историю осады, наполовину руководствуясь немногими известными ему сведениями, наполовину — воображением; и, к несчастью, добавленные им подробности по меньшей мере столь же занимательны, как если бы они были подлинными. Документы наконец прибыли. “Это досадно, — сказал он, — но моя осада завершена”. Вот так и пишется история, а последующие поколения думают, что их просветили» (*Œuvres complètes de D’Alembert. Paris, 1821. T. 2, 1-re partie. P. 5*).

² Вяземский цитирует по памяти афоризм французского писателя-моралиста Люка де Клапье маркиза де Вовенарга (1715—1747): «La servitude abaisse les hommes jusqu’à s’en faire aimer» (*Œuvres complètes de Vauvenargues. Nouv. éd. Paris, 1806. T. 2. P. 4; Вовенарг Л. де Клапье. Введение в познание человеческого разума; Фрагменты; Критические замечания; Размышления и максимы / Ред., ст. и примеч. Н. А. Жирмунской; Пер. Ю. Б. Корнеева и Э. Л. Линецкой. Л., 1988. С. 154 (Лит. памятники)*).

³ «Россия не является ни страной горной, ни страной равнинной; это неровная поверхность, где повсюду видны слабо очерченные возвышенности, на которые поднимаешься без труда и спускаешься по пологим склонам» (Faure. P. 98).

⁴ «Зимой здесь всё — снег и лед. Санний след тянется черной полосой по этим холмам, над которыми часто нависают однообразные темные облака. Селения, если только не окружены деревьями, мало заметны среди полей: деревня иногда производит впечатление острова посреди океана; столбы дыма, не рассеивающиеся в морозном воздухе, поднимаются в спокойную погоду над хозяйскими домами; из хижин, стоит только приоткрыть их дверце, вырываются клубы густого пара; крестьяне в молчании движутся среди этой печальной пустыни, но порой вы слышите в деревнях женские голоса, оглашающие эти места, где отсутствует эхо, почти диким напевом. Такова Россия; ее немногочисленные и незначительные города не меняют картины» (Faure. P. 99—100).

⁵ Фор указывает, что во время войны и своего плена он видел Калужскую, Тульскую, Рязанскую и Орловскую губернии, а во Францию возвращался через Чернигов, Белосток и Варшаву (Faure. P. 305).

⁶ Faure. P. 136. Эта цитата была выписана Вяземским в записную книжку с пометой: «Voyez ce que dit M-me de Staël à ce même sujet» («См. что говорит по этому же поводу г-жа де Сталь») (см.: *Вяземский П. А.* Записные книжки (1813—1848) / Изд. подгот. В. С. Нечаева. М., 1963. С. 404 (Лит. памятники)).

⁷ *Staël G. de.* Dix années d'exil. Paris, 1821. P. 193; *Сталь Ж. де.* Десять лет в изгнании / Пер. с франц., статьи и коммент. В. А. Мильчиной. М., 2003. С. 204.

⁸ Faure. P. 136. В записной книжке Вяземского цитируется также сделанное Фором описание наружности крестьян с примечанием Вяземского: «Que de contradictions dans l'exigence de M. Faure: ici trop peu de frais dans la toilette allumait son indignation, et là il se fâcha de ce qu'on en fait pour le recevoir» («Сколько противоречий в требованиях г-на Фора: в одном месте его негодование вспыхивает от небрежности в одежде, в другом — его сердит, что люди наряжаются, чтобы его принять») (см.: *Вяземский П. А.* Записные книжки. С. 404).

⁹ «Русские, быть может, не совсем освободились от культа икон, оставленного им идолопоклонством и захватившего их еще в семнадцатом веке: богатое убранство изображений Богородицы и святых; поспешность, с какой им кланяются, осенив себя крестом, при входе в дома, где всегда множество этих церковных образов; могущество, приписываемое Казанской (или другой местной) иконе Божьей матери, образу святого Николая той или иной церкви; набожность, с какой всю жизнь носят на шее образки своих святых; вера, с которой помещают под иконы больных, находящихся в опасности, — наводят на мысль, что иконы воспринимаются русскими не как изображения, но представляют в их глазах действительную силу, наделенную частицей божественной сущности. Правду говоря, в этом они не сильно разнятся с нами. Если мы менее расположены наблюдать чудеса, мы имеем, однако же, церкви, капеллы, гроты, которые преимущественно избираем для поклонения и молитвы; и когда верующий, простертый перед предметом своего поклонения, с горячностью зовет к нему, трудно сказать, до каких пределов дойдет его рвение, позволит ли ему воспламененное воображение провести грань между божественным величием или святостью и видимыми формами, их означающими» (Faure. P. 182—183; о предрассудках и суевериях в образованной части общества см. далее (p. 187)). Ср. близкие наблюдения у г-жи де Сталь: «Непохожи русские церкви и на церкви итальянские, изобилующие превосходными творениями скульпторов и художников. Самые замечательные украшения русских храмов — изображения Богородицы и святых, усыпанные брильянтами и рубинами»; «Русские бородачи не минуют ни одной церкви, не осенив себя крестом; их вера в зримые символы религии весьма трогательна. Русские храмы носят на себе отпечаток азиатской роскоши; их украшения — сплошь золото, серебро и рубины» (*Сталь Ж. де.* Десять лет в изгнании. С. 202, 211).

¹⁰ Мария-Анна-Аделаида Ленорман (1772—1843) — известная французская гадалка и предсказательница, одно время близкая к императрице Жозефине; автор нескольких книг, в том числе «Сивилла на гробе Людовика XVI» («Sibille au tombeau de Louis XVI», 1816), «Оракул сивиллы» («Oracle sibillin», 1816), «Сивилла на Аахенском конгрессе» («Sibille au congès d'Aix-la-Chapelle», 1819) и др.

¹¹ Александр Леопольд Франц Эммерих принц фон Гогенлоэ-Вальденбург-Шиллингсфюрст (Hohenlohe; 1794—1849) — воспитанник иезуитов, в 1815 г. принявший сан и пользовавшийся большой популярностью как проповедник; автор мистических сочинений. С 1820 г., выступал в роли чудотворца — исцелителя недугов. В 1821 г. в русских журналах появились переведенные из немецких газет сообщения об исцелениях Гогенлоэ. «В последние 10 дней прошедшего месяца жителям Вирицбурга казалось, что они перенесены в апостольские времена. Глухие слышали, слепые прозирали, хромы начинали ходить не от прикосновения, а посредством краткой молитвы, по повелению во имя Иисуса. Князь Гогенлоге требовал веры во Иисуса, веры в точном получении помощи. Вера была единственным условием. Вечеру 27 числа исцеленных таким образом было уже более 70-ти всякого пола, возраста и состояния, от самого низшего класса в народе до наследного принца, который после продолжавшейся несколько минут молитвы 27-летнего князя Александра Гогенлоге Шиллингсфюрста получил утраченный им еще в детстве без всякой наружной причины слух» (Журнал Императорского человеколюбивого общества. 1821. Ч. 17, № 9 (сентябрь). С. 248—249; перепечатка из гамбургского «Correspondant impartial» от 11 и 29 июля 1821 г.; перевод этих же статей см. также: Казанский вестник. 1821. Ч. 2, август. С. 232—234).

¹² «Как только вы лишаете существо от природы слабое, несчастное или обремененное многими нуждами, но умное и деятельное возможности обдумывать свою участь и действовать к своему благу; как только вы отнимаете у него право собственности или уверенность, что он сможет сохранить добытое своим трудом, вы отнимаете у него все, вы истребляете в нем всякое человеческое чувство, все то, что составляет морального человека. Потому и русский крестьянин — лентяй и пьяница, он лишен чести и нравственности, хотя и набожен, наконец, исполнен пороков, заступивших в нем место всех качеств, которые позволяли бы ему жить достойно»; «При виде стольких зол спрашиваешь себя, когда и как им будет положен предел. Этот порядок столь плачевен, столь пагубен для жизни общественного организма, что даже те, в чью пользу он был установлен, устали от него свыше всякой меры. Они желали только покорить народ, а народ повергнулся в грязь и не хочет ничего более, как в ней барахтаться» (Faure. P. 197—198, 265—266).

¹³ «Император и все дворянство желают перемен. Достаточно взглянуть на эту страну, чтобы выразить то же пожелание; всем хотелось бы, чтобы оно осуществилось. Но как к этому приступить? Следует просветить народ, скажут мне, и тем подготовить его к принятию свободы.

Требовалось бы сначала, чтобы народ хотел быть просвещен, и может ли он этого хотеть, не будучи свободным? Просвещение не станет, как по-

лагают, мало-помалу распространяться, пока тому будут противодействовать причины столь сильные. Народ же, напротив, становится все хуже; он вырождается более и более. Можно сказать, что русский народ сейчас более далек от совершенства, чем был двести лет назад. Государство расширилось, армия лучше обучена, высшее сословие приобрело большую организацию и внешний блеск; но народ пребывает в более бедственном положении, а в этой стране в сравнении с народной массой остальное — ничто» (Fauré. P. 269).

Ср. у г-жи де Сталь: «Однако здесь народ порабошен, скажут мне; каков же может быть его характер? Полагаю, мне нет необходимости напоминать, что все просвещенные люди желают русскому народу выйти из этого состояния, и едва ли не более всех прочих желает этого <...> император Александр» (*Сталь Ж. де. Десять лет в изгнании. С. 209—210*).

¹⁴ Вяземский имеет в виду задуманный им еще в 1818 г. проект создания общества для обсуждения крестьянской реформы. Этот проект окончательно оформился в январе 1820 г. в беседах Вяземского и С. И. Тургенева, возвращавшегося через Варшаву из Парижа. 6 февраля 1820 г. Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Святое и великое дело было бы собраться помещикам разного мнения, но единодушного стремления к добру и пользе и, без всякой огласки, без всяких наступательных предположений, рассмотреть и развить подробно сей важный запрос, домогаться средств к лучшему приступу к действию и тогда уже, так или сяк, обнародовать его и мысль поставить на ноги. Правительство не могло бы видеть худым оком такое намерение, ибо в состав такого общества вошли бы люди и ему приверженные, и неприметным образом имели бы мы свое правое, левое и среднее отделение. Подумайте об этом, а я взялся бы пояснить свою мысль и постановить некоторые основы, на коих должно бы утвердиться такое общество; означить грани, за кои не могло бы оно видов своих перенести, и прочее. Поверьте, если мы чего-нибудь такого не сделаем, то придется нам отвечать перед совестью. Мы призваны, по крайней мере, слегка перебрать стихии, в коих таится наше будущее. Такое приготовление умерит стремительность и свирепость их опрокидания. Правительство не дает ни приветов, ни ответов; народ навсегда, пока не взбесится, дремлет. Кому же, как не тем, которым дано прозрение неминуемого и средства действовать в смысле этого грядущего и тем самым уладить ему дорогу и устранить препятствия, пагубные и для ездоков, и для мимоходов, кому же, как не тем, приступит к делу или, по крайности, к рассмотрению дела, коего событие неотменно и, так сказать, в естественном ходе вещей? Ибо там, где учат грамоте, там от большого количества народа не скроешь, что рабство — уродливость и что свобода, коей они лишены, так же неотъемлемая собственность человека, как воздух, вода и солнце. Тиранство могло пустить по миру одного Велизария, но выколоть глаза целому народу — вещь невозможная. И, поверьте, в нашем предположении могли бы мы смело сказать: не *на*, а *за начинающего Бог*. Я рассматриваю сей запрос как врач, который решился срезать нарост на теле, как уродливость, и по тому самому операции подлежащий, но вовсе не рассчитывает благотворных перемен во всем бытии больного,

которые неминуемо последуют за срезанием нароста, отягчающего тело больного и препятствующего плавному течению крови. <...> Рабство — на теле государства российского нарост; не закидывая взоров вдаль, положим за истину, что нарост этот подлежит срезанию, и начнем толковать о средствах, как его срезать вернейшим образом и так, чтобы рана затянулась скорее <...>. Повторю еще свою начальную мысль. Правительство наше играет всегда в молчанку и собирает только фанты; но, будь оно и живее, не его дело решить этот запрос; пожалуй, разреши оно узы рабства в своих поместьях, то и тогда еще оно нам не указ: иные его отношения, иные наши; политическое бытие его не основано на крестьянстве, дворянское до сей поры им только и держится. Хотите ли ждать, чтобы бородачи топором разрубил этот узел? И на нашем веку, может быть, праздник этот сбудется. Рабство — одна революционная стихия, которую имеем в России. Уничтожив его, уничтожим всякие предбудущие замыслы. Кому же, как не нам, приступить к этому делу? Корысть наличная, обеспечение настоящего, польза будущего — все от этой меры зависит. Посмотрите, как нравственно разживется государство, как дышать свободно оно будет, отделившись от этого зоба, который дает России вид настоящего кретина! Все прочее придет само собою. Без сомнения, начнем разом, более пятидесяти человек, которые охотно запишутся в общество» (ОА. Т. 2. С. 14—17). Составленная по этому поводу графом М. С. Воронцовым записка, под которой, кроме самого Воронцова, подписались князь А. С. Меншиков, граф С. С. Потоцкий, князь И. Л. Воронцов-Дашков, А. И. и Н. И. Тургеневы и князь П. А. Вяземский, в конце мая 1820 г. была передана императору. «...Они просили у государя разрешение основать общество земледельцев, в которое вошли бы лица, подписавшиеся под заявлением. Обществу предстояло избрать из числа своих членов комитет, уполномоченный выработать правила полного освобождения крепостных. После обсуждения проекта устава и одобрения его всеми членами общества (или подписавшими заявление) он должен был быть представлен министру внутренних дел; тот получил бы на сей счет указания императора. В конце этой поистине замечательной записки автор давал монарху понять, что после триумфальных побед русского оружия для вящей славы России с нее необходимо смыть единственное позорящее ее пятно» (*Тургенев Н. И. Россия и русские* / Пер. с франц. и ст. С. В. Житомирской. М., 2001. С. 252; текст черновых рукописей записки, сохранившихся в бумагах Тургеневых, см.: *Архив братьев Тургеневых*. Пг., 1921. Вып. 5: Дневники и письма Н. И. Тургенева за 1816—1824 гг. (Т. 3). С. 488—490). Александр I, первоначально благосклонно отнесшийся к этой инициативе, на аудиенции, данной М. С. Воронцову после подачи обращения, «объявил, что общество и подписки не нужны, а каждый может свои намерения в рассуждении крестьян сообщать министр<у> вн<утренних> дел» (запись в дневнике Н. И. Тургенева от 1 июня 1820 г. — *Архив братьев Тургеневых*. Вып. 5. С. 232). «Сих расхолаживающих слов, — вспоминал впоследствии Н. И. Тургенев, — оказалось довольно, чтобы отвратить графа и других подписавшихся от задуманного. Мне рассказывали также, что генерал-адъютанты, поставившие свои подписи под заявлением, в течение

некоторого времени встречали довольно холодный прием при дворе. Один из них по этой причине даже оставил службу» (Тургенев Н. И. Россия и русские. С. 253; подробнее о проекте 1820 г. см.: Там же. С. 701—702, коммент. А. Р. Курилкина).

¹⁵ «Император Александр вызывает в своей стране чувства благодарности и восторга; он видит, что необходимо для ее счастья. Обладая столь прекрасной душой, он, несомненно, горячо желает его. Устройство Польши по образцу других европейских государств, кажется, стало его первым опытом. Здесь он уверен в успехе, но не имеет возможности извлечь из него никаких следствий для собственной страны. Польский народ так привык терпеть от разного рода перемен, что покорится, вероятно, любым, даже и не ведущим к его благу. И притом ничего не стоит наводнить нынешнюю Польшу войсками.

Россия другое дело; поскольку император вряд ли сможет изменить русский народ силой, придется взять его хитростью» (Faure. P. 284).

¹⁶ Имеется в виду басня Ж. де Лафонтена (La Fontaine; 1621—1695) «Лисица и виноград» («Le Renard et les raisins» (III, 11), опубли. в 1668); на русском языке — в переложении И. А. Крылова («Лисица и виноград» (VI, 17), 1807—1809).

¹⁷ «Без всякого сомнения, слово *свобода* было бы неверно понято русскими крестьянами и отозвалось бы криком мятежа и мщения. Прежде всего они почли бы себя свободными от необходимости работать; за этим следовало бы ожидать голод и гражданскую войну, разжигаемую к тому же воспоминаниями о всем причиненном им зле и той жаждой мести, которую можно заглушать, не будучи в состоянии удовлетворить, но которая с наступлением благоприятного момента оживает во всей ярости. Россия тогда явила бы собой огромную сцену, на которой разыгрывается ужасающее представление; и как только рука была бы поднята на то, что всегда прежде было свято, на дворянство, не осталось бы никакой узды, никаких границ преступлению; и страх наказания, сменяющий жажду убийства, заставил бы истребить все, чтобы нечего было больше бояться» (Faure. P. 266—268).

¹⁸ Изданный 20 февраля 1803 г. указ о свободных хлебопашцах предоставлял крестьянам право освобождения из крепостной зависимости с получением при этом в собственность земельного надела на тех или иных оговоренных с помещиками условиях (чаще всего за выплачивавшееся в рассрочку денежное вознаграждение). Н. И. Тургенев, критикуя многочисленные ограничения и бюрократические формальности, затруднявшие действия указа, тем не менее относил его к «благотельным мерам, принятым в первые годы царствования императора Александра» (Тургенев Н. И. Россия и русские. С. 201). Либерально настроенная часть русского общества восприняла указ как первый шаг к ликвидации крепостного права. Число перешедших в это вновь образованное сословие земледельцев-собственников в царствование Александра I немногим превысило 47 тысяч душ мужского пола. Подробнее см.: *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. 1. С. 252—281.

¹⁹ «Русский народ не менее ленив нравственно, чем физически. По их безучастным лицам видишь, что ничто не происходит внутри этих людей, что перед тобой существа, никогда не пытавшиеся связать двух понятий. То выражение, которое им свойственно и которое можно было заметить даже у солдат, хотя и в меньшей степени, чем у остального народа, определяется более состоянием души, нежели чертами лица. Они смотрят на вас неопределенным, пассивным взглядом; они безразличны ко всему, что происходит вокруг них. Прислуживая своему господину за столом...» и т. д. (Faure. P. 203—204)

²⁰ «Я видел крепостного столяра, работавшего на своего господина. У него не было верстака. При каждом движении рубанка, которое он делал, доска, служившая ему верстаком, падала, потому что опоры ее были плохо закреплены; он поднимал ее, поправлял опоры и возобновлял работу; доска падала снова. Он предавался этому бессмысленному занятию неделю, а верстак стоял у него в доме, в полусотне шагов.

Тот же помещик решил надстроить купленный им деревянный дом; восемь работников могли закончить эту работу в четыре дня. В пятнадцати верстах находилось его имение, где все крестьяне были плотниками; он вызвал оттуда восьмерых, в конце недели сменил их на восемь других и так далее. Они потратили на эту постройку все лето, три месяца...» и т. д. (Faure. P. 199).

²¹ Н. И. Тургенев также указывает на огромную разницу в положении оброчных и барщинных крестьян: «Первые по своему положению стоят бесспорно выше вторых; с некоторым основанием можно даже утверждать, что если юридически они и являются рабами, то фактически они полностью таковыми не являются» (*Тургенев Н. И. Россия и русские. С. 220*). Барщинных же крестьян он признает «самыми несчастными» (Там же. С. 225). Положение государственных крестьян Тургенев оценивает несколько иначе. «В Европе распространено мнение, — пишет он, — что положение государственных крестьян не отличается от положения прочих крепостных; это ошибка. Эти крестьяне свободны настолько, насколько можно быть свободным в России. <...> Деревни, заселенные государственными крестьянами, не отличаются обыкновенно той правильностью, какую наблюдаешь в помещичьих деревнях; это, как и другие черты, свидетельствует о недостатке порядка и надзора. Потому помещики стараются доказать, что государственные крестьяне являются беззащитными жертвами небрежности и произвола правительственных чиновников и находятся в гораздо худшем положении, чем их крепостные. Во многих местах таким обвинениям вторят сами государственные крестьяне. Но случись им делать выбор между положением крестьянина, всецело защищенного помещиком, и крестьянина государственного, нещадно угнетаемого чиновниками, они всегда предпочтут положение последнего, нежели решатся вверить себя надеждному покровительству дворянина-помещика» (Там же. С. 203, 204).

Фор пишет о государственных крестьянах: «Значительная, быть может пятая, часть обрабатываемой земли в России является государственной. Крестьяне, на ней трудящиеся, принадлежат лишь императору или прави-

тельству. Это свободные люди, которые получают весь доход с возделываемой ими земли и платят необременительный ежегодный налог; это фермеры, для которых правительство создает выгодные условия. Кажется, они были бы должны обогащаться.

Они беднее остальных. Городские власти, с которыми они имеют дело, под покровительством или, лучше сказать, во власти произвола которых они находятся, их разоряют, обирают их при каждой возможности, обманывают при сборе налогов, забирают все под обещание освобождения или угрожая сдать в рекруты. Не сделавшись свободными людьми, они являются крестьянами, не имеющими никакого защитника, не имеющими господина, который бы им покровительствовал, ограждал от грабительских властей; эти люди отданы во власть первого чиновника, пожелавшего их притеснять. Поэтому и деревни государственных крестьян узнаются по своему более жалкому виду» (Faure. P. 272—273).

²² Это и следующее примечания явно принадлежит одному из читателей рукописи и обращено к ее автору. Приведенные слова Наполеона не являются точной цитатой. В 26-м бюллетене Великой армии, подписанном в Боровске 23 октября 1812 г., идет речь о разрушительном пожаре Москвы и действиях французского командования после него: «После того как Москва перестала существовать, император предполагал или покинуть эту груду развалин, или расположить в ней 3000 человек, заняв только Кремль...» («Depuis que Moscou avait cessé d'exister, l'Empereur avait projeté ou d'abandonner cet amas de décombres, ou d'occuper seulement le Kremlin avec 3000 hommes...») (Bulletins officiels de la Grande Armée, recueillis et publiés par Alexandre Goujon. Campagnes de Russie et de Saxe. Paris, 1821. P. 144).

²³ Здесь возможна описка в копии (douze вместо: dize); исправляется по смыслу, в соответствии с датировкой статьи Вяземского февралем — серединой июля 1823 г.

²⁴ Faure. P. 206. Ср. замечания о паломничестве к киевским святыням у г-жи де Сталь: «...Паломники приходят сюда пешком из Казани и других городов, расположенных близ границы с Азией; впрочем, паломничества в России совершаются легче, чем в любой стране, хотя расстояния здесь огромны. Русский народ не боится ни усталости, ни физических тягот. Он терпелив и деятелен, весел и задумчив» (Сталь Ж. де. Десять лет в изгнании. С. 203).

²⁵ Это анонимное двустихие, вышедшее из среды янсенистов-конвульсионеров в ответ на запрещение в 1732 г. Людовиком XV их собраний на кладбище Сен-Медар под Парижем, приведено Вольтером в примечании к тем стихам третьей песни «Орлеанской девственницы» («La Pucelle d'Orléans», 1735), где описываются сен-медарские явления:

Cessez, cessez, ô discordes civiles;
Tout va changer: place, place, imbéciles!
Un grand tombeau sans ornement, sans art... etc.
(Œuvres complètes de Voltaire. Nouv. éd. Paris, 1817.
Т. 8 (Poésies. Т. 2). P 49)

Но полно, полно! Распри, прекратитесь!
Дорогу, простофили! Расступитесь!
В Медардовом приходе видит взор
Могилы бедный и простой забор,
Но дух святой свои являет силы
Всей Франции из мрака той могилы;
За исцеленьем к ней спешит слепой
И ощупью идет к себе домой;
Приводят к ней несчастного хромого,
Он прыгает и вдруг хромает снова;
Глухой стоит, не слыша ничего;
А простаки кричат про торжество,
Про чудо явленное, и ликуют,
И доброго Париса гроб целуют...

(*Вольтер*. Орлеанская девственница; Магомет; Философские повести. М., 1971. С. 60; пер. под ред. М. Л. Лозинского)

«Добряк Парис, — писал Вольтер в примечаниях к поэме, — был слабоумный диакон; однако, как один из самых ярких и влиятельных среди простонародья янсенистов, он почитался этим простонародьем за святого. В 1724 году вздумали ходить молиться на могиле этого чудака, на кладбище при одной из парижских церквей, сооруженной во имя святого Медарда, впрочем мало известного. Этот святой Медард никогда не творил чудес; но аббат Парис сотворил их множество. <...> Святой Парис сотворил триста или четыреста чудес в этом роде; если бы ему позволили, он бы воскрешал мертвых; но вмешалась полиция; отсюда известное двустиишие <следует текст>» (*Œuvres complètes de Voltaire*. Т. 8. Р. 59—60; *Вольтер*. Орлеанская девственница; Магомет; Философские повести. С. 247—248).

Цитированное Вяземским двустиишие приводится Вольтером также в статье о конвульсионерах («Convulsions») в «Философском словаре» («Dictionnaire philosophique», 1764), где, рассказав о сен-медарских «чудесах» и борьбе иезуитов с янсенистами, Вольтер замечает: «И после этого мы смеем насмехаться над лопарями, самоедами и неграми...» (*Œuvres complètes de Voltaire*. Т. 24. Р. 220—221).

²⁶ «Живущие обработкой земли до старости не имеют никакого представления о земледелии. Они пашут без труда, поскольку земля их легка в обработке; бросают зерно и собирают созревшие посевы; ни о чем более они не знают; вряд ли найдется человек, способный обтесать дерево» (Faugé. Р. 204).

²⁷ Там же.

²⁸ Здесь не совсем точно передан эпизод из книги известного английского писателя и агронома Артура Юнга (1741—1820) «Путешествия, предпринятые в 1787, 1788 и 1789-м годах для познания земледелия, богатства и национального благосостояния Французского королевства» (*Travels during the Years 1787, 1788 and 1789, Undertaken More Particularly with a View of Ascertaining the Cultivation, Wealth, Resources and National Prosperity of the*

Kingdom of France. London, 1792), известной в России также по французскому переводу Ф. Суле. «Сегодня встретился с поразительным невежеством хорошо одетого французского купца, — пишет Юнг. — Он чуть не уморил меня нескончаемыми дурацкими вопросами, а под конец три или четыре раза спрашивал, из какой я страны. Мне пришло в голову сказать ему, что я китаец. “А далеко ли эта земля?” Я ответил, что за 200 лиг отсюда. “Двести лиг! Черт побери! Туда долго ехать!” Недавно другой француз, когда я назвал себя англичанином, спросил, есть ли в Англии деревья. Я ответствовал, что найдется несколько. “Ну, а реки?” — “О, этого совсем нет”. — “*Боже мой, у вас должно быть очень грустно!*” Столь поразительное невежество, особенно если сравнить его с распространенными по всей Англии знаниями, может быть приписано, как, впрочем, и все остальное, одному только образу правления» (*Voyages en France, pendant les années 1787—88—89 et 90, entrepris plus particulièrement pour s’assurer de l’état de l’Agriculture, des Richesses, des Ressources et de la Prospérité de cette Nation, par Arthur Young. Paris, 1793 (an II). Т. 1. Р. 104—105; Юнг А. Путешествия по Франции 1787, 1788 и 1789 / Вступ. ст. С. Н. Искуля; Пер. с англ. и примеч. С. Н. Искуля и Д. В. Соловьева. СПб., 1996. С. 62—63).*

²⁹ Faure. P. 231.

³⁰ Вяземский пользуется выражением А. П. Сумарокова: «Он наших стран Мальгерб, он Пиндару подобен...» («Эпистола II» (о стихотворстве), 1748).

³¹ Ж.-Ф. Лагарп (1739—1803) в своем «Лицее, или Курсе литературы древней и новой» вслед за Квинтилианом выделяет три вида красноречия: изобразительное (*démonstratif*), судебное (*judiciaire*) и собственно политическое, рассуждающее (*délibératif*; в русском переводе П. И. Соколова — совещательное, см.: *Лагарп И. Ф. Ликей, или Круг словесности древней и новой. СПб., 1811. Ч. 3. С. 154—155*). Про последнее Лагарп пишет: «В роде так называемого рассуждающего красноречия, предметом которого являются прения о делах общественных, о войне, о мире, о переговорах, о выгодах политических, о всех общих вопросах законодательства и управления, мы не имели, да и не могли иметь до революции 1789 г. ничего противопоставить грекам и римлянам; и вполне понятно, что этот род, который есть торжество красноречия республиканского, не может существовать при правлениях монархических. <...> Образцы этого рода красноречия, самого величественного и важнейшего, находятся в творениях Демосфена и Цицерона» (*Laharpe J. F. Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne. Nouvelle éd., augmentée et complète. Paris, 1817. Т. 2. P. 278, 279*).

³² Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862. С. 89—90.

³³ Речь идет о приглашенных из Парижа иезуитах, которым Луи-Огюст де Бурбон, герцог де Мэн (1670—1736) вверил книгоиздание в Треву, столице своего владетельного княжества Домб. С 1701 г. ими издавались здесь «Записки к истории наук и искусств» («*Mémoires pour servir à l’histoire des sciences et des arts*»), более известные под названием «Записки Треву» («*Mémoires de Trévoix*») или «Журнал Треву» («*Journal de Trévoix*»), где наряду с литературной критикой и научными обзорами уделялось значительное

место религиозной полемики с протестантами, янсенистами и материалистами (с 1734 г. издание «Записок» было перенесено в Париж; издавались иезуитами до запрещения деятельности ордена во Франции в 1762 г., после чего, сменив несколько издателей, под тем же заглавием просуществовали до 1767 г.). Кроме «Записок» иезуитами был издан в Треву также знаменитый в свое время «Всеобщий французский и латинский словарь» («Dictionnaire universel françois et latin»), обычно называемый «Словарем Треву» («Dictionnaire de Trévoux»; с 1704 по 1771 г. вышло 6 изданий, не считая стереотипных и сокращенных; первые два, 1704 и 1721 гг., печатались в Треву, с третьего издание словаря было перенесено в Париж). На оценку Вяземским издательской деятельности иезуитов в Треву во многом должно было повлиять отношение к ним Вольтера, их убежденного противника, не упускавшего случая задеть их в своих сочинениях — в третьей песни «Орлеанской девственницы», в «Веке Людовика XIV» («Le Siècle de Louis XIV», 1752; см., например: «...своим “Журналом Треву” они не снискали ни уважения, ни дружбы литераторов» — *Œuvres complètes de Voltaire. Nouvelle éd. Paris, 1817. T. 14. P. 171*); в «Могиле Сорбонны» («Le tombeau de la Sorbonne», 1752), в сатире «Россиянин в Париже» («Le Russe à Paris», 1760) и др. См. также эпиграмму Ж.-Б. Руссо «На журналистов Треву» («Aux journalistes de Trévoux» (II, 29)).

³⁴ В автографе: Démadhus. В копии имя Démadys написано поверх зачеркнутого: Démosthène. Имеется в виду Демад (Demadis, франц.: Démade, ок. 380 — 318 до н. э.) — знаменитый афинский оратор, сторонник македонской партии, политический противник Демосфена (см., например, в жизнеописаниях Фокиона и Демосфена у Плутарха — Фок. 1, 16, 20, 22, 26, 27, 30; Дем. 8, 10—11, 13, 23, 30).

³⁵ *Омар I* (ок. 591 или 581 — 644) — второй халиф (с 634) в Арабском халифате, сподвижник Магомета, по преданию сжегший Александрийскую библиотеку; *Тартюф* — персонаж комедии Ж.-Б. Мольера «Тартюф, или Обманщик» («Le Tartuffe, ou l'Imposteur», 1664).

³⁶ Цитата из комедии Мольера «Тартюф, или Обманщик» (д. 3, явл. 2):

Тартюф
 Вам что?
 Дорина
 Хочу сказать...
 Тартюф
 (*доставая из кармана платок*)
 Но только, Бога ради,
 Пожалуйста, сперва возьмите мой платок.
 Дорина
 Зачем?
 Тартюф
 Прикройте грудь, чтоб я вас слушать мог.
 Нам возмущают дух подобные предметы,
 И мысли пагубным волнением согреты.

(Пер. М. Л. Лозинского)

³⁷ Здесь Вяземский, скорее всего, имеет в виду эпизод со своей статьей «О новых письмах Вольтера». Эта статья была ответом на заметку М. Т. Каченовского (ВЕ. 1818. Ч. 99, № 12. С. 325—326) о выходе в Париже книги «Неизданных писем» Вольтера (*Lettres inédites de Voltaire*. Paris, 1818). Каченовский писал о Вольтере в пренебрежительном тоне и, грубо нападая на его почитателей, метил также и в сторонников Карамзина. 30 марта 1819 г. Вяземский отослал статью «О новых письмах Вольтера» в Петербург к А. И. Тургеневу. «Мне кажется, я хорошо во имя Вольтера поколотил Каченовского за Карамзина. Жалеть нечего, да и в самом деле, надобно было хоть раз окликнуться палкою», — писал он (ОА. Т. 1. С. 208). Тургенев горячо приветствовал статью, но сразу же высказал опасения за ее судьбу: «Боюсь, чтобы цензура не вступилась за невежество в лице Каченовского, достойного ее представителя, и тем не опровергла бы твоё мнение, что у нас не любят представительную систему. Но надеюсь, что эгид великой Екатерины прикроет бедняжку Вольтера...» (Там же. С. 214). Статья попала на рассмотрение к цензору Григорию Максимовичу Яценкову (1778—1852), выпускнику Московского университета, в 1801—1802 гг. адъюнкту философии и свободных наук при университете, в 1805—1816 г. члену Комиссии составления законов, служащему Кабинета его величества, переводчику и издателю еженедельника «Дух журналов». 30 апреля Тургенев сообщил Вяземскому, что Яценков не пропускает статью о Вольтере, утверждая, что «хвалить Вольтера без всякой оговорки <...> не позволено». «...Я имел сильную схватку с Яценковым, — писал Тургенев. — Он требует, чтобы автор сказал о вреде, нанесенном Вольтером нравственности и религии, и умерил похвалу ему. Я ему отвечал, что ты не о влиянии его на умы и сердца, а о письмах его говорить хотел, не почитая себя в праве исчислять его вредные качества; что надобно хвалить хорошее и в дурном, особенно терпимость, в то время, когда гасильники предлагают жечь сочинения, от коих огонь легко распространиться может и до сочинителей. А он одно и то же повторял <...>. Он остался при своем мнении, то есть при мнении, как он полагает, правительства...» (Там же. С. 224). 11 июня Тургенев написал Вяземскому, что его статья «решительно запрещена» (Там же. С. 249). См. также: *Заборов П. Р.* Русская литература и Вольтер. XVIII — первая треть XIX века. Л., 1978. С. 191—194.

³⁸ См. выше примеч. 13.

³⁹ Имеется в виду аббат Доминик Дюфур де Прадт (*Pradt*; 1759—1837), французский публицист и дипломат, духовник Наполеона, в 1812 г. посланник в Варшаве, в 1808—1815 гг. архиепископ Мехеленский. Мало в каком из своих публицистических сочинений Прадт не касался России. Еще по поводу его книги «Европа после Аахенского конгресса...» (*L'Europe après le Congrès d'Aix-la-Chapelle faisant suite au Congrès de Vienne*. Paris, 1819) Вяземский писал А. И. Тургеневу 8 марта 1819 г.: «Я ее еще не читал, но мне показывали некоторые места. Он, как и в прежних писаниях, все ставит Россию пугалищем для Европы» (ОА. Т. 1. С. 200). «Песня, которую он задалил о могуществе русском, — говорил в ноябре того же года Вяземский Тургеневу по поводу первой части книги Прадта «Карлсбадский конгресс»

(Congrès de Carlsbade. Paris, 1819), — доказывает только, что он о России пишет по соображениям ума; он видит великана и слышит, что пекутся о развитии нравственной силы этого Соловья-разбойника. Как же не бить в набат? Но подойди ближе, и страх пройдет...» (Там же. С. 347). Летом 1822 г. Тургенев с Вяземским читали «О Греции в ее отношениях с Европой...» (De la Grèce dans ses rapports avec l'Europe. Paris, 1822). 15 июня Вяземский делился своими впечатлениями: «Я сейчас читал книжицу Прадта о Греции: виды справедливые, но все та же песнь о России, горе-богатыре» (ОА. Т. 2. С. 263). Судя по всему примечание о Прадте в статье Вяземского сделано им или кем-нибудь из его друзей после знакомства с новым сочинением Прадта — «Параллель между английским и русским могуществом относительно к Европе...» (Parallèle de la puissance anglaise et russe relativement à l'Europe; suivi d'un aperçu sur la Grèce. Par M. de Pradt, ancien archevêque de Maline. Paris, 1823), вышедшим в свет в конце марта 1823 г. (см.: Bibliographie de la France. 1823. № 14, 5 avril. P. 207 (№ 1498)) и имевшим выраженную анти-русскую направленность. В этом сочинении Прадт утверждал, что Россию нельзя судить по меркам других европейских стран, и рассматривал ее как «иной мир». Эта огромная военная империя, в которой нет никаких гражданских свобод, никакого представления о правах человека представляет реальную угрозу западной цивилизации, и Запад со всеми его парламентами, конституционными хартиями и общественным мнением не способен противостоять этой монолитной силе.

⁴⁰ Цитата из оды П.-Д. Экушара-Лебрена (Écouchard-Lebrun; 1729—1807) «Господину де Бюффону, на его клеветников» («A Monsieur de Buffon, sur ses détracteurs» (I, 1)):

Buffon, laisse gronder l'Envie;
C'est l'hommage de sa terreur:
Que peut sur l'éclat de ta vie
Son obscure et lâche fureur?..

(Œuvres de Ponce Denis (Écouchard) Le Brun. Paris, 1811. Т. 1. P. 3).

⁴¹ Faure. P. 301—302.

Тексты стихотворений В. А. Жуковского (По архивным материалам Пушкинского Дома)

При подготовке нового собрания сочинений и писем В. А. Жуковского в 20 томах¹ сотрудники Томского государственного университета провели обширный комплекс исследований, в том числе связанных с выявлением и учетом автографов поэта и авторитетных копий его произведений. Впервые сведения об автографическом фонде Жуковского представлены с такой полнотой. Но вероятно, по причине существующей раздробленности личного архива Жуковского этот первый реестр требует значительных дополнений. Дополнения к первым двум томам издания, сделанные по материалам Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, представлены в настоящей публикации.

В новом собрании сочинений Жуковского не был учтен ряд автографов поэта.

1. «Отрывок из Делилева Дифирамба на бессмертие души» («На лоне вечности безмолвной...», 1806)

Беловой автограф первой редакции в составе 27 стихов (ф. 309 (Тургеневых), № 136, л. 1), без заглавия, с подписью: «Ж.»².

Варианты автографа³:

¹ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. / Редкол.: И. А. Айзикова, Э. М. Жилыкова, Ф. З. Канунова, О. Б. Лебедева, И. А. Поплавская, Н. Е. Разумова, Н. Б. Реморова, Н. В. Серебrenиков, А. С. Янушкевич (гл. ред.). М.: Языки русской культуры, 1999. Т. 1: Стихотворения 1797—1814 гг. / Ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич; 2000. Т. 2: Стихотворения 1815—1852 гг. / Ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич; 2004. Т. 13: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804—1833 / Сост. и ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич; Т. 14: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834—1847. / Сост. и ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич; 2008. Т. 3: Баллады / Сост. и ред. Н. Ж. Ветшева, Э. М. Жилыкова; 2009. Т. 4: Стихотворные повести и сказки / Сост. и ред. А. С. Янушкевич; Науч. ред. А. Б. Пеньковский (далее: Жуковский. ПСС).

² В печати появился текст второй редакции в составе 16 стихов (ст. 17—27 были отброшены), см.: ВЕ. 1807. Ч. 31, № 4. С. 261—262.

³ Варианты здесь и далее даются относительно текстов нового собрания сочинений. «Отрывок из Делилева Дифирамба на бессмертие души» напечатан здесь по тексту единственной прижизненной публикации в «Вестнике Евро-

- ст. 5: От Крона, ярого рушителя миров
ст. 15: О странник, тайною рукою огражденный
ст. 24: К Предвечного стопам из праха восхищает

2. «Младенцем быть душою, рассудком созреть...»

В новое собрание сочинений под редакцией А. С. Янушкевича не включено.

Беловой автограф (ф. 309, № 136, л. 1 об.), с подписью: «Ж.» и датой: «1806-го, октября 9».

Стихотворение обращено к М. А. Протасовой и перекликается с одним из пунктов программы «Будущая жизнь» в дневнике Жуковского 1806 г.: «Какова теперь М<аша> и какую я ей желаю быть»⁴. Было напечатано в 1902 г. Н. А. Бреверном де ла Гарди⁵. Ниже приводится по автографу из архива Тургеневых⁶:

Младенцем быть душою;
Рассудком созреть;
Не тела красотою,
Любезностью пленять;
Ценить златое время;
Считать весельем труд;
И праздной муки бремя
Навеки скрыть под спуд;
Не в свете, но в природе,
10 В простом кругу семьи
В порядке и свободе
Утехи зреть свои;
Быть в дружбе неизменной;
Любя, *душой* любить.
Супруги сан священный
Как дар небес хранить;
Струи благоденья
На скорбных проливать;
В обители страданья
20 Отраду посылать;
Приятных муз игрою

пы»; ст. 17—27 приводятся А. С. Янушкевичем в комментариях по копии РНБ (см.: Жуковский. ПСС. Т. 1. С. 470).

⁴ Жуковский. ПСС. Т. 13. С. 33.

⁵ *Бреверн де ла Гарди Н. А.* Два неизданных стихотворения В. А. Жуковского // РС. 1902. № 4. С. 134—135.

⁶ Судя по всему, публикация Бреверна де ла Гарди сделана именно по этому автографу или по копии с него.

Пленять себя под час,
И нежной к ним душою
Любить их сладкий глас.
В бедах не быть унылой;
На радость уповать;
И мощной веры силой
Печали отражать;
Собою наслаждаться;
30 *Свой* рай в *душе* хранить;
За призраком не гнаться.
И путь житейский чтить.
К бессмертию стезею,
Где жизни сей венец,
Куда любви рукою
Нас всех благий Отец
Ведет неоткровенный:
Вот цель сих быстрых лет,
Вот счастье, друг бесценный.
40 Другого счастья нет!

3. «Певец» («В тени дерев, над чистыми водами...», 1811)

Беловой автограф (ф. 309, № 136, л. 3—4), под заглавием: «Романс на голос: un menéstre, delaissé par sa mie»⁷, без подписи.

Вариант автографа:

ст. 10: Но в мире сем минутный гость он был;⁸

4. «Песня» («О, милый друг! Теперь с тобою радость!...», 1811)

Черновой и беловой автографы (ф. 309, № 136, л. 9, 10), без заглавия, без подписи.

Вариант белового автографа:

ст. 4: Твой гений над тобой, достойна счастья будь!⁹

5. «Желание. Романс» («Озарися, дол туманный...», 1811)

Беловой автограф (ф. 309, № 136, л. 2), без заглавия, без подписи.

Варианты автографа:

⁷ «Менестрель, покинутый своей возлюбленной» (*франц.*). Романс Ф.-А. Буальдьё (Boieldieu; 1775—1834).

⁸ Так же в тексте первой публикации (ВЕ. 1813. Ч. 68, № 7—8. С. 200—201); изменен в издании: Стихотворения Василия Жуковского. СПб., 1815. Ч. 1.

⁹ Изменен уже в тексте первой публикации (ВЕ. 1813. Ч. 68, № 7—8. С. 196—197; под заглавием: «К моему другу»).

- ст. 10: Сладкий голос тишины!¹⁰
ст. 16: В сладкодышущих цветах!¹¹
ст. 17: О страна очарованья!
ст. 26: Мчись! и будь, что суждено!¹²

6. «Славянка. Элегия» («Славянка тихая, сколь ток приятен твой...», 1815)

Беловой автограф (ф. 309, № 136, л. 11—12 об.), без заглавия, без подписи.

Варианты автографа:

- ст. 21: И вдруг пустынный храм в глуши передо мной!¹³
ст. 25: Воспоминанье здесь печальное живет!
ст. 53: Но вокруг меня опять светлеет темный лес;
ст. 61: Все здесь оживлено! с овинов дым густой
ст. 82: Здесь храм между берез и тополей мелькает;¹⁴
ст. 95: Как великан, глядясь в зеркало вод, блестит
ст. 111: Как бы воздушное там веет меж листов;¹⁵

7. «С холодных невских берегов...»

Беловой автограф (ф. 309, № 2744, л. 1), без заглавия.

В новом собрании сочинений напечатано А. С. Янушкевичем по «черновому наброску» РНБ в разделе «Из черновых и незавершенных рукописей» под редакционным заглавием «<К. Н. Батюшкову>» и датировано второй половиной марта 1814 г.¹⁶ Ниже приводится текст указанного беловой автографа из архива Тургеневых. В нем иное чтение имеют ст. 9, 12, 16, 18, 19, 22, 23; кроме того, за стихотворным текстом следует прозаическое окончание.

¹⁰ Так же в тексте первой публикации (ВЕ. 1813. Ч. 68, № 7—8. С. 197), первого (1815) и второго (1818) собрания стихотворений Жуковского; изменен в издании: Стихотворения Василия Жуковского. 3-е изд., испр. и умнож. СПб., 1824. Т. 1.

¹¹ Так же в тексте первой публикации; изменен в издании: Стихотворения Василия Жуковского. СПб., 1815. Ч. 1.

¹² Ст. 17 и 26 изменены уже в тексте первой публикации.

¹³ Так же в тексте первой публикации (Стихотворения Василия Жуковского. СПб., 1815. Ч. 2. С. 7—16) и второго (1818) собрания стихотворений Жуковского; изменен в издании: Стихотворения Василия Жуковского. 3-е изд., испр. и умнож. СПб., 1824. Т. 2.

¹⁴ Так же в тексте первой публикации и второго (1818) собрания стихотворений Жуковского; изменен в издании: Стихотворения Василия Жуковского. 3-е изд., испр. и умнож. СПб., 1824. Т. 2.

¹⁵ Ст. 25, 53, 61, 95 и 111 изменены уже в тексте первой публикации.

¹⁶ См.: Жуковский. ПСС. Т. 2. С. 362, 756—757.

С холодных невских берегов
На берег Сены отдаленной
Посылка другу пук стихов
На память старины священной,
Веселой младости, друзей,
И славной жертвы наших дней,
Москвы, свободой истребленной!
Мой друг, в виду парижских стен
Под тихих веяньем знамен,
10 В славянском стане водруженных,
В кругу товарищей твоих,
К щитам спокойно преклоненных,
Ты повтори, что я для них
В виду Москвы, огнем объятай,
(Когда лишь мыслию крылатой
Навстречу мести я летал),
На вещи лире прозвучал!
Но между тем, как в русском стане
При звучном русском барабане,
20 Ты нежишься в стране цветов
И ароматом вешним дышишь,¹⁷
И в сказках лишь о вьюгах слышишь,
Мы здесь, среди родных снегов,
При шуме хладной непогоды
Лишь в сказках о красах природы
Пред дымным слышим камельком,
И кое-как воображенье
Приводим в сладкое забвенье
Стихами, дружбой и вином.

И ни вьюги, ни холод, ни отдаление не мешают мне тебя любить; надеюсь, что сердце сердцу весть подает, и что ты любишь по-прежнему Жуковского.

Дата и адресат этого стихотворения устанавливаются по списку, сохранившемуся в архиве Тургеневых (ф. 309, № 2757, л. 1–1 об.). Он сделан рукой неустановленного лица; за последним стихом рукой А. И. Тургенева записан неполный текст прозаического окончания: «и ни вьюги, ни холод не мешают мне и прочее (кончено в прозе)». Предваряет список стихотворения пояснительная запись А. И. Турге-

¹⁷ В публикации А. С. Янушкевича стих, по-видимому, напечатан с ошибкой: «И ароматом вышним дышишь».

нева: «Сергею Ивановичу Тургеневу от Жуковского при послании из П<етер>бурга нового “Певца на Кремле”». Отдельное издание «Певца в Кремле», о котором идет речь, вышло во второй половине декабря 1816 г. в Петербурге¹⁸. С. И. Тургенев в это время находился во Франции, где исполнял обязанности чиновника дипломатической службы по управлению оккупационными войсками¹⁹. 18 декабря 1816 г. А. И. Тургенев сообщал брату Сергею о приезде Жуковского из Дерпта в Петербург²⁰. 3 января 1817 г. он отправил в Париж брату и С. П. Свечиной экземпляры «Певца»²¹. Стихотворное посвящение Жуковского С. И. Тургеневу, таким образом, следует датировать концом декабря 1816 — 3 января 1817 г.

8. «Ответы на вопросы в игру, называемую секретарь». I. «Звезда и корабль» («Звезда небес плывет пучиною небесной...»). **II. «Бык и роза»** («Задача трудная для бедного поэта...», 1819).

Автограф (ф. 234 (П. А. Плетнева), оп. 1, № 153, л. 88), без общего заглавия, без заглавия первого стихотворения, без подписи. Первое стихотворение записано без поправок, во втором — исправления, сделанные непосредственно по ходу письма. Этот автограф был описан Ц. С. Вольпе как хранящийся в собрании Пушкинского Дома²², но составителями нового издания обнаружен не был²³. Рукопись представляет собой сложенные пополам и сшитые полулисты. Получившаяся тетрадка в четвертую долю листа открывается копией стихотворения «Цвет завета» рукой А. А. Воейковой (см. ниже № 15) (л. 84—86 об.), далее (л. 86 об. — 88) следует сделанная ею же неполная (ст. 1—57) копия «первого отчета о луне» «Государыне императрице Марии Федоровне» («От вашего величества давно...»), под заглавием: «Ее императорскому величеству государыне Марии Федоровне всеподданнейшее донесение о Павловском солнце и луне в июне месяце 1819-го года». Под ней на свободном месте (л. 88) Жуковский позднее записал свои «ответы на вопросы».

¹⁸ «“Певец” уже отпечатан; ожидаем только виньетки, которая делается и будет изображать Кремль», — писал А. И. Тургенев, наблюдавший за изданием, Жуковскому в Дерпт 9 декабря 1816 г. (РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 115, л. 140).

¹⁹ См.: Послужной список коллежского советника С. И. Тургенева (ИРЛИ, ф. 309, № 1161, л. 7—10).

²⁰ См.: ИРЛИ, ф. 309, № 383, л. 12.

²¹ См.: Там же, л. 14 об.

²² См.: Жуковский В. А. Стихотворения. Л., 1940. Т. 2. С. 527 (Б-ка поэта; Большая серия).

²³ См.: Жуковский. ПСС. Т. 2. С. 542—543.

Вариант автографа стихотворения «Звезда и корабль»:
ст. 2: Пучиной бурных вод — земной корабль плывет!..

Заметим также, что расположение автографа не позволяет датировать его 16 июня — 2 июля 1819 г. (временем работы над стихотворением «Цвет завета»), как это сделано в новом издании. «Ответы на вопросы» были написаны позднее стихотворения «Цвет завета», то есть после 2 июля 1819 г. Нижняя граница датировки при этом остается открытой.

9. «Перовскому» («Счастливец! Ею ты любим!..», 1819).

Беловой автограф (ф. 309, № 1191, л. 9), без заглавия, без подписи, без разночтений с печатным текстом.

10. «Василию Алексеевичу Перовскому» («Товарищ! Вот тебе рука!..», 1819).

Беловой автограф из бумаг В. А. Перовского (р. I, оп. 9, № 39, л. 1—2), без заглавия, без подписи, с датой под текстом: «23 июля»; на сложенном вдвое листе бумаги; на первой странице вдоль корешка запись его рукой: «24 ноября. Саше Толстой. Передать также ей, если что найдется Жуковского в моих бумагах и мой журнал в плену. Но, кажется, я сжег».

Варианты автографа:

ст. 23—25: Незыяснимым упованьем
Прискорбно-сладким ожиданьем,
Невыразимую тоской!

ст. 33—35: Меня незапно навестило,
Меня незапно уманило
На первобытной жизни луг!

ст. 61: Товарищ грустный молчаливость

ст. 64: И, к жизни холоден, дружишься

ст. 87: На то мой жребий дал мне право!..

ст. 109: О, вверься ж, друг, *душе* прекрасной!

ст. 113: Предайся *ей*, забыв сомненье,

11. «Русская народная песня» (Вместо английской «God save the King»)
(«Боже, Царя храни!..», 1833).

Беловой автограф, вклеенный в альбом А. П. Даргомыжского (№ 10046, л. 4), под заглавием: «Молитва русского народа», с подписью: «Жуковский». На этом же листе ниже: автограф нотного текста одногласной мелодии с подтекстовкой рукой А. Ф. Львова, 4/4; F-dur; с датой: «14 марта 1847».

12. «Прими, России верный сын...»

Черновой автограф из собрания А. Ф. Онегина (№ 27786, л. 1), с пометой рукой А. Ф. Онегина: «бумага 1837 г.». Здесь же копия рукой А. Ф. Онегина.

В новом собрании сочинений Жуковского напечатано А. С. Януш-

кевичем по тексту первой публикации²⁴ с указанием, что автограф не обнаружен. Здесь послание связывается со встречей Жуковского в итальянском городе Комо с графом Матвеем Юрьевичем Виельгорским и датируется временем около 20 октября 1838 г.²⁵ Уточнить датировку и обстоятельства появления стихотворения позволяет копия рукой А. Ф. Бычкова из архива журнала «Русская старина» (ф. 265, оп. 2, № 1037, л. 1). Копия сделана А. Ф. Бычковым в 1856—1857 гг., когда по приглашению П. А. Плетнева и Д. Н. Блудова он принимал участие в подготовке «посмертных сочинений» В. А. Жуковского, вошедших в дополнительные тома пятого собрания сочинений поэта²⁶. В копии А. Ф. Бычкова стихотворение озаглавлено: «Цесаревичу Александру Николаевичу» и датировано: «Рим. 30 января 1839». Здесь же имеется позднейшая пояснительная запись И. А. Бычкова, обращавшегося к материалам о Жуковском, собранным его отцом, при составлении описания бумаг Жуковского в Публичной библиотеке²⁷. Видимо, запись И. А. Бычкова сделана при передаче копии стихотворения в журнал «Русская старина», где, впрочем, оно также не было опубликовано: «1) Печатается по копии, находящейся в бумагах академика А. Ф. Бычкова, снятой им собственноручно в 1850-х годах. Масленицу 1839 г. цесаревич Александр Николаевич проводил, как известно, в Риме. 2) Еще в начале своего заграничного путешествия 1838—1839 гг. наследник во время пребывания в Копенгагене сильно простудился и захворал лихорадкою»²⁸.

13. «У излучины прекрасной...»

Черновой автограф из архива Я. К. Грота (№ 16121, л. 7), без даты, без подписи. Здесь же (л. 8—9 об.) сводка верхнего слоя чернового автографа первых четырех строф стихотворения, сделанная П. А. Виско-

²⁴ *Hoffmann M.* Le Musée Pouchkine d'Alexandre Onêguine à Paris: Notice, catalogue, extraits de quelques manuscrits (*Гофман М. Л.* Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже: Общий обзор, описание и извлечение из рукописного собрания). Paris, 1926. P. 172—173.

²⁵ См.: Жуковский. ПСС. Т. 2. С. 781—782. Предположение, что стихотворение обращено к графу Виельгорскому, было высказано первым публикатором послания М. Л. Гофманом, датировавшим его 1838—1839 гг.

²⁶ Стихотворения Василия Жуковского. СПб., 1849. Т. 1—9; СПб., 1857. Т. 10—13.

²⁷ *Бычков И. А.* Бумаги В. А. Жуковского, поступившие в Имп. Публичную библиотеку в 1884 г. // Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1884 г. СПб., 1887. Приложение.

²⁸ Православная Пасха в 1839 г. приходилась на 26 марта, таким образом, 30 января — первый день Масленицы.

ватовым и К. К. Зейдлицем. Две последние, пятая и шестая строфы практически не читаются. Посылая рукопись из Дерпта в Петербург Я. К. Гроту, П. А. Висковатов замечал в сопроводительном письме от 9 февраля 1883 г.: «Я полагаю, что стихотворение относится к последней поре жизни поэта, к его семье, с которой жил он в Германии у “тихоструйного ручья”. Обратите внимание на оборот листа. Тут педагогические заметки, котор<ые> могут относиться к тому времени, п<отому> ч<то> и тогда он занимался этими вопросами. Затем рисунок стула, намекающего на геморрой и долгие страдания...» (Там же. л. 6). Приводим текст первых четырех строф по сводке П. А. Висковатова:

У излучины прекрасной
Тихоструйного ручья,
Расцвела безопасно
Молодых цветов семья.

На берегу с обширной сенью
Величавый дуб стоял
И хранительною тенью
Их от зноя защищал.

Их журчаньем утешала
Благотворная струя
Им лицо небес являла
Влага светлая ея.

И спокойно расцветая,
Говорили ей цветы:
О струя, струя родная
Нам и жизнь, и радость ты...

14. Рукописный сборник «Романсы. Слова Жуковского. Музыка Плещеева. 1813»

Из собрания А. Ф. Онегина (№ 27859). Нотные автографы (16), подтекстовка (кроме № 2) рукой В. А. Жуковского, русские комментирующие записи сделаны В. А. Жуковским, французские — А. А. Плещеевым²⁹. Сборник состоит из следующих произведений:

№ 1. «Бог в мир ее послал себе на прославление...». На текст стихотворения «Добрая мать» (1811). Предваряется записью: «Cet air n'est pas de Plestcheyeff. Il n'a fait que l'accompagnement³⁰. Примечание собачки; слова — сочинения галочки».

²⁹ Краткое описание сборника (без указания, что подтекстовка сделана рукой Жуковского) см.: *Hoffmann M. Le Musée Pouchkine d'Alexandre Onéguine à Paris. P. 73.*

³⁰ «Это мелодия не Плещеева. Он сочинил только аккомпанемент» (*франц.*).

№ 2. «Allegretto parodié du Branle sans fin. Vieux air français. Paroles et musique de Plestcheyeff»³¹. Это французское стихотворение написано А. А. Плещеевым и, по-видимому как и первый романс, адресовано Е. А. Протасовой.

№ 3. «Откуда ты, эфира житель?..». На текст стихотворения «Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу» (1813). Предваряется заглавием: «Вот она! Бабочка...» и записью: «Слова — галочки! Музыка — собачкина».

№ 4. «Элизиум» («Роща, где податель мира...»). На текст одноименного стихотворения (1812).

³¹ «Аллегретто. Подражание бесконечному бранлю (старый хороводный танец. — Л. Х.). Старинный французский мотив. Слова и музыка Плещеева» (франц.). Первая строфа записана как подтекстовка под нотами, вторая — отдельно внизу листа:

Si nous chantons ses vertus,
Sa douceur, sa bienfaisance
Par sa bonté secourus,
Le malheur et l'indigence
Sauront en dire bien plus.
Qu'on fasse comme on voudra,
Nous aurons tort, je parie,
Sans la connaître on pourra
Nous taxer de flatterie.
Mais vous tous qui connaissez
Cette femme si chérie,
Vous direz que par envie
Nous n'en disons pas assez,
Nous n'en disons pas assez,
Nous n'en disons pas assez,
Nous n'en disons pas assez.

Перевод:

Если мы поем хвалу ее добродетелям,
Ее кротости, ее щедрости,
Побуждаемые к тому добротой,
То горе и нужда
Сумеют сказать о них много больше.
Как ни взгляни,
Держу пари, мы заслужим упреки.
Те, кто не знаком с нею,
Будут обвинять нас в лести.
Вы же все, кто ее знает,
Скажите, что из зависти
Мы не не говорим всего,
Не говорим всего,
Не говорим всего.

2e Couplet

Prononcez en ce moment
Sur le sort de notre ouvrage:
Pour peindre le sentiment,
Deux auteurs ont fait usage
D'un langage différent.
Quand le texte est dans le coeur,
Qu'importe alors ce langage?
Sur un pauvre traducteur
Le texte a trop d'avantage;
Mais de nos communs succès
Qu'on sourire doit le gage:
Il sera compris, je gage
Par le Russe et le Français.

2-й куплет

Вынесите теперь приговор
Нашему творению:
Чтобы изобразить чувство,
Два автора использовали разные
языки.
Когда текст рожден сердцем,
Какое значение имеет язык?
У текста множество преимуществ
Перед бедным переводчиком;
Но пусть свидетельством нашего
общего успеха
Будет улыбка;
Бьюсь об заклад, текст будет
понят
И русским, и французом.
(франц.)

№ 5. «Услад» («Над прозрачными водами...»). На текст стихотворения «Жалоба» (1811).

№ 6. «Цветок» («Минутная краса полей...»). На текст одноименного стихотворения (1811).

№ 7. «Дубрава» («Дубрава шумит...»). На текст стихотворения «Тоска по милом» (1807).

№ 8. «Мальвина» («С тех пор, как ты пленен другою...»). На текст одноименного стихотворения (1808).

№ 9. «Romance» («Когда я был любим в восторге, в восхищенье...»). На текст стихотворения «Песня» («Когда я был любим в восторгах, в наслажденьи...», 1806)³².

№ 10. «Кассандра» («Все в обители Приама возвещало брачный час...»). На текст одноименной баллады (1809).

№ 11. «Песнь араба над могилою коня» («Сей друг, кого и ветер в полях не обгонял...»). На текст одноименного стихотворения (конец 1809 — начало 1810).

№ 12. «Romance à deux voix»³³ («Счастлив тот, кому забавы...»). На текст стихотворения «Песня» (1809).

№ 13. «Желание» («Озарися, дол туманный...»). На текст одноименного стихотворения (1811).

№ 14. «Пловец» («Вихрем бедствия гонимый...»). На текст одноименного стихотворения (1812).

№ 15. «Дней моих еще весною...». На текст стихотворения «Путешественник» (1809).

№ 16. «Песнь воинов» («Вот вам совет, мои друзья!..»). На текст стихотворения «Песня в веселый час» (1812).

В новом собрании сочинений Жуковского не учтен также ряд *копий*, имеющих значение для истории текста и комментария к стихотворениям Жуковского.

Авторизованные копии

15. «Цвет завета» («Мой милый цвет, былинка полевая...», 1819)

Копия рукой А. А. Воейковой (ф. 234, оп. 1, № 153, л. 84—86 об.), под заглавием: «Цветок»; рукой Жуковского выправлены ошибки и вписаны отдельные неразобранные Воейковой слова; без подписи.

Разночтения копии:

ст. 4: Доныне ты с непышной красотой

ст. 11—12: В них тайное цветет воспоминанье,

³² С вариантом ст. 1 относительно текста единственной прижизненной публикации (ВЕ. 1807. Ч. 31, № 2. С. 123).

³³ «Романс на два голоса» (*франц.*).

- И веет с них давнишняго привет!
- ст. 37: Отжившее пред нами оживало
- ст. 54: Они еще скрывались в оный час!
- ст. 62—63: О милые, далекие друзья,
 Всех благ земных прекрасная примета,
- ст. 83: Веселое младенчество промчится,
- ст. 87: Услышит он возвышенные вести

16. «Молитвой нашей Бог смягчился» («С полудороги прилетел ты...», 1839).

Копия из архива П. А. Плетнева (ф. 234, оп. 8, № 41, л. 1—2 об.), рукой неустановленного лица с поправками Жуковского в ст. 46—47, с датой: «8 декабря 1839» и подписью: «В. Жуковский». В верхнем левом углу разрешительная запись великой княжны Ольги Николаевны для издания: «Согласна. Ольга. 14 декабря 1839». По этой копии была осуществлена первая публикация стихотворения в «Современнике» (1840. Т. 17, № 1. С. 112—114, 3-я паг.).

17. «Царскосельский лебедь» («Лебедь белогрудый, лебедь белокрылый...») (1851). Копия из архива П. А. Плетнева (ф. 234, оп. 8, № 153, л. 92—93 об.), рукой В. А. Кальянова, без заглавия, без подписи; с поправками Жуковского в ст. 45—49, первоначально читавшимися:

И, столетний старец, в веке Николая
 Видишь, угасая, как семья младая
 Вкруг царевой силы вьется, как зеленый
 Плющ вкруг силы дуба, под густой короной
 Ветвей от напора бурь ища защиты.

Поправки сделаны по замечаниям П. А. Плетнева³⁴ и дают окончательный вариант этих стихов.

Копии

18. «<К Ваничке>» («В час добрый! Для тебя, мой милый Ваня, жить...»)

В новом собрании напечатано О. Б. Лебедевой в разделе «Из черновых и незавершенных рукописей» по копии рукой М. А. Протасовой-Мойер из фонда Елагиных в РГБ (ф. 99) и датировано предположительно временем между 4 октября 1814 г. и 6 января 1815 г. по положению списка стихотворения в рукописной тетради с копиями стихотворений Жуковского³⁵.

³⁴ См.: Жуковский. ПСС. Т. 2. С. 739.

³⁵ См.: Там же. С. 363, 757—758. Основанием для включения стихотворения в раздел незавершенных текстов, возможно, послужила его мнимая незавер-

Более исправный текст дает список в альбоме А. П. Зонтаг из собрания Пушкинского Дома (№ 9625, л. 1) — рукой владелицы альбома, с пометой перед текстом: «1814. 3-ье марта при первом отъезде из Муратова» и подписью: «Твой друг Жуковский» ее же рукой. Ниже стихотворение приводится по этому списку:

В час добрый! Для тебя, мой милый Ваня, жить
Есть то же, что счастливым быть!
Забыл прошедшее, о будущем не знаешь,
А настоящее: смеяться и играть!
Когда же, наконец, поживши, угадаешь,
Что можно жизнь подчас от счастья отличать,
Тогда имей одно в предмете
Останься с чистою душой,
Чтобы среди всего, что встретится на свете,
Довольным быть собой.

19. «Ареопагу» («О мой Ареопаг священный...», 1815).

Копия из архива Тургеневых (ф. 309, № 575), рукой неустановленного лица, без заглавия; на двух сложенных пополам и сшитых полулистах, составивших, таким образом, восьмистраничную тетрадку. Восходит к тексту стихотворения, посланному поэтом из Долбино в Петербург при письме к А. И. Тургеневу от 5 января 1815 г. для прочтения в дружеском кругу и являющемуся более полным и доработанным, чем текст автографа, по которому до настоящего времени оно печаталось. Ниже приводится текст стихотворения по копии из архива Тургеневых:

О мой Ареопаг священный!
С моею музою смиренной
Я преклоняюсь пред тобой.
Публичный обвинитель твой,
Малютка-Батюшков, гигант по дарованью,
Уж суд твой моему *посланию*
В парнасский протокол вписал
За скрепой Аполлона,
И я к подножию божественного трона
10 С повинной головой предстал,
С поправками посланья
И с парой слов для оправданья.
Прошу, да пред него и Аристарх-певец
С своею критикой предстанет,
И да небесный Феб, по Пинду наш отец,
На наше прение негневным оком взглянет.
За что ж о плане ты, мой грозный судия,

шенность — наличие одного нерифмующегося стиха, на самом деле объясняющееся, скорее всего, дефактом копии.

- Ни слова не сказал? О страшное молчанье!
 Им муза робкая оглушена моя;
- 20 И ей теперь мое посланье
 Уродом кажется под маской красоты.
 Злодей! молчанием сказал мне боле ты
 Один, чем критиков крикливое собранье
 Разбора строгого шумящую грозой!
 Но так и быть! перед тобой
 Все тайные ошибки!
 О чем молчишь — о том и я хочу молчать!
 Чтоб безошибочно, мой милый друг, писать,
 На то талант твой нужен гибкий!
- 30 *Дерзнет ли свой листок он в тот вплести венец?*
 Ужасный стих! так ты воскликнул, мой певец!
 И музы все с тобой согласны!
 Да я и сам кричу, наморщившись: *ужасный!*
 Вотще жую перо, вотще молюсь богам,
 Чтоб от сего стиха очистили посланье!
 Напрасное пера невинного жеванье,
 Напрасные мольбы! — поправь его ты сам!
 Ленишься? Пусть живет векам на посмеянье!
Кто славы твоя опишет красоту?
- 40 Ты прав! *опишет* — вздор, написанный водою!
 А *твоя* — урод! я рад одной чертою
 Стишок сей уморить! но мирную чету
 Двух добрых рифм кто разлучить решится!
 Да, может быть, моя поправка пригодится:
Кто славных дел твоих постигнет красоту!
 Не лучше ли? Прими ж, мой друг, сию поправку —
 А прежний вздорный стих в отставку!
 Что далее?.. Увы! я слышу не впервой,
 Что стих: *дробила над головой*
- 50 *Земных народов брань*, и что ж еще: *державы!*
 Смешной и темный стих! быть может, бес лукавый,
 Моих баллад герой,
 Таким стишком шутил коварно надо мной.
 Над искусителем себя мы позабавим
 Балладой новою, а стих хоть так поправим:
Ниспровергала, враг³⁶ земных народов, брань!..
Нет! выше бурь венеца! Ты здесь, мой друг, в сомненье.
 Но бури жизни есть для всякого певца
 Незапрещенное от Феба выраженьё!
- 60 А *бури жизни*, друг, чем лучше *бурь венеца?*
 Итак, сомнение приняв за одобренье,

³⁶ Над строкой записан альтернативный вариант: бич

Я с бурями венца отважно остаюсь
 И, вверясь твоему сомнению,
 Беспечно на берегу с моей подругой ленью
 Сижу — и бурям критики смеюсь.
 Другой же стих — твоя, а не моя погрешность!
 Затмила, кажется, рассудок твой поспешность!
 Ведь *невнимательных царей*
 В посланьи нет! лишь ты, по милости своей,
 70 Был невнимательный читатель;
 А может быть, и то, что мой переписатель
 Царей не отделил
 От их народов запятою
 И так одной пера чертою
 Земной порядок помутил;
 Итак — здесь виноват не я, а запятая,
 И критика твоя косая...
*Под наклонившихся престолов царских тень,
 Как в неприступную для бурь и бедствий сень,*
 80 Прости, но с критикой твоей я не согласен,
 И в этих двух стихах смысл кажется мне ясен!
 Зато другие два, как шумный барабан,
 Рассудку чуждые, лишь только над ушами
 Господствуют: *мой трон у галлов над главами,
 Разгрянувшись в куски и вспыхнув как вулкан,*
 Своими странными кусками
 Подобен сухарю и так же сух, как он.
 Словечко *вспыхнул* мне своею быстротою
 Понравилось! винюсь смиренно пред тобою
 90 И робкою пишу рукою:
Вспылал, разверзнувшись как гибельный вулкан!
 Но чем же странен великан,
 С развалин пламенных ужасными очами
 Сверкающий на бледный свет?
 Здесь право, милый друг, карикатуры нет!
 Вот ты б, малютка, был карикатура,
 Когда бы мелкая твоя фигура
 Задумала с развалин встать
 И на вселенну посверкать —
 100 А тень огромная свирепого тирана?
 Сердись иль нет, а я горой за великана!
 Зато уж при других забавных трех стихах
 Пред критикой твоей бросаю лиру в прах,
 И рад хоть казачка плясать над их могилой:
*Там всё и сам Христов олтарь, кричало: брань!
 Там всё из-под бича к стопам тирана дань
 На пользу буйственным мечтам, принесть, спешило!*

- И вот как этот вздор поправил Феб мой хилый:
Там всё — и весь, и град, и храм — взывало: брань!
- 110 *Всё, раболепствуя мечтам тирана, дань
К его ужасному престолу приносило.*
Поправка! но вопрос: удачна ли она?
И мздой свою постель страданье выкупало.
Конечно, здесь твой вкус надменный испугало
Словечко бедное: *постель!* постель бедна
Для пышности стихов! не спорю я нимало!
Но если муза скажет нам:
И мздой свой бедный одр страданье выкупало?
Такой стишок ее понравится ль ушам?
- 120 Как быть! но мой припев: поправь, как хочешь, сам!
И дай вздохнуть моей на время лени,
Тем боле, что твои совсем некстати пени
На этот добрый стих... греха в нем, право, нет!..
И юность их была, как на могиле цвет!
Здесь блеск цветочка милый
Противуположен унынию могилы;
На гробе расцветя, цветок своей красой
Нам об ничножности сильней напоминает;
Не украшает он, а только обнажает
- 130 Пред нами ужас гробовой...
Так! гроба гость, цветок — символ для нас унылый,
Что все живет здесь миг и для одной могилы.
*И хитростью подрыв, изменой потрясен,
Добитый громами, за троном падал стою —
И скоро, сдавленный губителя стоюю,
Угасший пепел их покрылся мертвой мглою.*
Мой друг, я не коснусь до первых двух стихов.
В них вся политика видна Наполеона,
И всем известно нам, что неизбежный ков
- 140 Измены, хитрости расставив подле трона,
Лишь только *добивал* его громами он.
Не будь Наполеон —
Разбитый громами охотно б я поставил.
Последние ж стихи смиренно я поправил,
А может быть, еще поправкой и *добил*:
*По ним свободы враг отважною стоюю
За всемогуществом шагал от боя к бою;*
Что скажешь? угодил?
А следующий стих на *ратей переходы*
- 150 Служащий рифмою, я так переменял:
Спешищих раздробить еще престол свободы!
Еще трем карачун — их здешний мой зоил
Воейков уж давно на смерть приговорил:

*И вслед ему всяк час за ратью рать летела —
И по следам его на место: вслед всяк час
Поставить рожища мне смуглая велела,
И я исполнил сей приказ.
Уж указуешь путь властительной рукою —
Приказано писать: уж отверзаешь путь.
160 Перед тобой весь мир — писать: перед тобою
Мир — весь же зачеркнуть...
Еще на многие стихи он покосился,
Да я не согласился!*

20. «Мечта» («Ах! Если б мой милый был роза-цветок...», 1817)

Копии первой редакции:

1) А. С. Пушкина (ф. 244, оп. 1, № 697) под заглавием: «Желание». Напечатано: Русский библиофил. 1912. № 7—8. С. 38—39 (как автограф Жуковского; публ. И. А. Шляпкина); Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. и коммент. М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского, Т. Г. Зенгер. М.; Л., 1935. С. 481—482; Рукою Пушкина 1997. С. 453—454.

2) А. И. Тургенева (ф. 309, № 384, л. 167—168), при письме к С. И. Тургеневу от 2 апреля 1818 г., под заглавием: «Желание». В письме А. И. Тургенев пояснял: «Посылаю тебе, милый друг и брат, несколько писем для Кривцова и других и III-й № “Для немногих” с копией стихов, которые не вошли в эту книжку по причине слишком страстного их содержания» (Там же, л. 164). Свидетельство, что стихотворение предназначалось для сборника «Für Wenige. Для немногих», опровергает высказанное в комментариях к новому собранию сочинений утверждение о его оригинальном характере³⁷ и ставит вопрос об источнике.

Тексты обеих копий, за исключением одного несущественного различия, идентичны.

21. «Молитва русского народа» («Боже, Царя храни!..»)

Редакция 1818 г. в составе шести строф. Копия А. И. Тургенева (ф. 309, № 384, л. 108 об.—108), при письме к С. И. Тургеневу от 19 декабря 1818 г., без заглавия; предваряется пояснением А. И. Тургенева: «Вот тебе последние стихи Жуковского, которые он приделал к “Боже, царя храни...”. — Их будут петь послезавтра в гимназии у Уварова³⁸». Копия позволяет уточнить датировку стихотворения. Эта «расширенная» редакция «Боже, царя храни...» была создана в

³⁷ См.: Жуковский. ПСС. Т. 2. С. 482.

³⁸ В классической гимназии, созданной в 1811 г. по проекту попечителя Санкт-Петербургского учебного округа С. С. Уварова на основе петербургской губернской гимназии (впоследствии Вторая санкт-петербургская гимназия).

середине декабря (до 19-го) 1818 г., по-видимому, специально для публичного экзамена в Санкт-Петербургской гимназии³⁹.

22. «К портрету великой княгини Александры Федоровны» («Для нас рука судьбы в сей мир ее ввела...», 1818)

Копия А. И. Тургенева (ф. 309, № 384, л. 108) при том же письме, что и предыдущее стихотворение, после него, с предваряющей записью: «Вот другие к портрету вел<икой> княгине Александры Ф<едоровны>, написанные в альбом гр<афа> Милорадовича». После текста приписка А. И. Тургенева: «Я советовал ему кончить на четвертом стихе; остальное и неприлично и не совсем справедливо, да и четыре стиха все сказали, что должно». Это же мнение Тургенев более развернуто выразил в письме к П. А. Вяземскому от 11 декабря 1818 г., посылая и ему текст стихотворения⁴⁰.

25. «На смерть чижика» («В сем гробе чижик мой!..», 1819)

Копия А. И. Тургенева (ф. 309, № 384, л. 40), в письме к С. И. Тургеневу от 8 сентября 1819 г., без заглавия. Предваряется словами: «Он (Жуковский. — Л. Х.) еще написал на кончину чижика и припевает в Павловске: а я чижичков хороню, желтобоких хороню! — Я провел там еще два дня и побываю теперь разве еще раз»⁴¹.

23. «К портрету Императрицы Елизаветы Алексеевны» (I. «Кто на блистательной видал ее чреде...»; II. «В царицах скромная, любовь страны своей...»)

Копия А. И. Тургенева (ф. 309, № 384, л. 96), в письме к С. И. Тургеневу от 23 марта 1819 г., без заглавия. Предваряется словами: «Чтобы не совсем без стихов было письмо мое посылаю тебе надпись Жук<овского> к портрету имп<ератрицы> Е<лизаветы> А<лексеевны>». Эта копия решительно опровергает датировку 7—10 августа 1819 г., предложенную в новом издании⁴².

³⁹ Ранее, в сентябре — начале октября 1816 г., к торжествам по случаю основания Лицея, состоявшимся 14 октября 1816 г., одна «расширенная» редакция гимна уже была создана Пушкиным, приписавшим к тексту Жуковского две строфы (см.: АПСС. Т. 1. С. 306, 784).

⁴⁰ См.: ОА. Т. 1. С. 168. Публикаторы нового издания ошибочно датировали это стихотворение 1817 г. и без всяких на то оснований отнесли ко времени до знакомства Жуковского с великой княгиней. Цитируемое в комментариях письмо А. И. Тургенева к Вяземскому заодно тоже датировано ими 11 декабря 1817 г. (см.: Жуковский. ПСС. Т. 2. С. 479—480).

⁴¹ Стихотворение на смерть чижика с аналогичным пояснением Тургенев посылал и Вяземскому в письме от 2 сентября 1819 г. (см.: ОА. Т. 1. С. 302).

⁴² Два четверостишия к портрету Елизаветы Алексеевны были написаны Жуковским еще в декабре 1818 г. В письме к П. А. Вяземскому от 11 декабря 1818 г., сообщая адресату текст стихотворения «К портрету великой княгини

Разночтение копии:

ст. 3: Тому спутником, как тайный друг, везде

24. <Надгробие И. П. и А. И. Тургеневым> («Здесь сына и отца взяла одна могила!..»)

Копия А. И. Тургенева (ф. 309, № 548, л. 1), без заглавия:

Здесь сына и отца взяла одна могила!
В одном убежище вкушают тишину!
Их разлучила жизнь, но смерть соединила,
Две чистые души теперь слились в одну.

Составители нового собрания сочинений вслед за первым публикатором этой эпитафии⁴³ привели ее в комментарии к эпитафии «Судьба на месте сем разрознила наш круг...» как принадлежащую неизвестному лицу и «перекликающуюся» с надгробной надписью Жуковского⁴⁴. Копия из архива Тургеневых, где текст эпитафии сопровождается пометой: «Известны две», не оставляет сомнений в авторстве Жуковского.

В упоминавшемся выше письме к С. И. Тургеневу от 23 марта 1819 г. А. И. Тургенев обсуждает с братом проект памятника на общей могиле их отца Ивана Петровича Тургенева (1752—1807) и брата Андрея (1781—1803) на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры: «Не можешь ли подумать о рисунке для памятника, под которым будет покоиться прах нашего отца и брата? Те, кои сделали мне здесь, совсем мне не нравятся. Нет простоты и нет мысли. Я писал и к кн<язю> Гагарину⁴⁵, сказав ему *à peu près*⁴⁶, чего я желаю; но еще не имею на это ответа. Он хотел подумать. Жуков<овского> надпись я, кажется, послал к тебе. Что, если

Александры Федоровны», А. И. Тургенев прибавляет: «Еще две надписи сделал он к портрету императрицы Елисаветы, но в наказание за мое мнение о первой не дает мне их, и потому я не могу внести их сегодня в литературные депеши к вашему сарматскому величеству» (ОА. Т. 1. С. 168). Комментаторы нового издания, вместо того чтобы усомниться в предлагаемой ими датировке, усомнились в дате этого письма (см.: Жуковский. ПСС. Т. 2. С. 555).

⁴³ Т. С. Царькова (см.: РЛ. 1988. № 3. С. 106; Русская стихотворная эпитафия. СПб., 1988. С. 525 (Б-ка поэта; Большая серия)).

⁴⁴ См.: Жуковский. ПСС. Т. 2. С. 527.

⁴⁵ Григорий Иванович Гагарин (1781—1837), приятель А. И. Тургенева по Московскому университетскому благородному пансиону, дипломат, писатель, переводчик, любитель искусств, отец будущего художника и вице-президента Академии художеств Г. Г. Гагарина. В 1816—1822 гг., временно оставив дипломатическую деятельность, жил во Франции (см.: Русский биографический словарь. СПб.; М., 1914. Т.: Гааг—Гербель. С. 66—67).

⁴⁶ примерно (*франц.*).

бы удалось нам открыть памятник вместе, пригласив Жуковского и еще немногих, весьма немногих. Я бы не желал уехать отсюда⁴⁷, не исполнив сей священной обязанности. Она у меня на сердце» (ф. 309, № 384, л. 96). В архиве Тургеневых сохранилось ответное письмо Г. И. Гагарина из Парижа от 7 / 19 июля 1819 г. с наброском надгробия (чернила, перо). Как следует из этого письма, Гагарин в Париже советовался по поводу проекта памятника с С. И. Тургеневым. «Я наконец породил мысль для памятника батюшки твоего и брата Андрея, — писал он, — хочу серьезно намалевать: тень (ombre) юноши подает десницу тени старца, а другой рукой указывает на имя Божие в мистическом треугольнике. Ты из сего мало поймешь. Но я пишу и черкаю вместе, а скоро сие представлю в порядочном виде. Мысль понравилась твоему брату. Успеем более о сем перетолковать» (ф. 309, № 806а, л. 42).

Я наконец породил мысль для памятника батюшки твоего и брата Андрея, хочу серьезно намалевать, тень ombre юноши подает

десницу тени старца, а другой рукой указывает на имя Божие в мистическом треугольнике. Ты из сего мало поймешь, но я пишу и черкаю вместе, а скоро сие представлю в порядочном виде, мысль понравилась твоему брату. Успеем более о сем перетолковать. — Принадлежит тебе отдам себя отис все сердце твое кавалителе. Валентин

Гагарин

Первая эпитафия И. П. и А. И. Тургеневым была написана 1 января 1819 г., вторая, более лаконичная, вероятно, позднее, и нельзя исключать, что именно в связи с обсуждавшимися весной—летом 1819 г. конкретными проектами памятника.

⁴⁷ А. И. Тургенев в это время имел твердое намерение перейти на дипломатическую службу и проситься к какой-нибудь заграничной миссии. Об этом он пишет, в частности, и в данном письме к брату.

25. «Видение» («Блеском утра озаренный...», 1828)

Копия из архива Тургеневых (ф. 309, № 1191, л. 1—1 об.), рукой не-установленного лица с исправлением в ст. 1—2 рукой А. И. Тургенева, без даты, без подписи.

Разночтение копии:

ст. 2: Мироносный, окрыленный,

Исключительный интерес имеет еще один архивный материал. Это литография с рукописного списка стихотворения В. А. Жуковского «Пловец». Бумага повреждена, в нескольких местах имеются бурые и лысые пятна от теплового воздействия. Текст частично утрачен, сохранились ст.: 1—7, 20—29 (без разночтений). Выходные данные на листовке не указаны, за утраченной частью текста стихотворения следует запись: «Печатать позволено <утраченная часть> Карл ф<он> Поль». Карл Федорович фон Поль (1795—?) служил в должности цензора Санкт-Петербургского цензурного комитета с 1 сентября 1820 по 4 августа 1826 г.⁴⁸, соответственно в этот период и была напечатана литография. Она хранится, однако, в коллекции печатных листовок Отечественной войны 1812 г. из личного архива светлейшей княгини Екатерины Ильиничны Голенищевой-Кутузовой-Смоленской (урожд. Бибикова; 1754—1824), жены М. И. Кутузова (ф. 358, оп. 1, № 169, л. 8—8 об.)⁴⁹. То, что «Пловец» Жуковского оказался среди текстов 1812 г. вряд ли объясняется только простой случайностью. Это стихотворение о вере в спасительное, благославляющее Провидение, в предназначенную судьбу было написано Жуковским, вероятно, летом 1812 г., до того как он 2 августа уехал из Муратова, чтобы вступить добровольцем в народное ополчение⁵⁰. За метафорическими образами изображенных в

⁴⁸ См.: Гринченко Н. А., Патрушева Н. Г., Фунт И. П. Цензоры Санкт-Петербурга (1804—1917): (Аннотированный список) // НЛО. 2004. № 69. С. 386.

⁴⁹ Среди них также листовки с одой Г. Р. Державина «По случаю парения орла над российской армиею под предводительством князя Кутузова при селе Бородине 1812 года в августе» (СПб.: В Медицинской типографии, 1812. — 2 с. На с. 2 цензурное разрешение от 15 октября 1812 г.) (л. 1—2) и с текстом «Марша всеобщего ополчения россиян» (СПб.: Тип<ография> И. Глазунова, 1812. — 4 с. На с. 4 цензурное разрешение от 11 октября 1812 г.) (л. 5—6). Марш начинается так:

К ружью! К ружью! — К ружью
Россияне, спешите:
Спасайте мать свою,
Законы и царя, и веру защитите!

⁵⁰ См.: Дневник семейства Протасовых и А. П. Киреевской 1812 года в Орле // Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной. 1813—1852. М., 2009. С. 666.

стихотворении «трех ангелов небес» легко угадывались Е. А. Протасова и две ее дочери⁵¹. Но существовавший автобиографический подтекст утрачивал свой смысл вне близкого родственного круга. Поэтическая идея стихотворения «Пловец» — не в интимно-психологическом плане, а в другом контексте, на широком общественно-историческом фоне — прочитывалась иначе, о чем и свидетельствует его включение в коллекцию армейских патриотических листовок.

⁵¹ Рассказ К. К. Зейдлица, что романс «Пловец» исполнялся Жуковским 3 августа 1812 г. в Черни в день рождения А. А. Плещеева и вызвал возмущение Е. А. Протасовой, увидевшей в этом стихотворении свидетельство нежелания Жуковского отступить от любви к ее дочери, после чего Жуковский вынужден был покинуть Муратово (см.: *Зейдлиц К. К. Жизнь и поэзия В. А. Жуковского: По неизданным источникам и личным воспоминаниям.* СПб., 1883. С. 49—50), должен быть поставлен под сомнение. День рождения А. А. Плещеева был 1 июня, а 3 августа был день рождения его жены А. И. Плещеевой, который в 1812 г., судя по всему, если и отмечался, то в узком семейном кругу. Жуковский уехал из Муратово к армии 2 августа. Неизвестно, был ли он 3 августа в Черни, но Протасовых там точно не было. 4 августа Е. А. Протасова с дочерьми покинула Муратово, где опасалась оставаться из-за военных событий, и переехала в Орел. Ее дневниковые записи этих дней не дают повода предполагать никаких осложнений в их отношениях с Жуковским, так же как и записи общего семейного дневника Протасовых и А. П. Киреевской, относящиеся к более позднему времени, когда посланный из армии курьером к орловскому губернатору Жуковский жил вместе с Протасовыми в Орле (с 10 сентября по 10 октября 1812 г.) (см.: *Дневник семейства Протасовых и А. П. Киреевской 1812 года в Орле.* С. 666, 670, 679).

Завещание В. А. Жуковского 1831 года

Вступительная статья и публикация Л. Е. Мисайлиди

Среди материалов семейного архива Василия Андреевича Жуковского, поступивших в Пушкинский Дом в 1928 г. в составе собрания А. Ф. Онегина¹, находится папка с завещаниями поэта². Завещание, или духовная, — это документ, содержащий часто уникальные сведения (как правило, биографического характера), которые ранее по разным причинам не могли быть известны. В значительной степени это относится и к духовным Жуковского.

Первое из известных нам завещаний было составлено поэтом в 1826 г. перед отъездом в Германию для лечения³. Хотя в письмах Жуковский пытался описывать свое состояние здоровья с юмором, тем не менее в одном из них он отмечал: «едва таскаю ноги»⁴. Безвременная кончина в 1823 г. Марии Андреевны Мойер⁵, сыгравшей исключительную роль в биографии и творчестве поэта, по-видимому, изменила его отношение и к духовной как к документу. Быть готовым ко всему: обо всем и обо всех позаботиться, никого не забыть, никого не обременить — в этом весь Жуковский.

Долгое время не имея семьи, поэт был особенно привязан к своей крестнице Александре Андреевне Воейковой, глубоко несчастной в браке и всецело зависевшей от своего крестного⁶. Не случайно в за-

¹ Об А. Ф. Онегине см.: «Тень Пушкина меня усыновила...»: Рукописи, книги, изобразительные материалы, памятные вещи из музея А. Ф. Онегина: Каталог выставки. СПб.; Болонья; Кембридж, 1997. С. 9—19; *Краснобродько Т. И.* Пушкинский дом Онегина // Наше наследие. 1997. № 41. С. 28—32.

² ИРЛИ, № 27814 (завещания за 1831, 1837, 1838 гг. и два завещания за 1840 г.).

³ Опул.: Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895. С. 212.

⁴ Уткинский сборник. I. Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Протасовой. М., 1904. С. 43.

⁵ Мойер Мария Андреевна (урожд. Протасова; 1793—1823) — дочь А. И. и Е. А. Протасовых, сестра А. А. Воейковой (см. ниже примеч. 6), племянница Жуковского, предмет его сердечной привязанности. Родственные отношения не позволили поэту сочетаться браком с Марией Андреевной. В 1817 г. она вышла замуж за Ивана Филипповича Мойера (1786—1858), профессора кафедры хирургии Дерптского университета, декана, в 1834—1836 гг. ректора университета. В 1823 г. скоропостижно скончалась в родах.

⁶ Воейкова Александра Андреевна (урожд. Протасова; 1795—1829) — дочь А. И. и Е. А. Протасовых, племянница и крестница Жуковского, известная под

вещании 1826 г. Жуковский, прежде всего, думал о «Светлане»: «Оставляю все Александре Андреевне. Дать ей на выбор, что кому от меня подарить на память»⁷.

Следующее по времени завешание датируется 25 июня 1831 г.⁸ Составлялось оно перед поездкой Жуковского в Ревель, где он собирался принимать морские ванны и поработать вдали от суеты придворной жизни. Еще 24 мая 1831 г. в письме к своей племяннице Анне Петровне Зонтаг⁹ поэт писал: «Я, между тем, скоро отправлюсь на морские ванны»¹⁰. Из письма к Александру Ивановичу Тургеневу¹¹, написанному в конце июля или начале августа 1831 г., мы узнаем, что Жуковский «собрался было ехать в Ревель и там, конечно, в тени Катеринтальских каштанов, под шепот уединения, много бы написал, но холера всему помешала»¹². Начало 1831 г. сопровождалось для поэта большим творческим подъемом: в это время были написаны «Отрывки из испанских романсов о Сиде», сделаны переводы из Ф. Шиллера, Л. Уланда, Вальтера Скотта и др. Творчеством Жуковский предполагал заняться и в Ревеле. Впрочем, как известно, и в Царском Селе, куда двор переехал из Петергофа, Жуковского не оставляло вдохновение. Возможно, этому способствовало и близкое общение с Пушкиным и его молодой женой, которые жили на даче в Царском, встречи с Гоголем и многое другое.

Содержание завешания представляет большой интерес. Главная забота Жуковского — это материальное положение дочерей умершей

именем «Светланы» — героини посвященной ей баллады Жуковского. С 1814 г. была замужем за поэтом и издателем А. Ф. Воейковым. Благодеяний Жуковского по отношению к Александре Андреевне не перечить. В 1814 г. он продал свою деревню Холх близ Муратова и отдал деньги на приданое своей крестнице. В 1820 г. Жуковский поселился на одной квартире с Воейковыми, чтобы облегчить ее положение в семье. Подробнее о ней см.: *Соловьев. Н. В.* История одной жизни: А. А. Воейкова — «Светлана». СПб., 1915—1916. Т. 1—2.

⁷ Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. С. 212.

⁸ ИРЛИ, № 27814, л. 1—4.

⁹ Зонтаг Анна Петровна (урожд. Юшкова; 1786—1864) — дочь П. Н. и В. А. Юшковых, сестра А. П. Елагиной, племянница Жуковского, подруга детских игр поэта. Талантливая детская писательница, переводчица. В течение всей жизни находилась в переписке с поэтом, который помогал ей материально. Автор воспоминаний о поэте («Несколько слов о жизни В. А. Жуковского», 1849).

¹⁰ Уткинский сборник. С. 107.

¹¹ Тургенев Александр Иванович (1784—1845) был одним из самых близких друзей Жуковского со времен Московского благородного пансиона. С 1825 г. жил преимущественно за границей, в июне—августе 1831 г. находился в Москве.

¹² Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. С. 256.

в 1829 г. Александры Андреевны Воейковой¹³ и отдача долгов. Кроме того, впечатляет перечень лиц, которым Жуковский хотел оставить что-то на память о себе: это не только близкие родные — Екатерина Афанасьевна Протасова¹⁴, Авдотья Петровна Елагина¹⁵, Анна Петровна Зонтаг, но и великий князь Александр Николаевич¹⁶, великие княжны Мария Николаевна, Ольга Николаевна и Александра Николаевна¹⁷,

¹³ Дочери А. А. Воейковой — Екатерина Александровна (1815—1844), Александра Александровна (1820—1893), Мария Александровна (в замуж. Бреверн де ла Гарди; 1826—1906) — после смерти матери в Ливорно в 1829 г. были помещены в Екатеринбургский институт на средства императрицы Александры Федоровны. Забота о дочерях «Светланы» не оставляла Жуковского и впоследствии. В 1841 г. перед женитьбой Жуковский продает свое имение Мейерсгоф и вырученные деньги (115 тыс. рублей) делит поровну между сестрами. Так же, как когда-то поэт обеспечил приданым свою крестницу, так и теперь он назначает вырученные за имение деньги в приданое ее дочерям.

¹⁴ Протасова Екатерина Афанасьевна (урожд. Бунина; 1770—1848) — единокровная сестра Жуковского, мать М. А. и А. А. Протасовых. Ссылаясь на церковное запрещение брака ближайших родственников не дала согласия на брак Жуковского и своей старшей дочери Марии. С 1815 г. жила в Дерпте сначала в семье младшей дочери А. А. Воейковой, а с 1817 г. — в семье М. А. Мойер. После смерти дочерей продолжала жить с зятем, Мойером, в Дерпте, а затем в имении Бунино Орловской губернии, где занималась воспитанием внушек.

¹⁵ Елагина Авдотья Петровна (урожд. Юшкова, в первом браке Киреевская; 1789—1877) — дочь П. Н. и В. А. Юшковых, сестра А. П. Зонтаг, племянница В. А. Жуковского, его друг и многолетний корреспондент. Мать известных славянофилов И. В. и П. В. Киреевских, хозяйка известного литературного салона в Москве. Елагина успешно занималась переводами, многие из которых были опубликованы анонимно.

¹⁶ Александр Николаевич (1818—1881) — старший сын Николая I и императрицы Александры Федоровны, будущий император Александр II. С 1825 г. Жуковский был назначен наставником великого князя. В 1826 г. Жуковским был составлен план учения наследника, одобренный императором. До конца дней своих поэт сохранил привязанность к своему воспитаннику.

¹⁷ В обязанности Жуковского как наставника входило и наблюдение за преподаванием наук великим князьям. Мария Николаевна (1819—1876) — старшая дочь Николая I и императрицы Александры Федоровны, с 1839 г. жена герцога Максимилиана Лейхтенбергского. С 1852 г. была президентом Академии художеств и председателем Общества поощрения художников. По свидетельству Жуковского, Мария Николаевна явилась инициатором появления «Ундины» на русском языке, ей же она и была посвящена. Ольга Николаевна (1822—1892) — вторая дочь Николая I и Александры Федоровны, с 1846 г. жена наследного принца Фридриха-Александра Вюртембергского, будущего короля Карла I, с 1864 г. королева Вюртембергская. В своих воспоминаниях «Сон юности» Ольга Николаевна дала отрицательную и, по-видимому, не очень справедливую оценку Жуковскому-педагогу, в то же время отметив «прелесть чистой души, поэтическое воображение, дружелюбное и человеческое расположение

учителя и воспитатели царских детей, друзья — Александр Иванович Тургенев, Василий Алексеевич Перовский¹⁸, Петр Андреевич Вяземский¹⁹, Екатерина Андреевна Карамзина²⁰, Виельгорские²¹, Александр Сергеевич Пушкин, Петр Александрович Плетнев²² и др. Сухой перечень лиц и вещей, среди которых упомянуты книги, картины, рисунки, литографии, альбомы, бюсты, рукописи и др., раскрывает особый мир отношений поэта с его окружением. Он помнит о вкусах и предпочтениях каждого из этих лиц. Позаботиться об исполнении завещания Жуковский просил воспитателя наследника Карла Карловича Мерде-

духа и трогательную веру» своего наставника (В. А. Жуковский в воспоминаниях современников. М., 1899. С. 350). Уже в Германии Ольга Николаевна поддерживала дружеские отношения с поэтом и его семьей. Александра Николаевна (1825—1844) — младшая великая княжна, с 1843 г. жена принца Фридриха-Вильгельма Гессен-Кассельского. В Александре Николаевне Жуковский видел большое сходство с обожаемой им императрицей, называя ее младшей сестрой Лаллы Рук (см.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2004. Т. 14: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834—1847. С. 96—97). Весной 1843 г. Жуковский прислал княжне беловую рукопись своей поэмы «Наль и Дамайанти» со стихотворным посвящением и вклеенным портретом Александры Николаевны в костюме Дамайнти, исполненным Л. Майделем.

¹⁸ Перовский Василий Алексеевич (1795—1857) — граф, генерал-лейтенант. Незаконнорожденный сын графа А. К. Разумовского, брат А. А. Перовского (Антония Погорельского). Участник войны 1812 г. и русско-турецкой войны 1828 г., в 1833—1842 гг. оренбургский военный губернатор, впоследствии оренбургский и самарский генерал-губернатор, член Государственного совета. С 1817 г. близкий друг Жуковского. Был также верным другом А. А. Воейковой, крестным ее сына Андрея. Как и Жуковский, любил искусства, покровительствовал художникам, рисовал, занимался литографией.

¹⁹ Вяземский Петр Андреевич (1792—1878) был одним из ближайших приятелей и литературных соратников Жуковского. Друзей связывала и общая приязанности к Н. М. Карамзину и его семье, дружба с А. С. Пушкиным.

²⁰ Карамзина Екатерина Андреевна (урожд. Колыванова; 1780—1851) — вторая жена Н. М. Карамзина, единокровная сестра П. А. Вяземского. Пользовалась неизменным уважением Жуковского и его друзей.

²¹ Виельгорские Матвей Юрьевич (1794—1866), Михаил Юрьевич (1788—1856), его жена Луиза Карловна (урожд. принцесса Бирон; 1891—1853) и их сын Иосиф Михайлович (1817—1840) (см. также примеч. 43 к публикуемому документу).

²² Плетнев Петр Александрович (1792—1865) — поэт, литературный критик, ректор Петербургского университета (1840—1861). Плетнев познакомился с Жуковским в 1820 г. В 1823 г. помогал поэту в издании его сочинений. С 1826 г. по рекомендации Жуковского преподавал русскую словесность великим княжнам Марии Николаевне и Ольге Николаевне, с 1828 г. — наследнику. Многолетний корреспондент Жуковского и один из первых его биографов («О жизни и сочинениях В. А. Жуковского», 1852).

ра²³, своего друга Перовского и Владимира Федоровича Адлерберга²⁴. К счастью, им делать этого не пришлось.

29 апреля 1837 г., перед отъездом с наследником по России, Жуковский вновь пишет духовное завещание²⁵. Текст его написан рукой писаря с подписью и припиской Жуковского и засвидетельствован Александром Александровичем Кавелиным²⁶ и Дмитрием Николаевичем Блудовым²⁷. В этом документе несколько пересмотрены вопросы наследования, поскольку изменилось материальное положение Жуковского, и в то же время появляется новое лицо — дочь Марии Андреевны Мойер девица Екатерина Ивановна Мойер²⁸. Ей было за-

²³ Мёрдер Карл Карлович (1788—1834) — генерал-адъютант, с 1824 г. воспитатель великого князя Александра Николаевича. Участник военных походов 1805 и 1807 гг., Мёрдер долгие годы нес службу дежурного офицера в Первом кадетском корпусе, затем был ротным командиром Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Мёрдера-воспитателя отличала исключительная преданность великому князю, который отвечал ему искренней привязанностью. Во время пребывания Жуковского за границей в 1826—1827 гг. Мёрдер сообщал ему о ходе занятий, об успехах и поведении царственного питомца и его товарищей. Сразу после смерти Мёрдера в 1834 г. Жуковский почтил его память прочувствованным «Воспоминанием о К. К. Мёрдере», где особенно отмечал благотворительное влияние его на своего воспитанника.

²⁴ Адлерберг Владимир (Эдуард) Федорович (1791—1884) — граф, брат Ю. Ф. Барановой (о ней см. примеч. 23 к публикуемому документу). С 1817 г. адъютант великого князя Николая Павловича, с 1826 г. флигель-адъютант. Пользовался исключительным доверием императора, в 1828 г. — директор канцелярии начальника Главного штаба, в 1832 г. начальник Военно-походной его императорского величества канцелярии и член Военного совета. Возглавлял Почтовый департамент, с 1852 г. министр двора.

²⁵ ИРЛИ, № 27814, л. 7—8.

²⁶ Кавелин Александр Александрович (1793—1850) — генерал от инфантерии, участник войны 1812 г. и европейских походов, с 1818 г. флигель-адъютант великого князя Николая Павловича, с 1830 по 1833 г. директор Пажеского корпуса, в 1834—1841 гг. воспитатель наследника, в 1842—1846 гг. петербургский генерал-губернатор, с 1842 г. — член Государственного совета. Пользовался особым благоволением императора.

²⁷ Блудов Дмитрий Николаевич (1785—1864) — дипломат, крупный государственный деятель. В молодости был близок к литературным кругам, дружил с Карамзиным, Жуковским, А. И. Тургеневым др. Принимал активное участие в обществе «Арзамас». Участие Блудова в Верховной следственной комиссии по делу 14 декабря в качестве делопроизводителя и написанный им «доклад о тайных политических обществах» рассорил его со многими бывшими друзьями, в том числе с А. И. Тургеневым. Тем не менее Жуковский сохранил с ним и его семьей добрые отношения.

²⁸ Мойер Екатерина Ивановна (в замуж. Елагина; 1820—1891) — дочь И. Ф. и М. А. Мойеров, автор воспоминаний (см.: *Елагина Е. И.* Семейная хроника /

вещано все движимое имущество, «за исключением вещей, которые могут быть мною особенно назначены кому-либо другому», а также «исключительное право в течение 25 лет со дня смерти моей печатать и издавать мои сочинения в стихах и прозе»²⁹. К сожалению, в тексте отсутствует перечень лиц и памятных вещей, которые им предназначались, нет для этого и особого списка. Основной текст завещания 1837 г. с небольшими изменениями оставался в силе и к началу заграничного путешествия с наследником в 1838 г.³⁰

В начале 1840 г. поэт вновь готовился к путешествию, которое началось 5 марта 1840 г. В тот же день он писал своей сводной сестре Екатерине Афанасьевне Протасовой: «Нынче в 10 часов отправляюсь за границу вместе с великим князем. Последняя и важная наша дорога вместе. Возвращусь в конце августа. Этот срок не далек. Буду писать вам непременно с места. — Теперь о делах. В этом тексте найдете: опись подробную состояния всех ваших капиталов, которую прошу хранить. 2) Письмо Шамбо (его прев<осходитель>ство Иван Павлович Шамбо³¹), которому под сохранение я отдал все ломбардные билеты, все векселя и мою духовную. Это вам надобно знать. 3) Билет...³² лотереи, который еще ничего не выиграл и возвращается. 4) При всем этом моя рожа, из которой прошу сделать лотерею³³. — Маша³⁴ здорова, я вчера с нею простился. — Простите и вы; еще ко мне воздушный житель не постучался...»³⁵. Духовная, о которой идет речь в этом письме, представляет собой текст завещания 1837 г. с небольшими дополнениями и новой датой — 26 февраля 1840 г.

Уезжая в это путешествие, Жуковский и не предполагал, что его жизнь неожиданно и кардинально переменится: 3 (15) августа поэт стал женихом Елизаветы Рейтерн³⁶, дочери Герхарда фон Рейтерна, от-

Публ. Л. Г. Сахаровой // Российский архив: История отчества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. (Нов. серия). М., 2005. Вып. 2004. С. 324–424).

²⁹ ИРЛИ, № 27814, л. 7 об.

³⁰ Третье заграничное путешествие Жуковского продолжалось с 3 мая 1838 г. по 23 июня 1839 г.

³¹ Шамбо Иван Павлович (1783–1848) — секретарь императрицы Александры Федоровны. Управлял ее канцелярией. Обучал наследника немецкому языку.

³² Так в тексте.

³³ О каком портрете Жуковского здесь идет речь, сказать затруднительно.

³⁴ Имеется в виду М. А. Воейкова (в замуж. Бреверн де ла Гарди; 1826–1906), младшая дочь «Светланы», которая в это время еще училась в Институте.

³⁵ Соловьев. Н. В. История одной жизни. Т. 2. С. 83.

³⁶ Рейтерн Елизавета (Елизавета Алексеевна) фон (1821–1856) — старшая дочь Г. фон Рейтерна (см. ниже примеч. 37) и Шарлотты фон Швертцель, с 21 мая 1841 г. жена Жуковского.

ставного ротмистра лейб-гвардии Гусарского полка, художника и друга Жуковского³⁷. Новые обстоятельства заставили Жуковского в октябре 1840 г. составить новое завещание³⁸: теперь он должен был позаботиться о собственной семье. По новому завещанию его основной наследницей становится невеста поэта Елизавета Рейтерн. Впрочем, даже в этих обстоятельствах Жуковский закрепил за сестрами Воейковыми право издавать и печатать его сочинения. В то же время Екатерине Ивановне Мойер назначены только портфели с эстампами и литографиями. Возможно, это было вызвано желанием отца Екатерины Ивановны, Ивана Филипповича Мойера, отказаться от какого-либо наследства в пользу сестер Воейковых. Несколько неожиданным в этом завещании является назначение библиотеки поэта Андрею Александровичу Воейкову³⁹, душевнобольному сыну крестницы Жуковского. По всей видимости, в данном случае речь идет о библиотеке как о некоей ценности, которую можно продать, обеспечив материальное положение единственного сына «Светланы». Вместе с тем вполне понятным оказывается желание Жуковского оставить свою коллекцию рисунков другу и почти родственнику Рейтерну. Завещание 1840 г. представлено и в черновом варианте, где наиболее интересным для нас является реестр памятным вещам и лицам, которым они были назначены. Число их по сравнению с завещанием 1831 г. увеличилось, а состав, естественно, изменился. К сожалению, черновик читается очень плохо, поэтому информация является далеко не полной. Среди завещанных памятных вещей появляются «гроб Маши»⁴⁰, «гроб Саши»⁴¹, «бюст Пушкина»⁴², «бюст

³⁷ Рейтерн Герхард Вильгельм (Евграф Романович) фон (Reutern; 1794—1865) — художник-любитель, с 1837 г. академик живописи.

³⁸ ИРЛИ, № 27814, л. 11—14.

³⁹ Воейков Андрей Александрович (1822—1866) — сын А. А. и А. Ф. Воейковых. Крестник В. А. Перовского. Красивый и смысленный в детстве мальчик в октябре 1827 г. перенес скарлатину, которая впоследствии дала осложнение, ослабив его умственные способности.

⁴⁰ Имеется в виду картина маслом с изображением могилы М. А. Мойер на Дертском кладбище. Подробнее о ней см.: *Мисайлиди Л. Е.* О судьбе портретов из Уткинского архива: (К истории формирования фонда Жуковского в Пушкинском Доме) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003—2004 гг. СПб., 2007. С. 180—182.

⁴¹ Речь идет о картине с изображением могилы А. А. Воейковой в Ливорно. Подробнее о ней см.: *Мисайлиди Л. Е.* О судьбе портретов из Уткинского архива. С. 182—183.

⁴² Какой из известных бюстов Пушкина находился у Жуковского, сказать сложно. В феврале—апреле 1837 г. в Петербурге над бюстом поэта работал С. И. Гальберг, снимавший маску Пушкина, а в Москве в то же самое время над бюстом под наблюдением П. В. Нашокина работал И. П. Витали.

Брюллова»⁴³, «виды Швейцарии», «виды Рима», а среди новых лиц — Александр Михайлович Тургенев⁴⁴ и его дочь Ольга⁴⁵, Иосиф Радовиц⁴⁶ и др.

Существовало еще одно завещание Жуковского, написанное в конце 1847 г. О нем известно из письма поэта к Карлу Карловичу Зейдлицу⁴⁷ от 31 декабря 1847 г. Получено же оно Зейдлицем было уже после смерти Жуковского. «Мой милый Зейдлиц, пишу к тебе живой, но получишь письмо от мертвого. Если бы письмо мое было адресовано из того края, где я буду в то время, когда ты его будешь читать, то я бы что-нибудь тебе сказал об этом таинственном крае; но я пишу к тебе, еще будучи жителем земли. <...> ...помышляя о своем отбытии в тот край, но не зная, когда его срок наступит, забочусь о *своих*, которые, вероятно, позже меня покинут край здешний, и хочу исполнить свою обязанность, устроив с человеческим предвидением их будущее, которое Бог устроит по-своему и лучше, нежели я», — писал Жуковский своему другу⁴⁸. Собственно, это были два идентичных завещания:

⁴³ Без сомнения, речь идет о бюсте К. П. Брюллова работы И. П. Витали 1836 г.

⁴⁴ Тургенев Александр Михайлович (1772—1862) — директор Медицинского департамента в Москве, один из ближайших друзей и корреспондентов Жуковского. Автор известных записок под названием «Ермолафия», откуда произошло и прозвище автора — «Ермолаф».

⁴⁵ Тургенева Ольга Александровна (в замуж. Сомова; 1836—1855) — единственная дочь А. М. Тургенева, крестница Жуковского. В 1854—1855 гг. была предметом увлечения И. С. Тургенева, который отразил свои отношения с О. А. Тургеневой в повести «Переписка».

⁴⁶ Радовиц Йозеф (Иосиф) фон (Radowitz; 1797—1853) — известный прусский дипломат и государственный деятель. Жуковский познакомился с Радовицем в 1827 г., а сблизился уже после своего переселения в Германию. Радовиц был крестным отцом дочери поэта Александры. В 1848 г. Жуковский способствовал назначению пенсии своему нуждавшемуся другу (см. письмо Жуковского к Фридриху Вильгельму IV от 7 июня 1848 г. — Русский библиофил. 1912. № 7—8. С. 169—179). Жуковскому принадлежит биографический очерк о Радовице («Josef Radowitz, wie ihn seine Freunde kennen», 1850).

⁴⁷ Зейдлиц Карл Карлович (Seidlitz; 1798—1885) — доктор медицины, воспитанник Дерптского университета. Друг М. А. Мойер и А. А. Воейковой. Многолетний корреспондент, друг и поверенный Жуковского в России после отъезда поэта в Германию. Автор самой значительной биографии Жуковского (*Зейдлиц К. К. Жизнь и поэзия В. А. Жуковского: По неизданным источникам и личным воспоминаниям.* СПб., 1883). Подробнее о Зейдлице см.: *Пункевич-Диамант Я. С., Кузнецов И. А. Карл Карлович Зейдлиц и его время.* СПб., 2003; *Вуч Л. И. «Верный друг живым и мертвым» доктор Зейдлиц // Наше наследие.* 2004. № 69. С. 118—128.

⁴⁸ *Зейдлиц К. К. Жизнь и поэзия В. А. Жуковского.* С. 254—255.

одно на немецком языке, другое на русском. Точного содержания этих документов мы не знаем. В письме Жуковский оставлял попечителем своих детей самых доверенных лиц — Карла Карловича Зейдлица в России и Иосифа Радовица в Германии. Зейдлицу поручалось наблюдение за ходом издания сочинений Жуковского⁴⁹, их продажей и вложением вырученных денег для составления капитала детям поэта. Особо Жуковский просил его сохранить движимое имущество, оставленное в России и хранящееся в Мраморном дворце: картины, гипсы, гравюры, книги⁵⁰. «Все это должно быть сохранено жене моей, кроме бумаг, которые должны быть преданы сожжению»⁵¹.

Текст завещания Жуковского 1831 г. печатается по беловому автографу из собрания А. Ф. Онегина: ИРЛИ, № 27814, л. 1—3. Сохранились также черновой набросок завещания (там же, л. 4), текст которого используется в комментарии, и набор несостоявшейся публикации в журнале «Русский архив» (там же, л. 5—6; набранному тексту предшествует надпись синим карандашом рукою Онегина: «Завещание В. А. Жуковского 1831», справа на полях также синим карандашом: «Набрано для Р. Архива, но не напечатано»).

⁴⁹ Очередное, пятое, собрание сочинений Жуковского начало выходить в 1849 г.: *Жуковский В. А.* Стихотворения. 5-е изд. СПб., 1849. Т. 1—9; СПб., 1857. Т. 10—13 (т. 7, включавший прозаические произведения, и посмертно изданные т. 10—13, носили общее заглавие: «Сочинения»).

⁵⁰ В реестре вещам тайного советника Жуковского, оставленным на сохранение в Мраморном дворце, указаны: 41 ящик с книгами, 39 картин, 28 бюстов и 11 статуэток (см.: Архив ГЭ, оп. 1, 1840, д. 85, л. 14).

⁵¹ *Зейдлиц К. К.* Жизнь и поэзия В. А. Жуковского. С. 256.

В случае смерти моей желаю, чтобы исполнено было то, что следует ниже, о чем прошу позаботиться Карла Карловича Мердера, или Василия Алексеевича Перовского, или Владимира Федоровича Адлерберга.

1. Прошу государыню императрицу не оставить сирот Воейковых¹.

2. Билеты на деньги, положенные в Государственный заемный банк и в сохранную казну (здесь прилагаемые) передадут по назначению: одни — Екатерине Александровне Воейковой, другие — Александре Александровне Воейковой. Сии билеты могут быть переписаны на их имя и отданы на сохранение опекуну Воейковых дерптскому профессору Мойеру или их бабке Екатерине Афанасьевне Протасовой, находящейся в Дерпте.

3. Прошу государя императора благоволить оставить мне и по смерти всемилостивейше пожалованную мне аренду² хотя на столько времени, чтобы из доходов ее сделать следующее употребление:

а) Заплатить моему камердинеру Федору Титову³ 2000 рублей, кои я остался ему должен. Ему же отдать и все деньги, кои после меня найдут. Надеюсь, что великий князь похоронит меня на свой счет, а моего честного Федора возьмет под особенное свое покровительство: ручаюсь ему, что он найдет в нем слугу верного.

б) Заплатить 7500 рублей малолетнему Фреймунду Петерсену⁴, о коем узнать от дерптского профессора Мойера, или от рижского прокурора Петерсена⁵, или от рижского генерал-суперинтенданта Берга⁶.

с) Заплатить 2500 рублей Софье Андреевне Козловой⁷.

д) Заплатить 1200 рублей Тишнеру⁸ за фортепьяно.

4. Я остался должен ее величеству государыне императрице 10 000 рублей, кои она пожаловала мне для Александры Андреевны Воейковой⁹. Ее величество благоволила позволить, чтобы я этот долг обратил на уплату за содержание дочерей Проташинского¹⁰ в Московском институте¹¹: смею надеяться, что сие назначение не переменится и после моей смерти.

5. Оставшиеся после меня книги отдать Екатерине Александровне Воейковой; из сих книг исключаются все те, кои находятся в шкапах под № 1 и № 11, они принадлежат Александру Ивановичу Тургеневу и должны быть отданы на сохранение или здесь Константину Яковлевичу Булгакову¹², или в Москве обер-прокурору Степану Петровичу Жихареву¹³.

6. Фортепиано отдать Екатерине Александровне Воейковой.

7. За нею и за сестрою ее утвердить двадцатипятилетнее право на издание моих Сочинений в стихах и прозе, к коим присовокупить и все неизданные, кои найдутся в моих бумагах.

8. Мое платье, белье, серебро и все другие вещи по рассмотрению отдать моему камердинеру Федору Титову.

9. Из бумаг моих сжечь все те, кои находятся не в большом моем кабинете¹⁴.

10. Из тех же бумаг, кои находятся в большом моем кабинете¹⁵:

а) Лежащие внизу в шифоньере, на коей стоит бюст Юпитера¹⁶, отдать на сохранение или Константину Яковлевичу Булгакову, или Степану Петровичу Жихареву: они принадлежат Александру Ивановичу Тургеневу.

б) Находящиеся в одном из ящиков большого письменного стола моего отдать Екатерине Александровне Воейковой.

в) Все таблицы, карты, учебные рисунки и все, что припасено было для наших учебных занятий и что найдется все в большом кабинете моем в разных портфелях, передать его высочеству Александру Николаевичу на память о том, чего Бог не дал докончить¹⁷.

11. Нижеозначенные вещи должны быть розданы следующим образом:

а) Прошу государыню императрицу принять бюст его высочества кронпринца, им самим мне подаренный¹⁸.

б) Великому князю Александру Николаевичу альбом, подаренный мне кронпринцем (в футляре из белой кожи)¹⁹, другой альбом (в серой бумажной обертке, данный мне Рейтерном) и третий в красной юфти, в них записаны некоторые мои мысли. Ему же и бюст государыни императрицы, ею мне подаренный²⁰.

в) Великой княжне Марии Николаевне альбом, подаренный мне государыней императрицей в Берлине с портретом ее величества в костюме Лалла Рук²¹.

г) Великой княжне Ольге Николаевне альбом в футляре из синего сафьяна с замком из разноцветных камней, там же (то есть в Берлине в 1821 г. — *Л. М.*) подаренный мне государыней императрицей.

д) Великой княжне Александре Николаевне бюст великого князя, им мне подаренный²².

е) Карлу Карловичу Мердеру портрет великого князя Александра Николаевича, подаренный мне императрицей, также все эстампы, портреты и рисунки, кои вставлены в стекла и найдутся в моих комнатах.

ж) Юлии Федоровне²³ портрет великой княжны Марии Николаевны, Шарлотте Карловне²⁴ портрет в<еликой> к<няжны> Ольги Николаевны, Miss Holidayans²⁵ портрет в<еликой> к<няжны> Александры Николаевны; Марии Васильевне Касовской²⁶ портрет в<еликого> к<князя> Константина Николаевича²⁷.

h) Василию Алексеевичу Перовскому все картины Фридриха²⁸, Адлербергу картину Иоанна Крестителя²⁹.

i) Mademoiselle Wildermeth³⁰ пакет с письмами государыни императрицы³¹, который найдется в ящике письменного стола моего. Ей же отдать и живописную картину, представляющую Мадонну со Спасителем на руках³². В той шифоньере, на коей стоит бюст Шиллера, находятся две живописные картины, а между книгами есть маленькая поэма «Nal i Damaianti» с надписью г-жи Клейст³³. Я желал бы, чтобы они были отысканы и отданы M-elle Wildermeth, с тем чтобы книжку она переслала графине Stosch³⁴.

k) Екатерине Афанасьевне Протасовой (в Дерпт) портрет Александры Андреевны Воейковой и маленький альбом, писанный ее рукой³⁵.

l) Авдотье Петровне Елагиной (в Москву через почтдиректора Ивана Александровича Рушковского³⁶) портрет Марии Андреевны Мойер³⁷, висящий над письменным моим столом.

m) Анне Петровне Зонтаг (в Одессу) красный сафьянный альбом с черными стихами моими.

n) Александру Ивановичу Тургеневу книгу, переплетенную в корешок с белыми листами: Glaube, Liebe, Hoffnung³⁸. Ему же отдать и пакеты с *письмами*, на коих сделаны надписи. Ему также принадлежит и кованный железом ларчик, который передать ему с тем, чтобы часть бумаг, находящихся в оном, была сожжена непременно. Ему же отдать и бюст отца его и все живописные портреты³⁹, находящиеся не в моем кабинете, — все это поручить Булгакову или Жихареву.

o) Князю Вяземскому книгу в синем корешке с черными моими стихами.

p) Блудову историю Карамзина в осьмушку в корешке; два последние тома не переплетены и один из них с надписью Карамзина⁴⁰.

q) Екатерине Андреевне Карамзиной портрет Карамзина, висящий над письменным столом моим⁴¹.

r) Александру Сергеевичу Пушкину бюст Шиллера и маленькую статую гипсовую Гете⁴². Плетневу — бюст Юпитера.

s) Вьельгорскому все мои литографии в портфелях, находящиеся в письменном большом столе моем. Ему же бюст Ахиллеса⁴³.

t) Паткулю⁴⁴ мои часы.

u) Из остальных вещей выбрать по рассмотрению и раздать господам: Триниусу⁴⁵, Жилю⁴⁶, Юрьевичу⁴⁷, Липману⁴⁸, Шамбо⁴⁹, Крейтону⁵⁰, Мюральту⁵¹, Коллинзу⁵² и Павскому⁵³.

x) Графине Толстой портрет Перовскаго Брюло⁵⁴.

12. В мае месяце 1832-го года кончится условие мое, заключенное с книгопродавцем Глазуновым на счет полного издания моих стихотворе-

ний⁵⁵. Прошу поручить Плетневу или Пушкину, переговорив с книгопродавцом Смирдиным, приступить к новому полному изданию⁵⁶. Если Смирдин не согласится купить одного тотчас, ибо с ним заключено у меня условие на счет особенного издания моих баллад на три года, то по истечении сих трех лет продать мои сочинения и напечатать их с моим портретом, которого оригинал находится у Екатерины Афанасьевны Протасовой⁵⁷. Деньги, вырученные за продажу сочинений моих, положить в сохранную казну или в Заемный банк на имя трех сестер: Екатерины, Александры и Марии Воейковых. Портрет же тиснуть особенно несколько экземпляров и раздать моим приятелям на память.

Василий Жуковский
Петергоф, 1831 год
Июня 25-го

Примечания

¹ Сохранилось письмо Жуковского к Александре Андреевне от 4 февраля 1829 г., которое ей уже не суждено было прочитать, где крестный, зная о ее близком конце, успокаивал «Светлану»: «Не беспокойся об участии своих детей. Мы их усыновляем — я, Перовский и Полина (Толстая). Государыня не забудет их, положишься на ее сердце. Катя и Саша, надеюсь, могут жить со мною. Я постараюсь найти надежную особу, которая могла бы наблюдать за ними. Полина может взять на себя заботы о Маше» (*Зейдлиц К. К. Жизнь и поэзия В. А. Жуковского: По неизданным источникам и личным воспоминаниям.* СПб., 1883. С. 146). О материальном обеспечении сирот Жуковский писал Анне Петровне Зонтаг 24 мая 1831 г.: «У меня на руках три дочки: Катя, Саша и Маша. Надобно всем заблаговременно составить кусок. По расчету моему, при теперешнем доходе моем в четыре года будет все устроено: <...> дети будут иметь капиталы: Катя более 45 000, Саша 40 000, Маша 25 000. Разумеется, что сии капиталы не из одних моих денег составятся, но это верно, если только я жив буду» (Уткинский сборник. I. Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Протасовой. М., 1904. С. 107). По завещанию Жуковского 1837 г. сестры Воейковы были единственными наследницами его недвижимого имущества, им же назначались «арендные деньги по 3000 рублей серебром в год» (ИРЛИ, № 27814, л. 8).

² 29 мая 1831 г. Жуковскому была пожалована аренда по чину, так как 30 августа 1830 г. он был произведен в действительные статские советники. Аренда 1831 г. носила временный характер, в отличие от пожизненной аренды, которой он был пожалован 20 апреля 1834 г.

³ Возможно, именно о нем писала в своих воспоминаниях А. О. Смирнова-Россет: «У него тогда (в 1830 г. — Л. М.) был камердинер Федор (который жил

прежде у Александра Ивановича Тургенева) и вовсе не смотрел за его вещами, так что у него всегда были разорванные платки носовые, и он не только не сердился на него, но всегда шутил над своими платками» (*Смирнова-Россет А. О. Из воспоминаний о Жуковском и Пушкине // В. А. Жуковский в воспоминаниях современников. М., 1999. С. 247*).

⁴ *Фреймунд Петерсен* — сын трагически погибшего дерптского поэта Карла Петерсена (Petersen; 1775—1822), приятеля Жуковского и Мойера, племянник Г. Г. Петерсена (см. примеч. 5). «Пока буду жив, сын Карлов будет иметь во мне и помощника и друга! Теперь для меня только это ясно — все прочее заключено в этом: Мойер опекун малютки, и в этом что-то для меня возвышенное, товарищество с Мойером святое дело», — писал Жуковский М. А. Мойер 9 января 1823 г., вскоре после смерти друга (*Соловьев Н. В. История одной жизни. А. А. Воейкова — «Светлана». Пг., 1916. Т. 2. С. 76*). В пользу Ф. Петерсена поэт готовил издание своих видов Павловска, которое должно было продаваться по подписке (Шесть видов Павловска, срисованных с натуры В. Ж. оконченных и выгравированных Клароу (в Дерпте). СПб., 1824). Ф. Петерсен упомянут Жуковским и в завещании 1837 г.

⁵ *Георг Густав (Евстафий Федорович) Петерсен* (Petersen; 1782—1839) — лифляндский губернский прокурор.

⁶ По-видимому, имеется в виду *Фридрих Вильгельм Ремберт фон Берг* (1794—1874) — граф, лифляндский генерал, писатель.

⁷ *Софья Андреевна Козлова* (урожд. Давыдова; ум. 1867) — жена поэта И. И. Козлова (1779—1840), которому Жуковский оказывал всяческую поддержку и помогал слепому поэту с изданием его произведений. Близким другом Козлова была А. А. Воейкова.

⁸ Возможно, *Иоганн (Иван Иванович) Тишнер*, купец, живший в Петербурге.

⁹ Во время пребывания А. А. Воейковой за границей в 1827—1829 гг. Жуковский неоднократно посылал деньги своей крестнице. Возможно, эта помощь осуществлялась из суммы, предоставленной императрицей.

¹⁰ *Василий Андреевич Проташинский* — поэт, переводчик. Незаконный сын А. И. Протасова, сводный брат М. А. и А. А. Протасовых. Учился в Московском благородном пансионе вместе с Н. И. Тургеневым. Автор сатиры «Двенадцать спящих бутушников. Поучительная баллада. Сочинение Елистрата Фитюлькина» (М., 1832). Имел трех дочерей и двух (?) сыновей.

¹¹ Имеется в виду Екатерининский институт в Москве, учрежденный в 1803 г. для девиц благородного происхождения (см.: *Путеводитель по Москве, изданный Сергеем Глинкою, сообразно французскому подлиннику Г. Леконта де Лаво. М., 1824. С. 232—235*). На 1824 г. в институте числилось 242 воспитанницы, из них 143 платили за обучение по 700 рублей.

¹² *Константин Яковлевич Булгаков* (1782—1835) — тайный советник, с 1819 г. по 1835 г. — петербургский почтовый директор, с 1831 г. —

управляющий почтовым ведомством. Близкий приятель А. И. Тургенева, П. А. Вяземского, Жуковского.

¹³ *Степан Петрович Жихарев* (1787—1860) — писатель, драматург, переводчик, мемуарист. Воспитывался в Московском благородном пансионе. Был обер-прокурором Сената и сенатором, в конце жизни — председатель Театрально-литературного комитета в Петербурге. Его литературные опыты успеха не имели. Известен как автор записок «Дневник студента» и «Дневник чиновника». С молодых лет был близок к театральным и литературным кругам. Член «Арзамаса», где имел прозвище Громобой. Был близким приятелем А. И. Тургенева и во время его отсутствия в России занимался имущественными делами братьев Тургеневых.

¹⁴ Имеется в виду кабинет в квартире Жуковского в Шепелевском дворце, где поэт жил с 1827 г. Переезд состоялся в отсутствие Жуковского. Посетившая новую квартиру поэта Воейкова красочно ее описала в письме от 1 декабря 1826 г.: «Комнат у тебя четыре, в анфиладе, из коих одна огромная, с прелестным камином (будущий кабинет. — *Л. М.*) — потом две сбоку — потом одна сбоку — с русской печью» (*Соловьев. Н. В. История одной жизни. Т. 2. С. 18*).

¹⁵ Большой кабинет в квартире Жуковского в Шепелевском дворце изображен на картине «Субботнее собрание у В. А. Жуковского» работы Г. К. Михайлова, А. Н. Мокрицкого и других художников школы А. Г. Венецианова (1834—1836 гг.). Находилась в имении Вяземских Остафьево, с 1938 г. — в собрании Пушкинского Дома, с 1953 г. — во Всероссийском музее А. С. Пушкина.

¹⁶ Друг и биограф Жуковского К. К. Зейдлиц, описывая кабинет поэта, который он называл «мастерской просвещенного художника», указал и на «гипсовые слепки античных голов» (*Зейдлиц К. К. Жизнь и поэзия В. А. Жуковского. С. 144*).

¹⁷ В программе обучения наследника большое место отводилось различным учебным пособиям, среди которых были карты, знаменитые исторические таблицы, учебные рисунки и т. д.

¹⁸ *Фридрих-Вильгельм* (1795—1861) — кронпринц прусский, любимый брат императрицы Александры Федоровны, с 1840 г. — король Пруссии Фридрих-Вильгельм IV. По свидетельству К. К. Зейдлица, Жуковский познакомился с принцем в 1818 г. в Москве, встречался с ним в 1820—1821 гг. в Берлине, где и зародилась дружба между будущим королем и поэтом. Несомненно, сближение произошло на почве искусства: кронпринц также рисовал, увлекался архитектурой. Большой интерес представляет их переписка, опубликованная в журнале «Русский библиофил» (1902. № 7—8. С. 134—199). В завещании, по-видимому, имеется в виду первый вариант бюста прусского кронпринца работы знаменитого немецкого скульптора Х. Д. Рауха (Rauch; 1777—1857), выполненный в 1823 г. Среди подарков Фридриха-Вильгельма Жуковскому был круглый стол, расписан-

ный кронпринцем (см. письмо И. В. Киреевского к родным от 12 января 1830 г. — В. А. Жуковский в воспоминаниях современников. С. 263). В переписке поэта и его берлинского друга упомянуты также роскошное издание собрания сочинений короля Фридриха Великого, подаренное в сентябре 1850 г., альбом с литографированными видами Потсдама и портрет Фридриха-Вильгельма работы художника прусского королевского дома И. С. Отто (Otto; 1798—1878), преподнесенные Жуковскому в день его рождения 29 января 1851 г.

¹⁹ Без сомнения, имеется в виду альбом, подаренный Жуковскому Фридрихом-Вильгельмом в 1825 г. со следующей дарительной надписью: «*Meinem lieben Goukowsky zum Andenken von freundes Hand. Friedrich Wilhelm Kronprinz v<on> Preussen. Berlin. 4 Februar 1825*» («Моему любимому Жуковскому на память от дружеской руки. Фридрих-Вильгельм наследник прусский. Берлин. 4-го февраля 1825»). Желание передать альбом наследнику поэт осуществил в 1834 г., сделав надпись под текстом кронпринца: «Эту книгу, особенно мне драгоценную по той надписи, которая на ней сделана, — приношу вам, мой бесценный великий князь, для того, чтоб вы записывали в ней такие только мысли, кои наиболее могут быть вам полезны в жизни и из коих можете со временем составить для себя коренные, весьма немногие, но необходимые правила поступков как нравственных, так и государственных, а какие это правила, то скажет вам наука, ум, сердце и опыт. Жуковский. 22-го апреля 1834». Подарок был сделан Жуковским в день Пасхи и присяги наследника. Подробнее об этом см.: *Фомин А. А.* Альбом, подаренный Фридрихом-Вильгельмом, наследником прусским, Василию Андреевичу Жуковскому // РС. 1902. № 4. С. 167.

²⁰ Жуковский имеет в виду бюст императрицы Александры Федоровны работы скульптора Х. Д. Рауха, который стоял на его письменном столе (конторке) в большом кабинете. Бюст был выполнен в Германии в 1816 г., когда Александра Федоровна была еще принцессой Шарлоттой. На картине «Субботнее собрание у В. А. Жуковского» на конторке хорошо виден бюст императрицы с венком белых роз у постамента под стеклянным колпаком.

²¹ По-видимому, имеется в виду альбом, изданный на немецком языке: «*Lalla Ruck. Ein Festspiel mit Gesang und Tanz. Aufgeführt auf dem Königl. Schlosse zu Berlin am 27-sten Januar 1821 bei der Anwesenheit I. I. R. K. K. H. H. des Groosfürsten Nicolaus und der Grossfürstin Alexandra Feodorowna. Mit 23 colorierten Kupfern. Berlin. 1822*», либо его французский вариант. В альбоме был запечатлен знаменитый праздник в Берлине, устроенный в честь великого князя Николая Павловича и великой княгини Александры Федоровны, представляющий собой живые картины с музыкой и танцами на сюжет поэмы Т. Мура «Лалла Рук». Роль Лалла Рук исполнила Александра Федоровна, роль Алириса — Николай Павлович. Подробнее об этом см.: *Алексеев М. П.* Томас Мур и русские писатели XIX века // Алексеев М. П.

Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века). М., 1982. С. 658—675 (ЛН. Т. 91).

²² По всей видимости, речь идет о гипсовом бюсте великого князя работы немецкого скульптора Х. Д. Рауха (1829), который был выполнен во время пребывания наследника вместе со своими товарищами, наставниками и августейшими родителями в Берлине.

²³ Речь идет о *Юлии Федоровне Барановой* (урожд. Адлерберг; 1789—1864) — статс-даме, сестре В. Ф. Адлерберга, воспитательнице великих княжон. Занималась также воспитанием великого князя Александра Николаевича до шестилетнего возраста. Приятельница Жуковского. Письма поэта к Барановой, опубликованные в журнале «Русская старина» (1902. № 4. С. 121—133), проиллюстрированы шуточными рисунками, а по форме представляют собой так называемую «галиматью».

²⁴ *Шарлотта Карловна Дункер* — помощница воспитательницы великих княжон Ю. Ф. Барановой, дочь полковника.

²⁵ Имеется в виду *Генриетта Егоровна Голидей*, значившаяся в Придворном календаре на 1832 г. по списку от 9 декабря 1831 г. помощницей воспитательницы великих княжен.

²⁶ *Мария Васильевна Касовская (Косовская)* преподавала английский язык великим княжнам и великим князьям Константину и Николаю Николаевичам.

²⁷ *Константин Николаевич* (1827—1892) — второй сын Николая I и императрицы Александры Федоровны. Учение великого князя велось по плану, составленному Жуковским. С детства ему была предназначена служба во флоте. Начал службу в 1831 г. С 1856 г. возглавлял Морское министерство и военно-морской флот.

²⁸ *Фридрих Каспар Давид* (Friedrich; 1774—1840) — знаменитый немецкий художник эпохи романтизма, один из самых любимых художников Жуковского, с творчеством которого поэт познакомился в 1820 г., а в 1821 г. побывал в его мастерской в Дрездене. Жуковский приобретал картины Фридриха для себя и для царской семьи. В письмах И. В. Киреевского к родным можно найти описание картин Фридриха, которые он видел в январе 1830 г. в квартире Жуковского в Шепелевском дворце (см.: В. А. Жуковский в воспоминаниях современников. С. 263). Согласно реестру картин, бюстов и т. д., оставленных Жуковским при отъезде в Германию на сохранение в Мраморном дворце, там находилось 8 картин Фридриха (Архив ГЭ, оп. 1, 1840, д. 83, л. 14). В списке рисунков коллекции Жуковского, которые он предлагал купить Фридриху-Вильгельму IV, значится 50 рисунков Фридриха (см.: Русский библиофил. 1912. № 7—8. С. 174).

²⁹ Возможно, речь идет о копии с какого-нибудь известного оригинала. Такой «список» мог быть привезен Жуковским в 1822 г. из поездки в Германию в свите великой княгини Александры Федоровны. Тогда

поэту удалось посетить не только Швейцарию, но и северную Италию, в частности Милан. В 1827 г. Жуковский вновь жил в Германии, побывал в Париже.

³⁰ *Мария Маргарета (Цецилия Александровна) Вильдермет* (в замуж. Раупах; 1777—1839) — швейцарка, гувернантка прусской принцессы Шарлотты (в будущем великой княгини Александры Федоровны), фрейлина. По-видимому, поэт познакомился с ней в Москве в 1817 г., ближе сошелся в Германии в 1820 г., оставив следующее суждение о ней в дневнике: «У ней много ума, и при нем есть какое-то детское простосердечие» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч.: В 20 т. М., 2004. Т. 13: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804—1833. С. 148). M-elle Вильдермет часто бывала в России и находилась в самых дружеских отношениях с поэтом. По свидетельству А. О. Смирновой-Россет, Жуковский «всегда очень любил и уважал фрейлину Вильдермет, бывшую гувернантку Александры Федоровны, через которую он часто спрашивал деньги и разные милости своим protégés, которых у него была всегда куча. M-elle Вильдермет была точно так же не сведуща в придворных хитростях, как и он: она часто мне говорила: “Joukoffsky fait souvent des bévues; il est naïf, comme un enfant <Жуковский часто попадает впросак: он наивен, как дитя — франц.>”, — и Жуковский точно таким же образом отзывался об ней» (В. А. Жуковский в воспоминаниях современников. С. 247).

³¹ Письма Александры Федоровны к своему учителю находились в собрании А. Ф. Онегина, в настоящее время хранятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ИРЛИ, № 27904). Опубликовано П. И. Бартеневым (РА. 1897. Т. 1, № 4. С. 493—512).

³² О какой «Мадонне» идет речь, не совсем ясно. Возможно — о копии с «Сикстинской Мадонны» Рафаэля. По свидетельству И. В. Киреевского, в одной из комнат квартиры Жуковского, где висели картины К. Д. Фридриха, «между дверью и окном Мадонна с Рафаэлевой — чей-то подарок» (В. А. Жуковский в воспоминаниях современников. С. 263).

³³ *Мария фон Клейст* (Kleist, урожд. Гвалтиери (Gualtiere); 1761—1831) — кузина немецкого писателя Г. фон Клейста, хозяйка литературного салона в Берлине, который посещал Жуковский в 1820—1822 гг. 21—22 мая 1829 г. Жуковский побывал в замке князей Радзивиллов в Антонине, где встретился со своей старой берлинской приятельницей, которая подарила ему экземпляр поэмы «Наль и Дамаянти» в переводе Ф. Рюккерта (Nal und Damajanti. Eine indische Geschichte bearbeitet von Friedrich Rückert. Frankfurt, 1828), благословив его на перевод. В настоящее время книга находится в библиотеке Томского университета, куда сыном поэта П. В. Жуковским была передана часть библиотеки Жуковского (см.: Библиотека В. А. Жуковского: Описание / Сост. В. В. Лобанов. Томск, 1981. № 1986).

³⁴ Луиза (Лулу) Стош (урожд. фон Клейст; 1800—1855) — дочь Мари фон Клейст, с которой Жуковский встречался в салоне ее матери. Позднее Жуковский вспоминал: «Мы породнились душою в то время, когда я жил в Берлине (1821 г.). Там я познакомился с ее матерью и с нею. Мать ее была несравненная женщина; я любил ее детски, она любила меня матерински; ее уже нет. Дочь создание несравненное; она теперь замужем, мать семейства; пишет ко мне письма несравненные» (Уткинский сборник. С. 60—61). Сохранились мемуарные свидетельства об увлечении поэта Лулу (см.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 498).

³⁵ На полях рукописи рукой А. Ф. Онегина: «Он у меня. А. Онегин». О каком альбоме Воейковой идет речь, установить не удалось.

³⁶ Иван Александрович Рушковский (ок. 1764—1832) — помощник московского почт-директора, с 1820 г. московский почт-директор.

³⁷ В кабинете Жуковского над его письменным столом висел портрет Марии Андреевны работы дерптского художника К. А. Зенфа (Senff; 1770—1836), заказанный художнику Жуковским после ее смерти и исполненный в 1824 г. Портрет был увезен Жуковским в 1841 г. в Германию вместе с изображениями могил М. А. Мойер и А. А. Воейковой. Историю его бытования см.: *Мисайлиди Л. Е.* О судьбе портретов из Уткинского архива: (К истории формирования фонда Жуковского в Пушкинском Доме) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003—2004 гг. СПб., 2007. 178—180.

³⁸ Имеется в виду книга известного немецкого проповедника, магдебургского епископа Иоганна Генриха Бернхарда Дрезеке (1774—1849) «Вера, любовь, надежда. Руководство для молодых друзей и подруг Иисусовых» (*Dräseke J. H. B.* Glaube, Liebe, Hoffnung. Ein Handbuch für junge Freunde und Freundinnen Jesus. 2 Aufl. Luneberg, 1814), подаренная Жуковским М. А. Протасовой 12 мая 1815 г. в Дерпте. На полях рукописного текста рукой А. Ф. Онегина: «Она у меня. А. Онегин». В настоящее время книга хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ИРЛИ, № 27808). Переплетенная, как и пишет Жуковский, с чистыми листами, книга должна была служить основным духовным чтением для Марии Андреевны. Белые страницы предназначались для перевода и размышлений по поводу прочитанного (частично заполнены). Книгу читала и А. А. Воейкова (см. ее письмо Жуковскому от 13 ноября 1819 г. — Уткинский сборник. С. 233). Любопытно, что в период увлечения С. А. Самойловой Жуковский также подарил ей книгу Дрезеке (об этом см.: *Кульман Н. К.* Рукописи В. А. Жуковского, хранящиеся в библиотеке гр. А. А. и А. А. Бобринских. СПб., 1901. С. 35—38).

³⁹ В письме к А. И. Тургеневу от 15 сентября 1809 г. из Белева Жуковский писал: «Я надеюсь, что ты непременно доставишь мне бюст Ивана Петровича. Этот подарок будет для меня очень важен» (Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895. С. 51).

⁴⁰ На полях рукописи красным карандашом рукой Онегина: «Где?». Этот экземпляр «Истории» Карамзина отсутствует в библиотеке В. А. Жуковского. В черновом наброске завешания упомянута «Блудова рукопись». Рядом с записью рукой Онегина: «Она у меня. А. Онегин». Возможно, речь идет о «Тетради с заметками, мыслями и изречениями», хранящейся ныне в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ИРЛИ, № 28535).

⁴¹ Жуковский глубоко почитал Карамзина и переживал смерть старшего друга, о которой, находясь в Германии, узнал 11 июля 1826 г. из газет. Портрет Карамзина хорошо виден на картине «Субботнее собрание у Жуковского»: он висит над письменным столом Жуковского под портретом М. А. Мойер.

⁴² Предназначавшийся А. С. Пушкину бюст Шиллера можно видеть на картине «Субботнее собрание у В. А. Жуковского» на переднем плане слева на шифоньере. Это один из самых известных бюстов молодого Шиллера, выполненный в 1794 г. немецким скульптором Иоганном Генрихом фон Даннекером (Dannecker; 1758—1841). Слева от него видна статуэтка И. В. Гете работы Х. Д. Рауха (1829).

⁴³ *Михаил Юрьевич Виельгорский* (1788—1856) — граф, гофмейстер двора. Композитор и музыкальный деятель, меценат, известный масон. Был одним из образованнейших людей своего времени. Как и все семейство Виельгорских, находился в дружеских отношениях с Жуковским. В черновом варианте завешания Жуковский упоминает и других членов этой семьи: брата Михаила Юрьевича Матвея, жену Луизу Карловну и старшего сына Иосифа, товарища наследника. Так, Иосифу Жуковский завещал портрет наследника, а Луизе Карловне — «Раухову группу» (то есть скульптуру работы Х. Д. Рауха).

⁴⁴ *Александр Владимирович Паткуль* (1817—1877) — товарищ наследника, обучался вместе с ним и Иосифом Виельгорским. Обладал, в отличие от Виельгорского, средними способностями. В то же время был открытого нрава, добросердечен. Подробнее о нем и его товариществе с великим князем см.: *Лямина Е. Э., Самовер Н. В.* Бедный Жозеф: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского: Опыт биографии человека 1830-х годов. М., 1999.

⁴⁵ *Карл Бернхард (Карл Антонович) Триниус* (von Trinius; 1778—1844) — академик, ботаник, в 1829—1834 гг. преподавал наследнику естественную историю.

⁴⁶ *Флориан Антонович Жиль (Жилль)* (Gille; 1801—1865) — губернёр наследника, преподавал ему французский язык и географию, впоследствии директор Эрмитажной библиотеки.

⁴⁷ *Семен Алексеевич Юрьевич* (1798—1865) — штабс-капитан Измайловского полка, преподаватель Первого кадетского корпуса, с 1826 г. помощник воспитателя великого князя: преподавал ему польский язык, также фортификацию и артиллерию, заведовал физическим воспитанием наследника и его соучеников. В 1839 г. — флигель-адъютант. Юрье-

вич был талантливым педагогом: его дневник, хранящийся в ГАРФе, содержит тонкие психологические характеристики его воспитанников (подробнее об этом см.: *Лямина Е. Э., Самовер Н. В.* Бедный Жозеф: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. С. 80—83). Преданный своему питомцу, Юрьевич бережно собирал «заповедные» вещи, относящиеся к Александру Николаевичу и составившие потом основу его коллекции: конногвардейский мундирчик пятилетнего наследника, карту России, рисованную его рукой и др.

⁴⁸ *Фридрих Леберехт (Федор Иванович) Липман* (Lipman; 1784—1854) — историк, статистик, доктор Берлинского университета. С февраля 1829 г. читал историю зарубежных стран наследнику и его товарищам.

⁴⁹ См. примеч. 31 к вступительной статье.

⁵⁰ Возможно, имеется в виду *Василий Петрович Крейтон*, лейб-медик при наследнике и великих князнях.

⁵¹ *Иоганн, фон Мюральт (Муральт)* (Muralt; 1780—1850) — пастор реформатской церкви, с 1811 г. содержал пансион в Петербурге. Ученик и последователь знаменитого швейцарского педагога Песталоцци. Помогал Жуковскому при подборе преподавателей для великого князя. Находился в дружеских отношениях с Жуковским и А. И. Тургеневым.

⁵² *Эдуард Альберт Христофор Людвиг (Эдуард Давыдович) Коллинз (Коллинс)* (Collins; 1791—1840) — академик, математик; преподавал наследнику математику и физику.

⁵³ *Герасим Петрович Павский* (1787—1863) — доктор богословия, лингвист. С 1826 по 1835 г. — законоучитель и духовник наследника и его товарищей (был избран на должность самим императором). В прошлом активный деятель Библейского общества, Павский был человеком широких воззрений, отличался терпимостью к другим ветвям христианства. Из-за разногласий с митрополитом Московским Филаретом был отстранен от своей должности при наследнике и заменен протоиереем Бажановым. Жуковский безуспешно пытался заступиться за Павского.

⁵⁴ *Александра Андреевна Толстая* (1817—1904) — графиня, фрейлина великой княжны Марии Николаевны, двоюродная тетка Л. Н. Толстого. Известно, что А. А. Толстая в течение всей жизни была предана графу В. А. Перовскому. Предназначавшийся ей «портрет Перовского Брюло» — это, по всей вероятности, акварель А. П. Брюллова 1824 г. «В. А. Перовский в Сорренто», подаренная сыном поэта П. В. Жуковским А. Ф. Онегину (с 1928 г. в собрании музея Пушкинского Дома). Подробнее о ней см.: «Тень Пушкина меня усыновила...»: Рукописи, книги, изобразительные материалы, памятные вещи из музея А. Ф. Онегина: Каталог выставки. СПб.; Болонья; Кембридж, 1997. С. 78.

⁵⁵ *Илья Иванович Глазунов* (1786—1849) — петербургский книгопродавец и издатель. К 1831 г. вышло три издания «Стихотворений Василия Жуковского», последнее — в 1824 г.

⁵⁶ Александр Филиппович Смирдин (1795—1857) — петербургский книгопродавец и издатель, владелец знаменитой книжной лавки. Следующее, четвертое, собрание сочинений Жуковского издавалось Смирдиным (Стихотворения Василия Жуковского. СПб., 1835—1844. Т. 1—9). В Рукописном отделе Пушкинского Дома хранится договор Жуковского со Смирдиным 1833 г. (ИРЛИ, № 27823).

⁵⁷ Первый том четвертого, смирдинского, издания «Стихотворений Василия Жуковского» вышел с портретом Жуковского на фронтиспise. Это гравированный портрет Т. Райта по собственному рисунку 1835 г. О каком портрете, хранившемся у Е. А. Протасовой, пишет Жуковский, неясно.

II

**«Будь подобен полной чаше...»
(Из истории театральных интересов Пушкина)**

Будь подобен полной чаше,
[Молодых счастливый дом] —
Непонятно счастье ваше,
Но молчите ж обо всем.

Что за диво, что за каша
Для рассудка моего —
Черт возьми! но, воля ваша,
Не скажу я ничего.

То-то праздник мне да Маше,
Другу сердца моего;
Никогда про счастье наше
Мы не скажем ничего.

Стойте — тотчас угадаю
Горе сердца твоего.
Понимаю, понимаю! —
Не болтай же ничего.

Строгий суд <и> слово ваше
Ценим более <всего>.
Вы ль одни про счастье наше
Не сказали ничего!

Он мне ровесник, он так мил,
Всегда видала в нем я брата,
Он, как сестру, меня любил.
Скажите, чем я виновата.
Нет, Маша, ты не виновата.

И этой свадьбе не бывать.

(Акад. Т. 3. С. 26—27)

Эти черновые куплеты были опубликованы И. А. Шляпкиным в 1903 г. по копии П. В. Анненкова¹; в собрания сочинений Пушкина входят начиная с издания 1919 г. под редакцией В. Я. Брюсова. И там, и во всех последующих изданиях публикация сопровождалась крайне скудным комментарием, подобным, например, тому, который со-

¹ Шляпкин И. А. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб., 1903. С. 67.

держится в малом академическом десятитомнике, отредактированном Б. В. Томашевским: «...куплеты, вероятно предназначавшиеся для какой-нибудь пьесы»².

В пушкиноведческой литературе черновые наброски, о которых идет речь, рассматривались в контексте письма П. А. Катенина к Пушкину от 6 июня 1826 г., содержащего просьбу написать куплеты для намеченной к переводу французской комедии Дезодра (Дюша) (Désaudras (Duchart)) «Полночь, или Благоприятный момент» («Minuit, ou Le Moment propice»), пост. в 1791 г.): «Для бенефиса, следующего мне за “Андромаху” (оригинальная комедия Катенина; была поставлена 3 февраля 1827 г. — *И. Ч.*) нужна была маленькая комедия в заключение спектакля; я выбрал “Minuit”, и некто мой приятель Николай Иванович Бахтин взялся мне ее перевести; но вот горе: там есть романс или куплеты, и в роде не обыкновенном. Молодой Floridor (по-русски Владимир) случайно заперт в комнате своей кузины, молодой вдовы, ночью на Новый год, и не теряет времени с нею; пока они разнеживаются, под окном дается серенада, в конце второго куплета бьет полночь, l'heure du berger <час пастушка — *франц.*>; старики входят, застают молодых, и остается только послать за попом, ибо все прочее готово. Французские куплеты дурны, но я прошу тебя мне сделать и подарить хорошие. Ты видишь по ходу сцены, что они должны означать, а на все сладострастное ты собаку съел: сделай дружбу, не откажи» (Акад. Т. 13. С. 282—283).

Н. О. Лернер высказал предположение, что куплеты, опубликованные И. А. Шляпкиным (к этому времени отыскан также их черновой автограф в коллекции Л. Н. Майкова³) и явились откликом на письмо Катенина к Пушкину⁴. Гипотеза Лернера была проанализирована А. А. Чебышевым, которому удалось разыскать текст комедии Дезодра, но не в переводе Бахтина (он не состоялся), а в переделке («вольными стихами») В. А. Каратыгина. Пьеса под названием «Полночь, или Кто прежде поцелует» была разрешена к постановке 6 октября 1827 г.; первое представление состоялось в Петербурге, в бенефис А. М. Каратыгиной, 17 октября. Куплетов, сочиненных Пушкиным, в комедии, естественно, не оказалось. «По ознакомлении с самою комедией едва ли, думается нам, возможно увидеть близость между пьесой и этими куплетами», — заключил Чебышев⁵.

² Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М., 1956. Т. 2. С. 439.

³ См.: ПиС. СПб., 1906. Вып. 4. С. 20.

⁴ См.: Лернер Н. О. Заметки о Пушкине. V. Водевильные куплеты Пушкина // РС. 1908. № 3. С. 654—657.

⁵ Чебышев А. А. К вопросу о куплетах Пушкина // ПиС. СПб., 1908. Вып. 6. С. 192.

Сомнение в близости между пьесой и пушкинскими куплетами возникает уже при сравнении сюжета пьесы в пересказе Катенина со сделанными Пушкиным стихотворными набросками. Пять четверостиший представляют собой финальные куплеты, т. е. «водевиль», но не «романс», не «серенаду», располагавшиеся, судя по описанию Катенина, внутри текста. «Ты видишь по ходу сцены, что они должны означать», — писал Катенин Пушкину⁶; пушкинские же тексты (включая и не относящуюся к куплетам часть монолога героини) очевидно этого «не означают».

Финальные куплеты, носители сюжетной основы, позволяют (вместе с сохранившейся «диалогической» частью текста) представить в самом общем виде фабульную схему комедии-водевиля. Герои пьесы — зажиточные селяне, отец и сын, воспитанница Маша, друг отца, сын последнего, кто-то из слуг, скорее всего горничная. Интрига разворачивается, как и полагается, вокруг любовных отношений героев. Маша должна стать женой сына своего опекуна, но пока не подозревает об этом. Она влюблена в молодого человека, вместе с отцом принятого в доме, и любовь эта взаимна. Каждый из героев по-своему воспринимает происходящее, но, полагая свой взгляд единственно возможным, не видит необходимости обсуждать события, ход которых ни у кого из

⁶ О том, какими Катенин их себе представлял, можно судить по переводу пьесы, который вместо Н. И. Бахтина сделал В. А. Каратыгин; ему же, по всей вероятности, принадлежит и текст романса-серенады:

Ф л о р и д о р (в восторге бросается на колени)
О друг мой!..

.....
(Слышна за кулисами музыка, К л е р и н а бежит к окну и открывает его)
Что это?.. Музыка под окнами у нас?
Кто серенадою нас вздумал позабавить?

Флоридор
Я. —
Вот мой романс.

.....
(Голос за кулисами)

Романс
Когда вечерний соловей
На ветке, в густоте древесной,
Поет и славит в поднебесной
Любовь с подругою своей:
Тогда, забыв о целом мире,
Спешу я слушать соловья —
И вместе с ним невольно я
Пою любовь мою к Темире.

(Букет: Карманная книжка для любителей и любительниц театра на 1829 год. Изданная Е. Аладыным. СПб., [1829]. С.129—130).

персонажей не вызывает никаких сомнений. Интригу ведет служанка, которой каким-то образом становятся известны намерения хозяина женить сына на хорошенькой воспитаннице. Служанка решает помешать его планам, справедливо усматривая в них угрозу счастью своей госпожи: «...этой свадьбе не бывать» (Акад. Т. 3. С. 27).

В конце концов все устраивается наилучшим образом. Маша в момент благополучной развязки недоумевает по поводу чуть было не состоявшейся свадьбы с сыном ее благодетеля: «Всегда видала я в нем брата, / Он, как сестру, меня любил. / Скажите, чем я виновата» (Там же). Разного рода перипетии, хитросплетения событий, порой осложняющие путь к достижению цели, тщательно скрываются участниками, и именно это умолчание сыграло главную роль в обретении героями своего счастья: «То-то праздник мне да Маше, / Другу сердца моего; / Никогда про счастье наше / Мы не скажем ничего». Пьеса заканчивается веселой свадьбой: «Будь подобен полной чаше, / Молодых счастливый дом» (Там же. С. 26).

Как удалось любящим преодолеть, казалось бы, непреодолимые препятствия, так и осталось для всех, кто их поздравляет, тайной; более того, попытки разгадать ее пресекаются теми, кто этой тайной владеет, несмотря на успех задуманного и успешно осуществленного ими предприятия: «Что за диво, что за каша / Для рассудка моего — / Черт возьми, но, воля ваша, / Не скажу я ничего» (Там же).

Итак, тайна, не подлежащий разглашению секрет, — это, как показывают финальные куплеты («водевиль»), основной сюжетный стержень, организующий действие пьесы. Заключительное двустихие каждого из пяти куплетов варьирует этот мотив: «Непонятно счастье ваше, / Но молчите ж обо всем»; «Черт возьми, но, воля ваша, / Не скажу я ничего»; «Никогда про счастье наше / Мы не скажем ничего»; «Понимаю, понимаю! — / Не болтай же ничего». И наконец, то же в последнем куплете, традиционно обращенном к зрителю: «Вы ль одни про счастье наше / Не сказали ничего!».

В подобном контексте заглавие, включавшее, как правило, известную поговорку, могло звучать примерно так: «Нежданная свадьба, или Говори, да не проговаривайся!»

Комедия-водевиль такого рода характерна для репертуара русского театра конца 1810-х — начала 1820-х гг. Формировали этот репертуар Шаховской, драматург неутомимый, чрезвычайно и разнообразно плодовитый, Жандр, Грибоедов. Особенно модным автором был Хмельницкий, сумевший внести свежесть и новизну, легкость и изящество в комедийные спектакли, во многом близкие в жанровом отношении к опере-водевилю. Пушкина в его первые петербургские годы полностью захватил причудливый мир театра; он в курсе всех новинок репер-

туара, он знает о только еще готовящихся к постановке пьесах, авторы которых — его хорошие знакомые. Многие из них пишут в соавторстве — практика совместного сочинения пьес была чрезвычайно распространена: «Можно допустить, с достаточной степенью вероятности, что поэт бывал причастен и в качестве автора к тогдашним опытам коллективной драматургии в области новорожденного водевиля»⁷.

Среди авторов «новорожденного водевиля» Пушкин особенно отличал Н. И. Хмельницкого. Хмельницкий старше Пушкина на 8 лет и почти одного возраста с Катениным, Грибоедовым, Жандром. В момент более чем успешного дебюта Хмельницкого — постановки комедии «Говорун» 7 мая 1817 г. — Пушкин заканчивает Лицей; в первые годы самостоятельной жизни, разделяя живейший интерес столичной публики к завоевавшему в 1817—1818 гг. громкую и прочную известность Хмельницкому, недавний лицеист мог видеть и оценить собиравшие полные залы яркие сценические воплощения его комедийных пьес⁸. Однажды он сам участвовал в домашнем спектакле у Олениных, где разыгрывалась одна из пьес драматурга — «Воздушные замки» (1818)⁹. Комедию «Нерешительный, или Семь пятниц на неделе» Пушкин слышал в авторском чтении¹⁰ — это один из документально засвидетельствованных эпизодов общения Пушкина с Хмельницким, очевидно весьма частого в первый петербургский период пушкинской биографии. Пушкину, по-видимому, импонировал сам тип личности драматурга — человека внешне привлекательного, светски элегантного, начитанного и остроумного (о нем говорили: «умен, сведущ, образован»¹¹). Обращали на себя внимание его вежливая сдержанность,

⁷ Гроссман Л. Н. Пушкин в театральных креслах. [Л.], 1926. С. 154—155.

⁸ Особенным вниманием публики пользовались «Бабушкины попугаи», игровая и веселая опера-водевиль, впервые поставленная в бенефис четы Сошнических 28 июля 1819 г. Эта пьеса (в ее основе — французская опера-водевиль Теолона и Дартуа «Les perroquets de la mère Philippe»); музыка к спектаклю написана А. Н. Верстовским) «производила большой эффект и повторялась очень часто» (Арапов П. Н. Летопись русского театра. СПб., 1861. С. 253). Лицеист Н. А. Корсаков, однокашник Пушкина, оценил постановку «Бабушкиных попугаев» на столичной сцене как подлинный «триумф» (см.: Войнова А. В. Верстовский и его опера-водевиль «Кто брат, кто сестра» // Верстовский А. Н. «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом». Опера-водевиль. Текст А. С. Грибоедова и П. А. Вяземского. [М.], 1949. С. 12).

⁹ См.: Россиев П. А. С. Пушкин — актер-любитель // Биржевые ведомости. Утренний вып. 1911. № 12613, 2 ноября.

¹⁰ См.: Акад. Т. 13. С. 63 (письмо Пушкина к Н. И. Гнедичу от 13 мая 1823 г.).

¹¹ Дуров С. Несколько слов о Хмельницком // Хмельницкий Н. И. Соч. СПб., 1849. Т. 1. С. XI.

некоторая холодность в обращении («часто надевал на себя маску холодного человека»¹²), невозмутимость — черты, сближавшие Хмельницкого с Грибоедовым и близким ему кругом. В неизменной любви к Хмельницкому Пушкин признавался в одном из своих писем к брату, написанном из Михайловского: «...а Хмельницкий моя старинная любовница. Я к нему имею такую слабость, что готов поместить в честь его целый куплет в 1-ю песнь “Онегина”...» (Акад. Т. 13. С. 175).

Куплет о Хмельницком в «Евгении Онегине» не появился, но воспоминания о столичном денди (который, заметим, по свидетельству самого Пушкина, «сердится, если об нем упоминают как о драм<атическом> писателе» (Там же)) и его увлекательных, искрящихся весельем пьесах не покидали поэта. Запомнившиеся отдельные строки из диалогов, остроумные реплики героев в какой-то момент всплывали в памяти и, можно думать, иногда находили отзвук в текстах, над которыми шла работа. Сравним, например, размышления «молодого повесы», которыми начинается «Евгений Онегин», и реплику служанки Саши, обращенную к своей госпоже, из «Воздушных замков» Хмельницкого — той самой пьесы, в постановке которой участвовал Пушкин на вечере у Олениных.

Пушкин:

Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог.

(Акад. Т. 6. С. 5)

Хмельницкий:

И умер он, и вам оставил все в наследство:
Умнее ничего он выдумать не мог.¹³

«...Скажи, какой судьбою попал ты в доктора?» — спрашивает герой комедии Хмельницкого «Шалости влюбленных» (1817) своего слугу-плута Криспина¹⁴. « — Скажи, какой судьбой друг другу мы попались?» — так начинается стихотворный отрывок, относящийся к замыслу комедии об игроке (1821; Акад. Т. 7. С. 246), который возник как следствие петербургских театральных впечатлений 1817—1820 гг. и раздумий о будущем русской комедии. Тогда, в Петербурге, и могли появиться сценарные наброски и куплеты «Будь подобен полной чаше...», написанные для комического спектакля с незамысловатым

¹² Там же. С. III.

¹³ *Хмельницкий Н. И.* Соч. Т. 1. С. 347.

¹⁴ Театр Николая Хмельницкого. СПб., 1829. Ч. 1. С. 135.

сюжетом, задуманного, возможно, в приятельском кругу завсегдаев знаменитого «чердака» Шаховского¹⁵.

Можно также допустить, что замысел возник под влиянием столь любимых зрителем опер-водевилей с их мгновенно запоминающимися стихотворными текстами и музыкальными напевами — например, «Бабушкиных попугаев» Хмельницкого, забавной истории о том, как находившиеся под неусыпным надзором яростной мужененавистницы г-жи Курмонд ее молодые племянница (г-жа Мервиль) и внука (Тереза) с помощью расторопной крестьянки, воспитывавшейся в доме (Жоржета), сумели добиться согласия своей строгой родственницы на брак с приглянувшимися им молодыми людьми.

Тереза (*одна приходит <...> и останавливается у беседки*)

Нас взаимное участие
Привлечет сюда тайком,
Что за радость, что за счастье
С милым видеться дружком!¹⁶

Этот куплет исполняет каждая из молодых героинь; в том же ритме выдержаны также финальные куплеты, по закону жанра подводящие текстовой и музыкальный итог предъявленному представлению. Пушкинские куплеты «Будь подобен полной чаше...» чрезвычайно близки цитируемому образцу:

То-то праздник мне да Маше,
Другу сердца моего;
Никогда про счастье наше
Мы не скажем ничего.

В них та же традиционная водевильная тема, тот же ритм, та же характерная для оперы-водевиля организация стиха (см., например, куплеты № 26 в более поздней опере-водевиле Грибоедова и Вяземско-

¹⁵ В последующие годы, когда на смену по преимуществу эмоциональному увлечению театром, которым были отмечены годы ранней молодости Пушкина, приходит строго профессиональный интерес литератора к комедийной драматургии (этот интерес обнаруживается уже в набросках комедии об игроке), участие поэта в сочинении легких комедий со «звонкими» куплетами представляется менее вероятным. Летом 1827 г., вновь оказавшись в столице, в кругу старых знакомых, театралов, Пушкин с вниманием отнесся к их поискам путей, ведущих к созданию комедии нового типа. У него возникает желание участвовать в этом, и он вновь обращается к комедийным проектам, уже с учетом новейшего опыта своих соратников по цеху, драматургов-комедиографов, каждый из которых успешно работал в избранном им направлении; свидетельством этого явились замыслы комедии «Насилу выехать решились из Москвы...» и «<Перевод из К. Бонжура>».

¹⁶ *Хмельницкий Н. И. Соч. Т. 2. С. 362.*

го «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом» (1823)), только имя героини — Маша — указывает на то, что сюжет взят из русской жизни.

Обращает на себя внимание и ритмическая близость еще двух, не имеющих отношения к куплетам, стихотворных отрывков из «Бабушкиных попугаев» и пушкинского водевильного наброска (у Хмельницкого это стихотворная вставка в составе прозаического текста; вероятно, такую же роль должен был играть и пушкинский текст, представляющий собой монолог Маши):

Хмельницкий

Пушкин

Г-жа Мервиль

Меня нетрудно вам понять;
Вы через час сюда придите;
Я буду здесь одна гулять,
И вы меня уговорите.¹⁷

Он мне ровесник, он так мил,
Всегда видала в нем я брата,
Он, как сестру, меня любил.
Скажите, чем я виновата.

Пушкин вряд ли собирался сам полностью разрабатывать этот сюжет. Его участие должно было быть, скорее всего, минимальным и, возможно, явилось откликом на чью-то просьбу, например того же Шаховского, к которому чаще других обращались бенефицианты с просьбой о помощи в скорейшем сочинении пьесы, — как говорил Вяземский, «ссудить начинкою куплетов пьесу, которую другой возьмется состряпать»¹⁸. В 1817 г. Грибоедов и Хмельницкий помогли Шаховскому, опаздывавшему с комедией для бенефиса актрисы Вальберховой, — так появилась много лет не сходившая со сцены комедия «Своя семья, или Замужняя невеста». Не исключено, что тому же Шаховскому, не справлявшемуся с обилием поступавших от опекаемых им актеров предложений написать пьесу для их бенефиса, взялся помочь и Пушкин. Зачеркнутая в рукописи строка «Хата сына моего» (вариант строки «Молодых счастливый дом» — Акад. Т. 3. С. 577) наводит на мысль о «малороссийском» водевиле. Такие пьесы с национальной украинской тематикой писал Шаховской — «Казак-стихотворец» (1812) и «Актёр на родине, или Прерванная свадьба» (1820). Герои последней оперы-водевиля, тоже бенефисного спектакля в пользу Вальберховой, из-за старой земельной тяжбы едва не расстроили свадьбу своих детей («И свадьбы не бывать»), но в конце концов с помощью своего земляка, петербургского актёра, сумели прийти к согласию и не препятствовать счастливому соединению влюбленных («Я хочу подаровать тую землю моему сыну...»)¹⁹.

¹⁷ Хмельницкий Н. И. Соч. Т. 2. С. 354.

¹⁸ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1882. Т. 7. С. 334.

¹⁹ Актёр на родине, или Прерванная свадьба, опера-водевиль в одном действии. Соч. князя А. А. Шаховского. СПб., 1822. С. 12, 64.

Возможно, замысел оперы-водевиля, для которого предназначались пушкинские поэтические «заготовки», родился с ориентацией на имевшую шумный успех водевильную драматургию Шаховского, в отдельных своих пьесах использовавшего смесь русской и украинской речи (иногда намеренно искажая ее для достижения комического эффекта). В дальнейшем в том, что касалось привнесения национального украинского колорита, замысел изменился; возникла идея создания не «малороссийского», но «русского» водевиля, и характер финальных куплетов, содержащих смысловое зерно спектакля, позволяющее судить о его содержании и стилистической окраске, это подтверждает. Финальный текст стилизован под народную поэзию (героиня Маша названа «другом сердца» — это выражение близко народно-поэтическому «друг сердечный», означающему «любимый», «возлюбленный»; употреблены разговорная частица «то-то» вместо «вот», соединительный союз «да» вместо «и»; выбран характерный размер: напевное хореическое четверостишие перекрестной рифмовки) и отражает содержание пьесы, построенной, по всей вероятности, на картинах народного быта.

Нет никаких сведений о том, что пьеса вообще была написана: сохранившийся пушкинский автограф единственный след этого замысла.

Пушкинские наброски — куплеты и сопутствующие отрывки — естественно вписываются в драматургический и театрально-бытовой контекст эпохи оживления русского комедийного театра в конце 1810-х — начале 1820-х гг. и могут рассматриваться в качестве ее значимой иллюстрации.

Еще раз о стихотворении Пушкина «Есть роза дивная. Она...»*

Существуют в истории литературы произведения-загадки, разрешить которые до конца не представляется возможным. К таковым относится пушкинское стихотворение «Есть роза дивная. Она...», при жизни Пушкина не печатавшееся и опубликованное впервые в 1859 г. По поводу этого стихотворения высказывались разные мнения, но все его трактовки на сегодняшний день остаются гипотетическими. Автор настоящей статьи также уже излагал свой взгляд на обстоятельства появления стихотворения¹, однако при новом обращении к пушкинскому тексту стала очевидной недостаточность предложенной аргументации. Привлечение более широкого контекста если и не позволяет вполне разрешить загадку стихотворения, то, во всяком случае, дает больший простор для предположений и отчасти помогает разобраться с его датировкой.

Н. О. Лернер, П. О. Морозов, М. А. Цявловский не сомневались в том, что это комплиментарное послание какой-нибудь московской красавице². Как замечал Д. Д. Благой, «по содержанию это стихотворение — словно бы блистательный мадригал»³.

Такое определение, казалось бы, оправдывается и формальными признаками, и тем бытовым и биографическим фоном, на котором создавалось стихотворение. Вырвавшись из михайловского заключения, Пушкин окунулся в жизнь московского света. Знакомство и общение с интеллектуальной молодежью, серьезные занятия литературными делами, заботы о новом журнале («Московский вестник») не отменяли тех удовольствий, которые предлагала Москва с ее семейными вечерами,

* Приношу искреннюю благодарность И. С. Чистовой за ценные замечания, учтенные при написании этой статьи.

¹ Дмитриева Н. Л. К истории создания стихотворения А. С. Пушкина «Есть роза дивная. Она...» // РЛ. 1998. № 1. С. 54—57.

² См.: Пушкин А. С. [Собр. соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.: Изд. Брокгауза—Ефрона, 1910. Т. 4. С. XXXII; Пушкин. Соч. Пг.: Изд. Импер. Академии наук, 1916. Т. 4. Примеч. С. 342—343; Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под общ. ред. М. А. Цявловского. М.; Л.: Academia, 1936. Т. 1. С. 753.

³ Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826—1830). М., 1967. С. 148.

балами, гуляньями, празднествами, где завязывались счастливые и несчастливые романы, где сплетничали о любовных историях — от легких ухаживаний до подлинных сердечных трагедий. 15 сентября 1826 г. Ф. И. Малевский сообщал сестре московские новости: «Пушкин молодой и известный поэт, здесь. Альбомы и лорнеты в движении...»⁴ «Говоря о Москве, нельзя умалчивать о первой ее красе — ее девицах, — писал близкий приятель Пушкина А. Н. Вульф. — Искони ими она богата и славится»⁵. П. А. Вяземский именовал первых красавиц Москвы «московскими розами». Это были сестры Римские-Корсаковы, сестры Киндяковы, поэтесса Екатерина Тимашева. Средней сестре Киндяковой Елизавете, «московских роз царице и красе», посвящено стихотворение Вяземского «Запретная роза»⁶. Соперницей «запретной розы» Пушкин назвал красавицу Тимашеву в адресованном ей послании «Я видел вас, я их читал...» (1826), где выражал свое восхищение ее обаянием, женственностью, живым умом, поэтическим даром (Тимашева была автором лирических стихов, в том числе двух стихотворных обращений к Пушкину — «Послание к учителю» (1826) и «К портрету Пушкина» (1826)). В феврале 1827 г. Н. М. Языков писал А. Н. Вульфу из Дерпта: «О Пушкине ничего не слышно; в половине прошлого месяца я писал к нему в Москву — но ответа не получил. Полагаю, что он загулялся в белокаменной, занят очарованием тамошних красавиц...»⁷ Предположения Языкова, надо думать, были справедливы: 9 ноября 1826 г. из Михайловского Пушкин писал Вяземскому: «Что запретная роза? Что Тимашева? Как жаль, что я не успел с ней завести благородную интригу! Но и это не ушло» (Акад. Т. 13. С. 305).

Мадригал «Есть роза дивная...» вполне мог быть альбомным комплиментом, обращенным к той или иной московской «розе», и его эстетическое значение и художественный смысл этим бы и ограничивались. Однако характер автографа заставляет заподозрить выходящее за формальные рамки дополнительное, понятное только посвященным значение. Стихотворение дошло до нас в черновом автографе (ПД 901). На обороте листка с пушкинским черновиком рукой С. А. Соболевского записан полный текст стихотворения, под которым им же сделана помета: «1 апреля 1827 Москва».

⁴ ЛН. М., 1952. Т. 58. С. 264.

⁵ Вульф А. Н. Дневники: (Любовный быт пушкинской эпохи). М., 1929. С. 379.

⁶ Вяземский П. А. Стихотворения. Л., 1986. С. 195 (Б-ка поэта; Большая серия) (имя «запретной розы» было обусловлено несчастливим браком Киндяковой с князем И. П. Лобановым-Ростовским).

⁷ Вульф А. Н. Дневники. С. 87.

Из автографа явствует, что Пушкин изначально собирался писать не об одной, а о трех розах. Первая строка: «Три розы на свете цветут» — была зачеркнута. Эта строка позволяет соотнести пушкинский «мадригал» со стихотворением Д. В. Веневитинова «Три розы». Связь между двумя стихотворениями была отмечена еще Н. О. Лернером⁸. В «Трех розах» Веневитинов обратился к одному из наиболее распространенных мифопоэтических образов. Стихотворение четко делится на три части, в каждой из которых варьируется тема судьбы брошенных богами на землю эдемских цветов («свежее роза расцветает» — «но с каждым днем цветет опять» — «не расцветет опять она»⁹). Первая воспетая Веневитиновым роза, символизирующая бесконечность высокого искусства, цветет «под небом Кашемира». Этот образ приводит на ум имя писательницы, любительницы музыки, певицы, хозяйки одного из самых знаменитых московских салонов Зинаиды Александровны Волконской. Ее перу принадлежала написанная на французском языке новелла «Дитя Кашемира» («L'enfant de Kachemug», 1819), где трагически-романтический сюжет развивался на фоне праздника цветения роз. Близкий во второй половине 1820-х гг. кругу Любомудров А. Н. Муравьев так писал о «блестящем доме» Волконской и его хозяйке: «Все дышало грацией и поэзией в необыкновенной женщине, которая вполне посвятила себя искусству. По ее аристократическим связям собиралось в ее доме самое блестящее общество первопрестольной столицы; литераторы и художники обращались к ней как бы к некоему Меценату и приятно встречали друг друга на ее блистательных вечерах, которые умела воодушевить с особенным талантом. <...> ...был один юный даровитый поэт <...> которого влекло к ней не одно лишь блистательное общество; горящий чистою, но страстную любовью, ей посвящал он звучные меланхолические свои стихи и безвременно сошел в могилу, хотя княгиня, дружная с его семейством, оказывала ему нежную приязнь. Много обещал в будущем молодой Веневитинов...»¹⁰ История трагической неразделенной любви Веневитинова к Волконской известна. Любовь его была особенной: Волконская была для него не просто прекрасной женщиной, но своеобразным символом, живым воплощением творчества.

По замечанию Е. А. Боброва, «любовь нашего поэта, как и следует ожидать от такого глубокого эстетика <...> носила высоко идеальный,

⁸ См.: *Пушкин А. С.* [Собр. соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. Т. 4. С. XXXII.

⁹ *Веневитинов Д. В.* Стихотворения. Проза. М., 1980. С. 50—51.

¹⁰ П. в восп. Т. 2. С. 43—44.

чисто платонический характер»¹¹. Веневитинов, посвятивший Зинаиде Волконской несколько стихотворений, пишет о своей любви как об идеальной; его любовь — романтически отвлеченная, высокая, лишенная чувственности. Он обожествляет предмет своего поклонения, и потому третья, самая земная роза из его стихотворения, та, что «не в небесах», «скоро вянет»:

Еще свежей от третьей веет,
Хотя она не в небесах;
Ее для жарких уст лелеет
Любовь на девственных щеках.
Но эта роза скоро вянет;
Она пуглива и нежна;
И тщетно утра луч проглянет:
Не расцветет опять она.¹²

Пушкин, намеревавшийся писать о трех розах, пишет только об одной. В его стихотворении названы античные Кифера и Пафос — места, связанные с культом богини любви, и воспетая им «неувядаемая роза» — это чувственная любовь, цветок Венеры.

Мы можем только предполагать, как именно были связаны стихи Пушкина и стихи Веневитинова. Реальные обстоятельства написания обоих стихотворений до конца неясны. Отдельные сохранившиеся свидетельства оставляют возможность произвольного толкования и породили различные версии относительно смыслового содержания пушкинского стихотворения и времени его создания. Помета «1 апреля» в копии не облегчает, а, скорее даже, усложняет задачу. Закрепленный за этой датой признак пародийности, розыгрыша, с одной стороны, вроде бы указывает на шутивно-иронический смысл пушкинского восьмистишия¹³, с другой — заставляет усомниться в том, что речь идет о фактическом времени его создания.

Ответ на вопрос, возможно ли считать помету «1 апреля 1827» датой создания стихотворения, повлек за собой различные интерпретации пушкинского текста. Высказывалась, например, весьма сомнительная версия о «поминальном» характере стихотворения: помета «1 апреля 1827 Москва» рассматривается как дата написания стихотворения-эпитафии накануне погребения Веневитинова. Вене-

¹¹ Бобров Е. А. Поэзия Д. В. Веневитинова в связи с его жизнью // Бобров Е. А. Литература и просвещение в России в XIX в.: Материалы, исследования и заметки. Казань, 1901. Т. 1. С. 37.

¹² Веневитинов Д. В. Стихотворения. Проза. С. 50—51.

¹³ См.: *Благой Д. Д.* 1) Подлинный Веневитинов // Веневитинов Д. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1934. С. 26; 2) Творческий путь Пушкина (1826—1830). С. 148—149.

витинов умер от горячки в Петербурге 15 марта 1827 г., в литературе приводится дата похорон в Москве — 2 апреля¹⁴. Представляется, однако, более чем странным ставить дату «1 апреля» (в любом случае не дату смерти!) в эпитафии. Весьма туманна и идея стихотворения, если толковать его как эпитафию.

Автор данной статьи ранее предположил, что в пушкинском восьмистишии отозвалась творческая полемика Пушкина с Веневитиновым. Поэты общались в Москве хоть и недолго (сентябрь — конец октября 1826 г.), но творчески интенсивно. В течение этих двух месяцев Пушкин был частым гостем у Веневитиновых, бывал он и в салоне Волконской. Вероятно, он был в курсе не только интеллектуальных, творческих интересов и занятий своих молодых друзей-философов, но и их сердечных переживаний. Конечно, Пушкин должен был знать, как глубоко страдал Веневитинов от неразделенного чувства к обожествляемой им Волконской: «Любовь Веневитинова не была вообще тайной ни для друзей, ни для близких...»¹⁵. При этом при всей своей симпатии к Веневитинову и веневитиновскому кружку философские взгляды любомудров Пушкин не разделял. «Пушкин на чистую теоретическую философию всегда откликнулся туго, питал к ней чувство уважения и почтения, но отнюдь не любви»¹⁶. К весне 1827 г. он уже выказывает явное раздражение философской направленностью «Московского вестника», вдохновителем которого был Веневитинов: «ненавидит» и «презирает» «немецкую метафизику» (письмо Пушкина к А. А. Дельвигу от 2 марта 1827 г. — Акад. Т. 13. С. 320), «декламирует против философии» (запись в дневнике М. П. Погодина от 4 марта 1827 г.¹⁷). «Молодые философы вывели Пушкина из терпения, когда плели свою тонкую паутину отвлеченностей на его глазах, привыкших к пластическим и осязаемым формам»¹⁸. Естественно предположить, что беседы Пушкина с поэтом и философом-любомудром Веневитиновым, литературных и мемуарных свидетельств о которых, впрочем, не сохранилось¹⁹, принимали

¹⁴ См.: *Грибушин И. И.* «Три розы» Д. В. Веневитинова и стихотворение Пушкина о трех розах // *Жанр и композиция литературного произведения*. Калининград, 1976. С. 36.

¹⁵ *Кубасов И. А.* Княгиня З. А. Волконская. Записка к С. В. Веневитиновой // *Литературные портфели: Статьи, заметки и неизд. материалы по новой рус. литературе из собраний Пушкинского Дома. I: Время Пушкина*. Пб., 1923. С. 88.

¹⁶ *Котляревский Н. А.* Старинные портреты. СПб., 1907. С. 89.

¹⁷ П. в восп. Т. 2. С. 15.

¹⁸ *Котляревский Н. А.* Старинные портреты. С. 89.

¹⁹ Есть, правда, упоминание в письме Пушкина к Дельвигу от 2 марта 1827 г. о посланном им Веневитинову «суровом письме» (Акад. Т. 13. С. 320). В ответном письме Дельвига, написанном уже после кончины Веневитинова, есть такие не

порой характер творческого спора. Стихотворение «Есть роза дивная...» может быть осмыслено в контексте этих споров — как своего рода полемический ответ на «Три розы». Стихотворение Веневитинова содержало характерную для московских «метафизиков» идею, утверждающую приоритет «презираемых» Пушкиным «отвлеченностей», чуждую ему отрешенность от подлинной живой жизни (небесная роза вечна — это роза дантовского Рая, образ универсума и высшего блаженства; та же роза, что «не в небесах», вянет).

Однако версия о полемическом характере пушкинского восьмистишия правомерна в том случае, если Пушкину были известны стихи о трех розах до смерти Веневитинова. Стихотворение Веневитинова появилось в альманахе А. А. Дельвига «Северные цветы» на 1827 г., вышедшем из печати между 25 и 28 марта 1827 г.²⁰ Мог ли Пушкин быть знаком с его «Тремя розами» до их публикации? Более чем вероятно. Цензурное разрешение альманаха датировано 18 января 1827 г., и, соответственно, «Три розы» были переданы Веневитиновым Дельвигу раньше. Известно, что большинство своих стихотворений, в том числе и связанных с именем Волконской, Веневитинов написал в Петербурге, где жил с ноября 1826 г., но «Три розы» могли быть написаны и ранее, в Москве. Во всяком случае, в петербургских письмах поэта, регулярно посвящавшего друзей в свои литературные дела, стихотворение не упоминается. В той же книжке «Северных цветов» Веневитинов, например, напечатал «Песнь грека», относящуюся еще к 1825 г. В первой части посмертного издания «Сочинений» Веневитинова (М., 1829), подготовленном его братом и друзьями, стихотворение датировано 1826 г., без указания месяца и места написания.

Обратимся снова к помете Соболевского под текстом пушкинского стихотворения «Есть роза дивная...». Если считать его полемическим по отношению к «Трем розам» Веневитинова, помета «1 апреля» может рассматриваться как своего рода указание на иронический характер стихотворения, но не как точная дата его написания. А поскольку в годе сомневаться не приходится, то датировать его в этом случае должно январем — первой половиной марта 1827 г.

Существует, однако, и несколько иная гипотеза, которая также оставляет за пометой «1 апреля» лишь иронический смысл, но предполагает другую датировку: «Дата “1 апреля” могла возникнуть в процессе совсем ясные слова: «Письмо твое ко мне или обо мне не дошло до меня, только оно дало пищу больному воображению несчастного друга (Веневитинова. — Н. Д.). Он бредил об нем и все звал меня» (Там же. С. 325).

²⁰ См.: *Синяевский Н., Цявловский М.* Пушкин в печати. 1814—1837: Хронологический указатель произведений Пушкина, напечатанных при его жизни. 2-е изд., испр. М., 1938. С. 42.

обсуждения или копирования стихов, как литературная шутка, или даже быть проставлена самим Соболевским», а сам мадригал написан вскоре после смерти Веневитинова, когда «история неразделенной любви поэта <...> стала предметом разговоров в московских кружках»²¹. Действительно, в это время порой открыто проявлялось негативно-осуждающее отношение к Волконской, с безответной любовью к которой обывательское мнение связывало скоропостижную кончину Веневитинова. 6 апреля 1827 г. М. П. Погодин записывает в дневнике: «Завтрак у меня. Представители русской образованности и просвещения: Пушкин, Мицкевич, Хомяков, Щепкин, Венелин, Аксаков, Верстовский, <А.> Веневитинов <...>. Говорили о Дмитрие Веневитинове, о страсти его к княгине Волконской. Она искала в нем свежего юношу... он боялся прикоснуться к божественному идеалу. Она мелка»²². «“Мадригал” Пушкина пишется как раз в эти дни. Если он и не адресован прямо Волконской, то связан с ней косвенной ассоциацией — через стихи Веневитинова»²³. В этом случае пушкинское стихотворение датируется временем после смерти Веневитинова (Соболевский и, соответственно, Пушкин узнали о ней 20 марта²⁴), еще более вероятно — после похорон, то есть началом апреля.

В. Э. Вацуро ввел в поле зрения исследователей анекдот из записок кишиневского приятеля Пушкина В. П. Горчакова. Возможно, этот анекдот заслуживает более пристального внимания. Тут многое явно выдуманно, но само происшествие, судя по всему, реальное, и отдельные детали могут иметь определенное смысловое значение, а не просто быть украшением рассказа. Случай относится уже ко времени возвращения Пушкина из ссылки и рассказан Горчакову кем-то, кто был вхож в салон некоей «светской затейницы, избалованной каждением многих»²⁵.

²¹ Вацуро В. Э. Эпиграмма Пушкина на А. Н. Муравьева // ПИМ. Л., 1989. Т. 13. С. 239—240.

²² Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1889. Кн. 2. С. 304. Любопытно отметить, что в повести М. П. Погодина «Адель», написанной в 1830 г., где рассказывается история любви рано умершего юноши Дмитрия, в портрете которого можно усмотреть черты Веневитинова (см.: Котляревский Н. А. Старинные портреты. С. 99—100), описаны «ужасы большого света» — «гнезда разврата сердечного». «Ни одна высокая мысль не сверкнет в этой удушливой мгле, ни одно теплое чувство не разогреет этой ледяной коры. Люди не благоговеют там перед гением <...> у этих людей нет ни одной минуты, в которой бы они могли предаться свободно своему сердцу или уму» и т. д. (Погодин М. П. Повести. Драма. М., 1984. С. 277).

²³ Вацуро В. Э. Эпиграмма Пушкина на А. Н. Муравьева. С. 239.

²⁴ П. в восп. Т. 2. С. 15.

²⁵ Горчаков В. П. Выдержки из дневника об А. С. Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников. 3-е изд. СПб., 1998. Т. 1. С. 236. В начале 1830-х гг.

«Светская затейница» названа Горчаковым «Аделаидой Александровной» — обращает на себя внимание сходство звучания Аделаида / Зинаида («прозрачная зашифровка имени»²⁶). Один из посетителей салона Аделаиды Александровны, «поклонник, вроде прислужника», обозначенный как «Андрей Андреевич», сильно напоминает Андрея Николаевича Муравьева, адресата едких эпиграмм Баратынского, Пушкина и, позднее, Соболевского. «Аделаида Александровна» просит, а вернее, требует от Пушкина написать что-нибудь ей в альбом. После безуспешных попыток отказаться («я не мастер писать в альбомы») Пушкин уносит альбом с собой. Когда на другой день хозяйке салона принесли от Пушкина альбом с мадригалом, она поначалу осталась очень довольна: описание ее красоты «до того было пленительно, что все красавицы Байрона не годились ей и в горничные»²⁷. Однако весь эффект был сведен на нет пометой в конце: «вместо должного числа, при похвальных стихах, было выставлено *1-е апреля*»²⁸.

Образ владелицы альбома в воспоминаниях В. П. Горчакова откровенно утрирован, что надо оставить на совести автора мемуаров и рассказчика этой истории. Все же, по справедливому замечанию В. Э. Вацуро, этот анекдот вряд ли выдуман полностью: «...уверение Горчакова в его исторической достоверности должно быть принято во внимание уже хотя бы по общеизвестному благоговейному отношению Горчакова к памяти Пушкина»²⁹. Сам В. Э. Вацуро считал, что Пушкин, действительно, написал в альбом Волконской мадригальное послание — стихотворение «Среди рассеянной Москвы...» (даты «1 апреля» под ним в альбоме, разумеется, не стояло).

Можно, однако, предположить, что написанный по заказу Аделаиды (Зинаиды) Александровны мадригал — «Есть роза дивная...». Тогда, во всяком случае, яснее становится характер сохранившегося автографа ПД 901. Пушкин набросал стихотворение вчерне и, когда оно окончательно сложилось у него в голове, записал набело прямо в альбом. В конце 1826-го — 1827 г. Пушкин жил в Москве у Соболевского на

Пушкин и Горчаков встречались в Москве. В. Э. Вацуро, правда, высказывает предположение, что Горчаков мог узнать этот анекдот уже в 1840-х гг. от М. П. Погодина или С. А. Соболевского. Артистическая ирония всего рассказа, на наш взгляд, скорее всего указывает на Соболевского.

²⁶ Вацуро В. Э. Эпиграмма Пушкина на А. Н. Муравьева. С. 238.

²⁷ Горчаков В. П. Выдержки из дневника об А. С. Пушкине. С. 238.

²⁸ Там же. С. 246. Горчаков сообщает, что происходило все это «несколько лет позднее 20 года», при этом очевидно, что происходило все это не 1 апреля (эта дата была проставлена вместо «должного числа»).

²⁹ Вацуро В. Э. Эпиграмма Пушкина на А. Н. Муравьева. С. 238.

Собачьей площадке. Создание мадригала, скорее всего, проходило в присутствии Соболевского, тут же и переписавшего стихотворение из альбома на оборот листка с черновиком. Черновик позволяет высказать догадку, что оно создавалось шутливо и иронично. Сначала Пушкин намеревался, видимо, сочинить сонет и написал заглавие: «Сонет». Слово это было им повторено в зеркальном отображении. Ниже нарисован мужской профиль явно карикатурного характера.

Возникает вопрос, как в этом случае относиться к рассказу Горчакова? Могла ли подобная история произойти на самом деле, и главное, могла ли героиней этой истории быть Волконская? В. Э. Вацуро в своей статье приводит ряд фактов, подводящих к выводу о том, что Пушкин «не питал враждебности к Волконской и ее кругу и сохранял с ним вполне лояльные и даже доброжелательные светские отношения. Но вместе с тем он сохранял и дистанцию»³⁰. Вполне достоверным представляется, что Пушкин (и не он один) мог позволить себе критический и даже резкий выпад в адрес Волконской из сочувствия к бедному Веневитинову или по иным причинам. Но едва ли подобный выпад мог быть публичным. Трудно представить, чтобы Пушкин позволил себе подобную колкость — вписать в альбом светской дамы, хозяйки знаменитого литературного салона мадригал с датой «1 апреля». Ведь он «отлично знал, что имеет дело не с враждебной, а с сочувствующей средой, и был связан с ней многообразными узами знакомства, светского этикета, литературно-художественных интересов и даже в какой-то мере политических симпатий»³¹.

И еще одно замечание. Предположим, стихотворение «Есть роза дивная...» писалось в альбом Волконской по ее просьбе. И даже если даты под ним в альбоме не было, то это само по себе вовсе не исключает, что стихотворение действительно по стечению обстоятельств могло быть написано 1 апреля. И это случайное совпадение (мадригал, который пишется в день «шутки» и «лжи») вполне могло дать повод к мистифицирующему рассказу Соболевского, вообще склонного к литературным розыгрышам, который впоследствии был достаточно прямодушно передан Горчаковым.

Вопрос остается открытым. Пушкинское стихотворение «Есть роза дивная...» не поддается однозначному толкованию. Но главный парадокс заключается в том, что невозможно точно определить время создания произведения, имеющего проставленную дату.

³⁰ Вацуро В. Э. Эпиграмма Пушкина на А. Н. Муравьева. С. 231.

³¹ Там же. С. 240.

Маска неистового стихотворца в «Евгении Онегине»: полемиические функции*

Genus irritabile vatum.
Hor. Epist. II, 2, 102.¹

Отправным пунктом для нашего исследования станет портрет автора из четвертой главы «Евгения Онегина»:

XXXV

Но я плоды моих мечтаний
И гармонических затей
Читаю только старой няне,
Подруге юности моей,
Да после скучного обеда
Ко мне забредшего соседа,
Поймав нежданно за полу,
Душу трагедией в углу,
Или (но это кроме шуток),
Тоской и рифмами томим,
Бродя над озером моим,
Пугаю стадо диких уток:
Вняв пенью сладкозвучных строф,
Они слетают с берегов.

(Акад. Т. 6. С. 88)

Уже Ю. М. Лотман заметил, что «в авторском “я” этой строфы выступают черты литературного стереотипа писателя-графомана, который ловит слушателей и “душит” их своими декламациями»². Однако он не стал развивать своего наблюдения, и вопрос об источниках, полемиическом задании и возможных адресатах XXXV строфы четвертой главы остался, по существу, открытым³. Попробуем восполнить этот пробел.

* Благодарю Н. Г. Охотина и В. Ляпунова, взявших на себя труд прочитать рукопись этой статьи и не поскупившихся на замечания, и А. Ю. Балакина за полезнейшее обсуждение фрагментов о графе Хвостове.

¹ Раздражительный народ поэтов (*лат.*). Эта строка Горация была эпиграфом к «Лицейской антологии» (см.: *Грот К. Я.* Пушкинский лицей. СПб., 1998. С. 173).

² *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий // Лотман. Пушкин. С. 639.

³ Попытка уточнить литературные источники XXXV строфы четвертой главы была предпринята Д. М. Хитровой. См.: *Хитрова Д. М.* (Не)известная

1. История литературного типа

Для начала вспомним основные тексты, так или иначе известные образованному современнику Пушкина, благодаря которым сформировался интересующий нас тип. Его «психологическую» генеалогию следует, по-видимому, возводить к «Характерам» Теофраста: из тридцати характеров три — болтун (III), пустослов (VII) и сочинитель вестей (VIII) — представляют различные виды речевой невоздержанности. Многословие, бессодержательность и неуместность поведения, свойственные разговорчивым типам Теофраста, стали основными признаками нашего типа у античных авторов: вспомним эпиграммы Лукиллия на бездарных, плодовитых и назойливых поэтов из Палатинской антологии (Anth. Pal. XI, 126, 131, 133, 135, 137, 394), катулловского Суффена, что в день выдавал «по десять тысяч строк с лишним» (Carm. XXII)⁴, марциаловского Лигурина, заманивавшего слушателей пышными обедами (III, 50), и т. д.

Особого упоминания заслуживает послание к Пизонам («Наука поэзии») Горация: в заключительном фрагменте этого чрезвычайно влиятельного в европейской традиции текста подробно описан болезненный (= маниакальный) характер любви к стихотворству у некоторых поэтов. Гораций особо подчеркнул опасность этой мании для окружающих; восходящий к Теофрасту мотив утомительной привязчивости в его портрете неистового стихотворца разросся до смертельной угрозы⁵:

Как не могут терпеть прокаженного или одержимого тяжкою болезнию, бешеного или пораженного проклятием Дианы, так точно люди здравомыслящие убегают неистового стихотворца и страшатся иметь с ним дело; между тем как дети толпятся вокруг него и по

автоэпиграмма Пушкина: К интерпретации одной строфы из «Евгения Онегина» // Кириллица, или Небо в алмазах: Сб. статей к 40-летию К. Ю. Рогова. [Тарту, 2006] (электронная публикация: <http://www.ruthenia.ru/document/539847.html>). Нельзя не отметить, что автор статьи, сославшись на разбор XXXIV и XXXV строф четвертой главы в лотмановском спецкурсе (см.: Лотман. Пушкин. С. 422—425), забыл сослаться на его же комментарий и изложил лотмановское наблюдение «от себя»: «Его (фрагмента «Евгения Онегина». — Н. М.) источник вычленяется без труда — это распространенный в комедии, сатире и эпиграмме тип “мучителя-поэта”, готового читать стихи кому угодно и даже против воли слушателей». К выводам этой статьи мы обратимся ниже.

⁴ Здесь и далее Катулл цитируется в переводе С. В. Шервинского.

⁵ Горацианское происхождение мотива «душения стихами» отмечено Набоковым в комментарии к строфе XXXV (см.: *Набоков В. В.* Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998. С. 372).

своей неопытности за ним бегают. <...> ...неизвестно, отчего он сделался стихотворцем: не осквернил ли родительского праха или какого-либо священного места? По крайней мере, видно, что он в бешенстве, и, подобно медведю, успевшему открыть заваленный вход логовища, усердный сей воспеватель стихов своих заставляет невежду и ученого в одном бегстве искать спасения. Беда, кто ему попадется! он держит его, удушает стихами и, как пивяница, дотоле не отстанет от тела, доколе не будет пресыщен кровию.⁶

(Ad Pis. 453—456; 470—476)

Хорошо известно, что Гораций высмеивал здесь злоупотребление концепцией *furor poeticus*⁷. Восходившее к Платону и Демокриту представление о маниакальной природе поэтического вдохновения, родственной священному безумию оракула, во времена Горация стало общим местом и нередко использовалось для извинения поэтических и поведенческих нелепостей, распространившихся вместе с модой на стихотворство (полувеком позже эти нелепости были описаны в I сатире Персия). Автор послания к Пизонам противопоставил одержимым поэтам — поэтов здравомыслящих (*poeta sanus*) и сообщил, что сам он во избежание приступов мании каждую весну принимает желчегонные (Ad Pis. 295—302). Запомним эту дихотомию — поэты, импровизирующие свои стихи под воздействием внешних сил, будь то священное неистовство или стихотворное бешенство, и поэты, руководствуемые рассудком, — нам еще не раз придется к ней вернуться.

В классической латыни у нашего типа не было специального именования; начиная с эпохи Возрождения, наряду с новолатинским *poetastrum* и производными от него (англ. и нем. *poetaster*, итал. *poetastro*, франц. *poétereau* и т. д.), в качестве нарицательных использовались имена двух плохих поэтов, Мевия (*Maevius*) и Бавия (*Bavius*), сохранившиеся в насмешках их великих современников; Вергилий писал: «Бавия кто не отверг, пусть любит и Мевия песни, — / Пусть козлов он доит и в плуг лисиц запрягает» (Вис. III, 90—91)⁸; Гораций наполнил проклятиями в адрес «воючки Мевия» X эпод.

⁶ Пер. Д. И. Хвостова. Цит. по: *Буало-Денпрео Н.* Наука стихотворства... 2-е изд., с приложением Горациева к Пизонам послания в подлиннике и с российским прозаическим оного переводом. СПб., 1813. С. 51—53, 3-я паг. Отметим единственную вольность в точном переводе Хвостова: «*tenet occiditque leggendо*» (букв.: «держит и убивает читая») переведено как «он держит его, удушает стихами».

⁷ Об источниках этой идеи см.: *Tigerstedt E. N.* *Furor Poeticus: Poetic Inspiration in Greek Literature before Democritus and Plato* // *Journal of the History of Ideas*. 1970. Vol. 31, № 2. P. 163—178.

⁸ Пер. С. В. Шервинского.

Важную роль в формировании новоевропейского извода этого литературного стереотипа сыграла «Наука поэзии» («L'Art poétique») Буало. Этот трактат начинался с грозного предостережения бездарным поэтам: «N'allez pas sur des vers sans fruit vous consumer, / Ni prendre pour génie un amour de rimer» (I, 9—10); в переводе графа Хвостова: «В бесплодных подвигах страшитесь век провесть / И чтить в себе за дар охоту рифмы плесть»⁹. Портрет авторов, бесконечно плодящих плохие стихи, был дан во второй песни поэмы (II, 197—204); страдания их слушатель описаны в четвертой (IV, 53—58):

Gardez-vous d'imiter ce rimeur furieux,
Qui, de ses vains écrits, lecteur harmonieux,
Aborde, en récitant, quiconque le salue,
Et poursuit de ses vers les passants dans la rue.
Il n'est temple si saint, des anges respecté,
Qui soit contre sa muse un lieu de sûreté.

Пускай те бешены неистовы творцы,
Сладкоглаголивы стихов своих певцы,
Заметя твой поклон, балладой угощают
Или на улицах прохожим стих читают,
Так что в обители у олтарей святых
Не можно убежать от наглой музы их.¹⁰

Поэтов такого рода Буало чаще всего называл *rimeur* (ср. синонимичные франц. *rimailleur*; *versificateur*; англ. *rhymester*; *versifier*; нем. *der Reimer*, *Reimschmied* и т. д.). На нездоровый характер их творчества указывали упоминания «безумного жара» (*fougue insensée*; I, 39) и «беспричинного бешенства» (*vagues furies*; II, 201; *rimeur furieux*; IV, 53). В русском языке XVIII — начала XIX в. для этого литературного типа существовало множество синонимических определений: *рифмач*, *рифмоплет*, *рифмодуй*, *стихач*, *стиходей*, *стихоткач*¹¹ и т. д., к которым присоединялись уточняющие эпитеты: *бешеный*, *неистовый* и пр. (слово *графоман* вошло в обиход только в конце XIX в.¹²).

⁹ Буало-Депрео Н. Наука стихотворства... 2-е изд. С. 1, 2-я паг.

¹⁰ Буало-Депрео Н. Наука о стихотворстве... СПб., 1808. С. 35. (Первое издание перевода Хвостова.)

¹¹ О них см., в частности: Пеньковский А. Б. Загадки пушкинского текста и словаря: Опыт филологической герменевтики. М., 2005. С. 142—144. О слове *стихоткач* у Пушкина см. Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941. С. 131—132.

¹² Слово *графоман* заимствовано, вероятно, из французского в начале XX в. (см.: Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка. М., 1972. Т. 1, вып. 4. С. 164; первая словарная фиксация по Шанскому — 1912 г., однако слово встречается в словарях на 10 лет раньше; см., например, «Словарь иностранных слов»

В «Науке поэзии» мотив зачитывания стихами до смерти отсутствовал, но многочисленные последователи Буало заимствовали его из Горация¹³. Граф Хвостов в своем переводе французского трактата осмелился заменить нейтральное «un froid écrivain ne sait rien qu'ennuyer» (IV, 38; букв.: «холодный писатель может только наводить тоску») более сильным образом: «хладный рифмодей способен нас душить»¹⁴. Мотивы двух «Наук поэзии» Поуп совместил в портрете неистовых стихотворцев в знаменитом в свое время «Послании к доктору Арбутноту» (1735):

...All Bedlam, or Parnassus, is let out:
Fire in each eye, and papers in each hand,
They rave, recite, and madden, round the land. <...>
No place is sacred, nor the Church is free <...>
If foes, they write, if friends, they read me dead.¹⁵
(4—6, 11, 32)

В вольном переводе И. И. Дмитриева (1798) эти строки переданы так:

Я вижу весь Парнас, весь сумасшедших дом!
И там и здесь они встречаются толпами,
С бумагою в руках, с горящими глазами,
Всех ловят, всех к себе и тянут и тащат,
И слушай их иль нет, а оду прокричат! <...>
Я в церковь, он туда ж! <...>
Как друг, боюсь их од, как недруг — клеветы:
Там скука, здесь вражда, и все страдаешь ты!¹⁶

Н. Я. Гавкина (19-е изд. Киев, 1902), а в журнальных текстах — с середины 1880-х гг. Во французском первое употребление слова *graphomanie* фиксируется в 1782 г., *graphomane* — в 1915-м («Le Grand Robert de la langue française»), но эти понятия относятся не к литературному типу, а к психической патологии (*besoin pathologique d'écrire*).

¹³ В Англии мотив смертельной опасности бездарных стихотворцев нашел дополнительную опору в ирландском поверье о магической способности поэтов зарифмовать до смерти людей и крыс. Вариации этих мотивов есть в таких известных текстах, как «Апология поэзии» Филиппа Сидни, «Рифмоплет» («The Poetaster») Бена Джонсона, «Как вам это понравится» Шекспира, «Совет молодому поэту» Свифта, II сатира Поупа и т. д. Подробнее см.: *Todd J. H. On Rhyming Rats to Death // Proceedings of the Royal Irish Academy. Dublin, 1853. Vol. 5. P. 355—366.*

¹⁴ *Буало-Депрео Н. Наука о стихотворстве... 3-е изд. СПб., 1818. С. 58.*

¹⁵ «Весь Бедлам, то бишь Парнас, выпущен на волю: у каждого в очах пламень, а в руках — листы бумаги; они мечутся в горячке, декламируют и безумствуют по всей стране. <...> Нет для них ничего святого, нет церкви, в которую они не смели бы войти. <...> Враги убивают меня тем, что пишут, а друзья — тем, что читают свои стихи» (*англ.*).

¹⁶ *Дмитриев И. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1967. С. 101—102 (Б-ка поэта; Большая серия).*

Заметим, однако, что у Буало тип неистового стихотворца не носит сугубо сатирического характера. В «Науке поэзии» к горацианской дихотомии *одержимые / здравомыслящие* поэты добавлен третий тип — *холодные* писатели (*froid écrivain*; IV, 38), чья «ледяная муза» (*muse... froide et glacée*; II, 46) опаснее горячки рифмачей¹⁷. В литературной иерархии Буало на последнем месте стоит не неистовый стихотворец, а холодный автор, не знающий творческого восторга:

Qui dit froid écrivain dit détestable auteur. <...>
Un fou de moins fait rire, et peut nous égayer;
Mais un froid écrivain ne sait rien qu'ennuyer.
J'aime mieux Bergerac et sa burlesque audace
Que ce vers où Motin nous morfond et nous glace.
(L'Art poétique. IV, 33, 37—40)

Коль средственным певца зовут, то он худой. <...>
Забаву принося, шут может рассмешить,
Но хладный рифмодей способен нас душить.
Не лучше ль Бредорет, надутو дерзновенный,
Чем плоскодей Графов, морозом порожденный?¹⁸

Маниакальные черты Буало ввел в свой автопортрет во II сатире «К Мольеру» (1662 ?):

Mais depuis le moment que cette frénésie
De ses noires vapeurs troubla ma fantaisie,
Et qu'un démon jaloux de mon contentement
M'inspira le dessein d'écrire poliment,
Tous les jours malgré moi, cloué sur un ouvrage,
Retouchant un endroit, effaçant une page,
Enfin passant ma vie en ce triste métier...¹⁹
(Sat. II, 69—75)

«Нездравая» составляющая еще сильнее в автопортрете, открывающем XI послание Буало «К моему садовнику» (1696), где мы найдем

¹⁷ Ср. также: L'Art poétique. II, 73—81. Отметим, что это разделение последовательно проведено именно в «Науке поэзии», напечатанной одновременно с переводом трактата Псевдо-Лонгина «О высоком» (1674), а в сатире 1664 г. его еще нет; ср.: «Faut-il d'un froid rimeur dépeindre la manie?» («Надо ли изображать манию холодного рифмача?» — *франц.*) (Sat. VII, 42).

¹⁸ Буало-Депрео Н. Наука о стихотворстве... 3-е изд. С. 58.

¹⁹ «С тех пор как это неистовство своими черными парами омрачило мою фантазию и демон, приревновав к моему спокойствию, внушил мне замысел писать изящные стихи, все дни вопреки самому себе <я провожу> прикованным к своему труду, подправляя какой-нибудь отрывок, вычеркивая целую страницу, и в этом невеселом занятии проходит вся моя жизнь» (*франц.*).

памятные нам по пушкинской строфе мотивы одиноких прогулок и распугивания стихами диких птиц:

Que dis-tu de m'y voir rêveur, capricieux,
Tantôt baissant le front, tantôt levant les yeux,
De paroles dans l'air par élans envolées,
Effrayer les oiseaux perchés dans mes allées?
Ne soupçonnes-tu point qu'agité du démon <...>²⁰
(Ер. XI, 15—19)

Граф Хвостов пронизательно усмотрел здесь отсылку к заключительным строкам послания к Пизонам и в своих переводах усилил сходство соответствующих отрывков:

Что скажешь? что я в нем задумчив и грустлив,
Брожу без радости в тени лимонов, слив;
То лоб потуплю вниз, то к небу кину взоры,
То, нечто возмечтав, стопы направляя скоры,
На ветр пуская шум в прерывистых словах,
Пугаю птичек я сидящих на деревьях?
Ты, верно, думаешь, что дух нечист и мочен
Владычествует мной, что барин твой испорчен...²¹

Ежели такой Пиит, с иступлением воспевающий стихи свои и вперяющий в небо взор свой, подобно занятому одними дроздами птицелову, упадет в яму или колодезь, то пусть кричит: Эй, помогите, помогите, добрые люди! никто не извлекай его оттуда.²²

Зачем же «французских рифмачей суровый судия» дважды изобразил себя столь похожим на неистового рифмача?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно вспомнить о сложной судьбе античной концепции *furog roeticus*. Возрожденная итальянскими неоплатониками в конце XV в.²³, веком позже она приобрела опасные

²⁰ «Что ты скажешь, видя, как я, задумчив и странен, то потупясь, то подняв глаза, бросаю в воздух прерывистые фразы и распугиваю ими птиц, сидящих в моих аллеях? Разве ты не подозреваешь, что в меня вселился бес <...>?» (*франц.*).

²¹ Друг просвещения. 1804. Ч. 2, № 6. С. 216.

²² Буало-Денрео Н. Наука стихотворства... 2-е изд. С. 51, 3-я паг. В оригинале: «*dum sublimis versus ructatur et errat, / si veluti merulis intentus decidit auceps / in puteum foveamve, licet "succurrite" longum / clamet "io cives!" non sit qui tollere curet*» (Ad Pis. 457—460; букв.: «Если в то время, как с высоко поднятой головой он бродит и изрыгает стихи, точно внимательный к дроздам птицелов, он упадет в яму или колодезь и будет долго кричать "на помощь, сограждане", никто не должен вытаскивать его»).

²³ См.: *Falco R. Marsilio Ficino and Vatic Myth // Modern Language Notes. 2007. Vol. 122, № 1. P. 101—122.*

коннотации, поскольку претензии на пророческий дар и на прямую связь с небесами стали ассоциироваться с самыми радикальными течениями в Реформации. После того как в первой половине XVII в. идея энтузиазма подверглась суровой критике в трудах философов, медиков и богословов²⁴, классическая тема «*Est Deus in nobis*»²⁵ утратила популярность и среди поэтов. Эстетика классицизма требовала от них ясности содержания и гармонической соразмерности формы, достигаемых сосредоточенной работой ума, а не кратковременными порывами восторга. В числе законодателей этой эстетики был автор «Науки поэзии», считавший себя наследником Горация.

С другой стороны, ученый авторитет Буало во многом зиждился на переводе трактата Лонгина «О высоком» (1674)²⁶, с которого началась реабилитация идеи энтузиазма в европейской эстетике. Лонгинианским духом проникнуты его «Рассуждение об оде» и «Ода на взятие Намюра» (1693); последняя открывается образом «*docte et sainte ivresse*» («ученого и святого опьянения»), прямо отсылающим к неоплатонической трактовке поэтического вдохновения²⁷. Противоречие между горацианской и лонгинианской составляющей наследия Буало было так велико, что романтики предпочитали полностью игнорировать вторую, изображая автора «Науки поэзии» врагом энтузиазма. Менее предвзятый и пристрастный читатель мог найти компромисс между этими составляющими во II сатире и XI послании.

Автопортреты Буало допускают двойное толкование: странное поведение автора может быть следствием как поэтического энтузиазма, так и черной меланхолии²⁸. Напомним, что в учении о темпераментах,

²⁴ См.: *Heyd M.* «Be Sober and Reasonable»: The Critique of Enthusiasm in the XVII-th and Early XVIII-th Centuries. Leiden; New York; Koeln, 1995.

²⁵ Ovid. *Fast.* VI, 5; Ovid. *Art Am.*, III, 549. В пер. Ф. Петровского: «Есть в певцах божество».

²⁶ Для краткости будем называть Псевдо-Лонгина просто Лонгином и оставаться в стороне вопрос о том, сам ли Буало перевел этот трактат или же воспользовался трудом своего покойного брата Жилия.

²⁷ О русской рецепции «Рассуждения об оде» см.: *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 251—264; *Алексеева Н. Ю.* Русская ода: Развитие одической формы в XVII—XVIII веках. СПб., 2005. С. 113—128; 183—193.

²⁸ Первый комментатор Буало, Броссетт, в издании 1716 г. оставил без примечания соответствующие строки во II сатире, а XI послание сопроводил обширным биографическим комментарием, сообщив, что здесь описано, как Буало «*tâchoit d'exciter son feu, et s'abandonnoit à l'enthousiasme*» («стремился возбудить свой жар и предавался энтузиазму»), сочиняя пиндарическую оду «На взятие Намюра» (см.: *Boileau-Despréaux N.* *Œuvres.* Paris, 1832. Т. 2. Р. 29). Современный комментатор Ж.-П. Коллине, отверг это

которое пользовалось огромным авторитетом в эпоху Буало и сохранило свое влияние вплоть до пушкинских времен, меланхолией называли один из четырех темпераментов, обусловленный преобладанием в организме «гумора» черной желчи, а также состояние духа, вызванное ее избыточной секрецией²⁹. Считалось, что выработанная в умеренных количествах черная желчь стимулирует исключительную умственную и душевную активность, позволяя меланхоликам подниматься над обычным человеческим разумением, предвидеть будущее, совершать великие дела или создавать гениальные произведения, но ее избыток приводит к душевному упадку, отупению и даже к полной потере рассудка. Эта теория, восходящая к псевдоаристотелевским «Problemata», у неоплатоников соединилась с учением Платона о разновидностях священного безумия: поэтическая мания вошла в число дивинационных состояний, порождаемых парами черной желчи; расположение духа поэта в момент творчества было уподоблено неистовству людей, охваченных пророческим даром или любовной страстью³⁰. Однако за вычетом неоплатонических ассоциаций физиократическое представление о меланхолии разделяли даже критики энтузиазма.

Меланхолию, вызванную избыточным умственным напряжением и нездоровым образом жизни, считали профессиональным недугом поэтов и ученых; Роберт Бертон в «Анатомии меланхолии» (1621) писал:

...по большей части худые, иссохшие, бледные, они растрачивают свое состояние, теряют рассудок, а нередко и жизнь, и все это из-за непосильного усердия и чрезмерных научных занятий; <даже если

объяснение, указав, что в XI послании изображены творческие муки, а не приступ энтузиазма; во II сатире он отметил описание черной меланхолии (см.: *Boileau-Despréaux N. Satires; Epîtres; Art poétique*. Paris: Éd. Gallimard, 1985. P. 276, 293).

²⁹ О меланхолии см. пионерское исследование: *Klibansky R., Panofsky E., Saxl F. Saturn and Melancholy. Studies in the History of Natural Philosophy, Religion and Art*. London, 1964, и множество последовавших за ним работ.

³⁰ Ср. монолог Тезея из шекспировского «Сна в летнюю ночь» «The lunatic, the lover, and the poet / Are of imagination all compact...» (V, 1) в переводе Тютчева: «Любовники, безумцы и поэты / Из одного воображенья слиты...» (1829). Отзвук этой идеи есть и в «Онегине»: «Любви безумную тревогу / Я безотрадно испытал. / Блажен, кто с нею сочетал / Горячку рифм: он тем удвоил / Поэзии священный бред, / Петрарке следуя вослед...» (Акад. Т. 6. С. 29) (Петрарка — образец поэта, впавшего в меланхолию из-за несчастной любви). На родственной природе стихотворной и любовной страсти основано немало комических коллизий, описывающих подмену или замещение этих страстей: ср. «Ученых женщин» Мольера, «Размышления о метромании» кардинала Берни, комедию Детуша «La fausse Agnès, ou le poète campagnard» (рус. пер. Д. Н. Баркова: «Деревенский поэт, или любовь хитра на выдумки») и т. д.

им удается сохранить рассудок,> их все равно почитают ничтожествами и глупцами, основываясь на их поведении, ибо, как сказано у поэта, после «семи лет упорных занятий» «statua taciturnius exit, / Plerumque et risu populi quatit».³¹

Очень близкие рассуждения мы найдем в первом русском психологическом трактате А. И. Галича «Картина человека» (1834):

...касательно *гражданских состояний* замечают, будто ни в одном из них не встречается столько помешанных, как в сословии *ученых и художников*. <...> <их работа> весьма вредна для чувственных органов и по большей части производится в положении *при- нужденного покоя телесного* <...> часто с особенною склонностью к *ночным бдениям*. <...> Все это вместе располагает к *ипохондрическим и почечуйным недугам*, а напряжение умственных сил в *ночную пору* подает повод к *насильственному раздражению нервов*.³²

Опора на учение о меланхолии позволила Буало дать рациональное объяснение природы поэтического неистовства: маниакальное состояние поэта во II сатире вызвано не влиянием небес, а напряжением умственных и душевных сил; его меланхолия — следствие неустанной работы над стихом, заповеданной здравомыслящим Горацием. В отличие от неоплатоников, которые отводили поэту роль скорее инструментальную (орган богов, вещающий по их воле), Буало трактовал творческую маниакальность как результат сознательного выбора: стремясь к совершенству, поэт, говоря по-пастернаковски, добровольно обрекает себя на «высокую болезнь».

Буало признавал, что существуют поэты, наделенные гениальной легкостью пера: таков адресат его II сатиры — Мольер. Распределение ролей между адресатом и автором этой сатиры воспроизводит известную дихотомию поэтов *природных* и *сделанных*: первые, как Мольер, одарены воображением и вкусом от рождения, вторые, как Буало, воспитали свой талант учением и трудом³³. Не будем, однако же, забывать, что в эстетике классицизма природный талант и талант, сформированный культурой, ценились наравне, и только распространившийся к

³¹ Бертон Р. *Анатомия меланхолии*. М., 2005. С. 499—501. Латинская фраза — слегка измененная цитата из Горация: «он часто ходит молчаливее статуи, возбуждая смех в народе» (Epist. II, II, 83—84).

³² Галич А. И. *Картина человека, или Опыт наставительного чтения о предметах самопознания для всех образованных сословий*. СПб., 1834. С. 619—620. Под художниками здесь подразумеваются представители всех творческих профессий.

³³ См.: Ringle W. *Poeta Nascitur Non Fit* // *Journal of the History of Ideas*. 1941. Vol. 2. P. 497—504.

концу XVIII в. культ природы и искренности понизил *сделанных* поэтов до разряда *стихотворцев* или *рифмачей*³⁴.

В более позднем, XI послании эта дихотомия отсутствует, а мучительные труды представлены как удел всех поэтов, поверивших обманчивым обещаниям муз:

...C'est en vain qu'aux poètes
Les neuf trompeuses soeurs dans leurs douces retraites
Promettent du repos sous leurs ombrages frais:
Dans ces tranquilles bois pour eux plantés exprès, <...>
Sorcières dont l'amour sait d'abord les charmer,
De fatigues sans fin viennent les consumer.
Sans cesse poursuivant ces fugitives fées,
On voit sous les lauriers haleter les Orphées.³⁵

(Ер. XI, 67—78)

В переводе Хвостова:

...Вотще стихов творцам
Все девять лживых сестр по радостным холмам
Сулят обители, природой украшенны,
Безбедной жизнью и тенью защищенны. <...>
Вот те волшебницы, что им сперва отрадны,
Но наконец влекут в труды весьма досадны.
За ними ж вслед бежа и их ища путей,
Не может отдохнуть под лаврами Орфей.³⁶

Необычная характеристика Муз (*trompeuses* — обманщицы) указывает на подтекст этих строк — вступление к «Теогонии» Гесиода, где рассказано о том, как на лугу близ Геликона ему и другим пастухам явились Музы и поведали им среди прочего о своем умении выдавать ложь за правду (Theog. 22—34)³⁷. Этот фрагмент, и в особенности строка: «...дар мне божественных песен вдохнули» (Theog. 31)³⁸, — входил в число важнейших античных источников самой идеи *вдохновения* — на-

³⁴ Подробнее об этом см. в классической работе: *Abrams M. H. The Mirror and the Lamp: Romantic Theory and the Critical Tradition.* Oxford, 1971. P. 187—198.

³⁵ Ср. у Ахматовой: «Как и жить мне с этой обузой, / А еще называют Музой, / Говорят: “Ты с ней на лугу...” / Говорят: “Божественный лепет...” / Жестче, чем лихорадка, оттреплет, / И опять весь год ни гу-гу» (ср. в особенности созвучие *les lauriers haleter* — лепет / лихорадка оттреплет).

³⁶ Друг просвещения. 1804. Ч. 2, № 6. С. 218.

³⁷ Об этом эпитете см.: *Михайлин В.* Дочери Мнемосины: Кто такие Музы и почему они врут // НЛО. 2008. № 93. С. 108—128 (здесь же см. библиографию вопроса).

³⁸ Пер. В. В. Вересаева.

полненности поэта высшим духом. Введя отсылку к Гесиоду в описание напряженной работы над стихом, Буало соединил идею божественной природы поэтического дара с гораціанской заповедью поэтам — неустанно совершенствовать свой дар учебой и трудом (Ad Pis. 408—418).

Таким образом, репутация холодного догматика, закрепившаяся за Буало в романтическую эпоху, едва ли справедлива: переводом Лонгина он положил начало новому взгляду на поэзию как на излияние страсти, впоследствии усвоенному самими романтиками (подробнее о нем мы будем говорить ниже), а комические автопортреты во II сатире и XI послании стали первой попыткой примирить концепцию *fu-gor poeticus* с эстетикой «прекрасной ясности».

Следующий шаг к реабилитации стихотворной мании сделал Алексис Пирон в знаменитой в свое время комедии «Метромания, или Поэт» («*La Métromanie, ou le Poète*», 1736), благодаря которой слова *métroman* и *métromanie* вошли во многие европейские языки³⁹. Пирон отверг гораціанскую дихотомию одержимые / здравомыслящие поэты, заменив ее противопоставлением поэтов талантливых и бездарных. Стихотворной манией страдают два персонажа его пьесы. Богатый дилетант Франкалэ помешан на своих стихах, самоуверен, назойлив и бездарен, как классический неистовый рифмач. Главный герой «Метромании» Дамис представляет совершенно новую разновидность традиционного типа: страсть к поэзии заставляет его пренебрегать обычными жизненными благами, уверенность в своем призвании подтверждается истинным дарованием, а поэтическая рассеянность не мешает ему быть человеком благородным и благовоспитанным (в предисловии к пьесе сам Пирон называет его «*honnête homme*»). Дамис с честью проходит через все хитросплетения комической интриги, снискав к концу пьесы уважение остальных действующих лиц и симпатии публики. Назвав его «истинным метроманом», Лагарп писал: «Отнимите у Дамиса избыток энтузиазма, свойственный молодости и проходящий вместе с ней, и он станет персонажем, на которого всякий, имеющий вкус к поэзии, будет рад походить и, может быть, даже захочет ему подражать. Он явно превосходит свое окружение...»⁴⁰ Слабость комической составляющей в характере пионовского метромана позволила Ж. Трюше увидеть в

³⁹ Англ. *metromania*, нем. *die Metromanie*, рус. *метромания* и т. д. В русских словарях впервые зафиксировано в «Новом словотолкователе» Яновского (1804). Об истории слова см.: Шанский Н. М. Метроман // Русский язык в школе. 2000. № 3. О русском аналоге *метромании* — слове *стихобесие* см.: Виноградов В. В. История слов. М., 1994. С. 327 (статья «Мракобесие»).

⁴⁰ *La Harpe J. F. Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne*. Paris, 1822. T. 11. P. 332—333.

нем первого предтечу высокой трактовки образа поэта у романтиков, окончательно реабилитировавших концепцию *furore poeticus*⁴¹.

2. Манья стихотворства в русской литературе XVIII — начала XIX в.

Русская литература рано усвоила классический тип неистового рифмача, сделав его оружием литературных полемик. Сумароков ввел мотив насильственного чтения стихов в характер педанта (=Тредиаковского) в комедии «Тресотиниус» (1750) и описал стихотворца, скончавшегося от рифменной горячки (=Ломоносова), в «Разговорах мертвых» («Разговор между медиком и стихотворцем», 1759). Пародией на Сумарокова был характер Надмена в комедии Николева «Самолюбивый стихотворец» (1775). Сходство с одописцем Петровым носил рифмач Чертополох в комической опере князя Горчакова «Счастливая тоня» (1785). С Княжнина был списан Рифмокрад в комедии Крылова «Проказники» (1793) и т. д.

Маниакальная страсть к стихотворству высмеивалась во всех сатирических жанрах. Чаще всего наш тип выводился в сатирах «на превратности света» (А. Д. Кантемир, «Сатира III. О различии страстей человеческих», 1730, опубл. 1762; В. В. Капнист, «Сатира первая и последняя», 1779—1780; Н. Ф. Остолопов, «К Правдослову», 1806; С. Н. Марин, «Сатира 1-ая», 1807; А. А. Шаховской, «Сатира <I>», 1807; Д. П. Горчаков, «Послание к князю С. Н. Долгорукову», 1807—1811; и др.) и «на литературные нравы» (Д. П. Горчаков, «Послание Д. И. Хвостову», начало 1780-х; Я. Б. Княжнин, «От дяди стихотворца Рифмоскрыпа», 1787; И. И. Дмитриев, «Чужой толк», 1794; Я. А. Галенковский, «Подражание I сатире Капниста», 1805; А. А. Шаховской, «Разговор цензора и его друга», 1808; М. В. Милонов, «К Луказию», 1810; «К моему рассудку», 1812; и т. д.).

«Стихобесие» стало темой ряда басен и сказок (А. П. Сумароков, «Обезьяна-стихотворец», 1763; В. А. Левшин, «Осел-стихотворец», «Бессмертный автор», 1787; Я. Б. Княжнин, «Волосочесатель-сочинитель», 1788; и др.); чаще всех к этой теме обращался А. Е. Измайлов («Стихотворец и черт», 1811; «Страсть к стихотворству», 1815; «Смерть и стихотворец», 1819; «Встреча двух подруг», 1821).

Характер неистового рифмача был популярен и у авторов комедий⁴²: вспомним, наряду с уже упомянутыми пьесами, «Сочинителя в прихожей»

⁴¹ См. комментарии Ж. Трюше в изд.: *Théâtre du XVIII-e siècle*. Paris, 1971. Т. 1. P. 1460. Обсуждение и развитие этой концепции см.: *Connon D. Identity and Transformation in the Plays of Alexis Piron*. Oxford, 2007. P. 23—26.

⁴² Об этом типе в русской комедии см.: *Киселева Л. Н. Загадки драматургии Крылова // Крылов И. А. Полн. собр. драматических соч.* СПб., 2001. С. IX—XIV.

Крылова (1794), «Вечеринку ученых» М. Н. Загоскина (1817), «Студента» А. С. Грибоедова и П. А. Катенина (1817—1818), сцены из недописанных комедий М. В. Милонова (1819) и И. Е. Великопольского (1819)⁴³ и т. д.

Отдельные проявления мании стихотворства и ее последствия для окружающих описывались во множестве эпиграмм⁴⁴: об усыплении стихами писали В. А. Жуковский (1806, № 756⁴⁵), Б. К. Бланк (1809, № 584), П. А. Вяземский (1811, № 813), А. А. Дельвиг (1814, № 1061; 1820, № 1063), А. Е. Измайлов (1814, № 690), Ф. Ф. Иванов (1815, № 597), Е. А. Баратынский (1821, № 1028), М. А. Дмитриев (1821, № 1145) и др. Над холодностью и/или водянистостью бездарных стихов (ср. Anth. Pal. XI, 137) шутили Г. Р. Державин (1800, № 208 и 209), Вяземский (1810-е, № 821; 1821, № 864), П. А. Корсаков (1817, № 724), И. И. Дмитриев (1828, № 413). Смертью чтение/слушание стихов заканчивается у Горчакова (1781?, № 329), Измайлова (1814, № 691), Корсакова (1817⁴⁶) и т. д.

Самым популярным мотивом в портрете русского рифмача на рубеже XVIII—XIX вв. стало *душение стихами*⁴⁷. Мы помним, что

⁴³ Отрывок из «Опекуна-стихотворца» см.: Милонов М. В. Сатиры, послания и другие мелкие стихотворения. СПб., 1819. С. 239—246; сцену из комедии Великопольского см.: Благ. 1819. Ч. 8, № 19. С. 16—20.

⁴⁴ О теме поэт=безумец в эпиграмме см.: Добрицын А. Вечный жанр. Западно-европейские истоки русской эпиграммы XVIII — начала XIX века. Верн, 2008. С. 469—475.

⁴⁵ Здесь и далее даются номера эпиграмм по изд.: Русская эпиграмма второй половины XVIII — начала XX в. Л., 1975 (Б-ка поэта; Большая серия).

⁴⁶ Русская стихотворная эпитафия. СПб., 1998. С. 238 (Б-ка поэта; Большая серия).

⁴⁷ Мотив душения стихами отсутствует в латинской и французской традиции, знающей, напротив, мотив нехватки воздуха у самого поэта, которая вызвана чтением или невозможностью прочесть собственные стихи: ср. в I сатире Персия «scribimus inclusi, numerus ille, hic pede liber, / grande aliquid quod pulmo animae praelargus anhelet» (Pers. Sat. I, 13—14) («Пишем мы все взаперти, кто стихами, кто вольною речью, / — Выспренне так, что любой запыхался б и самый здоровый»; пер. Ф. Петровского); в «Бедняге» Вольтера («Le pauvre diable», 1758): «De vers, de prose, et de honte étouffé» («задыхаясь от стихов, прозы и стыда»); задыхается от своих стихов и герой комедии Дегуша «Притворная Агнеса» («La fausse Agnès», 1736) и т. д. Ср. близкий мотив *дыхания стихами* в «Стихах на Семик» М. Д. Чулкова (1769): «...прозой и стихом бумагу я мараю; / С Парнаса вниз я одами дышу / Без действия души и разума пишу, / Стараюсь вечность я достать себе стихами, / Кроплю мои стихи Парижскими духами, / Чтоб запах таковой читатель мой внуша / Сказал, что выдумка довольно хороша» (Ирои-комическая поэма. Л., 1933. С. 211—212). В «Похвальных стихах полустихотворцам» (автор неизвестен, 1770) удушью от плохих стихов дано физическое объяснение: «По селам, в деревнях и в малых

Хвостов не побоялся ввести его в переводы обеих «Наук поэзии»; ср. также:

«Читанием стихов душить меня пустился» (Я. Б. Княжнин, «От дяди стихотворца Рифмоскрыпа», 1787)⁴⁸; «Застынет в теле кровь и душит домовой, / Гераков прозою, стихами Шаховской» (С. Н. Марин, «Ответ на письмо к гр. Толс<тому>», 1805)⁴⁹; «Обманщик видит честь, чтоб слова не держать; / Поэт, душить чтоб всех прескучными стихами...» (Он же, «Перевод XI сатиры Боало», 1808)⁵⁰; «Ты знаешь, что Эвмольп имеет страсть душить Рим воздыхательными сочинениями» (Д. И. Хвостов, «Письмо Петрония к Ювеналу», 1806)⁵¹; «Один ударился писать на все стихи / И душит ими всех, хоть грамоты не знает» (А. А. Шаховской, «Сатира <I>», 1807)⁵²; «Как же с рифмой мне не знатья / И Муз безжалостно стихами не душить?» (М. Н. Макаров, «Кн. И. М. Долгорукому», 1816)⁵³; «...од торжественных торжественный набор, / <...> Которым душат нас бездушные поэты» (П. А. Вяземский, «К перу моему», 1816)⁵⁴; «На что ж ее душить стихами...» (В. А. Жуковский, «В Комитет, учрежденный по случаю похорон Павловской векши...», 1819?)⁵⁵; «...наш Вралев / Всех эпиграммами душить пустился!» (М. П. Загорский, «Эпиграмма на эпиграмму», 1820)⁵⁶.

городах / Пасутся стихачи, как овцы во стадах. / Творцы сии в печах стихов сжигают кучи, / На воздух от того исходят вредны тучи / И затмевают тем сияние небес: / Сим паром задушен и сам уже Зевес» (Поэты XVIII века: В 2 т. Л., 1972. Т. 2. С. 415 (Б-ка поэта; Большая серия)).

⁴⁸ *Княжнин Я. Б.* Избранные произведения. Л., 1961. С. 667 (Б-ка поэта; Большая серия). Послание Княжнина, а также цитируемые ниже эпиграммы Загорского и Вяземского упомянуты в статье Д. М. Хитровой «(Не)известная автоэпиграмма Пушкина».

⁴⁹ *Марин С. Н.* Полн. собр. соч. М., 1948. С. 104—105. (Летописи Гос. лит. музея. Кн. 10.)

⁵⁰ Там же. С. 95. У Буало: «Un vrai fourbe, à jamais ne garder sa parole; / Se roëte, à noircir d'insipides papiers...» («Истинный хитрец <полагает свою честь в том, чтобы> никогда не держать слова, этот поэт — в том, чтобы мараить белую бумагу...» (*франц.*); Sat. XI, 54—55).

⁵¹ Цит. по: *Альтшуллер М. Г.* Неизвестный эпизод журнальной полемики начала XIX в.: («Друг Просвещения» и «Московский Зритель») // XVIII век. Л., 1975. Сб. 10. С. 98.

⁵² *Шаховской А. А.* Комедии. Стихотворения. Л., 1961. С. 78 (Б-ка поэта; Большая серия).

⁵³ ВЕ. 1816. Ч. 85, № 3. С. 188.

⁵⁴ *Вяземский П. А.* Стихотворения. Л., 1986. С. 92 (Б-ка поэта; Большая серия).

⁵⁵ *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2000. Т. 2. С. 131.

⁵⁶ Русская эпиграмма второй половины XVIII — начала XX в. С. 344. № 1102.

Описания благородной формы стихотворной мании в русской литературе XVIII — начала XIX в. встречаются гораздо реже, а если и встречаются, то с опорой на Буало, а не на Пирона. Сатиру «К Мольеру» русская поэзия не только усвоила, но и присвоила, наряду с переводами этот текст породил множество подражаний⁵⁷. «Метромания» пользовалась гораздо меньшей популярностью: первый (прозаический) перевод П. Ф. Мальтица вышел в 1783 г.⁵⁸; стихотворный, Н. В. Сушкова, в 1820-м. Показательно, что Николев, подражая Пиرونу в «Самолюбивом стихотворце» (1775), не стал вводить в свою комедию новаторский характер «истинного метромана». Пироновская трактовка стихотворной мании укоренилась в России без малого веком позже, чем во Франции: в *метромании* (=бескорыстной любви к поэзии) признается главный герой «Вечера у Кантемира» Батюшкова (1816); *истинным метроманом* Кюхельбекер назвал героя своей «драматической шутки» «Шекспировы духи» (1825), придав ему, как и Пирон — Дамису, некоторые автобиографические черты.

Рассказ о русском типе неистового рифмача невозможен без упоминания о графе Д. И. Хвостове, чье имя «обратилось в нарицательное для обозначения всякого бездарного стихотворца»⁵⁹. Заметим, однако, что гомерический масштаб репутации графа заставил позабыть об одном обстоятельстве, существенно усложняющем специфику его литературной стратегии: прежде чем стать «нашим Бавием», Хвостов приложил немало усилий к тому, чтобы разнообразить и обогатить русский извод этого литературного типа. Он перевел четыре основополагающих текста — послание к Пизонам Горация, «Науку поэзии», II сатиру и XI послание Буало, а также первым или в числе первых ввел в русскую поэзию ряд классических мотивов из портрета неистового стихотворца. В итоге значительная часть так называемой «хвостовианы» кроилась по лекалам, предварительно апробированным в творениях самого графа.

Приведем несколько характерных примеров. Злые языки утверждали, что Хвостов покупает внимание слушателей обедами или шампанским⁶⁰. Граф использовал этот мотив, восходящий к Лукиллию и Марциалу, в эпиграмме 1780 г.:

⁵⁷ См.: Песков А. М. Буало в русской литературе XVIII — первой трети XIX в. М., 1989. С. 134—143.

⁵⁸ 2-е изд.: 1787 (см.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800. М., Т. 2. 1964. № 5304, 5305).

⁵⁹ Морозов П. О. Граф Д. И. Хвостов (1757—1835). Очерки из истории русской литературы первой четверти XIX века // РС. 1892. № 6. С. 569.

⁶⁰ Ср. в письме Д. П. Северина П. А. Вяземскому: «Я <...>, по несчастью, обедал у графа Хвостова и занемог от громады его стихов...». — «Арзамас»: Сб.: В 2 кн. М., 1994. Кн. 1. С. 160. Анекдот о том, как Хвостов платил за чтение оды шампанским, см.: Там же. Кн. 1. С. 117.

Кричит какой-то стиходей,
На праздник приглася премножество людей:
«Я две трапезы дам для милых мне гостей —
Сперва духовную, потом плотскую».
Сказали гости все: «Мы будем на вторую».⁶¹

Поводом для многочисленных острот стали неоднократные переиздания сочинений Хвостова, не находившие покупателей. Эпиграмму на этот сюжет граф написал в 1804 г., задолго до издания первого собрания своих сочинений:

Рифмушкин говорит: <...>
«Собранье полное стихов моих представлю, <...>
Издание полное — прямой венец труда! <...>
Остаться я хочу, остаться навсегда...»
Приятель возразил: «У Глазунова в лавке».⁶²

Рассказы о стихах Хвостова, шедших на обертку товара в лавках⁶³, повторяли античный образец (Hor. Epist. II, 2, 269—270; Pers. Sat. I, 43), использованный графом в послании к И. И. Дмитриеву: «Когда мои стихи покажутся в столицу, / Не первые пойдут обертывать корицу» (1810)⁶⁴.

Анекдот в письме А. И. Тургенева Вяземскому (24 декабря 1818): «Третьего дня, в толпе народа, при слушании божественной литургии, почувствовал я, что кто-то сует мне что-то в руки. Обернулся и увидел Хвостова, который всучил мне свою “Старость”. Ни в храмах Божиих, ни на стогнах, нигде не укроешься от его нахальной музыки», перефразирует хвостовский перевод «Науки поэзии» Буало: «Так, — что в обители, у олтарей святых, / Не можно убежать от наглой Музы их»⁶⁵.

⁶¹ Русская эпиграмма второй половины XVIII — начала XX в. С. 137. № 308.

⁶² Там же. С. 140. № 320. Хвостов подражал Гишару (см.: *Добрицын А.* Вечный жанр. С. 167).

⁶³ В. П. Бурнашев развил этот мотив в обширный сюжет ([*Бурнашев В. П.*] Наши чудодеев: Летопись чудачеств и эксцентричностей всякого рода. Русская эпиграмма второй половины XVIII — начала XX века / Сост. Касьян Касьянов. СПб., 1875. С. 20). Вопрос об исторической достоверности этого сочинения в нашем случае не слишком принципиален, поскольку нас интересует устойчивая репутация Хвостова, а вымыслы Бурнашева, как правило, основаны на хорошо знакомой ему литературной топике той поры.

⁶⁴ Поэты 1790—1810-х гг. С. 443. Более ранние примеры использования этого мотива см. у Кантемира в «Письме П. К стихам своим», у О. П. Беляева в эпиграмме 1790 г. (Русская эпиграмма второй половины XVIII — начала XX в. № 296) и др.

⁶⁵ ОА. Т. 1. С. 179; *Буало-Денрео Н.* Наука о стихотворстве... 3-е изд. С. 58—59.

Даже сделав поправку на характерную для анекдотического жанра ориентацию на литературные источники, нельзя не признать очевидного сходства между поведением самого Хвостова и его же портретами неистовых рифмачей, сходства, которое легче всего объяснить сознательной стилизацией. Вслед за своим кумиром Буало, граф относил себя к поэтам «сделанным» и неоднократно подчеркивал в стихах и прозе слабость своего природного дарования⁶⁶. Однако Гораций и Буало учили, что талант без искусства ничто⁶⁷, и граф свято следовал их заповедям, парафразу которых ввел в свою автобиографию: «приложил неусыпное старание к исправлению <...> сочинений своих <...>; советовался с мертвыми и живыми; потом выдавал сочинения и не жалел возобновлять изданий одно после другого»⁶⁸.

Некоторые причуды графа напоминают приступы «профессиональной» меланхолии, свойственной поэтам-труженикам, другие свидетельствуют о страстной любви к поэзии, отчасти искупающей слабость природного дара (вспомним, что Буало ставил неистовых рифмачей выше холодных писателей). Беззаветной преданности избранному призванию учила хвостовская басня «Эмпедокл и туфли». Рассказ о том, как философ бросился в огонь Этны, предварительно сняв сандалии⁶⁹, граф завершил моралью: «Когда в огонь скакать, / На что и туфли покидать», смысл которой прояснится, если мы вспомним, что именно с Эмпедоклом Гораций сравнивал неистовых стихотворцев:

⁶⁶ Ср. в автобиографии Хвостова, написанной им от третьего лица: «Он хотя был рожден поэтом, но сей дар природы имел ход медленный и непостоянный, что продолжалось всю его жизнь» (*Сухомлинов М. И.* История Российской академии. СПб., 1885. Вып. 7. С. 516); эти же мотивы есть в двух посланиях к И. И. Дмитриеву (1803; 1810), стихотворениях «К Барду» (1805) и «Живописцу моему» (1821 ?), предисловии к собранию сочинений (1821) и т. д. Сознание ограниченности своего дара окончательно покинуло графа в начале 1820-х гг., как полагал Е. Я. Колбасин, по вине окружавшей его толпы льстивых искателей протекции (*Колбасин Е. Я.* Певец Кубры, или гр. Д. И. Хвостов // *Время.* 1867. № 6. С. 139—181).

⁶⁷ См. вариации рассуждения Горация о соотношении природного дара и искусства (Ad Pis. 408—418) в стихотворении «Живописцу моему» и в послании к Муравьеву-Апостолу, а также прозаические размышления на эту тему в автобиографии Хвостова (см.: *Сухомлинов М. И.* История Российской академии. Вып. 7. С. 516—518).

⁶⁸ Там же. С. 518. Хвостов не устал исправлять свои сочинения, и каждое переиздание было действительно лучше предыдущих.

⁶⁹ Ср. описание смерти этого философа у Диогена Лаэртского: «Гиппобот уверяет, что, встав от застолья, Эмпедокл отправился на Этну, а там бросился в огнедышащее жерло и исчез — этим он хотел укрепить молву, будто он сделался богом; а узнали про это, когда жерло выбросило одну из его сандалий, ибо сандалии у него были медные» (*Diog. Laert.* VIII, 69; пер. М. Л. Гаспарова).

Ежели такой Пиит <...> упадет в яму или колодезь <...> никто не извлекай его оттуда. Когда бы, сжалившись над ним, кто-нибудь опустил ему веревку и подал бы помощь, знаешь ли ты, спросил бы я того, что он упал туда с намерением и не хочет, чтоб его спасали, — и рассказал бы смерть Емпедокла, сицилийского поэта, который, желая соделаться богом, хладнокровно соскочил в горящую Этну. Дайте свободу и не мешайте погибать Пиитам; спасающий от смерти не желающего жить есть его убийца. Он не раз уже покушался на сие; и хотя бы теперь спасли его, все он не захочет быть человеком и не переменит намерения своего умереть со славою.⁷⁰

Иными словами, если уж ты захотел быть не человеком, а Пиитом, отдавайся своей страсти целиком, а судить о том, достоин ли ты посмертной славы, предоставь потомкам⁷¹. Хвостов писал о себе: «...трудился целую жизнь, не ожидая себе награды и несмотря ни на досады и оскорбления от современников, ни на невнимание света <...> пожертвовал <...> многим на удовлетворение похвальной своей ревности»⁷². Чтобы заслужить место в памяти потомков, он не пожалел ни состояния, истраченного на издание своих трудов и помощь нуждающимся литераторам, ни репутации здравомыслящего человека и государственного деятеля. В глазах наиболее проникательных современников такое поведение превращало его из *неистового рифмача* в *истинного метромана*. Карамзин писал Дмитриеву (1824):

Я смотрю с умилением на графа Хвостова <...> за его постоянную любовь к стихотворству. <...> Это редко, и потому драгоценно в моих глазах. <...> Он действует чем-то разительным на мою душу, чем-то теплым и живым. Увижу, услышу, что граф еще пишет стихи, и говорю себе с приятным чувством: «Вот любовь, достойная таланта! Он заслуживает иметь его, если и не имеет».⁷³

⁷⁰ Буало-Депрео Н. Наука стихотворства... 2-е изд. С. 51, 3-я паг.

⁷¹ Ср. восхищенный рассказ графа о смерти актера Киндякова (1819): «актер средственный, но большой любитель своего искусства», «читая стихи, и с довольным жаром, вдруг упал и умер. <...> ...не помышляя о смерти, умер, упражняяся в любимом своем ремесле, и где умер? Не за кулисами, а на сцене, имея свидетелями смерти своей 1000 человек и более, при жертвеннике Мельпомены пал к стопам первой ее царицы» (актрисы Семеновой); граф считал, что смертью на сцене этот актер превзошел самого Мольера и заслужил славное место «в летописях Мельпомены» (*Хвостов Д. И.* Соч. М., 1999. С. 180).

⁷² Сухомлинов М. И. История Российской академии. Вып. 7. С. 521.

⁷³ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 379. Сходную оценку см. в эпиграмме Баратынского «Поэт Писцов в стихах тяжеловат...» (1819) и в воспоминаниях С. С. Уварова («Арзамас». Кн. 1. С. 38).

Еще решительнее высказался Вяземский в письме А. И. Тургеневу:

Спроси у Хвостова: откуда, из Сената или из лавки Глазунова, изгнание было бы ему сноснее? Не сомневаюсь в ответе <...>. И, таким образом, Хвостов не вовсе избегает уважения, если в лице поэта видеть сенатора, а в лице сенатора видеть поэта. Поэзия, как солнце: она купается в зеркале синего моря, но и в самой тине грязной лужи луч его отражается. Солнце одно, но зеркала разные.⁷⁴

3. Два «ракурса» пушкинского автопортрета

Реконструировав историю нашего литературного типа, мы заметим наконец то, что пушкинскому современнику было очевидно с первого взгляда: портрет автора в XXXV строфе имеет два ракурса, для каждого из которых можно предположить свой литературный прототип⁷⁵.

В строках 1—8 автор ведет себя как классический неистовый рифмач. Две черты придают этому портрету сходство с «русским Бавием». Чтение стихов няне переключается с рассказами о том, как Хвостов нанимал себе слуг со специальным условием выслушивать его творения. Вероятно, он и в этом следовал совету Буало не брезговать ничьей критикой и помнить о том, что Малерб и Мольер проверяли свои стихи на служанках⁷⁶, однако острословы игнорировали высокий образец, предпочитая видеть здесь очередное свидетельство графской «неистовости»; Измайлов писал: «...люди у него никак не уживались, / Хотя для слушанья стихов чередовались» («Страсть к стихотворству», 1815)⁷⁷.

⁷⁴ ОА. Т. 1. С. 353.

⁷⁵ Мы не можем поддержать выдвинутую в статье Д. М. Хитровой «(Не)известная автоэпиграмма Пушкина» гипотезу о том, что главным источником XXXV строфы послужила «Метромания» Пирона в переводе Сушкова. Коллизии принудительного чтения и ловли слушателей вкупе с мотивом душения стихами (во французском оригинале, разумеется, отсутствующим), в которых исследовательница видит адресные отсылки к «Метромании», входят в традиционный портрет неистового рифмача и не имеют в себе ничего специфически «пионовского». Заметим также, что предположение о преимущественной ориентации Пушкина на Пирона совершенно не проясняет полемического задания XXXV строфы.

⁷⁶ «Говорят, что Малерб принаравливался к слуху своей служанки; и я помню, что Мольер показывал мне много раз старую женщину, жившую у него, которой он читал иногда, говорил он, свои комедии, и он уверял меня, что шуточные места, кои ей не нравились, он переменял, ибо дознал опытом, что они не нравились и публике» (Критические рассуждения Буало на некоторые места ритора Лонгина... М., 1807. С. 2; *Boileau-Despréaux N. Œuvres*. Т. 2. Р. 381). Д. М. Хитрова возводит этот мотив у Пушкина к Пирону, упоминая об опоре последнего на Буало.

⁷⁷ Бурнашев развил этот мотив в историю о секретаре Хвостова, И. В. Георгиевском, который был способен выслушивать «оды графа стихов так в полты-

Коллизия ловли слушателей («...Поймав неожиданно за полу, / Душу трагедией в углу...»), традиционно сопутствовавшая образу неистового рифмача, стала центральным мотивом «хвостовианы». В одной из самых популярных басен Измайлова «Стихотворец и черт» (1811) описывалось, как от графского чтения сбежал сам посланец ада; картинкой, на которой Хвостов держит за хвост заткнувшего уши черта, открывалось первое издание басен и сказок Измайлова (1814); басня с картинкой вышла лубочным листом⁷⁸. О ловле и бегстве слушателей упоминается в большинстве арзамасских и околоарзамасских характеристик графа. Ср. в «Певце в Беседе славено-россов» Батюшкова (1813): «Хвала, читателей тиран, / Хвостов неистошимый! / <...> Везде с стихами — тут и там! / Везде ты волком рыщешь! / Пускаешь притчу в тыл врагам, / Стихами в уши свищешь! / Лишь за поэму — прочь идут, / За оду — засыпают, / Лишь за посланье — все бегут / И уши затыкают!»⁷⁹; в «Доме сумасшедших» А. Ф. Воейкова (редакция 1814—1817 гг.): «И читать мне начал оду, / Я искусно улизнул / От мучителя...»⁸⁰; в торжественном обещании при вступлении в «Арзамас»: «...да бегут от очей моих сон и успокоение, как бегут слушатели от чтения стихов Хлыстова и Барабанова»⁸¹ и т. д.

Второй ракурс портрета автора, предваренный сообщением о его полной серьезности, воспроизводит типичные черты поведения меланхоликов — иные из них, как писал, суммируя многовековую традицию, Галич, «любят всегда быть в движении, отыскивать уединенные места, бродить — без цели и без плана — по полям и лесам, где ничто не тревожит их дум <...>. Другие, напротив того, стоят или сидят неподвижно на одном месте, вовсе не откликаясь на внешние впечатления и по временам произнося отрывистые слова или испуская глухие вздохи»⁸². Два мотива не позволяют сомневаться в том, что прототипом для этого ракурса послужил Буало: томление рифмами — главная тема его II сатиры, а распугивание птиц стихами — характерная деталь XI послания («De paroles dans l'air par élans envolées, / Effrayer les oiseaux perchés dans mes allées» — «брошенными в воздух прерывистыми фразами распугиваю птиц, сидящих в моих аллеях»).

сячи и более» благодаря тому, что учился на ветеринара, а эта профессия требовала незаурядной физической силы ([Бурнашев В. П.] Наши чудодеи. С. 27).

⁷⁸ См.: Русская стихотворная пародия (XVIII — начало XX в.). Л., 1960. С. 304—305 (Б-ка поэта; Большая серия).

⁷⁹ «Арзамас». Кн. 1. С. 206—207.

⁸⁰ Там же. Кн. 2. С. 170.

⁸¹ Там же. Кн. 1. С. 269. Ср. анекдот о графе и Ф. Ф. Кокошкине (Там же. С. 116).

⁸² Галич А. И. Картина человека. С. 610—611.

Пушкин и до четвертой главы не раз вводил в свои портреты мотив одиноких прогулок по лесам и долам⁸³; вспомним лицейский «Городок» (1815):

Люблю я в летний день
Бродить один с тоскою,
Встречать вечерню тень
Над тихую рекою
И с сладостной слезою
В даль сумрачну смотреть...
(АПСС. Т. 1. С. 95),

«Домовому» (1819):

Люби зеленый скат холмов,
Луга, измятые моей бродящей ленью,
Прохладу лип и кленов шумный кров:
Они знакомы вдохновенью
(АПСС. Т. 2, кн. 1. С. 53)

и первую главу «Онегина»:

Досугам посвящаться невинным,
Брожу над озером пустынным,
И *far niente* мой закон.
(Акад. Т. 6. С. 28)

Зеркальный прообраз строфы XXXV находится в послании «Моему Аристарху» (1815):

Брожу ль над тихими водами
В дубраве темной и глухой,
Задумаюсь — взмахну руками,
На рифмах вдруг заговорю —
И никого уж не морю
Моими резвыми стихами...
(АПСС. Т. 1. С. 151)⁸⁴

⁸³ Об этом топосе см.: *Hoff U. Meditation in solitude // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1937. Vol. 1. P. 292—294.* Современники Пушкина опознавали в этих строках «общее место»: так, например, читатель издания «Евгения Онегина» 1837 г. записал рядом с ними цитату из «Приютино» Н. И. Гнедича (1821): «Здесь часто по холмам бродил с моей мечтой / И спящее в глуши безжизненных лесов / Я эхо севера вечернею порой / Будил гармонией Гомеровых стихов» (см.: *Тархова Н. А. «Евгений Онегин» в восприятии читателя 1840-х гг.: Об экземпляре романа с пометками из фонда редкой книги Гос. музея Пушкина // ПИМ. СПб., 1995. Т. 15. С. 281.*)

⁸⁴ Переключка отмечена В. В. Набоковым (см.: *Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 372.*)

Заметим, что во всех процитированных автопортретах любовь к одиноким прогулкам свойственна *природному* поэту, наделенному спонтанным даром импровизации, а в XXXV строфе четвертой главы автор изображен поэтом *сделанным*, знакомым с напряженными поисками рифм. Природным даром наделен не он, а Ленский, пишущий, напротив, легко и плохо (строфа XXXI):

Не мадригалы Ленский пишет
В альбоме Ольги молодой;
Его перо любовью дышит,
Не хладно блещет остротой;
Что ни заметит, ни услышит
Об Ольге, он про то и пишет:
И полны истины живой
Текут элегии рекой.

(Акад. Т. 6. С. 86)

Небогатый рифменный рисунок этого фрагмента (глагольные рифмы с тавтологической рифмой *пишет* и морфологические рифмы на *-ой*) заставляет снова вспомнить послание «Моему Аристарху»:

Конечно, беден гений мой,
За рифмой часто холостой,
Назло законам сочтанья,
Бегут трестопные толпой
На *аю*, *ает* и на *ой*.

(АПСС. Т. 1. С. 150)

В лицейском послании юный поэт щеголял небрежностью своих произведений, относя труды над отделкой стихов на долю неистовых рифмачей:

Не думай, цензор мой угрюмый,
Что я, беснуясь по ночам,
Окован стихотворной думой,
Покою жертвую стихам;
Что, бегая по всем углам,
Ерошу волосы клоками,
Подобно Фебовым жрецам,
Сверкаю грозными очами <...>...
Так пишет (молвить не в укор)
Конюший дряхлого Пегаса
Свистов, Хлыстов или Графов,
Служитель отставной Парнаса,
Родитель стареньких стихов...

(АПСС. Т. 1. С. 150—151)

В строфе, написанной десятью годами позже, повествователь неистовствует не хуже графа Хвостова и томится рифмами, как Буало⁸⁵. В такой перемене нам видится не только комический, но и вполне серьезный смысл. Как мы попробуем показать дальше, маска неистового стихотворца позволила Пушкину обозначить свои позиции в нескольких литературных спорах середины 1820-х гг.

4. Диалог с Кюхельбекером

Портретом автора Пушкин завершил длинное отступление о сравнительных достоинствах оды и элегии (строфы XXXI—XXXV). Поскольку это отступление оказалось единственным развернутым печатным откликом Пушкина на критические статьи Кюхельбекера, резонно предположить, что отзвуки их диалога есть и в строфе XXXV, составляющей смысловое единство с предшествующими ей четырьмя строфами.

Вспомним для начала историю этого диалога⁸⁶. Статьи Кюхельбекера в «Мнемозине» «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» и «Разговор с Ф. В. Булгариным» стали ярким событием в литературной жизни середины 1820-х гг. В проза-

⁸⁵ Ср. с «Городком», где повествователь смиренно терпит словоохотливость деревенской старушки-соседки: «На рифмы удалого / Так некогда *Свистова* / В столице я внимал, / Когда свои творенья / Он с жаром мне читал» (АПСС. Т. 1. С. 96). В строфе XXXV повествователь занял место Свистова, а старушка превратилась в страдательного персонажа.

⁸⁶ О споре Пушкина с Кюхельбекером см., прежде всего: *Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968. С. 95—121*; более широкий контекст см. в его же работе «Пушкин и Кюхельбекер» (Там же. С. 233—294). Авторитет Тынянова, интересовавшегося главным образом вопросами жанра и слога, надолго определил основное направление в изучении полемических строф четвертой главы. Внести новый поворот в их трактовку удалось О. А. Проскурину: он выявил пародийный пласт полемики, основанный на эротических подтекстах строфы XXXI (см.: *Проскурин О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000. С. 229—259*). Несколько оригинальных наблюдений см. также: *Краснобородько Т. И., Хитрова Д. М. Пушкинский набросок возражения Кюхельбекеру // Russian Literature and the West: A Tribute for David M. Bethea. Stanford, 2008. Т. 1. P. 66—116*. На тыняновском пути осталось мало неисследованного; чем гоняться за редкими колосками, рискуя не отличить свои находки от богатой жатвы предшественников, обратимся к эстетической составляющей этого спора, изученной гораздо хуже (исключения составляют полезнейшие комментарии Н. К. Козмина к прозаическому наброску возражения Кюхельбекеру, см.: *Пушкин. Соч. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. Т. 9, кн. 2. С. 27—33, 923—928*).

ическом возражении на них, писавшемся одновременно со строфами XXXI—XXXV четвертой главы «Онегина», во второй половине декабря 1825 г.⁸⁷, Пушкин отметил их главные достоинства:

Статьи сии написаны человеком ученым и умным. [Правый или неправый], он везде предлагает даже причины своего образа мыслей и доказательства своих суждений, дело довольно редкое в нашей литературе. Никто не стал опровергать его, потому ли, что все с ним согласилось, потому ли, что не хотели связаться с атлетом, по-видимому, сильным и опытным.

(Акад. Т. 11. С. 41)

Последняя фраза полна иронии — Пушкин, разумеется, знал, что статьи его старого друга вызвали шумную полемику⁸⁸: Булгарин, Ушаков, Воейков и Яковлев напали на отдельные высказывания их автора, то ли не решившись на спор по существу, то ли не осознав принципиальной новизны обсуждаемого. Между тем за выступлением Кюхельбекера стояла цельная эстетическая программа, опиравшаяся на авторитетные европейские источники — в русской критике той поры явление нечастое⁸⁹.

Кюхельбекер был сторонником взгляда на происхождение и природу лирической поэзии, который мы, вслед за М. Абрамсом, будем называть

⁸⁷ По предположению С. А. Фомичева, Пушкин вернулся к работе над четвертой главой после долгого перерыва в конце декабря 1825 г. и начал ее со строфы XXXI (см.: *Фомичев С. А.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 835: (Из текстологических наблюдений) // ПИМ. Л., 1983. Т. 11. С. 44). О. А. Проскурин предложил сдвинуть датировку начала работы на самый конец ноября — начало декабря 1825 г., поскольку «дружеская» и «вполне безмятежная по тону» полемика с Кюхельбекером была едва ли возможна после 14 декабря (см.: *Проскурин О. А.* Литературные скандалы пушкинской эпохи. С. 231). Концом ноября — началом декабря мы предлагаем датировать основной внешний импульс для написания полемических строф: именно в это время после долгого перерыва возобновилась переписка Пушкина с Кюхельбекером и издателями «Полярной звезды» — главными адресатами скрытых смыслов полемических строф. Если же говорить собственно о рукописи этих строф, то аргументы Т. И. Краснобородько, датирующей ее второй половиной декабря 1825 г. — первыми числами января 1826 г. (см.: *Краснобородько Т. И., Хитрова Д. М.* Пушкинский набросок возражения Кюхельбекеру. С. 73), представляются нам совершенно убедительными.

⁸⁸ Об этой полемике см.: *Сакулин П. А.* Из истории русского идеализма: Князь В. Ф. Одоевский: Мыслитель. Писатель. М., 1913. Т. 1, ч. 1. С. 249—295; *Тынянов Ю. Н.* Архаисты и Пушкин. С. 95—102; *Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX в. М.; Л., 1959. С. 399—405.

⁸⁹ Об источниках программы Кюхельбекера Тынянов, несомненно прекрасно их знавший, говорит коротко и мимоходом (сказалась формалистская нелюбовь к эстетике?) (см.: *Тынянов Ю. Н.* Архаисты и Пушкин. С. 92—94, 99).

лонгинианским⁹⁰. Главный импульс к формированию этого взгляда в европейской эстетике дал уже не раз упомянутый нами трактат «О высоком». Лонгин утверждал, что единственным источником всего «высокого» в красноречии являются «страсти». Опираясь на этот постулат, некоторые философы XVIII в. (Э. Б. Кондильяк, Ж.-Ж. Руссо, И. Г. Гердер, И. Г. Зильцер, Э. Юнг, Х. Блэр и др.) пришли к выводу о том, что лирическая поэзия, в отличие от всех остальных родов литературы, родилась не из подражания природе (аристотелевский мимезис), а из потребности человека излить свои страсти. В начале XIX в. этот взгляд был широко популяризован госпожой де Сталь в книге «О Германии» (1813; см. в особенности главу «О поэзии»). В России его первое систематическое изложение дал Державин в «Рассуждении о лирической поэзии, или об оде», сочинении замечательном как своей фундированностью, так и слогом, который не позволяет забыть о том, что автор трактата и сам превосходный поэт⁹¹. Если в теоретической составляющей статьи «О направлении нашей поэзии...» Кюхельбекер опирался на мнения многих авторов, то главным стилистическим образцом для него, на наш взгляд, послужило именно державинское «Рассуждение».

Лонгинианское представление об истории и иерархии лирических жанров основывалось на отождествлении чистого лиризма и страсти. Историческое право первородства было закреплено за высокой одой (к этому жанру относили и псалмы):

⁹⁰ См.: *Abrams M. H. The Mirror and the Lamp*. P. 70—94. Наше изложение лонгинианской и экспрессивной эстетики опирается на Абрамса. О раннем увлечении Кюхельбекера Лонгином см.: *Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники*. С. 248; ср. также главу «Лицей» в романе Тынянова «Пушкин» (ч. 2, гл. 10). Добавим, что с выписок из трактата «О высоком» начался лицейский «Словарь» Кюхельбекера (РГБ, ф. 449, оп. 2, № 13; далее все архивные ссылки — на эту единицу хранения, с указанием листа): цитаты из Лонгина открываются буквы «В» (статьи «Высокое» и «Великое», л. 12); «Е» («Еврипид», л. 27); «О» («Одиссея», л. 67); «Р» («Разбор», л. 77); «С» («Союзы», л. 82); «Ч» («Число единственное...», л. 112); отсюда же вторая выписка на буквы «Д» («Демосфен», л. 22) и «П» («Подражание» и «Перифраз», л. 72, 72 об.). О «Словаре» см. работу Ю. Н. Тынянова «Пушкин и Кюхельбекер», а также: *Мейлах Б. С. Из неизданного литературного наследия декабристов // Декабристы и русская культура*. Л., 1975. С. 185—204.

⁹¹ Первые части трактата, прочитанные в «Беседе любителей русского слова», вызвали шумную полемику; напечатаны в «Чтении в Беседе любителей русского слова» (1811. Кн. 2; 1812. Кн. 6; 1815. Кн. 14). Обширные фрагменты, оставшиеся в рукописи, опубликовал В. А. Западов (XVIII век. Л., 1986. Сб. 15. С. 229—282; Л., 1989. Сб. 16. С. 289—318). Об источниках «Рассуждения» см.: *Кулакова Л. И. О спорных вопросах в эстетике Державина // XVIII век*. Л., 1969. Сб. 8. С. 25—40; *Алексеева Н. Ю. Русская ода*. С. 320 и далее.

Человек, из праха возникший и восхищенный чудесами мироздания, первый глас радости своей, удивления и благодарности должен был произнести лирическим восклицанием. <...> Вот истинный и начальный источник оды; а потому она не есть, как некоторые думают, одно подражание природе, но и вдохновение оной, чем и отличается от прочей поэзии.⁹²

Эстетическое первенство оды лонгинианцы объясняли чистотой ее природы: только ода, рожденная порывом восторга, свободна от повествовательной (эпической) составляющей, сближающей поэзию с «низкой» прозой⁹³. Ода выделялась среди прочих поэтических жанров и с этической точки зрения: выраженные в ней страсти сильнее и выше всех прочих страстей, а значит, в наибольшей степени способствуют пробуждению благородных чувств в слушателях; у всех древних народов ода использовалась для воодушевления религиозных и гражданских добродетелей: «Пророк вдохновенный (vates), или древний лирик был одно и то же. Он был герольд Неба, орган истины»⁹⁴.

Лонгин утверждал, что главный источник всего высокого — душа самого поэта: «высокое есть как бы некоторый отголосок душевного величия»; «тех только сочинения могут быть высоки, коих мысли всегда стремятся к величественному»⁹⁵. Исходя из этого постулата, госпожа де Сталь сформулировала заповеди новейших лонгинианцев:

Будьте добродетельными, будьте верующими, будьте свободными, уважайте то, что вы любите, ищите бессмертие в любви и Божество в природе и, наконец, освятите свою душу как храм, и ангел благородных мыслей не замедлит явиться вам.⁹⁶

⁹² Державин Г. Р. Избранная проза. М., 1984. С. 276—278.

⁹³ См., например, статью «Ода» в словаре Зульцера: *Sulzer J. G. Allgemeine Theorie der schönen Künste... Leipzig, 1793. Т. 3. Р. 538.* Ср. также «О лирической поэзии» Э. Юнга: «The Ode, as it is the eldest kind of poetry, so it is more spiritous, and more remote from prose than any other, in sense, sound, expression, and conduct» («Ода, будучи наидревнейшим родом поэзии, более одушевлена и в своем значении, звучании, выражении и ходе более далека от прозы, чем все прочие роды» — *англ.*) (*Young E. On Lyric Poetry // The British Poets...: In 100 vol. Vol. 51. Young. Chiswick, 1822. Vol. 3. Р. 108.* Державин относил к чисто лирическим жанрам оду и гимн (Державин Г. Р. Избранная проза. С. 280).

⁹⁴ Державин Г. Р. Избранная проза. С. 321.

⁹⁵ Лонгин. О высоком или величественном / Пер. И. И. Мартынова. СПб., 1803. С. 49, 51.

⁹⁶ «Soyez vertueux, soyez croyans, soyez libres, respectez ce que vous aimez, cherchez l'immortalité dans l'amour, et la Divinité dans la nature; enfin, sanctifiez votre âme comme un temple, et l'ange des nobles pensées ne dédaignera pas d'y apparaître» (*Staël G. De l'Allemagne. Paris, 1968. Т. 1. Р. 209.* Курсив наш). Характерно, что в «Отрывке

Лонгинианство сформировалось в границах классицизма и по большому счету не вышло за его пределы. Интерес к душе художника как источнику всего высокого был явлением новаторским, однако он не отменял классицистского внимания к окружающему миру (принцип верности природе) и к аудитории (вера в дидактическую цель искусства). Повышение статуса оды не означало пересмотра всей жанровой иерархии, первые места в которой по-прежнему занимали героическая поэма и трагедия, последние — малые лирические формы. Лонгинианцы поставили оду в один ряд с вершинными жанрами, но не выше их, признавая, что пределы ей положены непродолжительностью творческого восторга⁹⁷. Тесно связанное с классицизмом, лонгинианство и ушло со сцены вместе с ним, дав поздние рефлексии в поэзии времен гражданской мобилизации.

На рубеже XVIII—XIX вв. лонгинианский взгляд на поэзию стал постепенно вытесняться эстетикой, которую мы, вслед за Абрамсом, будем называть *экспрессивной*⁹⁸. Новая школа унаследовала от своих предшественников концепцию «страстной» природы поэзии и абсолютизировала ее, полностью отказавшись от эстетических принципов классицизма. Фокус внимания был перенесен с внешнего мира на «жизнь души»; дидактическая цель искусства была отвергнута ради свободы самовыражения; требования рациональности, истинности и соответствия сменились призывами к искренности, спонтанности и единству мысли и чувства. Уже не ода, а малая лирика заняла первое место в иерархии поэтических жанров, наложив отпечаток и на другие роды: персонажи поэм Байрона и драм Шиллера превратились в проекции авторского *я*; излияние мыслей и чувств заслонило сюжет в романах (Гете, Жан-Поль, Шатобриан, Сенанкур) и т. д. В русскую литературу экспрессивная эстетика вошла вместе с малой лирикой Жуковского и байроническими поэмами Пушкина.

Стремлением защитить лонгинианство от вытеснявших его новых веяний проникнута вся статья «О направлении нашей поэзии...». Кюхельбекер начал ее с утверждения тождественности лирики и страсти («Лирическая поэзия вообще не иное что, как необыкновенное, то есть сильное, свободное, вдохновенное изложение чувств самого писателя»), из которого сделал закономерный для лонгинианца вывод: ода

из путешествия по полуденной Франции» (письмо XLIII) Кюхельбекер утверждал, что главное качество поэта состоит в том, чтобы быть *vertueux* (Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 52 (Лит. памятники)).

⁹⁷ См., например, статью «Lyrish» в словаре Зульцера (*Sulzer J. G. Allgemeine Theorie der schönen Künste...* Т. 3. Р. 300).

⁹⁸ См.: *Abrams M. H. The Mirror and the Lamp*. Р. 84—102.

«без сомнения, занимает первое место в лирической поэзии». Первенство оды он объяснил чистотой ее лирической природы:

...ода <...> одна совершенно заслуживает название поэзии лирической. Прочие же роды <...> или подчиняют оные повествованию, как-то гимн, а еще более баллада, и, следовательно, переходят в поэзию эпическую; или же ничтожностью самого предмета налагают на гений оковы, гасят огонь его вдохновения.

Эстетические аргументы он подкрепил этическими:

Ода, увлекаясь предметами высокими, передавая векам подвиги героев и славу Отечества, воспаряя к престолу Неизреченного и пророчествуя пред благоговейшим народом, парит, гремит, блещет, порабощает слух и душу читателя.⁹⁹

В отказе от оды критик усматривал ослабление общих позиций поэзии: предпочтение оде элегии или послания означает победу эпического начала над лирическим, т. е. прозаизацию литературы¹⁰⁰. Упадок высокой оды грозил опасными последствиями для общественных настроений, свидетельствуя об угасании энтузиазма и победе эгоизма (=корысти) над гражданственностью:

...в оде поэт бескорыстен: он не ничтожным событиям собственной жизни радуется, не об них сетует; он вещает правду и суд промысла, торжествует о величии родимого края, мечет перуны в сопостав, блажит праведника, клянет изверга. В элегии <...> стихотворец говорит об самом себе, об *своих* скорбях и наслаждениях <...> <Авторы посланий> в трехстах трехстопных стихах друг другу рассказывают, что — слава богу! — здоровы и страх как жалеют, что так давно не видались!¹⁰¹

Эгоизм был главным упреком, предъявленным корифеям новейшей школы и в «Разговоре с Ф. В. Булгариным», где Кюхельбекер писал, что «недозрелые таланты», подобные Байрону и Шиллеру,

исполнены резких предрассудков и резкой односторонности; произведения же изображают по большей части их личный образ мыслей, их собственный характер, их собственные, слишком еще пылкие страсти.¹⁰²

⁹⁹ Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. С. 454.

¹⁰⁰ Нелюбовь к эпическому элементу в поэзии Кюхельбекер сохранил на всю жизнь, ср. запись в дневнике 1833 г.: «...мистика — близкая родня поэзии, и произведения, в которых она участвует, должны непременно стать выше большей части умных прозаических посланий и многих даже модных элегий» (Там же. С. 277).

¹⁰¹ Там же. С. 454—455.

¹⁰² Там же. С. 464. Отмечено, что Пушкин принял взгляд Кюхельбекера на Байрона как на певца унылого эгоизма: см. его заметки «<О драмах Байрона>»

Кюхельбекер считал, что влияние лирики на остальные жанры должно проявиться в распространении чистого восторга, а не унылого эгоизма, и выдвигал в качестве образца жанровые эксперименты князя Ширинского-Шихматова, который писал героические поэмы по образцу ломоносовских од («лирическая поэма в трех песнях» «Пожарский, Минин, Гермоген», 1807; «лирическое песнопение в восьми песнях» «Петр Великий», 1810)¹⁰³.

На опасные социокультурные последствия новой эстетики Кюхельбекер намекал и в рассуждениях о языке поэзии:

...из слова же русского, богатого и мощного, сияются извлечь не-большой, благопристойный, приторный, искусственно тощий, приспособленный для *немногих* язык, un petit jargon de coterie. Без пошлады изгоняют из него все речения и обороты славянские и обогашают его <...> германизмами, галлицизмами и барбаризмами. <...> Печатью народности ознаменованы какие-нибудь 80 стихов в «Светлане» и в «Послании к Воейкову» Жуковского, некоторые мелкие стихотворения Катенина, два или три места в «Руслане и Людмиле» Пушкина.¹⁰⁴

Неоднократно отмечалось, что слова, выделенные курсивом, повторяли название сборников Жуковского «Für Wenige», адресованных узкому придворному кругу. Добавим, что проницательный читатель должен быть увидеть связь этого рассуждения с последней главой «Опыта о происхождении языков...» Руссо — «Отношение языков к образу правления», в которой порча языка объяснялась утратой гражданских свобод¹⁰⁵:

и «<О трагедии Олина «Корсар»>» (Акад. Т. 11. С. 51, 64) (об этом см.: *Альтшуллер М. Г., Королева Н. В.* Личность и литературная позиция Кюхельбекера // Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. С. 603), а также строфу XII третьей главы «Онегина» (см.: Лотман. Пушкин. С. 615). Данное в строфе XIII третьей главы обещание в будущем романе не следовать Байрону, а пере-сказать «преданья русского семейства <...> / Да нравы нашей старины» (Акад. Т. 6. С. 57) переключалось (пусть и не без иронии) с призывом Кюхельбекера обратиться к «нравам отечественным, летописям, песням и сказаниям народным» (*Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи. С. 458).

¹⁰³ О. А. Проскурин указал на хвалебный разбор «Петра Великого» Кюхельбекером (1825) как на один из поводов для полемики в четвертой главе «Онегина» (*Проскурин О. А.* Литературные скандалы пушкинской эпохи. С. 232—236).

¹⁰⁴ *Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи. С. 457.

¹⁰⁵ Сам Руссо опирался в своих рассуждениях на распространенное представление о связи между красноречием и свободой (подробнее о нем см. в следующем фрагменте нашей статьи). Эта глава важна и для понимания французской лекции Кюхельбекера (см.: ЛН. М., 1954. Т. 59. С. 366—380). О популярности этих идей в декабристских кругах см.: *Тургенев Н. И.* Россия и рус-

В древние времена, когда убеждение занимало место силы, красноречие было необходимо. Но зачем оно сегодня, когда сила заменила убеждение? <...> В наши времена не нужны ни общенародный язык, ни красноречие. <...> ...подданных нужно держать раздвоенными, вот первая заповедь современной политики. Есть языки, способствующие свободе: это языки звучные, мелодические и гармоничные; в них речь слышна и понятна издалека. Наши языки годятся лишь для жужжания в турецких Диванах. <...> ...всякий язык, непонятный собранию народа, есть язык рабский; народ, говорящий на этом языке, не может оставаться свободным.¹⁰⁶

Таким образом, Кюхельбекер предъявил так называемой «школе Жуковского» претензии не только эстетические, но и этические, объявив, что подражание «односторонним» и «недозрелым» Шиллеру и Байрону распространяет моду на эгоизм, а сближение языка поэзии с языком светского общества порабощает русскую литературу, отдаляя ее от народа (ср. выразительные образы «оков немецкого или английского владычества» и «цепей немецких»)¹⁰⁷.

Если мы суммируем рекомендации Кюхельбекера современным поэтам, результат окажется близок к процитированной выше заповеди госпожи де Сталь: питайте в душе благородные страсти, обращайтесь к предметам, имеющим общественное значение, пишите не о себе и не для немногих, ищите источники для поэзии в «вере праотцев, нравах отечественных, летописях, песнях и сказаниях народных», и тогда эстетическое совершенство станет ступенью к совершенству этическому: русские поэты сделают Россию «в нравственном мире первую державою во вселенной»¹⁰⁸.

Полемизировать со стройной концепцией, проникнутой не только ученостью, но и гражданским энтузиазмом, было непросто: мелочные

ские. М., 2001. С. 56 (начиная со слов «Наш язык, который...»). Характерно, что Булгарин в первом, еще одобрительном отклике на статью «О направлении нашей поэзии...» рекомендовал ее вниманию «не только литераторов, но и всех патриотов» (ЛЛ. 1824. Ч. 3, № 13—14. С. 77. Курсив наш).

¹⁰⁶ *Rousseau J.-J. Essai sur l'origine des langues... / Rousseau J.-J. Œuvres posthumes. Geneve, 1782. T. 3. P. 260—262.*

¹⁰⁷ Возможно, именно на эти рассуждения Пушкин откликнулся в статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» (1825): подчеркнув благотворное влияние греческого (древнего языка свободы) на русский, он указал на сближение народной и литературной речи, довершить которое — задача современных писателей: «Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного, но впоследствии они сблизились, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей» (Акад. Т. 11. С. 31).

¹⁰⁸ *Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. С. 458.*

придирки журнальных критиков доказывали главным образом их собственную ограниченность. Пушкин, в отличие от них, прекрасно понял программу Кюхельбекера и оспорил ее слабые места, опираясь на круг идей и источников, важных для его оппонента¹⁰⁹.

Роман в стихах предоставлял больше возможностей для спора, чем журнальная статья: он позволял скользить между различными точками зрения¹¹⁰ и сочетать прямую полемику, построенную на аргументации по существу (*ad rem*), с косвенной, обращенной к чувствам и воображению (аргументы *ad hominem*). Первую Пушкин сосредоточил в двух драматизированных строфах XXXII и XXXIII четвертой главы с живыми прениями между автором и «строгим критиком», вторую — в непосредственно примыкающих к ним строфах XXXI, XXXIV и XXXV с парными портретами Ленского и автора.

Прямой спор он построил на приеме ложного единомыслия: автор оказался едва ли не лучшим знатоком лонгинианской эстетики, чем «строгий критик»; поддержав все упреки последнего в адрес унылых элегиков, он предложил обратиться к «большим жанрам» — героической поэме, комедии и трагедии: «Ты прав, и верно нам укажешь / Трубу, личину и кинжал / <...> Не так ли, друг?..» (Акад. Т. 6. С. 87)¹¹¹. Как мы помним, лонгинианцы признавали достоинства эпопеи и трагедии; сам Кюхельбекер был создателем трагедии «Аргивяне», горячим поклонником поэм Шихматова и «Горя от ума» Грибоедова (не этим ли объясняется неожиданное появление у Пушкина «низкой» комедии в одном ряду с вершинными жанрами?). Исключительное преимущество, отданное в статье «О направлении нашей поэзии...» высокой оде, вероятнее всего, объяснялось желанием как можно резче подчеркнуть контраст между благородным энтузиазмом и низким эгоизмом. Пушкин не преминул поймать своего оппонента на этой неточности: ав-

¹⁰⁹ Пушкин должен был хорошо представлять себе источники эстетических воззрений Кюхельбекера, освоенные последним еще в Лицее. О раннем интересе Кюхельбекера к Лонгину см. выше; ссылка на главу об энтузиазме из книги госпожи де Сталь «О Германии» есть в «Словаре» (л. 17). Важность державинского «Рассуждения» для спора Пушкина с Кюхельбекером отмечена еще Козминым (*Пушкин. Соч. Т. 9, кн. 2. С. 926—927*); Н. Ю. Алексеева указала также на переключку между словами «плана нет в оде и не может быть» в ответе Пушкина Кюхельбекеру (Акад. Т. 11. С. 42) и «ода плана не терпит» в «Рассуждении» Державина (*Алексеева Н. Ю. Русская ода. С. 348*).

¹¹⁰ О скольжении между точками зрения в «Онегине» см. в лотмановском спецкурсе (*Лотман Ю. М. Пушкин. С. 417—428*).

¹¹¹ Как указал В. Ляпунов, труба это символ героической поэмы, личина — комедии, а кинжал — исторической трагедии (*Liapunov V. Pushkin's Trumpet, Mask and Dagger // Elementa. 1994. № 1. P. 385—393*).

тор указывает «строгую критику» на односторонность его жанровых предпочтений и напоминает о том, что одописцы, подобные «хитрому лирику» из сатиры Дмитриева «Чужой толк», движимы самыми низменными страстями и в этом смысле ничуть не лучше элегиков:

Одни торжественные оды!
И, полно, друг; не все ль равно?
Припомни, что сказал сатирик!
Чужого толка хитрый лирик
Ужели для тебя сносней
Унылых наших рифмачей?
(Акад. Т. 6. С. 87)

Продолжать спор о цели поэзии автор отказывается, сославшись на неизбежную смену эстетических школ:

Но всё в элегии ничтожно;
Пустая цель ее жалка;
Меж тем цель оды высока
И благородна... Тут бы можно
Поспорить нам, но я молчу.
Два века ссорить не хочу.
(Акад. Т. 6. С. 87)

На этом открытые прения заканчиваются без явного преимущества одной из сторон, и Пушкин переходит к аргументам *ad hominem*. Изменение способа аргументации сопровождается переменой предмета спора. Для Кюхельбекера полемика о жанрах стала поводом для рассуждений об общем духе современной поэзии. Пушкин расширил поле полемики, обратившись к представлениям своего оппонента о характере истинного поэта. Именно этой теме было посвящено письмо XLIII из «Отрывков из путешествия по полуденной Франции», впервые опубликованное в последней части «Мнемозины» осенью 1825 г.¹¹², — за два месяца до создания адресованных Кюхельбекеру строф четвертой главы:

...поэзия есть добродетель, и душа вдохновенная сохраняет в самом падении любовь к добродетели, в самых пороках она ищет великого; ее заблуждения <...> разрушают, но в то же время изумляют и

¹¹² Четвертая часть «Мнемозины» была разослана подписчикам в конце октября 1825 г. (см.: *Гирченко И. В.* «Мнемозина» // Декабристы в Москве: Сб. статей. М., 1963. С. 153 (Тр. Музея истории и реконструкции Москвы. Вып. 8)). Из пушкинской переписки нельзя определить, в какой момент он впервые увидел эту книжку (письмо Плетнева от 14 апреля 1826 г. не дает оснований для однозначного вывода), поэтому мы допускаем возможность его знакомства с текстом Кюхельбекера к моменту создания разбираемых строф.

возбуждают благоговение! Но не всякий даже хороший стихотворец может назваться поэтом; напротив, всякий муж необыкновенный, с сильными страстями, пролагающий себе свой собственный путь в мире, есть уже поэт, если бы он и никогда не писал стихов и даже не учился грамоте. Аттила и Говард такие же поэты, как Руссо, Жан Поль и Байрон! <...> Вернейший признак души поэтической — страсть к высокому и прекрасному; для холодного, для вялого, для сердца испорченного необходимы правила, как цепь для злой собаки, а хлыст для ленивой лошади; но поэт действует по вдохновению и столь же мало гордится своею жизнью, как своими творениями, ибо чувствует, что все ему данное есть дар свыше, а он только бранный сосуд той божественной силы, которая обновляет и возрождает человечество!¹¹³

Из этого фрагмента хорошо видно, что Кюхельбекер стремился согласовать несколько этических моделей: отождествление поэзии и добродетели восходило к классицизму, прославление пылких страстей — к Лонгину, а представление об исключительной ценности творящей личности — к немецким романтикам. Статьи в «Мнемозине» расшатывали и без того довольно противоречивую концепцию: в них, вопреки собственному тезису об абсолютной свободе творящей личности, Кюхельбекер предписывал поэтам определенные правила, основанные на строгой иерархии добродетелей и страстей.

Характерной чертой Кюхельбекера-критика было стремление переносить эстетические рассуждения в сферу этики, при этом (в отличие от многих морализаторов) соответствия проповедуемым идеалам он требовал, прежде всего, от самого себя. Опровергать заветные убеждения при помощи логических аргументов — дело неблагодарное; гораздо легче на «живом примере» показать разрыв между идеалами и жизнью. На наш взгляд, именно эту цель преследовали портреты Ленского и автора в строфах XXXI, XXXIV и XXXV четвертой главы.

Пушкин разделил между ними черты кюхельбекеровского идеала: Ленскому достались пылки и искренние страсти, вера в единство поэзии и жизни, способность творить «по вдохновению» и без правил:

...Его перо любовью дышит,
Не хладно блещет остротой;
Что ни заметит, ни услышит
Об Ольге, он про то и пишет:
И полны истины живой
Текут элегии рекой.
Так ты, Языков вдохновенный,
В порывах сердца своего,

¹¹³ Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. С. 52—53.

Поешь бог ведает кого,
И свод элегий драгоценный
Представит некогда тебе
Всю повесть о твоей судьбе.
(Акад. Т. 6. С. 86)

В этой строфе можно услышать переключку с кюхельбекеровским письмом:

Поэт — принимаю это слово в самом высоком значении — всегда говорит то, что чувствует: искренность первое условие вдохновения.¹¹⁴

Возможно, здесь отозвалось и описание творящего поэта из «Рассуждения» Державина:

Поэт, в полном упоении чувств своих <...> приходит в восторг, схватывает лиру и поет, что ему велит его сердце. <...> Вдохновение рождается прикосновением случая к страсти поэта <...> поддерживается окружными видами, согласными со страстью, которая его трогает, и обнаруживается впечатлением или изливанием мыслей о той страсти, или ее предметах, которые воспеваются.¹¹⁵

Однако именно искренность в следовании своей страсти и заставляет Ленского предпочесть оде — элегию:

Поклонник славы и свободы,
В волненьи бурных дум своих
Владимир и писал бы оды,
Да Ольга не читала их.
Случалось ли поэтам слезным
Читать в глаза своим любезным
Свои творенья? Говорят,
Что в мире выше нет наград.
(Акад. Т. 6. С. 87—88)

Упоминание о «высших наградах» показывает, что Пушкин прекрасно понял, какого рода *корысть* ставил в вину элегикам Кюхельбекер. Последний использовал это слово как аналог французского *l'intérêt* — центрального понятия в философии Гельвеция и его последователей, объявивших причиной всех человеческих действий личный интерес.¹¹⁶ Однако значительно более привычным для русского уха

¹¹⁴ Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. С. 51.

¹¹⁵ Державин Г. Р. Избранная проза. С. 280.

¹¹⁶ См. аналогичное употребление слова *корысть* в эссе Батюшкова «Нечто о морали, основанной на философии и религии» (1815) — ср. с входящей в число источников этого текста главой «О морали, основанной на личном интересе» из «О Германии» де Сталь.

было значение *корысть* = *страсть к наживе*, и оппоненты не преминули напомнить Кюхельбекеру об алчности одописцев, высмеянной в сатире Дмитриева «Чужой толк»¹¹⁷. Пушкин в строфе XXXII помянул эту сатиру, но Ленского и «слезных поэтов» изобразил корыстными в точности «по Гельвецию»¹¹⁸.

Автор трактата «Об уме» утверждал, что в основе личного интереса лежат два сугубо чувственных по своей природе стремления — избежать боли и получить удовольствие¹¹⁹. Наибольшее чувственное удовольствие доставляет женская любовь, жажда которой «есть почти единственная пружина всех действий в цивилизованном обществе»¹²⁰; эту мысль Пушкин запомнил очень хорошо (ср. в «Арапе Петра Великого»: «Сладостное внимание женщин, почти единственная цель наших усилий...» — Акад. Т. 8. С. 5). Надежда на женскую благосклонность служит главным источником военного мужества и гражданских добродетелей и, в конечном счете, залогом прогресса («Об уме», ч. 3, гл. XV).

Пушкинская опора на Гельвеция не лишена провокативности: Кюхельбекер очень не любил материалистический и скептический дух французской философии XVIII в.¹²¹ Однако, сам того не желая, он во многом сходил с автором трактата «Об уме» — защитником пылких страстей, врагом деспотии и пропагандистом гражданских добродетелей. Гельвецианская концепция личного интереса, основанная на двух

¹¹⁷ См. антикритику В. Ушакова (ЛЛ. 1824. Ч. 4. № 21—22. С. 96); связь между текстами Ушакова и Пушкина отмечена: *Тынянов Ю. Н.* Архаисты и Пушкин. С. 102.

¹¹⁸ Фраза «Говорят, / Что в мире выше нет наград» полиреферентна: помимо ссылки на учение Гельвеция в ней можно увидеть иронический намек на статью Бестужева «Взгляд на старую и новую словесность в России», где утверждалось, что упадок русской литературы вызван равнодушием к ней «прекрасного пола»: «Чего нельзя совершить, дабы заслужить благосклонный взор красавицы? В какое прозаическое сердце не вдохнет он поэзии? Одна улыбка женщины милой и просвещенной награждает все труды и жертвы!..» (Полярная звезда на 1823 г. СПб., 1823. С. 43). О других иронических откликах Пушкина на эти рассуждения Бестужева см. у Н. К. Козмина (*Пушкин. Соч.* Т. 9, кн. 2. С. 88—89).

¹¹⁹ «...la douleur et le plaisir des sens font agir et penser les hommes, et sont les seuls contrepois qui meuvent le monde moral» («...боль и чувственные удовольствия заставляют людей действовать и мыслить, и являются единственными рычагами, движущими мир духа» — *франц.*) (*Helvétius. De l'esprit.* Paris, 1822. Т. 2. P. 100).

¹²⁰ «...l'amour des femmes est, chez les nations policées, le ressort presque unique qui les meut» (Ibid. P. 57—58).

¹²¹ Ср. запись в дневнике 1834 г.: «...Cousin, надеюсь, выше целой дюжины Гельвециев, Кондильяков, Дюмарсе и подобных» (*Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи. С. 300).

базовых стремлениях, которые сегодня называют инстинктами самосохранения и продолжения рода, остроумно примиряла противоречивые стремления человеческой природы — задача, которую Кюхельбекер безуспешно пытался решить во многих своих сочинениях¹²². В письме XLIII он утверждал, что истинный поэт должен быть страстным, искренним и добродетельным одновременно; в статье «О направлении нашей поэзии...» требовал от поэтов предпочесть личным интересам — интересы гражданские. Возможно, выведя Ленского и «слезных поэтов» стихийными гельвецианцами, Пушкин хотел напомнить своему оппоненту о том, что искренняя страсть неотделима от личного интереса и далеко не всегда направлена к общему благу. «У всякого своя охота, / Своя любимая забота <...> И благо смешано со злом» — скажет он в следующей, XXXVI строфе (Акад. Т. 6. С. 648—649).

Бескорыстным Пушкин изобразил своего alter ego, готового читать свои стихи неблагодарным или не способным его понять слушателям — няне, соседу и даже диким уткам. Всепоглощающая страсть к поэзии роднит его не только с истинным поэтом Кюхельбекера, но и с графом Хвостовым, которого Пушкин называл образцом бескорыстия и в письме Рылееву летом 1825 г.: «Не должно русских писателей судить, как иноземных. Там пишут для денег, а у нас (кроме меня) из тщеславия. Там стихами живут, а у нас гр<аф> Хв<остов> прожился на них» (Акад. Т. 13. С. 219), и в более поздней устной репризе, сохраненной Н. Полевым:

Говорили об одном, теперь уже покойном, стихотворце. Как обыкновенно, приводили в пример нелепости стихи его, смеялись, что у него «бот моргает глазами», «однажды» идет дождик «дважды», корова лезет на дерево, голуби являются с зубами, и проч., и проч. — Один из собеседников с удивлением спрашивал наконец: «Для чего пишет этот бедный стихотворец? Ни славы, ни денег, ни похвал не получает он за свое маранье!» — «Господа! я вижу в нем чистую, бескорыстную любовь к делу прекрасного, — отвечал Пушкин, бывший в нашей беседе. — Таланты от Бога, и бедный N.N. не виноват, что Бог ему не дал таланта. Но, посмотрите, какая сила воли! Какая чистая страсть к искусству! Ну, все мы — вы, я, А., Б., В., пишем, кто из золота, кто из лавров, кто угождая какой-нибудь Армиде своей, а он? Его бранят, над ним смеются; он разоряется на печатанье, и все-таки пишет, подлинно из чистой, бескорыстной, святой люб-

¹²² Ср. характерную выписку из Стерна в «Словаре», плохо согласуемую с лонгинианством: «Егоизм. Если нам рассмотреть побудительную причину большей части наших поступков <...> мы увидим, что тайная пружина наших действий очень часто не что иное, как какой-нибудь проистекающий не из чистого источника договор между нами и нашими страстями. <...> ...с подлострастием раболепствуем разум страстям, которые должны быть его невольниками...» (л. 27—27 об.).

ви к поэзии!» Пушкин говорил с такою лукавою важностью свой остроумный парадокс, что все мы расхохотались невольно.¹²³

Равнодушие автора к «высшим наградам», манящим Ленского и «слезных поэтов», снова заставляет вспомнить об идеальном поэте Кюхельбекера:

Он постигнул высшее сладострастие, и наслаждения мира никогда не заменят ему порывов вдохновения, столь редких и оставляющих по себе пустоту столь ужасную.¹²⁴

Эта возвышенная мысль, исходящая из неоплатонической параллели между любовным и поэтическим неистовством, звучала, однако же, слегка двусмысленно¹²⁵ — и не ее ли Пушкин пародировал в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях» (1827)¹²⁶:

Стерн говорит, что живейшее из наших наслаждений кончится содроганием почти болезненным. Несносный наблюдатель! знал бы про себя; многие того не заметили б.¹²⁷

(Акад. Т. 11. С. 52)

В «Отрывках» он любовно подшутил над пылким целомудрием своего старого друга, его любовью к Стерну и склонностью к рассуждениям о парадоксах человеческой природы¹²⁸. Однако в XXXV строфе четвертой

¹²³ [Полевой Н. А.] Листки и очерки. Из записной книжки // СО и СА. 1840. Т. 1, № 1. С. 149.

¹²⁴ Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. С. 51.

¹²⁵ Ср. с остроумными наблюдениями О. А. Проскурина о том, как в поэзии Ленского физиологическая составляющая прорывается сквозь условность элегического языка (Проскурин О. А. 1) Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. С. 153—157; 2) Литературные скандалы пушкинской эпохи. С. 241—259).

¹²⁶ Известно, что «Отрывки из писем, мысли и замечания» полны отзвуками тех же споров, что и четвертая глава «Онегина». Часть из них выявлена еще Тыняновым (см.: Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин. С. 103—105); см. также пронципальные наблюдения А. А. Долинина (Долинин А. А. Пушкин и Англия. М., 2007. С. 182—202).

¹²⁷ При публикации «Отрывков...» Пушкин этот фрагмент опустил. Пользуясь случаем, заметим, что, хотя Тынянов в X главе романа «Пушкин» цитирует первую фразу этого фрагмента как запись из «Словаря», в рукописи Кюхельбекера ее нет (все остальные цитаты из «Словаря» в этой главе — верные). Таким образом, подтверждается гипотеза Г. А. Левинтона о том, что эта фраза появилась в романе как «квазиподтекст» к «Отрывкам» (Левинтон Г. А. Заметки о «Пушкине» // И время и место: Историко-филологический сб. к 60-летию А. Л. Ошопата. М., 2008. С. 539—540).

¹²⁸ В «Словаре» из Стерна выписаны статьи: «Враги веры» (л. 16); «Егоизм» (л. 27—27 об.); «Жестокосердие» и «Освободиться искусным образом от бре-

главы он изобразил автора бескорыстным и целомудренным, хотя и несколько комичным в своей неистовой любви к поэзии.

Неистовость сближает автора не столько с героем письма XLIII, сколько с его создателем: репутация маниакального стихотворца закрепились за Кюхельбекером еще в Лицее¹²⁹. Пушкинская трактовка темы стихотворной мании пародировала важную для Кюхельбекера концепцию *furor poeticus*: в первой части строфы XXXV он напомнил о сугубо сатирическом толковании этой концепции, восходящем к Горацию, во второй — о ее компромиссной интерпретации у Буало.

Отсылка к Буало в портрете автора, на наш взгляд, обозначала пушкинскую позицию в споре о природе поэтического творчества. В начале 1820-х гг. Кюхельбекер стал убежденным сторонником школы, отождествлявшей вдохновение и восторг¹³⁰, и отверг требование тщательной и сосредоточенной работы над стихом, заповеданное Горацием и Буало. Первого он назвал «прозаическим»¹³¹, второго отнес к «стихотворцам», а не к поэтам¹³². В статье «О направлении нашей поэзии...» он иронически

мени жизни» (л. 38 об.); «Лицемерие» (л. 54 об.); «Могущество совести» (л. 61 об.); «Религия и нравственность» (л. 81); «Тайная побудительная причина при роскоши...» (л. 88—88 об.); «Удовольствие и щастие» (л. 92 об.); «Чудесное противоречие» (л. 113 об.—114); «Бог» (л. 140 об.); «Совесть» и «Стыд» (л. 174—174 об.). По смыслу к пушкинской цитате из Стерна близки две выписки из других авторов: «*Крайности*. Примечательно, что все крайности сходятся и составляют бесконечный круг. Удовольствие смежно с болью, свобода со своевољеством, знатность с рабством, высшая степень ума сходна с сумасшествием...» (Вейсс; л. 48—48 об.); «*Ощущения*. Странно, сколь неизгладимы некоторые впечатления, между тем как другие едва переживают свое рождение, и еще удивительнее и печальнее, что к сим последним принадлежат все приятные ощущения, а к первым горестные» (Каролина Пихлер Агатоклес; л. 68—68 об.).

¹²⁹ О репутации Кюхельбекера см. комментарии В. Э. Вацура к эпиграмме «Вот Виля — он любовью дышит» (АПСС. Т. 1. С. 770); см. также эпиграмму В. Л. Пушкина «К новым законодателям вкуса» (1824) (*Пушкин В. Л. Стихотворения*. СПб., 2005. С. 212, 335) и т. д.

¹³⁰ Лонгинианцы отождествляли вдохновение и восторг, приверженцы рационалистической эстетики, напротив, стремились их разделить. Описание этих позиций с убедительным набором примеров дано у Н. К. Козмина (*Пушкин*. Соч. Т. 9, кн. 2. С. 27—33; 925—928). Д. М. Хитрова пополнила примеры Козмина, но отказалась от различения двух позиций, сославшись на скудость и размытость эстетической терминологии XVIII в. (см.: *Краснобородько Т. И., Хитрова Д. М. Пушкинский набросок возражения Кюхельбекеру*. С. 96—99), — решение, на наш взгляд, малопродуктивное.

¹³¹ *Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник*. Статьи. С. 458, 462—463. Эта характеристика Горация восходит к Бутервеку (см.: *Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин*. С. 99).

¹³² *Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник*. Статьи. С. 18, 53.

величал Буало «верховным, непреложным законодателем толпы русских и французских Сен-Моров и Ожеров»¹³³ и оспорил знаменитое правило из «Науки поэзии» «Un sonnet sans défaut vaut seul un long poème» («Сонет без изъяна стоит длинной поэмы»), заявив, что «одна отважность предпринять создание эпопеи взвешивает уже всевозможные сонеты, триолеты, шарады — может быть, баллады»¹³⁴. И в этих утверждениях можно предположить влияние госпожи де Сталь — она объявила Буало виновным в том, что во Франции есть «шедевры версификации», но нет поэзии, и назвала требования «разума и мудрости» — «педантством, гибельным для высоких порывов искусства»; ведь «истинный поэт в одно мгновение рождает поэму в глубине своей души; не зная трудностей языка, он импровизирует, подобно сивилле и пророкам, святые гимны гения»¹³⁵.

В строфе XXXV Пушкин явно принял сторону Буало против его противников, не исключая и почитаемой им госпожи де Сталь. Судя по черновому варианту «Душу куплетами в углу» (Акад. Т. 6. С. 369), вначале он собирался даже вывести автора приверженцем мелких форм, но потом заменил куплеты на поэму, а поэму на трагедию — жанр, который, как признал сам Кюхельбекер в «Разговоре с Ф.В. Булгариным», требует от поэта зрелости мыслей и душевного равновесия. Своему alter ego Пушкин придал черты «поэта-труженика», бьющегося над поисками рифм, а восторженным импровизатором сделал Ленского, нанизывающего рифмы легко и плохо. Так, парные портреты автора и Ленского стали наглядным воплощением скептического отношения Пушкина к учению о спонтанной и восторженной природе творчества, отношения, подробно обоснованного им в прозаическом возражении Кюхельбекеру:

Восторг не предполагает силы ума, располагающей частей в их отношении к целому. Восторг непродолжителен, непостоянен, следств<енно> не в силе произвести истинное великое совершенство <...>. *Ода* исключает постоянный труд, без коего нет истинно великого. <...> Вдохновение может быть без восторга, а восторг без вдохновения не существует.¹³⁶

(Акад. Т. 11. С. 41—42)

¹³³ Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. С. 454. Сен-Мор — по-видимому, Э. Дюпре де Сен-Мор, неумелый переводчик русских поэтов на французский язык («Anthologie Russe», 1823), прозванный Вяземским «Людо-Мором». Ожер — французский критик Л. С. Оже (Auger), истовый поклонник Буало, прославившийся речью против романтиков во французской Академии 4 апреля 1824 г.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ *Staël G.* De l'Allemagne. Т. 1. P. 208.

¹³⁶ Последняя фраза построена по образцу выписки из Стерна в «Словаре»: «Счастье не может существовать без удовольствия: но удовольствие очень может существовать без счастья» (л. 92 об.).

Оспорив ряд программных положений своего друга, Пушкин постарался смягчить полемический пафос своего ответа множеством отсылок к общей эмоциональной памяти¹³⁷. Маска неистового стихотворца перенесла на автора устойчивое амплуа Кюхельбекера, еще раз подтвердив обращение к нему в «19 октября» (1825): «Мой брат родной по музе, по судьбам» (Там же. Т. 2. С. 427). Мотив одиноких скитаний по берегам вод («Тоской и рифмами томим, / Бродя над озером моим») сам Кюхельбекер неоднократно использовал в своих автопортретах, неизменно ассоциируя его с мотивом тоски по друзьям юности («Царское Село», 1818; «Мечта», 1819; «Массилия», 1821; «На берегу чужой реки...», 1822—1823 и т. д.). Душение стихами отсылало, среди прочего, к выпадку против «союза поэтов» в сатире Сомова «На современных поэтов» (1823):

Хвала вам, тройственный союз!
Душите нас стихами!
Вильгельм и Дельвиг, чада муз,
Бард Баратынский с вами!¹³⁸

Наконец, драматизация повествования в строфах XXXII и XXXIII с введением прямого голоса «строгого критика» показывала, как хорошо Пушкин помнил любимые книги своего друга: Лонгин посвятил этому приему особую главу «О перемене лиц, о переходе от одного лица к другому», где заявил, что речь, когда она

обращается к самым лицам слушателей, представляет их участвующими в самом действии, а особливо сие бывает тогда, когда говорим не ко всем, но как бы к одному лицу <...> *возбудив слушателя, тронет его гораздо сильнее, сделает внимательнее и внушит ему великое в действии участие*. Иногда также случается, что писатель, говоря о ком-нибудь, вдруг на место его себя представляет и таковой род украшения доказывает *стремление страстей*.¹³⁹

Похоже, что Пушкин рассчитывал если не переубедить своего пылкого и упрямого друга, то хотя бы затронуть некоторые струны его чув-

¹³⁷ См. также наблюдение об интимной окраске этого спора, созданной «личным подтекстом» обращения «друг» в строфах XXXII и XXXIII: *Гаспаров Б. М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. Wien, 1992. С. 72—73.*

¹³⁸ Поэты 1820—1830-х годов. Л., 1972. Т. 1. С. 227 (Б-ка поэта; Большая серия). Сатира не печаталась, но ходила в списках.

¹³⁹ Лонгин. О высококом. С. 154—156. Курсив наш. Ср. также главу 18 «О вопрошаниях и ответствованиях»: «...сим вдохновенным, быстрым способом — предлагать вопросы и вдруг самому отвечать на оные, как бы делал сие другой кто, оратор не только придал важности и величества сказанному им, но и умножил вероятие оно» (Там же. С. 130).

ствительного сердца — задача, тем более важная в год первой публикации четвертой главы (1828), когда прототип «строгого критика» томился в Динабургской крепости. Кажется, ему это удалось: пусть поздно и с оговорками, но Кюхельбекер все же признал, что и в романе в стихах есть истинная поэзия. Летом 1836 г. он отправил в пушкинский «Современник» статью «Поэзия и проза», где назвал самого себя «рифмачом» и облек в форму диалога свой спор с новейшими критиками:

«Но кто станет читать длинный роман в стихах, волшебную сказку, очерки в роде очерков Марлинского?» — «Онегин» — роман в стихах, не короткий, да и по своему содержанию гораздо менее способный к стихотворным формам, нежели «Атала», а его читают же и едва ли не больше «Аталы». <...> А что же очерки Марлинского, если не подражание подобным очеркам в поэмах Байрона?¹⁴⁰

Имя Марлинского подводит нас к следующему кругу полемических подтекстов пушкинского автопортрета.

5. Полемика с Бестужевым и Рылеевым

Литературные отношения Пушкина с Бестужевым и Рылеевым стали предметом внимания ряда первоклассных ученых¹⁴¹, однако четвертая глава «Онегина» к исследованию этого сюжета до сих пор не привлекалась. Между тем продолжение портрета автора в строфе XXXVI, которое было напечатано только в первом издании четвертой и пятой глав 1828 г. и не вошло в полное издание романа, содержит несколько переключек с письмами издателей «Полярной звезды», посвященными критике первой главы «Онегина». Ср.:

XXXVI

Уж их далече взор мой ищет,
А лесом кравшийся стрелок
Поэзию клянет и свишет,
Спуская бережно курок.
У всякого своя охота,
Своя любимая забота:

¹⁴⁰ ЛН. Т. 59. С. 392, 394.

¹⁴¹ См.: *Ситовский В. В.* Пушкин и Рылеев // ПиС. СПб., 1905. Вып. 3. С. 68—88; *Маслов В. И.* Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. Киев, 1912; *Гофман В. А.* Литературное дело Рылеева // Рылеев К. Ф. Полн. собр. стихотворений. Л., 1934. С. 13—41; *Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX в. С. 356—358; *Томашевский Б. В.* Пушкин и народность // Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1961. Кн. 2: Материалы к монографии (1824—1837). С. 106—133; *Эйдельман Н. Я.* Пушкин и декабристы. М., 1979. С. 286—305; и др.

Кто целит в уток из ружья,
Кто бредит рифмами, как я,
Кто бьет хлопущей мух нахальных,
Кто правит в замыслах толпой,
Кто забавляется войной,
Кто в чувствах нежится печальных,
Кто занимается вином:
И благо смешано со злом.

(Акад. Т. 6. С. 648—649)

... я не убежден в том, будто велика заслуга оплодотворить тощее поле предмета, хотя и соглашаюсь, что тут надобно много искусства и труда. <...> Трудно попасть горошинкой в ушко иглы, но ты знаешь наград, которую назначил за это Филипп! Между тем как убить в высоте орла, надобно и много искусства и хорошее ружье. Ружье — талант, птица — предмет [и] для чего ж тебе из пушки стрелять в бабочку? (ср.: «Кто целит в уток из ружья...» — *Н. М.*)

(А. А. Бестужев — Пушкину 9 марта 1825 г. — Там же. Т. 13. С. 148)

Не знаю, что будет «Онегин» далее <...>; но теперь он ниже «Бахчисарайского фонтана» и «Кавказ<ского> пленника». <...>. Мнение Байрона, тобою приведенное, несправедливо. Поэт, описавший колоду карт лучше, нежели другой дерева, не всегда выше своего соперника. У каждого свой дар, своя муза. (Ср.: «У всякого своя охота, / Своя любимая забота...» — *Н. М.*) <...> Думаю, что ты получил уже из Москвы «Войнаровского». По некоторым местам ты догадаешься, что он несколько ошипан. Делать нечего. Суди, но не кляни. (Ср.: «Поэзию клянет и свищет...» — *Н. М.*)

(К. Ф. Рылеев — Пушкину 10 марта 1825 г. — Там же. С. 150)

Вспомним контекст этой переписки. Пушкин познакомился с Бестужевым и, предположительно, с Рылеевым еще до высылки из Петербурга, однако знакомство это не переросло ни в дружбу, ни в короткое приятельство. В первой половине 1820-х гг. их отношения больше похожи на вынужденное литературное союзничество, закрепленное настороженным взаимным уважением: авторитет Бестужева-критика в те годы неуклонно рос, а поэтическая слава Рылеева догоняла пушкинскую¹⁴². Переписка между ними, шедшая довольно вяло во время южной ссылки поэта, в январе 1825 г. по инициативе издателей «Полярной звезды» резко оживилась и переросла в бурную эпистолярную дис-

¹⁴² В письме Пушкина брату в конце января — начале февраля 1825 г. чувствуется нешуточное беспокойство: «По журналам вижу необыкновенное брожение мыслей; это предвещает перемену министерства на Парнасе. Я министр иностранных дел, и кажется, дело до меня не касается. Если “Палей” пойдет, как начал, Рылеев будет министром» (Акад. Т. 13. С. 143).

куссию, продолжавшуюся около полугода. С января по май Бестужев и Рылеев отправили в Михайловское 7 писем (из них сохранилось 6) с критикой литературных мнений своего корреспондента. Несмотря на усыпавшие эти письма комплименты, их тон выдавал безоговорочную уверенность авторов в собственной правоте¹⁴³.

В первые месяцы Пушкин реагировал на письма из Петербурга живо и быстро, придерживаясь осторожно-комплиментарного тона, однако в мае характер его ответов изменился: от оправданий и отшучиваний он перешел к открытому и подчас нелюбимому спору. На смену интонаций могли повлиять сразу несколько событий. В марте Бестужев перенес полемику из частной переписки на страницы «Полярной звезды», наполнив свой «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов» явными похвалами и тайными, и оттого тем более досадными, уколами в пушкинский адрес. В апреле Пушкин смог оценить всю совокупность поэтической продукции Рылеева: в его распоряжении оказались «Думы», «Войнаровский» и отрывки из новой поэмы, напечатанные в последней «Полярной звезде». Тогда же в Михайловское приехал Дельвиг с рассказами о непростых отношениях между издателями «Полярной звезды» и «Северных цветов»¹⁴⁴.

В мае Пушкин написал Рылееву о «Думах»: «...все они слабы изобретением и изложением. Все они на один покррой: составлены из *общих мест* (Loci topici). <...> Национального, русского нет в них ничего, кроме имен» (Акад. Т. 13. С. 175) и по просьбе самого Рылеева вернул ему экземпляр «Войнаровского» со своими замечаниями. Бестужеву в конце мая — начале июня он отправил подробный полемический разбор «Взгляда», оставшийся без ответа. Рылеев откликнулся коротким

¹⁴³ Ср. наблюдения Ю. Г. Оксмана над тоном писем Рылеева: *Рылеев К. Ф.* Стихотворения. Статьи. Очерки. Докладные записки. Письма. М., 1956. С. 392. Властные претензии Бестужева-критика хорошо видны из его ответа на замечание В. И. Козлова о том, что «в литературе нет ни триумфиров, ни диктаторов»: «А, право, очень жаль, что в этой республике нет никакой расправы. — У меня, правду сказать, давно вертится в голове преудивительный проект о составлении литературного цеха. Там школы взаимного обучения, пошлины на ввозные слова, эмбарго за глупости, штраф за дурные стихи, ответственность за литературную кражу!.. и проч. Oh ça ira, ça ira!» («Ответ на критику “Полярной звезды”, помещенную в 4, 5, 6 и 7 номерах “Русского инвалида” 1823 года», 1823) (Литературно-критические работы декабристов. М., 1978. С. 58; «Ça ira» — французская революционная песня, сулившая смерть всем аристократам). О шутках Пушкина над литературным республиканством Бестужева и Рылеева см.: *Мазур Н. Н., Охотин Н. Г.* «Зачем кусать нам груди кормилицы нашей?..»: Комментарий к одной пушкинской фразе // И время и место. С. 117—128.

¹⁴⁴ Подробнее об этом см.: *Вацуро В. Э.* «Северные цветы»: История альманаха Дельвига—Пушкина. М., 1978. С. 47—50.

письмом, в котором поблагодарил Пушкина за замечания на поэму и не согласился с его оценкой «Дум» (в кругу сочувственников он не скрывал обиды на строгость пушкинских приговоров¹⁴⁵). Пушкин еще раз писал Рылеву, но ответ от него и очередное письмо от Бестужева получил только пять месяцев спустя — в ноябре, когда издателям понадобились стихи для нового альманаха. Возможно, именно очевидное нежелание петербургских корреспондентов продолжать эпистолярный спор и побудило поэта перенести полемику в роман в стихах.

Издатели «Полярной звезды» уступали Кухельбекеру в образованности и систематизме мышления. Наиболее устойчивая часть их эстетических воззрений восходила к параграфам об изящных искусствах из устава Союза благоденствия:

...сила и прелесть стихотворений не состоит ни в созвучии слов, ни в высокопарности мыслей, ни в непонятности изложения, но в живости писаний, в приличии выражений, а более всего в непритворном изложении чувств высоких и к добру увлекающих <...> описание предмета или изложение чувства, не возбуждающего, но ослабляющего высокие помышления, как бы оно прелестно ни было, всегда недостойно дара поэзии (§ 51, 6—7);

<цель изящных искусств> не в изнеживании чувств, но в укреплении, благородствовании и возвышении нравственного существа нашего (§ 54).¹⁴⁶

Эти узкодидактические установки, не способные охватить все разнообразие литературной практики, Бестужев и Рылеев сочетали с некоторым эклектическим, а подчас и противоречивым набором эстетических идей. Полное описание их литературных взглядов увело бы нас слишком далеко от предмета статьи, поэтому ограничимся тем, что вспомним их основные позиции в двух главных сюжетах переписки с Пушкиным.

Первым из этих сюжетов был спор об «Онегине». Бестужев и Рылеев холодно встретили первую главу романа, оценив ее ниже «южных поэм» и в особенности «Цыган». В романе они не увидели ни «высокой цели», ни «поэтических форм». Заметим, что их пред-

¹⁴⁵ Ср. в послании «Бестужеву»: «Хоть Пушкин суд мне строгий произнес / И слабый дар, как недруг тайный, взвесил; / Но от того, Бестужев, еще нос / Я недругам в угоду не повесил» (*Рылеев К. Ф.* Полн. собр. стихотворений. С. 106). См. также отзыв Н. А. Бестужева о замечаниях на «Войнаровского»: «...противу стихов истинно-поэтических, истинно-прекрасных <...> или вовсе не замеченных или едва отмеченных, мнение Пушкина выражено слабо...» (*Воспоминания Бестужевых.* СПб., 2005. С. 26).

¹⁴⁶ Литературно-критические работы декабристов. С. 27—28.

ставления о форме существенно отличались от современных: Бестужев относил к «поэтическим формам» предмет изображения и авторскую точку зрения; исходя из этого в мартовском письме Пушкину он доказывал, что описание жизни заурядного петербургского франта не имеет в себе ничего поэтического. Издатели «Полярной звезды» настойчиво рекомендовали Пушкину оставить «Онегина» и избрать предмет, «что колеблет душу, что ее возвышает, что трогает русское сердце» (Акад. Т. 13. С. 149; ср. также с. 133), или, на худой конец, превратить роман в сатиру, взяв за образец байроновского «Дон-Жуана». Одновременно Бестужев и Рылеев заклинали Пушкина Байрону не подражать (Там же. С. 173, 183) — противоречие, которое можно объяснить преимущественным вниманием к плану содержания, а не выражения; из их собственного творчества видно, что ориентация на чужие жанровые находки и приемы повествования не казалась им чем-то предосудительным¹⁴⁷.

«Поэтическую форму» они в самую последнюю очередь связывали собственно со стихом, как видно из вопроса Бестужева: «дал ли ты Онегину поэтические формы, кроме стихов?» (Там же. С. 149). Отказываясь оценить достоинства «Онегина» с этой точки зрения, Бестужев отнес заботу об отделке стиха к устарелой школе классицизма: «...слово Буало, будто хороший куплетец лучше иной поэмы, нигде уже ныне не находит верующих...» (Там же. С. 148). Рылеев бравировал небрежностью своих стихов — посвящение «Войнаровского» он закончил строками: «Ты не увидишь в них искусства: / За то найдешь живые чувства: / Я не Поэт, а Гражданин»¹⁴⁸, а Пушкину писал: «Знаю, что ты не жалуешь мои Думы <...>. Чувствую сам, что некоторые так слабы, что не следовало бы их и печатать в полном собрании. Но зато убежден душевно, что “Ермак”, “Матвеев”, “Воынской”, “Годунов” и им подобные хороши и могут быть полезны не для одних детей» (Там же. С. 150)¹⁴⁹.

¹⁴⁷ Рылеев в «Думах» явно подражал Немцевичу, а в поэмах — Байрону и Пушкину; проза Бестужева многим обязана Стерну, Вашингтону Ирвингу и Вальтеру Скотту (об этом см.: *Бэзби Л.* Александр Бестужев-Марлинский и русский байронизм. СПб., 2001. С. 87—122).

¹⁴⁸ *Рылеев К. Ф.* Полн. собр. стихотворений. С. 200. Вяземский вспоминал, что Пушкин «очень смеялся» над этой фразой: «Несмотря на свой либерализм, он говорил, что если кто пишет стихи, то прежде всего должен быть поэтом; если же хочет просто гражданствовать, то пиши прозою» (ОА. Т. 1. С. 511). Об ироническом отношении к этой строке Пушкина и Дельвига см.: *Вацуро В. Э.* «Северные цветы»: История альманаха Дельвига — Пушкина. С. 50.

¹⁴⁹ Отклик на эти рассуждения слышится в письме Пушкина к брату от 14 марта 1825 г.: «У вас ересь. Говорят, что в стихах — стихи не главное. Что же главное? проза?» (Акад. Т. 13. С. 152) (отмечено: *Вацуро В. Э.* Продолжение спора: (О сти-

Пренебрегая отделкой стиха, Бестужев и Рылеев были требовательны к плану; по-видимому, еще один повод для критики им дало избытие авторских отступлений в «Онегине». Этот упрек могло содержать несохранившееся осеннее письмо Бестужева, на которое Пушкин отвечал советом: «...возьмись-ка за целый роман и пиши его со всею свободою разговора или письма, иначе все будет слог сбиваться на Коцебятину. Клянюсь планщику Рылееву, к<ак> говаривал покойник Платов, — но я, право, более люблю стихи без плана, чем план без стихов» (письмо от 30 ноября 1825 г. — Там же. С. 245)¹⁵⁰.

Второй сюжет, обсуждение которого закончилось пятидесятилетним перерывом в переписке, был связан со статьей Бестужева в «Полярной звезде» на 1825 г. Рылеев особенно рекомендовал Пушкину программную часть этой статьи, замечая, что в ней его друг «в первый раз судит так основательно и так глубокомысленно» (Там же. С. 150). Действительно, «Взгляд» был насыщен скрытыми смыслами, без расшифровки которых нам не понять пушкинской реакции на эту статью.

Для начала нам придется вспомнить несколько текстов, в начале XIX в. известных едва ли не хрестоматийно, а в наше время почти забытых. Отсылка к ним скрывалась в вопросе: «отчего у нас нет гениев и мало талантов литературных?»¹⁵¹, который Бестужев сформулировал по образцу двух заглавий — статьи Карамзина «Отчего в России мало авторских талантов?» (1802) и последней главы Лонгина «Отчего ныне так мало высоких и поистине превосходных писателей?» (1803)¹⁵².

Начнем с трактата «О высоком». Его заключительная глава устроена как диалог-прение между неким философом и автором. Первый развивает следующую точку зрения:

...не могу надивитьсяя <...> отчего в наши времена премного есть ораторов красноречивых <...> исполненных ясности, живости, а особливо приятства; но величественные и поистине высокие ораторы весьма редки? <...> Неужели причиною сему <...> то, как обыкновенно говорят, что великие умы питает и образует демократическое правление <...> ? Ничто <...> столько не возвышает душу великих людей, как свобода, и ничто так сильно, как она, не возбуждает

хотворении Пушкина «На Александра I» и «Ты и я» // Вацура В. Э. Избр. труды М., 2004. С. 751; впервые: Звезда. 1999. № 6).

¹⁵⁰ Ранее Бестужев критиковал план «Бахчисарайского фонтана» (см. письмо Пушкина к нему от 8 февраля 1824 г. — Акад. Т. 13. С. 88).

¹⁵¹ Полярная звезда на 1825 г. СПб., 1825. С. 5—6.

¹⁵² Заглавие, вероятно, дано Мартыновым. У Лонгина главы не озаглавлены; у Буало глава названа «О причинах упадка нравов» («Des causes de la décadence des esprits»).

в нас соревнования <...>. Напротив, мы <...> с самых нежных лет привыкшие к кроткому рабству и как бы с материнским молоком высосав его обычаи и правила, свободы, сего прекрасного и обильнейшего источника, даже не отведываем; и потому не чем иным быть можем, как только великолепными льстецами.¹⁵³

Автор трактата оспаривает это мнение при помощи двух аргументов: во-первых, всеобщий мир без красноречия лучше, чем гражданская война; во-вторых, причиной слабости современных ораторов в равной степени является упадок нравов:

...рождающиеся ныне гении <...> расточаются праздностию <...> стараясь только о том, как бы заслужить маловажную похвалу или получить какое удовольствие, а не о том, чтоб принести другим пользу, которая возродила бы в других соревнование и доставила бы нам прочную честь и славу.¹⁵⁴

Рассуждение о связи между расцветом красноречия и свободой содержалось еще в одном известном античном тексте — «Диалоге об ораторах» Тацита. В нем прения начинались с риторического приема *разделения материй*: ритор Апр сравнивал поэзию и красноречие и приходил к выводу о большей социальной важности второго; ведь оратор — это центральная фигура общественной жизни, а поэтам, если они хотят создать нечто великое, нужно отказаться от участия в ней и удалиться «в леса и рощи» (IX)¹⁵⁵. Поэзию защищал Матерн, в прошлом и сам ритор, а теперь автор исторических трагедий, проникнутых тираноборческим духом; он осуждал ораторов за кровожадность и корыстолюбие и хвалил уединение «дубрав и рощи», где поэзия говорит с сердцами, свободными от пороков (XII). Третий участник диалога, любитель старины Мессала, сравнивал древнее и новое красноречие, объясняя слабость последнего порчей нравов, сказавшейся на воспитании детей: в нынешние времена их растят не добродетельные матери-римлянки, а рабыни-гречанки, они приучаются «не к добропорядочности и скромности, а к распушенности и острословию, и вот незаметно в их души вкрадываются бесстыдство и презрение и к своему, и к чужому» (XXIX). Он напоминал и о том, что в республике ораторскому искусству учились на форуме, на опыте настоящих прений, а теперь в школах риторики, посредством рассуждений на придуманные темы. Последнее слово оставалось за поэтом; Матерн объявлял, что упадок красноречия ничто по сравнению со всеобщим миром, ведь красноречие это

¹⁵³ Лонгин. О высоком. С. 223—224.

¹⁵⁴ Там же. С. 229.

¹⁵⁵ Здесь и далее Тацит цитируется в пер. А. С. Бобовича под ред. М. Е. Сергеевко.

дита своеволия, которое неразумные называют свободой; оно неизменно сопутствует мятежам, подстрекает предающийся буйству народ, вольнолюбиво, лишено твердых устоев, необузданно, безрассудно, самоуверенно; в благоустроенных государствах оно вообще не рождается.

(XL)

Идея связи между красноречием и свободой в новое время стала своего рода общим местом¹⁵⁶. Как показал Ж. Старобинский, множество авторов XVIII в. развивали ее, не упоминая ни Тацита, ни Лонгина, а подчас игнорируя и консервативную позицию, занятую их alter ego, однако при этом они помнили об античном происхождении исходной идеи, а значит, и о судьбе породившего ее мира, который прошел путь от демократии к тирании и от расцвета к упадку и гибели. Рассуждения на эту тему часто включали исторические аналогии: эпохи, описанные Тацитом и Лонгином, проецировались на современность и становились основой для прогнозов и предупреждений.

Одним из самых известных текстов XVIII в., трактовавших эту идею в предостерегающем ключе, был «Опыт о сообществе литераторов и сильных мира сего...» д'Аламбера («Essai sur la société des gens de lettres et des grands...», 1753)¹⁵⁷. Автор «Опыта» распространил исходную идею с красноречия на литературу вообще и связал причины ее расцвета и упадка с изменениями в социальной роли литераторов. Д'Аламбер утверждал, что из-за разрыва между ученым и благородным сословием Франция на протяжении многих веков пребывала в варварстве. Разрыв этот стал сокращаться только при Людовике XIV: благодетельное внимание этого монарха к наукам и искусствам вкупе с повсеместно распространявшимся духом просвещения ввели в моду общение с литераторами и покровительство им, однако вместо того, чтобы способствовать расцвету французской литературы, эта мода лишь усугубила ее ничтожество. Сильные мира сего по-прежнему образованы весьма поверхностно и свято блюдут дистанцию, отделяющую титул, чин и богатство от ума и таланта, а литераторы не смогли устоять перед соблазнами почестей и наживы. Попав в зависимость от меценатов, они утратили благородство духа: одни наслаждаются новым рабством, другие

¹⁵⁶ История представления о связи между красноречием и свободой описана в ст.: *Starobinski J. Eloquence and Liberty // Journal of the History of Ideas. 1977. Vol. 38, № 2. P. 195—210.* Указанием на эту полезнейшую работу мы обязаны А. Б. Блюмбауму.

¹⁵⁷ «Опыт» д'Аламбера, сыгравший особую роль в социальном самоопределении европейских литераторов, обойден вниманием исследователей русской культуры; полезное исключение — статья К. А. Осповата «“Sublime misanthrope”»: Ломоносов в 1760—1761 гг.» (НЛО. 2004. № 69).

мечутся между гордыней и унижением, третьи, самые подлые, льстят в лицо своим покровителям и бранят их за спиной. Чтобы избежать окончательного покровения, д'Аламбер призывал литераторов отказаться от общения с сильными мира сего и в отсутствие республиканского правления (о преимуществах которого автор «Опыта» по понятным причинам открыто рассуждать не мог) образовать свою республику. Объединившись под девизом «свобода, истина, бедность» («liberté, vérité et pauvreté»), литераторы заслужат истинное уважение нации и станут ее законодателями в вопросах вкуса и философии.

Эти рассуждения нашли сочувственный отклик у множества русских авторов, так или иначе адаптировавших «Опыт» к современной им ситуации. Одним из них был автор статьи «Отчего в России мало авторских талантов?». Хотя идеальные отношения между литераторами и светом в понимании Карамзина отличались от позиции д'Аламбера (он ратовал за то, чтобы «между светскими людьми» было «более ученых или между учеными более светских людей»), общий пафос его статьи, защищавшей социальную важность литературы и достоинство литераторов, был созвучен «Опыту».

Вернемся к Бестужеву. Отзвуки идейного комплекса, описанного Старобинским, можно найти во всех «Взглядах», открывавших книжки «Полярной звезды» на 1823, 1824 и 1825 гг. Однако если в первых двух статьях критик развивал эти идеи в умеренном духе, близком к позиции Карамзина, то третья была пронизана иными настроениями.

Свой последний «Взгляд» Бестужев, как и Тацит, начал с разделения материй, противопоставив поэзии не красноречие, а критику. Тезис «у нас есть критика и нет литературы» вводил идею преждевременной старости России, не знавшей эпохи бурной юности, когда рождаются гении, — читай, как подсказывала отсылка к Лонгину, периода республиканского правления. Антимонархический пафос этого рассуждения Бестужев подкрепил фразой «Простор около умов высоких порождает гениев: они рвутся расширяться душою и наполнить пустоту»¹⁵⁸, в которой можно услышать намек на анекдот о неудачном покушении адмирала Кикина на Петра I, — на вопрос царя о причинах такого поступка адмирал отвечал: «Ум <...> любит простор, а от тебя было ему тесно»¹⁵⁹.

Еще одной причиной упадка русской литературы Бестужев полагал то, что русские (как и римляне у Тацита) «воспитаны иноземцами» и

¹⁵⁸ Полярная звезда на 1825 г. С. 1.

¹⁵⁹ Голиков И. И. Дополнение к Деяниям Петра Великого. М., 1797. Т. 17. С. 33. Анекдот о Кикине мог отозваться и в строке: «...ум, любя простор, теснит» из восьмой главы «Онегина» (эта переключка отмечена В. С. Листовым, см.: Онегинская энциклопедия. М., 2004. Т. 2. С. 618).

«всосали с молоком безнародность и удивление только к чужому»¹⁶⁰ (образ рабства, сосанного с молоком матери, есть и у Лонгина). Развивающийся ум требует дела, а лишенный возможности заниматься политикой, мельчает (ср. с рассуждениями Мессалы о том, как с падением республики изменилось воспитание ораторов). Надежду для русской словесности Бестужев усматривал только в отсутствии «ободрения» литераторов, с радостью замечая, что

Уважение или, по крайней мере, внимание к уму, которое ставило у нас богатство и породу на одну с ним доску, наконец <...> исчезло. <...> Иногда корыстные ласки меценатов балуют перо автора; иногда недостает собственной решимости вырваться из бисерных сетей света — но теперь свет с презрением отверг его дары или допускает в свой круг не иначе, как с условием носить на себе клеймо подобного, отрадного ему ничтожества <...> !! Уединение зовет его, душа просит природы; богатое нечерпанное лоно старины и мощного свежего языка перед ним расступается: вот стихия поэта, вот колыбель гения!¹⁶¹

Русский критик усилил программу д'Аламбера, рекомендовав литераторам самим искать страданий и радоваться им, ведь гении всех времен и народов были гонимы и несчастны, но талант их от того лишь мужал. Однако и «терновая стезя лишений» способна сформировать гения только при условии правильного воспитания, и, завершая программную часть своей статьи, Бестужев еще раз посетовал на поверхностность русского образования, модное ничтожество света и подражательность русской литературы. Перечень претензий к русским авторам он довершил новым упреком, указав на «раннее убаюкивание талантов излишними похвалами или чрезмерным самолюбием»¹⁶² (вспомним заключительный тезис Лонгина).

У Пушкина были основания прочесть эти рассуждения как обращенные лично к нему, услышав в них не только отзвуки эпистолярной полемики, но и намеки на свои жизненные обстоятельства. «Взгляд» не на шутку задел поэта: в майском письме к Бестужеву он последовательно оспорил его главные тезисы.

Он начал с напоминания о том, что в Риме расцвет литературы произошел при империи, а не при республике: «У римлян век посредственности предшествовал веку *гениев* — грех отнять это титуло у таковых людей, каковы Virgilius, Horatius, Tibullus, Ovidius и Lucretius...»

¹⁶⁰ Полярная звезда на 1825 г. С. 2.

¹⁶¹ Там же. С. 6—7.

¹⁶² Там же. С. 10.

(Акад. Т. 13. С. 177)¹⁶³. Тем самым он косвенно опроверг краеугольный камень «Взгляда» — утверждение связи между расцветом литературы и гражданской свободой. В подтверждение своей позиции он разобрал бестужевский список гонимых гениев и указал, что их лучшие произведения были написаны при покровительстве сильных мира сего:

Не говорю об Августовом веке. Но Тасс и Ариост оставили в своих поэмах следы княжеского покровительства. Шекспир лучшие свои комедии написал *по заказу* Елисаветы. Мольер был камердинером Людовика <...> Вольтер *лучшую* свою поэму писал под покровительством Фридриха... Державину покровительствовали три царя...

(Акад. Т. 13. С. 179)

Затем он перешел к д'аламберовской части программы Бестужева и назвал главную причину, не позволяющую перенести «Опыт» на русскую почву:

...наша словесность, уступая другим в роскоши талантов, тем пред ними отличается, что не носит [она] на себе печати рабского унижения. <...> У нас писатели взяты из высшего класса общества — аристократическая гордость сливается у них с авторским самолюбием.

(Там же)

Здесь выдержка Пушкину изменила — за логическими рассуждениями последовал эмоциональный взрыв (не потому ли, что в рассуждениях Бестужева о презрении света к таланту он услышал намек на свое изгнание из Одессы?):

Мы не хотим быть покровительствуемы равными. Вот чего подлец Воронцов не понимает. Он воображает, что русский поэт явится в его передней с посвящением или с одою — а тот является с требованием на уважение, как шестисотлетний дворянин, — дьявольская разница!

(Там же)

Логика «Взгляда» диктовалась задачами политической пропаганды; литературный «фасад» в этой статье играл роль в значительной степени подчиненную. Пушкин же, хотя и понял все бестужевские намеки, повел спор с точки зрения истории литературы. Объективная правота была на его стороне, но целью Бестужева была не историческая точность, а популяризация определенных политических идей; возможно,

¹⁶³ Пушкинский список выстроен по мере уменьшения «ободренности»: за «придворным» поэтом Вергилием следуют поэты-клиенты — Гораций и Тибулл, затем Овидий, пострадавший от близости к императорской семье; последним упомянут не доживший до империи Лукреций.

именно поэтому он и отказался от продолжения полемики. Из письма Рылеева от первой половины июня 1825 г. видно, что историко-литературные аргументы Пушкина его оппоненты проигнорировали, а указание на дворянское происхождение русских литераторов высмеяли — да еще и с переходом «на личности»:

Ты сделался аристократом; это меня рассмешило. Тебе ли чваниться пятисотлетним дворянством? И тут вижу маленькое подражание Байрону. Будь, ради бога, Пушкиным. Ты сам по себе молодец.

(Там же. С. 183)

Летом 1825 г. Пушкин написал Рылееву еще одно письмо с попыткой разъяснить свою позицию (Акад. Т. 13. С. 218—219), в ответ на которое получил новую порцию наставлений: «Чванство дворянством непростительно особенно тебе» (около 20 ноября 1825 г. — Акад. Т. 13. С. 241). Права на поучение за своими оппонентами он не признавал, на что, как кажется, и указал им в строфах XXXV и XXXVI.

Метафорический план этих строф проецировался на биографический контекст: тема деревенского уединения, несколькими строфами ниже подхваченная в описании жизни Онегина, напоминала о положении самого Пушкина. Пока поэт скитался из ссылки в ссылку и оказался, наконец, в псковской глуши, его охочие до высоких предметов критики делали успешные карьеры — Бестужев стал адъютантом герцога Вюртембергского и в 1825 г. получил чин штабс-капитана¹⁶⁴; Рылеев занял выгодное место правителя канцелярии в Российско-Американской компании. Горячо ратовавшие против «ободрения», издатели «Полярной звезды» сами входили в число «ободренных»: за поднесенный императрицам альманах на 1824 г. они были пожалованы бриллиантовыми перстнями и золотой табакеркой¹⁶⁵. Пристало ли им, преследовавшим высокие цели с большой осторожностью, как и крившийся лесом стрелок, «освистывать» пушкинские стихи?

Противопоставление автора и стрелка может быть соотнесено и с эстетическими позициями участников спора. Исключительная преданность автора своему призванию напоминает об отказе Пушкина исказить историю поэзии из политических соображений, а его сходство с Буало указывает на нежелание пренебрегать отделкой стиха ради высокой цели.

¹⁶⁴ Ср. шутки Пушкина над карьерными чаяниями Бестужева в письме от 24 марта 1825 г.: «...да возьмиись за роман — кто тебя держит. <...> Подумай, брат, об этом на досуге... да тебе хочется в ротмистра!» (Акад. Т. 13. С. 156). Ротмистр — следующий чин за штабс-капитаном.

¹⁶⁵ Этот факт получил широкую огласку благодаря сообщению в болгаринских «Литературных листках» (1824. Ч. 1, № 2. С. 64).

В строфах XXXV—XXXVI можно найти ответ и на этические претензии издателей «Полярной звезды». Отсылки к описанию «психологических издержек» поэтического ремесла у Буало парировали упрек в лени, полушутливо предъявленный в первом письме Рыльева (5—7 января 1825 г. — Акад. Т. 13. С. 133) и повторенный во «Взгляде».

Опровергая бестужевское обвинение в тщеславии, Пушкин использовал против критика его же авторитеты. Перечень гонимых гениев во «Взгляде» построен по образцу «Вечера у Кантемира» Батюшкова:

Гомер, нищенствуя, пел свои бессмертные песни; Шекспир под лубочным навесом возвеличил трагедию; Мольер из платы смешил толпу; Торквато из сумасшедшего дома шагнул в Капитолий; даже Вольтер лучшую свою поэму написал углем на стенах Бастилии.¹⁶⁶

На одре смерти Сервантес не покидал пера своего. Камознс писал «Лузияду» среди племен диких. Тасс, несчастный Тасс, в ужасном заключении беседовал с музами. Державин, за час пред смертью, владеющими перстами извлекал звуки из бессмертной лиры своей.¹⁶⁷

Займствуя у Батюшкова риторическую конструкцию, Бестужев пренебрег ее контекстом — автор «Вечера у Кантемира» перечислил поэтов-страдальцев, опровергая обвинение в тщеславии, адресованное поэтам в «Опыте» д'Аламбера:

Бросьте на остров необитаемый математика и стихотворца, говорил Даламбер: первый будет проводить линии и составлять углы, не заботясь, что никто не воспользуется его наблюдениями; второй перестанет сочинять стихи, ибо некому хвалить их; следственно, поэзия и поэт, заключает *рассудительный* философ, питаются суетностию¹⁶⁸. <...> Талант питается хвалою, но истинный, великий талант и без нее не умирает. Поэт может быть суетным — равно как и ученый, — но истинный любитель всего прекрасного не может существовать без деятельности, и то, что было сказано нашим Каталлом о нашем Бавии, — «С последним вздохом он издаст последний стих», — почти то же можно сказать о великом стихотворце. На одре смерти Сервантес не покидал пера своего...¹⁶⁹

¹⁶⁶ Полярная звезда на 1825 г. С. 6.

¹⁶⁷ Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1977. С. 35. Во «Взгляде на русскую словесность в течение 1823 года» Бестужев заимствовал из этого текста сравнение русского языка с лепечущим младенцем.

¹⁶⁸ Опровергая этот тезис, Батюшков напоминал, что Кантемир писал русские стихи в Париже, где для них не было ни слушателей, ни ценителей.

¹⁶⁹ Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. С. 35 (источник цитаты выявлен еще Л. Н. Майковым). Курсив наш.

Батюшков ссылался на послание Вяземского «К перу моему» (1816; подражание VII сатире Буало), где была использована та же риторическая конструкция:

Он пишет, он писал, он будет век писать.
Ни летам, ни судьбе печати не сорвать
С упрямого чела служителя Парнаса.
В пеленках Арует стихами лепетал,
И смерть угрюмую стихами он встречал.
Несчастья от муз не отучили Тасса. <...>
И Бавий — за него пред небом клятву дам —
По гроб не изменит ни рифмам, ни свисткам.
Вотще насмешки, брань и дружбы увещанье!
*С последним вздохом он издаст последний стих.*¹⁷⁰

В портрете своего alter ego Пушкин соединил черты нескольких поэтов, творивших вопреки судьбе: автор, как Хвостов, верен «рифмам и свисткам» (ср.: «Поэзию клянёт и свищет»); подобно Камознсу и Кантемиру, он пишет стихи в пустыне и, вслед Тассо, беседует с утками. «Сих ли людей обвиним в суетности?..» — спрашивал своих читателей Батюшков¹⁷¹.

Маска неистового стихотворца соединяла оборонительные функции с наступательными: Бестужеву она должна была напомнить о поспешности и необоснованности его литературных приговоров. Едва ли не самой шумной его неудачей на критическом поприще стала отрицательная рецензия на сушковский перевод «Метромании» Пирона¹⁷²: переводчик ответил на нее разгромной антикритикой, доказав, что все содержательные претензии родились из того, что критик не дочитал французского оригинала до конца и не понял его трудных мест¹⁷³. В ответ на стилистические замечания Сушков выписал множество неловких выражений из бестужевской рецензии, подчеркнув разительное противоречие между придирчивостью критика к чужим текстам и его собственным стилем. Чрезвычайно обидным для Бестужева был эпиграф, взятый Сушковым из «Послания к доктору Арбутноту» Поупа в переводе Дмитриева: «За критику моих стихов я не

¹⁷⁰ Вяземский П. А. Стихотворения. С. 94. Курсив наш.

¹⁷¹ Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. С. 35.

¹⁷² СО. 1821. Ч. 67, № 7. С. 307—320.

¹⁷³ Сушков Н. В. Антикритика. Ответ на разбор перевода «Метромании» // Там же. Ч. 68, № 10. С. 116—128. См. запись в дневнике Пушкина от 3 апреля 1821 г. (Акад. Т. 12. С. 303) о чтении послания Вяземского к Жуковскому (подражание II сатире Буало), напечатанного рядом с этой статьёй.

сержуся: / Над вздорною смеюсь, от правильной учуся. / Но кто наш Аристарх? кто важные судьи, / Которых трепетать должны стихи мои? / Обильные творцы бесплодных примечаний, / Уставщики кавык, всех строчных препинаний...».

Ответы на претензии Бестужева и Рылеева собственно к роману можно найти в строфах, примыкающих к портрету повествователя. Замечание о недостатках плана проигнорировано едва ли не демонстративно: подряд идет несколько лирических отступлений (об альбомах: строфы XXVIII—XXX; об оде и элегии: строфы XXXII—XXXIV; портрет повествователя: строфы XXXV—XXXVI). Вернувшись к основному сюжету в строфе XXXVII, Пушкин специально обыграл затянувшуюся паузу:

А что ж Онегин? Кстати, братья!
Терпенья вашего прошу:
Его вседневные занятия
Я вам подробно опишу.
(Акад. Т. 6. С. 88)

В подробном описании «вседневных занятий» Онегина слышится отказ признавать претензии издателей «Полярной звезды» к предмету романа: как мы помним, они считали, что жизнь петербургского франта недостойна поэзии. В довершение всего рассказ о жизни Онегина в деревне разбит еще одним длинным отступлением (строфы XL—XLIII).

Ответ на упреки в подражании Байрону¹⁷⁴ читается в упоминаниях о том, что Онегин следует английскому барду даже в своих ежедневных привычках. Соответствующие сравнения «обрамляют» рассказ о деревенской жизни героя — первое появляется в открывающей этот фрагмент строфе XXXVII:

Онегин жил анахоретом;
В седьмом часу вставал он летом
И отправлялся налегке
К бегущей под горой реке;
Певцу Гюльнары подражая,
Сей Геллеспонт переплывал...
(Там же. С. 88—89),

¹⁷⁴ Зависимость Пушкина от Байрона стала главным пунктом спора, разгоревшегося в 1825 г. между критиками «Московского телеграфа», с одной стороны, и Д. В. Веневитиновым и Н. М. Рожалиным — с другой. Подробнее об этом споре см.: Пушкин в прижизненной критике. [Т. 1]: 1820—1827. СПб., 1996. С. 262—291; 430—438.

второе — в завершающей его строфе XLIV:

Прямым Онегин Чильд Гарольдом
Вдался в задумчивую лень...
(Там же. С. 91).

Ироническая характеристика бытового байронизма подчеркивала дистанцию между героем романа и его создателем; «певцу Гюльнарью» подражал Онегин, а не Пушкин.

Описание нравов петербургского света в первой главе романа побудило издателей «Полярной звезды» упрекнуть Пушкина в недостатке «народности»¹⁷⁵. В ответ поэт украсил повествование о деревенской жизни Онегина лирическим отступлением о самом национальном из всех возможных предметов — русской зиме (строфы XL—XLIII), и одел своего героя в народное платье (строфа XXXVIII):

Носил он русскую рубашку,
Платок шелковый кушаком,
Армяк татарской на распашку
И шляпу с кровлею как дом
Подвижный...
(Там же. С. 598).

Одновременно этот портрет отвечал другому пожеланию Бестужева — поставить Онегина «в контраст со светом, чтобы в резком злословии показать его резкие черты» (Там же. Т. 13. С. 149):

...сим убором чудным
Безирраственным и безрассудным
Была весьма огорчена
Псковская дама Дурина —
А с ней Мизинчиков — Евгений,
Быть может толки презирал,
А вероятно их не знал,
Но все ж своих обыкновений
Не изменил в угоду им,
За что был ближним нестерпим.
(Там же. Т. 6. С. 598)

Заметим, однако, что «сатирическим пером» в этой строфе описано не только провинциальное общество, но и сам Онегин. Возможно, пушкинская ирония была обращена против упрощенных представлений о народности и социальном протесте. «Русское платье» и байронизм — характерные признаки бытового вольнодумства, свойственного многим молодым людям 1820-х гг., не исключая самого Пушкина

¹⁷⁵ Этого же мнения придерживались Веневитинов и Рожалин.

и его петербургских корреспондентов (вспомним «русские завтраки» у издателей «Полярной звезды») ¹⁷⁶, однако для большинства из них это вольнодумство осталось не более чем модой ¹⁷⁷.

Строфа XXXVIII с описанием костюма Онегина в печать не попала, может быть, из-за того, что после восстания Пушкин смог в полной мере оценить важность национального субстрата в декабристской идеологии и счесть иронию по этому поводу неуместной по многим причинам, не исключая и цензурные. Строфа XXXVI, наиболее явно связанная с полемикой с Бестужевым и Рылеевым, была напечатана только в отдельном издании четвертой и пятой глав 1828 г. (в полном издании указание на выпущенные строфы сохранилось в сдвоенных номерах над следующими).

Переписка Бестужева позволяет думать, что пушкинский ответ был расшифрован им с легкостью, но (в отличие от Кюхельбекера) он своих позиций не переменял. В декабре 1828 г. Бестужев писал братьям:

Мой мир ограничивается собственно головой, в которой рождаются и гибнут сыны мечтаний. Я не пугаю строфами своими даже диких уток, как это делает Пушкин, который, мимоходом сказать, ведет своего «Онегина» чем дальше, тем хуже. В трех последних главах не найти полдюжины поэтических строф. Стихи игривы, но обременены пустяками и нередко небрежны до неопрятности. Характер Евгения просто гадок. Это бесстрастное животное со всеми пороками страстей. Дуэль описана прекрасно, но во всем видна прежняя школа и самая плохая логика. ¹⁷⁸

Строфы XXXV—XXXVI заставили критика вспомнить главные пункты давнишнего спора и заново, но на этот раз уже «без прикрас», повторить свою старую позицию.

¹⁷⁶ О байронизме и патриотизме см.: *Лотман Ю. М.* Декабрист в повседневной жизни: (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 25—74. Об автобиографическом характере строф XXXVII—XLIV см. в комментариях Набокова и Лотмана (*Набоков В. В.* Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 374—388; *Лотман.* Пушкин. С. 640—643).

¹⁷⁷ Ср. в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях»: «Некоторые люди не заботятся ни о славе, ни о бедствиях отечества <...> со всем тем почитают себя патриотами, потому что любят ботвинью и что дети их бегают в красной рубашке» (Акад. Т. 11. С. 56).

¹⁷⁸ РВ. 1870. № 5. С. 248—249.

6. «Suus cuique attributus est error» (Cat. Carm. XXII, 20)¹⁷⁹

В комментарии Набокова строфа XXXVI четвертой главы оценена строго:

Это исключительно слабая строфа. Первое четверостишие являет собой нагромождение разрозненных образов, из которых смутно вырисовывается следующее: поэт распугивает уток, декламируя свои стихи; охотник стреляет в уток, «бережно» нажимая на спусковой крючок; этот охотник крался себе лесом, а теперь поносит поэта и высвистывает своего пса.¹⁸⁰

Поэт в Набокове оказался сильнее комментатора: он верно уловил галиматийную окраску этой строфы, но позабыл об «арзамасской» галиматее и одном из лучших ее образцов — притчах Вяземского. Между тем коллизия строфы XXXVI напоминает сюжет притчи «Охотник и плотник» (1813—1817):

В одном лесу гулял охотник,
Тут был и плотник.
<...>
Один пилит себе покойно елку,
Другой, на ней завидя перепелку,
Кричит: «Постой,
Негодник злой!
Ты видишь, я здесь забавляюсь
И сам стрелять на елку попускаюсь.
Дороже топора ружье».
А тот, мужик хоть неучтивый,
Но смыслом справедливый,
Сказал ему: «Вранье,
Я здесь дрова рублю отцу на новоселье,
Я дело делаю, а ты безделье».
Читатели мои!
Как чванство гордое ни чванься, ни сопи,
Полезному всегда забава уступи.¹⁸¹

Хорошо известно, что притчи Вяземского пародировали язык и стиль притч графа Хвостова. В «Охотнике и плотнике» отсылки к «отцу зубастых голубей» (Акад. Т. 13. С. 239) соединены с аллюзиями на Буало. Герои притчи позаимствованы из хвостовского перевода «Науки поэзии»:

¹⁷⁹ «Каждому свойственно ошибаться» (*лат.*)

¹⁸⁰ Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 372.

¹⁸¹ «Арзамас». Кн. 2. С. 189—190.

В сей сказочке урок возможно почерпнуть:
Кто плотником рожден, тот плотником и будь.
В полезном промысле почтеннее работник,
Чем плоский стиходей, пустой до рифм охотник.¹⁸²

Кроме того, мы найдем в этой притче знакомый мотив «трудных рифм» из II сатиры:

...с кем муза здесь дружна,
Тот знает, что подчас нам рифма солона,
Горька как редька.
Поэт, коль рассудить, несчастный, право, Федька.¹⁸³

Помимо переклички с «Охотником и плотником» в строфе XXXVI об «Арзамасе» напоминал и сам прием одновременного отождествления автора с Хвостовым и Буало. Особый статус последнего в «арзамасском» литературном пантеоне прекрасно описал Б. В. Томашевский, заметивший, что каждый «арзамасец» стремился стать «русским Буало», «сделать для русской литературы то, что сделал Буало для французской»; именно поэтому в «арзамасских» текстах мы не найдем похвальных сравнений с Буало — эту роль каждый приберегал для себя¹⁸⁴. Однако и Хвостов не был окончательно исключен из разряда «действительных поэтов», заслужив определенное уважение своей преданностью поэзии. О популярности шуточного самоотождествления с графом в этом кругу свидетельствуют письма Карамзина к Дмитриеву: «...я совершенный граф Хвостов по жару к музам или музе! За неимением читателей могу читать себе и бормотать сердцу, что и где хорошо»¹⁸⁵; Пушкина — к Дельвигу: «...я полу-Хвостов: люблю писать стихи (но не переписывать) и не отдавать в печать (а видеть их в печати)» (16 ноября 1823 г. — Акад. Т. 13. С. 75) и к брату: «...напиши мне, как “Фонтан” расходится — или запишусь в гр<афы> Хвостовы и сам раскуплю половину издания» (1 апреля 1824 г. — Там же. С. 90). Незадолго до создания строф XXXV—XXXVI четвертой главы Пушкин и Вяземский обменялись стихотворными посланиями в традициях «Арзамаса», в которых сравнивали друг друга с Хвостовым (Там же. С. 238—239).

¹⁸² Буало-Депрео Н. Наука стихотворства... 2-е изд. С. 57. Буало противопоставил каменщику пошлого писателя и вульгарного поэта (*écrivain du commun et poète vulgaire*; IV, 28).

¹⁸³ «Арзамас». Кн. 2. С. 189—190.

¹⁸⁴ Томашевский Б. В. Пушкин и Буало // Пушкин в мировой литературе. Л., 1926. С. 29—31.

¹⁸⁵ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 408.

Введение «арзамасских» подтекстов в портрет автора могло быть связано с желанием привлечь внимание старых «арзамассцев», и прежде всего Жуковского и Вяземского, к строфам XXXV—XXXVI, а значит, и к полемике о цели поэзии, кульминацией которой стали эти строфы. Из переписки середины 1820-х гг. мы знаем, что вопрос о цели поэзии вызвал серьезные разногласия между Пушкиным и Жуковским с Вяземским. Пушкин придерживался новаторской точки зрения на поэзию как «цель без цели», восходившей к эстетике Канта¹⁸⁶, в то время как старые арзамассцы оставались сторонниками гораздо более традиционного дидактического подхода¹⁸⁷. Жуковский настойчиво требовал от своего молодого друга «высокого»:

Обнимаю тебя за твоего Демона. К черту черта! Вот пока твой девиз. Ты создан попасть в боги — вперед. Крылья у души есть! вышины она не побойтся, там настоящий ее элемент! дай свободу этим крыльям, и небо твое. Вот моя вера. <...> Быть сверчку орлом и долететь ему до солнца.

(1 июня 1823 г. — Акад. Т. 13. С. 94—95);

Читал Онегина и Разговор, служащий ему предисловием: несравненно! По данному мне полномочию предлагаю тебе *первое* место на русском Парнасе. И какое место, если с *высокостью гения* соединить и *высокость цели*!

(12(?) ноября 1824 г. — Там же. С. 120);

Я ничего не знаю совершеннее по слогу твоих Цыган! Но, милый друг, какая цель! Скажи, чего ты хочешь от своего гения? Какую память хочешь оставить о себе отечеству, которому так нужно высокое...

(15 — начало 20-х чисел апреля 1825 г. — Там же. С. 165)

Последнее письмо попало в унисон с мартовскими письмами Бестужева и Рылеева и вызвало у Пушкина раздраженно-насмешливый отклик:

¹⁸⁶ О происхождении этого взгляда и текстах, из которых его мог усвоить Пушкин («О Германии» Ж. де Сталь; лекции А. И. Галича и его «Опыт науки изящного» и др.), см.: *Кибальник С. А.* Художественная философия Пушкина. СПб., 1998. С. 69—75. Ср. позицию Лентяева (Дельвига) в фельетоне Булгарина «Литературные призраки»: «...какую же вы находите цель в творениях Анакреона, Тибулла, Горация, о которых говорят, что они воспевали только вино и любовь, подобно мне? Я утверждаю, что поэзия не должна иметь никакой цели, кроме плавности в стихах и верного изображения чувствований» (ЛЛ. 1824., Ч. 4, № 16. С. 102).

¹⁸⁷ О дидактическом взгляде на поэзию см.: *Abrams M. H.* The Mirror and the Lamp. P. 14—21.

Ты спрашиваешь, какая цель у Цыганов? вот на! Цель поэзии — поэзия — как говорит Дельвиг (если не украл этого). Думы Рылеева и целят, а всё невпопад.

(20-е числа апреля 1825 г. — Акад. Т. 13. С. 167).

Вяземский в переписке с Пушкиным был осторожнее, но от других не скрывал своего недовольства направлением его поэзии¹⁸⁸. С точки зрения гражданской пользы князь был готов предпочесть ему Рылеева, о котором в январе 1823 г. писал Бестужеву:

С живым удовольствием читаю я *Думы*, которые постоянно обращали на себя и прежде мое внимание. Они носят на себе печать отличительную, столь необыкновенную посреди пошлых и *одноличных* или часто *безличных* стихотворений наших. Что и в хороших стихах, когда в них нет особенного характера. Стройные, но несвязные, но ничего не выражающие аккорды в поэзии хороши в ребячестве. В зрелости лет нужна цель, нужно намерение.¹⁸⁹

А о стихах Пушкина в письме тому же адресату Вяземский отзывался значительно прохладнее: «прелесть... Но мало в них питательного»¹⁹⁰.

С другой стороны, воспитанник Карамзина и друг Жуковского разделял свойственный им моралистический взгляд на искусство. В карамзинском кругу считалось, что Пушкину недостает душевной высоты¹⁹¹, и с этой точки зрения Вяземский ставил его стихи ниже стихов И. И. Козлова. Тургеневу он писал: «Я восхищаюсь “Чернецом”: в нем красоты глубокие, и скажу тебе на ухо — более чувства, более размыш-

¹⁸⁸ Убедительную реконструкцию непростых отношений между Пушкиным и Вяземским в 1825—1826 гг. см.: *Рогов К. Ю.* Из истории учреждения «Московского вестника»: (К проблеме «Пушкин и Вяземский»: Осень 1826 года) // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования. М., 2001. С. 106—132. Выявленная Роговым материальная сторона этих разногласий, связанная с вопросом об условиях участия Пушкина в «Московском телеграфе», может быть тем импульсом, которого не хватало Вацуру для окончательного решения об адресации стихотворения «Ты и я» Вяземскому (осторумную аргументацию этого предположения, важную и для нашей статьи, см.: *Вацуру В. Э.* Продолжение спора // Вацуру В. Э. Избр. труды. С. 750—757).

¹⁸⁹ РС. 1886. № 11. С. 312.

¹⁹⁰ Там же. С. 323.

¹⁹¹ Ср. с отзывами Карамзина о пушкинских поэмах в письмах Вяземскому: в «Кавказском пленнике» «слог жив, черты резкие, а *сочинение* плохо, как в его душе, так и в стихотворении, нет порядка» (13 июня 1822 г.); «Вчера маленький Пушкин читал нам наизусть цыганскую поэмку брата и нечто из “Онегина”: живо, остроумно, но не совсем зрело. От Пушкина к Байрону: его “Дон-Жуан” выпал у меня из рук. Что за мерзость! И даже сколько глупостей!» (2 декабря 1824 г.) (СиН. СПб., 1897. Т. 1. С. 131, 159, 2-я паг.).

ления, чем в поэмах Пушкина», на что его корреспондент отвечал, что Козлов «имеет гораздо больше истинной чувствительности и души, нежели в Пушкине, но воображения меньше»¹⁹². В напечатанной в апреле 1825 г. рецензии на «Чернеца» Вяземский заговорил о поэте-слепце языком Жуковского:

...несчастье, часто убийственное для души обыкновенной, было для него гением животворящим. <...> ...отчужденный утратами физическими от земной жизни, ожил он с лихвою в другом мире и принадлежит нашему только тем, что есть в нем изящного и возвышенного: любовью и страданием — любовью ко всему чистому и прекрасному, страданием, освященным, так сказать, союзом его со смирением, или смирением, созревшим в страдании!¹⁹³

По-видимому, предпочтения Вяземского не остались тайной для Пушкина; на панегирик Козлову он откликнулся сравнением двух кумиров князя по принципу «оба хуже»:

Читал твое о *Чернеце*, ты исполнил долг своего сердца. Эта поэма, конечно, полна чувства и *умнее* Войнаровского, но в Рылееве есть более замашки или размашки в слоге. У него есть какой-то там палач с засученными рукавами, за которого я бы дорого дал. Зато Думы дрянь, и название сие происходит от немецкого Dum, а не от польского, как казалось бы с первого взгляда.

(письмо от 25 мая и около середины июня 1825 г. —
Акад. Т. 13. С. 183—184)

Дидактический взгляд на поэзию был чужд «арзамасской» эстетике, отчасти в силу ее сосредоточенности на вопросах формы, отчасти благодаря ее игровой природе. Возвращение к «арзамасскому» правилу — судить о стихах с точки зрения их эстетических достоинств, а не нравственной пользы — могло бы стать основой для компромисса между всеми адресатами полемических строф четвертой главы: ведь именно разное понимание цели поэзии оказалось одной из главных причин распада так называемой «новой школы» и превратило Кюхельбекера, Бестужева и Рылеева из учеников и последователей Жуковского в самых строгих его критиков. Возможно, именно об этом и хотел напомнить Пушкин, придавая портрету автора «арзамасский» колорит.

Эпиграмму на рифмача Суффена Катулл закончил примирительными строками:

Но все мы слабы: нет ведь никого, в ком бы
Не обнаружился Суффен, хотя б в малом.

¹⁹² ОА. Т. 3. С. 114, 117.

¹⁹³ *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1878. Т. 1. С. 186—187.

Так суждено, у каждого своя слабость.
Никто не видит сам, что за спиной носит.
(Carm. XXII, 15—21)

Этим же пафосом проникнута заключительная часть строфы XXXVI, построенная по образцу сатирической *галереи страстей*¹⁹⁴:

У всякого своя охота,
Своя любимая забота:
Кто целит в уток из ружья,
Кто бредит рифмами, как я,
Кто бьет хлопущей мух нахальных,
Кто правит в замыслах толпой,
Кто забавляется войной,
Кто в чувствах нежится печальных,
Кто занимается вином:
И благо смешано со злом.

(Акад. Т. 6. С. 649)

В стрелке все адресаты этой строфы, не находившие в стихах Пушкина «высокой цели», могли узнать себя¹⁹⁵. Метафорический план строки «Кто целит в утку из ружья» должен был напомнить Кюхельбекеру выписку из Макиавелли в его «Словаре» («Правило. Должно подражать стрелку: он всегда прицеливается выше предмета, в который хочет попасть»; л. 74), Бестужеву и Рылееву — мартовские письма с критикой «Онегина», Жуковскому — пушкинскую шутку про «Думы», что «целят, а всё невпопад».

Строка «Кто бьет хлопущей мух нахальных» (черновой вариант «Кто бьет хлопущей мух журнальных» — Акад. Т. 6. С. 370) отсылала к эпиграмме Вяземского на князя Н. А. Цертелева:

Жужжащий враль, едва заметный слуху,
Ты хочешь выслужить удар моей руки?
Но знай! На ястребов охотятся стрелки;
А сам скажи: как целить в муху?¹⁹⁶

¹⁹⁴ Об этом сатирическом топосе см.: *Щеглов Ю. К.* Антиох Кантемир и стихотворная сатира. СПб., 2004. С. 165—220; 421—424.

¹⁹⁵ Другие варианты этой строки содержали сравнение двух видов охоты — на высокую цель и на мелких представителей литературной братии: «Кто целит в утку из ружья / Кто травит рифмами как я / Исподтишка зверков журнальных», и обыгрывали пренебрежение Кюхельбекера, Бестужева и Рылеева к отделке стиха: «Кто блещет рифмами как я» (Акад. Т. 6. С. 370).

¹⁹⁶ *Вяземский П. А.* Стихотворения. С. 161. Эти же мотивы Пушкин использовал в эпиграмме «Совет», отправленной Вяземскому в конце ноября — начале декабря 1825 г. (Акад. Т. 13. С. 245); связь между «Советом» и строфой XXXVI отмечена: *Добродомов И. Г., Пильщиков И. А.* Лексика и фразеология «Евгения Онегина»: Герменевтические очерки. М., 2008. С. 96.

Повод для эпиграммы дала статья Цертелева «Новая школа словесности» (1823), одно из многочисленных полемических выступлений против этой школы на страницах журнала «Благонамеренный»¹⁹⁷. В войнах с «благонамеренными критиками» представители «новой школы» — Пушкин, Вяземский, Жуковский, Кюхельбекер и Бестужев — выступали как единомышленники; возможно, именно об этом и напоминала аллюзия на эпиграмму, направленную против их общего врага.

В строке «Кто правит в замыслах толпой» первоначально мог скрываться намек на властные претензии Бестужева-критика, однако события 14 декабря придали ей новый смысл. Судя по заметкам Бестужева рубежа 1820—1830-х гг., он был готов применить к себе и эту строку, и строфу XIV второй главы: «Все предрассудки истребя, / Мы почитаем всех нулями, / А единицами — себя. / Мы все глядим в Наполеоны; / Двуногих тварей миллионы / Для нас орудие одно...» (Акад. Т. 6. С. 37):

...проживала во мне с незапамятных времен стародавняя *страстишка властвовать мнениями* или действиями *двуногих собратий моих*. А в самом деле, произнося «мы», не производил ли я себя в знаменатели многих *цифр*, в представители многих лиц? Не хотел ли я, выдавая себя за целую дружину, запугать робких, удержать сильных и озадачить *толпу* <...>. Поманите ее только долею в вашей выдумке, и она не пожалеет ни боков, ни кулаков, хотя измявши каждого из этой толпы в руках, как шапку, вы можете сказать, как Людовик XI: «Я бы сжег ее, если бы она знала мои мысли!»¹⁹⁸

Строка «Кто забавляется войной» (черновые варианты «Иль гордо тешится войной», «Кто гордо тешится войной», «Кто занимается войной» — Акад. Т. 6. С. 370, 649) перекликалась с литературной репутацией Вяземского. Начало формированию этой репутации положил сам князь, любивший использовать батальную метафорику для описания своего участия в литературных спорах. Речь при вступлении в «Арзамас» В. Л. Пушкина он начал словами «Я, юный ратник на поле жизни, младший на полях Арзамаса»¹⁹⁹; этими же мотивами пестрят его письма к Тургеневу: «...как мне после того, как я бился на кулачки с Жуковским, с разбитою харею, в развратном виде прийти к тебе...»; «Я все еще в грязи кулачного боя. <...> ...нельзя отстать, пока бой не решен. <...> Буду осторожнее впредь; но пока на прощанье избыю их в кровь»; «Скажи

¹⁹⁷ О ней см.: Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX в. С. 186—188.

¹⁹⁸ Литературно-критические работы декабристов. С. 82. Курсив наш.

¹⁹⁹ «Арзамас». Кн. 1. С. 339.

Жуковскому, что я <...> буду бить его именем и всяким другим, когда придет охота, Булгарина и всех, на кого рука зачесется» и т. д.²⁰⁰

Среди возможных источников метафоры публичного боя в этом контексте, на наш взгляд, следует особо выделить «Опыт» д'Аламбера. Возмущенный тоном литературных полемик, философ призывал либо вовсе запретить печатные нападки на личности, либо снять запреты, ограждающие от сатиры сильных мира сего: «...пусть эти надменные и невоспитанные люди, которые видят в литераторах нечто вроде животных, чей удел биться на арене, потешая толпу, сами спустятся из амфитеатра»²⁰¹. С этой точки зрения Вяземский мог гордиться литературными спорами «на равных» с оппонентами, значительно уступавшими ему в родовитости, однако многие союзники князя не поддерживали этого «демократизма» и стремились охладить его полемический пыл. Пушкин пенял Вяземскому за послание к Каченовскому: «...как мог ты сойти в *арену* вместе с этим хилым кулачным бойцом — ты сбил его с ног, но он облил бесславный твой веночек кровью, желчью и сивухой...» (письмо от 2 января 1822 г. — Акад. Т. 13. С. 34). Баратынский адресовал ему комплиментарную эпиграмму «Войной журнальной бесчестит без причины...» (1825), сопроводив ее в письме И. И. Козлову характерным комментарием: «Всего досаднее Вяземский. Он образовался в беспокойные времена междуусобий Карамзина с Шишковым, и военный дух не покидает его и нынче...»²⁰², и т. д.

Строка «Кто в чувствах нежится печальных» заставляет вспомнить о литературной репутации Жуковского. Ее черновой вариант «Кто спит на ликах погребальных» (Акад. Т. 6. С. 370) восходил к «арзамасской» традиции отпевания литературных покойников и перекликался с шутками над «усопшим талантом» «певца Светланы». Начало этим шуткам положил Вяземский в переписке с Тургеневым²⁰³, Пушкин подхватил эту же манеру в письмах самому Вяземскому: «Читал ли ты последние произведения Жуковского, в бозе почивающего? слышал ты его “Голос с того света” — и что ты

²⁰⁰ ОА. Т. 1. С. 156; Т. 3. С. 34, 110.

²⁰¹ *D'Alembert J. Oeuvres complètes*. Paris, 1822. Т. 4, 1-re pt. P. 365. Высокую оценку, данную Вяземским «Опыту», который в 1822 г. он хотел перевести на русский язык, см.: *Гиллельсон М. И.* П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 70.

²⁰² Цит по: *Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского*. С. 155.

²⁰³ Ср. письмо Вяземского к Тургеневу: «...думаю о нем с сокрушенным сердцем, пеплом осыпаю его голову и плачу над его разверстою могилою, если не раздастся голос жизни в каких-нибудь новых стихах» (ОА. Т. 1. С. 254); см. также: Т. 3. С. 54.

об нем думаешь? (около 21 апреля 1820 г. — Акад. Т. 13. С. 15); «...смешно говорить об нем, как об отцветшем, тогда как слог его еще мужает. Былое сбудется опять, а я все чаю в воскресение мертвых» (25 мая и около середины июня 1825 г. — Там же. С. 183).

Окончательная версия этой строки обыгрывала репутацию Жуковского как «певца уныния», в 1824—1825 гг. ставшую причиной жестких литературных споров. Мистическим направлением поэзии Жуковского были недовольны не только Кюхельбекер и издатели «Полярной звезды», но и Вяземский²⁰⁴, однако в статье «Жуковский. — Пушкин. — О новой пиитике басен», напечатанной в марте 1825 г., князь был вынужден выступить против тех, чье мнение втайне разделял, и потребовать от молодых критиков уважения к Жуковскому.

Напоминание о неоднозначности литературных репутаций можно предположить и в заключительной строке пушкинского перечня, хотя угадать ее прототип значительно труднее. Первые наброски «Кто на пиру / Кропит покойника вином» и «Кто честит покойника вином» (Акад. Т. 6. С. 370), возможно, были связаны с недавней смертью Александра I. Следующий вариант: «Кто утешается вином» (Там же) — соблазнительно отнести к П. А. Катенину. Активный участник литературных полемик конца 1810-х — начала 1820-х гг., наставник Пушкина, соперник Жуковского, оппонент Вяземского и предмет несправедливых критик Бестужева²⁰⁵, он провел три года (1822—1825) в деревенской ссылке и в этом отношении действительно нуждался в утешении. Вскоре после снятия опалы Катенин возобновил переписку с Пушкиным; в первом же пушкинском ответе мы встречаем мотив утешения: «Ты огорчаешь меня уверением, что оставил поэзию — общую нашу любовницу. Если это правда, что ж утешает тебя, кто утешит ее?» (первая половина сентября 1825 г. — Там же. Т. 13. С. 224—225). Однако для уверенной атрибуции этой строки недостает главного — свидетельства о том, что в середине 1820-х гг. Катенин много пил²⁰⁶.

²⁰⁴ О сложном отношении Вяземского к Жуковскому см.: *Степанищева Т.* След Жуковского в поэтической системе Вяземского // *Пермяковский сборник.* М., 2009 (в печати).

²⁰⁵ Статьи Бестужева против Катенина даже симпатизировавший первому Кюхельбекер называл образцом «привязчивости, ложного остроумия и — невежества» (*Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи. С. 268).

²⁰⁶ В «Архаистах и Пушкине» Тынянов пишет об этом как об общеизвестном факте — без ссылок. Однако пока что упоминание о пьянстве Катенина встретилось нам только в романе А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов» (1869). Близо знавший поэта в 1840-х гг., Писемский славился точностью своих портретов, однако распространять его свидетельство на привычки Катенина начала 1820-х гг. мы не рискуем.

Вариант «Кто <забавляется> вином» (Акад. Т. 6. С. 370) заставляет вспомнить «певца Пьянюшкина» — А. Е. Измайлова. Некогда близкий к «Арзамасу», в начале 1820-х гг. он предоставил страницы своего «Благонамеренного» для нападок на «новую школу» поэтов, а затем стал страстным недругом Бестужева²⁰⁷.

Наконец, печатная версия: «Кто занимается вином» (Там же. С. 649) — может быть связана с Н. А. Полевым, который совмещал занятия литературой с управлением водочным заводом, — сочетание, давшее богатую пищу для сатириков. В таком случае косвенным адресатом этой строки окажется Вяземский, в момент написания строфы XXXVI активно сотрудничавший с Полевым, а ко времени ее публикации полностью с ним разошедшийся.

* * *

Разобранные строфы четвертой главы представляют собой, как сказал бы Вяземский, «штуку самую сыноотечественную и арзамасскую <...> обоудный нож, леденец с перцем, ничего и много, все и мало, лисий хвост и волчий рот»²⁰⁸. Маска неистового стихотворца позволила соединить несколько линий полемики так, что они подкрепляли и мотивировали друг друга, сохраняя при этом полную самостоятельность. Поскольку в основу ряда полемических ходов были положены тексты, не бывавшие в печати (лицейский «Словарь», частная переписка, «арзамасские» притчи), вся совокупность скрытых смыслов каждой линии полемики была понятна только ее непосредственным адресатам.

Попытаться угадать, что побудило Пушкина выстроить столь изощренную полемическую конструкцию, позволяет его письмо к Кюхельбекеру, написанное незадолго до разобранных строф:

Не понимаю, что у тебя за охота пародировать Ж<уковско>го. Это простительно Цертелеву, а не тебе. <...> Милый, вспомни, что ты, если пишешь для нас, то печатаешь для черни; она принимает вещи буквально. Видит твое неуважение к Ж<уковскому> и рада.

(1—6 декабря 1825 г. — Акад. Т. 13. С. 248).

Спор со старыми друзьями и бывшими единомышленниками Пушкин провел, как и советовал Кюхельбекеру, не позволив «черни» обрадоваться их распрям.

²⁰⁷ О репутации Измайлова и его отношениях с «союзом поэтов» см.: *Вацуро В. Э.* С. Д. П.: Из истории литературного быта пушкинской поры. М., 1989. С. 240—255; *Проскурин О. А.* Литературные скандалы пушкинской эпохи. С. 260—301.

²⁰⁸ ОА. Т. 1. С. 140.

**«Шотландская строфа» у Пушкина
(К творческой истории стихотворения «Обвал»)**

ОБВАЛ

Дробясь о мрачные скалы,
Шумят и пенятся валы,
И надо мной кричат орлы,
И ропщет бор,
И блещут средь волнистой мглы
Вершины гор.

Оттоль сорвался раз обвал,
И с тяжким грохотом упал,
И всю теснину между скал
Загородил,
И Терека могущий вал
Остановил.

Вдруг, истошась и присмирив,
О Терек, ты прервал свой рев;
Но задних волн упорный гнев
Прошиб снега...
Ты затопил, освирепев,
Свои брега.

И долго прорванный обвал
Неталой грудой лежал,
И Терек злой под ним бежал,
И пылью вод
И шумной пеной орошал
Ледяный свод.

И путь по нем широкий шел:
И конь скакал, и влекся вол,
И своего верблюда вел
Степной купец,
Где ныне мчится лишь Эол,
Небес жилец.

(Акад. Т. 3. С. 197—198)

Необычная для русской поэзии ямбическая строфа, которой написаны два стихотворения Пушкина, «Обвал» (1829 ?) и «Эхо» (1831), дав-

но обратила на себя внимание исследователей. В классической работе «Строфика Пушкина» Б. В. Томашевский описывает ее следующим образом: «...по числу стоп 444242 на одних мужских рифмах, все четырех-стопные стихи оканчиваются на одну рифму, а двустопные на другую, так что формула рифм такова: ааабаб». «Данная строфа, — уточняет он, — английского происхождения»¹, с чем нельзя не согласиться. Именно в английской поэзии она получила широкое распространение и даже имеет особое название: «шотландская» (Scottish stanza) или «бернсовская» (Burns stanza), данное ей потому, что ее канонизировали шотландские поэты второй половины XVIII в., и, больше других, Роберт Бернс, который написал ею около пятидесяти стихотворений². В примечаниях к «Обвалу» в «венгеровском» собрании сочинений Пушкина П. О. Морозов указал на догадку А. В. Дружинина, еще в 1855 г. предположившего, что форма стихотворения заимствована прямо у Бернса, которым Пушкин, по его наивному убеждению, не мог не восхищаться. «Нам всегда казалось, — писал Дружинин, — что конструкция строф в “Обвале” (чисто бернсовская) не есть случайность»³. Однако впоследствии предположение Дружинина было отвергнуто пушкинистами, — и не только потому, что никаких свидетельств интереса Пушкина к Бернсу не существует. Решающую роль здесь сыграло открытие Н. В. Яковлева, который установил бесспорный источник для «Эха» — написанное «шотландской строфой» стихотворение Барри Корнуола «Прибрежное эхо» («A Sea-Shore Echo»). С этим же стихотворением Яковлев связал и творческую историю «Обвала», которая в его реконструкции складывалась в такой последовательности. По возвращении с Кавказа, осенью 1829 г., Пушкин знакомится с сочинениями Барри Корнуола по вышедшей тогда книге четырех английских поэтов (The Poetical Works of Milman, Bowles, Wilson and Barry Cornwall: Complete in One Volume. Paris, 1829), которая потом была у него в Болдине. «В поисках форм, наиболее отвечавших его цели — выразить возможно полнее свои недавние кавказские впечатления, — Пушкин наткнулся <...> на готовый размер “Прибрежного Эхо” Корнуола, — размер, как нельзя более гармонировавший своею отрывистой и сжатой силой с дикостью горного

¹ Томашевский Б. В. Строфика Пушкина // ПИМ. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 82.

² Об истории и структуре строфы см. подробнее: Schipper J. Neuenglische Metrik in historischer und systematischer Entwicklung dargestellt. H. f. 2: Strophenbau. Bonn, 1888. S. 586—587; Saintsbury G. Historical Manual of English Prosody. London, 1914. P. 273—274; Fussell P. Poetic Meter and Poetic Form. New York, 1965. P. 152—155 и др.

³ Дружинин А. В. А. С. Пушкин и последнее издание его сочинений // БдЧ. 1855. Т. 130, № 4. Отд. III. С. 74.

пейзажа»⁴. Таким образом, чтение «Прибрежного эха», по Яковлеву, дает толчок замыслу «Обвала»: Пушкин перенимает у полюбившегося ему английского поэта необычную стиховую форму, подобно тому как год спустя он переймет у него форму «драматических сцен».

Гипотеза Яковлева была безоговорочно принята Б. В. Томашевским⁵, Л. С. Сидяковым⁶, а затем и В. Д. Раком, который воспользовался ею как главным аргументом для решения сложного вопроса о датировке «Обвала». Хотя Пушкин в третьей части «Стихотворений» (1832) отнес «Обвал» вместе с другими кавказскими стихами к 1829 г., а в дальнейшем планировал включить его в цикл, названный «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)», истинная датировка всех стихотворений этой группы, как писал Н. В. Измайлов, «очень неясна и приблизительна»⁷. Мы не можем с точностью сказать, были ли они сочинены, хотя бы вчерне, во время поездки на Кавказ (май—август 1829 г.), или на обратном пути, во время пребывания на Кавказских водах (август — 8 сентября 1829 г.), как полагал Измайлов, или осенью, когда Пушкин останавливался в Москве и Тверской губернии, или зимой 1829—1830 г. в Петербурге, или даже в последующие месяцы. По резонному замечанию Измайлова, «вопрос осложняется и тем, что <...> большая часть кавказских стихотворений обрабатывалась Пушкиным в Болдинскую осень 1830 года»⁸. Так, пушкинские пометы «29 Окт<ября>» и «30» на автографе «Обвала» (ПД 115) принято относить не к 1829-му, а к 1830 г.⁹, хотя никаких аргументов в пользу именно такой датировки до работы В. Д. Рака не предлагалось.

Приняв гипотезу Яковлева о происхождении строфы «Обвала» за «данность», В. Д. Рак установил, что парижская книга четырех поэтов вышла в свет лишь в октябре 1829 г. и, следовательно, могла оказаться на прилавках книжных лавок Петербурга и Москвы «в лучшем случае вряд ли ранее декабря, а реальнее — значительно позже»¹⁰. Если же Пушкин приобрел книгу, в которой прочитал «Прибрежное эхо» Кор-

⁴ Яковлев Н. В. Последний литературный собеседник Пушкина: (Бари Корнуоль) // ПиС. Пг., 1917. Вып. 28. С. 27.

⁵ См.: Томашевский Б. В. Строфика Пушкина. С. 82.

⁶ См. его примечания к «Обвалу» в кн.: Стихотворения Александра Пушкина / Изд. подгот. Л. С. Сидяков. СПб., 1997. С. 567 (Лит. памятники).

⁷ Измайлов Н. В. Лирические циклы в поэзии Пушкина конца 20—30-х годов // Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1976. С. 221.

⁸ Там же.

⁹ См.: Модзалевский Л. Б., Томашевский Б. В. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание. М.; Л., 1937. С. 48.

¹⁰ Рак В. Д. К датировке стихотворения «Обвал» // Рак В. Д. Пушкин, Достоевский и другие. СПб., 2003. С. 320.

нуола, только в 1830 г., то и датировку «Обвала», полагает В. Д. Рак, следует сдвинуть с 1829-го на 1830 г.

Между тем сама гипотеза Яковлева, на наш взгляд, далеко не столь убедительна, как принято считать. Во-первых, в поэтической практике Пушкина, кажется, нельзя найти другого случая, когда одно и то же стихотворение иностранного автора использовалось бы им дважды — сначала исключительно как метрическая модель, а затем, после более чем годичного перерыва, как источник и метра, и темы. Во-вторых, в вероятный круг пушкинского чтения 1828—1830 гг. входил целый ряд английских текстов, в которых Пушкин мог встретить «шотландскую строфу» еще до знакомства с «Прибрежным эхом». Прежде всего следует обратить внимание на важный историко-литературный факт: в мае 1829 г. в Петербурге вышла в свет тридцатисемистраничная книжечка «Сельский субботний вечер в Шотландии. Вольное подражание Р. Борнсу И. Козлова», где, кроме заглавной поэмы (в оригинале «The Cotter's Saturday Night»), было напечатано и стихотворение «К полевой маргаритке, которую Роберт Борнс, обрабатывая свое поле, нечаянно срезал железом сохи в апреле 1786 года» — перевод знаменитого бернсовского «To a Mountain Daisy, on Turning One down with the Plough in April 1786», написанного «шотландской строфой» (см. приложение)¹¹.

Первые русские переводы из Бернса привлекли внимание газетной и журнальной критики¹². В июльском номере «Московского телеграфа» была напечатана пространная рецензия на книжку И. И. Козлова, автор которой (вероятно, сам редактор журнала Н. А. Полевой) выказал неплохое знание биографии и творчества шотландского поэта — по его словам, «одного из тех феноменов, которых явление можно уподобить молнии на вершинах пустынных гор». Критикуя переложение «Субботнего вечера», в котором Козлову, по его оценке, не удалось передать характер «пламенного певца Шотландии, сгоревшего в огне страстей», рецензент с похвалой отзываясь о «Полевой маргаритке». «Это прелестное стихотворение более сохранило в русском переводе свою первобытную свежесть и красоту, — пишет он. — В нем Борнс виднее и понятнее для русского читателя, чем в переводе предыдущей пьесы»¹³.

¹¹ Анализируя строфу «Обвала» и «Эхо», Б. В. Томашевский в качестве английской параллели к ней приводит именно «To a Mountain Daisy...» Бернса и попутно разбирает перевод И. И. Козлова, который он ошибочно датирует 1833 г. (Томашевский Б. В. Строфика Пушкина. С. 82).

¹² Подробнее см.: Левин Ю. Д. 1) Бернс на русском языке // Бернс Р. Стихотворения. На англ. и рус. яз. М., 1982. С. 538; 2) Восприятие английской литературы в России. Л., 1990. С. 234—235.

¹³ Н. Н. О жизни и сочинениях Р. Борнса // МТ. 1829. Ч. 28, № 14. С. 195, 206, 209.

Вполне вероятно, что Пушкин не пропустил интересную новинку и захотел сравнить перевод Козлова с оригиналом. Это могло произойти как осенью 1829 г. на обратном пути с Кавказа — скорее всего, в Москве, где он, по всей видимости, читал летние номера московских журналов и часто встречался с П. А. Вяземским, который внимательно следил за творчеством И. И. Козлова и только что написал предисловие к его переводам из Мицкевича¹⁴, — так и в Петербурге, куда Пушкин вернулся 9—10 ноября. Любопытно, что принадлежавший Пушкину двухтомный сборник Бернса разрезан только до тех страниц первого тома, на которых напечатано «To a Mountain Daisy, on Turning One down with the Plough in April 1786», как если бы он искал в книге именно переведенное Козловым стихотворение¹⁵. При этом стоит подчеркнуть простую истину: для усвоения «шотландской строфы» Пушкину не нужно было ни знать и любить Бернса, ни понимать шотландский диалект, на котором написаны его стихи, ибо отвлечение от смысла не затрудняет, а, наоборот, облегчает восприятие твердых стиховых форм.

При сопоставлении перевода и оригинала Пушкин должен был заметить, что Козлов несколько упростил «шотландскую строфу». Сохранив схему Я444242 со сплошными мужскими окончаниями, он не сумел соблюсти единство рифмы во всех четырехстопных стихах

¹⁴ Книга «Крымские сонеты Адама Мицкевича. Переводы и подражания Ивана Козлова» (СПб., 1829) вышла в свет в октябре 1829 г. В «предисловной» статье Вяземского, помимо разбора сонетов и их переводов, упоминался Пушкин (см.: *Козлов И. И.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1960. С. 459—460, примеч. И. Д. Гликмана (Б-ка поэта; Большая серия)).

¹⁵ *The Poetical Works of Robert Burns*. Chiswick, 1829 (Библиотека П. № 691). На предшествующих страницах напечатано еще 11 стихотворений, написанных «шотландской строфой», а также переложенная Козловым поэма «The Cotter's Saturday Night». Подражая В. Д. Раку, я попытался установить, когда данный двухтомник Бернса мог попасть в Россию, и выяснил, что он был выпущен еще в 1821 г., в составе популярной серии малоформатных книг «Whittingham's Cabinet Library», где имел номера 32—33. Как явствует из объявлений в английских газетах (см., например: *The Morning Chronicle*. 1822. 20 november; 1824. 27 may; 28 june), все книги, входившие в эту серию, постоянно допечатывались и продавались на протяжении многих лет. В ряде случаев, однако, печатники изменяли оформление титульного листа (например, добавляли гравюру или виньетку), загодя ставя на нем тот год, начиная с которого книга поступала в продажу в обновленном виде. Именно это и произошло с собранием стихотворений Бернса, для которого был изготовлен новый титульный лист с гравюрой Джона Томпсона, помеченный 1829 г. (см.: *Warren A.* *The Charles Whittingham Printers*. New York, 1896. P. 79). Можно предположить поэтому, что двухтомник продавался в Англии с самого начала 1829 г. и к ноябрю—декабрю должен был поступить в петербургские и московские книжные лавки.

и зарифмовал их попарно, по формуле aabcbc¹⁶. В «Обвале» Пушкин виртуозно решает ту сложную техническую задачу, с которой не справился Козлов, демонстрируя, что «шотландская строфа» может быть воспроизведена на русском языке со всеми своими особенностями. При этом изощренная звукопись стихотворения, в котором семь раз повторяется сочетание звуков «вал», заданное заглавным существительным и его английским и французским эквивалентом *avalanche*¹⁷

¹⁶ Той же строфой Козлов написал и стихотворение «Тоска по родине. Вольное подражание Шатобриану» (см.: *Козлов И. И.* Полн. собр. стихотворений. С. 213—214). В XIX в. все русские переводчики Бернса использовали эту упрощенную форму «шотландской строфы».

¹⁷ В рукописи ПД 115 «avalanche» написано в скобках после заглавия (см.: Акад. Т. 3. С. 792). Отсутствие артикля показывает, что это не перевод заглавного слова на французский язык (иначе Пушкин должен был бы написать «L'avalanche»), а помета иного рода, относящаяся скорее к языку английскому. Возможно, Пушкин не только сопоставлял два слова со сходным звучанием и одинаковым значением, но и вспоминал какие-то описания горных обвалов в английской литературе. В первую очередь он мог иметь в виду Байрона, у которого в швейцарском дневнике есть запись от 23 сентября 1816 г., опубликованная впервые в 1822 г.: «Heard an Avalanche fall like thunder» ([*Watkins J.*] *Memoirs of the Life and Writings of the Right Honourable Lord Byron, with anecdotes of some of his contemporaries.* London, 1822. P. 271). К 1829 г. Пушкин мог знать ее по нескольким источникам, и в том числе по книге Луизы Беллок «Лорд Байрон», где она приводится как в оригинале, так и во французском переводе: «Entendu une avalanche tomber comme la foudre» (*Belloc L. S.* *Lord Byron.* Paris, 1824. Т. 1. P. 349). Сравнение альпийского обвала с громом Байрон повторил и в строфе LXII третьей песни «Странствий Чайльд-Гарольда»: «...Above me are the Alps, / The Palaces of Nature, whose vast walls / Have pinnacled in clouds their snowy scalps, / And throned Eternity in icy halls / Of cold sublimity, where forms and falls / The avalanche—the thunderbolt of snow» (*Byron G. G.* *Selected Poems / Ed. with a Pref. by S. J. Wolfson and P. J. Manning.* London, 1996. P. 436). В первом действии «Манфреда» герою является дух Монблана, которому подвластны лавины и ледники: «Mont Blanc is the monarch of mountains <...> / The Avalanche in his hand; / But ere it fall, that thundering ball / Must pause for my command» (*Ibid.* P. 465). Еще раньше, в «Осаде Коринфа», Байрон использовал образ горной лавины в сравнительном обороте: «Like the avalanche's snow / On the Alpine vales below» (*Ibid.* P. 381), с той же игрой на *val*, что и в «Обвале». Упоминания об альпийских обвалах Пушкин мог заметить и у английских поэтов «озерной школы» — в частности, в «Отрывочных строфах» («*Desultory Stanzas*», 1822) Вордсворта, где лирический герой, как в «Кавказе» Пушкина, взирает на горный пейзаж с вершины горы и вдруг слышит «ужасный звук» падающей лавины («*But list! the avalanche — the hush profound / That follows — yet more awful than that awful sound*»; см.: *The Poetical Works of William Wordsworth: In 5 vol.* London, 1827. Vol. 3. P. 302). Некоторые параллели к пушкинским кавказским пейзажам обнаруживаются также в стихотворении Кольриджа «Гимн перед рассветом в долине Шамони» («*Hymn before Sunrise, in the Vale of Chamouni*», 1802). Кольридж сначала описывает ледяные лавины,

(валы—волнистой—сорвался—обвал—вал—прервал—обвал), и избылиуют односложные знаменательные слова (бор, мглы, гор, скал, вал, рев, волн, гнев, злой, вод, свод, путь, шел, конь, вол, вел), как бы имитирует состав английской поэтической речи¹⁸. Если вспомнить, что Пушкин обычно обращался к чужим стиховым формам (белый ямб, терцина, сонет, октава, «испанский» хорей) только после того, как их уже начали осваивать другие русские поэты, то можно заподозрить, что одной из причин его обращения к «шотландской строфе» было желание вступить в соревнование с Козловым.

Впрочем, «шотландская строфа», вероятно, была знакома Пушкину еще до выхода книжечки переводов из Бернса. Например, перелистывая любимые романы Вальтера Скотта по-английски, он мог заметить ее в нескольких эпиграфах, взятых опять-таки из Бернса, — например, к «Повестям моего домохозяина» («Tales of My Landlord», 1816—1832) или к главе IX «Гая Мэннеринга» («Guy Mannering», 1815), а также в авторских предисловиях к «Монастырю» («The Monastery», 1820) (где снова цитируется Бернс) и к третьему изданию «Уэверли» («Waverley», 1814) (где приведен текст анонимного шотландского стихотворения «The Author's Address to All in General»). Сам «шотландский чародей» написал «шотландской строфой» вставную песню минестреля в поэме «Рокби», которую Пушкин наверняка знал¹⁹:

THE HARP

I was a wild and wayward boy,
My childhood scorned each childish toy;
Retired from all, reserved and coy,

скатаывающиеся с горных вершин в огромные ущелья и останавливающие быстрые реки («Ye Ice-falls! ye that from the mountain's brow / Adown enormous ravines slope amain — / Torrents, methinks, that heard a mighty voice, / And stopped at once amid their maddest plunge! / Motionless torrents! silent cataracts!»), а затем обращается к «седой горе», с чьих «ног» часто низвергаются беззвучные обвалы: «Thou too, hoar Mount! with thy sky-pointing peaks, / Oft from whose feet the avalanche, unheard, / Shoots downward, glittering through the pure serene...» (The Poetical Works of Coleridge, Shelley, and Keats. Paris, 1829. P. 36—37; Библиотека П. № 762).

¹⁸ Как заметил М. О. Гершензон в статье «Плагиаты Пушкина» (см.: Гершензон М. О. Статьи о Пушкине. М., 1926. С. 118), начальные образы и рифма были подсказаны Пушкину переводом оды Горация «К Леоконое» В. С. Филимонова (1821). Ср.: «И разъяренные валы, / Кипящи пеною седою / Дробит о грозные скалы» (цит. по: Филимонов В. С. «Я не в Аркадии — в Москве рожден...»: Поэмы. Стихотворения. Басни. Переводы. Материалы к биографии. М., 1988. С. 308).

¹⁹ Отдельное издание поэмы сохранилось в его библиотеке: Scott W. Rokeby: A Poem. The 6th ed. Edinburgh, 1815 (Библиотека П. № 1365).

To musing prone,
I wooed my solitary joy,
My Harp alone.

My youth with bold ambition's mood
Despised the humble stream and wood
Where my poor father's cottage stood,
To fame unknown; —
What should my soaring views make good?
My Harp alone!

Love came with all his frantic fire,
And wild romance of vain desire:
The baron's daughter heard my lire
And praised the tone; —
What could presumptuous hope inspire?
My Harp alone!

At manhood's touch the bubble burst,
And manhood's pride the vision curst,
And all that had my folly nursed
Love's sway to own;
Yet spared the spell that lulled me first,
My Harp alone!

Woe came with war, want with woe,
And it was mine to undergo
Each outrage of the the rebel foe: —
Can aught atone
My fields lay waste, my cot laid low?
My Harp alone!

Ambition's dreams I've seen depart,
Have rued of penury the smart,
Have felt of love the venom'd dart,
When hope has flown;
Yet rests one solace to my heart, —
My Harp alone!

Then over mountain, moor and hill,
My faithful Harp, I'll bear thee still;
And when this life of want and ill
Is wellnigh gone,
Thy strings mine elegy shall thrill,
My Harp alone!²⁰

²⁰ ЦИТ. ПО: The Complete Poetical Works of Sir Walter Scott. Cambridge Edition. Boston & New York, 1900. P. 267—268.

Наконец, у Вордсворта (которого Пушкин, по воспоминаниям С. П. Шевырева, читал тогда по-английски²¹) «шотландская строфа» появляется в связи с Робертом Бернсом — в моралистическом послании к сыновьям последнего («To the Sons of Burns, after Visiting the Grave of Their Father»), входившем в цикл «Стихи, сочиненные во время путешествия по Шотландии» («Poems written during a Tour in Scotland»)²². Приведем его в ранней, короткой редакции 1807 г.:

Through twilight shades of good and ill
Ye now are panting up life's hill,
And more than common strength and skill
 Must ye display;
If ye would give the better will
 Its lawful sway.

Hath Nature strung your nerves to bear
Intemperance with less harm, beware!
But if the Poet's wit ye share,
 Like him can speed
The social hour—of tenfold care
 There will be need.

For honest men delight will take
To spare your failings for his sake,
Will flatter you,—and fool and rake
 Your steps pursue;
And of your Father's name will make
 A snare for you.

Let no mean hope your souls enslave;
Be independent, generous, brave;
Your Father such example gave,
 And such revere;
But be admonished by his grave,
 And think, and fear!²³

²¹ См.: П. в восп. Т. 2. С. 40.

²² Ср. заглавие «кавказского цикла», которое Пушкин дал ему при подготовке неосуществленного собрания стихотворений в конце 1836 г.: «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)». См. об этом: *Измайлов Н. В.* Лирические циклы в поэзии Пушкина конца 20—30-х годов. С. 222—223; *Ларионова Е. О.* Неосуществленное собрание стихотворений Пушкина 1836 года // Пушкинская конференция в Стэнфорде. 1999: Материалы и исследования. М., 2001. С. 281—282.

²³ *The Poetical Works of William Wordsworth / Ed. from the manuscript with textual and critical notes by E. de Selincourt and Helen Darbishire.* Oxford, 1946. Vol. 3. P. 69—71 (см. также примеч.: P. 438, 443).

Если «шотландская строфа», как мы предполагаем, пришла к Пушкину не через Барри Корнуола, а через Бернса, Вальтера Скотта или Вордсворта, то он не мог не почувствовать ее «местный колорит», ее связь с тем легендарным миром шотландских гор, который был ему знаком по вальтер-скоттовским романам. Этим, вероятно, и объясняется тот факт, что Пушкин опробовал новую для русской поэзии форму в стихотворении на кавказскую тему. Ведь русским романтическим сознанием Кавказ воспринимался как отечественный аналог горной Шотландии, воспетой поэтами Highland — экзотической страны суровой, величественной природы, свободолюбивых непокорных племен и, главное, красочных преданий, легенд, мифов. Собственно говоря, эффектная картина горного обвала изображена у Пушкина в легендарном плане, с противопоставлением непосредственно воспринимаемого настоящего воображаемому прошлому. Поэт сквозь «волнистую мглу» смотрит на *обычное* течение Терека и представляет себе когда-то случившуюся здесь *уникальную* («оттоль сорвался *раз* обвал»), грандиозную катастрофу — лавину, которая не оставила после себя никаких материальных следов, но память о которой сохранилась в местных преданиях. Речь здесь идет не о каком-то конкретном обвале (которого Пушкин не видел), но о редком природном явлении, преобразованном коллективной памятью в единичный полумифический феномен. Описание происшедшего, сначала правдоподобное, к концу стихотворения превращается в небылицу с почти сказочными подробностями²⁴: над Терекком вырастает «ледяный свод» — своего рода мост или виадук, через который идет «широкий путь», доступный лошадям, волам и даже верблюдам²⁵.

²⁴ В советской пушкинистике доминировала противоположная точка зрения. Так, Д. Д. Благой утверждал, что «Обвал» отличается «протокольной точностью» пейзажного описания (*Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826—1830)*. М., 1967. С. 371—372).

²⁵ Как указал А. К. Жолковский, мотив движения по льду в поэзии Пушкина, и в том числе в «Обвале», имеет генетические («К Овидию») и типологические схождения с описанием зимы на Черном море в «Тристиа» Овидия (III, 10). См.: *Жолковский А. К. Заметки о тексте, подтексте и цитации у Патернака: (К различению структурных и генетических связей) // Boris Pasternak: Essays / Ed. by N. A. Nilsson. Stockholm, 1976. P. 77—78.* Для «Обвала» особенно значимы ст. 31—34, где появляется образ ледяных мостов над текущей водой, по которым движутся пешеходы, кони и волы. Ср.: «Там, где шли корабли, пешеходы идут, и по водам, / Скванным стужей, бьет звонко копыто коня. / Вдоль по неожиданным мостам <лат.: *novos pontes*> — вода подо льдом протекает — / Медленно тащат волы тяжесть сарматских телег» (пер. С. В. Шервинского). Заметим, что Овидий, никогда прежде не видевший замерзших рек и морей, описывает их как удивительное явление, в которое трудно поверить («*vis equidem credat*»).

На самом деле, конечно, большие горные обвалы в Девдоракском ущелье не создавали, а разрушали дороги, и движение через них было сопряжено с невероятными трудностями. А. С. Грибоедов, проезжавший по Военно-Грузинской дороге через год с лишним после обвала 1817 г., отметил в путевых записках: «Большой объезд по причине завала: несколько переправ через Терек»²⁶. Как свидетельствовал П. П. Зубов, по завалам, образовавшимся на обоих берегах Терека вследствие гигантской лавины 1832 г., и на следующее лето «подняться и спускаться было крайне затруднительно»:

Проталины на каждом шагу; дорога косогором; спуски по льду гладкому, как зеркало. Всякий неосторожный шаг мог влечь к безвозвратной гибели. <...> За переправу повозок и выюков через завал платили огромные суммы. Повозки переносили на руках солдаты и осетины с невероятною трудностью; путешественников переводили осетины, держа под руки; и всякий, переехавший в то время Кавказ, произнес сердечную благодарную молитву Богу за спасение его от очевидной смерти. Правая же сторона завала, кроме массы сплошного льда и снега, не весьма высокой, покрыта была сверху еще новым завалом окрестных гор, состоящим из земли и камней, обрушенных ниспадавшею водою с гор от таявшего снега. Путь по сему завалу был труден до чрезвычайности. Пешком невозможно идти по причине глубокой грязи, а ехавши верхом — нога лошади беспрестанно скользила, из-под оной грязь, камня, снег и лед с шумом катились в отверстия, прорытые водою до самого Терека, и за каждый неосторожный шаг можно было заплатить жизнью.²⁷

Характерно, что единственная бесспорная параллель к пушкинскому образу чудесного ледяного моста была обнаружена В. Л. Комаро-

²⁶ Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб., 1999. Т. 2. С. 288.

²⁷ Зубов П. П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и предельных оному земель; в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. СПб., 1835. Ч. 2. С. 176—178. Зубов с небольшими изменениями и дополнениями повторяет здесь описание пути через завалы из своей же книги «Шесть писем о Грузии и Кавказе, писанных в 1833 году» (М., 1834. С. 43—45; Библиотека П. № 156). Ср. описание завала 1832 г. в воспоминаниях барона Торнау: «Проезд по Военно-Грузинской дороге прекратился в заваленном месте; почтовые лошади подвозили к подножию выросшей на пути снеговой горы, по другую сторону свежие тройки принимали путешественников. На завал приходилось подыматься по ступеням вырубленным во льду. Посредине снеговой массы образовалась расселина стофутовой глубины, через которую для перехода были переброшены доски. Расселина эта на другой год до того расширилась, что принуждены были переправлять через нее в висячем ящике, ходившем на блоках по толстым канатам» ([Торнау Ф. Ф.] Воспоминания о Кавказе и Грузии // РВ. 1869. № 4. С. 696).

вичем²⁸ в путевых записках поэта С. Д. Нечаева, который выше Кавказских Минеральных Вод в горы не поднимался и никаких обвалов не видел. В первом же абзаце отрывка, напечатанного в 1826 г. в «Московском телеграфе», Нечаев явно передает сведения о природных катастрофах, услышанные от старожилов:

Падения снежных глыб случаются здесь весьма нередко. Недавно огромный клуб снега и камней, скатившись с вершины Казбека, совсем было прекратил течение Терека. Легко могло б образоваться временное озеро и затопить все окрестные долины, но чрезвычайная быстрота реки скоро пробилла путь под глыбою, по которой потом ездили как по мосту, и немало времени потребно было, чтоб ужасная сия скала совершенно растаяла в соседстве ледяных вершин. — Бывают часто и землетрясения. После одного, замеченного в Бештовых горах, вдруг иссяк главный серный источник <...>. ...но к счастью, чрез несколько дней вода вновь показалась в водоеме, и в прежнем изобилии.²⁹

Едва ли можно согласиться с В. Д. Раком, объясняющим сходство двух описаний тем, что Пушкин помнил о прочитанном за три года до путешествия на Кавказ очерке Нечаева³⁰. Скорее на обоих поэтов произвели сильное впечатление одни и те же рассказы, которыми местные жители любят страшить приезжих и которым как Нечаев, так и Пушкин готовы были поверить, потому что искали в кавказской природе необычное, невероятное, небывалое. В этой связи отметим, что у Нечаева кавказский фольклор сразу же вызвал ассоциации с легендарной Шотландией Оссиана. Прослушав какие-то песни «черкесских бардов» в переводе, за точность которого не поручился сам толмач, он отметил «некоторое сходство с шотландскими песнями, изданными Макферсоном. Те же сравнения из дикой, величественной природы, те же

²⁸ См.: *Комарович В. Л.* Вторая кавказская поэма Пушкина // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. [Т. 6]. С. 217.

²⁹ *Нечаев С. Д.* Отрывки из путевых записок о Юго-Восточной России // МТ. 1826. Ч. 7, № 1. Отд. I. С. 26—27. Курсив наш. Позже, уже после публикации «Обвала», образ ледяного моста появляется в незаконченном романе несчастного Александра Шишкова (см. о нем: *Шадури В.* Друг Пушкина А. А. Шишков и его роман о Грузии. Тбилиси, 1951). Герой романа, молодой чиновник Лонской, едущий в Грузию, на перевале у Крестовой горы слышит позади «сильный, тяжелый удар», от которого «по ущелиям гор пробежал трепетный гул, и испуганные орлы поднялись с диким криком». Спутник героя, кавказский старожил, объясняет недоумевающему путешественнику, что это большой обвал. «Дня через два, — продолжает он, — Терек, запруженный обвалом, прорвет его и образует над собой крутой, ледяный мост, как триумфальную арку» (*Шишков А. А.* Соч. и переводы. СПб., 1835. Ч. 3. С. 5—6).

³⁰ *Рак В. Д.* К датировке стихотворения «Обвал». С. 327.

предметы...»³¹. Обвалы, землетрясения, внезапно иссякающие источники, воинственные горцы, распевające оссианические песни и, по словам А. А. Бестужева, «ожидające своего Валтер-Скотта»³², — все это составные части единого комплекса кавказской экзотики, к созданию которого Пушкин приложил руку еще в «Кавказском пленнике».

В пушкинистике принято сопоставлять «Обвал» с тематически близким абзацем из первой главы «Путешествия в Арзрум»:

Дорога шла через обвал, обрушившийся в конце июня 1827 года. Таковые случаи бывают обыкновенно каждые семь лет. Огромная глыба, сваясь, засыпала ущелие на целую версту и запрудила Терек. Часовые, стоявшие ниже, слышали ужасный грохот и увидели, что река быстро мелела и в четверть часа совсем утихла и истошилась. Терек прорылся через обвал не прежде, как через два часа. То-то он был ужасен!

(Акад. Т. 8. С. 453)

Поскольку этот пассаж отсутствовал в ранней редакции главы — очерке «Военная Грузинская дорога (Извлечено из путевых записок А. Пушкина)», напечатанном в номере «Литературной газеты» за 5 февраля 1830 г., и, по всей видимости, был написан только в 1835 г., его обычно возводят к описаниям кавказских обвалов в тех книгах, которыми Пушкин пользовался как источниками при работе над «Путешествием в Арзрум». В первых, это указанные М. О. Гершензоном «Записки во время поездки из Астрахани на Кавказ и в Грузию в 1827 году *Н... Н...*» (М., 1829; Библиотека П. № 252)³³, автором которых, как установил впоследствии тбилисский исследователь Вано Шадури, был Н. А. Нефедьев³⁴. Здесь внимание исследователей привлекло следующее место, откуда, по утверждению Б. В. Томашевского³⁵, Пушкин и заимствовал сведения об обвале 1827 г.:

³¹ Нечаев С. Д. Отрывки из путевых записок о Юго-Восточной России. С. 37.

³² [Бестужев А. А.] Письмо к доктору Эрману // Марлинский А. Полн. собр. соч. СПб., 1838. Ч. 3. С. 240. В письме к Н. А. и К. А. Полевым от 16 декабря 1831 г. Бестужев назвал Дагестан «land of mountains and floods», процитировав десятую песнь «Дон Жуана» Байрона, где этими словами охарактеризована Шотландия (см.: Бестужев-Марлинский А. А. Кавказские повести / Изд. подгот. Ф. З. Канунова. СПб., 1995. С. 510, 687). Байрон, в свою очередь, цитировал поэму Вальтера Скотта «Песнь последнего минестреля» (VI, 2).

³³ Гершензон М. О. «Путешествие в Арзрум» (1829—1830) // Гершензон М. О. Статьи о Пушкине. С. 50—59.

³⁴ Шадури В. 1) Друг Пушкина А. А. Шишков и его роман о Грузии. С. 8, 307; 2) Декабристская литература и грузинская общественность. Тбилиси, 1958. С. 441; 3) Пушкин и грузинская общественность. Тбилиси, 1966. С. 105.

³⁵ См. его примечание к первой фразе абзаца: «Сведения об этом обвале Пушкин заимствовал из книги Н. Нефедьева, но при этом допустил неточ-

Дорога от Кобии, доставляя удовольствие проститься с шумным Терекком, уклоняющимся вправо, грозит проезжающим снеговыми обвалами и трудную переправу чрез горы Крестовую и Гут.

Обвалы обыкновенно бывают или зимою при множестве снегов, или весною, когда снег тает. Место, подверженное с сей стороны опасности, начинается верстах в трех от Коби и продолжается версты на четыре по речке, возле которой в узком осеняемом горами овраге идет дорога. Причины ничтожные производят ужасное явление сих обвалов: силою ветра, легким бегом зверя или другою случайностию отрывается на высоте камень или маленький ком снега, который, катясь вниз, с каждым оборотом увеличивается и наконец достигает такой огромности, что, производя в воздухе страшный гул, покрывает овраг в длину на целую версту и более и на несколько саженъ вышиною. В таких случаях бедным проезжающим нет спасения! После каждого обвала продолжение вновь пути стоит неимоверного труда, и сообщение на долгое время прекращается. Такой обвал случился до нас за месяц, и мы в конце июня ехали по громадам снега, под которым стремилась вода и, местами показываясь, опять исчезала.³⁶

Другой возможный источник пушкинского рассказа об обвале был обнаружен Ю. Н. Тыняновым во втором томе «Путешествия по России» французского консула в Тифлисе Т. Ф. Гамба (опубл. 1826):

A deux werstes de Dariel nous vîmes à droite, de l'autre côté du Terek, des monceaux de glace, débris de la terrible avalanche descendue du Kazbek en 1817: elle couvrit plus de deux werstes de pays, et arrêta le cours du Terek. Ce fleuve déborda alors des tous côtés, et rendit, pendant deux ans, la route impracticable aux voitures. Il paroît que cette catastrophe se renouvelle tous les sept ou huit ans. Le Kazbek se charge, pendant cet intervalle, d'une masse énorme de niege et de glaces, dont l'accumulation finit par perdre son équilibre, et qui couvre, par sa chute, une vaste étendue de pays.³⁷

ность; в книге сказано: “Такой обвал случился до нас за месяц, и мы в конце июня ехали по громадам снега”. Следовательно, обвал произошел в конце мая» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М., 1957. Т. 6. С. 809).

³⁶ [Нефедьев Н. А.] Записки во время поездки из Астрахани на Кавказ и в Грузию в 1827 году. С. 111—113.

³⁷ «В двух верстах от Дарьяла мы увидели справа, на другой стороне Терека, ледяные глыбы, остатки ужасной лавины, сошедшей с Казбека в 1817 году: она накрыла более двух верст земли и остановила течение Терека. Тогда река вышла из берегов и на два года сделала дорогу непроходимую для повозок. Кажется, такая катастрофа повторяется каждые семь или восемь лет. За этот промежуток времени Казбек обрастает гигантской массой снега и льда, образование которой заканчивается тем, что она теряет равновесие и, падая, накрывает огромное пространство» (Voyage dans la Russie méridionale, et particulièrement dans les provinces situées au-delà du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824; par le chevalier Gamba, consul du Roi à Tiflis. 2-ème éd. Paris, 1826. Т. 2. P. 24).

Согласно Тынянову, именно это сообщение Гамба, проезжавшего по Военно-Грузинской дороге в 1820 г., явилось не только источником процитированного выше абзаца «Путешествия в Арзрум», но и «сюжетом стихотворения “Обвал”»³⁸. Замечание Тынянова было подхвачено и развито В. Д. Раком, пришедшим к выводу, что «Обвал» никак не мог быть написан до знакомства Пушкина с книгами Нефедьева и Гамба, которое произошло, по мнению исследователя, после 5 февраля — дня публикации очерка «Военная Грузинская дорога», где эти источники «Путешествия в Арзрум» не отражены. «Живописная картина» обвала, утверждает В. Д. Рак, сложилась в воображении Пушкина только тогда, «когда на воспоминания о сходе лавины, сами по себе довольно сухие, наложились описания, прочитанные в книгах». «Тогда-то и образовалась благодатная почва, на которой вырос и “Обвал”, и — позднее — абзац в “Путешествии в Арзрум”»³⁹. Поэтому он предложил датировать стихотворение летом 1830 г., когда Пушкин вспоминал о «снеговых лавинах» в исправленной тогда строфе «Путешествия Онегина» и начал два наброска на кавказские темы⁴⁰.

Как нам представляется, элегантная конструкция, выстроенная В. Д. Раком, зиждется на еще более шатких основаниях, чем в случае с «шотландской строфой». Сравнив пушкинские «живописные картины» с их предполагаемыми источниками, нельзя не убедиться, что последние имеют мало общего с абзацем из «Путешествия в Арзрум» и ничего — с «Обвалом» (если не считать, конечно, констатации общеизвестного факта: «На Кавказе случаются горные обвалы»). У Нефедьева Пушкин взял для «Путешествия в Арзрум» указания на год, месяц (с ошибкой) и протяженность обвала, а также его топографическую локализацию (дорога, идущая от Коби), что привело к наложению друг на друга двух различных локусов и природных явлений⁴¹.

³⁸ Тынянов Ю. Н. О «Путешествии в Арзрум» // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968. С. 206.

³⁹ Рак В. Д. К датировке стихотворения «Обвал». С. 322—323.

⁴⁰ Там же. С. 327—328.

⁴¹ На допущенную Пушкиным контаминацию первым указал кавказовед Е. Г. Вейденбаум, писавший: «Судя по описанию, речь идет о так называемом казбекском завале, но в июне 1827 года такого завала не было и, во всяком случае, Пушкин не мог видеть остатки его между сел. Коби и Крестовым перевалом, так как казбекский завал падает на военно-грузинскую дорогу по Девдоракскому ущелью, между Дариалом и сел. Гвелети. Та часть военно-грузинской дороги, о которой говорит Пушкин, проходит по Байдарскому ущелью, известному обилием снежных обвалов» (Вейденбаум Е. Г. Примечания и объяснения к «Путешествию в Арзрум» и хронологическая канва к кавказскому путешествию А. С. Пушкина в 1829 г. // Кавказская поминка о Пушкине (26 мая 1799—26 мая 1899 г.). Тифлис,

Кажется, Пушкин не заметил (или предпочел не заметить), что Нефедьев рассказывает отнюдь не о грандиозной лавине на Тереке — катастрофическом событии, которое, по Пушкину, случается «каждые семь лет», а о заурядном сезонном обвале в более чем трех верстах от Терека, на безымянной речке, вдоль которой идет узкая дорога к Крестовой горе⁴². Это дало возможность Пушкину, не сильно погрешив против фактов (ведь он действительно проезжал по той самой дороге, где в 1827 г. произошел обвал, описанный Нефедьевым, хотя следов его, конечно, не застал), создать у читателя «Путешествия в Арзрум» впечатление, что он, подобно Гамба или Платону Зубову, которые наблюдали ледяные завалы на берегах Терека через длительное время после схождения гигантских лавин, соответственно, 1817 и 1832 гг., воочию видел то, о чем на самом деле только слышал и читал.

Что же касается «Обвала» (где Пушкин, в отличие от «Путешествия в Арзрум», не претендует на роль очевидца), то в нем не обнаружи-

1899. С. 52). Осетинский краевед Г. И. Кусов попытался объяснить противоречие тем, что Пушкин «посчитал нужным не рассеивать рассказы об “обвалах” по всему дневнику, а сосредоточить их описание в одном месте. И сделал это на странице, где шел рассказ о переезде через Крестовый перевал с полковником Огаревым, “осматривающим местные дороги”» (*Кусов Г. И. Малоизвестные страницы Кавказского путешествия А. С. Пушкина. Орджоникидзе, 1987. С. 137*). Это объяснение не кажется особенно убедительным, потому что абзац об обвалах был поздней, написанной на отдельном листе вставкой в уже законченный текст «Путешествия», которую Пушкин в принципе мог «вклеить» и в рассказ о пути от Дарьяла к Казбеку, где он был бы более уместен не только по топографическим или гляциологическим, но даже и по стилистическим соображениям, ибо первое слово в нем тогда не повторяло бы последнее слово предыдущего абзаца (...*дороги. // Дорога*). С другой стороны, в этом случае Пушкину пришлось бы указать, что последний казбекский завал произошел не в 1827-м, а в 1817 г., т. е. за двенадцать лет до его путешествия, и, следовательно, отказаться от роли очевидца, рассказывающего лишь о том, что он видел своими глазами.

⁴² Снежные завалы на этом участке дороги отмечают как Гамба, проезжавший здесь в конце мая 1820 г. (см.: *Voyage dans la Russie méridionale... Т. 2. Р. 34*), так и П. П. Зубов. «Часто слышно об обвалах, засыпающих дорогу, — пишет последний, — но редко о погибших от сего путешественниках, благодаря попечению правительства» (*Зубов П. П. Шесть писем о Грузии и Кавказе, писанных в 1833 году. С. 50*). Возможно, рассказ о гибели на Крестовой горе русского извозчика, вставленный Пушкиным в рукопись «Путешествия в Арзрум» («Обвал оборвался; страшная глыба свалилась на его повозку; поглотила телегу, лошадь и мужика, перевалилась через дорогу и покатила в пропасть со своею добычей» — Акад. Т. 8. С. 453—454), был ответом на чересчур благостную и, главное, верноподданническую картину, нарисованную Зубовым. Барон Торнау был очевидцем того, как в марте 1832 г. «около Байдары свалился снежный завал и засыпал ехавших из Грузии с почтой трех почтарей, двух казаков и семь лошадей» ([*Торнау Ф. Ф.*] Воспоминания о Кавказе и Грузии. С. 30).

вается ни единой параллели к рассказу Нефедьева. Правда, В. Д. Рак указывает на переключку между «страшным гулом», которым, по Нефедьеву, сопровождается обвал, и «страшным грохотом» лавины в стихотворении (ср. также «ужасный грохот» в «Путешествии в Арзрум»), но это — лишь подробность, которая отражает реальность и повторяется во многих описаниях горных обвалов, как западноевропейских (ср., например, примеры из Байрона в примеч. 17), так и русских. Среди «диких картин Кавказа» в строфах из оды Г. Р. Державина «На возвращение графа Зубова из Персии», процитированных в пушкинских примечаниях к «Кавказскому пленнику», есть образ снегов, которые «с грохотом <...> Падут, лежавши целы веки» (Акад. Т. 4. С. 115)⁴³. Несомненно, Пушкин читал и монолог Чацкого в ранней редакции «Горя от ума», где герой вспоминает кавказские лавины:

Я был в краях,
Где с гор верхов ком снега ветер скатит,
Вдруг глыба этот снег, в паденьи все охватит,
С собой влечет, дробит, стирает камни в прах,
Гул, рокот, гром, вся в ужасе окрестность.
(Акт 4, сц. 10)⁴⁴

Сам Пушкин слышал с вершины Крестовой горы «глухой грохот» или «рокот», произведенный «малым обвалом»⁴⁵, и легко мог представить себе, какой страшный шум должен производить обвал гигантский.

Еще меньше точек пересечения с обоими пушкинскими описаниями обвала имеет указанный Тыняновым фрагмент книги Гамба, хотя в данном случае речь идет об одном и том же природном феномене. Если для Пушкина центральный момент катастрофы — это прорыв Терека сквозь ледяную преграду, то Гамба говорит только о разливе реки; «широкий путь» в «Обвале» противоречит тому, что французский путешественник сообщает о прекращении движения по дороге; лавина у Пушкина засыпает ущелье «на целую версту», а у Гамба — на две версты и более. Единственное же

⁴³ Я благодарен О. А. Проскуруину, напомнившего мне об этом пушкинском примечании.

⁴⁴ *Грибоедов А. С. Горе от ума / Изд. подгот. Н. К. Пиксанов при участии А. Л. Гришунина. 2-е изд. М., 1987. С. 260 (Лит. памятники).*

⁴⁵ См. запись в его кавказском дневнике 1829 г., с некоторыми изменениями воспроизведенную в «Путешествии в Арзрум»: «Мы достигли снежной вершины Кавказа. — В это время услышал я глухой грохот <в «Путешествии»: «рокот»>. — Обвал, — сказал мне полковник. Я оглянулся и увидел в стороне огромную грудку снега, которая сыпалась и медленно съезжала с крутизны» (*Пушкин А. С. Дневники. Записки / Изд. подгот. Я. Л. Левкович. СПб., 1995. С. 24 (Лит. памятники).*)

совпадение — и в записках Гамба, и в «Путешествии в Арзрум» отмечена примерно одна и та же периодичность гигантских обвалов на Тереке — можно объяснить тем, что представления об этом издавна бытовали среди кавказских старожилов и, вероятно, внушались всем приезжим. Так, еще после разрушительного обвала 1808 г. граф Иван Васильевич Гудович, командовавший тогда русскими войсками на Кавказе, писал в донесении, что такое бедствие, «по уверению жителей, возобновляется через каждые семь лет»⁴⁶. Прочитировав эту фразу, Л. П. Семенов справедливо указал, что «в действительности, подобной периодичности в обвалах не наблюдается; наиболее значительные обвалы были в 1808, 1817 и 1832 годах»⁴⁷. Однако, хотя к началу 1830-х гг. стало ясно, что реальная хронология катастроф не подтверждает распространенную легенду, русские авторы книг о Кавказе упорно держатся ошибочных представлений. В упомянутой выше сцене из незаконченного романа А. А. Шишкова (который Пушкин, скорее всего, читал до начала работы над «Путешествием в Арзрум», так как хлопотал о посмертном издании сочинений своего убитого приятеля, где этот роман и был напечатан) кавказский старожил говорит герою, что обвал, свидетелями которого они оказались, «случается через каждые семь лет»⁴⁸. Утверждение, что «подобные случаи бывают периодически, через каждые семь лет, иногда же и более», повторяется и в обеих книгах П. П. Зубова⁴⁹. Очевидно, похожая формула у Пушкина не восходит к какому-то конкретному источнику, а является устойчивым элементом «кавказского дискурса» первых десятилетий XIX в.

Опора пушкинских описаний не на книги о Кавказе, а на устную традицию ярче всего проявляется в их «сильных местах», которые не имеют аналогов в источниках, — в стихах «Обвала» о ледяном своде над Терекком и в той фразе из «Путешествия в Арзрум», где вводится точка зрения неких надежных свидетелей происшедшего — каких-то неведомых «часовых», которые слышали «ужасный грохот» и видели, как Терек внезапно обмелел. Г. И. Кусов предположил, что в последнем случае Пушкин передает рассказы, услышанные им на Кавказе «от очевидцев» — скорее всего, от самих «солдат-часовых»⁵⁰. Верное

⁴⁶ Сборник сведений о завалах, упавших с горы Казбек с 1776 по 1878 год на Военно-Грузинскую дорогу. Тифлис, 1884. С. 16.

⁴⁷ Семенов Л. П. Пушкин на Кавказе. Пятигорск, 1937. С. 83.

⁴⁸ Шишков А. А. Соч. и переводы. Ч. 3. С. 6.

⁴⁹ Зубов П. П. 1) Шесть писем о Грузии и Кавказе, писанных в 1833 году. С. 43; 2) Картина Кавказского края, принадлежащего России... Ч. 2. С. 175.

⁵⁰ Кусов Г. И. Малоизвестные страницы Кавказского путешествия А. С. Пушкина. С. 138.

по сути, это предположение явно нуждается в некоторой корректировке, ибо за двенадцать лет, прошедших с обвала 1817 г., часовых должны были сменить, а очевидцы (если таковые были среди собеседников Пушкина) успели многое забыть, перепутать и приукрасить. Пушкину, несомненно, запомнились эффектные подробности каких-то рассказов об обвалах 1808 и 1817 гг., но сами эти рассказы были уже вторичной версией событий, своего рода местным преданием со всеми особенностями, присущими таким нарративам, — отсылками к «надежным», но неидентифицируемым свидетелям (отсюда — безымянные «часовые»), преувеличениями и искажениями, усиливающими фабильную связность, риторическими фигурами. Как показывают примеры «Бориса Годунова», «Анчара», «Моцарта и Сальери», «Героя», «На Испанию родную...» и ряда других произведений, легенды, предания и рассказы часто воздействовали на поэтическое воображение Пушкина сильнее, нежели исторические или естественнонаучные «факты», и его изображения кавказских природных катастроф — еще одно тому подтверждение.

Кажется, еще никем не было замечено, что в оборванном стихотворном черновике, предположительно датированном концом 1829 г., Пушкин уже пытался изобразить внезапную остановку Терека примерно так же, как в «Путешествии в Арзрум», — с точки зрения наблюдателя, не понимающего, что заставило реку *утихнуть* и *источиться* (выделенные слова будут потом использованы и в прозаическом описании):

Меж горных <стен><?> несется Терек,
Волнами точит дикий берег,
Клокочет вокруг огромных скал,
То здесь, [то там] дорогу роет,
Как зверь живой, ревет и воет —
И вдруг утих и смирен стал.

Всё ниже, ниже опускаясь,
Уж он бежит едва живой.
Так, после бури истощаясь,
Поток струится дождевой.
И вот < > обнажилось
Его кремнистое русло.

(Акад. Т. 3. С. 201)

Очевидным логическим продолжением наброска должно было бы стать объяснение причин странной аномалии и, следовательно, переход к рассказу о лавине, перегородившей реку выше по течению. Таким образом, перед нами — самый первый подступ к теме «Обвала», который, видимо, не удовлетворил Пушкина из-за того, что

избранный им ракурс изображения не оставлял места для введения лирического «я» и требовал определенной «прозаической» фокализации (использованной потом в «Путешествии в Арзрум»). Можно с уверенностью предположить, что набросок непосредственно предшествовал «Обвалу», на что прямо указывает, помимо прочего, перекличка стихов «И вдруг утих и смирен стал» и «Вдруг, истощась и присмирив». По-видимому, Пушкин изменил план, когда нашел иной, «поэтический» угол зрения, позволивший ему представить природный феномен как драматическую стычку двух сил — стремительной и преграждающей движение, вечной и преходящей. «Шотландская строфа» с ее сплошными мужскими рифмами и двумя короткими стихами, которые как бы пробиваются из-под толщи стихов длинных⁵¹, если не подсказала Пушкину новый поворот темы, то во всяком случае оказалась ему адекватной.

Изложенные выше соображения, к сожалению, не позволяют сузить датировку «Обвала», предложенную Н. В. Измайловым в «большом» академическом собрании сочинений («написано между 24 мая и декабрем (?) <1829 г.>» — Акад. Т. 3. С. 1196), а, наоборот, заставляют поднять ее верхнюю границу до 29—30 октября 1830 г. Следует, однако, обратить внимание на одно обстоятельство. Известно, что в декабре 1829 — начале января 1830 г. Пушкин работал над двумя переводами из Роберта Саути, «Гимн пенатам» («Еще одной высокой, важной песни...») и «Медок» («Попутный веет ветер. — Идет корабль...»)⁵², пытаясь освоить новую для него стиховую форму, распространенную в английской романтической поэзии, — пятистопный беззачурный белый ямб. Не исключено, что обращение Пушкина к «шотландской строфе» тоже явилось результатом изучения особенностей английского стихосложения, предпринятого в это время. Косвенным аргументом в пользу нашего предположения являются определенные лексические, синтаксические и звуковые переклич-

⁵¹ На иконическую выразительность «Обвала» обратил внимание А. К. Жолковский. По его наблюдению, только во второй строфе стихотворения короткие строчки содержат одно слово, что конкретизирует ее главную тему — «глыба, занимающая все пространство и останавливающая движение» (см.: Жолковский А. К. *How to show things with words* (Об иконической реализации тем средствами плана выражения) // Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты — тема — приемы — текст. М., 1996. С. 80—81).

⁵² Даты установлены Я. Л. Левкович. См.: Левкович Я. Л. 1) Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 841: (История заполнения) // ПИМ. Л., 1986. Т. 12. С. 267—268; 2) Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 842: (История заполнения) // Там же. Л., 1991. Т. 14. С. 152.

ки между предпоследней фразой «Медока» — «...и корабль надежный / Бежит, шумя, меж волн», с одной стороны, и некоторыми стихами как «Обвала», так и предшествовавшего ему наброска — с другой. Ср.:

*Меж горных стен несется Терек
Уж он бежит едва живой
Шумят и пенятся валы
И всю теснину между скал
И Терек злой под ним бежал
И шумной пеной орошал*

Во всяком случае, к концу 1829 г. все предпосылки для написания «Обвала» были налицо: услышанные на Кавказе рассказы и рассказы еще свежи в памяти, английские книги — под рукой, переводы Козлова из Бернса, вероятно, прочитаны. Поэтому есть основания выделить зиму 1829—1830 г. как зону повышенной вероятности внутри предельно широкого интервала датировки стихотворения (не ранее 24 мая 1829 г. — не позднее 30 октября 1830 г.), хотя точное время и место его создания мы, боюсь, определить никогда не сможем.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Иван Козлов

*К полевой маргаритке, которую
Роберт Борнс, обрабатывая свое поле,
нечаянно срезал железом сохи
в апреле 1786 г.
(Козлов И. И. Полн. собр.
стихотворений. С. 170—171)*

Цветок пунцовый, полевой!
Ты, бедный, встретился со мной
Не в добрый час: тебя в красе
 Подрезал я.
Жемчуг долин, не можно мне
 Спасти тебя!

Не пестрый, резвый мотылек
Теперь твой нежный стебелек
На дерн, увлажненный росой,
 Порхая, гнет;
К тебе румяною зарей
 Он не прильнет.

В холодном поле ветр шумел,
И дождик лил, и гром гремел;

Robert Burns

To a Mountain Daisy,
on turning one down
with the plough, in April, 1786.
(The Poetical Works of Robert Burns.
Vol. 1. P. 128—129)

Wee, modest, crimson-tipped flow'r,
Thou's met me in an evil hour;
For I maun crush amang the stoure
 Thy slender stem;
To spare thee now is past my pow'r,
 Thou bonnie gem.

Alas! it's no thy neebor sweet,
The bonie Lark, companion meet!
Bending thee 'mang the dewy weet!
 Wi' spreckl'd breast,
When upward-springing, blythe, to greet
 The purpling east.

Cauld blew the bitter-biting north
Upon thy early, humble birth;

Но туча мрачная прошла,
Меж тем в глуши
Ты нежно, тихо расцвела,
Цветок любви.

Сады дают цветам своим
Приют и тень — и люблю им;
Но сироту, красу полян,
Кто сбережет?
От зноя туча, иль курган
От непогод?

Из-под травы едва видна,
Цвела ты, прелести полна,
И солнца луч с тобой играл;
Но тайный рок
Железо острое наслал —
Погиб цветок...

Таков удел, Мальвина, твой,
Когда невинною душой
Ты ловишь нежные мечты;
Любовь страшна:
Как мой цветок, увянешь ты
В тоске, одна.

Певцу удел такой же дан:
Бушует жизни океан,
Не видно звезд, а он плывет,
Надежда мчит;
Он прост душой, он счастья ждет.
Челнок разбит.

И добрый, злыми утеснен,
Тому ж уделу обречен:
Никто ничем не упрекнет,
А жил в слезах;
Приюта нет: он отдохнет...
На небесах!

И я горюю о цветке;
А может быть, невдалеке
Мой черный день; и как узнать,
Что Бог велел?
Не о себе ли горевать
И мой удел?..

Yet cheerfully thou glinted forth
Amid the storm,
Scarce rear'd above the parent-earth
Thy tender form.

The flaunting flow'rs our gardens yield,
High shelt'ring woods and wa's maun shield,
But thou, beneath the random bield
O' clod or stane,
Adorns the histie stibble-field,
Unseen, alane.

There, in thy scanty mantle clad,
Thy snawy bosom sun-ward spread,
Thou lifts thy unassuming head
In humble guise;
But now the share uptears thy bed,
And low thou lies!

Such is the fate of artless maid,
Sweet flow'ret of the rural shade!
By loves simplicity betray'd,
And guileless trust;
Till she, like thee, all soil'd, is laid
Low i' the dust.

Such is the fate of simple Bard,
On Life's rough ocean luckless starr'd!
Unskilful he to note the card
Of prudent lore,
Till billows rage, and gales blow hard,
And whelm him o'er'.

Such fate to suffering worth is giv'n,
Who long with wants and woes has striv'n,
By human pride or cunning driv'n
To mis'ry's brink,
Till wretch'd of ev'ry stay but Heav'n,
He, ruin'd, sink!

Ev'n thou who mourn'st the Daisy's fate,
That fate is thine—no distant date;
Stern Ruin's ploughshare drives, elate,
Full on thy bloom,
Till crush'd beneath the furrow's weight
Shall be thy doom!

Две заметки о Пушкине и «кавказском тексте»

1

Естественный человек в русской печати XVIII — первой трети XIX века

Ю. М. Лотман и З. Г. Минц в статье «“Человек природы” в русской литературе и “цыганская тема” у Блока» отметили, что «антитеза “дикарь — цивилизованный человек”, которой оперирует современный исследователь для уяснения себе круга идей конца XVIII — начала XIX в., слишком упрощена и совсем не отражает богатства идей той эпохи»¹. В своей работе они показали специфику цыганской темы как одного из вариантов оппозиции «дикая свобода / цивилизованное общество». Полностью соглашаясь с тезисом о том, что «дикарская» тематика включает в себя различные философские течения, идеологические споры и традиции, в данной работе мы оставим в стороне мировоззренческие вопросы и попытаемся проследить всего лишь развитие сюжетов, связанных с «дикарской» темой, которые проникали в русскую печать на протяжении конца XVIII — начала XIX в.

С XVIII в. в русских журналах периодически появляются известия о жизни в Америке, и с самого начала в этих сообщениях возникает тема взаимоотношений дикого населения и европейцев, которые «против безвинных американцев некоторые бесчеловечия показывают»². Дикие американцы со временем становятся постоянными героями российской периодики, появляясь в разных сюжетах и контекстах — то в роли наивного наблюдателя, как в известном памфлете «Письмо индейца о нравах европейцев»³, то в качестве объекта изучения в этнографических очерках-путешествиях, то как персонажи военных мемуаров. Но наибольшее распространение получили два рассказа, перепечатывавшиеся в разных переводах из сборника в сборник, из журнала в журнал. Это, во-первых, рассказ «Абенаки» (печатавшийся также под заглавиями «Повесть о диком абенакизде», «Великодушные дикого», «Пример чувствительности индейцев» и др.) и, во-вторых, рассказ «Дикий америка-

¹ Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1993. Т. 3. С. 248.

² Исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях. 1729. Ч. 30. С. 119 (15 апреля).

³ Покоющийся трудолюбец. 1784. Ч. 2. С. 161—163.

нец» (то же — «Люди добрые находятся везде, даже и между дикими», «Дикий» и др., — по данным В. Д. Рака, этот рассказ перепечатывался на русском языке в разных переводах не менее десяти раз⁴). В первом из них английский офицер попадает в плен к старому индейцу, который учит его добывать себе пищу в лесу и другим полезным вещам, а потом отпускает, взяв с него клятву не воевать больше против индейцев. Во втором, наоборот, старого уставшего индейца подбирает в лесу европеец и приводит в свой шалаш. Ночью европеец, услышав, что старик встал, ожидает нападения, но выясняется, что тот молится за своего спасителя. В обоих случаях сталкиваются представители двух миров и, проявив великодушие, начинают лучше понимать и больше признавать друг друга. Подобные истории умиротворяют читателя, укрепляют в нем веру в гармонию мира, поэтому они постоянно оказываются востребованными массовой литературой, — не случайно в «Чтении для вкуса, разума и чувствований» рассказ «Абенаки, или Пример чувствительности индейцев»⁵ следует непосредственно после кровавой истории «Пример жестокости индейцев»⁶. Именно такое сочетание создает максимальный эффект: даже самые дикие и кровожадные способны проявлять великодушие и чувствительны к великодушию, проявленному по отношению к ним. Очень близкие истории рассказываются о диких животных, — не меньшим успехом, чем два названных рассказа, пользовался старый сюжет, известный под названием «Лев Андрокла»⁷, — про человека, попавшего в пещеру льва. Человек вылечил льву лапу, после чего долго жил в его пещере, лев кормил его, принося ему лучшие куски своей добычи. Позже человек был пойман и отдан на растерзание диким зверям, на него спустили того самого льва, и лев, узнав своего спасителя, «стал лизать у сего несчастного <...> ноги и руки»⁸. На основании этих трех очень популярных историй и других, им подобных, формируется набор сюжетных клише о дикаре среди европейцев или европейце среди дикарей и совершенно параллельные им сюжеты о животном среди людей или человеке среди животных. Эти повести (почти сплошь переводные)

⁴ См.: Рак В. Д. Литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века. СПб., 1998. С. 266—268.

⁵ Чтение для вкуса, разума и чувствований. 1793. Ч. 12. С. 296—301.

⁶ Там же. С. 282—295.

⁷ № 156 по системе Аарне-Томпсона; *Tubach F. C. Index exemplorum. A handbook of medieval religious tales* (FFC 204). Helsinki, 1969. № 215; Малък Э. Русская нарративная литература XVII—XVIII веков: Опыт указателя сюжетов, Лодзь, 1996. С. 84—86.

⁸ *Благодаров Я. И. Полезное и увеселительное чтение для юношества и всякого возраста...* М., 1788. С. 50.

занимают заметное место в русских журналах. Среди них можно назвать «Индейцев» У. Ричардсона (Richardson; 1761—1833)⁹, «Две любви» Э. де Жуи (Jouy; 1764—1846)¹⁰, «Жоко» М.-Ш.-Ж. Пужана (Pougens; 1755—1833)¹¹, «Дон Фебрилас» П.-Э. Лемонте (Lemontey; 1762—1826)¹², «Зюма, или Открытие целебных свойств хины» С.-Ф. де Жанлис (Genlis; 1746—1830)¹³ и др. Во всех этих сюжетах герой живет в чуждом ему (диком или цивилизованном) окружении (добровольно или вынужденно, по законам этого чуждого окружения или приспособлявая его к своим правилам). Окружение относится к нему доброжелательно, что чаще всего оказывается неожиданностью для героя, привыкшего воспринимать его как враждебное. Единственное исключение составляет антируссоистский памфлет Лемонте «Дон Фебрилас», где герой уходит от людей и живет в горах с собакой, конем, обезьяной и попугаем, считая, что животные лучше людей, а животные, напротив, оказываются агрессивными и калечат его. Существование этого текста говорит о том, что сюжетная схема уже вошла в литературный обиход и свободно обыгрывается и переворачивается. После возвращения героя к своим он в некоторых вариантах сюжета разбивает стену непонимания между своим и чужим мирами, способствуя их сближению или примирению (как, например, в повестях Жанлис «Зюма, или Открытие целебных свойств хины» и Ф. Соаве (Soave; 1743—1806) «Вильям Пенн»¹⁴ — в обеих великодушие дикарки трогает белых правителей и они, проявив в свою очередь великодушие, завоевывают тем самым доверие индейцев и подписывают с ними мирный договор). В других текстах герой не может преодолеть предубеждения своих собратьев по отношению к иному миру (как, например, в пужановской «Жоко»), наконец, возможен вариант, при котором герой, побывавший в чужом мире, отчуждается от мира собственного. Наиболее яркий пример такого развития сюжета — «Путешествие в дилижансе» Антония Погорельского¹⁵. Это единственная оригинальная повесть на подобный сюжет, напечатанная до 1830 г. Все критики, писавшие о ней, находили в ней сходство с «Жоко», хотя повесть Погорельского реализует противо-

⁹ ВЕ. 1807. Ч. 31, № 2. С. 81—107.

¹⁰ Соревн. 1821. Ч. 13, № 3. С. 361—384.

¹¹ МТ. 1825. Ч. 2, № 8. С. 336—351; Ч. 3, № 9. С. 41—59; № 10. С. 134—144.

¹² Благ. 1818. Ч. 4, № 12. С. 274—286.

¹³ Благ. 1822. Ч. 19, № 33. С. 241—265; № 34. С. 281—301.

¹⁴ Благ. 1819. Ч. 6, № 7. С. 38—43.

¹⁵ *Погорельский А.* Двойник, или Мои вечера в Малороссии. СПб., 1828. Ч. 2. С. 128—198.

положный вариант сюжета. Эта противоположность в рамках единой схемы прекрасно прочитывалась критиками: «Пужанова “Жоко” дала повод автору описать обезьян в “Путешествии в дилижансе”. Пужан рассказывает, что сделалось с обезьяною, попавшеюся в общество человека; наш автор говорит, что сделалось с человеком, попавшимся в общество обезьян», — писал рецензент «Московского телеграфа»¹⁶.

Стоит отметить, что за повестью Погорельского — единственной, реализующей вариант маленького ребенка, воспитанного среди диких зверей, — просматривается также реальная история Викторá, «аверонского дикаря». Обнаруженный впервые в 1797 г. на юге Франции мальчик, выросший в лесу и демонстрировавший повадки дикого животного, с 1800 г. находился под пристальным наблюдением ученых. Первое научное описание этого случая опубликовал французский аббат и естествоиспытатель Пьер-Жозеф Боннатер (Bonnatere; 1752—1804), наблюдавший Виктора сразу после его попадания в человеческую среду¹⁷. Затем в течение нескольких лет мальчик жил при больнице для глухонемых, где его воспитанием, обучением и исследованием занимался врач Жан Марк Гаспар Итар (Itard; 1774—1838), также опубликовавший подробные отчеты о состоянии и развитии Викторá¹⁸. История Викторá привлекала внимание философов, медиков и естествоиспытателей, ей посвящались статьи и исследования. В 1802 г. в первой части «Вестника Европы» Н. М. Карамзин напечатал перевод статьи Жозефа-Мари де Жерандо (Gérando; 1772—1842) «О диком человеке в Париже»¹⁹. Однако, по-видимому, история французского дикаря, если и получила известность в России, рассматривалась исключительно в научно-философском контексте и не ассоциировалась с художественной литературой — во всяком случае, после появления повести Погорельского никто не сопоставил ее с очевидно близкой историей Викторá. «Путешествие в дилижансе» сочли подражанием пужановской

¹⁶ МТ. 1828. Ч. 20, № 7. С. 360.

¹⁷ *Bonmatere P.-J.* Notice historique sur le sauvage de l'Aveyron, et sur quelques autres individus qu'on a trouvés dans les forêts, à différentes époques. Paris, an VIII [1800].

¹⁸ *Itard J. M. G.* 1) De l'éducation d'un homme sauvage, ou Des premiers développemens physiques et moraux du jeune sauvage de l'Aveyron. Paris, [1801]; 2) Rapport fait à son excellence, le ministre de l'intérieur sur les nouveaux développemens et l'état actuel du sauvage de l'Aveyron. Paris, 1807.

¹⁹ ВЕ. 1802. Ч. 1, № 3. С. 14—19. В оригинале: «Rapport fait à l'Institut national, sur l'enfant appelé. Le sauvage de l'Aveyron»; источник установлен в кн.: Сводный каталог сериальных изданий (1801—1825). СПб., 1997. Т. 1 (А—В). С. 194, № 04831.

«Жоко», фабульно гораздо более далекой, но воспринимавшейся как часть единой сюжетной традиции.

Итак, можно говорить о том, что русской публике был достаточно хорошо знаком комплекс рассмотренных сюжетов, и, судя по тому, как охотно журналы печатали подобные переводные тексты, логично было бы ожидать появления аналогичных оригинальных повестей. Однако этого почему-то не происходит, Погорельский со своей обезьяной остается в одиночестве.

Конечно, русские авторы редко оказывались в Америке и едва ли могли достаточно изучить жизнь и характер индейцев, чтобы создать свой вариант «дикарского» сюжета на американском материале. Но со второго десятилетия XIX в. в России начинает активно формироваться образ собственного «дикаря». Этим дикарем становится кавказский горец. Кажется, первым параллель между индейцами и горцами провел Павел Свиньин в «Опыте живописного путешествия по Северной Америке»: «Не могу <...> не упомянуть здесь о замеченном мною удивительном сходстве их (индейцев. — *Т. К.*) с горными жителями Кавказа»²⁰. Тем же сравнением воспользовался Г. В. Гераков в «Путевых записках по многим российским губерниям»: «Мы стояли на берегу и с изумлением смотрели, как сии дикари гоняли быков из Моздока через Терек <...> кажется, видишь американцев в самой своей дикости»²¹. В двадцатые—тридцатые годы очерки о Кавказе становятся весьма популярны. Описание горцев как дикарей имеет в них характер общего места. Так, например, в «Письмах Х... Ш... к Ф. Булгарину, или Поездке на Кавказ» коренное население Кавказа описывается следующим образом: «Все горские обитатели имеют какую-то дикость, какое-то особое понятие о свободе и большую склонность к войне»²², «скитаясь <...> по утесам, вертепам и пропастям, привыкают к уединению, к перенесению многообразных трудов, суровости воздуха и некоторой независимости, весьма близкой к состоянию первобытных диких народов или диких зверей»²³. Свиньин, сопоставляя индейцев с горцами, совсем близко подходит к интересующей нас теме: «У сих, так и у тех, равное отвращение к обычаям европейцев и всем выгодам, получаемым в жизни от просвещения. Бывали примеры, что англичане брали

²⁰ Свиньин П. П. Опыт живописного путешествия по Северной Америке. СПб., 1815. С. 176.

²¹ Гераков Г. В. Путевые записки по многим российским губерниям. 1820. М., 1828. Т. 1. С. 75.

²² СА. 1828. Ч. 34, № 7. С. 71.

²³ Там же. С. 72.

индейских детей, давали им самое лучшее воспитание и они по счастливым способностям делали удивительные успехи; но, получив свободу, кидали европейское платье, раскрашивались наиболееобразнейшим образом и возвращались в первоначальную дикость. Так как черкес, вышедши из русского университета, подвиги просвещения начинает в горах своих кражею лошадей!»²⁴. Часть, касающаяся индейцев, очень близка к сюжету популярной повести «Кураме»²⁵, где заблудившуюся в лесу индейскую девочку воспитывают в своем доме европейцы, дают ей прекрасное образование, но, когда в город приходит депутация индейцев, Кураме убегает с ними, и через несколько лет ее встречают в индейской деревне, где она счастливо живет замужем за своим соплеменником. Казалось бы, все готово для появления на кавказской почве рассмотренного выше дикарско-животного сюжета. Да и за примерами недалеко ходить — многие путешественники по Кавказу упоминают владикавказского коменданта И. П. Дельпоццо (1739—1821), побывавшего в чеченском плену и сумевшего завоевать авторитет у горцев.

Но историю русского, попавшего к горцам, уже использовали в русской литературе. Речь, конечно же, идет о пушкинском «Кавказском пленнике». Однако Пушкин, как известно, ориентировался на другой образец — на восточные поэмы Байрона, в первую очередь — на «Корсара»²⁶. «Восточная» повесть о пленнике имела совсем другой сюжет — здесь важна была любовная коллизия между пленником (обычно больным или раненым) и девушкой, ухаживающей за ним или тайком приносящей ему еду и питье и помогающей освободиться (ср., например, повесть «Измаил и Мариам»²⁷, «Емизинда»²⁸ и др.). Здесь иногда возникает мотив различия веры как препятствия к соединению пленника со своей спасительницей, но нет момента узнавания в представителе чужого мира такого же человека, поскольку речь идет не о дикарях, а о людях другой, но весьма развитой культуры. Влияние Байрона на русскую романтическую литературу было очень велико, ассоциации с ним опознавались с полуслова — в том числе и в «Кавказском пленнике». Влияние же Пуш-

²⁴ *Свиньин П. П.* Опыт живописного путешествия по Северной Америке. С. 179.

²⁵ МТ. 1826. Ч. 9, № 10. Отд. II. С. 78—102.

²⁶ См. об этом: *Жирмунский В. М.* Байрон и Пушкин; Пушкин и западные литературы: Избр. труды. Л., 1978; подробно о соотношении «Кавказского пленника» с байроновскими поэмами см.: *Проскурин О. А.* «Кавказский пленник»: Комментарий // Пушкин А. С. Соч. / Комментар. изд. под ред. Д. М. Бетеа. М., 2007. Вып. 1 (Поэмы и повести. Ч. 1). С. 188—193.

²⁷ Соревн. 1819. Ч. 7, № 9. С. 282—308.

²⁸ ВЕ. 1814. Ч. 77, № 17. С. 3—28.

кина на последующую литературу было равносильно жесточайшему законодательству. После «Кавказского пленника» сюжет о русском пленнике стал исключительно восточным, любовным, байроническим сюжетом. Как отметил В. М. Жирмунский, «пленение европейца (русского) и жизнь его в экзотической обстановке мусульманского Востока, любовь туземной красавицы, попытка бегства, удачная или неудачная, образуют у подражателей Пушкина и Байрона прочный сюжетный остов»²⁹. Таковы, например, хрестоматийные «Киргизский пленник» (1828) Н. Н. Муравьева, «Пленник Турции» (1830) Д. Д. Комисарова и др. Итак, в беллетристике, в отличие от очерков и «путешествий», Кавказ оказался включен в число инокультурных, а не диких пространств.

Думаю, что именно это не позволяло рассматриваемому нами сюжету о европейце, попавшем к дикарям, появиться на кавказском материале. В пользу такой гипотезы, как кажется, говорит текст, на который обратила внимание М. А. Тахо-Годи, — «Письма о Кавказе и Грузии», опубликованные до появления пушкинской поэмы Фредерикой Фрейганг (Freycang, урожд. Кудрявская; 1789—1863)³⁰, где, в частности, описывается история пленения владикавказского коменданта Дельпоццо. В изложении Фрейганг эта история хранит явные следы нашего сюжета: герой попадает в плен к чеченцам, которые держат его у себя в надежде на выкуп. Несмотря на жестокость обращения с пленником, чеченцы постепенно проникаются к нему доверием. «...Они часто приходили к нему советоваться по своим делам или с просьбой рассудить их споры. Выносимые им решения сделали его в какой-то мере верховным судьей этого дикого народа»³¹. Местные женщины иногда приносят ему еду, жалеют его, но не решаются освободить. В результате русские выкупают пленника, который впоследствии, сделавшись комендантом, «решительно сочувствует <...> дикарям, среди которых живет давно, и он сохраняет эту особенную любовь к ним, несмотря на страдания, которые вынес у чеченцев»³². То есть герой, попавший в чуждое окружение, оказывает врагам услуги, завоевывает доверие и сочувствие и сам проникается сочувствием к чуждому миру. Это пересказ

²⁹ Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. С. 239.

³⁰ Freycang F. Lettres sur le Caucase et la Géorgie suivies d'une Rélation d'un voyage en Perse en 1812. Hambourg, 1816.

³¹ Цит. по: Тахо-Годи М. А. Кавказ и «кавказские пленники» глазами путешественников начала XIX в.: Ксавье де Местр и Фредерика Фрейганг // Дарьял: Литературно-художественный и общественно-политический журнал. 2001. № 1. С. 211.

³² Там же. С. 210.

реальной истории (как уже говорилось выше, она упоминается многими побывавшими в то время на Кавказе), однако, как кажется, рассказ строится с ориентацией на известную модель «дикарского» сюжета. После публикации пушкинской поэмы нам не удалось обнаружить подобных текстов вплоть до тридцатых годов.

Одновременно в путевых заметках и этнографических очерках горцы продолжают описываться как дикари, подобные диким американцам. Более того, общим местом в этих заметках становится опровержение «Кавказского пленника». Так, например, в анонимных «Письмах с Кавказа»³³ офицер, читавший Пушкина на Кавказе, разочаровался в черкесах, не видя в них ни красоты, ни воинственной силы. Ему объясняют, что «Пушкин <...> описывал черкесов диких, в первобытной их свободе. Здешние покорены русскому оружию. Ведя жизнь тихую и мирную, не имея нужды сражаться, они сделались похожи более на поселян, нежели на воинов»³⁴. Н. Пауль в «Кавказских картинах» описывает освобождение русскими пленного казака, которому, пока он томился у горцев, «три бравые (как выражался он с улыбкой) девки украдкой давали <...> головку кукурузы». Далее следует ссылка на «Кавказского пленника» и затем такой пассаж: «Полунагая чеченка, прикрытая лохмотьями, с тряпкой на голове вместо покрывала, с босыми ногами и черствыми руками, есть не что иное, как неопрятное создание, раздавленное домашней работой; сие творение руководствовалось только животным состраданием, когда бросало головку кукурузы пленному линейцу, лицо коего было вывеской неподвижной глупости»³⁵.

С другой стороны, даже авторы, претендующие на документальность изображения «дикого» Кавказа, порой не могут совладать с давлением пушкинского текста. Так, в «Письмах Х... Ш... к Ф. Булгарину» после обычного описания дикости горцев, «весьма близкой к состоянию первобытных диких народов или диких зверей», автор заговаривает о черкешенках — и тон его разительно меняется: «Лица их самые выразительные; глаза черные, пылающие страстию; волосы и брови черные, как уголь; тело белое, как снег Элбуруса; щеки алые, как роза кавказская; губы пурпуровые, украшенные удивительно прекрасными зубами. Так горцы описывают своих красавиц в песнях, и справедливо. — Языки восточные всегда украшаются сравнениями, нередко превышающими всякое вероятие»³⁶. Одно упоминание о чер-

³³ МТ. 1830. Ч. 33 № 10. С. 167–196, № 11. С. 313–339 (подпись: П. С.).

³⁴ Там же. № 11. С. 321.

³⁵ Телескоп. 1833. Ч. 16, № 15. С. 329–330.

³⁶ СА. 1828. Ч. 34, № 7. С. 89–90.

кешенках мгновенно переносит повествователя из диких гор на цветистый романтический Восток.

Кажется, первым, кому удалось вырваться из замкнутого круга восточного «Кавказского пленника» и создать собственно кавказские сюжеты, стал А. Бестужев-Марлинский. Его «Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев» (1831) очевидно ориентирован на этнографические очерки, и пленение героя сразу объявляется удобнейшей позицией для изучения изнутри нравов горцев. Но уже в повести «Аммалат-бек» (1831) выстраивается вполне сложная оригинальная сюжетная конструкция. В этой повести чувствуются следы восточных поэм — например, когда Селтанета впервые приходит к раненому Аммалату: «Аммалат послышал тихие, осторожные шаги по коврам спальни. Он приподнял тяжелые веки, и сквозь сеть ресниц показалось ему, что прелестная черноокая девушка <...> тихо приблизилась к его ложу...»³⁷ и т. д. Но любопытно другое. В первой относительно самостоятельной прозаической повести о Кавказе отчетливо прослеживается все тот же знакомый нам сюжет о дикаре, попавшем в плен к европейцам (русским), о том, как русский офицер спас пленника от смерти, поселил у себя, научил читать, писать, чисто говорить по-русски, с тем чтобы, вернувшись к своим, он больше не воевал с русскими и способствовал примирению враждующих сторон. Конечно, время было уже другое и руссоистская идиллия ушла в прошлое — трагический финал «Аммалат-бека» лишнее тому доказательство (как, впрочем, и трагический финал написанного за четыре года до него «Путешествия в дилижансе», первой оригинальной русской повести, реализовавшей наш сюжет в варианте «человек — животное»). Но сам сюжет, и именно на кавказском материале, все-таки дождался своего часа. Литературные гиганты порой вмешиваются в мирное и достаточно легко прогнозируемое развитие сюжетов, заставляя их сворачивать с намеченного пути. Думаю, что в данном случае произошло как раз такое вмешательство и Пушкин, следуя за Байроном, отсрочил появление кавказско-дикарской повести на добрых десять лет.

2

«les eaux — une saison...»

Пушкинский замысел Кавказского романа: к истории «водной» литературы

В первой заметке было показано, как пушкинское воздействие изменило судьбу сюжета и повернуло его в сторону от того направ-

³⁷ Бестужев-Марлинский А. А. Соч.: В 2 т. М., 1981. Т. 2. С. 30.

ления, в котором двигала его вся логика предшествующей традиции. В этой, второй, заметке мы остановимся на другом кавказском сюжете, в ход которого Пушкин собирался вмешаться, но не осуществил своего намерения. Здесь нам остается только предполагать, каковы могли быть последствия этого вмешательства, если бы замысел был воплощен.

От пушкинского замысла «<Романа на кавказских водах>» осталось очень немного — отрывок первой главы и несколько кратких планов (ПД 268—274), во многом противоречащих друг другу, так что ни один не может быть дополнен недостающими деталями другого. Тем не менее, когда читаешь эти немногие материалы, создается впечатление, что сюжет по ним реконструируется достаточно легко. Не в последнюю очередь это связано с тем, что пушкинский замысел прекрасно ложится в традицию «водной» литературы. Наличие такой традиции очевидно для любого современного читателя. Однако речь идет о читателе, воспитанном на «Герое нашего времени» Лермонтова и вынесшем свое представление о жанре в первую очередь из «Княжны Мери», — вопрос состоит в том, насколько ощутимой была эта традиция в момент работы Пушкина над замыслом романа, адекватно ли наше интуитивное заполнение лакун на основании более позднего опыта и, наконец, что мог бы внести в «водную» литературу пушкинский роман.

В русской литературе к моменту появления пушкинского замысла «романов на водах» не было. Комедия А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (1815), подчиненная комедийному канону и решавшая совсем другие жанровые и полемические задачи, полностью лишена «водной» специфики, хотя действие и происходит на водах. Однако в европейской литературе «водная» тематика была уже представлена достаточно широко.

По-видимому, распространение моды на литературу о целебных водах началось после выхода в 1734 г. книги немецкого литератора Карла Людвиг барона фон Пёльница (Pöllnitz; 1692—1775) «Развлечения на водах Спа»³⁸. Книга фон Пёльница представляет собой просто путеводитель — описание вод, свойств источников, местных ландшафтов и достопримечательностей, предназначенное для посетителей Спа. Однако в последующих аналогичных сочинениях сразу же проявилась отчетливая тенденция к беллетризации путеводи-

³⁸ Pöllnitz K. L. Amusemens des eaux de Spa: Ouvrage utile à ceux qui vont boire ces eaux minérales sur les lieux. Enrichi de tailles-douces, qui représentent les vues & perspectives du bourg de Spa, des fontaines, des promenades, & des environs. Amsterdam, 1734

телей по водам. Так, в книге Давида-Франсуа Мервейё (Merveilleux; 1652—1712) «Развлечения на водах Бада в Швейцарии, Шинцнаха и Пфедера с описанием и сравнением этих вод с источниками Швальбаха и других вод империи»³⁹ краткие сообщения собственно об источниках и местах, где они находятся, сопровождаются пространным юмористическим описанием местного общества и анекдотами, связанными с этим обществом, причем анекдоты, в начале совсем краткие, к концу книги становятся все длиннее и занимают уже большую часть текста. Вся книга построена в виде писем, что также приближает ее к беллетристике. В путеводителях-описаниях появляются беседы между представителями водного общества и истории, рассказываемые во время этих бесед (см., например, «Развлечения на водах Экс-ла-Шапель» того же Пёльница⁴⁰) или приложенные к ним дополнительные повествования (например, «Развлечения на водах Швальбаха» Мервейё⁴¹). Однако, несмотря на очевидное приближение к беллетристике, эти книги сохраняют внешнюю форму путеводителя по водам: на вклейках приводятся карты местности, ландшафты, изображения основных строений. В повествование вводятся рассказы медиков о здешних водах и советы по их использованию. Эти и подобные сочинения неоднократно издавались и переиздавались на протяжении XVIII в. на французском, немецком и английском языках⁴². Ни одного перевода подобных книг на русский язык обнаружить не удалось.

В русской литературе беллетризованные описания вод не получили распространения. Благоустройство и введение в моду Кавказских минеральных источников сопровождалось большим количеством их

³⁹ *Merveilleux D.-F.* Amusemens des bains de Bade en Suisse, de Schintznach et de Pfeffers, avec la description et la comparaison de leurs eaux avec celles des bains de Schwalbach et autres de l'Empire: Le tout accompagné d'histoires et d'anecdotes curieuses. Londres, 1739

⁴⁰ *Pöllnitz K. L.* Amusemens des eaux d'Aix-la-Chapelle: Ouvrage utile a ceux qui vont y prendre les bains, ou qui sont dans l'usage de ses eaux: Enrichi de tailles-douces, qui représentent les vues & perspectives de cette ville, de ses bains & fontaines, eglises & edifices publics. Amsterdam, 1736.

⁴¹ [*Merveilleux D.-F.*] Amusemens des eaux de Schwalbach, des bains de Wisbaden et de Schlangenbad, avec deux relations curieuses, l'une de la nouvelle Jérusalem [par Lavoy], et l'autre d'une partie de la Tartarie indépendante. Liège, 1738.

⁴² См., например: *La Solle H.-F. de.* Amusemens des eaux de Passy. Paris, 1787; Amusemens des eaux de Cleve, oder Vergnügungen und Ergötzlichkeiten bey denen Wassern zu Cleve zum Nutzen derjenigen welche die angenehme Gegenden und Merkwürdigkeiten besehen oder diese Mineral-Wasser gebrauchen wollen, entworfen von einem Mitgliede der Brunnen-Gesellschaft. Lemgo, 1748; и др.

научных описаний⁴³. Эти труды не предполагали характеристики местного общества и нравов и оставались сугубо медико-географической литературой. Ни малейших намеков на движение к беллетризации в них не просматривалось. В то же время в печати появлялись записки путешественников о Кавказе, включавшие и путешествие на воды («Письма Х... Ш... к Ф. Булгарину, или Поездка на Кавказ»⁴⁴; «Письма с Кавказа» П. С.⁴⁵; «Записки во время поездки из Астрахани на Кавказ и в Грузию» Н. А. Нефедьева⁴⁶; «Прогулка к Кавказским минеральным водам» И. Т. Радожицкого⁴⁷ и др.). В подобных текстах нередко встречались описания водного общества, его времяпрепровождения, разговоров у источников, — они отражали сложившиеся стереотипы описания водной жизни, но все это оставалось в рамках путевых заметок, не превращаясь в развернутые анекдоты или повести.

По-видимому, поворотным моментом в истории европейской «водной» литературы стало появление в 1771 г. романа «Путешествие Хамфри Клинкера», написанного шотландским писателем и врачом Тобайасом Смоллеттом (Smollett; 1721–1771). Здесь, кажется, впервые описание вод входит в ткань романа, но оно по-прежнему отчетливо сохраняет следы родства с жанром беллетризованного путеводителя и медицинского руководства. В «Путешествии Хамфри Клинкера» присутствуют сведения о городе, ваннах, составе воды и ее действии при различных болезнях. Традиция описания вод здесь уже вполне осознана и обыграна: в письмах героев, особенно брюзжащего мистера Брамбла, элементы «водных» путеводителей приобретают откровенно комический характер. Наиболее комической оказывается фигура лекаря, рассуждающего о пользе зловония. Роман Смоллетта был переведен на русский язык⁴⁸, но широкого распространения в России, по-видимому,

⁴³ См., например: *Нелюбин А. П.* Полное историческое медико-топографическое, физико-химическое и врачебное описание Кавказских Минеральных Вод. СПб., 1825; *Савенко П. Н.* Кавказские минеральные воды. СПб., 1828; *Конради Ф.* Рассуждение о искусственных минеральных водах, с приобщением новейших известий о Кавказских минеральных источниках. СПб., 1831 и др.

⁴⁴ СА. 1828. Ч. 32, № 3. С. 114–147, № 4. С. 228–283; Ч. 33, № 5. С. 63–115, № 6. С. 208–270; Ч. 34, № 7. С. 40–109, № 8. С. 194–152; Ч. 35, № 9. С. 98–152, № 10. С. 220–294.

⁴⁵ МТ. 1830. Ч. 33 № 10. С. 181–196, № 11. С. 313–339.

⁴⁶ Записки во время поездки из Астрахани на Кавказ и в Грузию в 1827 году Н... Н... М., 1829.

⁴⁷ ОЗ. 1823. Ч. 16, № 44. С. 387–411; 1824. Ч. 17, № 45. С. 91–104; № 46. С. 202–225; № 47. С. 411–456.

⁴⁸ Путешествие Гумфрия Клинкера. Творение г. Фильдинга <!>, переведенное с немецкого Иваном Захаровым. СПб., 1789. Ч. 1–3.

не получил. Совсем неизвестным русскому читателю остался один из основных литературных предшественников «Путешествия Хамфри Клинкера» в части описания вод Бата – сатирическая нравоописательная поэма Кристофера Энсти (Anstey, 1724–1805) «Новый путеводитель по Бату»⁴⁹, уже само название которой подтверждает гипотезу о тесной и осознававшейся современниками связи между собственно художественными описаниями вод и жанром беллетризованных путеводителей.

После Смоллетта посещение героями романов водных курортов стало столь же естественным сюжетным ходом, как отъезд в деревню или, наоборот, посещение столицы и описание столичного высшего света. Развернутые картины вод и водного общества можно найти, например, в знаменитом романе английского писателя Эдуарда Булвера-Литтона (Bulwer-Lytton; 1803–1873) «Пелэм, или Приключения джентльмена» (1828). Наибольшую известность среди «водных» романов приобрели «Сент-Ронанские воды» (1824) Вальтера Скотта. Этот многоплановый нравоописательный и авантюрный роман из современной жизни представляет собой наиболее полное воплощение «водного» повествования, вобравшее в себя все уже сложившиеся элементы описания водного общества, на фоне которого разворачивается сложный романский сюжет.

Итак, каковы же основные характерные черты «водного» текста?

Во-первых, на водах происходит смешение людей, принадлежащих к разным слоям общества и не имеющих шанса встретиться в другой ситуации. Болезни, общие очереди в ванны, к источникам, обязательный моцион между выпитыми стаканами воды вынуждают людей общаться с теми, кто случайно оказывается рядом или страдает той же болезнью. Изображение этого экзотического перемешанного общества стало обязательной частью любого «водного» повествования. «Здесь мы найдем министров, судей, генералов, епископов, прожектеров, философов, остроумцев, поэтов, актеров, аптекарей, уличных музыкантов, балаганных шутов <...> здесь в публичных залах смешиваются представители всех сословий без различия положения и состояния»⁵⁰. Подобные замечания есть и у Вальтера Скотта, и у Булвера-Литтона — и, собственно, у всех, писавших о водах, в том числе и в русских путешествиях по Кавказу, где именно этой чертой характеризуется водное общество: «...в общей зале знакомятся и в приятных беседах проводят время нечувствительно. Чинов здесь не наблюдают, и все делается равными — в человеческой немощи.

⁴⁹ Anstey C. The New Bath Guide. Cambridge, 1766

⁵⁰ Смоллетт Т. Путешествие Хамфри Клинкера / Пер. с англ. А. Кривцовой. М., 1983. С. 73.

Это собрание разного звания людей в теплых одеждах среди лета, при различной пестроте и покрое, представляет довольно забавный маскарад»⁵¹ или: «Нигде нельзя так скоро знакомиться, как у ванн: здесь всегда встречаются одни и те же лица и, разделяя общую участь ожидать иногда по несколько часов очереди, вступают в разговоры о роде болезни каждого, о действии вод, о том, кто откуда приехал, о новостях местных и сторонних и проч.»⁵². По-видимому, появляющиеся в трех планах пушкинского «<Романа на кавказских водах>» пункты «Кто были посетители и жители», «Общество на водах», «весна, кто живет на Кавказе» (Акад. Т. 8. С. 966, 967, 965) связаны именно с этой общепринятой чертой описания «водного» общества.

Из этого основного свойства «водных» нравов и «водных» текстов следует еще одно: здесь легче, чем где бы то ни было возникают романы, чему способствуют рекомендуемые врачами пешие или конные прогулки по окрестностям. При такой легкости знакомств и в силу смешанности общества у предприимчивого человека появляется редкая возможность найти выгодную партию. В романе Смоллетта значительная часть событий в Бате связана с надеждами мисс Табиты Брамбл на брак с сэром Уликом Маккалигутом, который проявляет к ней явный интерес, пока не выясняет истинные размеры ее состояния. В «Сент-Ронанских водах» небогатая девица умело завлекает под венец сэра Бинго Бингса (гл. 6); подобную историю находим в рассказе «Одна из сцен у минеральных вод в Америке»⁵³. В «Княжне Мери» эта черта курортной жизни формулируется как общее правило: «Здесь, на водах, преопасный воздух; сколько я видел прекрасных молодых людей, достойных лучшей участи и уезжавших отсюда прямо под венец»⁵⁴. Мотив вод, как места, где ищут мужа, получил отражение в пушкинском фрагменте начала романа — Поводова желает Маше вернуться с вод замужней. В отмененном раннем варианте он проступает еще явственнее: «мало ли наших военных в тамошнем краю — а им то [кра<савицы>] женщины в диковинку. Наткнешься на какого-нибудь холостого генерала» (Акад. Т. 8. С. 964). В одном из планов (ПД 271) упоминаются «<з>релье <?> невесты» (Там же. С. 966). К этой же теме, по-видимому, относится и пункт: «все дамы на гуляньи ждут Якуб<овича>. Он является — с братом, который представляет его — *Его ловят*, он влюбляется в Марию» (Там же. Курсив наш).

⁵¹ *Радожницкий И.* Прогулка к Кавказским минеральным водам // ОЗ. 1824. Ч. 17, № 45. С. 100—101.

⁵² [*Нефедьев Н. А.*] Записки во время поездки из Астрахани на Кавказ и в Грузию в 1827 году Н... Н... С. 46.

⁵³ ВЕ. 1829. Ч. 163, № 3. С. 235—249.

⁵⁴ *Лермонтов М. Ю.* Соч.: В 6 т. М.; Л., 1957. Т. 6. С. 306.

Еще одна характерная черта «водных» текстов — рассказы о махинациях разнообразных мошенников, съезжающих на воды, чтобы ловить скачущих посетителей в искусно расставляемые ими сети. В романе Смоллетта упоминаются бильярдисты, завлекшие в игру богатого наследника и вытянувшие у него несколько сотен фунтов стерлингов⁵⁵. В «Сент-Ронанских водах» действуют карточные шулеры, которые становятся частыми персонажами «водных» текстов. Анонимный русский путешественник по Кавказу писал об игроках, вздумавших «позаботиться <...> о поправлении здоровья кошельков своих, которое от долгого пребывания на Кавказе весьма легко может расстроиться»⁵⁶. Карточные мошенники фигурируют и у Пушкина («банкометы (сотр<удники>) Якуб<овича>» в плане ПД 271 — Акад. Т. 8. С. 966).

Среди традиционных персонажей «водной» литературы, сохранившихся еще со времен первых путеводителей, были местные врачи, общающиеся приезжим сведения о водах и старающиеся залучить ново-прибывших в качестве пациентов. После Смоллетта за этими персонажами прочно закрепилось комическое амплуа или, во всяком случае, роль чудаков — таков доктор Квентин Квеклебен у Вальтера Скотта, таков, по-видимому, малороссийский лекарь-поэт Хохленко в пушкинских планах. Черты лекаря-чудака сохраняет и романтизированный доктор Вернер в «Княжне Мери».

Наконец, почти всегда на водах присутствует девушка или молодая женщина, страдающая нервным расстройством или (в более поздних текстах) чахоткой, как правило, вследствие несчастной любви. Героиню «Путешествия Хамфри Клинкера» увозят на воды после нервической горячки, связанной с любовной историей. Нервным расстройством, вызванным любовью и несчастным замужеством, страдает и Клара Моубрей из «Сент-Ронанских вод» В. Скотта. В наброске начала «<Романа на Кавказских водах>» героиня «с бледным прекрасным лицом и черными огненными глазами» (Акад. Т. 8. С. 412) больна, а в литературе того времени болезнь молодой девушки вызывалась, как правило, душевными переживаниями — примеров можно привести множество⁵⁷. Прототип героини «<Романа на Кавказских водах>»

⁵⁵ См.: Смоллетт Т. Путешествие Хамфри Клинкера. С. 77.

⁵⁶ Письма с Кавказа // МТ. 1830. Ч. 33, № 11. С. 337.

⁵⁷ Ср. пушкинскую «Метель», а также: Монтолье И. Возвращение Морица на родину // ВЕ. 1812. Ч. 61, № 2; Бальдауф Ф. И. Горный дух // Благ. 1821. Ч. 15, № 13; Нарезный В. Т. Мария // Новые повести Василия Нарезного. СПб., 1824; Яковлев М. Судьба // Невский альманах на 1826 г. СПб., 1825; Ирвинг В. Аннета Деларбр // МТ. 1828. Ч. 20, № 6; и многие другие.

Александра Римская-Корсакова пережила тяжелейшую нервную горячку после разрыва с Н. А. Самойловым, о чем много судачили в Москве. У Пушкина врачи рекомендуют героине лечение железными водами, которые считались особенно эффективными для страдающих болезнями, вызванными нервными расстройствами: «Железными теплыми водами уничтожается местное и общее расслабление нашего организма, зависящее от <...> душевных и телесных напряжений, от продолжительных нервных и других изнурительных болезней»⁵⁸; «...болезнь сия («нервная слабость». — Т. К.) требует исключительно употребления железных и углекислых минеральных вод»⁵⁹.

Нет необходимости подробно останавливаться на вопросе о непосредственном воздействии на пушкинский замысел «Сент-Ронанских вод» (он был рассмотрен в работе Н. В. Измайлова⁶⁰) — приведенных выше примеров, как кажется, достаточно, чтобы говорить о том, что этот замысел во многом соответствовал тем общим правилам, которые предлагала существующая «водная» литература: движущими пружинами любовно-авантюрного сюжета были легко возникающие в свободном и смешанном «водном» обществе любовные отношения, какую-то роль в истории играли карточные мошенники и местные врачи, сражающиеся за пациентов.

Все эти черты мы в той или иной степени находим и в лермонтовском «водном» романе (разве что карточные мошенники там не обозначены, но компания драгунского капитана берется за мошенничество иного рода). Более того, «Княжна Мери» содержит вполне явную рефлексию жанра — характерные черты «водного» повествования там продемонстрированы со всей очевидностью. Поэтому, уже выделенные и подчеркнутые Лермонтовым, они воспринимаются нами у Пушкина как знакомые и легко распознаваемые. И такое интуитивное восприятие не вступает в противоречие с историей литературы, поскольку Лермонтов через десять лет после Пушкина опирался на ту же литературную традицию.

Однако в пушкинском замысле была своя специфика, отсутствующая в европейской литературе. Она была связана с особенностями именно кавказских водных курортов: фешенебельное водное общество находилось в непосредственной близости от воинственных и до конца не покоренных кавказцев. Это соседство и потенциальная

⁵⁸ Савенко П. Н. Кавказские минеральные воды. С. 137—138 (книга имелась в библиотеке Пушкина, см.: Библиотека П. № 345).

⁵⁹ Нелюбин А. П. Полное историческое медико-топографическое, физико-химическое и врачебное описание Кавказских Минеральных Вод. С. 556.

⁶⁰ Измайлов Н. В. «Роман на Кавказских водах»: Неосуществленный замысел Пушкина // Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1975. С. 206—209.

опасность, в той или иной степени угрожающая путешественникам, приезжающим на воды, обязательно отмечались всеми, писавшими о кавказских водах. Эту специфику, в частности, показал Марлинский в «Вечере на кавказских водах». Кратко перечислив стандартный набор черт «водного» общества («Зачем мы все здесь? <...> Сделайте подобный вопрос каждому из нас, и все скажут: лечиться; но кроме этого есть побочные или главные цели у многих. Одни приезжают рассеяться любовными связями; другие — остепениться женитьбой; третьи — поправить картами несправедливость фортуны; иные, чтоб не упустить из виду умирающего богача-родственника...»⁶¹), он упомянул о персонаже, который, заметив, что все участники вечерней беседы выходят из ресторации, «поспешил последовать общему движению и забился в середину толпы, чтобы, в случае нападения горцев, быть в безопасности, по крайней мере, от выстрелов <...>. Дорогою успел он наскзать о зверстве и дерзости чеченцев тьму ужасов: как два года тому назад они увезли отсюда двух дам с дочерьми...»⁶². У Марлинского «водное» общество и тематика служат лишь рамкой для рассказывания самостоятельных историй — такое построение, как уже говорилось, встречалось в европейских «Развлечениях на водах», — но не превращаются в собственно «водный» сюжет. Пушкинский роман, если бы был написан, мог открыть путь такому специфически кавказскому направлению жанра.

Вернемся к рассмотренной в первой заметке тенденции развития сюжета о «диких горцах» и о взаимопроникновении «дикого» и «цивилизованного» миров. В ее контексте пушкинский замысел, герой которого был причастен к миру горцев, дикому и непредсказуемому, расположенному в непосредственной близости от светского общества, обосновавшегося на водах, мог дать совершенно новое направление «водной» литературе, существенно видоизменив европейскую традицию. Но пушкинский роман не был написан. Вместо него десять лет спустя, когда воспоминание о горских набегах стало легендой, а безукоризненное подражание внешнему облику черкеса — признаком истинного денди, появилась повесть «Княжна Мери». Момент, когда горский мир мог вторгнуться в «водный» сюжет, был упущен, и вместо того, чтобы открыть путь новому, специфически кавказскому авантюрному роману на водах, Лермонтов чеканно утвердил в русской литературе существующую европейскую традицию, одновременно открыв путь совсем другому жанру — русскому психологическому роману.

⁶¹ *Бестужев-Марлинский А. А.* Соч. Т. 1. С. 263.

⁶² Там же. С. 308.

Об одном «драматическом изучении» Пушкина

В ноябре 1830 г., собираясь объединить написанные в Болдине драматические тексты в единый цикл, Пушкин нарисовал проект обложки. На ней — рыцарь в латах, голова старика, этюды дерева, листвы. А рядом — последовательно возникавшие варианты заглавия: «Драматические сцены», «Драматические очерки». Эти варианты поэту не понравились: и понятие *сцены*, и понятие *очерки* не предполагали «объединяющей» составляющей. Потом Пушкин нашел более точное слово, подчеркнув его: «Драматические *изучения*». И наконец, окончательный вариант: «*Опыт драматических изучений*»¹.

Перед нами — авторское *заглавие* цикла из четырех пьес, написанных в Болдине и позднее осторожно названных в письме к П. А. Плетневу «маленькими трагедиями» (Акад. Т. 14. С. 133). Это заглавие, однако, не привилось ни в исследовательском, ни в массовом бытовании. Смущало, кажется, слово *изучения*. Какие, собственно, «изучения» имеются в виду? И что, собственно, Пушкин мог «изучать», запертый холерными карантинами в родительском имении, далеко не только от театральной культуры, но и от многих прелестей жизни (книг, например)?

Между тем одно из таких «изучений», что называется, на виду — и началось оно примерно за полгода до знаменитой «болдинской осени».

1 мая 1830 г. М. П. Погодин встречался с Пушкиным и записал в дневнике: «Пушкин объявил, что женится. Дай Бог совет да любовь. <...> Пристал, что я пишу, и назвал Марфу. Нет в ней общие места»². Судя по этой лапидарной — в стиле Погодина — записи, Пушкин тогда впервые услышал о его новом произведении — трагедии «Марфа, Посадница Новгородская», в которой известный ученый-историк и литератор решил отдать дань жанру исторической драмы. Погодин приступил к работе над ней в ноябре 1829 г.

Пушкинский интерес к еще не написанной драме объясняется обыкновенно тем, что Погодин был страстным почитателем его «Бориса Годунова», восторженно принял его на знаменитом авторском чтении пьесы в доме Веневитиновых 12 октября 1826 г., а несколько раньше (как записал в том же дневнике) «осмелился говорить» с Пуш-

¹ ПД 1621, л. 1. См.: Рукою Пушкина 1997. С. 284—285.

² П. в восп. Т. 2. С. 20.

киным «о трех предметах из российской истории для трагедии»³. Эти «три предмета» — покорение вольного Новгорода Иваном III, «смутное время» и эпоха Петра Великого — стали предметами драм самого Погодина. Он написал в 1830-е гг. четыре исторических драмы: кроме «Марфы Посадницы», «История в лицах о царе Борисе Феодоровиче Годунове» (1833; опубл. 1868), «История в лицах о Димитрии Самозванце» (1835) и «Петр I» (1831; опубл. 1873). Ни одна из этих пьес никогда не была поставлена на театре.

Тот исторический «предмет» для драмы, героем которого была «величаява республиканка» Марфа Борецкая, уже использовался (вслед за знаменитой повестью Н. М. Карамзина) в двух классицистических трагедиях: П. И. Сумарокова (1807) и Ф. Ф. Иванова (1809). Обе назывались: «Марфа Посадница, или Покорение Новгорода». К тому времени, когда Погодин сообщил о своем замысле Пушкину, из «Марфы» были полностью готовы три действия.

Вот упоминания об «изучении» Пушкиным «Марфы Посадницы» в дневнике Погодина. Пушкин весной и летом 1830 г. в основном живет в Москве: сватовство к Наталии Гончаровой, ухаживание за больным дядей и его похороны, посещения друзей — среди них Погодина.

9 мая Погодин, зайдя к Пушкину, узнал, что тому удалось наконец добиться разрешения печатать «Бориса Годунова», и с досадой отметил: «“Бориса” царь позволил напечатать без перемен, а моя “Марфа” не готова». Вскоре после того Пушкин попросил устроить чтение написанных действий.

13 мая. Погодин «прочел первое действие» неоконченного сочинения Пушкину. Тот был, отмечает Погодин, «в восторге»: «Я не ждал. Боюсь хвалить вас. Ну, если вы разовьете характеры так же, дойдет до такой высоты, на какой стоят народные сцены. Чудо. Уд<ачная?> догадка. Это и хорошо, что вам кажется общим местом. Diabole etc.».

14 мая Погодин «прочел еще два действия». При этом «Пушкин заплакал в третьем действии: “Я не плакал с тех пор, как сам сочиняю, мои сцены народные ничто перед вашими. Как бы напечатать ее”, — и целовал и жал мне руку»⁴.

15 мая Погодин сообщил о своем триумфе С. П. Шевыреву (жившему в Италии): «Три действия кончены, четвертое и пятое почти. Первое написал я в 7 дней, второе в 7, третье в пять. Пушкин случайно допытался до моей тайны и заставил меня прочесть: был в восторге, плакал, целовал, говорил, что его народные сцены ничто перед моими и проч., и проч. Если моя трагедия в половину имеет достоинства в сравнении

³ Там же. С. 12.

⁴ Там же. С. 20.

с его мнением, то я доволен. Может быть, слушая меня, он сам много вообразил, бросал свое золото, как алхимик, — не знаю. <...> Он только ободрил меня: что мне стало казаться общими местами, то ему нравится»⁵. Кстати, Шевырев, еще не читавший нового сочинения Погодина, отнесся к восторгам приятеля скептически, заметив в дневнике: «Я заранее предполагаю, что его “Марфа Посадница” как национальная картина превосходна и даже выше “Бориса”, но в художественном отношении не будет иметь достоинства, свойственного трагедии»⁶.

Между тем Пушкин продолжил дальнейшее «изучение» и «ободрение» погодинской трагедии. 28 мая автор читал ему 4-е действие («доволен по-прежнему»); 4 июля — последнее, 5-е действие («очень доволен, но меньше восторга»)⁷.

Трагедия была закончена 6 июля 1830 г. 26 августа датируется ее цензурное разрешение. На обложке напечатанной книги не было имени автора. Фамилия Погодина подписана только под предисловием, в котором говорилось: «Сочинитель этой трагедии, трудясь и имея цель на другом поприще, не драматическом, не может судить с вероятностию о произведении в новом для себя роде, — не верит своим друзьям, которые, разумеется, смотрят на него с пристрастием...»⁸.

Напечатав свою трагедию, осторожный Погодин (и цензор С. Т. Аксаков) не торопился выдавать тираж в свет: тема сочинения могла показаться опасной, и следовало заручиться одобрением власть предержащих. 26 марта 1831 г. Пушкин писал Плетневу: «Мне сказывали, что Жуковский очень доволен “Марфой Посадницей”; если так, то пусть же выхлопочет он у Бенкендорфа или у кого ему будет угодно позволение напечатать всю драму...» (Акад. Т. 14. С. 158). Погодин обратился за позволением выпустить в продажу разрешенную цензурой «Марфу» к А. Х. Бенкендорфу. В конце июня 1831 г. к хлопотам Погодина подключается Пушкин (см. его письмо к М. П. Погодину от конца июня — Акад. Т. 14. С. 185). Бенкендорф, в принципе, позволил, но заметил, что «лучше остановиться до окончания нын^ешних смутных обстоятельств» (см. письмо Пушкина к П. А. Вяземскому от 14 августа 1831 г. — Акад. Т. 14. С. 207; под «смутными обстоятельствами» имеется в виду польское восстание). Осенью 1831 г. — новая просьба, и, наконец, книга Погодина (уже в декабре)

⁵ РА. 1882. Кн. 3, № 6. С. 148.

⁶ Шевырев С. П. Итальянские впечатления. СПб., 2006. С. 200.

⁷ П. в восп. Т. 2. С. 20, 21.

⁸ Марфа Посадница Новгородская. Трагедия в пяти действиях. В стихах. М., 1830. С. III—IV; Погодин М. П. Повести. Драма. М., 1984. С. 289. Курсив наш. Далее цитаты из трагедии приводятся по этому изданию.

вышла в свет. В январе 1832 г. Н. И. Надеждин отмечал: «По странному стечению обстоятельств начало прошлого года ознаменовано было появлением “Бориса Годунова”, а конец заключен “Марфой, Посадницей Новгородской”»⁹.

Сам Пушкин, однако, получил экземпляр книги еще в Болдине, в ноябре 1830 г. В начале ноября он послал Погодину только что написанное стихотворение «Герой», просил узнать, уехали ли из Москвы Гончаровы, и прислать «вечевую свою трагедию»: «Я бы на досуге вас раскритиковал — а то ничего не делаю; даже браниться не с кем. Дай Бог здоровье Полевому! его второй том со мною и составляет утешенье мое» (Акад. Т. 14. С. 121). 8 ноября Погодин «послал ему “Марфу” по его просьбе для разбора»¹⁰. Книга дошла до Пушкина лишь к концу месяца — поэт «прочел ее два раза духом» (Акад. Т. 14. С. 128).

Возникла уникальная ситуация: трагедия Погодина, которая оценивается в истории русского театра как вполне рядовое создание в груди тогдашней драматической беллетристики, оказалась для Пушкина едва ли не самым *изученным* из произведений современной словесности. Сначала он *четырежды* слушал ее в авторском чтении (при этом постоянно обсуждая каждую часть), потом *дважды* прочитал ее (просто потому, что нечего больше было читать!). *Никакого другого произведения Пушкин не изучал с подобным тщанием.* При этом к редким современным произведениям он относился так восторженно. Погодин отметил в дневнике, что он даже «заплакал в третьем действии». А в письме к Погодину Пушкин специально указал, «что всё это достоинства ШЕКСПИРОВСКОГО» (Акад. Т. 14. С. 129; в письме слово выделено крупными буквами).

В Болдине же был написан «разбор» «Марфы Посадницы», предназначенный для печати, но не напечатанный (вероятно, именно из-за задержки с выходом книги Погодина в свет). Но даже в черновом виде он оказался одной из важнейших пушкинских литературно-эстетических деклараций. И здесь — та же восторженная оценка: «Драм<атический> поэт — беспристрастный, как судьба — должен был изобразить <...> отпор погибающей вольности <...>. Не его дело оправдывать и обвинять, подсказывать речи. Его дело воскресить минувший век во всей его истине. Исполнил ли сии первоначальные, необходимые условия автор “Марфы Посадницы”? Отвечаем: исполнил» (Акад. Т. 11. С. 181).

И еще странность. «Разбор» трагедии Погодина Пушкин писал в последние дни своего болдинского «заточения». Написав его и со-

⁹ Телескоп. 1832. Ч. 7, № 2. С. 295.

¹⁰ П. в восп. Т. 2. С. 21.

бираясь в дорогу, он отправляет автору «Марфы» письмо, в котором повторяет свои, развернутые в статье, наблюдения. Это письмо дошло до адресата уже тогда, когда поэт был в Москве — и встретился с Погодиным лично, — причем говорили о той же «Марфе». Зачем же Пушкин вообще писал это письмо, предполагая скоро сам говорить с автором о том же?

В этом письме, сообщив о двукратном чтении трагедии, Пушкин продолжил: «Ура! — я было, признаюсь, боялся, чтоб первое впечатление не ослабло потом; но нет — я все-таки при том же мнении: “Марфа” имеет европейское, высокое достоинство. <...> Одна беда: слог и язык. Вы неправильны до бесконечности. И с языком поступаете, как Иоанн с Новымгородом. Ошибок грамматических, противных духу его усечений, сокращений — тьма. Но знаете ли? и эта беда не беда. Языку нашему надобно воли дать более (разумеется, сообразно с духом его). И мне ваша свобода более по сердцу, чем чопорная наша правильность» (Акад. Т. 14. С. 128).

Пушкин действительно «прославляет “Марфу”» — но *почему?* С одной стороны, «европейское, высокое достоинство»; с другой — никуда не годный «слог и язык», тьма «ошибок грамматических», то есть тех недочетов, к которым Пушкин, обладавший абсолютным поэтическим слухом, был особенно чуток. Кстати, Погодин просто не понял этих замечаний: «Удивлялся, что язык ему кажется слишком неправильным»¹¹.

Погодин был принципиально «не поэт», но написал свою трагедию «в стихах». То есть вполне «прозаические» реплики персонажей заключил в «мерные» пятистопные ямбы, не очень умелые, тяжелые и действительно «неправильные до бесконечности». К тому же указанных Пушкиным недостатков Погодин даже не понял. Ободренный поддержкой «Марфы», он в 1831 г. начал писать другую трагедию («Петр»); познакомил с замыслом Пушкина; тот посоветовал «писать прозой». В дневнике Погодин отмечает этот совет почти обиженно: «Неужели я не овладею стихом!»¹² Подобные же замечания высказывал Погодину и Шевырев, дважды прочитавший «Марфу» и решительно замечавший в письмах, что автор «ужасно неловок в стихах», что ему должно «писать в прозе», что в его «двухнедельных вдохновениях» недостает «вкуса» и т. д.¹³ Но и аргументы ближайшего друга Погодина не убедили.

¹¹ П. в восп. Т. 2.

¹² Там же. С. 23.

¹³ См.: Шевырев С. П. Итальянские впечатления. С. 578—579.

Но почему Пушкину странным образом кажутся неважными («не беда») ни беспомощные стихи погодинской трагедии, ни ее ужасающий стиль, ни «ошибки грамматические»? Все это не умаляет каких-то особенных достоинств его сочинения, существа которых, кажется, не понял даже его автор. В позднейшем письме (от 11 июля 1832 г.) Пушкин вновь пытается это Погодину объяснить: «Мне сказывают, что Вас где-то разбрали за “Посадницу”: надеюсь, что это никакого влияния не будет иметь на Ваши труды. Вспомните, что меня лет 10 сряду хвалили Бог весть за что, а разругали за “Годунова” и “Полтаву”. <...> Ваша “Марфа”, Ваш “Петр” исполнены истинной драматической силы, и если когда-нибудь могут быть разрешены сценическою цензурой, то предрекаю Вам такой народный успех, какого мы, хладные северные зрители Скрибовых водевилей и Дидлотовых балетов, и представить себе не можем» (Акад. Т. 15. С. 27).

Подобная оценка кажется преувеличенной. Еще П. В. Анненков, первый публикатор пушкинской статьи, попытался объяснить это тем, что исторические драмы Погодина «представляли характеры и лица, которых можно распознать и о которых потому судить можно, — словом, существенность, которой он добивался во всяком произведении»¹⁴. Иными словами, Пушкин увидел в трагедии Погодина ту же особенность, которую отметил еще И. В. Киреевский, размышляя о его «Борисе Годунове»: «Пушкин рожден для драматического рода. Он слишком многосторонен, слишком объективен, чтобы быть лириком...»¹⁵. Слово «объективен» было в 1828 г. новым для русского языка (что указано в специальном примечании) — и в понимании критика значило *предметен*. То есть — тяготеющий к той же «существенности» изображенного предмета.

В приведенном выше пушкинском письме имеется в виду рецензия на драму Погодина, помещенная в «Сыне отечества» (за подписью «Н. Ю.»). Рецензент возмущился, что «Марфа Посадница» — трагедия «площадная»: «Действие происходит на *площадях*; она составлена из *площадных* выражений и наполнена *площадными* лицами!»¹⁶ Между тем именно эта особенность трагедии Погодина показалась Пушкину особенно привлекательной. Он начал свой «разбор» (писавшийся раньше рецензии «Сына отечества») знаменитым тезисом: «Драматическое искусство родилось на площади...» (Акад. Т. 11. С. 418). Считая,

¹⁴ Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. СПб., 1855. С. 304.

¹⁵ В статье «Нечто о характере поэзии Пушкина», см.: МВ. 1828. Ч. 8, № 6. С. 195; Киреевский И. В. Полн. собр. соч.: В 2 т. М., 1911. Т. 2. С. 13.

¹⁶ СО и СА. 1832. Т. 27, № 20. С. 347.

что европейская драматургия всегда оставалась верной этому «первоначальному своему назначению», Пушкин с сожалением отмечает, что русская драма не была по своему происхождению связана с народными основаниями. И в качестве едва ли не первого опыта *народной трагедии* называет «Марфу Посадницу» Погодина, предрекая ей особенный *народный успех*.

Какой же представлял себе Пушкин *народную трагедию*?

Прежде всего, отметим, что представление о *народной драме* не становится в рассуждениях Пушкина суждением о чем-то «идеальном», однозначно «положительным». Вот продолжение его знаменитого тезиса: «Драма родилась на площади и составляла *увеселение народное*. Народ, как дети, требует занимательности, действия. Драма представляет ему необыкновенное, странное происшествие. *Народ требует сильных ощущений, для него и казни — зрелище*. Смех, жалость и ужас суть три струны нашего воображения, потрясаемые драматическим волшебством» (Акад. Т. 11. С. 178. Курсив наш).

Само по себе стремление приблизиться к «увеселению народному» отнюдь не является гарантией создания эстетически значимого зрелища. Более того, последовательная реализация этого стремления — путь к чему-то антиэстетическому. Особенно это касается *трагедии*: «Трагедия преимущественно выводила тяжкие злодеяния, страдания сверхъестественные, даже физические (например, Филоклет, Эдип, Лир). Но привычка притупляет ощущения — воображение привыкает к убийствам и казням, смотрит на них уже равнодушно, изображение же страстей и излиятий души человеческой для него всегда ново, всегда занимательно, велико и поучительно. Драма стала заведовать страстями и душою человеческою. Истина страстей, правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах — вот чего требует наш ум от драматического писателя» (Там же). И то обстоятельство, что «драма оставила площадь», было для европейской культуры естественным.

Другое дело — русская культура, в которой драма «никогда не была потребностью народною» и изначально родилась в «чертогах». Применяя свой тезис к русской культуре, Пушкин уточняет: «Мы видели, что народная трагедия родилась на площади, образовалась и потом уже была призвана в аристократическое общество. У нас было бы напротив. Мы захотели бы придворную, сумарок^{овскую} трагедию низвести на площадь...» А можно ли это сделать? Да и стоит ли? На сетования об отсутствии «у нас народной трагедии», Пушкин замечает: «Не худо было бы решить, *может ли она и быть*». И представляет «непреодолимые преграды» для появления такой трагедии: «...для того, чтоб она могла расставить свои подмостки, надобно было бы переменить и ни-

спровергнуть обычаи, нравы и понятия целых столетий...». Между тем создание Погодина представлено именно как «опыт народной трагедии», каковой, согласно предыдущим рассуждениям, как будто и «не бывает» (Там же. С. 180).

Историки литературы объясняли неожиданное восхищение Пушкина вполне рядовым созданием Погодина исключительно тем, что Пушкина привлекла «прежде всего историческая концепция, и потому он просил автору “Марфы Посадницы” “неправильность” языка, беспомощность стиха и тактично советовал избрать прозаическую форму»¹⁷. Но ничего особенно новаторского (по сравнению с Карамзиным) Погодин не открывал: и историк, и драматург Погодин твердо стоял на точке зрения, утверждающей необходимость *единовластия и национального единства*. Изображая историческое событие, он придерживался одного принципа, который «заключался в идее *порядка*, в том, что *порядок* есть главное и необходимое условие исторической и социальной жизни»¹⁸. Вершителем такого «порядка» предстает московский царь — в этом смысле трагедия Погодина была произведением откровенно монархическим.

Для того чтобы подобная концепция стала мотивированной, драматургу пришлось «уклониться» от исторической достоверности. Ему было важно стянуть в один сюжетный узел конфликт единовластия со всеми силами, ему противостоящими. «Занимательность» его «народной драмы» основывается на вполне «классицистическом» противостоянии: любимый сын «величавой республиканки» Марфы Алексей Борецкий выступает предателем и матери, и Великого Новгорода. Это предательство становится в трагедии едва ли не главной причиной поражения новгородцев и трагической судьбы Марфы. Сын идет на это по идеологическим причинам: измена Борецкого основана на желании утвердить прочный, надежный *порядок*... При подобном конфликте собственно историческая концепция Погодина (вполне следующего Карамзину) поневоле оказывается «размытой».

В своем разборе Пушкин «выстраивает» ее по-своему, изначально наметив ту идею, которую должен был раскрыть (но не раскрыл) Погодин: «Автор “Марфы Посадницы” имел целию развитие важного исторического происшествия: падения Новгорода — решившего вопрос о единодержавии в России.— Два великих лица представлены ему были

¹⁷ Вацуро В. Э. Историческая трагедия и романтическая драма 1830-х годов // История русской драматургии. XVIII — первая половина XIX века. Л., 1982. С. 337.

¹⁸ Виролойнен М. Н. Молодой Погодин // Погодин М. П. Повести. Драма. С. 16.

историю. Первое — Иоанн, уже начертанный Карамзиным, во всем его грозном и хладном величии, второе — Новгород, коего черты надлежало угадать» (Акад. Т. 11. С. 181).

Пушкин воспринял основную идею событий, ставших основой трагедии, — «отпор погибающей вольности» был «глубоко обдуманном ударом», изменившим все течение русской истории, — и счел ее истинно *трагическим*, неразрешимым конфликтом. Показательно, что основными действующими лицами трагедии оказываются в его представлении не *Иоанн III* и его антагонист *Марфа Посадница*, а *Иоанн* и *Новгород*. В пушкинском «разборе» главная героиня, именем которой названа трагедия, почти не упоминается: она ему наименее интересна.

Фигура Ивана III для Пушкина понятна. «Сердце ваше не лежит к Иоанну», — замечал он в «болдинском» письме к Погодину (Там же. С. 129). В его представлении московский царь — коварный и беспринципный политик, для которого цель оправдывает средства. Приступая к завоеванию Новгорода, царь нарушает договор, заключенный с новгородцами еще Ярославом Мудрым, который гарантировал им особый статус вольного города. Для оправдания своих действий он использует провокацию — обращение двух новгородских чиновников-предателей, которые якобы от имени всех граждан просили Иоанна стать «государем» в Новгороде. Когда новгородский посол сообщает ему, что эти чиновники не были уполномочены делать такие заявления и что в Новгороде они считаются преступниками, он отвечает послу, что его объяснения являются «оскорблением смертельным», так как представляют московского царя как «презренного лжеца», и поэтому «он хочет смыть кровью беспримерную обиду». В итоге — «потомок Ярослава / С бесчестными лжецами заодно».

В своей речи, обращенной к послам, Иоанн обвиняет новгородцев во всех грехах: в мятеже, в измене православию, в сношениях с литовским королем. Он хочет одного — безоговорочной капитуляции Новгорода и ликвидации всех «вольностей». Его переговоры с послами не более чем фарс: предъявляя им заведомо невыполнимые требования, Иоанн стремится к войне, зная, что он сильнее. Все попытки новгородцев разрешить конфликт мирными средствами (заплатить дань, пожертвовать некоторыми правами и т. п.) категорически отвергаются. Армия Иоанна «палит и жжет, / И рушит города и села наши, / И жителей невинных умерщвляет...».

Более того, Иоанн в разговоре с Борецким выражает желание, чтобы новгородцы активнее сопротивлялись его армии — чтобы можно было убить как можно больше противников Москвы. И тут же лицемерно заявляет, что хотел бы пролить как можно меньше крови

новгородцев — «своих детей любимых». И наконец, правитель охотно использует предательство того же Борецкого.

Второй член намеченной Пушкиным оппозиции — «Новгород, коего черты надлежало угадать». Не «изучить», не «понять», а именно «угадать». То есть — художнически «проникнуть» в мир «русской республики» и уяснить, на каких основаниях в ней формировался *порядок*, согласовывались разные стремления и «воли». С самодержавным «порядком» и его «учредителем» все ясно. Но как возникает *порядок* при вечевом устройстве общества? Здесь художнику и историку (живущему при ином «порядке») остается только «угадывать».

Носитель «порядка» — народ, «вольные люди новгородские». Но новгородцы рисуются не единой массой, а дифференцированным обществом, в котором интересы различных групп вступают в противоречия, приводящие к социальному и нравственному неустройству. В ситуации, например, пушкинского «Бориса Годунова» мог быть выведен единый «народ», противостоящий несправедному «порядку». В вольном городе единый «народ», хотящий одного, — невозможен. И уже в первых сценах являются «один из граждан», потом «второй», «третий», «четвертый», «пятый» и т. д. — и все кричат о разном!

Потом они приобретают индивидуальные черты — и именуется уже по-другому: «посадник», «тысяцкий», «дьяк», «купец», «боярин»... Далее дифференциация уточняется социально: «Народ разделяется на две толпы: в одной бояре и люди житые, в другой младшие граждане». На одном полюсе новгородской вольности — «житые люди», бояре, купцы, готовые на мир с Иоанном. На другом — представители «младших граждан» и простонародье — сторонники вольности, в которой они видят осуществление своих прав. Как это сообщество может существовать в *порядке*?

Из пяти действий «Марфы Посадницы» в трех действие разворачивается в прямом смысле «на площади» — в первом и в третьем на «вечевой», в четвертом «у ворот Московских». Эти сцены — многолюдны и «многоголосны». Показателен драматический прием Погодина, когда несколько персонажей «вместе», одновременно выкрикивают совсем разные предложения (они даже и оформлены в тексте в два «столбика»). Автор демонстрирует различие «воль» разных участников событий, их несогласованность — и видит правоту «единодержавия», научившегося подавлять анархические «воли». Даже действия Марфы, при всей их гражданской оправданности, тоже влекут за собой несчастья. Погодин, например, выводит на сцену новгородских женщин, которые проклинают республиканку за то, что она увлекла на гибельную битву их мужей и разрушила их семейные очаги.

Иоанн и Новгород в «Марфе Посаднице» действительно трагически противостоят друг другу. За каждой стороной есть и своя правда, и неправда. Марфа по духу своему выше Иоанна, но ее волевые усилия объективно способствуют окончательному падению вольного города. Московское же владычество, при всех благах, которые оно сулит России, оказывается ущербно, ибо основано на жестокости.

Пушкина привели в восторг те сцены в третьем действии трагедии, в которых развернута картина новгородского вече. На нем люди пытаются решить важнейшую для бытия республики проблему: что предпринять ввиду осадивших город войск московского царя? Представлены «крики в народе»: одни «кричат» «в Москву за князя», другие предпочитают «к Литве за Казимира», одни собираются «сдаться», другие — «драться». Народ не «безмолвствует» — он *кричит*. Но что толку в этих криках? И много ли правды?

Пушкин признал за автором «Марфы Посадницы» главнейшее, по его мнению, достоинство драматического поэта — *беспристрастие*, отсутствие явно выраженных политических или идеологических симпатий. Любое из предложенных на новгородском вече решений будет и верным — и неверным. Ибо абсолютно «правильного» выбора — не существует. И тот герой, который предлагает подобный «выбор», — например, предатель Алексей Борецкий в разговоре с Иоанном, — оказывается в глазах Пушкина фигурой наиболее слабой и неправдоподобной.

Трагедия Погодина привлекла Пушкина даже не своей «исторической концепцией», а тем *художественным открытием*, которое сочинитель сделал благодаря своему опыту ученого-историка — и которого толком даже и не заметил. Открытие это заключалось в том, что драматическое произведение призвано не столько *разрешать* насущные проблемы бытия, сколько *ставить* их — хотя бы и в форме неразрешимых вопросов. Этот драматический принцип нашел у Пушкина прямое и непосредственное отражение в «маленьких трагедиях».

Во всех произведениях, объединенных под условным названием «Маленькие трагедии» («Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Каменный гость», «Пир во время чумы»), ставятся важные и сложные нравственные проблемы. Некий «*правильный ответ*» на них как будто предполагается — но всегда на поверку оказывается, что его нет. И кто прав в решении поставленных проблем (Барон или Альбер, Моцарт или Сальери и т. д.) — так и остается вопросом. Ибо точно поставленный вопрос в данном случае важнее любого ответа. Именно этот драматический принцип усвоил Пушкин из «народных сцен» трагедии Погодина «Марфа, Посадница Новгородская».

Известно, что сюжеты всех четырех «маленьких трагедий» записаны Пушкиным гораздо раньше, чем эти произведения писались, — они зафиксированы еще в так называемом «листке с десятью темами», записанном, вероятно, летом 1826 г.¹⁹ Вряд ли тогда Пушкин осознавал эти сюжеты как сюжеты *драматические*: по остроумному предположению В. С. Листова, это были сюжеты устных новелл, «рассказанных в гостиной»²⁰.

Именно «открытие», нечаянно сделанное Погодиным (которое Пушкин осознал непосредственно перед «болдинской осенью»), вдохновило его на работу по превращению этих сюжетов в драматические тексты принципиально новаторского характера.

Здесь он столкнулся с необходимостью «драматических *изучений*», одним из которых стало *изучение* погодинской трагедии с ее отсутствием «правого» и «неправого» в трудном «народном» споре о политических и нравственных устоях.

¹⁹ См.: Рукою Пушкина 1997. С. 213—214.

²⁰ См.: Листов В. С. Автограф с десятью темами // Листов В. С. Новое о Пушкине. М., 2000. С. 239—245.

О пушкинской рецензии на
«Путешествие ко Святым местам в 1830 году»
А. Н. Муравьева

В предисловии к «Путешествию в Арзрум во время похода 1829 года» Пушкин писал: «Из поэтов, бывших в турецком походе, знал я только об А. С. Хомякове и об А. Н. Муравьеве. Оба находились в армии графа Дибича. Первый написал в то время несколько прекрасных лирических стихотворений, второй обдумывал свое путешествие к святым местам, произведшее столь сильное впечатление» (Акад. Т. 8. С. 443).

Действительно, появление «Путешествия ко Святым местам» Андрея Николаевича Муравьева (1806—1874) стало заметным событием в истории русской литературы начала 1830-х гг.: Муравьев был первым профессиональным литератором, создавшим собственно художественное произведение, посвященное Святым местам¹. О популярности книги свидетельствует хотя бы тот факт, что за сравнительно непродолжительный период она выдержала пять изданий: первое — в 1832 г., последнее — в 1848 г. В личной библиотеке Пушкина имелось два: первое и третье (СПб., 1835 г.), дополненное обширным обзором русских «хожений» в Святую землю (оба издания — без каких-либо владельческих помет)². «Путешествие» получило довольно широкий отклик. Нам удалось выявить пять рецензий на него (в основном они атрибутируются предположительно): А. Н. Оленина (?)³, Н. А. Полевого⁴, Н. И. Надеждина (?)⁵, П. И. Шалико-

¹ Его ближайшим предшественником был Д. В. Дашков, автор очерка «Русские поклонники в Иерусалиме. Отрывок из путешествия по Греции и Палестине в 1820 году» (Северные цветы на 1826 год. СПб., 1826. «Проза». С. 214—283). Однако ни задачи, ни объем этого очерка несопоставимы с «Путешествием» Муравьева.

² Библиотека П. № 242.

³ СПч. 1832. № 174, 30 июля. Подпись: А. Н—о. Криптоним раскрыт по словарю И. Ф. Масанова (*Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов. М., 1956. Т. 1. С. 51).

⁴ МТ. 1832. Ч. 45, № 12. С. 525—541; то же: *Полевой Н. А.* Очерки русской литературы. СПб. 1839. Ч. 2. С. 63—97.

⁵ Телескоп. 1832. Ч. 11, № 18. С. 244—254. Без подписи.

ва (?)⁶ и неизвестного автора⁷. Рецензия Пушкина (а точнее, ее набросок), оставшаяся в рукописи при жизни поэта, впервые была опубликована В. Е. Якушкиным в работе «Рукописи А. С. Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве» в 1884 г.⁸

1

История создания этой рецензии, а также ее датировка нуждаются в уточнении⁹. Точная дата написания рецензии неизвестна; она устанавливается предположительно. До сих пор единственным источником обоснования нижней границы датировки считалось цензурное разрешение на «Путешествие» Муравьева (от 2 февраля 1832 г.). Именно эта дата фигурирует и в академическом издании Пушкина, и в «Летописи жизни и творчества», подготовленной Н. А. Тарховой. При этом в академическом издании допущена досадная опечатка: «Датируется не ранее февраля 1831» (Акад. Т. 11. С. 561).

Между тем нами обнаружен надежный эпистолярный источник, который существенно корректирует принятую датировку.

Начиная с отроческих лет Муравьев регулярно переписывался со своим старшим братом, Н. Н. Муравьевым-Карским, известным военачальником, прославившимся взятием турецкой крепости Карс (1855 г.). В 1831—1832 гг., в период работы над «Путешествием», их переписка была особенно интенсивной, и не случайно. Помимо родственного участия, Муравьев ожидал от брата, знатока Востока, автора вышедшего в 1822 г. «Путешествия в Туркмению и в Хиву...», профессиональных советов. Письма позволяют документально проследить за ходом работы над книгой, обстоятельствами издания и — что особенно важно для нашей темы — уточнить дату выхода ее в свет. Из письма от 4 февраля 1832 г. следует, что книга не только не издана, но еще и не прошла цензуру. Отвечая на вопросы брата, Муравьев писал: «Ты спрашиваешь об моем *Путешествии*. Вчера отдал я первую Главу или Книгу (о Константинополе) в печать, Египет еще в руках у Жуковского, который делает мне свои замечания касательно слога, а потом я уже отдаю тетради сии в цензуру Сенковскому, который путешествовал сам

⁶ ДЖ. 1833. Ч. 41, № 2. С. 29—31; № 3. С. 44—47.

⁷ ОЗ. 1840. Т. 11, № 7. Отд. VI. С. 11—14.

⁸ РС. 1884. № 8. С. 326—327.

⁹ Впервые вопрос датировки был критически рассмотрен нами в кн.: *Хохлова Н. А. Андрей Николаевич Муравьев-литератор*. СПб., 2001. С. 183—185.

очень долго на Востоке [и] замечает мне, со своей стороны, при цензуровании <...> касательно имен или обычаев Востока. Между тем я посылаю теперь к митрополиту Филарету все, что относится до догматов веры, чтобы не погрешить в чем-либо против православия. — Ты видишь, чрез сколько рук опытных проходит мое *Путешествие* для усовершенствования. А живописец Воробьев готовит покамест свои прекрасные картины, которые выйдут вместе с моей книгой после Пасхи, в половину мая»¹⁰.

Письмо раскрывает весьма необычную историю подготовки рукописи к печати. Работа шла очень интенсивно, поскольку ожидания публики были велики. В. А. Жуковский, знавший Муравьева по кружку И. И. Козлова и покровительствовавший начинающему писателю, выступил в роли, так сказать, литературного редактора. О. И. Сенковский был не только цензором книги, но и советчиком автора во всех вопросах, касающихся Востока. Митрополит Московский Филарет, ставший духовным наставником Муравьева именно со времени работы над «Путешествием», осуществил своего рода духовную цензуру. Рукопись, о которой идет речь в письме, дошла до нас и ныне хранится в Киеве в Национальной библиотеке Украины им. В. И. Вернадского (ф. 301 (Церковно-археологический музей КДА), № 407 Л). Это цензурный экземпляр, который содержит два пласта редакторской правки — рукой О. И. Сенковского и митрополита Московского Филарета. Пометы В. А. Жуковского обнаружить не удалось. На первом листе рукописи имеется запись о том, что она была передана в цензуру 29 января 1832 г. и зарегистрирована за № 68. Здесь же цензурное разрешение: «Печатать позволяется с тем, чтобы по отпечатании предъявлены были в Цензурный комитет три экземпляра. Февраля 2, 1832. Цензор Сенковский».

Если соотнести эту дату — 2 февраля с цитированным выше письмом от 4 февраля, то станет ясно, что данное цензурное разрешение по существу относится лишь к первой главе, «отданной в печать», а потому не отражает реальную дату выхода книги в свет (книги солидного объема, в двух частях). А значит, не может рассматриваться как корректный источник датировки пушкинской рецензии.

Предположение Муравьева о завершении работы в мае не оправдалось: 26 мая он лишь сообщал брату о том, что «почти кончил печатание»¹¹. Наконец, с письмом от 16 июня он послал ему только что вышедшую книгу «на поклон»¹².

¹⁰ ОПИ ГИМ, ф. 254, № 358, л. 68—68 об.

¹¹ Там же, л. 273.

¹² Там же, л. 308.

Итак, «Путешествие» появилось не в феврале, а в июне 1832 г. В «Северной пчеле» в разделе «Новые книги» объявление о его выходе и рецензия (предположительно А. Н. Оленина) появились 30 июля¹³. Следовательно, познакомиться с новинкой и написать рецензию в первой половине 1832 г. Пушкин не мог. Отсюда вывод: нижняя граница принятой до сих пор датировки, соотносимая с февралем, должна быть решительно отвергнута.

Верхняя граница установлена Я. Л. Левкович в статье «Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 842 (История заполнения)» по положению рукописи рецензии в этой тетради. Ориентир для датировки дает лист, вырванный из нее¹⁴. На нем — черновик письма М. П. Погодину, которое по содержанию датируется первой половиной сентября 1832 г. (речь в нем идет о программе задуманной Пушкиным газеты «Дневник»). Перебелив письмо, поэт тем не менее не отослал его, поскольку сам 17 сентября отправился в Москву и мог лично поговорить с Погодиным. Вырванный лист находился между листами 23 и 24 (в современной нумерации), а набросок рецензии на «Путешествие» — в самом близком соседстве, на листах 25, 25 об. и 26. И черновик письма, и рецензия написаны карандашом. Непосредственная близость в расположении, характер почерка, особенности карандаша позволили исследовательнице в итоге обозначить следующие границы датировки рецензии: «не ранее февраля — вторая треть сентября 1832 г.»¹⁵. Первая ее часть, как мы установили, неверна; отстает вторая, которая, на наш взгляд, и является наиболее вероятной датой создания рецензии. Наблюдения над текстом позволяют предположить, что рецензия была написана одновременно — то, что называется, «за один присест», — непосредственно после письма Погодину или спустя очень непродолжительное время, то есть в 10-х числах сентября 1832 г., до отъезда в Москву.

Соотнесение рецензии с неотправленным письмом несет в себе большой смысловой потенциал, так как позволяет обнаружить связи между несколькими пушкинскими замыслами.

Как известно, в июле 1832 г. поэт задумал газету «Дневник». Разрешение на издание было получено, очевидно, в августе¹⁶, и в сентябре, перед отъездом в Москву, он передал на рассмотрение Бенкендорфу

¹³ СПч. 1832. № 174.

¹⁴ «Лист этот вырван самим Пушкиным, так как жандармская нумерация идет подряд, не считая вырванного листа. Во время „посмертного обыска“ лист был вшит в одну из жандармских тетрадей (ЛБ, № 2386 А, л. 15; теперь он имеет шифр ПД, № 1002)» (ПИМ. Л., 1991. Т. 14. С. 156).

¹⁵ Там же. С. 162.

¹⁶ См.: Летопись 1999. Т. 3. С. 496.

пробный номер газеты. В неотправленном письме речь шла о том, что прежде всего побуждает его к изданию: «Одно меня задирает: хочется мне уничтожить, показать всю отвратительную подлость нынешней французской литературы. Сказать единожды вслух, что Lamartine скучнее Юнга, а не имеет его глубины, что Béranger не поэт, что V. Hugo не имеет жизни, т. е. истины; что романы A. Vigny хуже романов Загоскина; что их журналы невежды, что их критики почти не лучше наших Теле-скопских и графских» (Акад. Т. 15. С. 29).

Издание газеты не состоялось. Но аналогичный замысел, предполагающий сравнительный анализ произведений французской и русской литератур, нашел отражение еще в одном наброске Пушкина 1832 г. — в плане статьи под названием «О новейших романах». План представляет собой простой перечень имен французских и русских авторов. Среди последних: Муравьев, Полевой, Свиньин, Карамзин. Б. В. Томашевский, комментируя этот набросок, предположил относительно имени Муравьева: «Вероятно, Пушкин имел в виду вышедшую в 1832 г. книгу А. Н. Муравьева “Путешествие ко Святым местам”»¹⁷. Н. А. Тархова в «Летописи» под датой «сентябрь, до середины» также рассматривает неотправленное письмо Погодину и замысел статьи «О новейших романах» как звенья одной цепи. Не следует ли отнести сюда и рецензию?

Напомним, что значительная ее часть посвящена сравнительному анализу «Путешествия» Муравьева с широко известным в России «Путешествием из Парижа в Иерусалим... и обратно из Иерусалима в Париж...» Ф.-Р. де Шатобриана¹⁸: «...молодой наш соотечественник привлечен туда (в Иерусалим. — Н. Х.) не суетным желанием обрести краски для поэтического романа, не беспокойным любопытством найти насильственные впечатления для сердца усталого, притупленного. Он посетил св. места, как верующий, как смиренный [христианин], как простодушный крестоносец, жаждущий повергнуться во прах пред гробом Христа Спасителя. — Он traverse Грецию, gréoscuré одною великою мыслию, он не старается, как Ш<атобриан>, воспользоваться противоположной [мифологией] Библии и Одиссеи. Он не останавливается, он спешит, он беседует с стран<ным> преобразователем Египта, проникает в глубину пирамид, пускается в пустыню, оживленную черными шатрами бедуинов и верблюдами караванов, вступает в обетованную землю, наконец с высоты вдруг видит Ерусалим» (Акад. Т. 11. С. 217).

¹⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М. ; Л., 1951. Т. 7. С. 720.

¹⁸ Chateaubriand F. Itinéraire de Paris à Jérusalem... et de Jérusalem à Paris... Paris, 1811. Vol. 1—3. Рус. переводы И. Грацианского (СПб., 1815—1817. Т. 1—3) и П. И. Шаликова (М., 1815—1816. Т. 1—3).

Подведем итог. Вряд ли возможно установить непосредственную связь между замыслом газеты «Дневник», планом ненаписанной статьи «О новейших романах» и наброском рецензии на «Путешествие». Предположения о том, что последняя предназначалась для газеты или была заготовкой для упомянутой статьи, в равной степени гипотетичны. Тем не менее они имеют конструктивное начало: рецензия, на наш взгляд, должна рассматриваться не изолированно, но в контексте этих творческих замыслов. Таков наиболее продуктивный подход к дальнейшему изучению этого текста, представляющего собой также не вполне реализованный замысел.

2

Установление даты выхода «Путешествия» в свет и даты написания рецензии дает возможность прокомментировать известный фрагмент из мемуаров Муравьева, в котором речь идет о его встрече с Пушкиным в архиве Министерства иностранных дел и о стихотворении, которое поэт якобы посвятил ему как путешественнику по Святым местам.

Муравьеву принадлежат два мемуарных сочинения: «Мои воспоминания» и «Знакомство с русскими поэтами». Они существенно отличаются по своим задачам, манере изложения, объему. «Мои воспоминания» — это обширное мемуарное произведение, состоящее из пяти частей (до сих пор полностью не опубликовано). В совокупности все части, написанные в разные периоды жизни, с интервалом в 20—25 лет, составляют хронологически последовательный рассказ, посвященный всем аспектам жизненного и творческого пути писателя. При этом между первой и последующими частями имеются существенные отличия. Первая часть, датированная 1827 г., больше похожа на дневник, причем дневник юношеский, «поэтический». Здесь автор предстает в образе поэта-романтика, который вопреки мнению «толпы» следует своему призванию. Во второй части, к которой и относится интересующий нас фрагмент, амплуа его резко меняется. Она датирована 1857 г. Взгляд мемуариста, начинающего повествование с описания событий 30-летней давности, ретроспективен и в этом смысле тенденциозен. Муравьев выступает здесь как маститый духовный писатель, выпустивший уже основные, составившие его писательскую известность, сочинения, начало которой положило «Путешествие ко Святым местам в 1830 году». Что особенно важно, его отношение к светской литературе становится совершенно иным: не считая себя более участником литературного процесса, он оценивает ее с позиций ортодоксального благочестия. Свою

задачу как мемуариста он видит прежде всего в том, чтобы объяснить, почему в его жизни произошел переход от «мирского к духовному».

В другом упомянутом мемуаре — «Знакомстве с русскими поэтами» образ автора почти тот же, но сама цель повествования иная. Здесь, напротив, Муравьев стремится представить литературную ипостась своей творческой биографии — «записать разнообразные случаи <...> знакомства с большей частью <...> первенцев и вождей русского слова»¹⁹. Разумеется, таким образом он обозначает, порой весьма тенденциозно, превыше реального участия, и собственное место в литературном процессе 1820—1830-х гг. Эти мемуары написаны за три года до смерти, в 1871 г., и вышли отдельным изданием в Киеве. С фактической стороны, и это следует особо подчеркнуть, они гораздо менее достоверны, чем «Мои воспоминания».

В обоих мемуарных сочинениях содержится рассказ о встрече с Пушкиным в архиве Министерства иностранных дел. В «Моих воспоминаниях» он звучит так: «Зимой нечаянно встретил я его в архиве Министерства и не узнал, но он первый ко мне устремился и сказал: “До сих пор не могу простить себе глупой моей эпиграммы. Я был весьма тронут, когда улышал по окончании войны, что вы поехали в Иерусалим, и тогда же написал для вас стихи в таком смысле, что, когда цари земные, заключая мир, позабыли святой град, один лишь безвестный юноша вспомнил о нем и пошел поклониться Гробу Христову”. Я был тронут до слез и благодарил знаменитого поэта за его утешительное слово, которое так прямо вытекло из его благородной души. Пушкин обещал мне отыскать стихи свои, но сколько ни рылся в бумагах, не мог найти их; написать же новые, как бы с подогретыми чувствами, было бы странно: так они и пропали»²⁰.

Муравьев прямо не датирует эту встречу, но из контекста явствует, что речь идет о зиме 1831 / 1832 г.: предшествует данному сюжету рассказ об «ужасном» лете 1831 г. (имеется в виду эпидемия холеры), а непосредственно следует за ним описание летнего сезона 1832 г.

Эта же датировка кажется наиболее достоверной, если исходить из фактов биографий обоих участников встречи. Зимой 1831 / 1832 г. Пушкин особенно активно работал в архиве, собирая материалы для «Истории Петра»²¹. Муравьев в это время — чиновник министерства (20 мая 1831 г. определен столоначальником в Азиатский департамент).

¹⁹ *Муравьев А. Н.* Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871. С. 4.

²⁰ *Муравьев А. Н.* Мои воспоминания // Русское обозрение. 1895. № 12. С. 599—600.

²¹ «Декабрь, 4. Петербург. Постановление об определении Пушкина на службу в Коллегию Министерства иностранных дел с дозволением искать в ее архивах материалы для истории Петра Великого» (Летопись 1999. Т. 3. С. 418).

В апреле 1833 г. он получит новое назначение — «за обер-прокурорский стол Св. Синода», и хотя останется «причисленным к ведомству МИД», служба там будет номинальной²².

Если предположить, что встреча состоялась год спустя, зимой 1832 / 1833 г., то предметом разговора непременно должно было стать уже вышедшее и высоко оцененное Пушкиным «Путешествие» (к тому времени, как мы установили, уже была написана рецензия). В таком случае Муравьев, отнюдь не склонный умалять своих заслуг и к тому же обладавший, по воспоминаниям современников, феноменальной памятью, не преминул бы упомянуть об этом. Но, как следует из приведенной цитаты, беседа была сосредоточена вокруг старой истории — Пушкин якобы извинялся за эпиграмму на Муравьева, написанную и опубликованную в 1827 г. («Из Антологии» («Лук звенит, стрела трепещет...»)). В аналогичной редакции (без упоминания «Путешествия») рассказ о встрече с Пушкиным Муравьев воспроизвел и в письме Погодину от 9 октября 1870 г.²³

В «Знакомстве с русскими поэтами» этот эпизод изложен несколько иначе: «Четыре года я не встречался с ним (Пушкиным. — *Н. Х.*) по причине Турецкой кампании и моего путешествия на Востоке и совершенно нечаянно свиделся в архиве Министерства иностранных дел, где собирал он документы для предпринятой им истории Петра Великого. По моей близорукости я даже сперва не узнал его; но, благородный душою, Пушкин устремился прямо ко мне, обнял крепко и сказал: “Простили ль вы меня? А я не могу доселе простить себе свою глупую эпиграмму, особенно, когда я узнал, что вы поехали в Иерусалим. Я даже написал для вас несколько стихов: что, когда при заключении мира все сильные земли забыли о святом граде и гробе Христовом, один только безвестный юноша о них вспомнил и туда устремился. С чрезвычайным удовольствием читал я ваше путешествие”. Я был тронут до слез и просил Пушкина доставить мне эти стихи, но он никак не мог их найти в хаосе своих бумаг, и даже после его смерти их не отыскиали, хотя я просил о том моего приятеля Анненкова, сделавшего полное издание всех его сочинений»²⁴.

Итак, перед нами два — очень близких с фактической стороны — варианта рассказа об этой встрече. Последний более пространный и подробный; в него включено упоминание о «Путешествии» как произведении, уже якобы прочитанном и оцененном Пушкиным. Заметим: это именно

²² Из формулярного списка Муравьева (РГИА, ф. 789, оп. 7, № 104, л. 5).

²³ Впервые опубл.: *Хохлова Н. А.* Андрей Николаевич Муравьев — литератор. С. 68.

²⁴ *Муравьев А. Н.* Знакомство с русскими поэтами. С. 18—19.

упоминание, и звучит оно как вставка. Акцент по-прежнему — на стихотворном посвящении, причем изложение его сюжета — не что иное, как перефразировка соответствующего места из «Моих воспоминаний».

Тем не менее В. Э. Вацуру откомментировал редакцию, изложенную в «Знакомстве», следующим образом: «По-видимому, здесь ошибка, и речь идет не о стихах, а о наброске рецензии на книгу “Путешествие ко Святым местам в 1830 году” <...> где очень близко перефразированы приведенные слова»²⁵, то есть дезавуировал рассказ о стихотворном посвящении. Комментатор имел в виду следующее место из пушкинской рецензии: «Во время переговоров, среди торжествующего нашего стана, в виду смятенного Константинополя, один молодой поэт думал о ключах св. храма, о Иерусалиме, ныне забытом христианскою Европою для суетных развалин Парфенона и Ликейя. Ему представилась возможность исполнить давнее желание сердца, любимую мечту отрочества» (Акад. Т. 11. С. 217)²⁶.

Действительно, сюжет якобы написанного Пушкиным стихотворения (как мы его знаем в изложении Муравьева) и данный фрагмент рецензии близки — не случайно В. Э. Вацуру говорит о перефразировке: в этом состоит суть его аргументации. Однако на наш взгляд, мы имеем дело с банальной компиляцией или, по выражению того же исследователя, «стилизацией» фактов, которую он сам отмечал в мемуарах Муравьева²⁷. Дело в том, что композиционно «Знакомство» представляет собой серию очерков. По замыслу автора, каждый из них должен был вобрать в себя всю сумму фактов, относящуюся к истории его взаимоотношений с тем или иным деятелем литературы. Следуя этой логике, мемуарист «подверстал» к рассказу о посвященном ему стихотворении отзыв поэта о «Путешествии», так как все это составляло единый «пушкинский» сюжет. С аналогичным явлением мы столкнулись, комментируя «лермонтовский» сюжет, центральное место в котором занимает история создания стихотворения «Ветка Палестины»²⁸.

²⁵ П. в восп. Т. 2. С. 390.

²⁶ По-видимому, Пушкин опирался на следующий фрагмент из рецензируемой книги (глава «Мир»): «Тогда, расположенный грустию и навыком долгих лишений к предприятю тяжкому, решился я следовать наконец давнишнему влечению сердца и, преодолев любовь к родине, которая меня к себе манила, пуститься в новый, дальний путь, от ранних лет начертанный в моих мыслях, к священной цели, которой уже не мог миновать на жизненном поприще» (Муравьев А. Н. Путешествие ко Святым местам в 1830 году. СПб., 1832. Ч. 1. С. 14—15).

²⁷ Вацуру В. Э. Пушкин в московских литературных кружках середины 1820-х годов: (Эпиграмма на А. Н. Муравьева) // Вацуру В. Э. Пушкинская пора. СПб., 2000. С. 140.

²⁸ Хохлова Н. А. Андрей Николаевич Муравьев — литератор. С. 201.

Таким образом, мы склонны отвергнуть версию, согласно которой встреча в министерстве произошла после выхода «Путешествия», то есть в зиму 1832 / 1833 г. В таком случае возникает закономерный, ключевой для комментатора вопрос: если она произошла на год раньше, а следовательно, речь действительно идет о стихотворении, то что могло послужить Пушкину материалом для его создания? Иными словами, следует ли рассматривать «Путешествие» как единственный источник сведений поэта о паломничестве Муравьева?

Оказывается, такой материал был. Путешествие Муравьева по Святым местам имело широкий резонанс в обществе, причем в разных его слоях — светском, военном, а также в правительственных кругах. Это было одно из первых путешествий, предпринятых представителем высшего сословия русского общества. Правительство оказало Муравьеву финансовую поддержку, имея в виду, что его паломничество не лишено дипломатической и миссионерской окраски (Муравьев отправился в путь сразу после окончания русско-турецкой войны 1828—1829 гг. и подписания Адрианопольского трактата по прямому разрешению главнокомандующего русскими войсками гр. И. И. Дибича)²⁹. За ходом путешествия внимательно следили его родственники и друзья. По возвращении в Россию (в июле 1830 г.), в Одессе, он узнал, что разнесся слух о его гибели, и записал впоследствии в мемуарах: «Батюшка обрадовался мне, как воскресшему»³⁰.

Ореол славы путешественника открыл перед ним двери великосветских и литературных салонов. Так, он был принят в доме министра финансов гр. Е. Ф. Канкрин (супруга министра, Е. З. Канкрин, урожденная Муравьева, приходилась ему дальней родственницей): «К ней <...> съезжались все власти, и она старалась познакомить меня с ними, гордясь тем, что ее родственник был в Иерусалиме. Тогда это была вещь необычайная, потому что никто еще из хорошей фамилии не странствовал во Святую землю»³¹.

²⁹ Это путешествие стало отправной точкой процесса конституирования русско-иерусалимских отношений. Подробно о нем см.: *Лисовой Н. Н.* Феномен А. Н. Муравьева и русско-иерусалимские отношения первой половины XIX в. // *Православный Палестинский сборник*. М., 2005. Вып. 103. С. 4—20.

³⁰ *Муравьев А. Н.* Мои воспоминания. С. 589.

³¹ Там же. С. 594. В Европе путешественник по Востоку тоже воспринимался как некий «культурный экзот». В романе У. Теккерея «Ярмарка тщеславия» (1847—1848) встречаем характерное пародирование этого образа: «Распорядителем праздника был молодой Бедвин Сендс, в ту пору блестящий денди и путешественник по Востоку. В те дни путешественников по Востоку уважали, и отважный Бедвин, выпустивший *in quarto* описание своих странствий и проведший несколько месяцев в палатке в пустыне, был особой немаловажной» (*Теккерей У.* Ярмарка тщеславия / Пер. М. А. Дьяконова. М., 1960. Т. 2. С. 210).

Что касается осведомленности Пушкина о путешествии «безвестного юноши», то в его распоряжении был еще один канал — семейный. Имение Муравьевых Осташево находилось в недалеком соседстве с селом Ярополец, где, как известно, располагались усадьбы Гончаровых и Чернышевых. Муравьев был особенно дружен с И. Н. Гончаровым (впоследствии он посвятил ему одно из наиболее значительных своих сочинений — «Письма о Богослужении Восточной католической церкви»); а одна из сестер Чернышевых — Надежда Григорьевна некоторое время считалась его невестой. Еще в период сватовства к Н. Н. Гончаровой, в 1830 г., Пушкин вошел в круг этих семейных связей, в орбиту которых, как видим, попадал и Муравьев.

О предпринятом путешествии поэт мог узнать и из собственно литературного источника — стихотворения Муравьева «Прощальная песнь паломника»³², опубликованного в «Московском телеграфе» в 1830 г. со следующим примечанием издателя: «...юный поэт, когда смолкли громаы брани на полях Румелии, испросил себе позволение отправиться в Иерусалим, чтобы провести там Святую неделю. Он теперь уже в пути. Стихотворение, здесь предлагаемое, писано им перед самым отъездом»³³. Впоследствии оно было положено на музыку А. А. Алябьевым и стало довольно известным романсом.

Стихотворение ярко передает пафос поступка Муравьева — его решимость посетить Святую землю. Приведем начало:

Я принял крест, я посох взял,
Меня влечет обет священный;
Вы все, для коих я дышал
В отчизне дальней, незабвенной,

Ах! помолитесь за того,
Кто вспомнит вас в своих мольбах!

Наконец, необходимо учитывать еще одно обстоятельство. Как уже отмечалось, публика ожидала появления «Путешествия» с нетерпением. Отчасти оно подогревалось самим автором: Муравьев отнюдь не держал в тайне работу над книгой. О ней, несомненно, знали участники кружка И. И. Козлова, который он особенно часто посещал в 1832 г. В известном дневнике поэта имя Муравьева упоминается наряду с именами гр. А. Г. Лаваль, В. А. Жуковского, А. И. Тургенева, П. А. Вяземского, А. С. Даргомыжского, Н. В. Путяты и др.³⁴ Можно предположить, что

³² Варианты названия: «Богомалец», «Паломник».

³³ МТ. 1830. Ч. 31, № 3. С. 314—315.

³⁴ *Козлов И. И. Дневник / Публ. К. Я. Грота // СиН. СПб., 1906. Т. 11. С. 50—66.*

некое представление о готовящемся издании сложилось и в московском славянофильском кругу благодаря Н. М. Языкову, который встретился с Муравьевым в Москве сразу после возвращения последнего из путешествия. 16 августа 1830 г. он писал брату А. М. Языкову: «Третьего дня воротился я из путешествия в Новый Иерусалим, продолжавшегося с неделю, ездил туда с Погодиным, воспользовавшись возвращением из Палестины, Сирии, Египта и проч. Андрея Муравьева: он объяснил нам все, что нужно по части нашего Иерусалима сравнительно с истинным: он описал все, что видел, читал нам отрывки этого описания; отправляется в Питер окончательно обработать свое сочинение и издать в свет; все это чрезвычайно важно всякому христианину и чрезвычайно любопытно всякому любопытному»³⁵.

Совокупность всех приведенных фактов убеждает в том, что Пушкин, скорее всего, был хорошо осведомлен о путешествии Муравьева и воспринял его как поступок, заслуживающий уважения. Еще до появления книги он располагал сведениями, на основе которых могло быть написано стихотворение. Следует особо отметить, что в его сюжете, пересказанном Муравьевым, реалий, которые восходили бы непосредственно к «Путешествию», нет. Есть лишь впечатление от поступка, его эмоциональная оценка.

Остается последний, интригующий вопрос: было ли стихотворение действительно написано и впоследствии, как утверждает Муравьев, потерялось в «хаосе бумаг» поэта? Однозначного ответа на него нет. Однако с большой долей уверенности можно предположить, что это была мистификация со стороны Пушкина, знак вежливости, продиктованный сложной гаммой чувств: с одной стороны, еще была памятна история с резкой эпиграммой на Муравьева-поэта, с другой — он горячо сочувствовал Муравьеву-путешественнику.

Аналогичную «психологическую» трактовку встречаем у самого адресата мистификации. Рассуждая о восприятии «Путешествия», Муравьев писал: «Жуковский и Пушкин наиболее хвалили мою книгу: первый потому, что принимал во мне участие, последний же оттого, что чувствовал себя виноватым за эпиграмму, написанную против меня еще в 1826 году»³⁶.

Примечательно, что публикатор «Моих воспоминаний» А. А. Третьяков еще в 1895 г. выразил сомнение в правдоподобности рассказа о написанном и затем утраченном стихотворении³⁷.

³⁵ Языков Н. М. Письма к родным / Публ. А. А. Карпова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978. С. 163.

³⁶ Муравьев А. Н. Мои воспоминания. С. 599. (Правильно: в 1827 году.)

³⁷ Там же. С. 600.

Попытка идентификации «утраченного» текста однажды уже была предпринята. Анализируя источники стихотворения Пушкина «Из Гафиза» («Не пленяйся бранной славой...», 1829), Д. И. Белкин предположил, что они «восходят не только к подлинным строкам Хафиза, но и к отдельным творениям современников Пушкина». «По нашим наблюдениям, — замечает исследователь, — стихотворение “Из Гафиза” представляет собой также своеобразный ответ на воинственные вирши “В Персию!” Андрея Муравьева. <...> ...по словам Муравьева, поэт написал для него несколько стихов, которые “никак не мог найти в хаосе своих бумаг”. Не углубляясь в доказательства, укажем, что строфы “Из Гафиза” и были, вероятнее всего, теми стихами, которые адресовались А. Н. Муравьеву. <...> Содержание строк “Из Гафиза” переросло смысл индивидуального ответа. (Видимо, в этом одна из причин того, почему Пушкин так и “не мог найти в хаосе своих бумаг” стихов, написанных специально А. Н. Муравьеву)»³⁸. Здесь уместно будет, во-первых, напомнить пушкинский текст и, во-вторых, познакомить со стихотворением Муравьева.

Из Гафиза

(Лагерь при Евфрате)

Не пленяйся бранной славой,
 О красавец молодой!
 Не бросайся в бой кровавый
 С карабахскою толпой!
 Знаю, смерть тебя не встретит:
 Азраил, среди мечей,
 Красоту твою заметит —
 И пощада будет ей!
 Но боюсь: среди сражений
 Ты утратишь навсегда
 Скромность робкую движений,
 Прелесть неги и стыда!

(Акад. Т. 3. С. 163)

В Персию!

Я слышу клич призывный брани! —
 Ему внимает жадный слух.
 На битву рвется меч из длани,
 В груди пылает юный дух!

³⁸ Белкин Д. И. Пушкинские строки о Персии // Пушкин и мир Востока. М., 1999. С. 127—128.

Зарокотали смертью струны, —
Я узнаю их вещей глас!
Их громозвучные перуны,
Друзья, — на бой подвигнут вас!
На бой! на бой, на поле славы
Стремитесь бурною толпой!
Вас увенчает лавр кровавый,
Бессмертье — храм откроет свой!
Сожмите меч в руке могучий!
Отважно обнажите грудь!
На сонм врагов, как вихрь летучий,
Неситесь в незабвенный путь!
Туда, туда, где бурны волны
Аракса берега разят,
И где, ковчега страж безмолвный,
Стоит двуглавый Арарат!
Туда — где колыбель Вселенной!
Где мира первобытный Рай!
Мы там сорвем венец нетленный,
Велим молве — не умолкай!
О конь, кипящий духом брани,
Неси меня на бурный бой!
Как цвет да не увяну ранний,
Да не паду в стране чужой!
И ты руке нетерпеливой
Не измени, надежный меч!
Тебе вверяю я порывы
Души молодой: с тобою лечь!

Стихотворение «В Персию!» было написано в конце 1826 г.: автограф его содержится в письме Муравьева брату, Н. Н. Муравьеву-Карскому³⁹, участвовавшему в русско-персидской войне (1826—1827). Стихотворение ярко передает горячее стремление автора присоединиться к «персидскому походу» и в этом смысле автобиографично. Стремление это не осуществилось, но спустя два года Муравьев стал участником другой — русско-турецкой кампании (1828—1829), по окончании которой, как мы знаем, отправился в путешествие по Святым местам, а по возвращении на родину издал «Путешествие ко Святым местам в 1830 году». Д. И. Белкин совместил две эти похожие, но никак не совместимые биографические ситуации (1826—1827 и 1828—1829 гг.), а

³⁹ ОПИ ГИМ, ф. 254, № 351, л. 118 об. — 119 об. Стихотворение впервые опубликовано: Северная лира на 1827 год. М., 1827. С. 186—188. Вошло в поэтический сборник Муравьева «Таврида» (М., 1827. С. 133—134).

следовательно, и два принципиально различных воплощения, которые они получили в творчестве Муравьева.

Действительно, стихотворение «В Персию!» наряду с другими откликами на события этой войны образуют своего рода фон, на котором может быть рассмотрено пушкинское произведение. Однако скольконибудь убедительных оснований трактовать его как «своеобразный ответ» Муравьеву нет.

«Из Гафиза» было написано во время путешествия в Арзрум, в 1829 г. Сведений о личных или творческих контактах Пушкина и Муравьева после 1827 г., то есть после опубликования эпиграммы, в период с 1827 по 1831 г., нет. Следовательно, в этом стихотворении неизбежно должна была отразиться система отношений и оценок, которая сложилась в 1827 г. (Напомним, что суть претенциозной «шалости» Муравьева в салоне З. Волконской заключалась в том, что он сравнил себя с Аполлоном.) В этом контексте первые смыслообразующие строки стихотворения — будь они адресованы Муравьеву: «Не пленяйся бранной славой, / О красавец молодой!» — не могли бы быть прочитаны иначе, как саркастически. А значит, перевели бы весь строй стихотворения из органически присущего ему ориентального в памфлетно-ироническое семантическое поле.

Итак, гипотеза Д. И. Белкина должна быть решительно отвергнута. Исследователь предпринял поиски «затерявшегося» стихотворения в области, хорошо ему известной, составляющей предмет его научных интересов, но в данном случае не прояснил сути вопроса. «Не углубляясь в доказательства», он не обратил внимания на то, что Муравьев дважды в своих мемуарах пересказал со слов Пушкина сюжет этого стихотворения, который никак не связан ни с русско-персидской войной, ни с поэзией Востока.

«Метель» в контексте «Повестей Белкина»

20 сентября 1830 г., закончив работу над «Барышней-крестьянкой» (ею впоследствии будут заключены «Повести Белкина»), Пушкин впервые наметит программу прозаического цикла, подытожив ее проектом общего эпиграфа:

[А вот] то будет, что и нас не будет
пословица Св<ятогорского> Игу<мена>
(Акад. Т. 8. С. 581).

Сентенцию эту вспомнить в ту пору было кстати: несколькими днями ранее Пушкин напишет П. А. Плетневу: «Около меня Колера Морбус. Знаешь ли, что это за зверь? того и гляди, что забежит он и в Болдино, да всех нас перекусает — того и гляди, что к дяде Василью отправлюсь, а ты и пиши мою биографию» (Акад. Т. 14. С. 112).

Впоследствии сборнику будет предпослан иной эпиграф, но важно отметить в данном случае предпосылку замысла, приведшего к созданию первой прозаической книги Пушкина.

Недаром цикл этот был начат рассказом о гробовщике, а впоследствии озаглавлен «Повести покойного Ивана Петровича Белкина»¹.

Самая фантастическая болдинская повесть стала в то же время и наиболее насыщенной личными впечатлениями автора. «Как вам не стыдно было, — напишет он невесте, — оставаться на Никитской во время эпидемии? Так мог поступать ваш сосед Адриан, который обдывает выгодные дела» (Там же. С. 120, 418; оригинал по-франц.).

Повесть «Гробовщик» стала центром симметрии всего прозаического цикла. В общем составе книги она выделяется на фоне всех других повестей — и городской средой, и мещанским колоритом, и фантастическим содержанием страшного сна героя. Нагнетаемая в рассказе тема смерти разрешается здесь вполне благополучно, в конечном счете — анекдотически. Отметим, однако, что эпиграф, предпосланный повести, отсылает к оде Державина «Водопад», где смертному уделу человека противопоставлялась благодарная память о нем потомков. Столь высокий смысл недоступен Адриану, для которого мертвец — лишь средство наживы. В то же время сон героя

¹ Курсив наш.

недаром содержит две части: описание похорон купчихи, заказанных ее наследником (он-то и выступает подлинным клиентом гробовщика!), и нашествие мертвецов.

Нужно ли напоминать, что для Пушкина память об умерших была священна. В Болдине из-под его пера появятся и такие строки:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

[На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его.]

(Там же. Т. 3. С. 242, 849)

В отличие от Адрияна, герои остальных повестей хранят благодарную память о покойных: о Сильвио, о прапорщике Владимире, о Самсоне Вырине. Только в «Барышне-крестьянке» никто не умирает. Но недаром заголовок всего сборника станет своего рода памятником человеку, который сохранил рассказы своих знакомцев.

Впрочем, сообщены читателям все эти побасенки явно с иронией: мол, хотите — верьте, хотите — нет, ваше дело!² Такой эффект достигается наличием нескольких рассказчиков, каждый из которых вносит свою лепту в организацию повествования.

На первом уровне собственно рассказчики — титулярный советник А. Г. Н., подполковник И. Л. П., приказчик Б. В., девица К. И. Т. Записавший от них истории Иван Петрович Белкин, очевидно, был не столь наивен и простодушен, как это представлялось его соседу, чье письмо предпослано повестям. Едва ли справедливо впрямую уподоблять двух пушкинских Белкиных — из «Истории села Горюхина» (оставленной Пушкиным в рукописи) и «Повестей»: второй из них более образован и начитан. В письме ненарадковского помещика, приведенном в предисловии к сборнику повестей, было сказано, что «имена в них почти все вымышлены им самим (Белкиным. — С. Ф.), а названия сел и деревень заимствованы из нашего околотка, отчего и моя деревня где-то упомянута. Сие произошло не от злого какого-то намерения, но единственно от недостатка воображения» (Акад. Т. 8. С. 63). При этом, просматривая все повести Белкина, мы с удивлением обнаруживаем, что упомя-

² Ср. в отклике журнала «Телескоп» (1831. Ч. 6, № 21) на «Повести Белкина»: «Г. Белкин как будто не принимал ни малейшего участия в своих героях, и к каждой повести приговаривает: “Кажется, так было, а впрочем, мне дела нет”» (цит. по: Пушкин в прижизненной критике. [Т. 3]: 1831—1833. СПб., 2003. С. 132).

нутые в «Метели» названия Ненарадово и Жадрино почти уникальны для всего цикла. Обычно провинциальные местечки, где развиваются события рассказов, записанных Белкиным, обозначены или звездочками, или же литерой N. Конкретные названия тем самым должны были иметь какой-то особый смысл³. В рассказе о семействе «добротного Гаврилы Гавриловича Р**» Белкин вспомнил название села своего соседа (Ненарадово), возможно уловив в отце героини психологические черты своего знакомца — радушного, но совершенно лишенного каких-либо романтических идеалов. Сам же Белкин, передавая услышанные от разных лиц занимательные рассказы, угадывает в них знакомые ему литературные модели.

Наконец, издатель А. П. тоже внес свою лепту в оформление сборника. Казалось бы, он добавил для занимательности лишь эпиграфы, которые, по большей части, провоцировали ожидание несколько иных развязок, нежели те, которые изначально были известны читателям, тем самым поддерживая их интерес и заранее предвосхищая реакцию в каждом из финалов: «Вон оно как! А мы-то думали...».

Таковы условия игры, предложенные Пушкиным читателю. «Драматического писателя, — замечал он, — должно судить по законам, им самим над собою признанным» (письмо к А. А. Бестужеву от конца января 1825 г. — Акад. Т. 13. С. 138). Это в полной мере относится к «Повестям Белкина», в которых подлинный автор скрыт за рассказчиками, хронистом, издателем.

Но заявленное в предисловии участие А. П. обозначено не только в подобранных эпиграфах, а прежде всего, в отборе белкинских записей и в выверенном расположении частей сборника.

Пары начальных и конечных повестей сборника представляют собой своеобразные диалоги. «Выстрел» и «Метель» объединяются военными героями, «Станционный смотритель» и «Барышня-крестьянка» — темой социально неравного брака. В первых рассказах каждой из этих пар доминируют драматические судьбы главных персонажей (Сильвио, Самсон Вырин), а ситуации счастливого семейного союза находятся на периферии сюжетов, — в отличие от соположенных повестей, сообщенных одним и тем же лицом, девицей К. И. Т., которая, подобно своим героиням, также, видимо, мечтает о замужестве. Творческая история «Повестей Белкина» свидетельствует, что и сочинялись названные повести парами: «Станционный смотритель» и «Барышня-

³ Замечено, что в «Барышне крестьянке» наименования деревень содержат своеобразные автобиографические реминисценции (см.: *Аринштейн Л. М.* Сельцо Захарово в биографии и творчестве Пушкина // ПИМ. Л., 1991. Т. 14. С. 186).

крестьянка» — в сентябре (14-го и 20-го), а «Выстрел» и «Метель» — в октябре (14-го и 20-го) 1830 г. В последних произведениях можно заметить обогащение нарративного опыта Пушкина: композиции обеих повестей не совпадают с фабулами (хронологически последовательным изложением событий).

Из всех белкинских анекдотов самое невероятное стечение обстоятельств содержится в повести «Метель». Рассказ девицы К. И. Т. держит читателя в недоуменном напряжении. «В “Метели”, — отмечал рецензент «Телескопа», — очень искусно прервано повествование о побеге дочери и другое — об известии, которое узнал несчастный жених. С каким приятным удивлением после страшного его плутания, ожидая, что с невестою, убежавшею с вечера из дома родительского, случилось еще большее несчастье, а в отеческом доме поднялась ужасная тревога, вдруг читаем <...>: “Но возвратимся к добрым ненародовским помещикам и посмотрим, что у них делается. А ничего! <...>”. Что все это значит? — думает читатель, а автор очень ловко отложил объяснение до последнего почти слова в повести»⁴.

К тому же предпосланный повести эпиграф из баллады Жуковского «Светлана» заранее внушал ожидание иной развязки:

Кони мчатся по буграм,
Топчут снег глубокой...
Вот, в сторонке Божий храм
Виден одинокой.
.....
Вдруг метелица кругом:
Снег валит клоками;
Черный вран, свистя крылом,
Вьется над санями;
Вещий стон гласит печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрят в темну даль,
Воздымая гривы...

Вспомним, что накануне предполагаемого тайного венчания Марье Гавриловне так же, как и героине Жуковского, снились страшные сны: «То казалось ей, что в самую минуту, как она садилась в сани, чтобы ехать венчаться, отец останавливал ее, с мучительной быстротой тащил по снегу и бросал ее в темное, бездонное подземелье; то видела она Владимира, лежащего на траве, бледного, окровавленного. Он, умирая, молил пронзительным голосом поспешить с ним обвенчаться...» (Акад. Т. 8. С. 78). Вот этот «вещий стон» уми-

⁴ Пушкин в прижизненной критике. [Т. 3]: 1831—133. С. 134.

рающего жениха и предвещался в пушкинской вариации балладных стихов, но читатели, конечно же, помнили, что в балладе все кончалось счастливо — возвращением из военного похода жениха, который только привиделся погибшим.

Впрочем, неожиданный финальный сюжетный поворот повести тоже отсылал к литературной традиции. В исследовательской литературе названо множество произведений с подобными фабульными перипетиями: «Комедия ошибок» и «Зимняя сказка» Шекспира, новелла Сервантеса «Сила крови» («*La fuerza de la sangre*», опубл. в 1613) и ее позднейшая русифицированная обработка в повести Е. И. и А. Ф. Вельтманов и М. П. Погодина «Дочь матроса» (опубл. 1850), роман В. Скотта (Scott; 1771—1832) «Сент-Ронанские воды» («*St. Ronan's Well*», 1824), новелла Вашингтона Ирвинга (Irving; 1783—1859) «Жених-призрак» («*The Spectre Bridegroom*») из «Книги эскизов» («*The Sketch-Book*», 1819—1820), комедия М. Гийо де Мервиля (Guyot de Merville; 1676—1755) «Воссоединенные супруги, или Вдова-дева и жена» («*Les Eoux réunis, ou la Veuve fille et femme*», 1738), повесть швейцарской писательницы Ж.-П.-И. де Монтолье (Montolieu; 1751—1832) «Барон д'Альдестан, или Власть любви» («*Le Baron d'Adelstan, ou le Pouvoir de l'amour*», 1812), переводившаяся в пушкинское время на русский язык под заглавием «Урок любви»⁵, анонимная повесть «Кто бы это предвидел? (Истинное происшествие)»⁶, повесть В. И. Панаева «Отеческое наказание. (Истинное происшествие)»⁷, водевиль Н. И. Хмельницкого «Суженого конем не объедешь, или Нет худа без добра» (1821). К этому перечню можно еще добавить древнерусскую «Повесть о Тверском отроче монастыре», послужившую позднее сюжетной основой для поэмы В. К. Кюхельбекера «Юрий и Ксения» (1832—1835). Развязка же «Метели» более всего сближалась с сюжетной коллизией комедии П.-К.-Н. де Лашоссе (*La Chaussée*; 1692—1754) «Ложная антипатия» («*La fausse antipathie*», 1773), содержание которой было Пушкину знакомо, вероятно, еще по пересказу в «Лицее» («*Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne*», 1799—1805) Ж.-Ф. де Лагарпа (*La Harpe*; 1739—1803). Лагарп считал, что эта пьеса имеет два серьезных недостатка. Во-первых, зрители с самого начала посвящены в суть происходящего, что лишает сюжет занимательности, во-вторых, любовная перипетия не заключает в себе подлинной интриги: счастьем героев в

⁵ ВЕ. 1820. Ч. 111, № 9. С. 3—34; № 10. С. 81—114; № 11. С. 165—191 (пер. Н. А. Полевого).

⁶ Благ. 1818. Ч. 1, № 2. С. 229—236.

⁷ Благ. 1819. Ч. 6, № 8. С. 82—95.

действительности ничто не препятствует, и, пожелав заключить новый брачный союз, они могли попросту ликвидировать старый, то есть развестись. Автор «Метели» избегает обеих этих ошибок⁸.

Во всех названных выше произведениях, однако, отсутствует мотив, давший заглавие повести Пушкина и развитый уже в первом его болдинском стихотворении «Бесы», где отразились тревожные предчувствия поэта на пороге перемены своей судьбы.

Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят;
Вот уж он далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят...
(Акад. Т. 3. С. 226)

Нельзя не заметить здесь и ритмического, и некоторого образного сходства с эпиграфом, избранным для повести «Метель».

В отличие от современных Пушкину критиков, дружно не принявших «Повести Белкина», пушкинисты пытаются определить оригинальность (и глубину) пушкинской трактовки традиционных сюжетов. «Неожиданное соединение, — замечал о повести «Метель» Г. П. Макогоненко, — разделенных случаем мужа и жены — Бурмина и Марьи Гавриловны, — счастливо для обоих. Но автор иронией дает нам понять, как прозаично, как неглубоко, как примитивно определится это счастье. Судьба Марьи Гавриловны обусловлена законами ее среды; выйдя замуж, она повторит цикл жизни ненарадовских помещиков»⁹. В. Э. Вацуро увидел в концовке повести психологическое подобие финала романа в стихах «Евгений Онегин»: «Что скрывается за краткими репликами и скупыми жестами концовки “Метели”? Пережитая драма женщины, обреченной на одиночество, виновник ее несчастья, случаем вернувшийся, добившийся ответного чувства — и в решительный момент узнавания не узнавший в возлюбленной жертву своей “преступной проказы”... В противоположность всем канонам повесть оканчивается не мотивом любовного соединения, а мотивом вины; концовка сводит в один фокус все драматические сюжетные линии, развернутые в повести»¹⁰. Еще более сложную трактовку заключительной сцены повести предложил В. В. Головин, считающий, что Марья Гавриловна при

⁸ См.: *Вольперт Л. И.* Пушкин и психологическая традиция во французской литературе. Галлинн, 1980. С. 152—154.

⁹ *Макогоненко Г. П.* Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1830—1833). Л., 1974. С. 145.

¹⁰ *Вацуро В. Э.* Повести покойного Ивана Петровича Белкина // Вацуро В. Э. Записки комментатора. СПб., 1994. С. 39.

новой встрече разгадала во Владимире Бурмине злополучного гусара и искусно заставила его признаться в юношеской проказе. Имя его хотя и не названо в повести, но оно непременно должно было прозвучать в свадебном обряде, как бы наскоро ни была проведена эта церемония¹¹. Каждая из этих интерпретаций по-своему интересна, но, в общем-то, не отвечает простому читательскому восприятию повести.

Вполне проясняет загадочность изложенных происшествий рассказ Бурмина. Да, стечение обстоятельств в высшей степени неожиданное, но, слава Богу, все завершилось прекрасно. Эффект счастливой развязки, искусно подготовленный повествователем, внушает читателю полное удовлетворение.

И все же, за что награждены счастьем и Марья Гавриловна, пожертвовавшая памятью о бедном прапорщике, и полковник Бурмин, некогда совершивший непозволительную шалость? Чтобы понять это, нужно прочесть «Метель» в контексте всего болдинского цикла — особенно в контрастной переключке ее с первой из повестей.

В составе цикла все болдинские повести выстроены прежде всего в хронологической последовательности изложенных разными рассказчиками историй. Первая из них фабульно начиналась прерванной дуэлью Сильвио с графом Б*** еще за несколько лет до войны 1812 г. В прерывистой композиции «Выстрела» эпоха национального бедствия и торжества выпала из повествования, оставшись в подтексте — проясняющим тем не менее судьбу загадочного героя. С самого начала рассказчик был заинтригован: «Какая-то таинственность окружала его судьбу; он казался русским, а носил иностранное имя. Некогда он служил в гусарах, и даже счастливо; никто не знал причины, побудившей выйти его в отставку и поселиться в бедном местечке, где жил он вместе и бедно и расточительно: ходил вечно пешком, в изношенном черном сертуке, а держал открытый стол для всех офицеров нашего полка. <...> У него водились книги, большею частию военные, да романы. <...> Главное упражнение его состояло в стрельбе из пистолета» (Акад. Т. 8. С. 65). Все говорило о его профессиональных военных навыках. Потому-то так и поразил рассказчика поступок Сильвио, который не рискнул выйти на поединок со своим обидчиком после картежной ссоры. Но оказывает-

¹¹ Головин В. В. «Метель» Пушкина: Святочный комментарий // Фольклор, постфольклор, быт, литература: Сб. ст. к 60-летию В. В. Белоусова. СПб., 2006. С. 206—210. В целом же в этой статье развита достаточно рискованная гипотеза о святочном времени жадринской свадьбы. Но венчания в святочные дни православной церковью запрещены. Нагнетаемые в рассказе о свадьбе Марьи Гавриловны и Бурмина святочные мотивы, проницательно обнаруженные исследователем, лишь провоцировали, в сущности, ложное читательское ожидание, — так же, как и эпиграф к повести.

ся, это ничто по сравнению с тем, как он, гусарский офицер, не преврал свою добровольную отставку в годы Отечественной войны. Жажда личной мести стала и этому причиной. Лишь одержав моральную победу над давним противником, Сильвио вернулся в строй. Его гибель в битве при Скулянах стала запоздалым искуплением преступления перед собственным отечеством. Впрочем, он готов был к смерти уже во время второй дуэли с графом, заставив его всю дальнейшую жизнь переживать отступление от законов чести.

Симптоматично, что некоторые исследователи уверены в том, что «бравый гусар не мог уйти в отставку ранее 1814 г. (победного возвращения армии в Россию)»¹², вопреки прямым указаниям в тексте повести о том, что первая дуэль Сильвио с графом произошла за шесть лет до знакомства героя с рассказчиком и признанием графа при встрече с последним, что он уже четыре года до того не брал в руки пистолета. Точная дата сражения под Скулянами (1821) позволяет отнести начало всех названных событий к довоенному времени. Тем самым процитированное выше утверждение исследователей должно было прозвучать так: «не должен был выйти в отставку». Но... тем не менее вышел!

Граф Б**, который, в отличие от Сильвио, несомненно участвовал в Отечественной войне, также духовно переменялся: не просто постарел (ему всего 26 лет), но и прочувствовал ценность жизни, неизвестную ему в юности. Да, во второй дуэли с соперником он вел себя не по правилам, но своеобразным искуплением этого проступка стал его покаянный рассказ совершенно постороннему человеку, подполковнику И. Л. П. Повесть о Сильвио, по законам цикла, приобрела дополнительный смысл на фоне повести «Метель» (едва ли случайно жену графа зовут так же, как и героиню «Метели», — Марией).

Основной исторический мотив «Метели» — события Отечественной войны 1812 г.: на войне гибнет пехотный прапорщик Владимир, получает рану гусарский полковник Бурмин, и затем описывается всеобщее упоение победой: «Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове *отечество!* Как сладки были слезы свидания!» (Акад. Т. 8. С. 83). Девица К. И. Т. сразу же подчеркнула: «В конце 1811 года, в эпоху нам достопамятную...» (Там же. С. 77).

Обратим внимание и на то, куда направлялся гусарский повеса, занесенный ненароком метелью в жадринскую церковь: «В начале 1812 года, — говорит Бурмин, — я спешил в Вильну, где находился наш полк...» (Там же. С. 85).

¹² Дарвин М. Н., Тюпа В. И. Циклизация в творчестве Пушкина: Опыт изучения конвергентного сознания. Новосибирск, 2001. С. 200.

События Отечественной войны были хорошо памятливы первым читателям «Повестей Белкина». 24 июня 1812 г. войска Наполеона форсировали Неман, развивая наступление на Москву через Ковно и Вильну. Таким образом, Бурмин принял участие в военной кампании с первых ее дней и прошел всю ее с честью, получив и орден Святого Георгия (который давался за личную храбрость), и чин полковника, и рану в руку (вероятно, от сабельного удара, учитывая его кавалерийскую службу). События войны быстро преображали ее героев — физически и духовно. В черновой рукописи автор предполагал наглядно донести эту мысль до читателей, развив характер одного из многочисленных поклонников Марии Гавриловны: «В числе новых двое, казалось, оспаривали между собой первенство, удалив всех прочих соперников. Один из них был сын уездного предводителя, тот самый маленький улан, который некогда клялся в вечной дружбе бедному нашему Владимиру, но ныне хохотун, обросший усами и бакенбардами и смотрящий настоящим Геркулесом. Другой был раненый гусарский полковник...» (Там же. С. 617). В улане тем самым подчеркивалось лишь физическое возмужание. Впрочем, из окончательного текста повести эта фигура была устранена, хотя ей, возможно, и предстояло сыграть особую роль в счастливой развязке всей истории.

Искушение вины и награда судьбы в конце концов доставались повзрослевшему гусару по праву: исторические события определили его духовное перерождение. В полной мере заслужила свое счастье и Марья Гавриловна: она бережно сохранила память о своей девичьей романтической влюбленности и была готова (как и Бурмин) до конца жизни не нарушать свой невольный супружеский долг. Судьба определила Марье Гавриловне не дожидаться желанного армейского прапорщика, а обвенчаться с иным — с женихом полуночным¹³. Название Жадрино¹⁴ появилось в рукописи не сразу, поначалу это село тоже было обозначено звездочками. В словаре Даля отмечено значение слова «жадеть (жадать)»: нетерпеливо хотеть, ожидать. Поистине: браки заключаются на небесах!

¹³ Здесь, возможно, Пушкиным была переосмыслена евангельская притча о девах со свечильниками, ожидающими жениха (Мф. 25: 1—13), подобно тому как в «Станционном смотрителе» — притча о блудном сыне.

¹⁴ Название села «созвучно с погостами Жадры, Жадрицы и Жедерицы в Опочечком, Новоржавском и Порховском уездах Псковской губернии» (*Столяров М. Н. Псковская губерния в поэзии Пушкина // Познай свой край. [Псков], 1924. Вып. 1. С. 34*) и селом Жадрино Нижегородской области (см.: *Сомова Т. А. Жедрино и Жадрино: Об одной топонимической загадке в повести А. С. Пушкина «Метель» // Пушкин на пороге XXI века: Провинциальный контекст. Арзамас, 2005. Вып. 7. С. 27—35*).

И вообще, как было отмечено рассказчицей: «Женщины, русские женщины были тогда бесподобны. Обыкновенная холодность их исчезла. Восторг их был истинно упоителен, когда, встречая победителей, кричали они: ура!

И в воздух чепчики бросали.

Кто из тогдашних офицеров не сознается, что русской женщине обязан он лучшей, драгоценной наградой?..» (Акад. Т. 8. С. 83).

Почти во всех «Повестях Белкина» повторяется мотив свадьбы¹⁵. Здесь нужно увидеть своеобразный вызов смерти, небытию, самой Колере Морбус, вызвавшей замысел прозаического цикла Пушкина, который в ту пору мечтал о собственной свадьбе.

¹⁵ См.: *Пяткин С. Н.* «Болдинские свадьбы» Пушкина // Пушкин на пороге XXI века: Провинциальный контекст. Арзамас, 2001. Вып. 3. С. 91—105.

Вяземский и Пушкин в споре о Крылове

1

Спор Пушкина и Вяземского о Крылове начался в переписке в конце 1823 г. Первые аккорды этого спора должны были прозвучать в письме от 4 ноября, где Пушкин просил Вяземского написать предисловие к «Бахчисарайскому фонтану» и где он впервые сообщал ему о работе над «романом в стихах» (Акад. Т. 13. С. 73). Крыловскими словами «а если брать, так брать, не то что и когтей марать» («Вороненок») Пушкин настраивал себя на будущую серьезную битву за этот роман с цензурой. В черновике этого письма сохранился большой фрагмент текста, который в это письмо не вошел:

О Дмитриеве спорить с тобо<ю> не стану, хоть все его басни не стоят одной хоро<шей> басни Крыловой, все его сатиры — одно-го из твоих посланий — [все его песни, мадригалы, оды, элегии] а все прочее [одной] [одного] первого стихотворения Жуковского. Ерм<ак> такая дрянь — [что] мочи нет, — сказки писаны в дурном роде, холодны и растянуты — по мне, Дмитриев ниже Нелединского — и стократ ниже стихотворца Карамзина — любопытно видеть его жизнь не для него а для тебя —

Хорош [русский поэт] poëte de notre civilisation. Хороша и наша civilisation! Грустно мне видеть, что все у нас клонится Бог знает куда — ты один бы мог прикрикнуть налево и направо, порастрясти старые репутации, приструнить новые и показать нам<?> путь истины, а ты покровительствуешь старому вралю не на <-----> нами...

(Акад. Т. 13. С. 381)

Не вошел он, очевидно, потому, что Пушкин решил пока не начинать полемику. Но сразу же надо отметить, что спор о Дмитриеве для Пушкина с самого начала означал бы и спор о Крылове.

Он, конечно, знал, что Вяземский написал панегирическое предисловие к шестому изданию сочинений Дмитриева («Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева») еще в 1821 г., что рукопись эта долго *ходила по рукам*, читали и исправляли ее А. И. Тургенев, Жуковский, Карамзин и др. Лишь в конце 1823 г. вышли долгожданные два тома¹.

¹ См.: *Вяземский П. А.* Соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 316—317, коммент. М. И. Гиллельсона.

В петербургских литературных кругах разговоры о предисловии Вяземского имели место еще до выхода издания. В начале октября Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Говорят, на меня гневаются за то, что в биографии Дмитриева не отдаю Крылову первенство. Впрочем, я говорил о нем с уважением. По совести поэтической признаю Дмитриева изящнее. Тот, может быть, прелестнее в ином смысле, но в деле искусства нет прихоти»².

Действительно, Вяземский утверждал в своей «Биографии» Дмитриева, что именно в баснях «завещает он нам славу полную», что «он первый начал у нас писать басни с правильностию, красивостию и поэзиею в слог»³. Перечисляя русских баснописцев — предшественников Дмитриева, от Сумарокова и Хемницера до А. Е. Измайлова, Вяземский говорит лишь об одном последователе, который «так сказать, бороться дерзнул с нашим поэтом, перерабатывая басни, уже им переведенные, и басни превосходные, и мы благодарны ему за его смелость. <...> Но г. Крылов с искренностию и праводушием возвышенного дарования, без сомнения, сознается, что если не взял он предместника (Дмитриева. — *Е. Д.*) за образец себе, то по крайней мере имел в нем пример поучительный и путевода, угладившего ему стезю к успехам. <...> Г-н Крылов нашел язык выработанный, многие формы его готовые, стихосложение — хотя и ныне у нас еще довольно упорное, но уже сколько-нибудь смягченное опытами силы и мастерства. Между тем забывать не должно, что он часто творец содержания прекраснейших из своих басен; и что если сие достоинство не так велико в отношении к предместнику его, который был изобретателем своего слога, то оно велико в сравнении с теми, которые не изобрели ни слога, ни содержания своих басен...»⁴

Итак, отдавая Дмитриеву пальму первенства в создании слога и стихосложения русской басни, Вяземский, как видим, считает Крылова талантливым его продолжателем и вместе с тем смелым соперником, который к тому же создавал и новые сюжеты. Впрочем, последнее Вяземский не считал большим достоинством, полагая, что традиции Лафонтена — не «изобретение», а «мастерское изложение».

Вяземский прекрасно знал, что на путь баснописца Крылова подтолкнул Дмитриев еще в 1805 г.: он покровительственно отправил Крылова (уже немолодого литератора, всего на девять лет моложе его самого) в «Московский зритель»⁵.

² ОА. Т. 2. С. 356.

³ *Вяземский П. А.* Соч. Т. 2. С. 67, 68.

⁴ Там же. С. 75—76.

⁵ Подробнее об этом см.: *Вацуро В. Э. И. И.* Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века // Вацуро В. Э. Пушкинская пора. СПб., 2000. С. 31—33.

Дмитриев выбрал у Крылова для публикации три басни: «Дуб и трость», «Разборчивая невеста» и «Старик и трое молодых». Все три были переделкой сюжета Лафонтена и уже неоднократно являлись на русском языке в переводах самого Дмитриева, Хвостова и др.

Вяземский знал, конечно, и не очень высокое мнение Дмитриева о басенном стиле Крылова. Дмитриев, поддерживаемый старыми и молодыми друзьями, вообще считал себя носителем образцового слога и вкуса (В. Л. Пушкин: «И в слоге Дмитреву стараюсь подражать»⁶, В. А. Жуковский: «Так Дмитриев, пророк и вкуса и Парнаса»⁷ и др).

Для Вяземского, с молодых лет глубоко почитавшего Дмитриева, он и Карамзин олицетворяли некий поэтический Олимп. В «Послании к И. И. Дмитриеву, приславшему мне свои сочинения» 1819 г. Вяземский писал:

Я получил сей дар, наперсник Аполлона,
Друг вкуса, верный страж Парнасского закона,
Вниманья твоего сей драгоценный дар.
<...>
Тебе, о Дмитриев, сулит успехи новы
Свет, с прежней жадностью внимать тебе готовый.
Что медлишь? На тобой оставленном пути
Явись и скипетр ты первенства схвати!⁸

Это «Послание» увидело свет лишь в январе 1823 г. в «Полярной звезде»⁹.

Но было и другое послание Вяземского к Дмитриеву, которое не обратило на себя внимание исследователей и не включено ни в одно из трех новейших собраний стихотворений Вяземского. По этой причине привожу текст с небольшим сокращением:

Ивану Ивановичу Дмитриеву
(В день его именин)

Иваны в списках Аполлона
В чести бывают искони:
Гомер лесного Илиона,¹⁰
Который грациям сродни

⁶ Послание «К В. А. Жуковскому» (1810).

⁷ «<Послания к кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину>» («На этой почте все в стихах...», 1814).

⁸ *Вяземский П. А.* Соч. Т. 1. С. 93, 95.

⁹ См.: Там же. С. 396, коммент. М. И. Гиллельсона.

¹⁰ К этому стиху в журнальной публикации сделано примечание: «Речь о Лафонтене».

И, как другой похвал дурманом,
Век ослеплен был простотой,
Слыл в людях запросто Иваном
И беззаботной головой.

Его собрат и соимянный,
Хемницер вслед за ним пошел
И, строгих муз беспечный данник,
На славу по цветам набрел.
В залог прекрасных упований,
К чете любезной ты причтен
И скоро в храме дарований
Иваном третьим наречен.

«Живи, счастливый их наследник! —
Тебе сказал Парнасский жрец. —
Изящного будь проповедник
И вкуса светлый образец!
На лире сладостной и звонкой,
Поэт ума и красоты,
Искусства, вежливости тонкой
У русских муз возрасти цветы...»

Пророк был прав! с четою славной
Ты славно поддержал союз,
И праздник твой есть праздник равный
Для ближних, сограждан и муз.
О, насладись закатом поздным
В отраду общих их надежд
И будь всегда *Иваном грозным*
Для всех зоилов и невежд!

Это послание было напечатано в конце 1822 г. в «Сыне отечества»¹¹ и обратило на себя внимание современников. А. И. Тургенев нашел его «прелестным»¹². Возможно, Пушкин тоже его заметил, и вряд ли оно ему понравилось. Ведь Вяземский, перечисляя трех Иванов, трех баснописцев — Лафонтена, Хемницера и Дмитриева, — не упомянул еще одного, может быть, самого популярного в России, и тоже Ивана, поздравить которого с днем именин было бы здесь весьма уместно. Вяземский не сделал этого подчеркнуто или без умысла — трудно сказать. В позднейшей (1876) «приписке» к «Известию о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева» Вяземский вспоминал: «Когда-то,

¹¹ СО. 1822. Ч. 82, № 48. С. 82—83; *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1880. Т. 3. С. 262—263 (здесь по сравнению с журнальной публикацией отсутствует строфическое деление).

¹² ОА. Т. 2. С. 282.

в Иванов день, написал я куплеты в честь именинника Дмитриева. В этих стихах упоминаю кстати о тезках его: Иване Лафонтене и Иване Хемнице. А зачем не упомянули вы и об Иване Крылове? строго и грозно допрашивает меня мой литературный следственный пристав (т. е. Булгарин. — *Е. Д.*). — Не упомянул я о живом Крылове в похвальном приветствии живому Дмитриеву по той же причине, по которой не стал бы выхвалять красоту живой соперницы в мадригале красавице, перед которою хотел бы я полюбезничать»¹³. Конечно, объяснение Вяземского через 50 с лишним лет звучит достаточно нелепо.

Вяземский не любил Крылова с молодых лет. Определенную роль в этом сыграла позиция Дмитриева, которого Вяземский считал непрекаемым авторитетом. Крылов был для Вяземского «беседчиком», и ему, безусловно, не нравились славянофильские и антилиберальные басни, изданные в 1811 г. и читанные на заседаниях «Беседы»: «Листы и корни», «Червонец», «Воспитание льва», «Конь и всадник», «Безбожники», «Водолазы», «Бочка»¹⁴. Особую неприязнь вызывали у него две басни: «Огородник и философ» и «Сочинитель и разбойник». Об этом Вяземский высказывался неоднократно¹⁵. В письме к Тургеневу в январе 1824 г. он писал, что последняя басня ему «всегда была тошна»¹⁶.

Вряд ли Вяземский сочувствовал и военно-патриотическим басням Крылова «Ворона и курица», «Волк на псарне», «Обоз», «Кот и повар» и др. После победы над Наполеоном и укрепления авторитета России в европейской политике Вяземского волновали другие проблемы. Он опасался самодовольного роста шовинистических настроений. Уже в конце 1819 г. он резко осуждает М. Ф. Орлова за критическое отношение к «Истории» Карамзина: «...он (Орлов. — *Е. Д.*) сердится на Карамзина за то, что он вместо “Истории” не написал басни, лестной родословному чванству народа русского. Я с ним воевал за это и верно не ласкал его. <...> Песня, которую он заладил о могуществе русском, доказывает только, что он о России пишет по соображениям ума; он видит великана и слышит, что пекутся о развитии нравственной силы этого Соловья-разбойника. <...> Что же за власть ума, что за владычество просвещения, если этот труп может наложить руку на Европу

¹³ Вяземский П. А. Соч. Т. 2. С. 85.

¹⁴ См.: *Альшиуллер М. Г.* Крылов в литературных объединениях 1800—1810-х годов // Иван Андреевич Крылов: Проблемы творчества. Л., 1975. С. 174—187.

¹⁵ В письмах к А. А. Бестужеву, А. С. Пушкину и в Записных книжках (см.: И. А. Крылов в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 180—181, 322—323).

¹⁶ ОА. Т. 3. С. 5.

живую! Я первый скажу: Франции, если спросили бы меня, кому хозяйничать в Европе: ей или России в нынешнем ее положении»¹⁷.

Эта антипатриотическая тирада в письме к Тургеневу диктовалась именно нелюбовью Вяземского к громким патриотическим утверждениям о силе и могуществе России. Вяземский полностью разделял историческую концепцию Карамзина, его умеренные либеральные идеи («не формы важны, а люди»), верность духу просвещения. В своей речи 5 декабря 1818 г. в собрании Императорской Российской академии Карамзин еще раз сформулировал: «...язык и словесность суть не только способы, но и *главные* способы народного просвещения <...>. Мы не хотим подражать иноземцам, но пишем, как они пишут: ибо живем, как они живут; читаем, что они читают; имеем те же образцы ума и вкуса; участвуем в повсеместном, взаимном сближении народов, которое есть следствие самого их просвещения»¹⁸.

Для Вяземского защищать подобную позицию Карамзина всегда было важнейшим делом. Отсюда его постоянное желание вступать в полемику с критиками Карамзина. Таково его «Послание к М. Т. Каченовскому» 1820 г. Карамзин был недоволен этим «Посланием». Он вообще не хотел появления его имени в литературных полемиках. А Дмитриев, напротив, был в восторге. Он, не принимая сам участия, очень любил полемики¹⁹, и Вяземский отлично знал это. Он всегда стремился лишний раз упомянуть, похвалить Дмитриева, даже, может быть, преувеличивая его литературные заслуги. Дмитриев был, как отмечал Ф. Ф. Вигель, «патриархом» московских литераторов, и, конечно, они прощали ему его «раздражительность и маленькое тщеславие». К тому же Дмитриев воспринимался молодыми литераторами как «друг и брат» Карамзина, «и долго они сияли Москве, как созвездие Кастора и Поллукса»²⁰.

Дмитриева Вяземский хвалил открыто, а Карамзина — несмотря на его недовольство. Он старался никогда не упустить случая защитить своего духовного учителя от нападков низких «зоилов». Так, в статье «О новых письмах Вольтера» 1819 г. он негодует на современных французских критиков, которые в своих «нелепых ругательствах» по адресу Вольтера ополчаются «против успехов человеческого разума» и видят «подлость в пристрастии сограждан его к нему». «...Может быть, и у нас, — замечает Вяземский тут же, — отыщется проницательный дальновидец, который откроет пристрастие в приверженности про-

¹⁷ Там же. Т. 1. С. 347.

¹⁸ Карамзин Н. М. Соч.: В 2 т. Л., 1984. Т. 2. С. 169, 173.

¹⁹ См.: Вацуро В. Э. И. И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века. С. 35—39.

²⁰ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1928. Т. 1. С. 302.

священных наших сограждан к Карамзину, свидетельствующему перед Европою об успехах ума в России»²¹. Для Вяземского Карамзин, как и Вольтер, — символы просвещения. Вяземский, несомненно, имел в виду конкретного русского «проницательного дальновидца», хулителя Вольтера и Карамзина — Каченовского.

Далее в статье Вяземского мы читаем, что «непелые ругательства» хулителей Вольтера могут отчасти быть оправданы «обиженным самолюбием» или «ослеплением зависти», «но где найти оправдание для нашего современника, который охотою идет оспаривать у Вольтера славу, уже на незыблемом основании утвержденную судом народов и потомства. Там на невежестве отражался по крайней мере пламень личной ненависти: здесь оно сияет во всем своем мраке. Там грешила совесть, а здесь грешит рассудок, и в этом случае едва ли не скорее можно отпустить грехи совести! <...> Ум Вольтера не принадлежит, как ум иных писателей, исключительно своему отечеству: он и всемирный, и единственный»²².

Можно полагать, что этот «наш современник», как и «проницательный дальновидец» Каченовский, тоже был для Вяземского конкретным русским лицом. Обличая невежду, оспаривавшего «славу Вольтера», Вяземский вполне мог иметь в виду И. А. Крылова.

Еще в 1817 г. Крылов прочел на торжественном собрании Публичной библиотеки басню «Сочинитель и разбойник». В том же году он напечатал ее в отдельной брошюре «Три новые басни».

В этой басне «славою покрытый сочинитель», вселяющий «безверие» и «разврат», все это «величал просвещением», и «целая страна», по учению этого сочинителя, «раздорами и мятежами» была доведена «до погибели». Всем было понятно, что речь шла о просветительской идеологии и последовавшей затем Французской революции. Н. И. Греч в одной из заметок 1819 г. вспомнил «Орлеанскую девственницу» Вольтера, вызывавшую в публике либо «глупый смех», либо «негодование». «В этом случае, — замечает Греч, — можно было сказать Вольтеру словами нашего Крылова:

...уже твои давно истлели кости,
А солнце разу не взойдет,
Чтоб новых от тебя не осветило бед.
Твоих творений яд не только не слабеет,
Но, разливаясь, век от веку лютееет...»²³

²¹ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1878. Т. 1. С. 66.

²² Там же. С. 66—67, 68.

²³ СО. 1819. Ч. 54, № 22. С. 137. См. также: Кеневич В. Ф. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. 2-е изд. СПб., 1878. С. 177.

Прочитывал басню Крылова «Сочинитель и разбойник», Греч тем самым связал ее персонажа с Вольтером.

В литературных кругах это, конечно, было подхвачено. Вяземский, регулярно читавший «Сын отечества» и готовивший для этого журнала свою статью «О новых письмах Вольтера», разумеется, не пропустил этого замечания Греча. Статья Вяземского, как известно, застряла в цензуре и так и не попала в журнал Греча. А. И. Тургенев рассказывал в письме к Вяземскому от 30 апреля 1819 г., что он имел «сильную схватку» с цензором Яценковым. Тот требовал, чтобы «автор сказал о вреде, нанесенном Вольтером нравственности и религии, и умерил похвалу ему». Несмотря на убеждения Тургенева, цензор остался «при своем мнении, то есть при мнении, как он полагает, правительства»²⁴. Мнение автора «Сочинителя и разбойника» в данном случае совпадало с точкой зрения цензора и правительства.

Вяземский, естественно, был другого мнения. Но высказать его печатно у него не было возможности. Из переписки современников мы знаем, что басня «Сочинитель и разбойник» воспринималась именно как антивольтеровская, а Вяземский считал ее «подлой» и видел в ней «угождение нынешнему мнению»²⁵.

Не сомневался в антивольтеровском пафосе басни Крылова и А. И. Тургенев. Рассказывая Вяземскому в письме от 20 / 8 ноября 1825 г. о чтении в Париже басни Фабра о японском самодержце, выбравшем для прощенья фальшивомонетчика, а не лгуна, искажающего нравственность людей, Тургенев заметил: «Мысль напоминает басню Крылова о Вольтере»²⁶.

Во Франции в это время в литературных кругах проявлялся известный интерес к русской литературе. В числе произведений, включенных в «Русскую антологию», изданную в 1823 г. Дюпре де Сен-Мором, была и басня Крылова «Сочинитель и разбойник», переведенная Ксавье де Местром. В рецензии на эту «Антологию» критик либеральной «*Journal de Paris*» Баур-Лормиан упрекал Крылова за выпады против Вольтера. Составитель «Антологии» Сен-Мор утверждал в предисловии, что большая часть переводов была просмотрена русскими авторами. Крылов был в их числе и, будучи доволен своими переводами, сказал ему: «...если иногда дух вашего (т. е. французского) языка и заставлял вас при переводе отклоняться от моих выражений, то, говоря по истине, вы никогда не отдалялись от моих мыслей»²⁷.

²⁴ ОА. Т. 1. С. 224.

²⁵ Там же. Т. 3. С. 5.

²⁶ Там же. С. 135.

²⁷ См.: *Бычков А. Ф.* О баснях Крылова в переводах на иностранные языки // Сб. статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Имп. Академии наук. СПб., 1869. С. 84—85.

Как видим, Крылов был вполне согласен с тем переводом «Сочинителя и разбойника», который позволял интерпретировать басню как антивольтеровскую. А. И. Тургенев писал Вяземскому по этому поводу: «Читал ли в “Journal de Paris” 2 janvier 1824 статью об “Антологии” Сен-Мора? Мейстер собирается отвечать и оправдывать Крылова. Он посадил в котел Вольтера, а не Крылов. Умница наш был осторожнее»²⁸. В антивольтеровском смысле басни Тургенев при этом не сомневался.

Вяземский очень внимательно следил за творчеством Крылова. Он получал все издания басен, а иногда даже просил переписать для него некоторые тексты. В частных письмах он высказывался о Крылове хотя и осторожно («уважаю и люблю как остроумного писателя»), но подчас и с большой долей негодования по поводу преувеличения его литературных заслуг. Так, в письме к А. А. Бестужеву 9 марта 1824 г. Вяземский писал: «...Крылова ценю выше казенной оценки так называемых его почитателей. Чему большая часть из них дивится в нем? Что выдало ему открытый лист на общенародное уважение? Плоскости, пошлости, вредящие его истинному достоинству. У всех на языке: “А философ без огурцов!.. Ай, Моська! Знать, она сильна, что лает на слона” и шутки подобные, да вот и все»²⁹. Как видим, Вяземский прежде всего цитирует ненавистную ему антипросветительскую басню.

В позднейшей «приписке» к статье о Дмитриеве (о которой уже шла речь) Вяземский говорит, что у него сохранилось «несколько заметок, в разное время набросанных о Крылове»³⁰. В этих заметках Вяземский прямо формулирует, отчего ему было «тошно» читать некоторые басни Крылова: «В Крылове не люблю *мотива*, направления, морали или заключения некоторых из басней его»³¹. Далее речь идет о двух баснях: «Сочинитель и разбойник» и «Огородник и философ». Несмотря на все оговорки об отдельных «удачных» стихах и пр., Вяземский видит в этих баснях «тенденцию», и она ему не нравится: нельзя отдавать «преимущество разбойнику перед сочинителем», «не рано ли у нас смеяться над философами и теми, которые *читают, выписывают, справляются*, как указано в басне»³². Именно за антипросветительские тенденции в этих (и других) баснях Крылова не любил Вяземский этого баснописца.

²⁸ ОА. Т. 3. С. 3.

²⁹ Цит. по: И. А. Крылов в воспоминаниях современников. С. 322.

³⁰ Вяземский П. А. Соч. Т. 2. С. 90.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 91.

Молодого Пушкина, бегло похвалившего Крылова в черновом письме к Вяземскому в ноябре 1823 г. в противопоставление Дмитриеву, очевидно, эти тенденции не смущали. Однако спорить с Вяземским о Дмитриеве Пушкин тогда не захотел и не включил антидмитриевскую тираду в вышеупомянутое письмо. Не состоялся и спор о Крылове. Черновик этот Пушкин использовал только в следующем письме через четыре месяца. При этом он значительно сократил отрицательную оценку Дмитриева и прибавил в упрек Вяземскому маленький выговор за «унижение» Крылова.

2

8 марта 1824 г. Пушкин писал: «“Жизни Дмитриева” еще не видал. Но, милый, грех тебе унижать нашего Крылова. Твое мнение должно быть законом в нашей словесности, а ты по непростительному пристрастию судишь вопреки своей совести и покровительствуешь черт знает кому. И что такое Дмитриев? Все его басни не стоят одной хорошей басни Крылова; все его сатиры одного из твоих посланий, а все прочее первого стихотворения Жуковского» (Акад. Т. 13. С. 89).

Что имел в виду Пушкин, начиная одновременно спор о Крылове и о Дмитриеве? К этому времени он еще не прочитал «Жизни Дмитриева», то есть предисловия Вяземского «Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева». Ему пока известна только статья Вяземского «Замечания на “Краткое обозрение русской литературы 1822 года...”», напечатанная в «Новостях литературы» в 1823 г.³³ Статья эта была направлена против Булгарина, в ней оспаривалось мнение Булгарина о слабости русской литературы и говорилось о ее потенциальных возможностях. Пушкин нашел ее «лучшей» из полемических статей Вяземского. Но о Крылове и Дмитриеве там ничего не было.

Может быть, Пушкин уже прочитал в № 2 «Литературных листков» за 1824 г. критические замечания Булгарина на «Стихотворения Дмитриева» с предисловием Вяземского. Булгарин, похвалив Вяземского за «глубокое познание света и много полезных истин», упрекал его в том, что «для похвалы отличного поэта, блестящего собственным неоспоримым достоинством, не надлежало бы унижать дарований его предшественников или современников, писавших в одном с ним роде. <...> Что касается до мнения автора о заслугах и дарованиях И. А. Крылова, то мы осмеливаемся сказать, что находим оное слыш-

³³ НЛ. 1823. Кн. 4, № 19. С. 81—92.

ком строгим и даже пристрастным. <...> Слог И. А. Крылова совершенно *различный* (то есть отличающийся от слога Дмитриева. — *Е. Д.*); рассказ нимало не *сходствует*; план басен Крылова оригинальный, а язык его есть, так сказать, возвышенное простонародное наречие, неподражаемое в своем роде и столь же понятное и милое для русского вельможи, как и для крестьянина. Прибавим к тому *вымысел*, печать гения, и мы решительно можем сказать, что И. А. Крылов есть первый *оригинальный* русский баснописец по изобретению, языку и слогу. <...> ...слог И. А. Крылова изображает простодушие и вместе с тем замысловатость русского народа; это — русский ум, народный русский язык, облагороженный философиєю и светскими приличиями»³⁴.

Обратим внимание на слова Булгарина «не надлежало бы унижать». Такими же словами упрекает Пушкин Вяземского в процитированном выше письме: «...грех тебе унижать нашего Крылова».

Вяземский получил этот номер «Литературных листков» по крайней мере 14 февраля. Он писал Тургеневу: «Булгарин лжет на меня, как на мертвого. Докажу ему, что лев хотя и убит во многом, но еще не окошел»³⁵. Тут же появляется его ответ Булгарину в «Сыне отечества», где Вяземский пишет: «Замечательно кажется мнение мое о заслугах и дарованиях И. А. Крылова *строгим* и даже *пристрастным*. Жалею, что и *один* читатель мог столь неверно изъяснить мои чувства к знаменитому нашему поэту. <...> В сем «Известии» я не судил и не мог кстати судить о достоинстве И. А. Крылова. <...> ...об И. А. Крылове упомянул только в общем его отношении к сопернику. Замечательно угодно было сказать за меня, что, по моему мнению, *должны мы И. А. Крылова благодарить только за то, что он дерзнул бороться с И. И. Дмитриевым и осмелился подражать ему. Но где это подражание?* — вопрошает он»³⁶.

В этой части «вынужденных слов» полемика Вяземского идет не по существу: он упрекает оппонента в неправильном понимании его позиции. Далее же Вяземский вступает с ним в спор по очень важному для обоих предмету: что есть народный язык, народные характеры и какова роль образованности в формировании литературного языка. Здесь позиция Вяземского достаточно определена: «Признаюсь мимоходом, не понимаю, почему замечательно басни И. И. Дмитриева не кажутся *народными русскими*. <...> Как отыскать печать народности в петухе, в кошке, которые все единоплеменны и единохарактерны у Езопа, Федра, Лафонтена и всех других баснописцев? В басне преимущественно

³⁴ ЛЛ. 1824. Ч. 1, № 2. С. 61—63.

³⁵ ОА. Т. 3. С. 10.

³⁶ *Вяземский П. А.* Несколько вынужденных слов // СО. 1824. Ч. 92, № 14. С. 308—309.

должна быть заключена нравственная истина, общая для человечества, а не местная, личная, условная правда. Можно сказать, что язык одного баснописца имеет более народности или, лучше сказать, более *простонародия*, чем язык другого: это иное дело. Но такая похвала не безусловна, и тут выгоды рядом с недостатками. По мнению моему, каждый хороший русский стих есть истинно *народный русский стих*: язык образованного писателя есть тот, который должен быть присвоен народом. И когда замечатель как будто с упреком сказал, что *слог басен И. И. Дмитриева есть язык образованного светского человека*, он, кажется, ошибся в заключении, им сделанном. Каждый творец изящного, а в особенности автор, должен желать угодить вкусу одних образованных людей: вкус других он обязан воспитывать, причучать к познанию хорошего, и в этом отношении, как гражданин, он содействует по мере сил образованию низших классов общества»³⁷.

Такова была позиция Вяземского в истолковании народности — простонародности. (Позже сходную позицию занял В. Г. Белинский.) Современники Вяземского, вероятно, не всегда воспринимали ее как последовательную гражданскую позицию европеиста. Даже близкие ему по духу А. И. Тургенев и Жуковский не одобрили «некоторых мыслей» в этом «ответе Булгарину»³⁸.

Карамзин, чьи идеи — исторические, государственные, политические и нравственные — лежали в основе гражданской позиции Вяземского, тем не менее был иногда недоволен его статьями. В письмах Карамзина к Вяземскому 1819—1822 гг. неоднократно звучат призывы не раздражать цензуру, не «вольтерствовать»: «Будьте великодушны и притупите жало, оставайтесь при одном остроумии»³⁹. Это сказано по поводу рукописи «Жизни Дмитриева», которую Карамзин безжалостно сокращал. Можно думать, что и неодобрительный отзыв А. И. Тургенева и Жуковского об «ответе Булгарину» был реакцией на гражданскую позицию Вяземского. В том, как Вяземский противопоставлял басенный язык Дмитриева языку Крылова ощущалась некоторая социальная нарочитость.

Какова была позиция Пушкина в этом споре?

В начале апреля 1824 г. Пушкин наконец получил и прочел статью «Жизнь Дмитриева», о которой уже имел известия, и не одобрял ее. О Дмитриеве, мы помним, Пушкин не захотел спорить с Вяземским, но тем не менее высказался о его творчестве достаточно отрицательно (в

³⁷ Там же. С. 310—311.

³⁸ См.: ОА. Т. 3. С. 12 (письмо А. И. Тургенева к Вяземскому от 26 февраля 1824 г.).

³⁹ СиН. СПб., 1897. Т. 1. С. 121 (письмо от 29 декабря 1821 г.).

письме от 8 марта 1824 г., и еще раньше — оскорбительно отрицательно в черновике 4 ноября 1823 г.). Прочитав статью Вяземского, Пушкин заметил: «...все, что в ней рассуждение, — прекрасно. Но эта статья *tour de force et affaire de parti*» (Акад. Т. 13. С. 91). То есть никаких возражений по поводу истолкования Крылова он не высказал, хотя, конечно, увидел ловкость («*tour de force*»), с какой Вяземский, сопоставляя двух баснописцев, показал превосходство Дмитриева, понял, что руководило им в этой позиции «дело партии» («*affaire de parti*»). Пушкин и ранее знал, что для Вяземского Дмитриев и Карамзин — персоны неприкосновенные: первый — «пророк и вкуса и Парнаса», второй — «наш Ливий-славянин», «пример и судия». Поэтому он и не хотел спорить с Вяземским о Дмитриеве.

Благоговейное отношение Вяземского к Карамзину и Дмитриеву и его неустанная защита их от всех «зоилов» были хорошо известны в литературных кругах. Когда Дельвиг в 1824 г. готовил «Северные цветы», именно к Вяземскому он обратился с просьбой «достать две, три пьесы» от «парнасского нашего министра»⁴⁰.

Крылов, прочитав о себе в статье Вяземского, конечно, имел основания для обиды. Булгарин в своих воспоминаниях о Крылове утверждает, что вскоре после выхода этого сочинения и полемики Булгарина с Вяземским (о которой см. выше), Крылов сказал ему: «Напрасно ты за меня поссорился и раздражил сильных словесников <...>. ...тебе нельзя жить долее в этом приходе. — Через несколько дней на вечере А. Н. Оленина И. А. Крылов прочел новую басню свою, одну из превосходнейших: “Прихожанин”. — Все догадались, что значила эта басня»⁴¹. Так за этой басней утвердилась репутация ответа Вяземскому. Может быть, Пушкин что-нибудь слышал об этом. В этом смысле он и считал Вяземского человеком «партии», причем своего рода *олимпийской партии*.

Сам Пушкин относился к этому *Олимпу* достаточно уважительно, но Дмитриев для него — прошедший этап русской литературы: «Дмитриев, несмотря на все старое свое влияние, не имеет, не должен иметь более весту, чем Херасков или дядя В<асилий> Львович» (Акад. Т. 13. С. 91).

Пушкин в это время был захвачен полемикой о романтизме. Только что вышел «Бахчисарайский фонтан» с известным предисловием Вяземского. «Где же враги романтической поэзии? где столпы классические?» — пишет он Вяземскому в том же письме и думает даже «напи-

⁴⁰ См.: Дельвиг А. А. Соч. Л., 1986. С. 284 (письмо Дельвига к Вяземскому от 10 сентября 1824 г.). .

⁴¹ Цит. по: Кеневич В. Ф. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. С. 207—208.

сать кое-что о нашей бедной словесности». Стремительная эволюция Пушкина от «Руслана и Людмилы», через «Кавказского пленника» к «Бахчисарайскому фонтану» и началу «Онегина» еще не была осмыслена современниками. Даже таким гением, как Карамзин.

Здесь стоит сказать, что отзывы Карамзина о Пушкине 1820—1824 гг. более чем сдержанные⁴². О неприязненном отношении Дмитриева к творчеству Пушкина уже писалось неоднократно⁴³.

Вяземский, получая от Карамзина, А. И. Тургенева и других корреспондентов сведения о «беспутном образе жизни» молодого Пушкина⁴⁴ и не одобряя этого, восторженно отзывался обо всех его больших и малых произведениях, кроме фрондерской оды «На свободу». Тем не менее в своей критической статье о «Кавказском пленнике» Вяземский имел намерение упрекнуть Пушкина за то, что он «окровавил последние стихи своей повести»: «Что за герой Котляревский, Ермолов? Что тут хорошего, что он,

Как черная зараза,
Губил, ничтожил племена?

От такой славы кровь стынет в жилах и волосы дыбом становятся. Если мы просвещали бы племена, то было бы что воспеть. Поэзия не союзница палачей...»⁴⁵. Правда, Вяземский понимал, что об этом

⁴² Карамзину был не по душе и «безрассудный» образ жизни, и фрондерские эпиграммы, и «ода на вольность», и все поэмы. «Руслана и Людмилу» он называл «поэмкой» и находил в ней «живость, легкость, остроумие, вкус», но «мало интереса» — «все сметано на живую нитку» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 290). О «Кавказском пленнике» писал П. А. Вяземскому: «...слог жив, черты резкие, а сочинение плохо; как в его душе, так и в стихотворении нет порядка» (СиН. Т. 1. С. 131). Прочитав «Бахчисарайский фонтан», Карамзин спрашивал Дмитриева: «Полюбился ли тебе “Фонтан” Пушкина? Слог жив, черты прекрасные, но в целом не довольно силы и связи» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 370—371). Узнав о ссылке Пушкина в Михайловское, Карамзин возмущенно писал Вяземскому: «Он не сдержал слова, им мне данного в тот час, когда мысль о крепости ужасала его воображение: не переставал врать словесно и на бумаге...» (СиН. Т. 1. С. 156). И наконец, в декабре 1824 г., познакомившись с «Цыганами» и первой главой «Онегина», Карамзин, по сути, повторил свой первый отзыв о первой поэме Пушкина: «Живо, остроумно, но не совсем зрело». Здесь же Карамзин уничтожающе отзывался о Байроне: «...его “Дон Жуан” выпал у меня из рук. Что за мерзость! И даже сколько глупостей!» (Там же. С. 159).

⁴³ См. подробнее: *Макогоненко Г. П.* Пушкин и Дмитриев // РЛ. 1966. № 4. С. 19—36.

⁴⁴ ОА. Т. 1. С. 174.

⁴⁵ Там же. Т. 2. С. 274—275.

в статье даже и «намекнуть нельзя будет». Отзыв этот, свидетельствующий о важности для Вяземского политической и нравственно-идеологической позиции поэта, просветительских идей, остался лишь в частном письме к Тургеневу.

Лето и осень 1824 г. прошли для Пушкина в тревогах, однако написанное в эти месяцы свидетельствует о гигантском росте его таланта. Вяземскому нравилось все. Он советует Пушкину собрать все элегии, три поэмы, отрывки из «Онегина» и издать вместе с присокуплением стихов. Сам Вяземский в это время вел переговоры с Н. А. Полевым об издании с 1825 г. нового журнала «Московский телеграф». В № 4 этого журнала появилась статья Вяземского «Жуковский. — Пушкин. — О новой пиитике басен».

Автор статьи снова вступает в полемику с Булгариным, который с начала 1825 г. начал печатать в журнале «Северный архив» статью «Критический взгляд на X и XI томы “Истории государства Российского” Н. М. Карамзина»⁴⁶. Булгарин упрекал Карамзина за то, что он «представил Бориса Годунова умным злодеем на престоле». Но, по мнению Булгарина, «красноречивые порицания историка не затмевают великих дел Годунова; выходки противу его правления и характера блестящи, но слабы и недостаточны»⁴⁷. Карамзин в письме к Дмитриеву от 18 февраля 1825 г. писал: «Будучи и моложе, я не хотел сражаться с нашими литературными забияками. Пусть их единоборствуют! Ты говоришь о нападках Булгарина: это передовое легкое войско, а главное еще готовится к делу, как мне сказывали: Магницкий etc. etc. вступаются будто бы за Иоана Грозного. И тут ничего не предпринимаю: есть Бог и царь!»⁴⁸

Кроме того, Булгарин в № 2 «Сына отечества» за 1825 г. в «Письме на Кавказ» утверждал, что в России «есть поэты, выше Жуковского и Пушкина», а в № 3, оценивая новые басни Крылова, напечатанные в «Северных цветах»⁴⁹, писал: «Они прекрасны, замысловаты, но... право, не хочется высказать, — по рассказу не могут сравняться с прежними его баснями, в которых с прелестью поэзии соединено что-то русское, национальное. В прежних баснях И. А. Крылова мы видим русскую курицу, русского ворона, медведя, соловья и т. п. Я не могу

⁴⁶ СА. 1825. Ч. 13, № 1. С. 60—84; № 2. С. 182—201; № 3. С. 271—278; Ч. 14, № 6. С. 176—197; № 8. С. 362—372.

⁴⁷ Там же. 1825. Ч. 13, № 1. С. 62.

⁴⁸ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 391.

⁴⁹ В альманахе «Северные цветы» на 1825 г. было напечатано 5 басен: «Лев состарившийся», «Богач и поэт», «Лисица и осел», «Муха и пчела», «Прихожанин». Все, кроме второй, — из заимствованных; все, кроме последней, не очень удачные и не обратившие на себя внимания.

хорошо изъяснить того, что чувствую при чтении его первых басен, но мне кажется, будто я где-то видел этих зверей и птиц, будто они водятся в моей родительской вотчине»⁵⁰.

Вяземский ответит Булгарину и по поводу Пушкина, и по поводу Жуковского, но наиболее остро по поводу «литературного патриотизма, который даже и у немцев и англичан мог бы показаться баснословным». И далее, процитировав приведенный выше абзац о Крылове, Вяземский пишет об авторе «Письма на Кавказ»: «Он не довольствуется отечественным пантеоном; он требует еще и отечественного зверинца, отечественного курятника, отечественного птичника. По нем сохрани Боже, чтобы русский баснописец употребил в басне своей, например, цесарскую курицу или швабского гуся; нет, — давай ему непременно куриц русских, гусей русских; поэтический желудок его не варит других, кроме русских. <...> Первые басни г. Крылова нравились литератору-патриоту, но чем? Ему казалось, что герои оных водились в его родительской вотчине. Искренно поздравляем нашего Аристарха — помещика с родительскою вотчиною: не каждому литератору можно похвалиться подобною собственностью <...>. Понимаем также, что для образованного помещика очень приятно иметь домашнего Лафонтена биографом-живописцем господского птичьего двора...»⁵¹

Как видим, у высокородного князя Вяземского утрированный патриотизм сомнительного русского «образованного помещика» вызывал саркастическое отвращение. Вяземский, как уже отмечалось, вообще терпеть не мог народно-патриотических заклинаний. За подделку, как он считал, под народный язык не любил он и Крылова. В позднейшей «приписке» к этой статье Вяземский писал: «Боже мой, до каких гнусностей может довести патриотизм, то есть патриотизм, который зарождается в некоторых головах, совершенно особенно устроенных»⁵².

Пушкин получил № 4 «Московского телеграфа» со статьей Вяземского в конце марта. К Булгарину он относился в это время достаточно терпимо. Критические статьи Булгарина в «Сыне отечества» были вполне благосклонны к Пушкину. В частном письме к нему от 25 апреля 1825 г. Булгарин писал, что считает его ПОЭТОМ, написав это слово большими буквами и подчеркнув тремя чертами (Акад. Т. 13. С. 168).

Читал ли Пушкин критику Булгарина и его восторженные слова о Крылове непосредственно в «Сыне отечества» или он обратил на

⁵⁰ СО. 1825. Ч. 99, № 3. С. 313.

⁵¹ *Вяземский П. А.* Соч. Т. 2. С. 104.

⁵² Там же. С. 105.

них внимание только после цитаты Вяземского — и в том и в другом случае Пушкин готов был посмеяться вместе с Вяземским над неуклюжими похвалами Булгарина, который встречал крыловских «зверей и птиц» в своей «родительской вотчине». 27 марта 1825 г. Пушкин писал брату Льву: «Когда пошлешь стихи мои Вяземскому, напиши ему, чтоб он никому не давал, потому что эдак меня опять обокрадут — а у меня нет родительской деревни с соловьями и медведями» (Акад. Т. 13. С. 158).

Самому Вяземскому Пушкин ответил на его статью лишь 25 мая. Более всего поэта затронуло сопоставление его и Жуковского. Пушкин не боится сказать, что считает себя не «следствием», а «учеником» Жуковского. Более того: «Никто не имел и не будет иметь слога, равного в могуществе и разнообразии слогу его» (Акад. Т. 13. С. 183). Возражать Вяземскому по поводу «литературного патриотизма» Булгарина и Крылова Пушкин не захотел.

В это же самое время Пушкин вступает в полемику с А. А. Бестужевым, не соглашаясь с его статьей «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов». Он опровергает мнение автора статьи: «у нас есть критика, а нет литературы» и именно Крылова наряду с Державиным считает доказательством существования русской литературы. А вот настоящей критики, по мнению Пушкина, у нас нет: «Мы не имеем ни единого комментария, ни единой критической книги. Мы не знаем, что такое Крылов, Крылов, который [в басне] столь же выше Лафонтена, как Державин выше Ж. Б. Руссо» (Акад. Т. 13. С. 178).

Тогда же в письме к Дельвигу Пушкин дает свою удивительную характеристику Державина: «Он не имел понятия ни о слоге, ни о гармонии — ни даже о правилах стихосложения. <...> ...его гений думал по-татарски, а русской грамоты не знал за недосугом. <...> Гений его можно сравнить с гением Суворова — жаль, что наш поэт слишком часто кричал петухом...» Интересно и его замечание о Крылове: «Его Мельник хорош, как Демьян и Фока» (Акад. Т. 13. С. 182).

Басню «Мельник» Пушкин прочитал в «Полярной звезде» на 1825 г. Там же была напечатана и басня «Ворона». Очевидно, обе эти басни не понравились Пушкину. Отсюда и упоминание о «Демьяновой ухе» (1813). Пушкин уже использовал иронически ситуацию этой басни, назвав брата Льва *Фокой*, когда посылал ему в 1822 г. две свои эпиграммы, сопровождая их словами: «покушай, пожалуйста».

В начале 1825 г. в Париже вышло любопытное издание басен Крылова: «Fables russes, tirées de Recueil de M-r Kriloff et imitées en vers français et italiens par divers auteurs; précédées d'une introduction française de M-r Lemontey, et d'une préface itallienne de M-r Salfi. Publiées par M-r Orloff. Ornées du portrait de M-r Kriloff et de cinq gravures». Об этом Вяземскому сообщил А. И. Тургенев в письме от 15 апреля 1825 г. Там же он иронизировал над графом Г. Орловым: «Каков граф Орлов! Каков некогда Гриша, ныне автор, меценат, издатель и писатель, но все ли едва ли и читатель!»⁵³

В собрание вошло 86 оригинальных басен Крылова на русском языке и их стихотворные переложения на французский и итальянский. Предпослано, кроме предисловия Лемонте, еще «посвятительное письмо» И. А. Крылову графа Орлова, выдержанное в весьма панегирическом и патриотическом тоне: «Пускай иноземцы, кои испытали всю твердость и силу русского меча, узнают, что сей народ, благочестивый и преданный отечеству и царю, не лишен также и изящных дарований, что он имеет своих поэтов»⁵⁴.

Перевод на русский язык предисловия Лемонте был напечатан в № 13 и 14 «Сына отечества» за 1825 г. Пушкин, как известно, заинтересовался этим предисловием. Как предполагает Б. В. Томашевский, интерес Пушкина вызывал прежде всего сам автор. Еще в июле 1824 г. он писал Вяземскому: «Лемонте есть гений 19-го столетия — прочти его Обзорение царствования Людовика XIV, и ты поставишь его выше Юма и Робертсона» (Акад. Т. 13. С. 102)⁵⁵. Однако предисловие Лемонте к басням Крылова, которое Пушкин прочел только в переводе, разочаровало его. Он откликнулся на него статьей «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова», посланной в «Московский телеграф». «Читаешь его статью, — писал Пушкин о Лемонте, — с невольной досадою, как иногда слушаешь разговор очень умного человека, который, будучи связан какими-то приличиями, слишком многого не договаривает и слишком часто отмалчивается» (Там же. Т. 11. С. 31). Спор с Лемонте — это, по сути, спор о судьбе русского языка. Что касается Крылова, то Пушкин пишет о нем лишь в самом конце: «В заключение скажу, что мы должны благодарить графа Ор-

⁵³ ОА. Т. 3. С. 114.

⁵⁴ Цит. по: *Бычков А. Ф.* О баснях Крылова в переводах на иностранные языки. С. 87—90.

⁵⁵ См. также: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М., 1958. Т. 7. С. 656, коммент. Б. В. Томашевского.

лова, избравшего истинно-народного поэта, дабы познакомить Европу с литературой Севера. Конечно, ни один француз не осмелится кого бы то ни было поставить выше Лафонтена, но мы, кажется, можем предпочитать ему Крылова. Оба они вечно останутся любимцами своих единоземцев. Некто справедливо заметил, что простодушие (*naïveté bonhomie*) есть врожденное свойство французского народа; напротив того, отличительная черта в наших нравах есть какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться: Лафонтен и Крылов представители духа обоих народов» (Там же. С. 34).

Вяземский получил № 17 «Московского телеграфа» со статьей Пушкина в конце сентября и уже в письме от 16 октября 1825 г. писал: «Твоя статья о Лемонтее очень хороша по слогу зрелому, ясному и по многим мыслям блестящим. Но что такое за представительство Крылова? Следовательно, и Орловский представитель русского народа. Как ни говори, а в уме Крылова есть все что-то лакейское: лукавство, брань из-за угла, трусость перед господами, все это перемешано вместе. Может быть, и тут есть черты народные, но по крайней мере не нам признаваться в них и не нам ими хвастаться перед иностранцами. <...> Назови Державина, Потемкина представителями русского народа, это дело другое; в них и золото, и грязь наши *par excellence*, но *представительство Крылова* и в самом литературном отношении есть ошибка, а в нравственном, государственном даже и преступление *de lèze-nation*, тобой совершенное» (Там же. Т. 13. С. 238).

Как видим, Вяземский, очевидно, разделял пушкинскую концепцию формирования русского языка. Но оценка Пушкиным Крылова как «представителя», то есть носителя типичных национальных черт русского народа, возмущает Вяземского. Во-первых, он не согласен видеть в Крылове явление типичное для русской литературы и истории. Во-вторых, те черты Крылова, которые Пушкин называет «лукавством ума» и «живописным способом выражаться», для Вяземского означают, по сути, «брань из-за угла, трусость перед господами». Вяземский называет эти черты ума «лакейскими» и полагает, что даже если в этом «есть черты народные», хвастаться таковыми перед иностранцами не следует. Подобное деяние он готов признать чуть ли не национальным «преступлением».

В этой чрезвычайной резкости Вяземского звучит, конечно, старая неприязнь к Крылову и противопоставление его басен басням Дмитриева, чей слог для Вяземского и всех «арзамасцев» всегда считался эталоном. И это в противоположность Пушкину, который терпеть не мог Дмитриева как поэта, помнил его неприязненные отзывы на «Руслана

и Людмилу» и имел основание полагать, что и на прохладные оценки его поэм Карамзиным могло повлиять мнение Дмитриева.

Кроме того, для Вяземского Крылов всегда оставался человеком другой партии, «беседчиком», реакционером, врагом просвещения, смеявшимся над Вольтером и вообще над философией. Вяземский, как уже отмечалось, неоднократно высказывал это в частных письмах и повторил в позднейших своих замечаниях о Крылове⁵⁶.

Пушкин отвечал Вяземскому в ноябре 1825 г., когда заканчивал «Бориса Годунова» и проблема «мнения народного» остро стояла перед ним: «Ты уморительно критикуешь Крылова; молчи, то знаю я сама, да эта крыса мне кума. Я назвал его представителем *духа* русского народа — не ручаюсь, чтоб он отчасти не вонял. — В старину наш народ назывался смерд (см. госп<одина> Кар<амзина>). Дело в том, что Крылов преоригинальная туша, гр<аф> Орлов дурак, а мы — разини и пр. и пр...» (Акад. Т. 13. С. 240).

Используя финальную фразу из крыловской басни «Совет мышей», Пушкин как будто соглашается с Вяземским, что есть у Крылова неприятные черты, о которых он, Пушкин, «знает» сам. Но что поделаешь, Крылов для него — свой человек, «представитель духа русского народа», и каким бы ни был этот «дух», даже скверным, его надо принимать как есть. Пушкин и позже называл Крылова «самым народным нашим поэтом», которого читают «и литератор, и купец, и светский человек, и дама, и горнишная, и дети» (Акад. Т. 11. С. 154).

Нам не известно никаких конкретных высказываний Пушкина о политических и идеологических баснях Крылова («Конь и всадник», «Огородник и философ», «Сочинитель и разбойник», «Листы и корни» и т. п.). Он ни разу не упоминает и самых популярных басен с русскими курицами, медведями, соловьями. По свидетельству П. В. Нащокина, Пушкин «не уважал нравственных достоинств в Крылове»⁵⁷. Это сказано, может быть, и слишком прямолинейно, но известная доля иронии в отношении «преоригинальной туши» определенно у Пушкина была.

Вяземский при всем своем сдержанном и пристрастном отношении часто высказывал свое мнение о конкретных баснях Крылова, следил за изданиями его басен, цитировал их, просил прислать и иногда даже переписать их. Но до конца дней отдавал предпочтение Дмитриеву⁵⁸.

⁵⁶ Наиболее подробно в «приписке» 1876 г. к статье о Дмитриеве.

⁵⁷ См.: *Бартенев П. И.* О Пушкине. М., 1992. С. 363.

⁵⁸ Сын П. А. Вяземского Павел вспоминал много лет спустя, что его в детстве «заставляли учить наизусть апологи Дмитриева, чтение же басен Крылова едва допускалось» (*Вяземский П. П.* Собр. соч. СПб., 1893. С. 511).

После декабря 1825 г. в настроениях русского общества многое переменилось. И как-то символично «Новое, исправленное и пополненное издание басен Ивана Крылова» открывалось басней «Конь и всадник». Издание готовилось долго: цензурное разрешение получено 30 августа 1824 г., но вышло из типографии Департамента народного просвещения оно только 20 марта 1826 г.⁵⁹ Как нельзя более кстати для нового императора!

В последнем до декабрьских событий письме к Вяземскому Пушкин послал ему для печати «несколько эпиграмм», которые точнее было бы назвать маленькими апологами («Движенье», «Соловей и кукушка», «Совет» и др.). Написаны они скорее в дмитриевском, чем в крыловском стиле. Никакого специфического *русского духа* в них нет. После 14 декабря переписка Пушкина и Вяземского прервалась на несколько месяцев. В это время Пушкин в переписке с другими лицами (Жуковским, Дельвигом, Плетневым) выражал надежду на «великодушие молодого нашего царя». Трагический колорит первых месяцев 1826 г. усугубила последовавшая в мае смерть Карамзина. В связи с повышенным вниманием к жизни и делам историка, очевидно, опять всплыли в литературных кругах старые эпиграммы Пушкина на Карамзина: «Послушайте, я сказку вам начну...» (1816), «В его “Истории” изящность, простота...» (1818). А. И. Тургенев возмущался ими в письмах к Вяземскому еще в апреле 1825 г.⁶⁰ 12 июня 1826 г. Вяземский писал Пушкину: «Хотя ты и шалун и грешил иногда эпиграммами против Карамзина, чтобы сорвать улыбку с некоторых сорванцов и подлецов, но без сомнения, ты оплакал его смерть сердцем и умом...» (Акад. Т. 13. С. 284). Пушкин, не отрицая своего авторства, объяснял в свое оправдание, что Карамзин «отстранил» его от себя и оскорбил тем самым его «честолюбие и сердечную к нему привязанность» (Акад. Т. 13. С. 285—286). Вяземский напрасно беспокоился о реакции Пушкина на смерть Карамзина. Пушкин, особенно после работы над «Борисом Годуновым», прекрасно понимал, что значит Карамзин для русского просвещения. Он пытался по совету Вяземского писать о Карамзине, но с первого раза не получилось. Уже после поездки в Москву, по окончании ссылки, он пишет Вяземскому: «Сейчас перечел мои листы о Карамзине — нечего печатать. Соберись с духом и пиши. Что ты сделал для Дмитриева (которого NB ты один еще поддерживаешь), то мы требуем от тебя для тени Карамзина — не Дмитриеву чета» (Акад. Т. 13. С. 305).

⁵⁹ См. библиографическое описание А. П. Могилянского в кн.: *Крылов И. А.* Басни. М.; Л., 1956. С. 294 (Лит. памятники); также: *Кеневич В. Ф.* Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. С. 146—147.

⁶⁰ См.: ОА. Т. 3. С. 117.

Конечно, возобновлять спор о Дмитриеве было бы нелепо. События развивались чрезвычайно быстро. В ноябре 1826 г. Пушкин по предложению Николая I написал записку «О народном воспитании» и в этом сухом и беглом обзоре русского просвещения дал, может быть, самый смелый и информативный отзыв об «Истории» Карамзина: «Историю русскую должно будет преподавать по Карамзину. “История государства Российского” есть не только произведение великого писателя, но и подвиг честного человека» (Акад. Т. 11. С. 47).

С годами смягчалась позиция Пушкина по отношению к Дмитриеву. Мнение о Крылове не изменялось. Для Пушкина он навсегда остался «самым народным нашим поэтом». Не изменил своего неприязненного отношения к Крылову и князь Вяземский. В «приписках» к своим старым статьям в 1876 г. Вяземский, скорее, даже усилил негативные черты Крылова и подчеркнул, что не принимал именно его идеологии («мотива, направления»). О спорах с Пушкиным, и литературных, и политических, и человеческих, Вяземский вспоминал неоднократно до самого конца своей долгой жизни: «Споры наши бывали большею частью литературные. В политических вопросах мы вообще сходились: разве бывало иногда разномыслие в так называемых чисто русских вопросах. Он, хотя вовсе не славянофил, примыкал нередко к понятиям, сочувствиям, умозрениям, особенно отчуждениям, так сказать, в самой себе замкнутой России, то есть России, не признающей Европы и забывающей, что она член Европы: то есть допетровской России...»⁶¹. К числу таких «чисто русских вопросов», несомненно, в сознании Вяземского принадлежал и спор о Крылове.

Впрочем, Вяземский несколько раз упоминал в своих «Записных книжках», что Пушкин иногда «сильно русофильствовал и громил Запад»⁶². Сам Вяземский смолоду, как уже было сказано, терпеть не мог «литературного патриотизма», русофильских и патриотических заклиний вообще, а особенно — стихов. В 1831 г. Вяземский осудил, как он выразился, «*шинельные* стихи» Жуковского. Тогда же он очень резко высказался и о патриотических стихах Пушкина («Бородинская годовщина» и «Клеветникам России»), но не решился сообщить свое мнение адресату, опасаясь николаевской почты. «За что *возрождающийся Европе* любить нас? — спрашивает Вяземский, — Вносим ли мы хоть грош в казну общего просвещения? <...> *Народные витии*, если удалось бы им как-нибудь проведать о стихах Пушкина и о возвышенности таланта его, могли бы отвечать ему коротко и ясно: мы ненавидим, или, лучше сказать, презираем вас, потому что в России поэту, как

⁶¹ Вяземский П. А. Соч. Т. 2. С. 278.

⁶² Вяземский П. А. Старая записная книжка. М., 2003. С. 166.

вы, не стыдно писать и печатать стихи, подобные вашим»⁶³. Как видим, князь Вяземский все-таки слукавил в 1876 г., когда написал, что *политических* разногласий у него с Пушкиным не было.

Позже, где-то в 1850-е гг., когда снова время от времени возникали патриотические споры, Вяземский записал:

Выражение *квасной патриотизм* шутя пущено было в ход и удержалось. В этом патриотизме нет большой беды.

Но есть и сивушный патриотизм; этот пагубен: упаси Боже от него! Он помрачает рассудок, ожесточает сердце, ведет к запою, а запой ведет к белой горячке. Есть сивуха политическая и литературная, есть и белая горячка политическая и литературная.⁶⁴

Ненависть к этому «сивушному» патриотизму П. А. Вяземский пронес через всю жизнь.

⁶³ Цит. по: П. в восп. Т. 1. С. 163—164; в «Старой записной книжке» смягченный вариант, см.: *Вяземский П. А.* Старая записная книжка. С. 635—636.

⁶⁴ *Вяземский П. А.* Старая записная книжка. С. 138.

Пушкин и И. Н. Горсткин. К интерпретации одного свидетельства

Каждое документальное свидетельство о взаимоотношениях Пушкина и декабристов привлекает к себе повышенное внимание исследователей, поскольку служит освещению важнейшей проблемы «Пушкин и современное ему общественно-политическое движение». К числу немногих свидетельств такого рода относится показание участника Союза благоденствия и Северного общества И. Н. Горсткина, сделанное на судебно-следственном процессе 1825—1826 гг.¹

Показание Горсткина введено в научный оборот позднее, чем многие другие свидетельства о связях Пушкина с участниками тайных обществ, потому что оно затерялось среди обширного комплекса следственных материалов по «делу декабристов». Обнаружение показания Горсткина произошло в ходе систематического изучения фонда следствия в конце 1940-х гг. — очевидно, в связи с работой М. В. Нечкиной над известной монографией «Движение декабристов». Публикация нового свидетельства — счастливой находки исследователя — осуществлена М. В. Нечкиной в 1952 г. в серии «Литературное наследство» в сопровождении исследовательской статьи², которая позднее была переиздана в несколько отредактированном виде в сборнике исследований видного советского декабристоведа³. Само же показание Горсткина обрело академическую публикацию лишь в 1984 г., когда в свет вышел очередной, XVIII том документаль-

¹ В последнее время свидетельство Горсткина ошибочно упоминается как мемуарное (см.: *Немировский И. В.* Творчество Пушкина и проблема публичного поведения поэта. СПб., 2003. С. 24). Следственное показание как исторический источник содержит определенный элемент мемуарного свидетельства, если его автор «припоминает» события недавнего или далекого прошлого. Однако типологически оно представляет собой иной вид документального свидетельства — в силу как условий происхождения, так и принципиального отличия в целенаправленности автора. Кроме того, автор показания, в отличие от мемуариста, поставлен в жесткие рамки опросника, подготовленного следователями.

² *Нечкина М. В.* Новое о Пушкине и декабристах // ЛН. М., 1952. Т. 58. С. 155—166.

³ *Нечкина М. В.* Функция художественного образа в историческом процессе: Сб. работ. М., 1982. С. 69—84.

ной серии «Восстание декабристов», включивший следственное дело Горсткина в полном его составе⁴.

Вот текст уникального свидетельства, оставленного Горстким в ряду других следственных показаний: «Одно совещание я помню у Александра Муравьева, когда мне предложено было вступить; тут было толковано о том, что я имел честь изложить выше, с таким прибавлением, что ежели б (уверял г. Муравьев) государю императору доложили о сем нашем обществе и предполагаемой цели, то и Его Величество, верно б, не запретил оного. Вскоре потом гвардия выступила в С<анкт>-П<етер>бург, где прошло, может быть, полгода, об обществе и слуху не было. Потом стали у некоторых собираться, сначала охотно, потом с трудом соберется человек десять, я был раза два-три у к<нязя> Ильи Долгорукого, который был, кажется, один из главных в то время, у него Пушкин читывал свои стихи, все восхищались остротой, рассказывали всякий вздор, читали, иные шептали, и все тут; общего разговора никогда нигде не бывало; съезжались как бы по должности, под конец и вовсе не съезжались; бывал я на вечерах у Никиты Муравьева, тут встречал частехонько лица, отнюдь не принадлежавшие обществу; скоро все это надоело, и понемногу совсем свидания прекратились. Было несколько вечеров у Бурцова, на которых ученость играла первую роль; напоследок вист все заменил...»⁵

Необходимо иметь в виду, что показание Горсткина было дано в ответ на прямо и точно поставленные вопросы Следственного комитета: «Когда и у кого бывали вы на совещаниях общества? В чем заключались сии совещания? Кто разделял их и кто вообще были известные вам члены общества?»⁶ Важно еще пояснить, что вопросы следователей касались тайного общества, к которому принадлежал Горсткин (Союз благоденствия).

С момента введения свидетельства Горсткина в научный оборот ему была дана определенная интерпретация, автором которой естественным образом выступила его первый публикатор, М. В. Нечкина. Вот что писала исследовательница, анализируя указание нового источника: «...когда же и в какой обстановке “читал свои Ноэли Пушкин”? <...> можно с достаточным основанием ответить: Пушкин “читал свои Ноэли”, по-видимому, зимой 1819—1820 гг., и читал их не на случайных *тирушках*, а на *совещаниях Союза благоденствия* у “блюстителя” Союза Ильи Долгорукова...»⁷

⁴ Восстание декабристов: Документы. М., 1984. Т. 18. С. 197—206 (публ. подгот. К. Г. Ляшенко, С. А. Селиванова; под ред. М. В. Нечкиной) (далее — ВД).

⁵ Там же. С. 201—202.

⁶ Там же. С. 200.

⁷ Нечкина М. В. Новое о Пушкине и декабристах. С. 159. Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, курсив наш.

Приведенная оценка показаний Горсткина позволила М. В. Нечкиной сформулировать итоговый вывод: «Из свидетельства Горсткина мы не только впервые узнаем о факте личного знакомства Пушкина с Ильей Долгоруковым, но и впервые получаем здесь достоверное и со стороны декабриста идущее *свидетельство об участии Пушкина в собраниях Союза благоденствия у Ильи Долгорукова*»⁸.

Исследователь отмечала, что ранее о присутствии Пушкина на собраниях тайного общества декабристов позволяли говорить только собственные «строчки» поэта из так называемой «десятой главы» «Евгения Онегина». Как известно, в них описаны собрания членов Союза благоденствия, на которых Пушкин «читал свои ноэли». М. В. Нечкина подчеркивала в этой связи: «Ранее мы располагали лишь стихотворными строчками самого Пушкина. Их поэтическая форма и язык образов вызывали у ряда исследователей толкование условного характера: Пушкин якобы воссоздает не какую-либо реальную, а поэтически-условную картину своих встреч, он мог допустить художественный вымысел. Теперь подобное толкование начисто отпадает»⁹.

Таким образом, введя в научный оборот вновь обнаруженное документальное свидетельство, историк интерпретировала показания Горсткина вполне однозначно. По мнению М. В. Нечкиной, показания Горсткина прямо и недвусмысленно свидетельствуют: Пушкин читал стихи «*на совещаниях Союза благоденствия*», в первую очередь у И. А. Долгорукова. Не проделав соответствующих источниковедческих процедур, не подвергнув критическому анализу содержание источника, исследователь оценила показание Горсткина как свидетельство непосредственного участия поэта в тайных собраниях Союза благоденствия.

С момента публикации показаний Горсткина вопрос об их содержании и интерпретации в научной традиции не рассматривался. Мнение М. В. Нечкиной, в целом, было принято и получило признание в трудах других авторов. В частности, Б. С. Мейлах выразил полное согласие с предложенной точкой зрения: «...признание Горсткина подтверждает, что в десятой главе “Евгения Онегина” Пушкин исторически достоверно, на основании собственных впечатлений, писал о декабристской сходке <...>. Итак, из показаний Горсткина (человека малодушного) Следственному комитету стало известно: Пушкин бывал на *совещаниях декабристов*»¹⁰. Однако общепризнанный факт организационной не-

⁸ Нечкина М.В. Новое о Пушкине и декабристах. С. 159.

⁹ Там же.

¹⁰ Мейлах Б. С. Пушкин и его эпоха. М., 1958. С. 350. Ср.: «Показания <...> Горсткина <...> подтверждают, что на совещаниях <тайного> общества Пуш-

причастности поэта к тайному обществу заставлял авторов ставить предел «приближению» Пушкина к декабристской конспирации: «С несомненностью установлено также, что он бывал на “сходках” декабристов и, не являясь членом тайного общества, оказался фактически связанным с его деятельностью как в Петербурге, так и на Юге»¹¹.

В качестве, пожалуй, единственного исключения, отразившего другую точку зрения, следует назвать известный обзор «затерянного и утраченного» письменного наследия декабристов, принадлежащий М. К. Азадовскому (опубликован в 1954 г.). Упомянутые Горстким «собрания» у И. А. Долгорукова оцениваются в обзоре как «собрания, организованные членами тайного общества, на которых читались вольнолюбивые стихотворения», так же как и на упомянутых Горстким «вечерах» у Н. М. Муравьева, «где также бывали лица, не принадлежавшие Обществу». И те и другие «собрания» поставлены М. К. Азадовским в один ряд с обществом «Зеленая лампа», но не отождествлены с заседаниями Союза благоденствия¹². Оценки крупного исследователя и знатока эпохи, принципиально оппонировавшие выводам М. В. Нечкиной, остались в целом неразвитыми в последующей литературе вопроса.

Компромиссную позицию занял Ю. М. Лотман. Исследователь отмечал, что непосредственное участие поэта в заседаниях декабристского союза долгое время считалось невозможным, но, ссылаясь на показания Горсткого и его интерпретацию М. В. Нечкиной, счел правомерным допустить присутствие Пушкина на заседаниях «менее конспиративного» Союза благоденствия: «...на таких заседаниях бывал и, действительно, выступал там с чтением своих “ноэлей”»¹³; «видимо, через Никиту Муравьева Пушкин был при-

кин “читывал свои стихи”...»; в «десятой главе» поэт «писал о декабристских сходках в его присутствии» (*Мейлах Б. С. Декабристы и Пушкин. Иркутск, 1987. С. 57—58, 243*).

¹¹ *Мейлах Б. С. Пушкин и его эпоха. С. 345.* Как видим, под пером советских исследователей присутствие Пушкина на «совещаниях декабристов» и знание факта существования тайного союза («сначала <...> догадывался, а затем был осведомлен о существовании тайного общества» — Там же) соседствовали с организационной непричастностью к нему. В итоге получалась весьма противоречивая картина: «...Пушкин стал догадываться о существовании тайного общества, но не знал, что находится среди его членов, когда бывал на сходках и читал свои ноэли...» (*Мейлах Б. С. Декабристы и Пушкин. С. 53*).

¹² См.: *Азадовский М. К. Затерянные и утраченные произведения декабристов: Историко-библиографический обзор // Азадовский М. К. Страницы истории декабризма. Иркутск, 1992. Т. 2. С. 110.*

¹³ *Лотман Ю. М. «Евгений Онегин»: Комментарий // Лотман. Пушкин. С. 755;*

влечен к участию в тех заседаниях Союза благоденствия, которые не имели строго конспиративного характера и должны были способствовать распространению влияния общества»¹⁴.

Интерпретация показаний Горсткина, принадлежащая М. В. Нечкиной, долго не подвергалась критике или пересмотру. Лишь в последнее время появилось скептическое отношение к ней. Так, в исследовании И. В. Немировского говорится: «Несколько поверхностной представляется нам сейчас точка зрения М. В. Нечкиной, нашедшей в мемуарах декабриста Горсткина (выше говорилось, что речь идет о следственных показаниях. — *П. И.*) подтверждение участия Пушкина в работе тайных обществ. Они свидетельствуют об этом не в большей степени, чем строки самого Пушкина: “Читал свои ноэли...”»¹⁵.

Свидетельство Горсткина до сих пор не стало предметом особого внимания исследователей биографии и творчества Пушкина, равно как историков декабристских обществ, результатом чего является воспроизведение точки зрения М. В. Нечкиной в обобщающих исследовательских монографиях и справочных изданиях¹⁶.

Необходимо отметить, что в достоверности фактической стороны сообщения Горсткина сомневаться не приходится. Оно принадлежит не просто члену Союза благоденствия, но и непосредственному участнику собраний, на которых присутствовал поэт. Горсткин — очевидец посещений Пушкиным тех самых «заседаний», о которых идет речь, очевидец, слышавший, как поэт «читывал» «ноэли» и другие свои произведения. Свидетельство Горсткина чрезвычайно ценно именно своей достоверностью. Все это так, однако предложенная первым публикатором документа интерпретация, при критическом анализе источника и сопоставлении его с данными других документов, вызывает ряд принципиальных возражений. Они ставят под сомнение утвердившееся истолкование показаний Горсткина.

Прежде всего, обращает на себя внимание проведенное М. В. Нечкиной противопоставление «совещаний» / «собраний» членов тайного общества — «случайным пирушкам». Это произвольное противо-

¹⁴ *Лотман Ю. М. А. С. Пушкин: Биография писателя // Лотман. Пушкин. С. 48—49.*

¹⁵ *Немировский И. В. Творчество Пушкина и проблема публичного поведения поэта. С. 24.*

¹⁶ См., например: «*На собраниях членов Союза благоденствия у князя И. А. Долгорукова бывает Пушкин, читает стихи, среди них свои Ноэли; все восхищаются остротой. Здесь встречает его И. Н. Горсткин*» (Летопись 1999. Т. 1. С. 155). См. также: *Бокова В. М. Эпоха тайных обществ: Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003. С. 403.*

поставление вызывает серьезные возражения. Строго говоря, трудно безоговорочно свести все разнообразие общественной активности вольнолюбивой свободомыслящей молодежи 1810-х гг. либо к заседаниям конспиративной организации, либо к «случайным пирушкам» (и другим формам проведения досуга). Другими словами, выбор, предложенный крупным советским историком-декабристоведам (заседания тайной организации или легкомысленные «пирушки»), не может удовлетворить исследователя. В самом деле, помимо указанных М. В. Нечкиной двух «полюсов» бурно развивавшейся общественной жизни середины—конца 1810-х гг., имелось огромное многообразие форм самоорганизации дворянского общества (речь идет, прежде всего, об организационных формах, представленных негласными и конспиративными кружками, обществами, собраниями, «вечерами» и т. д.). Это многообразие включало в себя широкий спектр общественных инициатив: от «правильно устроенных» заседаний негласных кружков, имевших свой устав (не исключая кружков литературного характера, наподобие «Зеленой лампы»), до неформальных, более или менее регулярных собраний с чтением литературных новинок, «вечеров» светского характера, «салонных» собраний (проходивших в домах частных лиц, в том числе деятелей либерального движения). Многие собрания и «вечера» носили регулярный характер, зачастую имели устойчивый, постоянный круг участников. Все это многообразие остается за пределами упрощенной трактовки, предполагающей наличие лишь двух указанных «полюсов». Ограниченный выбор, предложенный исследователем, оставил пространство лишь для одного вывода: Пушкин будто бы присутствовал на собраниях тайного общества Союз благоденствия.

Уже на основе одного этого наблюдения можно заключить: интерпретация источника, принадлежащая М. В. Нечкиной, требует серьезной переоценки — с учетом всех данных, накопленных наукой как до публикации свидетельства И. Н. Горсткина, так и после нее. Задача настоящей статьи имеет целью критически проанализировать точку зрения М. В. Нечкиной и предложить иную интерпретацию исторического источника.

Как представляется, для непредвзятой, взвешенной оценки показания Горсткина следует рассмотреть три существенно важных вопроса.

1) Могли ли на «правильных», то есть проводимых в соответствии с уставом («правилами») организации, собраниях Союза благоденствия находиться лица, не состоявшие его членами? (У исследователей вопроса нет оснований считать Пушкина членом Союза благоденствия.)

2) Почему в показаниях Горсткина факты и обстоятельства представлены таким образом, что, ссылаясь на его свидетельство, можно сделать вывод, что Пушкин являлся участником собраний тайного общества?

3) Если перед нами не «правильные заседания» декабристского Союза, то какие именно организационные формы общественной деятельности отразились в «собраниях» у И. А. Долгорукова, о которых говорится в показании Горсткина?

Ответив на эти вопросы, составляющие основные элементы критического анализа показаний Горсткина, исследователь сможет подойти к правильной интерпретации документального свидетельства, причем в его главной части. В сущности, речь идет о том, как следует понимать следующие слова Горсткина: «...я был раза два-три у к<нзя> Ильи Долгорукого <...> у него Пушкин читывал свои стихи, все восхищались остротой, рассказывали всякий вздор, читали, иные шептали, и все тут; общего разговора никогда нигде не бывало...».

* * *

Приступая к рассмотрению первого вопроса, следует сразу оговорить, что совещания Союза благоденствия были закрыты для непосвященных в дела тайного общества, для тех, кто не вступил в организацию, — и Пушкин не мог представлять исключения в этом отношении.

Внимательный исследователь эпохи А. Е. Пресняков, склонный считать тайное общество, существовавшее до 1821 г., далеким от строгих конспиративных принципов (свойственных позднему организациям декабристов), тем не менее полагал, что Союз благоденствия проводил «правильно устроенные», «негласные, непубличные собрания» «формальных членов», закрытые для посторонних. Историк отделял их, во-первых, от собраний благотворительных и просветительских обществ (в том числе неофициальных, не исключая масонских лож, в свою очередь бывших тайной для непосвященных), которые были организованы участниками Союза благоденствия или подчинены их влиянию, во-вторых — от заседаний неофициальных литературных обществ и кружков. В-третьих, он отделял собрания Союза благоденствия от неформальных собраний «вольнодумцев», сочувствующих декабристскому обществу, светских «вечеров» и т. п.¹⁷

Вот что в уставе Союза благоденствия непосредственно относится к рассматриваемому вопросу: «Никто без особенного поручения не

¹⁷ Пресняков А. Е. 14 декабря 1825 года. М.; Л., 1926. С. 354—355. См. также: Пресняков А. Е. Тайные общества и общественно-политические воззрения декабристов // 100-летие восстания декабристов: Сб. ст. и документов журнала «Каторга и ссылка». М., 1927. С. 30—79.

может с посторонним говорить о занятиях и делах Союза <...>. Каждый член обязан <...> избегать с нечленами всякого о Союзе спора...»¹⁸ Тайна должна была храниться строго — это являлось одним из главных принципов деятельности. В уставе Союза говорилось вполне определенно: «Имея целью *благо отечества*, Союз не скрывает оной от благомыслящих сограждан, но для избежания нареканий злобы и ненависти действия оного должны производиться в тайне»¹⁹. Члены Союза, если отступали от участия в нем и заявляли о выходе из организации, обязывались хранить в тайне все, к ней относящееся. Для обеспечения этого требования они давали особую расписку, оставившим общество в целях конспирации сообщалось о прекращении деятельности Союза и т. д.²⁰ Тайна должна была храниться как действующими, так и бывшими, отошедшими от общества членами. Устав Союза прямо запрещал не только присутствие посторонних на собраниях членов общества, но и разговоры с ними где бы то ни было о Союзе и предмете его занятий. Естественно, при «гостях», не имевших организационной связи с Союзом, разговоры о «делах» общества прекращались. В этой связи трудно представить «правильные» собрания членов Союза, проходящие в присутствии лиц, не принятых в тайное общество.

Таким образом, присутствие на «негласных, непубличных» собраниях «формальных членов» Союза благоденствия лиц, не состоявших членами, было невозможным при соблюдении уставных требований.

В то же время присутствие «вольнодумцев» из ближайшего окружения тайного общества на неформальных собраниях, «сходках», «светских» вечерах, проводимых участниками Союза, было само собой разумеющимся, поскольку, по мысли основателей Союза, это было одним из способов воздействия тайного общества на общественное мнение.

С нашей точки зрения, нет достаточных оснований говорить о том, что уставные требования «Зеленой книги» не соблюдались или серьезно нарушались в этих важнейших пунктах, определявших основные принципы существования конспиративного союза. Но на современном этапе изучения среди исследователей сформировалась другая точка зрения, пересматривающая традиционные представления о Союзе благоденствия в сторону умаления роли конспирации в его деятельности. Выдвигается мнение о «полулегальном» или даже полностью

¹⁸ Устав Союза Благоденствия // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1. С. 249. («Законоположение Союза благоденствия» — документ, известный также как «Зеленая книга».)

¹⁹ Там же. С. 242. Курсив оригинала.

²⁰ См. организационные правила Союза благоденствия: Там же. С. 280, 298, 334—335, 346, 349, 403.

легальном характере Союза, о несоблюдении уставных правил в деятельности общества, о некоей «условности» конспиративных начал декабристских обществ, существовавших до 1821 г.²¹ Эта тенденция наметилась как своеобразная реакция на советское декабристоведение, с его постоянным подчеркиванием «радикальности» декабристских обществ и приближением их к реалиям последующих этапов «освободительного движения». Она ведет, однако, к полному или частично отрицанию организованности, регулярности собраний, к отрицанию принципа конспирации в Союзе благоденствия. Происходит своеобразное возвращение (на новом уровне изучения) к взглядам зачинателей историографии декабристских обществ — в частности, А. Н. Пыпина, который высказывал мнение о том, что Союз благоденствия представлял собой не конспиративную организацию с политическими целями, а «полулегальное», чуть ли не допущенное правительством аморфное объединение с «самой невинной» просветительской программой, члены которого не придерживались конспирации. По мнению первого историографа Союза благоденствия, это сообщество было легко доступно для любого человека «передовых» взглядов (своеобразный «клуб», заседавший у наиболее активных участников Союза, в присутствии лиц «посторонних», непричастных к обществу). Аморфная просветительская организация-клуб без соблюдения основных правил устава — таким предстал Союз в трудах А. Н. Пыпина и последователей его взглядов²².

Надо сказать, что эта точка зрения опирается главным образом на оправдательные показания бывших членов Союза благоденствия, полученные в условиях следственного процесса 1825—1826 гг., позднейшие публицистические записки Н. И. Тургенева, стремившегося представить

²¹ См., например: *Бокова В. М.* Эпоха тайных обществ. С. 317, 334, 347—356 (параграф «Проблемы конспирации в Союзе благоденствия и последующих обществах декабристов. Личное и общественное»).

²² *Пыпин А. Н.* Общественное движение в России при Александре I. СПб., 2001. С. 393, 405—406, 445, 480. А. Н. Пыпин, правда, не мог не оговориться, что либералам, включая членов Союза благоденствия, «высказывать свои мнения вполне было все-таки не безопасно» (Там же. С. 379—380). Отдал дань подобным взглядам и А. Е. Пресняков, считая «собрания» Союза благоденствия «негласными», «непубличными», но состав их участников — известным «широкому кругу» людей (*Пресняков А. Е.* Тайные общества и общественно-политические воззрения декабристов. С. 35). Примкнули к этому мнению и представители социологической марксистской историографии, не считавшие ранние тайные общества декабристов «революционными». См. оценку М. Н. Покровского: «полуоткрытая организация» (цит. по: *Нечкина М. В.* К вопросу о политической программе Союза благоденствия // Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия: Сб. ст. М., 1952. С. 331).

деятельность тайных обществ далекой от острых политических вопросов, а также на отдельные цитаты из «Зеленой книги» — сохранившейся первой части устава Союза благоденствия. Эта часть излагала просветительскую программу деятельности организации (положения тактического характера) и уставные требования, предназначалась для вновь приглашаемых лиц и не содержала политической цели общества²³.

Коснулась эта тенденция и интересующего нас вопроса. Так, В. М. Бокова полагает, что в показаниях Горсткина речь идет о совещаниях Союза благоденствия, на которые допускались посторонние лица («О присутствии посторонних на “совещаниях” у И. Долгорукова и Н. Муравьева — см. показания И. Н. Горсткина»), отмечая между тем, что, когда посторонние приходили на собрания Союза благоденствия, «секретные разговоры прерывались на полуслове»²⁴. Автор, таким образом, констатирует присутствие «посторонних» на «правильных» собраниях членов Союза благоденствия, но при этом, по мнению историка, о тайном обществе при «посторонних» не говорилось, «секретные разговоры» прерывались. Эта внутренне противоречивая точка зрения вряд ли может удовлетворить исследователя. К тому же остается открытым вопрос: считать ли собрание с участием «посторонних» лиц «совещанием членов Союза благоденствия», да еще при прерванных «секретных разговорах»? Логичнее полагать, что «посторонние» присутствовали на собраниях, организованных членами Союза благоденствия для привлечения сочувствующих и единомышленников, но не на «правильных» заседаниях тайного общества.

Говоря о взглядах А. Н. Пыпина, следует отметить, что позднейшие исследователи, опиравшиеся на углубленный анализ первоисточников (не только сохранившегося устава Союза благоденствия, но и других документов — доносов членов Союза благоденствия И. М. Юмина и М. К. Грибовского, следственных показаний, недоступных А. Н. Пыпину, мемуарных свидетельств бывших членов Союза и т. д.), аргументированно, со ссылками на конкретные источники, опровергли его точку зрения, не учитывавшую исторические реалии эпохи²⁵.

²³ *Нечкина М. В.* К вопросу о политической программе Союза благоденствия. С. 337. Политическая цель и средства ее достижения должны были значиться во второй части, которая была написана, но не утверждена руководителями Союза. См.: *Смирнова Л. Б.* Вторая часть «Зеленой книги» и ее авторы // Вопросы политической истории СССР: Сб. ст. аспирантов и соискателей Института истории СССР АН СССР. М.; Л., 1977. С. 125—143.

²⁴ *Бокова В. М.* Эпоха тайных обществ. С. 349, 403.

²⁵ Образец убедительной аргументации в пользу конспиративного характера Союза благоденствия см., например: *Нечкина М. В.* К вопросу о политической программе Союза благоденствия. С. 332—334.

С. Н. Чернов, на основе кропотливого анализа как устава Союза благоденствия, так и реальной практической деятельности членов тайного общества, пришел к следующим выводам: «Союз замышлялся и был тайной политической организацией, вокруг которой в массе кишели открытые и тайные враги и в еще большем числе посторонние всякой политике, однако приметливые ко всей новизне обыватели». В Союзе соблюдались необходимые правила конспирации, в частности — процедуры подбора и приема членов, внутренняя иерархия руководителей и подчиненных (рядовых) участников, запрет «неосторожным словом или поступком возбуждать подозрительность <...> власти», соблюдение тайны собраний, встреч и скрытых от непосвященных «сношений»²⁶. Союз благоденствия не был организацией заговорщического типа, строго и глубоко законспирированной группой единомышленников, но в то же время он не являлся ни «клубом», ни «полулегальным» обществом, легко доступным для каждого, кто слыл «вольнодумцем» и вел свободолюбивые разговоры. Одним из предметов постоянных обсуждений в руководстве Союза являлось «принятие мер осторожности для сокрытия от правительства существования и занятий Союза и приведение в лучшее устройство дел общества». После первых выходов из тайного общества его бывших членов (1819 г.) меры предосторожности значительно возросли. Особые усилия тратились на то, чтобы «спрятать общество от всякого подозрительного глаза и всяких нескромных уст»²⁷.

Учитывая обоснованность выводов С. Н. Чернова и других исследователей Союза благоденствия²⁸, возврат на современном этапе изучения к давно преодоленным представлениям о тайных обществах видится неоправданным. Мнение о «легальном» или «полулегальном» характере Союза представляется ошибочным.

К этому нужно добавить соображение о том значении, которым наделялся принцип конспиративности в современных Союзу благоденствия тайных организациях (масонских ложах, тайных кружках, в

²⁶ Чернов С. Н. Из работ над «Зеленой книгой» // Чернов С. Н. У истоков русского освободительного движения. Саратов, 1960. С. 287, 327.

²⁷ Чернов С. Н. Несколько справок о Союзе благоденствия перед Московским съездом 1821 г. // Там же. С. 15.

²⁸ Нечкина М. В. 1) К вопросу о политической программе Союза благоденствия. С. 331—342; 2) Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 186—189, 203—204; Ланда С. С. Дух революционных преобразований. Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. М., 1975. С. 89—94; Жуковская Т. Н. Тайные общества первой трети XIX в. и организационные модели декабризма // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2002. Вып. 5. С. 88—90.

том числе неполитического, досугового характера). Хорошо известно влияние масонских конспиративных правил на организационные формы первых декабристских обществ, воздействие широко распространившейся в эту эпоху публицистической и иной литературы, посвященной тайным обществам (зачастую обличавшей их реальную или воображаемую деятельность), на представление о роли конспирации активных участников тайных организаций и общественного движения²⁹. Конспирация в период 1800—1820-х гг. была очень популярна — она применялась чуть ли не в любых формах самоорганизации общества и соблюдалась с особой тщательностью. Как показано исследователями, принципы конспиративности составляли важнейшую сторону существования негласных и тайных объединений как специфической формы общественной активности, как культурно-исторического явления³⁰. Без соблюдения организационных правил, в том числе требований конспирации, не существовало «общества», кружка, «собраний», как чего-то обособленного³¹. По всем этим соображениям преуменьшать роль организационных «правил» конспиративных обществ, как представляется, неправомерно.

Итак, наиболее обоснованными следует признать оценки и наблюдения, принадлежащие С. Н. Чернову, а затем, с некоторыми оговорками, М. В. Нечкиной и ее ученице — исследователю Союза благоденствия А. В. Семеновой. В этих наблюдениях констатируется последовательное соблюдение начал конспиративности в деятельности Союза благоденствия³².

²⁹ См.: Жуковская Т. Н. Тайные общества первой трети XIX в. и организационные модели декабризма. С. 74—76. Ср.: Бокова В. М. Эпоха тайных обществ. С. 347.

³⁰ См.: Пресняков А. Е. Тайные общества и общественно-политические воззрения декабристов. С. 35—36; Жуковская Т. Н. Тайное общество декабристов: Европейские влияния и российский контекст // Империя и либералы: Сб. ст. СПб., 2001. С. 52—64.

³¹ См.: Жуковская Т. Н. Тайные общества первой трети XIX в. и организационные модели декабризма. С. 67—69, 71—72, 86—91.

³² См.: Семенова А. В. Тайное общество декабристов Союз благоденствия. Автореф. дис. ... д. и. н. М., 1990. С. 31. Оговорки касаются применяемого советской историографией понятия «революционность». Представляется, что речь должна идти о политическом характере тайного общества. В настоящей статье мы оставляем в стороне вопрос о программе Союза благоденствия и степени ее радикализма. У исследователя нет оснований отрицать политическую программу Союза, несмотря на отсутствие упоминаний о политических задачах в сохранившейся первой части устава. Эти задачи были хорошо известны руководителям, а впоследствии значительному числу участников Союза (см.: Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 208—211; Семенова А. В. Тайное общество декабристов Союз благоденствия. С. 9—10; Ср.: Ильин П. В.

Из сказанного явствует, что, следуя требованиям устава («Зеленой книги»), участники Союза не допускали присутствия на «правильных» заседаниях тайного общества «посторонних лиц», не принятых в организацию.

То, что правила конспирации в отношении «не членов» из числа не посвященных в деятельность тайного общества (в частности, Пушкина) соблюдались неукоснительно, подтверждают дошедшие до нас известные мемуарные свидетельства членов Союза благоденствия И. И. Пущина и И. Д. Якушкина. Эпизод, изложенный в записках И. И. Пущина — когда Пушкин принял собрание предполагаемых сотрудников журнала, задуманного Н. И. Тургеневым, за заседание тайного общества, — весьма показателен и красноречив³³. Он недвусмысленно говорит о том, что реально существующее декабристское общество оставалось для Пушкина полной и непроницаемой тайной; поэт лишь подозревал, что оно существует. Зная «образ мыслей» близких друзей и знакомых, не скрывавших перед ним своих политических взглядов (Н. И. Тургенев, Н. М. Муравьев, Ф. Н. Глинка, И. И. Пущин и др.), он догадывался о существовании некоего объединяющего их общества, однако, как видно из данного свидетельства, не имел никаких конкретных о нем сведений. Понятно, что если бы он присутствовал на «секретных собраниях» Союза благоденствия, то степень его осведомленности на этот счет была бы принципиально другой.

Инцидент, произошедший в 1820 г. в Каменке и отраженный в мемуарах И. Д. Якушкина, подтверждает, что это было именно так. Эпизод с шуточным «предложением» вступить в политическое тайное общество и реакцией на него поэта демонстрирует непосвященность Пушкина в деятельность конспиративных организаций, попутно удостоверяя в полной мере организационную непричастность поэта к декабристскому союзу³⁴.

Еще один ключевой эпизод — встреча Пушкина и И. И. Пущина в Михайловском — получил различные оценки историков. Здесь проявилось стремление некоторых исследователей советского времени максимальным образом «приблизить» поэта к декабристской конспирации. Однако даже самые активные сторонники такого сближения были вынуждены осторожно оценивать степень осведомлен-

[Рец.:] Восстание декабристов. Т. XIX. М., 2001; Восстание декабристов. Т. XX. М., 2001 // Отечественная история. 2006. № 4. С. 183).

³³ См.: *Пущин И. И.* Соч. и письма. М., 1999. Т. 1. С. 62.

³⁴ *Якушкин И. Д.* Мемуары, статьи, документы. Иркутск, 1993. С. 113.

ности поэта о декабристской организации, а тем более возможность организационной причастности к ней. Так, А. М. Эфрос полагал, что после встречи с Пушиным в январе 1825 г. Пушкин находился «как бы на положении посвященного, сочувствующего, который был связан с заговором пока лишь нравственными обязательствами, но который должен был доказать, что достоин доверия, когда придет время действовать»³⁵. Б. С. Мейлах отмечал, что после этой встречи «Пушкин понял: тайное общество существует»³⁶. Б. В. Томашевский склонен был считать, что на встрече «речь шла о тайных обществах, и Пущин признался в своей принадлежности к Северному обществу», однако вместе с тем исследователь отрицал возможность предложения о вступлении, сделанного Пушкину; напротив, Пущин уговаривал его отказаться от попыток играть «политическую роль»³⁷. Н. Я. Эйдельман, подробно разобрав эпизод, пришел к выводу о молчании Пущина в ответ на прямой вопрос друга о тайном союзе³⁸. С. В. Березкина, отмечая, что Пущин не открыл Пушкину существование тайного общества, связывает замысел несанкционированной поездки поэта в Петербург с его осведомленностью о планах заговорщиков осуществить переворот при воцарении нового императора³⁹. На основании сказанного можно сделать вывод: вопрос об организационной принадлежности Пушкина к декабристскому обществу на встрече не затрагивался, поскольку определенных указаний на этот счет исследователям добыть не удалось. Судя по всему, Пущин по-прежнему многое скрывал от друга. Можно лишь предполагать, опираясь на косвенные данные, что речь коснулась возможного в недалеком будущем политического переворота; степень осведомленности поэта о декабристской конспирации существенно не изменилась.

Известна ироничная фраза Пушкина из письма к Жуковскому от 20 января 1826 г. о том, что в русском обществе едва ли не все знали

³⁵ Эфрос А. М. Декабристы в рисунках Пушкина // ЛН. М., 1934. Т. 16—18. С. 935.

³⁶ Мейлах Б. С. Декабристы и Пушкин. С. 219.

³⁷ Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1961. Кн. 2: Материалы к монографии (1824—1837). С. 88.

³⁸ Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы: Из истории взаимоотношений. М., 1979. С. 271, 281.

³⁹ Березкина С. В. Встреча с И. И. Пушиным 11 января 1825 г. в творческих откликах А. С. Пушкина: К анализу взаимоотношений поэта и участников тайных обществ // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб., 2005. Вып. 7. С. 483—484, 491—492.

«о заговоре», «кроме полиции и правительства», сказанная после событий 14 декабря 1825 г. (Акад. Т. 13. С. 257). Поскольку в этом письме Пушкин преследовал определенную цель: отвести от себя вероятные обвинения в «политических разговорах» и связях с заговорщиками, в контексте начавшегося следственного процесса, — его высказывание отражает лишь часть правды. Речь, в сущности, может идти о распространении слухов, информации общего характера о существовании тайных обществ в Европе и появлении их в России. Молва о существовании в России конспиративных союзов приобрела особый размах после правительственного запрета масонских лож, других конспиративных обществ и вообще всех не получивших правительственного одобрения общественных объединений (1822 г.). Интерес к действующим в Европе тайным обществам подогревался известиями о военных революционных выступлениях, национальных движениях в Испании, Италии, Греции, — в этих событиях, как известно, активное участие принимали члены различного рода тайных союзов. Информация такого рода распространялась как лицами, сочувствующими либеральному движению, так и противниками «карбонариев» и «якобинцев», предупреждавшими об опасности общеевропейского заговора. Многие догадывались о существовании тайных обществ в России, красноречивым свидетельством чему служат подозрения Александра I, который видел причины «семеновской истории» (1820 г.) в деятельности тайных обществ, охвативших своим влиянием гвардию; участникам этих обществ он приписывал борьбу с голодом в Смоленской и других губерниях в 1821—1822 гг., к кругу тайных «вольнодумцев» относили многих армейских генералов, включая крупных военачальников⁴⁰.

Однако конкретными данными, касающимися деятельности политических конспираторов, располагали лишь немногие — сами участники тайных обществ и те, кому они доверились. Сведения о существующем тайном союзе, его цели и программе деятельности, о составе участников, внутренней иерархии и структуре, местах собраний и т. д. наличествовали только у тех, кто был вовлечен в заговор, ознакомлен

⁴⁰ См.: *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф Киселев и его время. СПб., 1882. Т. 4. С. 28; *Шильдер Н. К.* Император Александр I: Его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. 4. С. 330. Противоположное свидетельство оставил в своем дневнике Н. И. Тургенев, деятельный участник тайного общества. Запись его дневника, датированная 16 августа 1822 г. (вскоре после выхода манифеста о запрете тайных обществ), отразила иную оценку отношения петербургского общества к конспиративным союзам: «О т<айны>х обществах никто не говорит, ибо никто их не знает, и не думают, чтобы они были и могли быть в России» (Архив братьев Тургеневых. Пг., 1921. Вып. 5: Дневники и письма Н. И. Тургенева. Т. 3. С. 324).

с уставом союза, — иными словами, у тех, кто состоял членом или был приглашен участвовать в тайном союзе⁴¹.

Таким образом, принимая во внимание подтвержденных источниками факт организационной непричастности А. С. Пушкина, его неосведомленности о конкретных сторонах деятельности Союза благоденствия (о чем прямо говорят мемуарные указания авторитетных свидетелей), мы не имеем оснований предполагать присутствие поэта на «правильных» заседаниях конспиративного общества, закрытых для «непосвященных»⁴². В качестве иллюстрации к этому выводу, обобщающему данные об отношении Пушкина к декабристскому обществу, необходимо привести известную фразу поэта, переданную в записках И. И. Пушина: «Может быть, ты и прав, что мне не доверяешь. Верно, я этого доверия не стою по многим моим глупостям»⁴³. Близкие по смыслу слова Пушкина вспоминает в своих записках И. Д. Якушкин: «Я очень понимаю, почему эти господа не хотели принять меня в свое общество; я не стоил этой чести»⁴⁴.

Итак, свидетельства, которыми располагают исследователи, не позволяют утверждать, что Пушкин обладал сведениями об уставе Союза благоденствия, его политической программе, персональном составе тайного общества, внутренней структуре и т. д. Без такого рода осведомленности считать возможным присутствие Пушкина на «правильно устроенных» «совещаниях» членов Союза благоденствия (или других тайных политических обществ), на которых не допускались «посторонние», едва ли правомерно.

⁴¹ Не случайно для того, чтобы получить надежные документальные подтверждения существованию политического заговора в России, правительственным агентам пришлось затратить серьезные усилия, прежде чем в их руках оказалась конкретная информация о реально существующем тайном обществе (провокаторская деятельность И. В. Шервуда и А. К. Бошняка — И. О. Витта). Но и в этом случае основной объем сведений о декабристской организации был получен не от полицейских агентов, а от отступника из числа членов союза А. И. Майбороды (см.: Федоров В. А. Доносы на декабристов // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1985. Вып. 4. С. 130—151; Коржов С. Н. К истории провокации И. В. Шервуда: Критический анализ «Исповеди» Шервуда-Верного и реконструкция его агентурно-провокаторской деятельности // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 7. С. 215—295).

⁴² Отношение поэта к тайному обществу характеризуется достаточно определенно: даже сторонники наибольшего приближения поэта к декабристам не идут дальше констатации участия в негласном литературно-политическом кружке «Зеленая лампа» и личных дружеских связей с рядом деятелей декабристских союзов.

⁴³ Пушин И. И. Соч. и письма. Т. 1. С. 69.

⁴⁴ Якушкин И. Д. Мемуары, статьи, документы. С. 114;

Переходя ко второму вопросу — анализу показаний Горсткина, — необходимо сначала обратиться к личности и биографии Горсткина, а затем к условиям их появления.

Иван Николаевич Горсткин (1798—1876), сын тульского помещика, в 1814 г. поступает на службу в лейб-гвардии Егерский полк и вскоре сближается с кругом гвардейских офицеров-«либералистов». В начале 1818 г., находясь в Москве в составе сводного гвардейского отряда, он одним из первых вступает во вновь созданный Союз благоденствия, а затем входит в число влиятельных участников петербургских управ Союза⁴⁵. Осведомленный доносчик М. К. Грибовский, принадлежавший к руководящему кругу петербургского Союза благоденствия, в своем доносе (1821 г.) отнес Горсткина к «замечательнейшим по ревности» членам, поскольку тот обнаружил особую активность уже в 1818 г., почти с самого основания Союза⁴⁶. На протяжении нескольких лет (1818—1820 гг.) Горсткин возглавляет управу Союза благоденствия в Егерскому полку, что красноречиво говорит о заметной роли этого офицера в декабристском обществе. Как глава одной из петербургских управ, Горсткин безусловно контактировал с лидерами тайной организации, был знаком с политической программой и политической целью Союза⁴⁷. Все это известно главным образом не благодаря, а вопреки следственным показаниям самого Горсткина, в которых он постарался представить Союз благоденствия обществом благотворительным и просветительским⁴⁸. Так поступали на следствии многие из бывших членов Союза.

Согласно требованиям устава Союза благоденствия, каждый член должен был принадлежать к той или иной «отрасли», определявшей область его занятий. Горсткин принадлежал к «отрасли правосудия» и, по его собственным словам, старался «разыскивать злоупотребления разного рода», сообщать о них начальству, делая их известными, «дурных пустых людей всячески унижать, пускать их в огласку при всяком

⁴⁵ См.: ВД. Т. 18. С. 198. Ср.: *Арсеньев В. С., Картавцов И. М.* Декабристы-туляки. Тула, 1927. С. 26.

⁴⁶ Донос М. К. Грибовского // *Декабристы. Отрывки из источников.* М.; Л., 1926. С. 113.

⁴⁷ Политическая цель была известна большинству членов Союза (особенно состоявшим в нем длительное время), руководителям отделений и управ. См. показания основателя Союза благоденствия А. Н. Муравьева: ВД. М.; Л., 1926. Т. 3. С. 17; также П. И. Пестеля: ВД. М.; Л., 1927. Т. 4. С. 84, 108.

⁴⁸ См.: ВД. Т. 18. С. 201—202.

случае, хороших же превозносить, дабы чрез то сколько можно способствовать к установлению общего мнения в России», а также «наблюдать, где случится быть, чтоб помещики крестьян своих не мучили»⁴⁹.

В своих показаниях Горсткин подтвердил знакомство с такими участниками Союза благоденствия, как С. П. Трубецкой, Н. М. Муравьев, С. И. Муравьев-Апостол, И. А. Долгоруков, И. П. и С. П. Шиповы, И. Г. Бурцов, П. П. Каверин. Все они деятельные участники управляющего органа Союза — так называемого «Коренного совета». Горсткин был знаком также с наезжавшими в Петербург из Москвы А. Н. и М. Н. Муравьевыми⁵⁰. Имеющиеся источники выявляют связи Горстклина и с кругом И. И. Пущина — Е. П. Оболенского. Он встречается с И. Г. Бурцовым — главой петербургской «Коренной управы», объединявшей главным образом бывших участников Союза спасения. Горстклина хорошо знали И. И. Пущин, А. А. Тучков, Павел И. Колошин, М. М. Нарышкин, а также С. М. и А. В. Семеновы, принадлежащие к этому же кругу⁵¹.

О Горсткине, как члене тайного общества, знали и назвали его имя в своих показаниях С. П. Трубецкой, И. Г. Бурцов, Н. М. Муравьев, братья Е. П. и К. П. Оболенские, М. М. Нарышкин, В. Д. Вольховский, а также круг московских членов Северного общества во главе с И. И. Пущиным. В 1825 г. к нему, как старому товарищу, приезжает Е. П. Оболенский — один из активных участников управы И. Г. Бурцова еще в 1818—1819 гг.⁵²

Осенью 1821 г. Горсткин выходит в отставку, в 1824 г. поступает на службу в гражданскую канцелярию Московского военного генерал-губернатора, с весны 1825 г. переходит советником в Московское губернское правление⁵³. Он живет в Москве, где входит в кружок «либералистов», бывших участников Союза благоденствия. Этот кружок, скрепленный дружескими отношениями еще со времен совместной петербургской службы, был напрямую связан с И. И. Пущиным и Е. П. Оболенским. Неудивительно, что, когда последние задумали учредить в Москве отделение Северного общества, для создания

⁴⁹ Там же. С. 201. Это изложение задач членов Союза благоденствия по «отрасли правосудия» может быть дополнено кругом занятий, отраженным в уставе Союза (см.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. 1. С. 244—245, 271—274).

⁵⁰ См.: ВД. Т. 18. С. 202.

⁵¹ Там же. С. 203.

⁵² Там же. С. 205. См. также: ВД. М., 2001. Т. 20. С. 195, 325, 327, 447.

⁵³ Декабристы: Биогр. справ. М., 1988. С. 57.

управы был избран именно этот круг. Таким образом, все, кто образовал московское отделение, вновь присоединились к «декабристскому движению». Горсткин не остался в стороне от процесса, в который были вовлечены его приятели. К концу 1824 г. он вошел в число членов Московской управы Северного общества, а весной 1825 г., когда обсуждался замысел «Практического союза», Горсткин согласился войти и в этот кружок, возглавленный И. И. Пушиным⁵⁴.

Арестованный в январе 1826 г., Горсткин обвинялся в принадлежности к Северному обществу и знании политической цели. По итогам следствия он получил административное (несудебное) наказание: после месяца дополнительного крепостного заключения 12 июля 1826 г. был отправлен на службу в Вятку⁵⁵. После отбытия вятской ссылки Горсткин в 1827 г. возвращается в свое имение в Тульскую губернию, где, как и другие административно наказанные подследственные («прикосновенные к делу о тайном злоумышленном обществе»), находившиеся в Европейской России, живет безвыездно под секретным полицейским надзором. О его поведении составлялись ежемесячные рапорты, которые отсылались в III Отделение⁵⁶. В 1828 г. он переезжает в свое пензенское имение, пытается поступить на службу в Губернское правление или вернуться под начало Московского военного генерал-губернатора Д. В. Голицына, о чем и ходатайствует через П. А. Вяземского. Однако на представление о приезде Горсткина в Москву император ответил отказом. Горсткин неоднократно подавал прошения о помиловании, но безрезультатно⁵⁷. Только в 1848 г. он получает право на вступление в гражданскую службу в Москве, а затем на посещение Петербурга. Впоследствии Горсткин жил в Москве и в своем имении в Пензенской губернии⁵⁸. В 1860 г. он служил членом Пензенского губернского комитета по крестьянским делам, готовя крестьянскую реформу в этой губернии⁵⁹.

⁵⁴ См.: ВД. М.; Л., 1926. Т. 2. С. 213—215; Т. 18. С. 246. Ср.: *Модзалевский Б. Л. В. П. Зубков и его записки // Записки В. П. Зубкова о заключении в Петропавловской крепости по делу 14 декабря.* СПб., 1906. С. 5—6.

⁵⁵ См.: РГВИА, ф. 36, оп. 4, св. 27, д. 494 (об отправлении прикосновенного к делу о злоумышленных обществах <...> Горсткина в Вятку, а Семенова в Сибирь), л. 1—3 об. Ср.: *Свербеев Д. Н. Записки.* М., 1899. Т. 2. С. 361.

⁵⁶ См.: ГАРФ, ф. 109 (III Отделение), 1-я эксп., 1826 г., д. 61, ч. 174 (дело о надзоре за И. Н. Горстким).

⁵⁷ См. об этом: *Вяземский П. А. Письма к жене за 1831—1832 гг. // Звенья.* М., 1951. Вып. 9. С. 320, 322, 326, 342—343, 415. Ср.: *Арсеньев В. С., Картавцов И. М. Декабристы-туляки.* С. 26.

⁵⁸ См.: *Модзалевский Б. Л. В. П. Зубков и его записки.* С. 86.

⁵⁹ *Арсеньев В. С., Картавцов И. М. Декабристы-туляки.* С. 26.

О взглядах Горсткина в 1830—1840-е гг. в значительной степени можно судить по его дружескому окружению, в которое входили Павел И. Колошин, А. А. Тучков, С. Н. Кашкин, В. П. Зубков и др. Горсткин в целом сохранял оппозиционный облик, продолжал поддерживать связи с определенным кругом лиц, встречался с известными своим «вольномыслием», оппозиционно настроенными бывшими участниками тайных обществ, а также лицами, принадлежавшими к их окружению (А. А. Тучков, Г. А. Римский-Корсаков, А. А. Жемчужников, бывший нижегородский губернатор Н. И. Кривцов, поэт-вольнодумец П. А. Габбе)⁶⁰.

Известны некоторые личностные особенности Горсткина, отмечаемые современниками. Так, дочь А. А. Тучкова Н. А. Тучкова-Огарева в своих мемуарах выделяла Горсткина из общего круга бывших декабристов — товарищей ее отца. По мнению мемуаристки, будучи умным, саркастичным человеком, он по строю своей личности и убеждениям не был декабристом⁶¹. В. С. Нечаева отмечает, что, согласно отзывам современников, Горсткин «обладал скептическим умом и меткой насмешливостью»⁶².

Наряду со «скептическим умом», образованностью и просвещенностью упоминаются ироничный характер Горсткина, сухость в обращении, черствость, чрезмерный эгоизм, практицизм, другие не слишком симпатичные черты личности; в эти годы он стал известен жестоким отношением к своим крестьянам⁶³. Любопытен в этом контексте факт из истории его отношений с И. И. Пушиным: после того как амнистированный декабрист вернулся из Сибири, Горсткин потребовал срочного возвращения старого денежного долга Пушкина⁶⁴. Перед нами личность сложная и неоднозначная: он принадлежит к образованным, просвещенным «вольнодумцам», проявляет интерес к общественно-политическим вопросам, но в облике его в достаточной степени различимы эгоистичные черты и прагматизм.

⁶⁰ См.: *Нечаева В. С.* В. Г. Белинский: Начало жизненного пути и литературной деятельности. 1811—1830. М., 1949. С. 150—151.

⁶¹ *Тучкова-Огарева Н. А.* Воспоминания. М., 1959. С. 32. Мемуаристка отмечает «корыстолюбивую натуру» Горсткина и его «беспощадно злой язык» (Там же. С. 33).

⁶² *Нечаева В. С.* В. Г. Белинский: Начало жизненного пути и литературной деятельности. С. 149.

⁶³ По формулировке Б. Л. Модзалевского, Горсткин был человеком «умным, но черствым, ироничным» (см.: *Модзалевский Б. Л.* В. П. Зубков и его записки. С. 8). Ср.: *Тучкова-Огарева Н. А.* Записки. С. 33.

⁶⁴ См.: *Пушин И. И.* Соч. и письма. Т. 2. С. 244—245.

Обратимся к показаниям Горсткина на следственном процессе 1825—1826 гг., учитывая при этом тактику поведения декабристов в условиях следствия и личные особенности автора.

Как эти особенности могли сказаться на изучаемом свидетельстве — следственных показаниях? Эгоистичность, практичный, расчетливый и, видимо, цепкий ум способствовали выработке определенных приемов, с помощью которых ему, несомненно, удавалось ослабить значение обвинительных аргументов. Причем можно полагать, что в использовании подобных приемов он был последователен, изобретателен и настойчив.

К числу основных обвинений на процессе 1825—1826 гг. относилось знание обвиняемым политического характера тайного общества, в котором он состоял. Горсткин принадлежал к Союзу благоденствия, участников которого обвиняли в осведомленности о политической цели общества — преобразовании государственного строя⁶⁵. В силу сказанного, одним из элементов защитной тактики членов Союза являлось стремление описать его в виде благотворительного и просветительского общества, снизить значение уставных требований, представить Союз в виде бесформенной и неорганизованной структуры, существование которой было недолгим, дискретным, а деятельность — вялой и незначительной. Отсюда важнейшие пути оправдания — сокрытие политического «наполнения» контактов и встреч, отрицание «правильной организации» конспиративных собраний, снижение значимости и организованности «занятий», сокрытие подлинных мотивов (политического характера) при изложении собственной деятельности как участника тайного общества.

Как представляется, подобная тактика защиты могла оказать существенное влияние на поведение и показания Горсткина. В самом деле, при откровенных ответах, касающихся организационной стороны декабристской конспирации, политических целей и способов их достижения, могли всплыть факты, связанные с заметной ролью Горсткина в петербургском Союзе благоденствия в 1818—1820 гг.

При обращении к материалам следственного дела Горсткина легко обнаруживаются приемы защитной тактики. Так, излагая причины своего участия в тайном обществе, он объяснял это неопытностью, следованием за «модой» («...была мода на этот союз, все за честь поставляли быть в нем»), «тщеславием», желанием завести влиятельные связи в офицерской среде, которые должны были способствовать успешной карьере. Он ссылаясь также на большой авторитет в гвардии приняв-

⁶⁵ См. предисловие А. В. Семенович к публикации следственных дел членов Союза благоденствия (ВД. Т. 20. С. 13).

шего его в тайное общество А. Н. Муравьева. Элементы защитной тактики можно найти в показаниях Горсткина и по другим вопросам: о своем участии в собраниях Московской управы Северного общества, «Практического союза» и т. д.⁶⁶

Показания Горсткина следует признать документом, требующим строгого критического подхода. Для того чтобы не дать в руки следователям большое количество обвинительного материала, Горсткин действительно прибег в них к ряду приемов самозащиты.

Это вполне сознавали предшествующие исследователи. По заключению М. В. Нечкиной, Горсткин принадлежал к тем подследственным, которые стремились «скрыть суть происходившего в тайном обществе»: «Не будем забывать, что оно (свидетельство Горсткина о Пушкине. — *П. И.*) произнесено за решеткой Петропавловской крепости. От умения дать показание, сохранить видимость малой причастности к делу зависело если не все, то, во всяком случае, очень многое»⁶⁷. Исследовательница, таким образом, дала общую оценку тактики защиты Горсткина. Она же привела конкретные примеры проявления этой тактики, отразившиеся в показаниях: «Горсткин, прочно принявший на следствии позу равнодушного (к целям декабристского союза. — *П. И.*) человека, случайно увлекшегося “модой” на тайные общества, всячески хочет снизить значение собраний у Ильи Долгорукова»⁶⁸.

Другая исследовательница, В. С. Нечаева, была согласна с М. В. Нечкиной в оценке линии поведения Горсткина на допросах: «На допросах он был чрезвычайно осторожен, подчеркивал свое скептическое отношение к тайным обществам, несочувствие активным членам и свою отдаленность от них»⁶⁹. Несомненным доказательством примененной Горстким «тактики оправдания» являются «проговорки» в показаниях, противоречащие основной «линии защиты». Как показала В. С. Нечаева, в показаниях Горсткина присутствуют доказательства его участия в собраниях и «разговорах» членов тайного общества политического характера, его осведомленности о политической программе Союза⁷⁰.

Указанные принципы и приемы тактики защиты — обоснование своей «малой причастности» или случайного вовлечения в деятель-

⁶⁶ См.: ВД. Т. 18. С. 200—201, 345.

⁶⁷ *Нечкина М. В.* Новое о Пушкине и декабристах. С. 158.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ *Нечаева В. С.* В. Г. Белинский: Начало жизненного пути и литературной деятельности. С. 147.

⁷⁰ Там же.

ность Союза благоденствия, несогласия («несочувствия», скептического отношения, равнодушия) с целями тайного общества и взглядами его руководителей, снижение собственной роли в тайном обществе — следует иметь в виду при анализе показаний Горсткина.

То, что осторожный, умный и практичный Горсткин в условиях следствия стремился «сохранить видимость малой причастности к делу», определило многое в его показаниях. Это и умолчание о своей роли в петербургском Союзе благоденствия, и искаженная картина вступления в Северное общество, и искаженное изложение мотивов участия в конспиративном союзе.

Однако этим дело не ограничивается. Остановимся на образе Союза благоденствия, который в своих показаниях создал Горсткин. Анализ содержания показаний приводит к выводу о цели, какую ставил перед собой подследственный Горсткин, работая над показаниями. Она заключалась в том, чтобы показать Союз благоденствия слабо организованной, недействительной, в конечном итоге — не имеющей определенной политической цели организацией, которая спустя короткое время после основания фактически прекратила свое существование. Для того чтобы создать у следователей такое впечатление о Союзе благоденствия, нужно было представить его деятельность малозначительной, а организационное устройство и уставные правила — практически недействующими, хаотическими.

Подобные приемы использовались и другими подследственными. Наши выводы подтверждаются наблюдениями над показаниями других членов Союза благоденствия, в том числе руководителей. Отчетливо выделяются два основных приема защиты бывших участников Союза.

1) Отрицание политической цели и характера Союза благоденствия. Примером служат показания руководящих деятелей петербургского Союза благоденствия Ф. Н. Глинки, Ф. П. Толстого, Н. И. Кутузова. Каждый из них заявил в своих показаниях, что состоял в благотворительном просветительском обществе; цель показаний такого рода понятна — убедить следствие, что Союз благоденствия не являлся политической конспиративной организацией, то есть — не ставил перед собой задач изменения государственного строя⁷¹.

2) Отрицание «правильной организации» Союза, его конспиративных принципов. Пример такого подхода — показания Ф. Н. Глинки, оправдательные записки Н. И. Тургенева и его воспоминания «Россия

⁷¹ См. предисловие А. В. Семенович к публикации следственных дел членов Союза благоденствия (ВД. Т. 20. С. 7—10). О тактике отрицания политической цели Союза благоденствия, применявшейся бывшими его участниками, см.: Чернов С. Н. Из работ над «Зеленой книгой». С. 271—273.

и русские». Ф. Н. Глинка стремился показать, что в собраниях Союза благоденствия не было никакой регулярности и организованности; Н. И. Тургенев отрицал существование «правильно устроенного» тайного общества, называя его «ничтожным» и бездеятельным, что вызвало волну критики со стороны его осужденных товарищей⁷².

Характерно, что в одной из своих «оправдательных записок» Н. И. Тургенев свел содержание собраний Союза благоденствия к «вольным разговорам», «вздорным, но не преступным». Перечисляя предметы обсуждения на собраниях тайного общества, Тургенев представил их следующим образом: «...один сообщал газетные новости о Камере депутатов во Франции, хвалил новую книгу Прадта, Констана, другой читал новые стихи Пушкина, третий смеялся над цензурой журналов и театров и пр. и пр.»⁷³.

Прямые параллели между «оправдательной запиской» Тургенева и анализируемыми показаниями Горсткина очевидны, — только Горсткин поместил Пушкина в число непосредственных участников «вздорных» «вольных разговоров». Вместе с тем, и это принципиальный момент, Тургенев разграничивал «разговоры» и так называемые «правильные» собрания членов: по его словам, такие собрания проходили у Ф. Н. Глинки, Н. М. Муравьева, Павла И. Колошина — лидеров петербургского Союза.

Можно с уверенностью заключить, что попытки представить Союз благоденствия неполитическим — прежде всего, просветительским и благотворительным обществом, — предпринятые на следствии Ф. Н. Глинкой и другими бывшими участниками, являлись собой более или менее удачный прием защиты в условиях следствия. В основе таких приемов лежало стремление смягчить свою участь, отвести от себя обвинение в знании политической цели и избежать наказания. Вопрос о тактике защиты и приемах оправдания, использованных подследственными на процессе 1825—1826 гг., требует дальнейшего внимательного изучения.

Анализ показаний Горсткина и других бывших участников Союза благоденствия приводит еще к одному заключению. Важнейшим приемом, служившим к «ослаблению вины», была своеобразная подмена, которая наблюдалась в ответах на стандартный вопрос следствия о деятельности тайного общества и собраниях его членов. Чтобы создать

⁷² См.: ВД. Т. 20. С. 102; *Тургенев Н. И.* 1) Оправдательная записка // ВД. М., 1979. Т. 15. С. 271, 272—273, 276; 2) Вторая оправдательная записка // Памяти декабристов. Л., 1926. Кн. 2. С. 101, 160—163; 3) Россия и русские. М., 2001. С. 56, 112—113.

⁷³ *Тургенев Н. И.* Вторая оправдательная записка. С. 162—163.

впечатление неполитической, неорганизованной и незначительной деятельности Союза благоденствия, подследственные могли ввести в свои показания факты и обстоятельства, которые относились не к Союзу благоденствия, а к собраниям и «сходкам» легальных или негласных литературных, благотворительных, просветительских обществ⁷⁴.

В этом контексте и следует рассматривать показания Горсткина. Как справедливо заключала М. В. Нечкина, Горсткин в них «изо всех сил подчеркивал легальный (говоря точнее, неполитический. — П. И.) характер Союза благоденствия, но нас это не должно вводить в заблуждение»⁷⁵.

Приведем оценку показаний, принадлежащую С. Н. Чернову. Сопоставляя показания Е. П. Оболенского, П. А. Муханова и других, не скрывавших политического характера Союза благоденствия, и показания Горсткина, историк писал: «В свете этих совершенно определенных показаний <...> надо присматриваться к другим показаниям более осторожных и менее откровенных <...> участников Союза. И тогда политический момент в целях Общества проступает даже в показаниях таких <...> довольно умеренных и в вынужденном рассказе на следствии чрезвычайно осторожных лиц, как И. Н. Горсткин. Он с некоторой елейностью рассказывает о цели Общества в смысле личного и общего нравственного и образовательного совершенства <...>. Читая этот рассказ Горсткина, совсем не чувствуешь в авторе политической жилки. Но она совершенно определенно вскрывается в тех припоминаниях, которыми И. Н. Горсткин окружил свой елейно-благочестивый рассказ». Он отнес себя к «отрасли правосудия», цель занятий которой было «установление общего мнения в России», — «сюжет, конечно, политический». Далее он упоминает планы общества — «занять известные места в государстве», что также неразрывно связано с политическими задачами. Таким образом, как заключал С. Н. Чернов, Горсткин набрасывает на Союз благоденствия «флер политической невинности и полной деловой несостоятельности, но все насмешливые узоры этого флера <...> не скрывают политического существа только что сделанных и им заботливо прикрываемых признаний». Не помогают скрыть политическое значение Союза, по мнению историка, и «предусмотрительные выражения» Горсткина, призванные показать слабую деятельность Союза («не прошло году, как все простыли»), подтвердить его собственное скептическое отношение к взглядам товарищей по Союзу⁷⁶.

⁷⁴ См., например, показания Ф. Н. Глинки и Ф. П. Толстого: ВД. Т. 20. С. 101—102, 118, 433—434.

⁷⁵ Нечкина М. В. Новое о Пушкине и декабристах. С. 156.

⁷⁶ Чернов С. Н. Из работ над «Зеленой книгой». С. 274.

Подводя итог, С. Н. Чернов отмечал, что на следствии «многие члены Союза благоденствия сознательно стремились представить свое общество политически невинным. Меж тем самый устав Союза выдает действительный, полный политической активности характер общества»⁷⁷. К числу таких членов Союза, безусловно, относится Горсткин.

Говоря о содержании показаний Горсткіна, Ю. М. Лотман оговаривал: «Следует учитывать специфические условия, в которых создавались эти воспоминания⁷⁸, и то, что Горсткин был крайне заинтересован в том, чтобы придать “сходкам” у “осторожного Ильи” и “беспокойного Никиты” вид незначительных и случайных встреч»⁷⁹. Исследователь специально пояснял: «...надо, конечно, учесть вполне понятное в тактическом отношении стремление Горсткіна принизить значение описываемых встреч»⁸⁰. В основном это касалось его утверждений о кратковременности и случайности собраний, незначительности занятий участников и т. д.

Если отнестись к показаниям Горсткіна не критично, то Союз благоденствия предстанет аморфной, неорганизованной структурой с неясными целями, сообществом случайных людей, которые изредка собираются на организационно не оформленные «собрания», а через некоторое время прекращают всякую деятельность. Горсткин стремился убедить следствие именно в этом. Создавалось впечатление, что едва ли не главным занятием участников собраний были ученые разговоры, чтение стихов и карточные игры.

Из сказанного следует, что доверие к показаниям Горсткіна, вошедшим в себя элементы определенной защитной тактики, безоговорочное принятие его оценок и характеристик представляются неоправданными.

Мы видели, что исследователи в целом понимают специфику документа, появившегося в условиях официального следствия, признают явную тенденциозность показаний Горсткіна, отмечают конкретные приемы оправдания, «снижающие» значение предъявленных ему обвинений⁸¹.

⁷⁷ Чернов С. Н. К истории политических столкновений на Московском съезде 1821 г. // Чернов С. Н. У истоков русского освободительного движения. Саратов, 1960. С. 91. Ср.: Семенова А. В. Тайное общество декабристов Союз благоденствия. С. 10—11.

⁷⁸ Возможно, эта ошибочная характеристика показаний Горсткіна стала причиной отмеченной выше последующей оценки их как «мемуаров».

⁷⁹ Лотман Ю. М. «Евгений Онегин»: Комментарий. С. 755.

⁸⁰ Лотман Ю. М. А. С. Пушкин: Биография писателя. С. 49.

⁸¹ В то же время исследователи нередко не принимают в расчет свои же наблюдения и поддаются «оправдательной риторике» Горсткіна, некритически

Однако в отношении фрагмента показаний, относящегося к Пушкину, М. В. Нечкина, в сущности, отказалась учесть отмеченные ею же особенности происхождения источника и специфику тактики защиты декабриста. Как считала М. В. Нечкина, показания Горсткина о собраниях у И. А. Долгорукова, на которых присутствовал Пушкин, свидетельствуют о том, что «это были не случайные пирушки, а именно собрания тайного общества», ибо Горсткин пишет о «вечерах» и «совещаниях», на которые «*съезжались как бы по должности*, т. е. по обязанности членства в тайном обществе»⁸². На основании этого обстоятельства и учитывая указанное Горстким место «собраний» (квартира И. А. Долгорукова), она делала вывод: речь идет о «правильных» заседаниях Союза благоденствия («Вот на этих-то собраниях тайного общества и встречал Горсткин Пушкина у “осторожного Ильи” — у Долгорукова»)⁸³.

Историк здесь полностью доверилась автору показаний, смешавшему собрания Союза благоденствия и собрания «вольнодумцев», и прямо отождествила описанное Горстким с заседаниями тайного общества. Представляется, что такой ход размышлений, в свете выявленного стремления Горсткина ослабить значение конспиративной деятельности Союза благоденствия, является крайне уязвимым.

Отвергая эту интерпретацию, основанную на некритическом подходе к следственным показаниям, рассмотрим конкретные доводы, которые были предложены М. В. Нечкиной.

На каком основании можно считать свидетельство Горсткина напрямую относящимся к собраниям членов Союза благоденствия? Как мы видели, основных аргументов в пользу идентификации упомянутых Горстким «вечеров», на которых присутствовал Пушкин, как совещаний членов декабристского союза, всего два.

Первый из них — это место, где проходили собрания, и лица, у которых они проводились. Показания Горсткина свидетельствуют: «вечера» проходили у И. А. Долгорукова; здесь же упоминаются собрания у Никиты Муравьева и И. Г. Бурцова. Действительно, все трое — руко-

воспринимая содержание показаний. Так, оценивая отношение Горсткина к политическим целям тайных обществ, В. С. Нечаева заключала: «Дошедшие до нас материалы и исследования о декабристах говорят о равнодушии и даже о некоторой враждебности Горсткина к политическим проектам декабристов...» (Нечаева В. С. В. Г. Белинский: Начало жизненного пути и литературной деятельности. С. 149). Нетрудно понять, что эти «материалы» и «исследования о декабристах» строятся на показаниях самого Горсткина, к которым нельзя относиться с полным доверием.

⁸² Нечкина М. В. Новое о Пушкине и декабристах. С. 158.

⁸³ Там же.

водители петербургского Союза благоденствия. Но само по себе место проведения «вечеров» и собраний и принадлежность указанных лиц к декабристскому союзу не могут являться несомненным и решающим доводом в пользу того, что речь идет о заседаниях тайного общества. У И. А. Долгорукова — адъютанта А. А. Аракчеева (до июля 1819 г.)⁸⁴, богатого и родовитого гвардейского офицера, имевшего множество родственников, служебных, светских связей, — могли происходить собрания, не связанные с конспиративной политической деятельностью, вплоть до светских «вечеров» и балов. Подобные же «вечера» могли проходить у Никиты Муравьева, дом которого на набережной Фонтанки был одним из центров культурной, литературной и светской жизни Петербурга 1810-х гг. Квартира И. Г. Бурцова служила местом притяжения офицеров Генерального штаба, сотрудников «Военного журнала», занимавшихся военными науками и самообразованием⁸⁵. Итак, в домах и на квартирах видных деятелей Союза благоденствия могли происходить не только заседания тайного общества, но и другие собрания и «вечера»⁸⁶. В том числе регулярные «сходки» единомышленников из числа «вольнодумцев», с постоянным кругом участников, открытые или негласные. Таким образом, первый аргумент не имеет самостоятельного значения и не может служить надежным основанием для выводов М. В. Нечкиной.

Второй аргумент состоит в том, что показания Горсткина представляют собой ответ на вопрос следствия о собраниях Союза благоденствия. Следовательно, речь в них как будто должна идти о декабристском Союзе. Но источниковедческие наблюдения, принадлежащие С. Н. Чернову, М. В. Нечкиной, В. С. Нечаевой, Ю. М. Лотману, подкрепленные нашим анализом тактики защиты Горсткина, заставляют отнестись к этому аргументу с большим сомнением. Оценка показаний Горсткина как документа, возникшего в условиях следствия и наделенного несомненным «оправдательным характером», по нашему мнению, полностью перечеркивает этот второй аргумент. Обратим внимание на то, что Горсткин специально указывает в своем показании, что на «вечерах» у Муравьева собирались лица, не состоявшие в Союзе благоденствия, — на «правильных» собраниях декабристского общества это

⁸⁴ См.: Декабристы: Биограф. справ. С. 65.

⁸⁵ См.: *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 164—166; *Макаров В. Б.* Декабрист И. Г. Бурцов. Саратов, 1981. С. 14—15.

⁸⁶ В качестве примера приведем один из случаев совмещения в одном доме открытых (публичных) собраний и собраний негласных. У известного петербургского театрала Н. В. Всеволожского проходили как светские «вечера» («субботы»), так и закрытые для посторонних заседания общества «Зеленая лампа» (см.: *Томашевский Б. В.* Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1 (1813—1824). С. 205—206).

было невозможно. Собрания у Бурцова Горсткин характеризует как встречи, на которых «ученость играла первую роль» (вероятно, имеются в виду занятия Бурцова и его окружения военными науками), — едва ли эти «ученые собрания» могут быть безоговорочно отождествлены с заседаниями Союза.

Здесь же следует коснуться слов Горсткина об элементе организованности собраний («съезжались как бы по должности»), которые могут быть истолкованы как «обязанности» членов тайного общества, как доказательство того, что речь идет о Союзе благоденствия. Надежным основанием для интерпретации, предложенной М. В. Нечкиной, эти слова не являются, поскольку Горсткин не сообщает конкретных сведений о «правилах» собраний и обязанностях их участников. Стоит отметить, что уставные требования и «должности», если полностью положиться на неясное сообщение Горсткина, являлись атрибутом не только Союза благоденствия, но и любого самостоятельного кружка или общества.

О чем же тогда пишет Горсткин в своих показаниях? Возвращаясь к защитной тактике членов Союза благоденствия, следует признать: в анализируемых показаниях Горсткин проводит известную линию, которой придерживались и другие участники Союза. Вчитываясь в них, мы уясняем замысел Горсткина — рассказать не о заседаниях Союза, как это требовали следователи, а об «открытой» деятельности публичного характера, о негласных или светских собраниях и «вечерах», где присутствовал более широкий круг лиц, нежели участники конспиративной организации. В этом случае у подследственного открывались возможности для того, чтобы представить Союз неполитическим, слабо организованным и малодеятельным обществом.

Прежде всего, следует обратить внимание на предмет разговоров участников собраний. Во фразе, непосредственно относящейся к Пушкину, речь идет о занятиях участников собраний. Это чтение и обсуждение новостей, прочитанных книг, литературных сочинений, в том числе политически «острых», разговоры и беседы, — причем «общего разговора» (то есть постоянных и планомерных обсуждений), по утверждению Горсткина, не было. Таким образом, предмет занятий участников собраний свидетельствует в пользу того, что речь не идет о заседаниях тайной организации, на которых обсуждались основные направления деятельности Союза благоденствия, отраженные в уставе (просветительство, благотворительность, сообщения о злоупотреблениях чиновников)⁸⁷, разбиралась многообразная деятельность членов

⁸⁷ Требования устава в этом отношении см.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. 1. С. 260—275.

тайного общества по намеченным направлениям, поднимались острые и злободневные политические вопросы, рассматривались замыслы политических и социальных преобразований и т. д.

Далее обратимся к фрагменту показаний, который следует сразу за упоминанием о Пушкине: «...бывал я на *вечерах у Никиты Муравьева*, тут встречал частехонько *лица, отнюдь не принадлежавшие обществу*; скоро все это надоело, и понемногу совсем свидания прекратились. Было несколько *вечеров у Бурцова, на которых ученость играла первую роль*; напоследок вист все заменил...». Этот фрагмент содержит крайне важные для интерпретации анализируемого свидетельства данные. Во-первых, Горсткин признает, что он сообщает не о заседаниях членов Союза благоденствия, а о «вечерах», где присутствовали лица, не состоявшие в тайной организации. Во-вторых, он пишет о предмете занятий участников «вечеров». Вместо обсуждения острых, животрепещущих политических вопросов, вплоть до необходимости политических изменений, собиравшиеся на «вечера», согласно показанию Горсткина, занимались чтением стихов, учеными занятиями и различными формами проведения досуга. Очевидно, автор показания пишет не о «правильных» собраниях Союза благоденствия, на которых обсуждались вопросы практической общественной деятельности.

Таким образом, Горсткин намеренно смешивает «правильные» собрания членов Союза благоденствия и «сходки» петербургских «вольнодумцев», проходившие на квартирах и в домах видных членов Союза, не являвшиеся заседаниями конспиративного общества. Горсткин фактически подменяет существо вопроса, соединяя рассказ о Союзе благоденствия со сведениями о «вечерах» единомышленников, которые представляли собой, по существу, собрания лиц, входивших в окружение лидеров петербургского Союза благоденствия (Н. М. Муравьева, И. А. Долгорукова и др.).

Итак, оба главных аргумента, лежащие в основе интерпретации М. В. Нечкиной, не выдерживают критической проверки. Учитывая свидетельства документов, подтверждающие неосведомленность Пушкина о деятельности Союза благоденствия, принимая во внимание уставные требования конспиративной организации, присутствие поэта на заседаниях тайного союза труднопредставимо. Какая интерпретация источника может быть предложена взамен?

* * *

Можно ли соотнести упомянутые Горстким собрания, в которых он лично участвовал, с известными нам кружками, собраниями, обще-

ствами? По имеющимся данным, Горсткин не посещал заседания «Зеленой лампы», хотя и был знаком с ее активными членами Ф. Н. Глинкой и С. П. Трубецким. Насколько известно, Горсткин не принадлежал и к другим известным литературным, просветительским или благотворительным обществам.

Однако в распоряжении исследователей находится свидетельство, позволяющее приблизиться к ответу на поставленный вопрос и точнее определить характер собраний, о которых сообщается в показаниях Горсткина.

Хорошо известна запись Пушкина в черновике плана нереализованного романа «Русский Пелаг»: «...общество *умных*: И. Долг<оруков>, С. Труб<ещкой>, Ник<ита> Мур<авьев> etc.» (Акад. Т. 8. С. 974). До сих пор исследователи считали эту запись доказательством того, что поэт был знаком с лидерами петербургского Союза благоденствия и знал о существовании декабристского общества.

М. В. Нечкина писала: «Для комментирования свидетельства Горсткина важно вспомнить также о пушкинском наброске “Русский Пелаг” <...> *Общество умных — это и есть декабристская организация эпохи Союза спасения и начала деятельности Союза благоденствия*, то есть 1817—1818 гг.»⁸⁸. Таким образом, историк напрямую отождествила «общество умных» и Союз благоденствия, считая, что Пушкин подразумевал под этим названием декабристское общество.

Далее М. В. Нечкина заключает: «На основании текста “Русского Пелага”, при сопоставлении его с приведенным выше новым свидетельством Горсткина, можно сделать вывод: Пушкин бывал в “обществе умных”, *связанном с тремя упомянутыми им же декабристскими именами: Долгоруковым, Трубецким, Никитой Муравьевым*. Никита Муравьев, кстати говоря, упомянут и Горстким в его свидетельстве в непосредственной близости к описанию собраний Союза благоденствия. Собрания происходили и у Долгорукова, и у Никиты Муравьева»⁸⁹.

Эта часть размышлений М. В. Нечкиной не вполне согласуется с ее первым выводом. «Общество умных» идентифицируется здесь уже не как Союз благоденствия, а скорее как некое самостоятельное общество, «связанное» с декабристами. Возможно, историк подразумевала под этим дочернюю организацию или кружок, руководимый членами Союза. Так или иначе, но интерпретация пушкинского «наброска» у М. В. Нечкиной получилась весьма противоречивой и неоднозначной. И это закономерно, ввиду сомнительности первоначального вывода, отождествлявшего «общество умных» и Союз благоденствия.

⁸⁸ Нечкина М. В. Новое о Пушкине и декабристах. С. 162.

⁸⁹ Там же.

Тот факт, что собрания «общества умных» были известны Пушкину, не состоявшему в тайной организации и не знавшему о ней ничего конкретного, говорит скорее о том, что эти собрания не были заседаниями Союза благоденствия.

Однако само сопоставление записи Пушкина и свидетельства Горсткина, проведенное М. В. Нечкиной, без сомнения, правомерно. Мы видели, что Горсткин подменил содержание заданного следователями вопроса, сообщив не о конспиративных собраниях тайного общества, а о негласных «сходках» петербургских «вольнодумцев», проходивших в домах и на квартирах деятелей Союза благоденствия.

Анализируя пушкинскую запись об «обществе умных», М. В. Нечкина справедливо заключает: «Вряд ли Пушкин рисует тут условную, лишь предполагаемую картину — он, несомненно, восстанавливает реальную обстановку 1819 — начала 1820 гг.»⁹⁰.

Учитывая факт существования дочерних организаций и кружков, находящихся в сфере влияния Союза благоденствия (негласный литературно-политический кружок «Зеленая лампа», официально разрешенное «Вольное общество любителей российской словесности» и др.), «вечеров» и собраний общественного и литературного характера, учреждаемых членами Союза (в домах и на квартирах братьев А. И. и Н. И. Тургеневых, Ф. Н. Глинки, И. Г. Бурцова и т. д.), нетрудно представить в роли организаторов такого рода собраний упомянутых в пушкинском плане романа «Русский Пелам» И. А. Долгорукова и Н. М. Муравьева.

Очевидно, так называемое «общество умных» собиралось в доме одного из названных в записи Пушкина лидеров Союза благоденствия. Во всяком случае, опираясь на показания Горсткина, представляется несомненным, что подобные заседания и «вечера» проводились, прежде всего, на квартире И. А. Долгорукова. Место собраний указывает, кто был инициатором создания «общества», кто определял его «направление». Итак, пушкинское свидетельство, дополненное показаниями Горсткина, позволяет сделать вывод о существовании негласных постоянных «собраний», возглавляемых и проводимых И. А. Долгоруковым.

Таким образом, под «обществом умных», как можно заключить на основе критического изучения и сопоставления имеющихся данных, следует понимать не конспиративные заседания Союза благоденствия, а известный Пушкину негласный кружок или регулярно проводимые литературно-политические собрания, учрежденные членами Союза как один из каналов влияния на столичное общество. Эти собрания

⁹⁰ Там же. В свете свидетельств Пушкина и Горсткина вопрос о датировке собраний у И. А. Долгорукова требует отдельного рассмотрения.

объединяли представителей близкого окружения декабристской организации — единомышленников и сочувствующих. Участвовать в них были приглашены известные своими либеральными взглядами литераторы того времени, в том числе Пушкин.

Как были «оформлены» собрания «либералистов» у И. А. Долгорукова, на которых присутствовали поэт Пушкин и офицер-гвардеец Горсткин? Существовал ли устав и другие документы этих собраний или кружка? Насколько «общество умных» осознавалось его участниками как дружеское объединение единомышленников?

Возможно, эти собрания были организационно оформлены в виде негласного кружка или общества, объединявшего петербургских «вольнодумцев», во главе которого стояли энергичные деятели тайного союза. При этом специально подчеркнем, что исследователь не вправе смешивать «вечера» «общества умных» с «правильными» заседаниями тайного общества. Мы не знаем также устойчивого названия этого объединения петербургских «вольнодумцев» — да, возможно, его и не было⁹¹. «Постоянные собрания у Ильи Долгорукова» — так можно назвать этот кружок.

Пушкинское поэтическое свидетельство (так называемая «десятая глава» «Евгения Онегина») дополняет «Русский Пелам» и показания Горсткина.

Как уже говорилось, М. В. Нечкина напрямую отождествляла описанные в «десятой главе» «сходки» с конспиративными заседаниями Союза благоденствия⁹². Это полностью соответствовало ее интерпретации показаний Горсткина. Но при изучении пушкинской «десятой главы» высказывались и другие точки зрения. Так, Б. В. Томашевский осторожно заключал, что сопоставление имен Н. М. Муравьева и И. А. Долгорукова, упомянутых Пушкиным в «десятой главе», «говорит, что речь идет о Петербурге времени Союза благоденствия»⁹³. Исследователь не менее осторожно подошел к вопросу о «сходках», описанных Пушкиным: «Упоминанием своего имени (чтение нозелей, т. е. стихотворения “Ура в Россию скачет” 1818 г.) Пушкин явно указывает на время событий 1818—1820 гг. При этом также ясно, что

⁹¹ Название, под которым собрания фигурируют в плане романа «Русский Пелам», вероятно, принадлежит Пушкину. По-видимому, в этом названии отразилось отношение поэта к участникам «сходок», которые посвящали свое время обсуждению общественно-политических, научных и других вопросов, а не легкому времяпрепровождению.

⁹² *Нечкина М. В.* Новое о Пушкине и декабристах. С. 156.

⁹³ *Томашевский Б. В.* Десятая глава «Евгения Онегина»: История разгадки // ЛН. М., 1934. Т. 16—18. С. 405.

речь идет не о тайных обществах в узком смысле этого слова, а о “дружеских сходках” в петербургском дворянском обществе. В лучшем случае Пушкин мог иметь в виду такие полулегальные организации, как “Зеленая лампа” или Общество Н. И. Тургенева 1819 г., где Пушкин встречался с Н. Муравьевым, И. Бурцовым, Ф. Глинкой и др.»⁹⁴.

Подводя итог рассмотрению пушкинских упоминаний о «сходках» у Н. М. Муравьева и И. А. Долгорукова, Б. В. Томашевский подчеркивал, что посвященные им строфы «десятой главы» повествуют о «периоде действия Союза благоденствия и даже Союза спасения. Но значит ли это, что речь идет именно о Союзе благоденствия? <...> Характеристика Пушкина захватывает явления шире деятельности тайных обществ в тесном смысле слова: он говорит о настроениях дворянского общества, вызвавших тайные организации»⁹⁵.

Как видим, наблюдения Б. В. Томашевского, высказанные на материале «десятой главы», во-первых, исторически конкретны, во-вторых — близки нашим выводам относительно показаний Горсткина. Исследователь счел корректным говорить о «дружеских сходках», связанных с деятелями тайных обществ, а не о заседаниях Союза благоденствия. Характерно, что в качестве образца «сходок» он привел негласные («полулегальные») литературные общества, объединявшие «вольнодумцев» («Зеленая лампа», «журнальное общество» Н. И. Тургенева).

По заключению Б. В. Томашевского, речь должна идти не столько о декабристском союзе, сколько о более широких кругах либерально настроенного русского общества. Исследователь упомянул в этой связи «оппозиционные разговоры “между лафитом и клико”», происходившие на негласных «сходках» «вольнодумцев», которые нельзя смешивать с «правильными» заседаниями Союза благоденствия⁹⁶.

Судя по всему, собрания «общества умных» Пушкин посещал неоднократно. Из показаний Горсткина явствует, что Пушкин «читывал свои стихи», — то есть читал «привычно», «постоянно», на что справед-

⁹⁴ Там же. С. 406.

⁹⁵ Там же. С. 409.

⁹⁶ См. также разделение между организационной формой «сходок», упомянутых Пушкиным в «десятой главе», и «собраниями тайного общества», проведенное Г. А. Невелевым (*Невелев Г. А. Пушкин «об 14-м декабря»: Реконструкция декабристского документального текста.* СПб., 1998. С. 286). Ранее исследователь полагал, что Пушкин, поместив себя среди членов Союза благоденствия, описывал именно «заседание тайного общества», а не что-либо другое (Там же; ср.: *Невелев Г. А. «Истина сильнее царя...»: А. С. Пушкин в работе над историей декабристов.* М., 1985. С. 145—146, 147).

ливо указала М. В. Нечкина⁹⁷. И значит, он не был редким посетителем «общества умных». Поэт посещал эти собрания не как случайный любопытствующий, а с определенной целью, в которую входило, по свидетельству Горсткина, ознакомление участников «вечеров» со своими «вольнодумческими» и сатирическими сочинениями. Чтение стихов встречало живой отклик и энтузиазм у слушателей (по-видимому, к чтению пушкинских стихотворений относятся слова «все восхищались остротой»).

Вне всякого сомнения, память об этих собраниях и «вечерах» Пушкин сохранил на многие годы, о чем свидетельствуют литературный замысел романа «Русский Пелам» и текст «десятой главы». Упоминая о «сходках» «вольнодумцев» у «беспокойного Никиты» и «осторожного Ильи», Пушкин напрямую связывал их с конспиративной политической деятельностью. В его личном восприятии они ассоциировались с тайным обществом. Очевидно, активная и руководящая роль в «обществе умных» И. А. Долгорукова и Н. М. Муравьева (а может быть, и других членов Союза благоденствия), а также политический характер этих собраний, не могли не вызвать такого рода ассоциаций.

Приведенные выводы и наблюдения следуют в русле выдвинутой выше интерпретации показаний Горсткина. По нашему мнению, именно собрания «общества умных» (по-видимому, носившие регулярный характер) подразумеваются в показаниях Горсткина, когда он пишет о «вечерах», проходивших у И. А. Долгорукова и Н. М. Муравьева⁹⁸.

Нельзя не отметить важного фактографического совпадения трех свидетельств. И в показаниях Горсткина, и в «наброске» Пушкина, и в так называемой «десятой главе» говорится о собраниях, «вечерах» и «сходках» у Н. М. Муравьева и И. А. Долгорукова. Как представляется, все три источника свидетельствуют об одном явлении общественной жизни Петербурга конца 1810-х гг. — негласных собраниях с участием одних и тех же лиц, включая руководителей столичного Союза благоденствия. Важно отметить, что место проведения «сходок», указанное Пушкиным, полностью совпадает с показаниями Горсткина. Подтверждение одного источника другими указаниями говорит в пользу нашего вывода о существовании постоянных собраний «вольнодумцев» у И. А. Долгорукова и Н. М. Муравьева.

⁹⁷ Нечкина М. В. Новое о Пушкине и декабристах. С. 162.

⁹⁸ Сообщение Горсткина о собраниях на квартире И. Г. Бурцова, вероятно, относится к «ученому кружку» офицеров, главным образом, Генерального штаба, известному в научной литературе (см. примеч. 85).

Следственные показания Горсткينا — уникальный источник, доказывающий участие Пушкина в «околодекабристском» кружке или «сходках», собиравшихся по инициативе членов Союза благоденствия. В частности, в постоянных собраниях у И. А. Долгорукова, где присутствовали как участники тайного общества, так и более широкий круг петербургских «вольнодумцев», в том числе известные литераторы.

Утвердившаяся в научной традиции интерпретация документа, предложенная М. В. Нечкиной, возникла, по нашему мнению, благодаря полному доверию к свидетельству Горсткينا, появившемуся в сложных условиях следственного процесса. Не последнюю роль сыграли и соображения идеологического порядка. Это проявилось в стремлении как можно более «привязать» Пушкина к «декабристскому движению», вплоть до утверждений о непосредственном участии поэта в заседаниях конспиративных организаций. В результате, сознательно или нет, крайне важному свидетельству Горсткينا, раскрывающему уникальный факт из истории отношений Пушкина с членами Союза благоденствия и широким слоем петербургских «вольнодумцев», был придан несвойственный ему смысл — смысл источника, будто бы подтверждающего присутствие поэта на тайных заседаниях декабристского общества.

Не соглашаясь с интерпретацией свидетельства Горсткينا, предложенной М. В. Нечкиной, трудно переоценить все значение свидетельства об участии Пушкина в собраниях «либералистов», проходивших в домах руководителей Союза благоденствия (Н. М. Муравьев, И. А. Долгоруков, И. Г. Бурцов и др.), — факт, отраженный в показаниях Горсткينا и не вызывающий сомнений.

Безусловно, этот зафиксированный факт чрезвычайно ценен и важен для изучения биографии, общественного облика, политической деятельности и взглядов Пушкина. Свидетельство Горсткينا показывает значительную степень близости поэта к конспиративным организациям декабристов, тесные связи с видными участниками Союза благоденствия, кругом петербургских «вольнодумцев» 1810-х гг. Это один из важных каналов взаимовлияния Пушкина и участников декабристских организаций.

Перед нами — доказательство непосредственных контактов Пушкина с значительным кругом гвардейских офицеров либеральных взглядов, участниками и ближайшим окружением декабристского общества. Ведь гвардейский офицер и член Союза благоденствия Горсткин, без сомнения, был далеко не единственным среди посещавших

эти «вечера» и «сходки» офицеров, чиновников, литераторов. В их числе, как можно уверенно полагать, находились и другие участники петербургских управ декабристского Союза.

Следует обратить внимание на неоднократность посещений Пушкиным собраний «общества умных», что подразумевает активное участие поэта в этих «сходках». Во всяком случае, согласно Горсткину, именно на этих «сходках» поэт «читывал свои стихи».

Впоследствии Пушкин, несомненно, прекрасно понял, с кем именно он встречался на этих собраниях. Неслучайно деятельность петербургского Союза благоденствия 1818—1820 гг. была связана в его памяти именно с собраниями «общества умных».

Непредвзятый анализ документального свидетельства, изучение обстоятельств его происхождения, личностных качеств автора, его тактики защиты на следственном процессе 1825—1826 гг., критика существующей интерпретации источника, сопоставление его содержания с данными других источников, — все эти аспекты изучения подводят исследователя к выводу: Горсткин свидетельствовал не о конспиративных собраниях Союза благоденствия, а о «сходках» представителей петербургского дворянского общества, сочувствовавших Союзу благоденствия и составлявших его ближайшее окружение, — собраниях, проводимых видными деятелями декабристского союза. Именно на этих собраниях присутствовал Пушкин, принимая в них постоянное деятельное участие.

Еще раз о ссоре Пушкина с Воронцовым

О ссоре Пушкина с Воронцовым написано очень много. Оно и понятно. Это событие является поворотным моментом пушкинской биографии. Ссора привела к ссылке поэта в Михайловское, что в какой-то, может быть, очень важной степени определило всю его дальнейшую творческую жизнь.

Непосредственным поводом для написания этой небольшой статьи стала сравнительно недавно появившаяся в серии «Жизнь замечательных людей» книга Вячеслава Афанасьевича Удовика «Воронцов»¹, где интересующей нас проблеме уделено значительное внимание. «Жизнь замечательных людей», конечно, не академическое, но все-таки вполне добротное издание. Поэтому предлагаемые в таком издании суждения заслуживают внимательного отношения и оценки, если таковая понадобится.

Однако начнем по порядку. Самый краткий обзор истории вопроса в данном случае необходим.

Как хорошо всем известно, Пушкин во время пребывания в Одессе крупно поссорился с начальником края М. С. Воронцовым. На основании докладного письма Воронцова к гр. Нессельроде было приказано «исключить его из списков чиновников Министерства иностранных дел за дурное поведение». Александр I нашел необходимым «удалить его в имение родителей, в Псковскую губернию, под надзор местного начальства»². Это был страшный удар, фактически ломавший всю жизнь поэта. Из свободного человека он превращался в сыльного, опального отщепенца.

Можно отметить несколько этапов в изучении и оценке этого эпизода биографии Пушкина.

Первый, когда друзья и близкие, сочувствуя сыльному, обвиняли в происшедшем прежде всего его самого. (У Воронцова была заслуженная репутация умного, либерального и просвещенного вельможи.) «Он (Пушкин. — М. А.) натворил новых проказ <...>. Вся вина — с его стороны» (кн. Вяземская); «Виноват один П<ушкин>» (А. И. Тургенев)³.

¹ Удовик В. А. Воронцов. М.: Молодая гвардия, 2004 (ЖЗЛ).

² Цит. по: Летопись 1999. Т. 1. С. 417.

³ Там же. Т. 1. С. 406, 413.

Итог этим оценкам подводит П. В. Анненков (1873), знавший еще многих современников поэта:

...в этом странном споре сторона, обладавшая властью и всеми средствами для уничтожения безрассудного сопротивления, показала умеренность, сдержанность и достоинство, стоящие вне всякого сомнения. <...>

...гр. Воронцов нисколько не думал о триумфе, а, напротив, думал о том, чтоб расстаться с беспокойным подчиненным, как можно мягче, благороднее и гуманнее.⁴

Действительно, Воронцов, обращаясь к начальству (министру внутренних дел Нессельроде), нигде прямо не жалуется на Пушкина, не говорит ни о каких репрессиях, он только просит удалить поэта из Одессы, перевести в другое место⁵. В этом смысле и начинает действовать А. И. Тургенев, хлопоча о переводе Пушкина во Псков, в канцелярию генерал-губернатора губерний прибалтийских и Псковской — Паулуччи⁶.

На следующем этапе начинают накапливаться материалы, уточняющие поведение Воронцова. Они проясняют его настроения и, в общем, резонно ставят под сомнение его полную непричастность к гонениям на поэта. В опубликованных письмах Воронцова явственно чувствуется личная неприязнь: «не люблю его манер»⁷. Воронцов просит «избавить» его от Пушкина, он будет очень рад «не иметь его в Одессе»⁸. Могущественный начальник «не такой уже поклонник его таланта» и вообще весьма скептически относится к поэтическому дарованию Пушкина: «...он думает, что он уже великий стихотворец, и не воображает, что надо бы еще ему долго почитать и поучиться...»; «...кружат ему голову и поддерживают в нем убеждение, что он замечательный писатель, между тем как он только слабый подражатель малопочтенного образца (лорд Байрон)...»⁹. Все это сопровождается уверениями, что сам Воронцов не имеет ничего личного против поэта, что удаление из Одессы будет лучше для самого Пушкина: «удалить его отсюда — значит оказать ему истинную услугу»¹⁰; «прошу об этом только

⁴ Анненков П. В. Пушкин в Александровскую эпоху. Минск, 1998. С. 179, 182.

⁵ См.: Летопись 1999. Т. 1. С. 383; А. С. Пушкин: Документы к биографии. 1799—1829. СПб., 2007. С. 414—416.

⁶ Летопись 1999. Т. 1. С. 413.

⁷ Там же. С. 376.

⁸ Там же. С. 394, 387.

⁹ Там же. С. 376, 387, 383; А. С. Пушкин: Документы к биографии. С. 416.

¹⁰ Летопись 1999. Т. 1. С. 383—384; А. С. Пушкин: Документы к биографии. С. 416.

ради него самого; надеюсь, моя просьба не будет истолкована ему во вред, и вполне убежден, что, согласившись со мною, ему можно будет предоставить более возможностей развить его рождающийся талант, удалив его от того, что так ему вредит, — от лести и сообщения ему вредных и опасных идей»¹¹.

Только однажды (разумеется, исходя лишь из наших достаточно скудных сведений) прекрасно воспитанный, всегда сдержанный Воронцов дал, впрочем только устно и в достаточно приватной обстановке, выход своему долго копившемуся раздражению. В ответ на ходатайство Вигеля он «побледнел, губы его задрожали, и он сказал мне: “<...> если вы хотите, чтобы мы остались в прежних приятельных отношениях, не упоминайте мне никогда об этом мерзавце”»¹².

Нужно при этом заметить, что сам Пушкин неоднократно высказывался намного грубее, чем его в общем сдержанный и достаточно корректный начальник. В письмах он называл Воронцова «вандал, придворный хам и мелкий эгоист» (письмо А. И. Тургеневу от 14 июля 1824 г. — Акад. Т. 13. С. 103), писал злые и несправедливые эпиграммы и не препятствовал их распространению.

В советском литературоведении поведение Пушкина безусловно оправдывалось, а все поступки его гонителя оценивались однозначно негативно.

В последнее десятилетие к важнейшему эпизоду биографии Пушкина обратились исследователи жизни и деятельности М. С. Воронцова В. О. Кацик и В. А. Удовик, в основном последний¹³. Как это часто бывает с не очень опытными авторами, герой исследования превратился в рыцаря без страха и упрека, лишённого всяких недостатков, благородного, безусловного правого во всех жизненных ситуациях, в том числе, конечно, и в отношениях с Пушкиным.

¹¹ А. С. Пушкин: Документы к биографии. С. 416.

¹² *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 1928. Т. 2. С. 245. Этот рассказ Вигеля, обладавшего превосходной памятью, представляется весьма правдоподобным: незачем было автору спустя много лет называть Пушкина «мерзавцем», хотя бы и устами Воронцова. Мемуары Вигеля «обычно точны в описании тех событий, в которых В<игель> принимал участие лично...» (*Зубков Н. Н.* Вигель // Русские писатели. 1800—1917: Биограф. словарь. М., 1989. Т. 1. С. 440).

¹³ См.: *Кацик В. О., Удовик В. А.* 1) М. С. Воронцов и А. С. Пушкин. СПб., 1997; 2) Был ли М. С. Воронцов врагом А. С. Пушкина. СПб., 1999, 2000; *Удовик В. А.* 1) Е. К. Воронцова и А. С. Пушкин, СПб., 2001, 2002; 2) Одессея А. С. Пушкина. СПб., 2004; 3) Одесские грации А. С. Пушкина, СПб., 2004; 4) Воронцов. М., 2004 (ЖЗЛ); 5) Пушкин и чета Воронцовых. СПб., 2007. В этой, кажется последней, книге автор без изменения повторяет свою концепцию, изложенную в предыдущих работах.

В объемистой (более 400 стр.) книге Удовика «Воронцов» проблеме Пушкин / Воронцов уделено две главы — это сорок страниц текста (то есть 10% всего объема). Поскольку Воронцов а priori является человеком безупречного и благородного поведения, а Пушкин, как известно, великий поэт и национальный гений, то перед автором встала очень трудная задача: доказать, что не только Воронцов любил и уважал Пушкина, заботился о его безопасности, но и что вспыльчивый поэт, несмотря на отдельные несправедливые выходки, уважал и ценил благородного вельможу.

Для доказательства этого тезиса в книге напечатаны два отрывка из писем Воронцова к А. А. Фонтону. Они в корне меняют все привычные представления об истинном отношении Воронцова к Пушкину. Приводим по книге Удовика две цитаты из этих «писем».

В первой содержится оценка пушкинского поэтического таланта:

А талант у него, конечно есть. Каюсь, но я только недавно прочел его знаменитый «Руслан», о котором столько говорили. Приступил я к чтению с предвзятой мыслью, что похвалы преувеличены. Конечно, это не Расин, но молодо, свежо и занятно. Что-то совсем особое. Кроме того, надо отдать справедливость Пушкину, он владеет русским языком в совершенстве. Положительно звучен и красив наш язык. Кто знает, может быть, и мы начнем вскоре переписываться по-русски... Если Вы не читали, прочитайте «Руслана» — стоит.¹⁴

Итак, Воронцов вдруг переменяет свое суждение: он больше не считает Пушкина «слабым подражателем малопочтенного Байрона» и почему-то сравнивает автора шутивно-сказочной поэмы с Расином, а не, скажем, с Ариосто, или Попом, или Буало.

В другом «письме» рассказывается легендарный эпизод о саранче. Воронцов, оказывается, вполне одобряет и скоропалительное (через несколько дней вместо месяца) возвращение поэта из командировки в Одессу и его «отчет» о проделанной работе. Кстати, это «письмо» становится безусловным доказательством того, что Пушкин действительно написал незамысловатые вирши о саранче, которые не включаются ни в одно собрание его сочинений:

Полковник Х., — пишет Михаил Семенович, — явился ко мне с докладом крайне возмущенный и показал мне рапорт Пушкина о своей командировке. Мой милый Фонтон, Вы никогда не угадаете, что там было. Стихи, рапорт в стихах! Пушкин писал:

Саранча летела, летела
И села.
Сидела, сидела — все съела
И снова улетела.

¹⁴ Удовик В. А. Воронцов. С. 154.

Полковник метал гром и молнию и начал говорить мне о дисциплине и попрании законов. Я знал, что он Пушкина терпеть не мог, и пользовался случаем. Он совсем пересолил и начал уже *мне* указывать, что мне делать следует...

Принесите мне закон, который запрещает подавать рапорты в стихах, осадил я его. Кажется, такого нет. Князь Суворов Итальянский, граф Рымникский, отправил не заместнику, а самой императрице рапорт в стихах: «Слава Богу, слава Вам, Туртукай взят, и я там».

<...> Вечером начал я читать другие отчеты по саранчe. На этот раз серьезные, подробные и длинные-предлинные. Тут и планы, и таблицы, и вычисления. Осилит я один страниц в 30 и задумался — какой вывод? Сидела, сидела, все съела и вновь улетела... — другого вывода сделать я не мог. <...> Мне стало смешно, и гнев мой на Пушкина утих. По крайней мере, он пощадил мое время. Действительно, наши средства борьбы с этим бичом еще слишком первобытны.¹⁵

Далее Удовик пишет: «Это письмо характеризует Михаила Семеновича как умного, находчивого, ироничного, а по отношению к Пушкину внимательного и заботливого человека». Может быть, и так. Беда только в том, что ничего подобного Воронцов, по всей видимости, никогда не писал.

«Письма» цитируются Удовиком по книге Н. Я. Эйдельмана «Вьеварум»¹⁶. Авторитет ученого настолько высок, а содержание писем настолько интересно, что с первого взгляда трудно сообразить, почему за сорок лет (первая публикация этих «писем» имела место в 1968 г.¹⁷) подобные первоклассные тексты не вошли в широчайший научный оборот.

Нам придется остановиться на истории создания и публикации этих документов. Она вкратце такова. Воронцов действительно дружил с известным дипломатом Антоном Антоновичем Фонтонем (1780—1864) и находился с ним в переписке. Архив Фонтоня хранился у его сына Николая Антоновича, русского посланника в Бухаресте. В 1901 г., уходя в отставку, Фонтон подарил этот архив своему младшему другу и сослуживцу А. С. Сомову¹⁸.

В архиве, если верить А. С. Сомову, находились письма Воронцова, в которых говорилось о Пушкине. Об этих письмах Сомов сообщил

¹⁵ Там же. С. 165.

¹⁶ Книга выдержала три издания: Вьеварум. М., 1975; Вьеварум. Лунин. М., 1995; Вьеварум. М., 2007.

¹⁷ Эйдельман Н. Я. «Саранча летела и... села» // Знание — сила. 1968. № 8. С. 30—35; № 9. С. 37—42.

¹⁸ См.: Ариштейн Л. М. К истории высылки Пушкина из Одессы: Легенды и факты // ПИМ. Л., 1982. Т. 10. С. 293—295.

одесскому библиотекарю А. М. Дерibasу (де Рибасу), а тот поделился своими сведениями с М. А. Цявловским. В дневнике Цявловского 22 декабря 1928 г. сделана запись о встрече с де Рибасом.

Во время войны с Германией (имеется в виду Первая мировая война. — М. А.) Сомов с архивом был в Бухаресте, а потом попал на Румынский фронт и погиб. [Обо всем этом рассказывал А. С. Сомов А. М. де-Рибасу, которому хотел отдать]. Но А. С. Сомов по памяти записал текст этих писем (подлинники были написаны на франц. языке), приводя местами и франц. фразы. Эти записи Сомов хотел отдать де-Рибасу для публикации, но не успел это сделать и умер. Спустя некоторое время сын А. С. Сомова Александр Александрович Сомов в 1928 году прислал де-Рибасу эти записи отца, которые де-Рибас привез в Москву...¹⁹

Бросятся в глаза некоторые несообразности этой записи. Если А. С. Сомов погиб, то как он мог «записать по памяти» и тем более рассказать о письмах де Рибасу? Если погиб, то когда передал сыну? Кроме А. С. Сомова, этих писем никто не видел. Оригиналы исчезли. Но А. С. Сомов якобы запомнил текст, восстановил его по памяти и хотел отдать де Рибасу.

Позднее Т. Г. Цявловская дополнила запись мужа:

Прошло тридцать лет. А. М. де-Рибаса давно нет в живых. Он ничего из этого не опубликовал. Так все это и кануло. — *Т. Ц. 3. XII. 1958*
Впрочем, его бумаги находятся в гос. архиве в Одессе — видела данные об этом в Каталоге личных фондов в ЛБ. — *Т. Ц. 24. IV. 62*
А часть архива де-Рибасов сожжена его вдовой, незадолго до ее смерти, в Одессе. См. письмо ко мне от из Одессы, от числа.²⁰

Отталкиваясь от дневниковых записей Цявловских (они будут напечатаны много позже — в 2000 г.), Н. Я. Эйдельман в 1967 г. отправился на поиски бумаг Сомова. Со свойственным ему талантом и блеском ученый рассказал о своих поисках и находках в детской книжке «Въеварум»²¹.

В Одессе Эйдельман обнаружил письма А. С. Сомова к де Рибасу, и оказалось, что они рисуют несколько иную картину исчезновения писем Воронцова, чем рассказ де Рибаса. Итак, сам А. С. Сомов не погиб (он умер в 1928 г.), но оригиналы писем сгорели, однако ко-

¹⁹ Цявловский М., Цявловская Т. Вокруг Пушкина / Изд. подгот. К. П. Богаевская, С. И. Панов. М., 2000. С. 78, 242—243.

²⁰ Там же. С. 78—79.

²¹ В передаче Н. Я. Эйдельмана из дневниковой записи Цявловского устранены несообразности: «Во время войны (1914—1918 гг.) архив погиб. Но А. С. Сомов по памяти записал текст этих писем...» (Эйдельман Н. Я. Въеварум. М., 1975. С. 29).

пии каких-то отрывков, вероятно в переводе на русский язык, все же уцелели. В первом письме, найденном Эйдельманом и помеченном (очевидно, публикатором) концом 1927 г., А. С. Сомов сообщает сведения об архиве Фонтонна, сильно отличающиеся от рассказа де Рибаса Цявловскому:

Перед самой революцией, выйдя в отставку, поселился я в своем маленьком хуторе в Ямпольском уезде Подольской губернии <...>. В конце 1917 года на хутор мой нагрянули солдаты, уходившие с румынского фронта, разграбили и сожгли дом. <...>
Из архива Фонтонна сохранились лишь выписки из писем Воронцова к А. Фонтону по поводу Пушкина и об известном рапорте в стихах о саранче...

Далее автор письма просит адресата помочь напечатать эти рукописи «за скромный гонорар»²².

Итак, сохранились «выписки», то есть отрывки из, видимо, переведенных А. С. Сомовым подлинных писем Воронцова. О том же сообщает Сомов и в следующем письме от 3 января 1928 г.: «Заметку об архиве Фонтонна с *выдержками* из писем гр. Воронцова о Пушкине и саранче переписываю и вышлю Вам для ознакомления»²³.

Однако А. С. Сомов переслать «выдержки» не успел. Сделал это его сын, А. А. Сомов. О бумагах, полученных от Сомова, и рассказывал де Рибас М. А. Цявловскому в конце 1928 г. Дальнейшая их судьба выясняется из писем литературоведа С. П. Шестерикова к жене — К. П. Богаевской:

7 августа 1938 года. С. П. Шестериков пишет Ксении Петровне из Одессы в Москву, что пошлет через несколько дней *рукопись Сомова о Пушкине (Фонтон)*. Подарил мне ее Александр Михайлович Дерibas (ныне покойный)... О Сомове я дал справку на обложке. Может быть, Музей Пушкина соблазнится и приобретет.²⁴

Музей действительно приобрел эту рукопись. Фонды музея позднее были переданы в Пушкинский Дом. Там Н. Я. Эйдельман, продолжая свои поиски, и обнаружил эту рукопись в 1967 г. Первоначально он рассказал о своей находке в журнале «Знание — сила».

Рукопись называется «А. С. Сомов. Письма Воронцова к Фонтону о Пушкине». Она представляет собой три ученических тетради советского времени. В первой находится записка Эйдельмана:

²² Там же. С. 34.

²³ Там же. С. 35. Курсив наш.

²⁴ Там же. С. 44.

Автор действительно А. С. Сомов, но объяснительная записка составлена сыном А. А. Сомовым (по записи М. А. Цявловского в тетрадях его «Вокруг Пушкина», хранящихся у Т. Г. Цявловской).

Н. Я. Эйдельман. 28/XI — 67²⁵

Действительно, изложение содержания писем Воронцова предваряется объяснениями сына. Однако не только эта «объяснительная записка», но и все три тетрадки написаны сыном А. С. Сомова, что и отметил Н. Я. Эйдельман в первой публикации:

Почерк почти школьный, отнюдь не аристократический, есть и ошибки во французских словах. Дипломат А. С. Сомов так писать не мог. Но тут я вспоминаю, что в записи М. А. Цявловского <...> сказано, что документ тот вручил Дерibasу после смерти А. С. Сомова его сын Александр Александрович Сомов...²⁶

В «объяснительной записке» сына история возникновения тетрадей рассказывается иначе, чем у Цявловского, и, в общем, сходно с письмами А. С. Сомова к де Рибасу:

Отец подготовил уже для печати (письма Воронцова о Пушкине. — М. А.), но ушедшие с румынского фронта солдаты сожгли наш дом. Погибло все, но через две недели (обратим внимание на этот срок! — М. А.) отец по памяти почти дословно возобновил свою работу. Забыл только точные даты писем, фамилию полковника в Одессе, прямого начальника Пушкина и его врага...

5 сентября. Сад «Новая Швейцария».
1928. А. Сомов.²⁷

Затем пересказывается содержание писем Воронцова к Фонтону. Этот текст обильно процитирован Эйдельманом. Оттуда обширные цитаты попали в книгу В. А. Удовика.

Тетради А. А. Сомова содержат не письма, а только их пересказ. Перед нами сплошной текст без дат, без деления на отдельные письма. Он от начала до конца написан явно в то же время (сентябрь 1928 г.), теми же чернилами, тем же ясным и разборчивым «школьным» почерком А. А. Сомова, как и его «объяснительная записка».

Сразу возникает несколько вопросов. Если письма были восстановлены по памяти «через две недели», то почему перед нами текст, написанный в 1928 г.? Если в том же году Сомов старший писал, что «выдержки переписывает», то почему перед нами неточный (без имен

²⁵ ПД, ф. 244, оп. 17, № 123, л. 3—4.

²⁶ Эйдельман Н. Я. Саранча летела... и села // Знание — сила. 1968. № 9. С. 41.

²⁷ ПД, ф. 244, оп. 17, № 123, л. 3—4.

и дат) пересказ? Наконец, если писал Сомов-старший, то почему посланные де Рибасу тетрадки написаны его сыном? Если А. А. Сомов переписал записки отца, то где же оригиналы? Почему он ничего не сказал об этом в «объяснительной записке»?

Ответить на подобные вопросы некому, но они невольно вызывают сомнение в подлинности якобы погибшей в огне рукописи (если таковая существовала). Добавим еще, что к 1928 г. сведения, сообщаемые Сомовыми, можно было почерпнуть из опубликованных материалов.

Однако Цявловские отнеслись к рассказам де Рибаса со свойственной старшему поколению пушкинистов доверчивостью. Они а priori исключали возможность намеренной фальсификации. Как справедливо пишет Т. И. Краснобородько, «эти ученые были людьми высокой культуры и строгих этических принципов». Они подходили «к вновь найденному документу с позиции презумпции невинности»²⁸. Оценивая рассказ де Рибаса, Цявловский восторгался:

Текст записей представляет совершенно исключительный интерес. Возможно, что Сомов что-нибудь прибавил и «закруглил», но мне кажется, в общем, записи верно передают как содержание писем Воронцова, так и тон их. В частности, этими письмами считающийся в последнее время легендой рапорт Пушкина в стихах о саранче подтверждается.²⁹

Однако репутация А. С. Сомова была в глазах специалистов достаточно сомнительной, и ученый позднее с сожалением изменил свое отношение к этим семейным рассказам и записям. Вот рассказ К. П. Богаевской:

В 1938 году пушкинисты взволновались из-за обнаруженных в Одессе записок о Пушкине Н. М. Еропкиной. Я рассказывала М. А., со слов С. П. Шестерикова, о сомнительной репутации владельца их, потомка Еропкиной А. С. Сомова. М. А. посмотрел на меня детскими глазами и задумчиво произнес: «Значит, вообще он враль был? Как странно, ведь из хорошей семьи».³⁰

К сожалению, «справка на обложке», в которой Шестериков дал характеристику Сомову и, видимо, усомнился в достоверности «писем», в архивном деле не сохранилась.

²⁸ Краснобородько Т. И. История одной мистификации: (Мнимые пушкинские записи на книге Вальтера Скотта «Айвенго» // Легенды и мифы о Пушкине. 3-е изд. СПб., 1999. С. 284.

²⁹ Цявловский М., Цявловская Т. Вокруг Пушкина. С. 78.

³⁰ Богаевская К. П. Рядом с Цявловскими // Там же. С. 18.

Подводя итоги нашему краткому обзору, можно сказать, что, по-видимому, письма Воронцова действительно существовали (сгорели!?)³¹. Весьма вероятно, что в 1824 г. Воронцов писал в них о Пушкине. И, по всей видимости, то же самое, что в хорошо известных письмах Киселеву, Лонгинову, Нессельроде. Пересказ Сомова очень похож (или опирается) на эти письма. Жаль, что письма к Фонтону исчезли. Они могли бы внести дополнительные нюансы в биографии и Пушкина, и Воронцова. Однако очень трудно поверить, что скептик и англоман Воронцов вдруг начал читать вышедшую четыре года назад поэму и хвалить стихи человека, которого, в лучшем случае, сильно недолюбливал. Еще менее можно поверить в трогательную сказку о добром начальнике, который восхищается неуклюжими и хамскими стихами. Показательно, что А. С. Сомов в обоих письмах к де Рибасу упоминает этот «рапорт в стихах о саранче». По-видимому, полностью сочинив этот рассказ, он мог считать его самой интересной частью «писем».

Исследователи справедливо отмечают: «...то, что записал потом Сомов, — похоже на его собственное сочинение»³². «Здесь возможны любые искажения, и без всестороннего текстологического анализа никакие операции с предложенным Сомовым текстом, разумеется, неправомерны»³³. Я. Л. Левкович подозревала Сомова в «намеренной мистификации».

Сам Н. Я. Эйдельман поначалу пришел в восторг от своей находки. Получив в Пушкинском Доме папку с рукописью А. А. Сомова, он записал в дневнике: «7. XII <1967>. Радостная расшифровка Антона Фонтонна (Сомова). Какая радость, что это не подделка, что не Александр Сергеевич, но А. А. Сомов»³⁴. «Расшифровкой» Н. Я. Эйдельман называет находку искомой рукописи, конец поисков. Странная радость по поводу того, что текст написан сыном, а не отцом, объясняется, думается, сомнительной репутацией старшего Сомова, о которой Эйдельману приходилось слышать в кругу Цявловской, особенно когда он рассказывал там о находке в Одессе мемуаров Еропки-

³¹ Об этом убедительно писал в упомянутой выше статье М. Л. Аринштейн. Правда, среди сохранившихся писем Фонтонна к Воронцову отсутствуют письма за 1823—1824 гг. (см.: *Эйдельман Н. Я.* Саранча летела... и села // Знание — сила. 1968. № 9. С. 42). Может быть, в эти годы они не переписывались.

³² *Левкович Я. Л.* Документальная литература о Пушкине (1966—1971 гг.) // Врем. ПК 1971. Л., 1973. С. 70.

³³ *Аринштейн Л. М.* К истории высылки Пушкина из Одессы. С. 294.

³⁴ Дневники Натана Эйдельмана / Подгот. Ю. Эйдельман. М., 2003. С. 63.

ной, записанных А. С. Сомовым³⁵. Поскольку текст написан сыном, то исследователь поначалу решил, что это служит подтверждением его подлинности. Публикуя рукопись (в больших извлечениях), он проявил бóльшую осторожность и скептицизм, хотя и оценил степень ее достоверности недостаточно строго (так ему хотелось, чтобы воспоминания Сомова о письмах Воронцова были верны).

Естественно, что выдавать рукопись младшего Сомова с изложением писем Воронцова то ли со слов старшего Сомова, то ли по его восстановленным «выдержкам» за подлинные письма Воронцова, тем более безо всяких оговорок, как это делает В. А. Удовик, невозможно. Правильнее всего из осторожности исключить ее при разборе столь сложного вопроса, как ссора Пушкина с Воронцовым. Таким образом, мы по-прежнему остаемся в пределах давно и хорошо известных текстов. Некоторые отрывки из них мы цитировали в начале настоящей заметки.

На основании этих текстов образ Воронцова, написанный, однако, одними черными красками, прочно утвердился и в научной, и в популярной литературе. Некоторую квинтэссенцию сложившихся представлений о Воронцове представляет собою хлесткая характеристика его действий в предназначенной для школьников биографии Пушкина, написанной Ю. М. Лотманом: «Он окружил Пушкина шпионской сетью, распечатывал его письма и непрестанно восстанавливал против ссыльного поэта петербургское начальство»³⁶.

Такая односторонняя интерпретация имеющихся документов не совсем справедлива. Воронцов действительно приказал следить за Пушкиным³⁷, но писем его, конечно, не распечатывал, не доносил на него, не жаловался, не настраивал против поэта петербургское начальство, не накликал на него никаких кар — он просто хотел избавиться от человека, которого терпеть не мог, однако в письмах к начальству держал себя сдержанно и достаточно корректно.

Я не буду говорить об умолчаниях и натяжках, с помощью которых автор книги о Воронцове, используя давно опубликованные

³⁵ См.: *Эйдельман Н. Я.* Вьеварум. С. 64—71. Ср.: *Левкович Я. Л.* Документальная литература о Пушкине (1966—1971 гг.). С. 68—69.

³⁶ *Лотман Ю. М.* Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя // Лотман. Пушкин. С. 94—95.

³⁷ Правитель канцелярии М. С. Воронцова А. И. Казначеев писал кишиневскому полицмейстеру Я. Н. Радичу: «Граф пишет ко мне из Крыма, чтобы я просил невидимо присмотреть за пылким молодыком: что где он вредное говорит, с кем водится и какое будет его занятие или прохождение времени» (*Иовва И. Ф.* Пушкин в документах дела Алексеева—Радича // РЛ. 1978. № 4. С. 106.

и хорошо известные материалы, приходит к прямо противоположным, чем большинство пушкинистов, выводам. Однако можно сказать, что эти попытки все же имеют некоторую специфическую ценность. Палку в советские времена перегнули настолько грубо, что столь же сильно перегнуть ее в другую сторону может оказаться на какое то время даже полезным. Тем более что, по-видимому, вовсе не Воронцов был главным виновником суровой кары, обрушившейся на Пушкина. Им был император Александр I, отличавшийся сильной злопамятностью и не простивший Пушкину его убийственных эпиграмм. Сам поэт это знал: «Я поссорился с Воронцовым <...>. *Тиверий рад будет придраться*; а европейская молва о европейском образе мыслей графа Сеяна обратит всю ответственность на меня» (письмо П. А. Вяземскому от 24—25 июня 1824 г. — Акад. Т. 13. С. 98. Курсив наш). Тиверий (Тиберий), прославившийся своей жестокостью, здесь, конечно, сам Александр I, а Сеян, коварный и всемогущий временщик, был интриганом и умело устранял неугодных ему людей. Таковы очевидные исторические подтексты пушкинского письма, из которого явствует, что главную роль в его судьбе играет сам «Тиберий». Очевидно, со слов брата о том же пишет Вяземскому и Лев Сергеевич: «Воронцов требовал его удаления как человека вредного для общества <...> и государь, *обрадованный случаем*, сослал его в деревню, под надзор правительства с запрещением въезжать даже в уездные города...»³⁸ С. А. Фомичев справедливо замечает, что «Пушкин <...> ответственность за гонения возлагал прежде всего на царя, а вовсе не на Воронцова...»³⁹.

Так оно и было на самом деле. Стоит вчитаться в документы, вышедшие из-под пера Нессельроде, как становится ясным, кто в действительности решил судьбу поэта. Приведу только две цитаты из этих писем. 16 мая 1824 г. Нессельроде пишет Воронцову: «Я представил Императору Ваше письмо о Пушкине. Он был вполне удовлетворен тем, как Вы судите об этом молодом человеке <...>. Но что касается того, что окончательно предпринять по отношению к нему, он оставил за собою дать свое повеление во время ближайшего моего доклада»⁴⁰. А в письме от 11 июля 1826 г. министр сообщает: «...император, дабы дать почувствовать ему всю тяжесть его вины, приказал

³⁸ Цит. по: Летопись 1999. Т. 2. С. 16. Курсив наш.

³⁹ Фомичев С. А. Эпиграммы Пушкина на графа Воронцова // ПиС (Нов. серия). СПб., 1999. Вып. 1 (40). С. 168. Более подробно о роли царя в высылке Пушкина из Одессы, об отношении поэта к Александру I см.: *Альциуллер М. Г.* Между двух царей: Пушкин 1824—1836. СПб., 2003. С. 11—83.

⁴⁰ Летопись 1999. Т. 1. С. 398. Курсив наш.

мне вычеркнуть его из списка чиновников министерства иностранных дел, мотивируя это исключение недостойным его поведением»⁴¹.

Пушкин все это прекрасно понимал. Глубокую неприязнь к императору он сохранил почти до конца жизни. Только в последнее пятилетие размышления о судьбах России изменили личные пристрастия и антипатии и общая оценка Александра тоже начала меняться. В то же время к своему бывшему начальнику он довольно быстро теряет интерес. После 1826 г. имя Воронцова почти не встречается в пушкинских текстах.

⁴¹ А. С. Пушкин: Документы к биографии. С. 435; см. также: Летопись 1999. Т. 1. С. 416.

«*Rosoco* нашего запоздалого вкуса...»
(Из комментария к стихотворению Баратынского
«О мысль! тебе удел цветка...»)*

О мысль! тебе удел цветка:
Он свежий манит мотылька,
Прельщает пчелку золотую,
К нему с любовью мошка льнет
И стрекоза его поет;
Утратил прелесть молодую
И чередой своей поблек —
Где пчелка, мошка, мотылек?
Забут он роем их летучим,
И никому в нем нужды нет;
А тут, зерном своим падучим,
Он зарождает новый цвет.¹

Это стихотворение Баратынского, казалось бы, совершенно прозрачно и не нуждается в дополнительных истолкованиях. Однако для более полного понимания авторского замысла необходимо отметить эмблематический подтекст, усиливающий сюжетообразующую аналогию: безымянный *цветок* в данном случае, по-видимому, имеет вполне конкретное имя и значение. Это фиалка трехцветная (*Viola tricolor*), чье название в ряде европейских языков образовано от слов «мысль», «размышление» и/или «воспоминание», «память»: ср. французское *pensée* (мысль; воспоминание; трехцветная фиалка), испанское *pensamiento* (мысль; трехцветная фиалка); немецкое *Gedenkblume* от *Gedenken* (память, воспоминание; ср. однокоренное *Gedanke* — мысль) и *Blume* (цветок); итальянское *viola del pensiero* (букв.: «фиалка мысли»; второе итальянское название — *pen-*

* Более ранний, краткий, вариант этой статьи см. в интернет-издании: Кириллица, или Небо в алмазах: Сб. к 40-летию К. Ю. Рогова. [Тарту, 2006] (<http://www.ruthenia.ru/document/539845.html>).

¹ *Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем. М., 2002. Т. 2. Ч. 1. С. 313. Стихотворение впервые напечатано в издании «Стихотворения Евгения Баратынского: В 2 ч.» (М., 1835. Ч. 1. С. 188); соответственно, наиболее корректная датировка — не позднее конца 1833 г., когда был завершён набор первой части «Стихотворений». Датировка в Полном собрании сочинений (1832—1833) основана на предположении, о котором см. ниже, в примеч. 27.

sée; вар. *pensé*, как и английское *pansy*, заимствовано из французского). Символом мысли и/или памяти это растение выступало и в условном «языке цветов». И хотя ни укрепившееся в русской традиции название *анютины глазки*, ни иные именованья этого цветка, бытовавшие в России первой половины XIX в. (*фиалка трехцветная*, *веселые глазки*, *троицный* или *троицын цвет*, *мотылек*)², подобных коннотаций не содержат, символическое значение цветка было хорошо известно и регулярно обыгрывалось в садовом³ и прикладном⁴ искусстве.

Примеры использования трехцветной фиалки в символической функции мы найдем и в европейской литературе. Так, Офелия объясняет Лаэрту значение цветов: «There's rosemary, that's for remembrance; pray you, love, remember: and there is pansies, that's for thoughts» («Вот розмарин: это для воспоминания; прошу вас, милый, помните; а вот троицын цвет, это для дум» — «Гамлет», IV, 5; пер. М. Л. Лозинского)⁵. На символике этого цветка построен мадригал А. Шамиссо «A Cérés Duvernay» (1803) — поэт прячет на сердце фиалку, упавшую с груди красавицы:

² *Шарафадина К. И.* «Алфавит Флоры» в образном языке литературы пушкинской эпохи: (Источники, семантика, формы). СПб., 2003. С. 173.

³ Ср. описание «острова Венеры» в Гатчине: «Cette île de sable et d'arbustes est-elle bien propre à nourrir ce sentiment intime, profond, infini, qui cherche les confidences de la solitude, une nature douce et même un peu mélancolique, l'aimable murmure d'une cascade, les coteaux agréablement ombragés de groupes d'arbres, le gazon fleuri où croissent *le souvenir et la pensée*? ce n'est que là qu'il se plait et s'exprime sans réserve?» («Этот песчаный островок, заросший мелким кустарником, разве не подходит он для чувства интимного, глубокого, бесконечного, ищущего тайны уединения; природа нежная и слегка меланхолическая, сладостное журчание водопада, приятная тень деревьев на склонах, цветущая лужайка, где переплелись *незабудка* и *анютины глазки*, разве не здесь лучше всего испытывать приязнь и выражать ее без стеснений?» — *франц.*) (*Müller Ch. Tableau de Pétersbourg, ou Lettres sur la Russie, écrites en 1810, 1811 et 1812... Paris, 1814. P. 499.*)

⁴ См.: *Шарафадина К. И.* Алфавит Флоры. С. 84, 87.

⁵ Как и *анютины глазки*, розмарин служит символом памяти; эта пара цветов в связи с темой посмертного воспоминания есть и в стихотворении Эдгара По «К Анни» («For Annie», 1849): «For now, while so quietly / Lying, it fancies / A holier odor / About it, of pansies — / A rosemary odor, / Commingled with pansies — / With rue and the beautiful / Puritan pansies» («В блаженном безмолвии / После развязки / Над нею склонились / *Анютины глазки*, / Святой розмарин / И *анютины глазки*, / Девичья невинность, / *Анютины глазки*». — Пер. А. Сергеева; в более ранних переводах К. Д. Бальмонта и М. Л. Лозинского русским эквивалентом английского *pansy* выступает другое название трехцветной фиалки — *троицын цвет*]. Ср. пару «розмарин — *незабудка*» в балладе А. И. Мещевского «Лила» (между 1815 и 1818) (см.: *Поэты 1790-х — 1810-х годов. Л., 1971. С. 713—715* (Б-ка поэта; Большая серия)).

Bientôt je sentis cette fleur
Devenir graine dans mon cœur
Et ce graine se répandre,
Lever et croître et me surprendre,
Remplir le jardin de mon cœur.
Depuis ce jour mille pensées
Malgré moi troublent mes journées,
Fleurissent pendant mon sommeil,
Se flétrissent à mon réveil,
Renaissent avec ton image,
Et me poursuivant en tout lieux.⁶

Символическое значение трехцветной фиалки неоднократно обыгрывалось русскими поэтами начала XIX в. В стихотворении В. А. Жуковского «Мотылек и цветы» (1824) этот цветок соседствует с еще одной любимицей поэтов, забывкой:

Но есть меж вами два избранные,
Два ненадменные цветка:
Их имена, им сердцем данные,
К ним привлекают мотылька.
Они без пышного сияния;
Едва приметны красотой:
Один есть цвет *воспоминания*,
Сердечной думы цвет другой.

О милое воспоминание
О том, чего уж в мире нет!
О дума сердца — упование
На лучший, неизменный свет!⁷

⁶ «Вскоре я почувствовал, как цветок этот стал зерном в моем сердце, зерном, которое распространилось, возросло, заколосилось и, захватив меня врасплох, заполнило весь сад моего сердца. С того дня тысячи мыслей (=фиалок. — *Н. М., Н. О.*) против моей воли тревожат мое существование: они расцветают во сне, увядают при пробуждении, возрождаются от твоего образа и преследуют меня повсюду» (*франц.*) (*Chamisso A. von. Werke. Berlin, 1856. Bd. 5. P. 21—22*). Для нашего последующего изложения бесполезно привести отклик французского критика, процитировавшего это стихотворение Шамиссо «pour montrer à quel point notre compatriote était déjà Allemand pour le tour de l'imagination, même dans ses vers français» («чтобы показать, до какой степени наш соотечественник стал немцем по духу своего воображения даже во французских стихах»): «Ce fantastique madrigal semble traduit de l'allemand» («Этот фантастический мадригал кажется переводом с немецкого») (*Ampère J.-J. Poètes et romanciers modernes de l'Allemagne. Louis de Chamisso // Revue des Deux Mondes. 1840. T. 22. P. 652*).

⁷ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2000. Т. 2. С. 241, 627. При первой публикации в «Северных цветах на 1825 год» (СПб., 1824. С. 357) стихотворение было снабжено примечанием: «Стихи, написанные в альбом

В стихотворении В. И. Туманского «Pensée (Посвящ. гр. Е. П. П.)» (1825)⁸ обыгрывается значение «память, воспоминанье» — ср.:

Н. И. И., на рисунок, представляющий бабочку, сидящую на букете из *pensées* и незабудок». Следующая за текстом виньетка повторяет тот же сюжет. Редакторы полного собрания сочинений Жуковского не только не откомментировали эмблематические подражания, но и не отметили, что в «Северных цветах» и альбомном автографе Жуковский графически выделит семантику цветов, подчеркнув в пятой строфе слова *воспоминания* и *сердечной думы*, а в шестой — *воспоминание* и *упование* (в «Северных цветах» здесь курсива нет); подобные выделения сделаны и в сопроводительном стихотворном обращении к владелице альбома Н. И. Ивановой-Фризенгоф: «Прекрасный цвет *воспоминанья* / *И думы сердца* милый цвет» (см.: *Кишкин Л. С.* Чехословацкие находки: Из зарубежной пушкинианы. М., 1985. С. 109, 201). К сожалению, это посвящение не включено в Полное собрание сочинений как отдельный текст: отрывки из него опубликованы как предварительная, черновая редакция стихотворения «Мотылек и цветы» (с. 627). Показательно, что аллегорический смысл *мотылька* — *души* у Жуковского был мгновенно прочитан А. С. Пушкиным. См. его письмо к Л. С. Пушкину и П. А. Плетневу от 15 марта 1825 г. (Акад. Т. 13. С. 153; отмечено: *Тахо-Годи Е. А.* Великие и безвестные. СПб., 2008. С. 11–28; ср. также замечания П. А. Плетнева в письме к Я. К. Гроту от 11 ноября 1841 г. — Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 1. С. 430). Здесь же следует заметить, что подобные альбомные композиции были отнюдь не редки: ср., например, акварель Ф. П. Толстого «Бабочки. Анютины глазки» из альбома Д. И. Ивановой (Дешан), датирующуюся 1819 г. и хранящуюся ныне в ОПИ ГИМ (см.: *Кузнецова Э. В.* Федор Петрович Толстой: 1783—1873. М., 1977. С. 256). О флористическом коде в женских альбомах пушкинской эпохи см.: *Корнилова А. В.* Мир альбомного рисунка: Русская альбомная графика конца XVIII — первой половины XIX века. Л., 1990. С. 73—75; *Шарафадина К. И.* Алфавит Флоры. С. 65—98. См. также подборку поэтических и графических презентаций мотива «мотылек и цветок», собранную Н. И. Михайловой (Онегинская энциклопедия. М., 2004. Т. 2. С. 140—143). Любопытным дополнением к этой подборке может стать аполог «Пчела и мотылек», являющийся очевидной параллелью к разбираемому стихотворению Баратынского: «Нарцис в цвету — к нарцису вьется / Пчела и пестрый мотылек; / Нарцис завял, нарцис поблек — / И одиноком остается / Печальный, грустный стебелек» (Северные цветы на 1828 год. СПб., 1827. «Поэзия». С. 40; подпись: М (М. А. Максимович ?)).

⁸ При публикации в «Северных цветах на 1830 год» (СПб., 1829) стихотворение Туманского было снабжено авторским примечанием: «Цветок, известный у нас под названием *Анютины глазки*». Это обстоятельство ставит под сомнение гипотезу Р. М. Кирсановой, возводящей это название к имени героини романа А. А. Погорельского «Монастырка» (1830) — *Анюта* (см.: *Кирсанова Р. М.* Костюм в русской художественной культуре XVIII — первой половины XIX в.: Опыт энциклопедии. М., 1995. С. 20—21; ср. также: *Шарафадина К. И.* Алфавит Флоры. С. 87): примечание к стихам Туманского увидело свет раньше, чем роман Погорельского. О фольклорном происхождении названия «анютины глазки» свидетельствует и следующий пассаж Максимовича 1831 г.: «По красоте цветы близкая родня поэзии. Поэзия, одушевляясь ими, всегда любила одушевлять их. Следы такого одушевления представляет народная поэзия наша,

Чтоб у друзей хранилась я,
Как чистый дар воспоминанья...

И слаше роз благоухаю
Одною памятью о ней.⁹

Вероятно, именно трехцветная фиалка послужила прообразом невянувшего цветка в надписи З. А. Буринского на могиле А. Давыдовой (1805):

На ее могиле есть цветок незримый,
Всюду разливает он благоуханье,
Он цветок заветный, он цветок любимый —
Он воспоминанье.

И вечно-душистый цветок неизменный
Не боится бури, не вянет от зною,
Сторожит сохранно имя преселенной
К вечному покою!¹⁰

Она же, скорее всего, подразумевается в стихотворении Д. П. Ознобишина «Троицын день» (1829, опубл. в 1830; ср. с распространенным названием трехцветной фиалки — «троицын цвет»):

Мы над тобой печально слезы льем,
И тонет мысль в живом воспоминанье!
Душа цветка, в дыхании твоём
Нам слышится знакомое призванье.¹¹

в песнях, обрядах и поверьях. <...> Самые имена цветов: *маткина душка, Иван да Марья, Анютины глазки* (pensée), *дрема, мать и мачеха* — показывают поэтическое сближение чувства и мысли с природою» (Северные цветы на 1832 год. СПб., 1831. «Проза». С. 146). Весьма сомнительно, чтобы ботаник Максимович употребил только что возникший неологизм литературного происхождения в качестве фольклорного именованья цветка.

⁹ *Туманский В. И.* Стихотворения и письма. СПб., 1912. С. 154—155.

¹⁰ Поэты 1790-х — 1810-х годов. С. 314—315. Об истории стихотворения, ставшего популярным романсом, см. комментарии Ю.М. Лотмана (Там же. С. 837).

¹¹ *Ознобишин Д. П.* Стихотворения. Проза. М., 2001. Кн. 1. С. 206. Вторая строфа стихотворения Ознобишина «О, как скользит с листочков аромат! / Роса небес на них благоухает. / И мотылек, прельщая златом взгляд, / Над нежными кружится и летает» — возможно, отозвалась в стихах 2—3 аполога Баратынского (заметим также, что оба автора, по-видимому, помнят об еще одном распространенном именовании трехцветной фиалки — «*мотылек*»). Уподобление и даже отождествление этого цветка с бабочкой — мотив, уже к середине XIX в. ставший весьма популярным: ср. раскрашенную гравюру Гранвиля 1847 г., где «Pensée» изображена в виде женщины-бабочки, в задумчивости подпершей щеку рукой (Les fleurs animées / Par J.-J. Grandville; Introd. par A. Karr; Texte par T. Delord. P., 1847. V. 1. P. 40; снимок см.: <http://images.nypl.org/?id=1130399&t=w>). На распространенность такой ассоциации прямо указывает В. Г. Бенедиктов в

Уже отмечалось, что стихотворение «О мысль! Тебе удел цветка...» может быть данью «русскому шеллингианству», культивировавшемуся в кругу «московских юношей»¹², с которым Баратынский сблизился в конце 1820-х — начале 1830-х гг.¹³ Нынешнее наше наблюдение, возможно, позволит уточнить характер этой «дани».

Использование растительной метафоры для построения различных интеллектуальных моделей было особенно характерно для немецкой философии конца XVIII — начала XIX в., противопоставившей органическую образность механистической, популярной в философии материализма¹⁴. Приведем лишь несколько примеров, в которых умозрительная конструкция строится на развернутой растительной метафоре.

Шлейермахер в «Горизонтах» (1800) применил ее к индивидуальному развитию человека, противопоставив субъективно прекрасной поро цветения объективно ценное время плодов:

Для самого растения высшее есть цветок, прекрасное завершение индивидуального бытия; для мира высшее в нем есть плод, оболочка для семени грядущих поколений, дар, который должно приносить каждое самобытное существо, чтобы чужая природа могла приобщить его к себе. Так и для человека радостная жизнь юности есть высшее, и горе ему, когда она уходит от него; но мир требует, чтобы он стал старым, дабы возможно скорее созрели его плоды. <...> Где цветок жизни

стихотворении «Фиалка и мотылек» (1860): «В сравненья мы идем. Меня зовут поэты / Сидячим мотыльком, / Тебя ж они зовут... читал ты их куплеты?.. / Порхающим цветком» (вольное переложение «La pauvre fleur disait au papillon céleste...» В. Гюго (1834); в оригинале этого мотива нет). Из более поздних примеров можно вспомнить стихи А. Ахматовой: «И анютиных глазок стая / Бархатистый хранит силуэт — / Это бабочки, улета, / Им оставили свой портрет» (1961), видимо, отсылающие к «Пану» К. Гамсуна (*Тименчик Р. Д.* Чужое слово: Атрибуция и интерпретация // Лотмановский сборник: 2. М., 1997. С. 95, 99).

¹² Условный термин «московские юноши» введен (вместо анахронического «любомудры») для характеристики круга московской философствующей молодежи конца 1820-х — начала 1830-х гг. (см.: *Мазур Н. Н.* Пушкин и «московские юноши»: Вокруг проблемы гения // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования. М., 2001. С. 54—105).

¹³ *Мазур Н. Н.* «Правда без покров»: Об одной эпиграмме Баратынского // In Other Words: Studies to Honor Vadim Liapunov/ Indiana Slavic Studies. 2000. Vol. 11. P. 212—215. Как отметил В. Н. Топоров, под «шеллингианством» в эту эпоху подразумевался конгломерат идей новой «немецкой учености» — как самого Шеллинга, так и Канта, Шиллера, Шлейермахера, Фихте, братьев Шлегелей, а нередко и Гегеля, Аста и Бахмана (*Топоров В. Н.* Из исследований в области поэтики Жуковского // *Slavica Hierosolymitana*. 1977. Т. 1. С. 40).

¹⁴ Об органической и механистической метафоре в европейском философском дискурсе конца XVIII — начала XIX в. см. главы 7 и 8 в кн.: *Abrams M. H.* The Mirror and the Lamp: Romantic Theory and the Critical Tradition. Oxford, 1971.

добровольно зачинает плод, там да будет этот плод сладостным наслаждением миру; и пусть скрыто лежит в нем оплодотворенное зерно, которое некогда разовьется для новой самобытной жизни.¹⁵

Фридрих Шлегель в трактате «Об изучении греческой поэзии» (1797) использовал эту метафору для характеристики греческой поэзии, которая, как он считал, яснее всего воплотила в себе принципы развития всякой живой культуры:

Великий и малый прогресс проистекает как бы сам собой из предшествующей ступени и содержит в себе в зародыше всю последующую ступень. <...> ...как органический зародыш (Keim) благодаря постоянной эволюции формирующего влечения завершал свой круговорот, успешно рос, пышно цвел, быстро созревал и внезапно увядал, так же обстояло дело и с каждым поэтическим жанром, каждой эпохой и школой поэзии.¹⁶

Гегель во «Введении» к «Философии духа» (1817) при помощи этой метафоры толковал термины логики и, шире, законы мышления:

Зародыш растения — это чувственно наличное понятие — завершает свое развертывание некоторой равной ему действительностью, а именно порождая семя. То же самое справедливо и относительно духа, и его развитие достигает своей цели, если его понятие оказалось полностью осуществленным, или, что то же самое, если дух достиг полного сознания своего развития. Это смыкание начала с концом — это прихождение понятия в процессе своего осуществления к самому себе — проявляется, однако, в духе в еще более совершенной форме, чем в простом живом существе, ибо, в то время как в этом последнем порожденное семя не тождественно с тем, что его породило, в самопознающем духе порожденное есть то же самое, что и порождающее.¹⁷

С 1820-х гг., по мере усвоения «германской учености», растительная метафорика проникает и в русский философический дискурс, где применяется главным образом для описания стадийных моделей. Объясняя, почему он считает Шиллера «недозревшим» поэтом, в «Разговоре с Ф. В. Булгариным» (1824) В. Кюхельбекер писал:

Неспелые плоды зелены; их издали не различить от листьев: незревший писатель может принести честь *своему* времени и *своему*

¹⁵ Шлейермахер Ф. Д. Речи о религии к образованным людям, ее презирающим: Монологи. СПб., 1994. С. 331.

¹⁶ Шлегель Ф. Эстетика, философия, критика: В 2 т. М., 1983. Т. 1. С. 153.

¹⁷ Гегель Г. Ф. В. Энциклопедия философских наук: В 3 т. М., 1977. Т. 3: Философия духа. С. 11 (§ 379); см. также § 161 и 167 в так называемой «Малой логике», являющейся первой частью той же «Энциклопедии» (М., 1974. Т. 1).

народу; но он сливается с *ними*, исчезает в *них* и с *ними*. <...> ...семя зрелого только плода произростит другое плодоносное дерево; возмужалый только гений в состоянии преобразить свой век и страну свою; он только родит и в других народах гениев, своих учеников, но не рабских подражателей.¹⁸

Близкий образ находим в статье Н. И. Надеждина «Всем сестрам по серьгам (Новая погудка на старый лад)» (1829):

Литература есть цвет человечества. Она вместе с ним прозябает, распускается и возрастает. Но само человечество есть не что иное, как непрестанное развитие. <...> Настоящее есть плод прошедшего и семя будущего!¹⁹

Более распространено сходную мысль излагал И. В. Киреевский в статье «Деятнадцатый век» (1832):

Просвещение человечества, как мысль, как наука, развивается постепенно и последовательно. Каждая эпоха человеческого бытия имеет своих представителей в тех народах, где образованность процветает полнее других. Но эти народы до тех пор служат представителями своей эпохи, покуда ее господствующий характер совпадает с господствующим характером их просвещения. Когда же просвещение человечества, довершив известный период своего развития, идет далее и, следовательно, изменяет характер свой, тогда и народы, выражавшие сей характер своею образованностью, перестают быть представителями всемирной истории. Их место заступают другие, коих особенность всего более согласуется с наступающею эпохою. Эти новые представители человечества продолжают начатое их предшественниками, наследуют все плоды их образованности и извлекают из них семена нового развития.²⁰

Эту же метафорику в «Литературных мечтаниях» (1834) подхватил переимчивый Белинский:

Наше общество также близко к своему окончательному образованию. <...> Да! в настоящем времени зреют семена для будущего! И они взойдут и расцветут пышно и великолепно, по гласу чадолюбивых монархов! И тогда будем мы иметь *свою* литературу, явимся не подражателями, а соперниками европейцев...²¹

¹⁸ Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 464 (Лит. памятники).

¹⁹ Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С. 118.

²⁰ Киреевский И. В. Избранные статьи. М., 1984. С. 97.

²¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 1. С. 103. Любопытен также позднейший фрагмент из отзыва на «Сумерки» Баратынского (1843), в котором явно отозвались обороты гегелевской диалектики: «Каждое последу-

Мы не возьмемся указать для стихотворения Баратынского конкретный источник; резоннее было бы предположить, что поэт уловил общее для немецкой романтической философии пристрастие к растительной метафорике и построил на этой основе собственную гносеологическую конструкцию, допускающую множественные интерпретации. Отчасти уместно здесь и дидактическое толкование в духе Шлейермахера, которое находит дополнительную опору в евангельской параллели: «если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Иоан. 12: 24; ср.: 1 Галат. 15: 35–36, 42–44)²². Однако с равным успехом в этом тексте можно усмотреть отражение и других концепций — как шлегелевской дихотомии вечного круговорота природы и поступательного развития человеческого ума, так и гегелевской модели становления самопознающего духа.

Все философские смыслы поэт уместил в рамки текста, способного выступить в роли салонной шарады или подписи к альбомному рисунку²³. «О мысль! тебе удел цветка...» — образцовый пример *poésie fugitive*, «легкой» или, как переводит этот термин Вадим Ляпунов, «летучей поэзии», которая предполагает изящную простоту мысли и языка, оттенок экспромта и элемент интеллектуальной игры²⁴. Возможно, у истоков этого неожиданного симбиоза лежало не только декларированное Бара-

ющее поколение относится к предшествующему, как корень к зерну, стебель к корню, ствол к стеблю, ветвь к стволу, лист к ветви, цвет к листу, плод к цветку. Но это сравнение только относительно, только внешним образом верно и не обнимает сущности предмета; дерево совершает вечно однообразный круг развития: выходя из зерна, оно зерном вновь становится, чем и оканчивается вся органическая его деятельность. По новейшим открытиям, жизненная сила и прототип каждого растения заключаются не только в зерне, но и во всяком листке его: отпадая и разносясь ветром, листья вновь являются деревьями, и через них нагие степи покрываются лесами» (Там же. Т. 6. С. 457).

²² Ср. поэтическое переложение этого стиха Ф. Н. Глинкой в «Беседе Иисуса с Учениками и с Небом»: «Когда пшеничное зерно / Лежит, без тления, одно, / Иль брошено ветрам на волю, / Оно не принесет плода... / Но, в землю падшее — когда / Умрет, — истлев в пыли негодной — / Восстанет жатвой многоплодной» (Радуга на 1830 год. М., 1830. С. 223).

²³ См. выше, примеч. 8. Заметим кстати, что особенно богат был «цветочными» текстами несомненно известный Баратынскому альбом ботаника М. А. Максимовича, в значительной своей части заполненный завсегдаями дома Елагиных-Киреевских во второй половине 1820-х — первой половине 1830-х гг. (описание см.: Пономарев С. И. Альбом М. А. Максимовича // Киевская старина. 1882. Т. 1. С. 152–173).

²⁴ См.: Masson N. La poésie fugitive au XVIII-e siècle. Paris, 2002. P. 15–38, 199–230.

тынским (вслед за И. В. Киреевским²⁵) намерение «знакомить своих читателей с результатами науки (философии. — *Н. М., Н. О.*), дабы, заставив полюбить оную, принудить заняться ею»²⁶, но и скрытая полемика с некоторыми художественными установками «московских юношей».

Основным адресатом этой полемики мог быть С. П. Шевырев, в начале 1830-х гг. увереннее всех претендовавший на роль первого «поэта мысли». Его едва ли не самое известное к этому моменту стихотворение «Мысль» (1828) также строилось на растительной метафорике:

Падет в наш ум чуть видное зерно
И зреет в нем, питаясь жизни соком;
Но придет час — и вырастет оно
В создании иль подвиге высоком,
И разовьет красу своих рамен,
Как пышный кедр на высотах Ливана:
Не подточить его червям времен,
Не смыть корней волнами океана;
Не потрясти и бурям вековым
Его главы, увенчанной звездами,
И не стереть потоком дождевым
Его коры, исписанной летами.
Под ним идут неслышною стопой
Полки веков — и падают державы,
И племена сменяются чредой
В тени его благословенной славы.
И трупы царств под ним лежат без сил,
И новые растут для новых целей,
И миллион оплаканных могил,
И миллион веселых колыбелей.
Под ним и тот уже давно истлел,
Во чьей главе зерно то сокрывалось,

²⁵ Его рассуждения о необходимости философии для развития русской поэзии см., например, в статье «Обозрение русской словесности 1829 года» (*Киреевский И. В. Избранные статьи. С. 68; впервые: Денница на 1830 год. [М., 1830]*).

²⁶ Письмо к И. В. Киреевскому от 16—18 (?) февраля 1832 г. (цит. по: *Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского. М., 1998. С. 289*). Чуть позднее, около 16 мая 1832 г., Баратынский писал Киреевскому, развивая предложенную им философскую тему: «Что ты говоришь о басне нового мира — мне кажется очень справедливым. <...> Я написал всего одну пьесу в этом роде и потому не могу присвоить себе чести, которую ты приписываешь. Изобретение этого рода будет нам принадлежать вдвоем, ибо замечание твое меня поразило, и я непременно постараюсь написать десятка два подобных эпиграмм. Писать их не трудно, но трудно находить мысли, достойные выражения» (Там же. С. 294). Составители летописи предполагают, что речь здесь идет как раз о стихотворении «О мысль! тебе удел цветка».

Отколь тот кедр родился и созрел,
Под тенью чьей потомство воспиталось.²⁷

В первых четырех строках этого текста введено новое для русского читателя представление о психологии творческого процесса, почерпнутое Шевыревым, по всей вероятности, из «Всеобщей теории изящных искусств» И. Г. Зульцера. В статьях «Изобретение» («Erfindung») и «Вдохновение» («Begeisterung») Зульцер развивал положение Лейбница о начальном процессе формирования идей, лежащем в области бессознательного, используя уже знакомую нам растительную метафорику²⁸. Так, в статье «Изобретение» находим следующий характерный пассаж:

Примечательное явление, относящееся к тайнам психологии, состоит в том, что некоторые мысли не развиваются и не улавливаются, когда мы полностью заняты ими, но спустя какое-то время,

²⁷ Шевырев С. П. Стихотворения. Л., 1939. С. 49—50 (Б-ка поэта; Большая серия). Впервые: МВ. 1828. Ч. 8, № 8. С. 357—358. Любопытно, что Шевырев вписал это стихотворение в альбом Максимовича (см.: Пономарев С. И. Альбом М. А. Максимовича. С. 161). Вокруг «Мысли» немедленно разгорелась литературная склока: Ф. В. Булгарин, мстя за критические высказывания «Московского вестника» в адрес «Северной пчелы», подверг стихотворение язвительному разбору, а в целом квалифицировал его как «философическо-аллегорический вздор» (СПч. 1828. № 58, 15 мая). Партию «Московского вестника» поддержал Пушкин: «За разбор *Мысли*, одного из замечательнейших стихотворений текущей словесности, уже досталось нашим северным шмелям от Крылова, осудившего их и Шевырева, каждого по достоинству» (письмо к М. П. Погодину от 1 июля 1828 г. — Акад. Т. 14. С. 21). Реакцию И. А. Крылова, к сожалению, до сих пор не удалось убедительно соотнести с каким-либо из его текстов: М. И. Аронсон в своем комментарии произвольно связал с данным сюжетом басню «Бритвы», опубликованную в «Северных цветах на 1829 год» (см.: Шевырев С. П. Стихотворения. С. 219); опровергнув эту версию, Н. Л. Степанов предположил, что против Шевырева и Булгарина направлена басня «Филин и Осел», появившаяся в печати только в 1830 г. (см.: Степанов Н. Л. И. А. Крылов: Жизнь и творчество. М., 1958. С. 176—178). Однако интерпретация Степанова смотрится натянутой и односторонней: если видеть в басне сатирический портрет русских шеллингианцев (что само по себе далеко не бесспорно), то места «северным шмелям», т. е. Булгарину и Гречу, здесь явно не находится (что противоречит совершенно ясному свидетельству Пушкина). Позднее к полемике на стороне «Северной пчелы» присоединился А. А. Бестужев: «Клим зернами идей стихи свои назвал; / И точно, все, как зерна, их лелеют; / Заключены в хранительный подвал, / Пускай они до новой жизни тлеют!» (Бестужев-Марлинский А. А. Собр. стихотворений. [Л.], 1948. С. 44, 203; впервые: СО. 1831. № 24. С. 246; Н. И. Мордовченко, указавший адресата эпиграммы, датирует ее периодом 1828—1831 гг.).

²⁸ О значении этих статей во взглядах Зульцера и о его опоре на Лейбница см.: Abrams M. H. The Mirror and the Lamp. P. 202—204.

когда мы ими не заняты, они сами собой предстают нам в полной ясности, как если бы все это время они росли внутри нас незамеченными, подобно растению, а потом внезапно явились пред нами в полном развитии и цвете. Многие мысли постепенно зреют внутри нас, а потом сами собой высвобождаются из смутной массы идей и вырываются внезапно на свет.²⁹

У Шевырева эта идея не выходит за пределы начального четверостишия; шестнадцать следующих строк отданы под амплификацию мотивов роста и развития, и только в последнем катрене поэт возвращается к начальному образу, чтобы встроить его в идейный контекст, связанный уже не с психологией творчества, а со значительно более традиционной темой (смертность человека vs. бессмертие мысли). Первоначальный интеллектуальный импульс не преодолел инерции «одического стиля»: «библейские реминисценции, архаизмы и славянизмы, ораторская интонация, мысль программная и отвлеченная, воплощаемая непрерывной цепью словесных образов, метафорических и рассудочных»³⁰, — подавили новаторскую идею.

Баратынский, несомненно, помнил о нелицеприятной оценке своей поэзии в шевыревском «Обзрении русской словесности на 1827 год». Критик упрекал его в «заметном влиянии французской школы» и в «желании блистать словами», называл «скорее <...> поэтом выражения, нежели мысли и чувства», и сетовал на то, что «часто весьма обыкновенную мысль он оправляет в отборные слова и старательно шлифует стихи, чтобы придать глянцу своей оправе»³¹. Стихотворение «О мысль! тебе удел цветка...» воспроизводило все изъяны, в которых упрекал поэта Шевырев, — ориентацию на французскую поэзию рококо, игру словами и смыслами, чистоту и гладкость слога. Однако по содержательности *мысль* Баратынского не уступала «Мысли» Шевырева: сжатая форма «летучей безделки» оказалась куда более емкой, чем распространенная и выпяченная философская ода.

²⁹ *Sulzer J. G. Allgemeine Theorie der schönen Künste... Frankfurt; Leipzig, 1798. Bd. 2. P. 99—100.* Ср. в статье «Вдохновение»: «Известно из опыта, хотя и трудно объяснимо, что мысли и идеи, рождающиеся из долгого размышления над предметом — будь они ясные или смутные, — накапливаются в душе и прорастают в ней незамеченными, как зерна в плодородной почве, пока наконец в подходящий момент не выйдут внезапно на свет. И тогда мы видим, как предмет наших мыслей, витавший перед нами неясным и смутным, подобно бесформенному призраку, встает перед нами в отчетливой и завершенной форме» (*Ibid. Leipzig, 1792. Bd. 1. P. 353*).

³⁰ *Гинзбург Л. Я. О лирике. Л., 1974. С. 67—68.*

³¹ Цит. по: *Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского. С. 201.*

Литературные мотивации, побудившие Баратынского вступить в скрытое соперничество с Шевыревым, могут быть, на наш взгляд, довольно точно описаны пушкинским отзывом о переписке Вольтера (1836): «Признаемся в *rococo* нашего запоздалого вкуса: в этих семи стихах (речь идет об экспромте, где Вольтер воспользовался «языком цветов». — *Н. М., Н. О.*) мы находим более *слога*, более жизни, более мысли, нежели в полдюжине длинных французских стихотворений, писанных в нынешнем вкусе, где мысль заменяется исковерканным выражением, ясный язык Вольтера — напыщенным языком Ронсара, живость его — несносным однообразием, а остроумие — площадным цинизмом или вялой меланхолией» (Акад. Т. 12. С. 79).

III

Повесть В. П. Титова
«Уединенный домик на Васильевском»

Повесть «Уединенный домик на Васильевском» впервые была напечатана в альманахе «Северные цветы» на 1829 г.¹ с подписью «Тит Космократов». Ее автором был Владимир Павлович Титов (1807—1891) — воспитанник Благородного пансиона при Московском университете, служащий архива Министерства иностранных дел в Москве, с конца апреля — начала мая 1827 г. — чиновник Азиатского департамента того же министерства в Петербурге; впоследствии — видный дипломат (генеральный консул в Дунайских княжествах, посланник в Константинополе и Штутгарте), в конце жизни — председатель Археографической комиссии и член Государственного совета. Литературная деятельность Титова была связана с московским и петербургским периодами его жизни. Он состоял членом литературного общества С. Е. Раича и кружка любителей, активно сотрудничал с журналом «Московский вестник»². Псевдоним «Тит Космократов» был составлен из перемещенных фамилии автора и его имени, переведенного на греческий язык (ср.: Тит-ов Влади-мир; κράτος — власть, κόσμος — мир). Кроме «Уединенного домика на Васильевском», Титов опубликовал под этим псевдонимом «ливонскую повесть» «Монастырь Св. Бригиты»³, очерки «Светский человек, дипломат, литератор, воин»⁴ и «Восточная жизнь»⁵.

Титов познакомился с Пушкиным в 1826 г. в Москве после возвращения поэта из ссылки. 12 октября 1826 г. он присутствовал при чтении Пушкиным «Бориса Годунова» у Веневитиновых, а 24 октября встречался с поэтом на обеде, устроенном в доме Ф. С. Хомякова по случаю

¹ СПб., 1828. «Проза». С. 147—217. Альманах вышел в свет в последних числах декабря 1828 г. (см.: *Сияевский Н., Цявловский М.* Пушкин в печати. 1814—1837: Хронологический указатель произведений Пушкина, напечатанных при его жизни. 2-е изд., испр. М., 1938. С. 57).

² См. о нем: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд. Л., 1988. С. 435; *Рукою Пушкина* 1997. С. 278 (коммент. М. А. Цявловского).

³ Северные цветы на 1831 г. СПб., 1830. «Проза». С. 125—172.

⁴ Совр. 1837. Т. 7. С. 148—179.

⁵ Там же. 1837. Т. 8. С. 25—61.

основания журнала «Московский вестник»⁶. Живя в Петербурге, Титов неоднократно бывал у него по делам журнала⁷. Его имя упоминается в составленном Пушкиным списке лиц, которым он, по-видимому, собирался разослать свои визитные карточки к Новому 1830-му году⁸, а также в письме к Погодину от 31 августа 1827 г., где поэт хвалил помещенную Титовым в «Московском вестнике» «индейскую сказку» «Переправа»⁹ (Акад. Т. 13. С. 341). Титов послужил прототипом Вершнева, иронически обрисованного героя неоконченной пушкинской повести 1835 г. «Мы проводили вечер на даче...» (в автографе ее Вершневу именуется Титовым — Акад. Т. 8. С. 990).

В основу повести «Уединенный домик на Васильевском» был положен рассказ Пушкина, услышанный Титовым на вечере в доме Е. А. Карамзиной. «В строгом историческом смысле, — сообщал Титов в письме к А. В. Головнину от 29 августа 1879 г., — это вовсе не продукт Космокротова, а Александра Сергеевича Пушкина, мастерски рассказавшего всю эту чертовщину уединенного домика на Васильевском острове, поздно вечером, у Карамзиных, к тайному трепету всех дам, в том числе обожаемой тогда самим Пушкиным и всеми нами Екат<ерины> Никол<аевны>, позже бывшей женою кн. Петра Ив<ановича> Мещерского. Апокалипсическое число 666, игроки-черты, метавшие на карту сотнями душ, с рогами, зачесанными под *высокие* парики, — честь всех этих вымыслов и главной нити рассказа принадлежит Пушкину. Сидевший в той же комнате Космократов подслушал, воротясь домой, не мог заснуть почти всю ночь и несколько времени спустя положил с памяти на бумагу. Не желая, однако, быть ослушником ветхозаветной заповеди “не укради”, пошел с тетрадью к Пушкину в гостиницу Демут, убедил его прослушать от начала до конца, воспользовался многими поныне очень памятными его поправками и потом, по настоятельному желанию Дельвига, отдал в “Северные цветы”»¹⁰.

⁶ См.: Летопись 1999. Т. 2. С. 190, 193.

⁷ См. письма Титова к М. П. Погодину 1827—1829 гг.: Пушкин по документам архива М. П. Погодина / Публ. М. А. Цявловского // ЛН. М., 1934. Т. 16—18. С. 694, 696, 697, 698, 700.

⁸ Рукою Пушкина 1997. С. 274.

⁹ «Переход через реку, приключение брамина Парамарты» (МВ. 1827. Ч. 4, № 15. С. 231—245).

¹⁰ Дельвиг А. И. Мои воспоминания. [М., 1912.] Т. 1. С. 158. См. также: П. в восп. Т. 2. С. 116. Упоминание С. М. Бонди о том, что поэт рассказывал эту новеллу гостям Дельвига (*Бонди С. М.* 1) Драматургия Пушкина и русская драматургия XIX века // Пушкин — родоначальник новой русской литературы: Сб. М.; Л., 1941. С. 398; 2) Драматургия Пушкина // Бонди С. М. О Пушкине: Статьи и исследования. М., 1978. С. 220), расходящееся со свидетельством Титова, ошибочно.

Пушкинскую новеллу Титов (переехавший в Петербург в конце апреля — начале мая 1827 г.) мог услышать между 23 мая 1827 г. (дата возвращения Пушкина в Петербург из Михайловского) и 20 октября 1828 г. (дата отъезда поэта из Петербурга в Малинники). Из этого временного промежутка следует исключить период с 19 июня по 16 октября 1827 г.: 19 июня Карамзины уехали в Ревель, а с 27 июля по 16 октября Пушкин уезжал в Михайловское¹¹. Таким образом, описанный Титовым эпизод имел место или между 23 мая и 19 июня 1827 г., или между 16 октября 1827 г. и 20 октября 1828 г.¹². По мнению В. Э. Вацуро, «второй из указанных сроков более вероятен, учитывая позднюю дату появления повести»¹³. Повесть поступила в цензуру лишь 27 ноября 1828 г.¹⁴. Для публикации «Уединенного домика» Дельвиг пожертвовал статьей П. П. Свинына, предназначенной для готовящейся к выходу книжки альманаха и, по-видимому, уже отцензурованной¹⁵. В пользу более поздней датировки пушкинского рассказа, считает В. Э. Вацуро, свидетельствует и «очень отдаленное знакомство Титова и Пушкина еще в июле 1827 г., почти исключавшее возможность визита Титова в “Демут”; напротив, в 1828 г. общение их довольно коротко»¹⁶. Предположительным вариантом нижней границы датировки может также служить 27 апреля 1828 г. — дата замужества упомянутой в письме Титова Е. Н. Карамзиной¹⁷.

Известно, что услышанную Титовым устную новеллу Пушкин рассказывал в обществе и ранее, по меньшей мере один раз. К 1825 г. от-

¹¹ См.: *Летопись 1999*. Т. 2. С. 268, 277, 287, 310, 468.

¹² См.: *Цявловская Т. Г.* «Влюбленный бес»: (Неосуществленный замысел Пушкина) // ПИМ. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 128; *Вацуро В. Э.* «Северные цветы»: История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978. С. 264.

¹³ *Вацуро В. Э.* «Северные цветы»: История альманаха Дельвига — Пушкина. С. 264.

¹⁴ См. датированное этим числом письмо О. М. Сомова цензору «Северных цветов» К. С. Сербиновичу (1797—1874): *Вацуро В. Э.* К истории пушкинских изданий: (Письма О. М. Сомова к К. С. Сербиновичу) // ПИМ. Л., 1969. Т. 6. С. 289—290.

¹⁵ Там же. С. 290.

¹⁶ *Вацуро В. Э.* «Северные цветы»: История альманаха Дельвига — Пушкина. С. 264. Заключение сделано на основании содержания писем В. П. Титова М. П. Погодину (см.: Пушкин по документам архива М. П. Погодина. С. 694, 698—699).

¹⁷ *Цявловская Т. Г.* «Влюбленный бес»: (Неосуществленный замысел Пушкина). С. 128; *Зингер Л. С.* Судьба одного устного рассказа // ВЛ. 1979. № 4. С. 208. Ср. датировку: «октябрь, после 17 — 1828. Апрель (?)» — в: *Летопись 1999*. Т. 2. С. 311, 470—471); верхняя граница здесь мотивирована тем, что 17 октября, следующий день после приезда из Михайловского, Пушкин провел у Дельвига (Там же. С. 311).

носится свидетельство А. П. Керн, касающееся того же сюжета. Керн вспоминала о Пушкине: «Когда он решался быть любезным, то ничто не могло сравниться с блеском, острою и увлекательностью его речи. В одном из таких настроений он, собравши нас в кружок, рассказал сказку про Черта, который ездил на извозчике на Васильевский остров. Эту сказку с его же слов записал некто Титов...»¹⁸ На связь «Уединенного домика» с творческими замыслами поэта указывает и частичная соотнесенность сюжета повести с пушкинским планом «Москва в 1811 году...» («<Влюбленный бес>», май 1821 — октябрь 1828):

«Москва в 1811¹⁹ году —

Старуха, две дочери, одна невинная, другая романическая — два приятеля к ним ходят. Один развратный; другой В<любленный> б<ес>. В<любленный> б<ес> любит меньшую и хочет погубить молодого человека — Он достает ему деньги, водит его повсюду — [бордель]. Наст<асья> — вдова ч<ертовка ?> Ночь. Извозчик. Молод<ой> человек. Ссорится²⁰ с ним — старшая дочь сходит с ума от любви к В<любленному> б<есу>» (ПД 267; Акад. Т. 8. С. 429).

На некоторое соответствие плана «Москва в 1811 году...» и пушкинского рассказа косвенно указывают слова Керн о присутствии в устной новелле черта, ездившего на извозчике (ср. последний пункт плана: «Ночь. Извозчик»). Вывод о несомненном сходстве плана с «Уединенным домиком» сделала В. Н. Писная, которая провела их детальное сравнение. Близким является состав персонажей (Вера, живущая с престарелой матерью, соответствует одной из дочерей «старухи» в плане; Павел, любящий светские развлечения и карточную игру, напоминает «развратного» молодого человека; демоническая графиня может быть сопоставлена с «вдовой — ч<ертовкой ?>» из плана; Варфоломей — «в<любленный> б<ес>»), а также некоторые сюжетные ходы (подобно бесу из плана, Варфоломей любит героиню и пытается погубить Павла, втягивая его в кутежи; в обоих сюжетах встречается эпизод ссоры молодого человека с извозчиком)²¹. В противоположность В. Н. Писной, акцентировавшей близость повести Титова к пушкинскому плану, В. В. Виноградов обратил внимание на сюжетные отличия, как указанные исследовательницей, так и отмеченные им самим («место действия — Москва; две дочери, а не одна; <...> “бордель”; сумасшествие

¹⁸ П. в восп. Т. 1. С. 386, 517.

¹⁹ «1811» переправлено из «1810».

²⁰ В автографе описки: «Ссориться».

²¹ См.: Писная В. Н. Фабула «Уединенного домика на Васильевском» // ПиС. Л., 1927. Вып. 31—32. С. 22.

старшей дочери от любви к влюбленному бесу»), придя на этом основании к справедливому выводу, что повесть Титова, возможно, «представляет собой совсем иное развитие пушкинского замысла и соприкасается с ним лишь в отдельных, правда иногда довольно существенных, частях»²².

Вопрос о том, в каких отношениях находятся между собой повесть Титова и рассказ Пушкина, решался исследователями неоднозначно. После появления в печати в 1912 г. письма Титова А. В. Головнину «Уединенный домик на Васильевском» был перепечатан П. Е. Щеголевым как «новый рассказ Пушкина»²³ и Н. О. Лернером как «забытая повесть Пушкина»²⁴. Эти публикации вызвали полемическую реплику Н. Л. Бродского, писавшего о повести Титова: «...сквозь тяжеловесную структуру ее стиля почти совсем не пробивается классически простая, изысканная пушкинская речь. И до тех пор, пока наши пушкинисты не проделают над рассказом сложного стилистического анализа, пока не вскроют, что от Пушкина и что от Титова, вводить его в инвентарь пушкинских текстов было бы слишком преждевременно»²⁵.

В 1915 г. повесть тем не менее была включена Н. О. Лернером в собрание сочинений А. С. Пушкина под редакцией С. А. Венгерова²⁶. Свое решение Лернер мотивировал тем, что повесть представляет собой «рассказ Пушкина, записанный другим, но редактированный самим Пушкиным»²⁷. При обсуждении плана нового собрания сочинений Пушкина на конференции пушкинистов в мае 1933 г. за включение «Уединенного домика» в состав издания высказался Н. К. Пиксанов²⁸. Эта точка зрения встретила возражения М. А. Цявловского, считавшего, что «текстуально» вводить повесть Титова в собрание сочинений

²² *Виноградов В. В.* Сюжет о «Влюбленном бесу» в творчестве Пушкина и повести Тита Космокротова (В. П. Титова) «Уединенный домик на Васильевском» // ПИМ. Л., 1982. Т. 10. С. 125.

²³ День. 1912. 22, 23 и 24 декабря. См. также отдельное издание с послесловием П. Е. Щеголева и Ф. Сологуба: Уединенный домик на Васильевском: Рассказ А. С. Пушкина по записи В. П. Титова. СПб., 1913.

²⁴ Северные записки. 1913. № 1. С. 184—207.

²⁵ *Бродский Н. Л.* Новое о Пушкине // Голос минувшего. 1913. № 4. С. 271.

²⁶ *Пушкин А. С.* [Собр. соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. Пг.: Изд. Брокгауза—Ефрона, 1915. Т. 6. С. 181—192 (в составе раздела «Новые приобретения пушкинского текста и дополнения», с подзаголовком «В пересказе В. П. Титова»).

²⁷ Там же. С. 193.

²⁸ См. в его докладе «О составе и организации академического издания Пушкина»: «В приложении следовало бы дать “Уединенный домик на Васильевском”, дошедший до нас в передаче В. П. Титова» (Стенограммы конференции пушкинистов 1933 г. — ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1933), № 13, л. 2).

Пушкина «хотя бы даже в приложении, хотя бы на пятом, десятом плане <...> — совершенно недопустимая вещь: это не произведение, не сочинение, не текст, не писание Пушкина»²⁹. В Полное академическое собрание сочинений Пушкина 1937—1959 гг. (Акад.) «Уединенный домик» не вошел. Однако Б. В. Томашевский принял решение о включении повести во второе «малое» академическое собрание сочинений Пушкина в качестве приложения, на основании вероятной ее связи с пушкинским сюжетным замыслом, нашедшим воплощение в плане «Москва в 1811 году...»³⁰. Это вызвало неодобрительный отклик Т. Г. Цявловской³¹. В поддержку решения Томашевского высказались Н. Л. Степанов³² и члены редколлегии издания «Пушкин. Исследования и материалы»³³. В дальнейшем «Уединенный домик» в составе пушкинских собраний сочинений не публиковался.

После П. Е. Щеголева, относившего «Уединенный домик» к «пушкинской школе»³⁴, категоричную позицию в вопросе о степени соответствия повести Титова и пушкинской устной новеллы занимал Л. С. Зингер, который находил в повести «почти дословную <...> стенографическую запись пушкинского рассказа»³⁵. По мнению исследователя, в пользу этого свидетельствовали писательская беспомощность Титова, а также его феноменальная память, отмеченная Пушкиным: в наброске «Мы проводили вечер на даче...» Титов-Вершнеф описан как «один из тех людей, одаренных убийственной

²⁹ Стенограммы конференции пушкинистов 1933 г., л. 37. По мнению Цявловского, «Уединенный домик» можно рассматривать в крайнем случае лишь как текст, отредактированный Пушкиным, но тогда он ничем не отличается, например, от текстов других авторов, напечатанных в «Современнике», про которые априорно можно сказать, что какой-то редакторской правке Пушкина они подвергались.

³⁰ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 9. С. 507—540 (в составе раздела «Приложения»; примеч. Л. Б. Модзалевского под ред. Б. В. Томашевского).

³¹ *Цявловская Т. Г.* «Влюбленный бес»: (Неосуществленный замысел Пушкина). С. 127—128.

³² *Степанов Н. Л.* Повесть, рассказанная Пушкиным // Русская литература: Статьи, исследования, публикации. М., 1961. С. 33 (Уч. зап. Моск. пед. ин-та им. В. И. Ленина. 1961. № 160).

³³ См. редакционное предисловие к статье В. В. Виноградова «Сюжет о «Влюбленном бесе» в творчестве Пушкина и повести Тита Космокротова (В. П. Титова) «Уединенный домик на Васильевском»» (с. 122).

³⁴ Уединенный домик на Васильевском: Рассказ А. С. Пушкина по записи В. П. Титова. С. 52.

³⁵ *Зингер Л. С.* Судьба одного устного рассказа. С. 219.

памятью, которые все знают и все читали и которых стоит только тронуть пальцем, чтобы из них полилась их всемирная ученость» (Акад. Т. 8. С. 990)³⁶. Анна Ахматова, полагавшая, что пушкинская устная новелла являла собой иносказательное повествование о реальных событиях жизни поэта, напротив, характеризовала «Уединенный домик» как «топорную копию Титова с зашифрованного подлинника Пушкина»³⁷. О том, что в записи Титова повесть, вероятнее всего, «не сохранила своей подлинной формы», писал Б. В. Томашевский³⁸; о «безоговорочной слабости» «Уединенного домика» говорила Т. Г. Цявловская³⁹, о явном отличии повествовательной манеры «Уединенного домика» от стиля пушкинской прозы писал Л. С. Сидяков⁴⁰.

Стилистические слабости «Уединенного домика» пытался объяснить А. Коджак. «Следует отметить, — писал он, — что сомнения в точности записи Титова основываются <...> на предпосылке, что устная речь Пушкина была схожа с языком его же письменной художественной прозы. <...> Язык же устного повествования Пушкина мог значительно отличаться от его письменного языка»⁴¹. Ту же идею высказывал и Л. С. Зингер, считавший, что в «Уединенном домике» «мы имеем дело не с прозой в обычном смысле, а с печатной публикацией устного рассказа. Законы построения последнего иные, нежели рассказа письменного»⁴². В качестве косвенного свидетельства этого утверждения исследователь ссылался на признание Пушкина в «<Опровержении на критики>» (1830): «Прозой пишу я гораздо неправильнее, а говорю еще хуже...» (Акад. Т 11. С. 148). Мысль об устной природе стиля «Уединенного домика» поддерживал Ю. М. Лотман, связывавший происхождение повести с традицией литературных импро-

³⁶ Ср. известное в передаче К. Бутенева шуточное утверждение Ф. И. Тютчева о том, что Титову было «как будто назначено Провидением составить описание всего мира (*faire l'inventaire de la creation*)» (*Бутенев К.* Владимир Павлович Титов: Письмо к издателю «Русского архива» // РА. 1892. Т. 1, № 1. С. 90).

³⁷ *Ахматова А. А.* Пушкин в 1828 году. <Уединенный домик на Васильевском> // Ахматова А. А. Собр. соч.: В 6 т. М., 2002. Т. 6. С. 166.

³⁸ *Томашевский Б. В.* Петербург в творчестве Пушкина // Пушкинский Петербург. Л., 1949. С. 26.

³⁹ *Цявловская Т. Г.* «Влюбленный бес»: (Неосуществленный замысел Пушкина). С. 127—128.

⁴⁰ См.: *Сидяков Л. С.* Художественная проза А. С. Пушкина. Рига, 1973. С. 29—31.

⁴¹ *Коджак А.* Устная речь Пушкина в записи Титова // *American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists.* Warsaw, August 21—27. 1973. Warsaw, 1973. Vol. 2. P. 326.

⁴² *Зингер Л. С.* Судьба одного устного рассказа. С. 220.

визаций в жанре «страшного рассказа», имевших хождение, в частности, в окружении А. А. Дельвига⁴³. А. И. Дельвиг вспоминал, как в 1828 г. он слушал в доме А. А. Дельвига рассказы А. Мицкевича, который «раза по три в неделю <...> целые вечера импровизировал разные большею частью фантастические повести в роде немецкого писателя Гофмана»⁴⁴. Пушкин упоминал о том, что и Дельвиг имел обыкновение рассказывать задуманные им сюжеты: «Д<ельвиг> долго обдумывал свои произведения, даже самые мелкие. Он любил в разговорах развивать свои поэтические помыслы, и мы знали его прекрасные создания несколько лет прежде, нежели были они написаны» («Отрывок из воспоминаний о Дельвиге») — Акад. Т. 12. С. 338).

Запись устного рассказа действительно являлась одной из принятых в пушкинское время форм бытования литературного произведения. Об этом свидетельствует история издания повести Д. В. Полидори (Polidori; 1795—1821) «Вампир» («The Vampyre: A Tale, by the right honourable Lord Byron», 1819)⁴⁵. В предисловии П. В. Киреевского к сделанному им русскому переводу повести она была представлена как устная новелла, рассказанная Байроном в обществе, которую Полидори, «возвратясь домой, спешил записать <...> по памяти и после издал в свет»⁴⁶ (в действительности Полидори не записал рассказ Байрона, а издал под его именем свой, чем вызвал протест поэта⁴⁷). По всей вероятности, текст «Вампира» был известен как Титову⁴⁸, так и Пушкину. На знакомство Пушкина с сюжетом Полидори указывает XII строфа третьей главы «Евгения Онегина» («Британской музы

⁴³ Лотман Ю. М. «Задумчивый вампир» и «Влюбленный бес» // Лотман. Пушкин. С. 347. Лотман повторяет ошибочное мнение С. М. Бонди о том, что Пушкин рассказал свою новеллу гостям Дельвига.

⁴⁴ Дельвиг А. И. Мои воспоминания. Т. 1. С. 77; об устной «гофманиане» см. также: Коренева М. Ю. Гофман // ПИМ. СПб., 2004. Т. 18—19: Пушкин и мировая литература: Материалы к «Пушкинской энциклопедии». С. 117.

⁴⁵ См.: Лотман Ю. М. «Задумчивый вампир» и «Влюбленный бес». С. 348—349.

⁴⁶ Вампир: Повесть, рассказанная лордом Байроном: С приложением отрывка из одного недоконченного сочинения Байрона / (С английского). М., 1828. С. 6 (ценз. разр. 15 октября 1828 г.).

⁴⁷ Подробнее об истории этого издания см.: Hock St. Die Vampyrsagen und ihre Verwertung in der deutschen Literatur // Forschungen zur neueren Literaturgeschichte / Hrsg. von F. Muncker. Berlin, 1900. Bd. 17. S. 72—79; Веселовский А. Н. Байрон: Биографический очерк. М., 1914. С. 137—138; Вацуро В. Э. Ненастное лето в Женеве, или История одной мистификации // Бездна: «Я» на границе страха и абсурда. СПб., [1992]. С. 36—48.

⁴⁸ См.: Вацуро В. Э. Ненастное лето в Женеве, или История одной мистификации. С. 47.

небылицы / Тревожат сон отроковицы, / И стал теперь ее кумир / Или задумчивый Вампир, / Или Мельмот, бродяга мрачный...» — Акад. Т. 6. С. 56), а также стихотворение 1829 г. «Подъезжая под Ижоры...» («Хоть вампиром именован / Я в губернии Тверской, / Но колен моих пред вами / Преклонить я не посмел / И влюбленными мольбами / Вас тревожить не хотел» — Акад. Т. 3. С. 151)⁴⁹. Характерно, что фабула «Вампира» отчасти напоминает события «Уединенного домика»: демонический герой разрушает жизнь своего неопытного друга, доводит его до безумия и губит его возлюбленную. Все это, однако, не позволяет говорить о непосредственном влиянии произведения Полидори на рассказ Пушкина или повесть Титова: как замечает Ю. М. Лотман, «сюжеты такого рода были столь распространены в литературе романтизма, что усматривать здесь какую-либо прямую связь не обязательно»⁵⁰. Мотив записи рассказанного в обществе произведения используется в пушкинских «Египетских ночах» (1835), где текст первой импровизации итальянца предварен следующим объяснением: «Вот они (строфы. — Е. К.), вольно переданные одним из наших приятелей со слов, сохранившихся в памяти Чарского» (Акад. Т. 8. С. 268)⁵¹.

Еще Н. Л. Бродский, как только «Уединенный домик» стал предметом внимания пушкинистов, справедливо указал, что отделение друг от друга «пушкинского» и «титовского» начал в тексте повести является предметом и задачей «сложного стилистического анализа»⁵². Попытку подробного и основательного стилистического исследования повести Титова предпринял В. В. Виноградов. Ученый пришел к выводу, что «общее описание стилевой структуры “Уединенного домика на Васильевском” показывает <...> очень значительные расхождения со стилем пушкинской прозы. <...> Различия сказываются и в отборе слов и выражений, и в приемах их связывания, и в формах распространенных, перифрасти-

⁴⁹ См.: Лотман Ю. М. «Задумчивый вампир» и «Влюбленный бес». С. 349; Фомичев С. А. Владимир Павлович Титов (1807—1891) // Русская фантастическая проза эпохи романтизма: (1820—1840 гг.). Л., 1990. С. 606. «Таким образом, — замечает Ю. М. Лотман, — паре: Байрон — Полидори сопоставляется другая: Пушкин — Титов. Пушкин, конечно, прекрасно это понял...» (Лотман Ю. М. «Задумчивый вампир» и «Влюбленный бес». С. 349).

⁵⁰ Лотман Ю. М. «Задумчивый вампир» и «Влюбленный бес». С. 349. О сходстве сюжетов и историй создания «Вампира» и «Уединенного домика...» см. также: Измайлов Н. В. Тема «вампиризма» в литературе первых десятилетий XIX в. // Сравнительное изучение литератур. Л., 1976. С. 512; Вацуро В. Э. Неаппетитное лето в Женеве, или История одной мистификации. С. 47.

⁵¹ См. об этом: Коджак А. Устная речь Пушкина в записи Титова. Р. 323.

⁵² Бродский Н. Л. Новое о Пушкине. С. 271.

ческих образов»⁵³. Вместе с тем сопоставление «Уединенного домика» с повестью В. П. Титова «Монастырь Св. Бригиты» обнаружило общность основных признаков их «повествовательной манеры»⁵⁴. На этом основании В. В. Виноградов заключал, что в «Уединенном домике» Титов «лишь частично, в очень упрощенном и романтически формализованном виде, использовал общую сюжетную схему» пушкинской новеллы. «Формы ее стилистического воплощения и развития принадлежат почти целиком В. П. Титову и обусловлены его эстетическими вкусами»⁵⁵. Возможный след пушкинской стилистической правки, на наличие которой косвенно указывало сообщение Титова, Виноградов усматривал в начале сюжета: оно представлялось ему «ближе по своей речевой структуре к нормам и стилистическим качествам пушкинского стиля, чем середина и заключительные части»⁵⁶. Серьезные и убедительные возражения у В. В. Виноградова вызвала гипотеза относительно устной природы стиля «Уединенного домика». По мнению ученого, «заранее можно сомневаться в том, чтобы в 20-х годах XIX в., когда формы разговорно-бытового сказа еще совсем не были разработаны в русской литературе, а художественная проза носила резкую печать книжности или стихотворной “поэтичности”, живой пушкинский устный рассказ мог быть непосредственно и адекватно воспроизведен в записи В. П. Титова»⁵⁷.

По мнению большинства исследователей, Пушкину принадлежит лишь общая фабула повести, а также, возможно, некоторые ее сюжетные ходы. Исходя из свидетельства Титова, к последним можно предположительно отнести эпизоды посещения Павлом гостиной графини И., игры в карты, поездки на демоническом извозчике с номером «666»⁵⁸. Ряд образов «Уединенного домика» находят параллели в пушкинских

⁵³ Виноградов В. В. Сюжет о «Влюбленном бесе» в творчестве Пушкина и повести Тита Космократова (В. П. Титова) «Уединенный домик на Васильевском». С. 134, 136.

⁵⁴ Там же. С. 143, подробнее: С. 143—146.

⁵⁵ Там же. С. 146.

⁵⁶ Там же. С. 138. С точки зрения некоторых других исследователей, Пушкину могла принадлежать и несколько ироническая заключительная фраза повести (см.: Сидяков Л. С. Художественная проза А. С. Пушкина. С. 30; Степанов Н. Л. Повесть, рассказанная Пушкиным // Степанов Н. Л. Поэты и прозаики. М., 1966. С. 137; Фомичев С. А. Владимир Павлович Титов. С. 608).

⁵⁷ Виноградов В. В. Сюжет о «Влюбленном бесе» в творчестве Пушкина и повести Тита Космократова (В. П. Титова) «Уединенный домик на Васильевском». С. 136.

⁵⁸ См.: Фомичев С. А. Пушкин рассказывает... // Фомичев С. А. Праздник жизни: Этюды о Пушкине. СПб., 1995. С. 126—128.

произведениях. Как указывал еще Н. О. Лернер, «вдова-старушка с хорошенькой простушкой-дочерью, живущие в низеньком домике на окраине города, фигурируют в “Медном всаднике” и “Домике в Коломне”»⁵⁹. Подробное сравнение указанных произведений было проведено В. Ф. Ходасевичем, который полагал, что «Уединенный домик», «Домик в Коломне» и «Медный всадник» связаны общей темой: «столкновение человека с темными силами, его окружающими»⁶⁰. По этому же признаку он вводил в упомянутый список «Пиковую даму»⁶¹. Частичное подобие топографии, состава персонажей и общего сюжетного конфликта (идиллическая картина семейной жизни, нарушаемая вторжением внешних сил) «Уединенного домика», «Домика в Коломне» и «Медного всадника» отмечалось и в работах некоторых исследователей⁶². По мысли Н. Л. Степанова, присущее «Уединенному домику» «сочетание реального быта с фантастикой» сближает повесть и с пушкинским «Гробовщиком» (1830)⁶³. Л. С. Зингер указывал на перекличку эпизодов карточной игры в доме графини И. с пушкинскими «<Набросками к замыслу о Фаусте>» (1822—1825), где герой в аду играет в карты со Смертью, которая «плутует» (Акад. Т. 2. С. 380—381, 928—929)⁶⁴. Выдвинутое А. В. Кулагиным предположение о связи «Уединенного

⁵⁹ Лернер Н. О. Забытая повесть Пушкина // Северные записки. 1913. № 1. С. 187.

⁶⁰ Ходасевич В. Ф. Петербургские повести Пушкина // Аполлон. 1915. № 3. С. 48.

⁶¹ Об отдаленном сходстве ряда сюжетных деталей «Уединенного домика» и «Пиковой дамы» см. также: Степанов Н. Л. Повесть, рассказанная Пушкиным. С. 137—138; Званцева Е. П. Об истоках сюжета повести А. С. Пушкина «Пиковая дама» // Болдинские чтения, [1982]. Горький, 1983. С. 82—90; Потапова Г. Е. «Пиковая дама» А. С. Пушкина и некоторые принципы изображения человека в жанре фантастической повести // «Внимая звуку струн твоих...»: Сб. ст. Калининград, 1992. С. 63—64.

⁶² См.: Писная В. Н. Фабула «Уединенного домика на Васильевском». С. 23—24; Томашевский В. Б. Петербург в творчестве Пушкина // Пушкинский Петербург. Л., 1949. С. 26—27; Ахматова А. А. Пушкин и Невское взморье // Ахматова А. А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. С. 185—186; Степанов Н. Л. Повесть, рассказанная Пушкиным. С. 135—138; Зингер Л. С. Судьба одного устного рассказа. С. 211—212; Хаев Е. С. Идиллические мотивы в произведениях Пушкина рубежа 1820—1830-х годов // Болдинские чтения. [1983]. Горький, 1984. С. 100—101.

⁶³ Степанов Н. Л. Повесть, рассказанная Пушкиным. С. 132; о возможном, хотя весьма приблизительном, подобии некоторых сюжетных элементов «Уединенного домика...» и «Гробовщика» см. также: Иванов Вяч. Вс. Еще раз об «Уединенном домике на Васильевском» Пушкина // Звезда. 2001. № 6. С. 131—132.

⁶⁴ См: Зингер Л. С. Судьба одного устного рассказа. С. 223—224.

домика» с пушкинским черновым фрагментом 1835 г. «[Развратник радуясь клеветает...]» (Акад. Т. 3. С. 1308), по-видимому, не имеет достаточных оснований⁶⁵.

Правомерность подобных параллелей, впрочем, вызывала у исследователей сомнения. Так, В. Н. Писная справедливо отмечала, что в произведениях Пушкина, связанных с «петербургской» тематикой и сопоставляемых с «Уединенным домиком», отсутствует ключевой для повести Титова мотив «любви беса к женщине»⁶⁶. Более категорично высказалась Т. Г. Цявловская, квалифицировавшая указания на связь «Уединенного домика» с пушкинскими произведениями как домыслы, «лишь декларируемые, но недоказанные»⁶⁷.

Сугубо гипотетический характер носит «биографическая» концепция Анны Ахматовой, полагавшей, что ряд сюжетных ситуаций повести совпадает с реальными фактами жизни Пушкина, а действующие лица — с самим поэтом и его окружением. По мысли Ахматовой, Павел — это отчасти сам Пушкин, Варфоломей («демон-друг-предатель») — возможно, Николай I⁶⁸ или А. Н. Раевский (1795—1868), друг Пушкина в период южной ссылки, обладавший скептическим складом ума и, по воспоминаниям современников, саркастической и злобной натурой. Раевский пользовался репутацией демонической личности; его черты нашли определенное отражение в пушкинских стихотворениях «Демон» (1823) и «Коварность» (1824)⁶⁹. Прообразом Веры послужила А. А. Оленина, которую Пушкин, всерьез увлеченный ею, сравнивал в посвященных ей стихах 1828 г. с ангелом («Ее глаза», «Предчувствие»). Графиня И. напоминала Ахматовой А. Ф. Закревскую⁷⁰ или К. А. Собаньскую, которую Пушкин именовал «демоном» (см., например, текст, предположительно считающийся письмом поэта к Собаньской от 2 февраля 1830 г.: «В вас есть ирония, лукавство, которые раздражают и повергают в отчаяние. <...> Вы — демон, то есть *тот, кто сомневается и отрицает*, как говорится в Писании» — Акад. Т. 14. С. 63, 400;

⁶⁵ См.: Кулагин А. В. Из комментария к пушкинским замыслам 30-х годов // Болдинские чтения. [1994]. Нижний Новгород, 1995. С. 118—120.

⁶⁶ Писная В. Н. Фабула «Уединенного домика на Васильевском». С. 24.

⁶⁷ Цявловская Т. Г. «Влюбленный бес»: (Неосуществленный замысел Пушкина). С. 127.

⁶⁸ См. ниже примеч. 33 к повести Титова.

⁶⁹ Подробнее см.: Пушкин А. С. Дневник 1833—1835 / Под ред. и с объяснительными примеч. Б. Л. Модзалевского и со ст. П. Е. Щеголева. М.; Пг., 1923. С. 208—209.

⁷⁰ См. ниже примеч. 13 к повести Титова.

оригинал по-франц.)⁷¹. Пейзаж городских окраин в начале повести Ахматова трактовала как зашифрованное описание предполагаемой могилы казненных декабристов, разыскиваемой Пушкиным⁷². В безумии Павла она усматривала сходство с поведением князя М. А. Дмитриева-Мамонова (1790—1863) — поэта, публициста, общественного деятеля, несомненно известного Пушкину: Мамонов основал одну из самых многочисленных преддекабристских организаций «Орден русских рыцарей», участники которой разрабатывали планы реформирования государственного устройства; после отказа присягать Николаю I был официально объявлен сумасшедшим и подвергнут принудительному лечению, доведшему его до настоящего безумия⁷³. Концепция Ахматовой вызвала сочувствие и одобрение Ю. Г. Оксмана, но была с осторожностью встречена другими ведущими пушкинистами: В. В. Виноградовым, Б. В. Томашевским, Т. Г. Цявловской⁷⁴. О сугубо гипотетическом характере биографических интерпретаций Ахматовой упоминали также Л. С. Зингер и Ю. М. Лотман⁷⁵.

«Уединенный домик» обнаруживал несомненную близость общим литературным тенденциям эпохи. Современная Пушкину журнальная критика связала повесть с жанром немецкой романтической новеллы, воспринятым в русской «массовой» словесности 1820-х гг.⁷⁶ Подобная точка зрения высказывалась и в пушкиноведении⁷⁷.

⁷¹ Подробнее см.: *Ахматова А. А.* Пушкин в 1828 году. С. 160—173.

⁷² *Ахматова А. А.* Пушкин и Невское взморье. С. 184—195 (см. также ниже примеч. 3 к повести Титова).

⁷³ *Ахматова А. А.* Пушкин в 1828 году. С. 164, 168—169, 171, 174—175; подробнее о судьбе М. А. Дмитриева-Мамонова см.: *Лотман Ю. М.* Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов — поэт, публицист и общественный деятель // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1959. Вып. 78. С. 19—61, 88—92 (Тр. по русской и славянской филологии. Вып. 2); см. также ниже примеч. 32 к повести Титова.

⁷⁴ См. мемуарные наброски Ю. Г. Оксмана от 19 января и 3 февраля 1963 г. в публ.: *Зайцев А. Д.* «Человек жизнерадостный и жизнедеятельный...»: (Набросок портрета Ю. Г. Оксмана по материалам его архива) // Встречи с прошлым. М., 1990. Вып. 7. С. 561—563.

⁷⁵ *Зингер Л. С.* Судьба одного устного рассказа. С. 212; *Лотман Ю. М.* Пушкин и М. А. Дмитриев-Мамонов // Тыняновский сборник: Четвертые тыняновские чтения. Рига, 1990. С. 57—58.

⁷⁶ См. в анонимных рецензиях на «Северные цветы»: МТ. 1829. Ч. 25, № 1. С. 106—107; СПЧ. 1829. № 6, 12 января; Галатея. 1829. Ч. 1. № 5. С. 272—273; см. также: Пушкин в прижизненной критике. [Т. 2]: 1828—1830. СПб., 2001. С. 123—124.

⁷⁷ *Сидяков Л. С.* Художественная проза А. С. Пушкина. С. 31; *Степанов Н. Л.* Повесть, рассказанная Пушкиным. С. 128—129, 132; *Фомичев С. А.* Пушкин рассказывает... С. 132; о тематической и сюжетной близости «Уединенного

Н. О. Лернер вскользь упоминал о связи «Уединенного домика» с повествовательной традицией Э. Т. А. Гофмана (Hoffmann; 1776—1822)⁷⁸. Подробное освещение этого вопроса принадлежит А. Б. Ботниковой. Исследовательница отмечала общее, хотя и приблизительное, сходство фабулы «Уединенного домика» с событиями повести Э. Т. А. Гофмана «Магнетизер» («Der Magnetiseur», 1814), где демонический герой Альбан «втирается в дом барона фон Ф. в качестве друга его сына, своими чарами воздействует на молоденькую дочь барона Марию и обретает над ней полную власть. Девушка умирает во время венчания со своим нареченным женихом, ее брат гибнет на поле боя, умирает и старый барон, не будучи в силах вынести гибель своих детей. Опустевает старый дворянский замок»⁷⁹. Новелла Гофмана была напечатана в «Московском вестнике» в переводе Д. В. Веневитинова под заглавием «Что пена в вине, то сны в голове»⁸⁰ и, по всей вероятности, была известна и Пушкину, и Титову. Как полагает А. Б. Ботникова, именно последний «внес в повесть “гофмановский орнамент”»⁸¹. Вполне вероятно, однако, что связь между «Уединенным домиком» и повестью Гофмана «была не генетической, а типологической»⁸². Предположение Л. С. Зингера о творческой связи повести с поэмой С. Т. Кольриджа (Coleridge; 1772—1834) «Кристалль» («Christabel», соч. 1797, опубл. 1816), сделанное на основании общности «фантастического» характера сюжета и «романтического колорита» двух произведений⁸³, представляется неубедительным. Поэму Кольриджа отдаленно связывает с «Уединенным домиком» лишь эпизод, в котором молодая героиня

домика...» произведениям массовой романтической литературы см. также: Баак Й. ван «Домик» Пушкина и вопрос о неудавшемся русском бидермеере // Четвертая Международная Пушкинская конференция: (Август 1997. Санкт-Петербург — Нижний Новгород): Материалы. СПб., 1997. С. 28—33; о разработках сюжета о девушке, попавшей под влияние влюбленного в нее демона, в прозе конца 1820-х гг. см: Китанина Т. А. Сюжет о безумной невесте и влюбленном бесе // Сюжет и мотив в контексте традиции. Новосибирск, 1998. С. 137—140; описание фабульной структуры и аннотации сюжетов подобных произведений см.: Китанина Т. А. Материалы к указателю сюжетов предпушкинской прозы // ПиС (Нов. серия). Вып. 4 (43). С. 572—576.

⁷⁸ Лернер Н. О. Забытая повесть Пушкина. С. 188.

⁷⁹ Ботникова А. Б. Э. Т. А. Гофман и русская литература (первая половина XIX века): К проблеме русско-немецких литературных связей. Воронеж, 1977. С. 92.

⁸⁰ МВ. 1827. Ч. 5, № 19. С. 244—301.

⁸¹ Там же. С. 93. См. также ниже примеч. 17 к повести Титова.

⁸² Коренева М. Ю. Гофман. С. 117.

⁸³ Зингер Л. С. Судьба одного устного рассказа. С. 220.

впускает в свой дом демоническое создание (у Кольриджа — в облике прекрасной девушки), обретающее над ней колдовскую власть. Подобная ситуация характерна для романтической литературы и, учитывая абсолютное различие основных сюжетных линий двух произведений, не может служить основанием для вывода об их внутренней связи.

Р. Шульц настаивает на сюжетной соотнесенности «Уединенного домика» с повестью Ж. Казота «Влюбленный дьявол»: «И тут, и там события происходят в демоническом городе <...>. И здесь, и там — два приятеля: один (протагонист) ветрен; другой (антагонист) — таинственный человек со странным именем, исповедующий чужую религию. При посредничестве таинственного приятеля ветреный молодой человек знакомится с обольстительной красавицей-бесовкой. Молодой человек теряет голову и попадает в расставленные ему сети, и красавица постепенно начинает им манипулировать. Когда <...> молодой человек вот-вот думает вкусить блаженство, кто-то молодую пару насильственно разъединяет. Молодой человек предпринимает поездку с дьяволом <...> кончающуюся падением героя, его нервным расстройством и исчезновением демона любви. <...> Красивая бесовка устраивает для молодого человека праздничный вечер, на котором гости не люди, а черти»⁸⁴. С. С. Ланда считал, что «отдельные ситуации» «Уединенного домика» «имеют много общего с “историей” беспутного лейтенанта Тибальда де ла Жакьера» в романе Я. Потоцкого «Рукопись, найденная в Сарагосе», однако ни одного примера в подтверждение своей гипотезы не привел⁸⁵.

В числе русских «предшественников» повести называлась «Лафертовская маковница» (1825) А. Погорельского⁸⁶. В начальной части «Уединенного домика» усматривалось сходство с зачином «Бедной Лизы» (1792) Н. М. Карамзина⁸⁷, в эпизоде с извозчиком — ироническая полемика с балладной поэтикой В. А. Жуковского⁸⁸. Е. С. Хаев указывал на соответствие ключевого для «Уединенного домика» сюжетного ряда («домик, вдова, дочка, жених, катастрофа») структуре

⁸⁴ Шульц Р. Пушкин и Книдский миф. München, 1985. С. 73.

⁸⁵ Ланда С. С. «Повешенные» Яна Потоцкого в литературных интересах Пушкина // Ланда С. С. «Я вижу некий свет...». СПб., 1999. С. 179.

⁸⁶ См.: Званцева Е. П. Об истоках сюжета повести А. С. Пушкина «Пиковая дама». С. 83; Лотман Ю. М. Пушкин и М. А. Дмитриев-Мамонов. С. 58.

⁸⁷ См.: Зингер Л. С. Судьба одного устного рассказа. С. 221; Фомичев С. А. Владимир Павлович Титов. С. 608.

⁸⁸ См.: Степанов Н. Л. Повесть, рассказанная Пушкиным. С. 134; Фомичев С. А. Владимир Павлович Титов. С. 609. См. также ниже примеч. 22 к повести Титова..

«сентиментального романа», но не проиллюстрировал свою мысль ни одним примером⁸⁹. Ахматова усматривала наличие соответствий между описанием апартаментов графини И. в «Уединенном домике» и покоев княгини Нины, главной героини поэмы Е. А. Баратынского «Бал» (1828), не настаивая, однако, на генетической связи этих произведений⁹⁰.

А. М. Ремизов был убежден в наличии сюжетного сходства «Уединенного домика» с «Повестью о Савве Грудцыне», литературную переработку которой он осуществил в 1949 г.⁹¹ Как указывает А. М. Грачева, подобная точка зрения во многом отражает творческие установки самого Ремизова, который при обработке древнерусских сюжетов стремился к «переходу от эпического сообщения источника к повествованию, несущему в себе психологическую характеристику героя»⁹². В этом отношении сюжет Титова отчасти послужил Ремизову основой для индивидуализации образа беса: «Бес Ремизова носит обычное <...> человеческое имя Виктор Тайных, бес у Пушкина — имя Варфоломей. Отличительный признак “поведения” Варфоломея, как и Виктора (эта черта идет от древних принципов изображения бесов), — постоянный хохот. <...> Виктор Тайных почти до конца повести (до болезни Саввы и его признания) сохраняет свое инкогнито и для Саввы и для читателя, в то время как в древнерусской повести автор и читатель знают, кто такой приятель Саввы, а Савва — нет»⁹³.

Вопрос о соотношенности «Уединенного домика» и древнерусской «Повести о Савве Грудцыне» был подробно рассмотрен И. П. Смирновым. Исследователь указал на подобие характера взаимоотношений молодого человека и беса, исполняющего в обоих сюжетах функции «притворного помощника» и снабжающего деньгами беспечного героя, проматывающего свое состояние⁹⁴. Смирнов также выделил общие для указанных текстов мотивы «бесовского золота», которым нечисть снабжает связавшегося с ней героя, «адского хохота», вы-

⁸⁹ Хаев Е. С. Идиллические мотивы в произведениях Пушкина рубежа 1820 — 1830-х годов. С. 100.

⁹⁰ См.: Ахматова А. А. Пушкин в 1828 году. С. 160—161.

⁹¹ Ремизов А. М. Бесноватые: Савва Грудцын и Соломония // Ремизов А. М. Соч.: В 2 кн. М., 1993. Кн. 2. С. 80 (впервые: Ремизов А. Бесноватые: Савва Грудцын и Соломония. Париж, 1951).

⁹² Грачева А. М. Повесть А. М. Ремизова «Савва Грудцын» и ее древнерусский прототип // ТОДРЛ. Т. 33. С. 393.

⁹³ Там же. С. 393—394.

⁹⁴ Смирнов И. П. «Уединенный домик на Васильевском» и «Повесть о Савве Грудцыне» // ПИМ. Л., 1979. Т. 9. С. 207.

дающего демона, «стремительных пространственных перемещений нечистой силы, выморочных мест, в которых происходит контакт человека с существами из потустороннего мира, женщины — пособницы дьявола <...> бесовской попытки сорвать исповедь и мнимого братства дьявола и человека»⁹⁵. По словам самого Смирнова, однако, эти мотивы являют собой «смысловое достояние самых разных <...> текстов»⁹⁶. Кроме того, знакомство как Пушкина, так и Титова с «Повестью о Савве Грудцыне» остается недоказанным⁹⁷. Существует мнение, что непрямым источником подобного знакомства могли послужить для Пушкина произведения М. Д. Чулкова⁹⁸, который использовал мотивы демонологической прозы XVII в. (в том числе «Повести о Савве Грудцыне») в новелле «Дьявол и отчаянный любовник» и в повествовании об Аскалоне⁹⁹. Оба сюжета вошли во вторую часть сборника М. Д. Чулкова «Пересмешник, или Славенские сказки», два издания которого имелись в библиотеке Пушкина¹⁰⁰. Вместе с тем в литературных переработках Чулкова «отсутствуют некоторые элементы, общие для “Повести о Савве Грудцыне” и “Уединенного домика на Васильевском” (наущение дьяволом женщины, соблазняющей героя; передача прожигающему жизнь юноше бесовских денег; финальное удаление героя в зону, недоступную мирским тревогам; <...> тема побратимства), и в то же время обнаруживаются такие мотивы, перенятые из памятника XVII в., которых нет в пушкинском сюжете...»¹⁰¹. Существенно также, что в новелле «Дьявол и отчаянный любовник», разрабатывающей тему договора главного героя с дьяволом, последний не разлучает персонажа с его возлюбленной, а, напротив, способствует их соединению. Таким образом, исследователь приходит к справедливому выводу о том, что «мы не располагаем достаточными основаниями, чтобы рассма-

⁹⁵ Там же. С. 209.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ См.: Там же. С. 209—211.

⁹⁸ Горелкина (Журавель) О. Д. Повесть о Савве Грудцыне // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3: (XVII в.). СПб., 1998. Ч. 3. С. 181.

⁹⁹ См.: Ситовский В. В. Очерки из истории русского романа. СПб., 1910. Т. 1. Вып. 2: (XVIII век). С. 136; Смирнов И. П. «Уединенный домик на Васильевском» и «Повесть о Савве Грудцыне». С. 209.

¹⁰⁰ Чулков М. Д. Пересмешник, или Славенские сказки. СПб., 1766. Ч. 1; СПб., 1768. Ч. 4; Чулков М. Д. Пересмешник, или Славенские сказки. М., 1783. Ч. 1; М., 1784. Ч. 2 (Библиотека П. № 419, 420).

¹⁰¹ Смирнов И. П. «Уединенный домик на Васильевском» и «Повесть о Савве Грудцыне». С. 211.

тривать прозу Чулкова как посредствующее звено между “Повестью о Савве Грудцыне” и историей, рассказанной Пушкиным в салоне Карамзиных»¹⁰².

Повесть Титова на протяжении почти ста лет неизменно привлекает внимание исследователей, но тем не менее ни разу не издавалась с развернутым историко-литературным комментарием. Настоящая публикация заполняет эту лакуну.

Повесть печатается по тексту первой публикации в «Северных цветах». Орфография и пунктуация приведены к современным нормам.

¹⁰² Смирнов И. П. «Уединенный домик на Васильевском» и «Повесть о Савве Грудцыне». С. 211.

Уединенный домик на Васильевском¹

Повесть

Кому случалось гулять кругом всего Васильевского острова, тот, без сомнения, заметил, что разные концы его весьма мало похожи друг на друга². Возьмите южный берег, уставленный пышным рядом каменных, огромных строений, — и северную сторону, которая глядит на Петровский остров и вдается длинною косою в сонные воды залива³. По мере приближения к этой оконечности каменные здания, редя, уступают место деревянным хижинам; между сими хижинами проглядывают пустыри; наконец, строение вовсе исчезает, и вы идете мимо ряда просторных огородов, который по левую сторону замыкается рощами; он приводит вас к последней возвышенности, украшенной одним или двумя сиротливыми домами и несколькими деревьями; ров, заросший высокою крапивой и репейником, отделяет возвышенность от вала, служащего оплотом от разлитий; а дальше лежит луг, вязкий, как болото, составляющий взморье. И летом печальны сии места пустынные, а еще более зимою, когда и луг, и море, и бор, осеняющий противоположные берега Петровского острова, — все погребено в седы сугробы, как будто в могилу.

Несколько десятков лет тому назад⁴, когда сей околоток был еще уединеннее, в низком, но опрятном деревянном домике около означенной возвышенности жила старушка, вдова одного чиновника, служившего не помню в которой из Коллегий⁵. Оставляя службу, он купил этот домик вместе с огородом и намерен был завести небольшое хозяйство; но кончина помешала исполнению дальних его замыслов; вдова вскоре нашла себя принужденною продать все, кроме дома, и жить малым денежным достатком, накопленным невинными, а может быть, отчасти и грешными трудами покойного. Все ее семейство составляли дочь и престарелая служанка, бывшая в должности горничной и вместе кухарки. Вдалеке от света, вела она тихую жизнь, которая при всем своем однообразии казалась бы счастливою. По праздникам в церковь; по будням утро за работою; после обеда мать вяжет чулок⁶, а молодая Вера читает ей Минею⁷ и другие священные книги или занимается с нею гаданием в карты — препровождение времени, которое и ныне в обыкновении у женщин. Вера давно уже достигла того возраста, ког-

да девушки начинают думать, как говорится в просторечии, о том, как бы пристроиться; но главную черту ее нрава составляла младенческая простота сердца; она любила мать, любила по привычке свои вседневные занятия и, довольная настоящим, не питала в душе черных предчувствий насчет будущего. Старушка-мать думала иначе: с грустью помышляла она о преклонных годах своих, с отчаянием смотрела на расцветшую красоту двадцатилетней дочери, которой в бедном одиночестве не было надежды когда-либо найти супруга-покровителя. Все это иногда заставляло ее тосковать и тайно плакать; с другими старухами она, не знаю почему, водилась вовсе не охотно; зато уж и старухи не слишком ее жаловали; они толковали, будто с мужем жила она под конец дурно, утешать ее ходил подозрительный приятель; муж умер скоропостижно и — Бог знает чего не придумает злоречие.

Одиночество, в коем жила Вера с своей матерью, изредка было развлекаемо посещениями молодого, достаточно отдаленного родственника, который за несколько лет приехал из своей деревни служить в Петербурге. Мы условимся называть его Павлом. Он звал Веру сестрицею, любил ее, как всякий молодой человек любит пригожую, любезную девушку, угождал ее матери, у которой и был, как говорится, на примете. Но о союзе с ним напрасно было думать: он не мог часто навещать семью Васильевского острова. Этому мешали не дела и не служба: он тем и другим занимался довольно небрежно; жизнь его состояла из досугов почти непрерывных. Павел принадлежал к числу тех рассудительных юношей, которые терпеть не могут излишества в двух вещах: во времени и в деньгах. Он, как водится, искал, и приискал услужливых товарищей, которые охотно избавляли его от сих совершенно лишних отягощений и на его деньги помогали ему издерживать время. Картежная игра, увеселения, ночные прогулки, — все призвано было в помощь; и Павел был счастливейшим из смертных, ибо не видал, как утекали дни за днями и месяцы за месяцами. Разумеется, не обходилось и без неприятностей: иногда кошелек опустеет, иногда совесть проснется в душе, в виде раскаяния или мрачного предчувствия. Чтобы облегчить сие новое бремя, он сперва держался обыкновения посещать Веру. Но мог ли он без угрызений сравнить себя с этой невинною, добродетельною девушкой? Итак, необходимо было искать другого средства. Он скоро нашел его в одном из своих соучастников веселия, из которого сделал себе друга. Этот друг, которого Павел знал под именем Варфоломея, часто наставлял его на такие проказы, какие и в голову не пришли бы простодушному Павлу; зато он умел всегда и выпутать его из опасных последствий; главное же, неоспоримое право Варфоломея на титул друга состояло в том, что он в нужде снабжал на-

шего юношу припасом, которого излишество тягостно, а недостаток еще тягостнее, — именно деньгами. Он так легко и скоро доставал их во всяком случае, что Павлу на сей счет приходили иногда в голову странные подозрения; он даже решался выпытать сию тайну от самого Варфоломея; но как скоро хотел приступить к своим расспросам, сей последний одним взглядом его обезоруживал. Притом: «Что мне за дело, — думал Павел, — какими средствами он добывает деньги? Ведь я за него не пойду на каторгу... ни в ад!» — прибавлял он тихомолком от своей совести. Варфоломей к тому же имел искусство убеждать и силу нравиться, хотя в невольных его порывах нередко обнаруживалось жестокосердие. Я забыл еще сказать, что его никогда не видали в православной церкви; но Павел и сам был не слишком богомолен; притом Варфоломей говаривал, что он принадлежит не к нашему исповеданию⁸. Короче, наш юноша наконец совершенно покорился влиянию избранного им друга.

Однажды в день воскресный, после ночи, потерянной в рассеянности, Павел проснулся поздно поутру. Раскаяние, недоверие давно так его не мучили. Первая мысль его была идти в церковь, где давно, давно он не присутствовал. Но, взглянув на часы, он увидел, что проспал час обедни. Яркое солнце высоко блистало на горячем летнем небосклоне. Он невольно вспомнил о Васильевском острове. «Как виноват я перед старухой, — сказал он себе, — в последний раз я был у ней, когда снег еще не стаял. Как весело теперь в уединенном сельском домике. Милая Вера! Она меня любит, может быть, жалеет, что давно не видала меня, может быть...» Подумал и решился провести день на Васильевском. Лишь только, одевшись, он вышел со двора, откуда ни возьмись Варфоломей навстречу. Неприятна была встреча для Павла; но свернуть было некуда.

— А я к тебе, товарищ! — закричал Варфоломей издали. — Хотел звать тебя, где третьего дня были.

— Мне сегодня некогда, — сухо отвечал Павел.

— Вот хорошо, некогда! Ты, пожалуй, захочешь меня уверить, что у тебя может быть дело. Вздор! Пойдем.

— Говорю тебе, некогда; я должен быть у одной родственницы, — сказал Павел, выпутывая руку свою из холодной руки Варфоломея⁹.

— Да! Да! Я и забыл об твоей васильевской ведьме. Кстати, я от тебя слышал, что твоя сестрица довольно мила; скажи, пожалуй, сколько лет ей?

— А мне почему знать? Я не крестил ее!

— Я сам никого не крестил отроду, а знаю наперечет и твои лета, и всех, кто со мной запанибрата.

— Тем для тебя лучше, однако...

— Однако не в том дело, — прервал Варфоломей, — я давно хотел туда забраться с твоею помощью. Нынче погода чудная; я рад погулять. Веди меня с собою.

— Ей-ей, не могу, — отвечал Павел с неудовольствием, — они не любят незнакомцев. Прощай, мне нельзя терять времени.

— Послушай, Павел, — сказал Варфоломей, сердито останавливая его рукою и бросая на него тот взгляд, который всегда имел на слабого юношу неодолимое действие. — Я не узнаю тебя. Вчера ты скакал, как сорока, а теперь надулся, как индейский петух. Что это значит? Я не в одно место возил тебя из дружбы; потому и от тебя могу того же требовать.

— Так! — отвечал Павел в смущении. — Но теперь не могу исполнить этого, ибо... ибо знаю, что тебе там будет скучно.

— Пустая отговорка; если хочу, стало, не скучно. Веди меня непременно; иначе ты не друг мне.

Павел замылся; наконец, собравшись с духом, сказал:

— Слушай, ты мне друг! Но в этих случаях, я знаю, для тебя нет ничего святого. Вера хороша, непорочна, как ангел, но сердце ее просто. Даешь ли ты мне честное слово не расставлять сетей ее невинности?

— Вот нашел присяжного волокиту, — прервал Варфоломей с каким-то адским смехом. — И без нее, брат, много есть девчонок в городе. Да что толковать долго? Честного слова я не дам: ты должен мне верить или со мной рассориться. Веди меня с собою или — давай левую.

Юноша взглянул на грозное лицо Варфоломея, вспомнил, что и честь его, и самое имущество находятся во власти этого человека и ссора с ним есть гибель; сердце его содрогнулось; он употребил еще несколько слабых возражений и согласился.

Старушка от всей души благодарила Павла за новое знакомство; степенный, тщательно одетый товарищ его крайне ей понравился; она, по своему обыкновению, видела в нем выгодного женишка для своей Веры. Впечатление, произведенное Варфоломеем на сию последнюю, было не столь выгодно: она робким приветствием отвечала на поклон его, и живые ланиты ее покрылись внезапною бледностию. Черты Варфоломея были знакомы Вере. Два раза, выходя из храма Божия, с душою, полною смиренными, набожными чувствами, она замечала его стоящим у каменного столпа притвора церковного и устремляющим на нее взор, который пресекал все набожные помыслы и, как рана, оставался у нее врезанным в душу. Но не любовной силою приковал этот взор бедную девушку, а каким-то страхом, неизъяснимым для нее самой. Варфоломей был статен, имел лицо правильное; но это лицо не

отражало души, подобно зеркалу, а, подобно личине, скрывало все ее движения; и на его челе, видимо спокойном, Галль верно заметил бы орган высокомерия¹⁰, порока отверженных.

Впрочем, Вера умела скрыть свое смущение, и едва ли кто заметил его, кроме Варфоломея. Он завел разговор общий и был любезнее, умнее, чем когда-нибудь. Часы проходили неприметно; после обеда предложена прогулка на взморье, по окончании которой все воротились домой и старушка принялась за любимое свое препровождение вечера — гадание в карты. Но сколько ни трудилась она раскладывать, как нарочно, ничего не выходило. Варфоломей подошел к ней, оставя в другом углу своего друга в разговоре с Верою. Видя досаду старухи, он заметил ей, что по ее способу раскладывания нельзя узнать будущего и карты, как они теперь лежат, показывают прошедшее. «Ах, мой батюшка! Да вы, я вижу, мастер; растолкуйте мне, что же они показывают?» — спросила старушка с видом сомнения. «А вот что», — отвечал он и, придвинув кресла, говорил долго и тихо. Что говорил? Бог весть, только кончилось тем, что она от него услышала такие тайны жизни и кончины покойного сожителя, которые почитала Богу да ей одной известными. Холодный пот проступил на морщинах лица ее, седые волосы стали дыбиться под чепцом; она, дрожа, перекрестилась. Варфоломей поспешно отошел; он с прежнею свободою вмешался в разговор молодежи; и беседа, верно, продлилась бы до полночи, если б наши гости не поторопились, представляя, что скоро будут разводить мост и им придется ночевать на вольном воздухе.

Не станем описывать много других свиданий, которые друзья наши имели вместе на Васильевском в продолжение лета. Для вас довольно знать, что в течение сего времени Варфоломей все более и более вкрадывался в доверенность вдовы; добродушная Вера, которая привыкла согласоваться слепо с чувствами своей матери, забывала понемногу неприятное впечатление, сперва произведенное незнакомцем; но Павел оставался для нее предметом предпочтения нескрытного, и если сказать правду, так было за что: частые свидания с молодою родственницей возымели на юношу преблагоприятное действие: он начал прилежнее заниматься службою, бросил многие беспутные знакомства, словом, захотел быть порядочным человеком; с другой стороны, беспечный его нрав покорялся влиянию привычки, и ему изредка казалось, что он может быть счастлив такою супругою, как Вера.

Предпочтение этой прелестной девушки к товарищу, казалось, должно бы оскорбить неукротимое самолюбие Варфоломея; однако он не только не изъявлял неудовольствия, но обращался с Павлом радужнее, ласковее прежнего; Павел, платя ему дружеством искренним,

совершенно откинул все сомнения насчет замыслов Варфоломея, принимал все его советы, поверял ему все тайны души своей. Однажды зашла у них речь о своих взаимных достоинствах и слабостях — что весьма обыкновенно в дружеской беседе на четыре глаза. «Ты знаешь, я не люблю лести, — говорил Варфоломей, — но откровенно скажу, друг мой, что я замечаю в тебе с недавнего времени весьма выгодную перемену; и не один я, многие говорят, что в последние шесть месяцев ты созрел больше, чем другие созревают в шесть лет. Теперь недостает тебе только одного: навыка жить в свете. Не шути этим словом; я сам никогда не был охотником до света, я знаю, что он нуль; но этот нуль десятирует достоинство единицы. Предвижу твое возражение: ты думаешь жениться на Вере (при сих словах Варфоломей остановился на минуту, как будто забывшись)... ты думаешь на ней жениться, — продолжал он, — и ничего не хочешь знать, кроме счастья семейного да любви будущей супруги. То-то и есть: вы, молодежь, воображаете, что обвенчался, так и бал кончен; ан только начинается. Помяни ты мое слово: поживешь с женою год, опять вспомнишь об людях; но тогда уж потруднее будет втереться в общество. Притом люди необходимы, особливо человеку семейному: у нас без покровителей и правды не добудешь. Может быть, еще тебя страшит громкое имя: большой свет? Успокойся: это манежная лошадь; она очень смирна, но кажется опасною потому, что у нее есть свои привычки, к которым надо применить-ся. Да к чему тратить слова по-пустому? Лучше поверь их истину на опыте. Послезавтра вечер у графини И.; ты имеешь случай туда ехать. Я вчера у нее был, говорили об тебе, и она сказала, что желает видеть твою бесценную особу».

Сии слова, подобно яду, имеющему силу переверотить внутренность, превратили все прежние замыслы и желания юноши; никогда не бывалый в большом свете, он решился пуститься в этот вихрь, и в условленный вечер его увидели в гостиной графини. Дом ее стоял в не очень шумной улице и снаружи не представлял ничего отличного; но внутри — богатое убранство, освещение. Варфоломей уже заранее уведомил Павла, что на первый взгляд иное покажется ему странным: ибо графиня недавно приехала из чужих краев, живет на тамошний лад и принимает к себе общество небольшое, но зато лучшее в городе. Они застали нескольких пожилых людей, которые отличались высокими париками, шароварами огромной ширины и не скидали перчаток во весь вечер. Это не совсем согласовалось с тогдашними модами среднего петербургского общества, которые одни были известны Павлу, но Павел уже положил себе за правило не удивляться ничему, да и когда ему было заметить сии мелочи? Его вниманием овладела хозяйка со-

вершенно. Вообразите себе женщину знатную, в пышном цвете юности, одаренную всеми прелестями, какими природа и искусство могут украсить женский пол на пагубу потомков Адамовых, прибавьте, что она потеряла мужа и в обращении с мужчинами может позволить себе ту смелость, которая более всего пленяет неопытного. При таких искушениях мог ли девственный образ Веры оставаться в сердце переменчивого Павла? Страсти загорелись в нем; он все употребил, чтобы снискать благоволение красавицы, и после повторенных посещений заметил, что она равнодушна к его стараниям. Какое открытие для пламенного юноши! Павел не видал земли под собою, он уже мечтал... Но случилась неприятность, которая разрушила все его отважные воздушные замки. Однажды, будучи в довольно многолюдном обществе у графини, он увидел, что она в стороне говорит тихо с одним мужчиною; надобно заметить, что этот молодец щеголял непомерным образом и, несмотря на все старания, не мог, однако, скрыть телесного недостатка, за который Павел с Варфоломеем заочно ему дали прозвание косоногого; любопытство, ревность заставили Павла подойти ближе, и ему послышалось, что мужчина произносит его имя, шутит над его дурным французским выговором, а графиня изволяет отвечать на это усмешками. Наш юноша взбесился, хотел тут же броситься и наказать насмешника¹¹, но удержался при мысли, что это подвергнет его новому, всеобщему посмеянию. Он тот же час оставил беседу, не говоря ни слова, и поклялся век не видеть графиню.

Растревоженный в душе, он опять вспомнил о давно покинутой им Вере, как грешник среди бездны разврата вспоминает о пути спасения. Но на этот раз он не нашел близ милой девушки желаемой отрады; Варфоломей хозяином господствовал в доме, и того, кто ввел его туда за несколько месяцев, принимал уже как гостя постороннего. Старуха была больна, и не на шутку. Вера казалась в страшных суетах и развлечении; Павла приняла она с необычайною холодностию и, занимаясь им, сколько необходимо требовало приличие, готовила лекарства, бегала за служанкою, ухаживала за больною и нередко призывала Варфоломея к себе в помощь. Все это, разумеется, было странно и досаждало Павлу, на которого теперь, как на бедного Макара, валилась одна неудача за другою. Он хотел было затеять объяснение, но побоялся растревожить больную старуху и Веру, без того уже расстроенную болезнью матери. Оставалось одно средство — объясниться с Варфоломеем. Приняв такое решение, Павел, извиняясь головою болью, откланялся немного спустя после обеда и, не удержанный никем, уехал, намекнув Варфоломею с некоторою крутостию, что желает его видеть в завтрашнее утро.

Чтобы вообразить себе то состояние, в каком несчастный Павел ожидал на другой день своего бывшего друга и настоящего соперника, должно понять все различные страсти, которые в то время боролись в душе его и, как хищные птицы, словно хотели разорвать между собою свою жертву. Он поклялся забыть навеки графиню и между тем в сердце пылал любовью к изменнице; привязанность его к Вере была не столь пламенна; но он любил ее любовью братскою, дорожил добрым ее мнением, а в нем почитал себя потерянным надолго, если не навеки. Кто же был виновник всех этих напастей? Коварный Варфоломей, этот человек, которого он некогда называл своим другом и который, по его мнению, так жестоко обманул его доверенность. С каким нетерпением ждал его к себе Павел, с какою досадою он смотрел на улицу, где бушевала точно такая же метель, как и в душе его. «Бездельник, — думал он, — воспользуется непогодой, он избежит моей правдивой мести; он лишит меня последней отрады — сказать ему в бесстыдные глаза, до какой степени я его ненавижу!»

Но в то время, как Павел мучился сомнением, отворилась дверь и Варфоломей вошел с таким же мраморным спокойствием, с каким статуя Командора приходит на ужин к Дон-Жуану¹². Однако лицо его вскоре приняло выражение более человеческое; он приблизился к Павлу и сказал ему с видом сострадательной приязни:

— Ты на себя не похож, друг мой; что причиною твоей горести? Открой мне свое сердце.

— Я тебе не друг! — закричал Павел, отскочив от него в другой угол комнаты, как от лютой змеи; дрожа всеми составами, с глазами, налитыми кровью и слезами, юноша опрометью высказал все чувства души, может быть и несправедливо разгневанной.

Варфоломей выслушал его с каким-то обидным равнодушием и потом сказал:

— Речь твоя дерзка и была бы достойна наказания; но я тебе прощаю; ты молод и цены еще не знаешь ни словам, ни людям. Не так говорил ты со мною, бывало, когда без моей помощи приходилось тебе хоть шею совать в петлю. Но теперь все это забыто, потому что холодный прием девушки раздражил твою самолюбивую душонку. Изволишь пропадать по целым месяцам, творишь неведомо с кем неведомо какие проказы; а я за него терпи и не ходи, куда мне хочется. Нет, сударь; буду ходить к старухе, хоть бы тебе одному назло. Притом у меня есть и другие причины: не стану таить их — знай, Вера влюблена в меня.

— Лжешь, негодяй! — воскликнул Павел в исступлении. — Может ли ангел любить дьявола?

— Тебе простительно не верить, — отвечал Варфоломей с усмешкою, — природа меня не изукрасила наравне с тобою; зато ты и пленяешь знатных барынь, и пленяешь навеки, постоянно, неизменно.

Этой насмешки Павел не мог вынести, тем более что он давно подзревал Варфоломея в содействии к его разладу с графиней. Он в ярости кинулся на соперника, хотел убить его на месте; но в эту минуту он почувствовал себя ударенным под ложку; у него дух занялся, и удар, без всякой боли, на миг привел его в беспамятство. Очнувшись, он нашел себя у противной стены комнаты, дверь была затворена, Варфоломея не было, и, как будто из просонок, он вспоминал последние слова его: «Потише, молодой человек, ты не с своим братом связался».

Павел дрожал от ужаса и гнева; тысячи мыслей быстро сменялись в голове его. То решался он отыскать Варфоломея хоть на краю света и разmozжить ему череп; то хотел идти к старухе и обнаружить ей и Вере все прежние проказы изменника; вспоминал об очаровательной графине, хотел то заколоть ее, то объяснить с нею, не изменяя прежнему решению: последнее согласить, конечно, было трудно. Грудь его стеснилась; он как полоумный выбежал на двор, чувствуя в себе признаки воспалительной горячки; бледный, в беспорядке, рыскал он по улицам и, верно, нашел бы развязку всем сомнениям в глубокой Неве, если б она, к счастью, не была закутана в то время ледяною своей шубою.

Утомилась ли судьба преследовать Павла или хотела только сильнее уязвить его минутным роздыхом в несчастиях, он, воротясь домой, был встречен неожиданным исполнением главного своего желания. В прихожей дождал его богато одетый слуга графини И., который вручил ему записку; Павел с трепетом развертывает и читает следующие слова, начертанные слишком ему знакомою рукою графини.

«Злые люди хотели поссорить нас; я все знаю; если в вас осталась капля любви ко мне, капля сострадания, придите в таком-то часу вечера. Вечно твоя И.»

Как глупы любовники! Павел, пробежав сии магические строки, забыл и дружбу Веры, и неприязнь Варфоломея; весь мир, настоящий, прошедший и грядущий, стеснился для него в лоскутке бумаги; он прижимает к сердцу, целует его, подносит несколько раз к свету. «Нет! — восклицает он в восторге. — Это не обман; я точно, точно счастлив; так не напишет, не может написать никто, кроме нее одной. Но не хочет ли плутовка зазвать и морочить меня и издеваться надо мною по-прежнему? Нет! клянусь, не бывать этому. “Твоя — вечно твоя”, пусть растолкует мне на опыте, что значит это слово. Не то... добрая слава ее теперь в моих руках».

В урочный час наш Павел, пригожий и разряженный, уже на широкой лестнице графини; его без доклада провожают в гостиную, где, к его досаде, собралось уже несколько посетителей, между которыми, однако, не было косоногого. Хозяйка приветствует его сухо, едва говорит с ним; но она не даром на него уставила большие черные глаза свои и томно опустила их: мистическая азбука любящих, непонятная профанам. Гости принимаются за игру; хозяйка, отказываясь, уверяет, что ей приятно садиться близ каждого из игроков поочередно, ибо она надеется ему принести счастье. Все не надвигаясь ее тонкой вежливости. Немного спустя: «Вы у нас давно не были, — говорит графиня, оборачиваясь к юноше, — замечаете ли некоторые перемены в уборах этой комнаты? Вот, например, занавесы висели сперва на лавровых гирляндах; но мне лучше показалось заменить их стрелами». — «Недоставляет сердце», — отвечает Павел полусухо, полувежливо. «Но не в одной гостиной, — продолжает графиня, — есть новые уборы, — и, вставая с кресел, — не хотите ли, — говорит она, — заглянуть в диванную; там развешены привезенные недавно гобелены отличного рисунка». Павел с поклоном идет за ней. Неизъяснимым чувством забилося его сердце, когда он вошел в эту очарованную комнату. Это была вместе зимняя оранжерея и диванная. Миртовые деревья, расставленные вдоль стен, укрощали яркость света канделябров, который, оставляя роскошные диваны в тени за деревьями, тихо разливался на гобеленовые обои, где в лицах являлись, внушая сладострастие, подвиги любви богов баснословных. Против анфилады стояло трюмо¹³, а возле, на стене, похищение Европы¹⁴ — доказательство власти красоты хоть из кого сделать скотину. У этого трюмо начинается роковое объяснение. Всякому просвещенному известно, что разговор любящих всегда есть самая жестокая амплификация¹⁵: итак, перескажу только сущность его. Графиня уверяла, что насмешки ее над дурным французским выговором относились не к Павлу, а к одному его соименнику, что она долго не могла понять причины его отсутствия, что наконец Варфоломей ее наставил, и проч., и проч. Павел, хотя ему казались странными сведения Варфоломея в таком деле, о котором никто ему не сказывал, и роль миротворца, которую он принял на себя в этом случае, поверил, разумеется, всему; однако упорно притворялся, что ничему не верит. «Какого же еще доказательства хотите вы?» — спросила наконец графиня с нежным нетерпением. Павел, как вежливый юноша, в ответ поцеловал жарко ее руку; она упрямылась, робела, спешила к гостям; он становился на колени и, крепко держа руки ее, грозил, что не выпустит, да к этому в прибавок сию же минуту застрелится. Сия тактика имела вожделенный успех — и тихое, дрожащее рукожатие с тихим ше-

потом: «Завтра, в 11 часов ночи, на заднее крыльцо» — громче пороха и пушек возвестили счастливому Павлу торжество его.

Графиня весьма кстати воротилась в гостиную; между двумя из игроков только что не дошло до драки. «Смотрите, — сказал один графине, запыхавшись от гнева, — я даром проигрываю несколько сот душ¹⁶, а он...» — «Вы хотите сказать, несколько сот рублей», — прервала она с важностью. «Да, да... я виноват... я ошибся», — отвечал спорщик, заикаясь и посматривая искоса на юношу. Игроки замяли спор, и всю суматоху как рукой сняло. Павел на сей раз пропустил все мимо ушей. Волнение души не позволило ему долго пробыть в обществе, он спешил домой предаться отдыху, но сон долго не опускался на его вежды; самая действительность была для него сладким сновидением. Распаленной его фантазии бессменно предстояли черные, большие, влажные очи красавицы. Они сопровождали его и во время сна; но сны, от предчувствия ли тайного, от волнения ли крови, всегда кончались чем-то странным. То прогуливался он по зеленой траве; перед ним возвышались два цветка, дивные красками; но лишь только касался он стебля, желая сорвать их, вдруг взвивалась черная, черная змея и обливала цветки ядом¹⁷. То смотрел он в зеркало прозрачного озера, на дне которого играли две золотые рыбки; но едва опускал он к ним руку, земноводное чудовище, страшая, пробуждало его. То ходил он ночью под благоуханным летним небосклоном, и на высоте сияли неразлучно две яркие звездочки; но не успевал он налюбоваться ими, как зарождалось черное пятно на темном западе и, растянувшись в длинного облачного змея, пожирало звездочки. Всякий раз, когда такое видение прерывало сон Павла, встревоженная мысль его невольно устремлялась на Варфоломея¹⁸; но чрез несколько времени черные глаза снова одерживали верх, покуда новый ужас не прерывал мечты пленительной. Несмотря на все это, Павел, проспавши до полудня, встал веселее, чем когда-нибудь. Остальные 11 часов дня, как водится, показались ему вечностию. Не успело смеркнуться, как он уже бродил вокруг дома графини; не принимали никого, не зажигали огня в парадных комнатах, только в одном дальнем углу слабо мерцал свет: «Там ждет меня прелестная», — думал про себя Павел — и заранее душа его утопала в наслаждении.

Протяжно пробило одиннадцать часов на Думской башне¹⁹, и Павел, любовью окриленный... Но здесь я прерву картину свою и в подражание лучшим классическим и романтическим писателям древнего, среднего и новейшего времени предоставляю вам дополнить ее собственным запасом воображения. Коротко и ясно: Павел думал уже вкушать блаженство... как вдруг постучались тихонько у двери кабинета; графиня в смущении отворят; доверенная горничная входит с

докладом, что на заднее крыльцо пришел человек, которому крайняя нужда видеть молодого господина. Павел сердится, велит сказать, что некогда, колеблется, выходит в прихожую, ему говорят, что незнакомый ушел сию минуту. Он возвращается к любезной. «Ничто с тобой не разлучит меня», — говорит он страстно. Но вот стучатся снова, и горничная входит с повторением прежнего. «Пошлите к черту незнакомца, — кричит Павел, топнув ногою, — или я убью его». Выходит, слышит, что и тот вышел; сбегает по лестнице на двор, — но там ничто не колыхнется, и лишь только снег безмолвно валит хлопьями на землю. Павел бранит слуг, запрещает пускать кого бы то ни было, возвращается пламеннее прежнего к встревоженной графине; но прошло несколько минут, и стучатся в третий раз, еще сильнее, продолжительнее. «Нет, полно! — закричал он вне себя от ярости. — Я доберусь, что тут за привидение; это какая-нибудь штука». Вбегая в прихожую, он видит край плаща, который едва успел скрыться за затворяемую дверь; опрометью накидывает он шинель, хватая трость, бежит на двор и слышит стук калитки, которая лишь только захлопнулась за кем-то. «Стой, стой, кто ты таков?» — кричит вслед ему Павел и, выскочив на улицу, издали видит высокого мужчину, который как будто останавливается, чтоб поманить ему рукою, и скрывается в боковой переулок. Нетерпеливый Павел за ним следует, кажется, нагоняет его; тот снова останавливается у боковой улицы, манит и исчезает. Таким образом юноша следит за незнакомцем из улицы в улицу, из закоулка в закоулочек и наконец находит себя по колена в сугробе между низенькими домами, на распутии, которого никогда отроду не видывал; а незнакомец пропал безо всякого следа. Павел остолбенел, и, признаюсь, никому бы не завидно, пробежав несколько верст, очнуться в снегу в глухую полночь у черта на куличках²⁰. Что делать? идти? — заплутаешься; стучаться у ближних ворот? — не добудишься. К неожиданной радости Павла проезжают сани. «Ванька!»²¹ — кричит он. — Вези меня домой в такую-то улицу». Везет послушный Ванька невесть по каким местам, скрипит снег под санями, луна во вкусе Жуковского неверно светит путникам сквозь облака летучие²². Но едут долго, долго, все нет места знакомого; и наконец вовсе выезжают из города. Павлу пришли, естественно, на мысль все старые рассказы о мертвых телах, находимых на Волковом поле, об извозчиках, которые там режут седоков своих, и т. п. «Куда ты везешь меня?» — спросил он твердым голосом; не было ответа. Тут при свете луны он захотел всмотреться в жестяной билет извозчика и, к удивлению, заметил, что на этом билете не было означено ни части, ни квартала; но крупными цифрами странной формы и отлива написан был № 666, число Апокалипсиса²³, как он позднее вспомнил.

Укрепившись в подозрении, что он попал в руки недобрые, наш юноша еще громче повторил прежний вопрос и, не получив отзыва, со всего размаху ударил своей палкою по спине извозчика. Но каков был его ужас, когда этот удар произвел звон костей о кости, когда мнимый извозчик, оборотив голову, показал ему лицо мертвого остова²⁴ и когда это лицо, страшно оскалив челюсти, произнесло невнятным голосом: «Потише, молодой человек; ты *не с своим братом* связался». Несчастный юноша только имел силу сотворить знамение креста, от которого давно руки его отвыкли. Тут санки опрокинулись, раздался дикий хохот, пронесся страшный вихрь; экипаж, лошадь, ямщик — все сравнялось с снегом, и Павел остался один-одинехонек за городской заставою, еле живой от страха.

На другой день юноша лежал изнеможенный на кровати в своей комнате. Подле него стоял добрый престарелый дядька и, одной рукою держа вялую руку господина, часто отворачивался, чтобы стереть другою слезу, украдкой намернувшуюся на подслепую зеницу его. «Барин, барин, — говорил он, — недаром докладывал я вашей милости, что не бывать добра от ночной гульбы. Где вы пропадали? Что это с вами сделалось?» Павел не слышал его: он то дикими глазами глядел по несколько времени в угол, то впадал в дремоту, впросонках дрожал и смеялся, то вскакивал с постели как сумасшедший, звал имена женские, потом опять бросался лицом на подушки. «Бедный Павел Иванович! — думал про себя дядька. — Господь его помилуй, он, верно, ума лишился» — и в порыве добросердечия, улучив первую удобную минуту, побежал за врачом. Врач покачал головою, увидя больного, не узнававшего окружающих, и ощутив лихорадочный пульс его. Наружные признаки противоречили один другому, и по ним ничего нельзя было заключить о болезни: все подавало повод думать, что ее причина крылась в душе, а не в теле. Больной почти ничего не вспоминал о прошедшем; душа его, казалось, была замучена каким-то ужасным предчувствием. Врач, убежденный верным дядькою, с ним вместе не отходил целый день от одра юноши; к вечеру состояние больного сделалось отчаянно; он метался, плакал, ломал себе руки, говорил о Вере, о Васильевском острове, звал на помощь, к кому и кого, Бог весть, хватал шапку, рвался в дверь, и соединенные усилия врача и слуги едва смогли удержать его. Сей ужасный кризис продолжался за полночь; вдруг больной успокоился — ему стало легче; но силы душевные и телесные совершенно были убиты борьбою; он погрузился в мертвый сон, после коего прежний кризис возобновился.

Припадок одержал юношу полные трое суток с переменчивою силою; на третье утро, начиная чувствовать в себе более крепости, он вставал с постели, когда ему сказали, что в прихожей дожидается ста-

рая служанка вдовы. Сердце не предвещало ему доброго; он вышел; старушка плакала навзрыд. «Так! Еще несчастье! — сказал Павел, подходя к ней. — Не мучь меня, голубушка; все скорее выскажи». — «Барыня приказала долго жить, — отвечала старушка, — а барышне Бог весть, долго ли жить осталось». — «Как? Вера? Что?» — «Не теряйте слов, молодой барин: барышне нужна помощь. Я прибрела пешком; коли у вас доброе сердце, едемте к ней сию минуту; она в доме священника церкви Андрея Первозванного²⁵». — «В доме священника? Зачем?» — «Бога ради, одевайтесь, все после узнаете». Павел окутался, и поскакали на Васильевский.

Когда он в последний раз видел Веру и мать ее, вдова уже давно страдала болезнью, которая при ее преклонных годах оставляла немного надежды на исцеление. Слишком бедная, чтобы звать врача, она пользовалась единственно советами Варфоломея²⁶, который кроме других сведений хвалился некоторым знакомством с медициною. Деятельность его была неутомима: он успевал утешать Веру, ходить за больною, помогать служанке, бегать за лекарствами, которые приносил иногда с такою скоростью, что Вера дивилась, где он мог найти такую близкую аптеку. Лекарства, доставленные им, хотя и не всегда помогали больной, но постоянно придавали ей веселости. И странно, что чем ближе подходила она к гробу, тем неотлучнее пребывали ее мысли прикованы к житейскому. Она спала и видела о своем выздоровлении; а там — как ее дети Варфоломей и Вера пойдут под венец и начнут жить да поживать благополучно, боялась, не будет ли этот домик тесен для будущей семьи, удастся ли найти другой поближе к городу, и проч., и проч. Мутная невыразительность кончины была в ее глазах, когда она, подзвав будущих молодых к своей постели, с какою-то нелепою улыбкою говорила: «Не стыдись, моя Вера, поцелуйся с женихом своим; я боюсь ослепнуть, и тогда уже не удастся мне смотреть на ваше счастье». Между тем рука смерти все более и более тяготела над старухою: зрение и память час от часу тупели. В Варфоломее незаметно было горести; может быть, самые хлопоты, непрерывная беготня помогали ему рассеяться. Веру же тревожили размышления об матери, как и о самой себе. Какой невесте не бывает страшно перед браком? Однако она всячески старалась успокоить себя. «Я согрешила перед Богом, — думала девица, — не знаю, почему я сперва почла Варфоломея за лукавого, за злого человека. Но он гораздо лучше Павла; посмотрите, как он старается о матушке: сам себя, бедный, не жалеет — стало, он не злой человек». Вдруг мысли ее туманились. «Он крутого нрава, — говорила она себе, — когда чего не хочет и скажешь ему: Варфоломей, Бога ради это сделайте, — он задрожит и побледнеет. Но, — продолжала Вера, мизинцем

стирая со щеки слезинку, — ведь я сама не ангел; у всякого свой крест и свои пороки: я буду исправлять его, а он меня». Тут приходили ей на ум новые сомнения: «Он, кажется, богат; честными ли он средствами добыл себе деньги? Но это я выпрошу; ведь он меня любит». Так утешала себя добрая, невинная Вера; а старухе между тем все хуже да хуже. Вера сообщила свой страх Варфоломею, спрашивала даже, не нужно ли призвать духовника; но он горячился и сурово отвечал: «Хотите ускорить кончину матушки? Это лучший способ. Болезнь ее опасна, но еще не отчаянна. Что ее поддерживает? Надежда исцелиться. А призовем попа, так отнимем последнюю надежду». Робкая Вера соглашалась, побеждая тайный голос души; но в этот день — и заметьте, это было на другой день рокового свидания Павла с прелестною графиней — опасность слишком ясно поразила вешнее сердце дочери. Отозвав Варфоломея, она ему сказала решительным голосом: «Царем Небесным зачинаю вас, не оставьте матушку умереть без покаяния: Бог знает, проживет ли она до завтра», — и упала на стул, заливаясь слезами. Что происходило тогда в Варфоломее? Глаза его катались, на лбу проступал пот, он силился что-то сказать и не мог выговорить. «Девичье малодушие, — пробормотал он напоследок. — Ты ничему не веришь... Вы, сударыня, не верите моему знанию медицины... Пойдите... у меня есть знакомый врач, который больше меня знает... жаль, далеко живет он». Тут он схватил руку девицы и, подведя ее стремительно к окну, показал на небо, не поднимая глаз своих: «Смотрите; там еще не явится первая звезда, как я буду назад, и тогда решимся; обещаете ли только не звать духовника до моего прихода?» — «Обещаю, обещаю». Тогда послышался протяжный вздох из спальни. «Спешите, — закричала Вера, бросаясь к дверям ее, потом оборотилась, взглянула еще раз с умилением грусти неописанной на вкопанного и, махнув ему рукою, повторила: — Спешите, ради меня, ради Бога». Варфоломей скрылся.

Мало-помалу зимний небосклон окутывался тучами, а в больной жизнь и тление выступали впоследствии на смертный поединок. Снег начинал падать; порывы летучего ветра заставляли трещать оконницы. При малейшем хрусте снега Вера подбегала к окну смотреть, не Варфоломей ли возвращается; но лишь кошка мяукала, галки клевались на воротах и калитку ветер отворял и захлопывал. Ночь с своей черной пеленою приспела преждевременно; Варфоломея нет как нет, и на своде небесном не блещет ни одной звезды. Вера решила послать по духовника старую служанку; долго не возвращалась она, и немудрено, потому что не было ни одной церкви ближе Андрея Первозванного²⁷. Но хлопнула калитка, и вместо кухарки явился Варфоломей, бледный и расстроенный. «Что? надежды нет?» — прошептала Вера. «Мало, — сказал он глухим голо-

сом, — я был у врача; далеко живет он, много знает...» — «Да что же говорит он, Бога ради?» — «Что до того нужды?.. За попом теперь посылать время. А! вижу; вы послали уже... туда и дорога!» — сказал он с какой-то сухостью, в которой обнаруживалось отчаяние.

Через несколько времени, уже в глухую ночь, старая служанка прибрела с вестью, что священника нет дома, но, когда воротится, ему скажут, и он тотчас придет к умирающей. Об этом решили предварить ее. «С умом ли вы, дети, — сказала она слабо, — неужто я так хвора? Вера! Что ты хныкаешь? Вынеси лампаду; сон меня поправит». Дочь лобызала руку матери, а Варфоломей во все время безмолвствовал поодаль, уставив на больную глаза, которые, когда лампада роняла на них свое мерцание, светились как уголья.

Вера с кухаркою стояли на коленях и молились. Варфоломей, лоямая себе руки, беспрестанно выходил в сени, жалуясь на жар в голове. Через полчаса он вошел в спальню и как сумасшедший выбежал оттуда с вестью: «Все кончено!». Не стану описывать, что в сию минуту почувствовала Вера! Однако сила ее духа была необычайная. «Боже! Это воля Твоя!» — произнесла она, поднимая руки к Небу; хотела идти; но телесные силы изменили, она полумертвая опустилась на кресла, и не стало бы несчастной, если б внезапный поток слез не облегчил ее стесненной груди. Между тем старуха, воя, обмыла труп, поставила свечу у изголовья и пошла за иконою; но тут же от усталости ли, от иной ли причины забылась сном неодолимым. В эту минуту Варфоломей подошел к Вере. У самого беса растаяло бы сердце: так она была прелестна в своей горести. «Ты меня не любишь, — воскликнул он страстно, — я с твоею матерью потерял единственную опору в твоём сердце». Девуцу испугало его отчаяние. «Нет, я тебя люблю», — отвечала она боязливо. Он упал к ногам ее. «Клянись, — говорил он, — клянись, что ты моя, что любишь меня более души своей». Вера никогда не ожидала б такой страсти в этом холодном человеке. «Варфоломей, Варфоломей, — сказала она с робкою нежностью, — забудь грешные мысли в этот страшный час; я поклянусь, когда схороним матушку, когда священник в храме Божиим нас благословит...». Варфоломей не выслушал ее и как иступленный ну молоть околесную: уверял, что это все пустые обряды, что любящим не нужно их, звал ее с собою в какое-то дальнее отечество, обещал там осыпать блеском княжеским²⁸, обнимал ее колена со слезами. Он говорил с такую страстью, с таким жаром, что все чудеса, о которых рассказывал, в ту минуту казались вероятными. Вера уже чувствовала твердость свою скудеющей, опасность пробудила ее силу душевную; она вырвалась и побежала к дверям спальни, где думала найти служанку; Варфоломей заступил

ей дорогу и сказал уже с притворною холодностью, с глазами свирепыми: «Послушай, Вера, не упрячься; тебе не добудиться ни служанки, ни матери: никакая сила не защитит тебя от моей власти». — «Бог защитник невинных», — закричала бедняжка, в отчаянии бросаясь на колени пред Распятием. Варфоломей остолбенел, его лицо изобразило бессильную злобу. «Если так, — возразил он, кусая себе губы, — если так... мне, разумеется, с тобою делать нечего; но я заставлю твою мать сделать тебя послушною». — «Разве она в твоей власти?» — спросила девица. «Посмотри», — отвечал он, уставивши глаза на полуотворенную дверь спальни, и Вере привиделось, будто две струи огня текут из его глаз и будто покойница при мерцании свечи нагоревшей приподнимает голову с мукою неописанной и иссохшею рукою машет ей к Варфоломею. Тут Вера увидела, с кем имеет дело. «Да воскреснет Бог! И ты исчезни, окаянный», — вскрикнула она, собрав всю силу духа, — и упала без памяти.

В этот миг словно пушечный выстрел пробудил спящую служанку. Она очнулась и в страхе увидела двери отворенными настежь, комнату в дыму и синее пламя, разбегавшееся по зеркалу и гардинам, которые покойница получила в подарок от Варфоломея. Первое ее движение было схватить кувшин воды, в углу стоявший, и выплеснуть на пол; но огонь заклокотал с удвоенною яростию и опалил седые волосы кухарки. Тут она без памяти вбежала в другую комнату с криком: «Пожар, пожар!». Увидя свою барышню на полу без чувства, схватила ее в охапку и, вероятно, получив от страха подкрепление своим дряхлым силам, вытащила ее на мост за ворота. Близкого жилья не было, помощи искать негде; пока она оттирала снегом виски полумертвой, пламя показалось из окон, из труб и над крышею. На зарево прискакала команда полицейская с ведрами, ухватами: ибо заливные трубы еще не были тогда в общем употреблении²⁹. Сбежалась толпа зрителей, и в числе их благочинный церкви Андрея Первозванного, который шел с дарами посетить умирающую. Он не был в особенных ладах с покойницей и считал ее за дурную женщину; но он любил Веру, о которой слышал много хорошего от дочери, и, соболезнуя несчастью, обещал деньги пожарным служителям, если успеют вытащить тело, чтобы доставить покойнице хоть погребение христианское. Но не тут-то было. Огонь, разносимый вьюгою, презирал все действие воды, все усилия человеческие; один полицейский капрал из молодцов задумал было ворваться в комнаты, дабы вынести труп; но пробыл минуту и выбежал в ужасе; он рассказывал, будто успел уже добраться до спальни и только что хотел подойти к одру умершей, как вдруг прыгнула сверху обрзина сатанинская, часть потолка с ужасным треском провалилась и

он только особенною милостию Николы Чудотворца уберег на плечах свою головушку, за что обещал тут же поставить полтинную³⁰ перед его образом. Между собою зрители толковали, что он трус и упавшее бревно показалось ему бесом; но капрал остался тверд в своем убеждении и до конца жизни проповедовал в шинках, что на своем веку лицезрел во плоти нечистого со хвостом, рогами и большим горбатым носом, которым он раздувал поломя, как мехами в кузнице. «Нет, братцы, не приведи вас Бог увидеть окаянного». Сим красноречивым обетом наш гений всегда заключал повесть свою, и хозяин, в награду его смелости и глубокого впечатления, произведенного рассказом на просвещенных слушателей, даром подносил ему полную стопу чистейшего пенника³¹.

Итак, невзирая на все старания команды, которой деятельным усилиям в сем случае потомство должно, впрочем, отдать полную справедливость, уединенный домик Васильевского острова сгорел до основания, и место, где стоял он, не знаю почему, до сих пор остается незастроенным. Престарелая служанка, при пособии благочинного с причетом приходским, воскресив Веру из обморока, нашла с нею убежище в доме сего достойного пастыря. Пожар случился столь нечаянно и все обстоятельства оною были так странны, что полиция нашла нужным о причинах его учинить подробное исследование. Но как подозрение не могло падать на старую служанку, а еще менее на Веру, то зажигателем, ясно, оказался Варфоломей. Описали его приметы, искали его явным и тайным образом не только во всех кварталах, но и во всем уезде Петербургском; но все было напрасно: не нашли и следов его, что было тем более удивительно, что зимою нет судоходства и, следственно, ему никакой не было возможности тихонько отплыть на иностранном корабле в чужие края. Неизвестно, до чего могло бы довести долгое исследование; но благочинный, любя Веру душевно и не зная, до какой глубины могли простираться ее связи с этим человеком, благоразумно употребил свое влияние, дабы потушить дело и не дать ему большей гласности.

Таким образом, Павел, за которым послали на третий день, узнав от старухи дорогою, что было ей известно из цепи несчастных приключений, нашел юную свою родственницу больную в жилище отца Иоанна. Гостеприимное семейство пригласило его остаться там до ее выздоровления. Ветреный молодой человек испытал в короткое время столько душевных ударов и сокровенные причины их оставались в таком ужасном мраке, что сие произвело действие неизгладимое на его воображение и характер. Он остепенился и нередко впадал в глубокую задумчивость. Он забывал и прелести таинственной графини, и бурные веселия юности, сопряженные с такими пагубными последствиями.

Одно его моление к Небу состояло в том, чтобы Вера исцелилась и он мог служить для ней образцом верного супруга. В минуты уединенного свидания он решался предлагать ей свои мысли; но она, впрочем оказывая ему сестрину доверчивость, с неизменною твердостью отвергала их. «Ты молод, Павел, — говорила она, — а я отцвела мой век; скоро примет меня могила, и там Бог милосердный, может быть, пошлет мне прощение и спокойствие». Эта мысль ни на час не оставляла Веру; притом ее, кажется, мучило тайное убеждение, что она своею слабостью допустила злодея совершить погибель матери в сей, а может быть — кто знает? — и в будущей жизни. Никакое врачество не могло возвратить ей ни веселости, ни здоровья. Поблекла свежесть ланит ее — небесные глаза, утратив прежнюю живость, еще пленяли томным выражением грусти, угнетавшей душу ее прекрасную. Весна не успела еще украсить луга новою зеленью, когда сей цветок, обещавший пышное развитие, сокрылся невозвратно в лоне природы восприимлющей.

Надобно догадываться, что Вера пред кончиною кроме духовного отца поверила и Павлу те обстоятельства последнего года своей жизни, которые могли быть ей одной известными. Когда она скончалась, юноша не плакал, не обнаруживал печали. Но вскоре потом он оставил столицу и, сопровождаемый престарелым слугою, поселился в дальней вотчине. Там во всем околотке слыл он чудаком и в самом деле показывал признаки помешательства. Не только соседи, но самые крестьяне и слуги после его приезда ни разу не видали его. Он отрастил себе бороду и волосы, не выходил по три месяца из кабинета, большую часть приказаний отдавал письменно, и то еще, когда положат на его стол бумагу к подписанию, случалось, что он вместо своего имени возвратит ее с чужою, странною подписью. Женщин не мог он видеть, а при внезапном появлении высокого белокурого человека с серыми глазами приходил в судороги, в бешенство³³. Однажды, шагая по своему обыкновению по комнате, он подошел к двери в то самое время, как Лаврентий отворил ее неожиданно, чтоб доложить ему о чем-то. Павел задрожал. «Ты — не я уморил ее», — сказал он отрывисто и через неделю просил прощенья у старого дядьки, ибо вытолкнул его так неосторожно, что тот едва не проломил себе затылок о простенок³². «После этого, — говорил Лаврентий, — я всегда прежде постучусь, а потом уже войду с докладом к его милости».

Павел умер, далеко не дожив до старости. Повесть его и Веры известна некоторым лицам среднего класса в Петербурге, чрез которых дошла и до меня по изустному преданию. Впрочем, почтенные читатели, вы лучше меня рассудите, можно ли ей поверить и откуда у чертей эта охота вмешиваться в людские дела, когда никто не просит их?

Примечания

¹ Согласно гипотезе Л. С. Зингера, заглавие могло принадлежать Пушкину, предвосхищая «Домик в Коломне» (*Зингер Л. С. Судьба одного устного рассказа // ВЛ. 1979. № 4. С. 208*). Существует также предположение, что это заглавие было предложено Титову А. А. Дельвигом (см.: *Фомичев С. А. Владимир Павлович Титов (1807—1891) // Русская фантастическая проза эпохи романтизма: (1820—1840 гг.). Л., 1990. С. 605*), который был очень доволен повестью и заинтересован в ее публикации (см.: *Вацуро В. Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978. С. 148*). Сама тема «Уединенного домика...» была ему близка: по свидетельству П. А. Вяземского, Дельвиг обдумывал создание сюжета, повествующего о драматической истории простого семейства, живущего в «одноэтажном низеньком домике с садиком» на Петербургской стороне (*Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. 8. С. 443—446*; как предполагал Б. В. Томашевский, о том же замысле упоминал Пушкин в своем «<Отрывке из воспоминаний о Дельвиге>» (1834—1836) — *Томашевский Б. В. А. А. Дельвиг // Дельвиг А. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1959. С. 29* (Б-ка поэта; Большая серия)).

² Васильевский остров — самый крупный остров в Невской дельте. Его западная сторона обращена к Финскому заливу, с юга остров омывает Большая Нева, с севера — Малая. В конце XVIII — начале XIX в. топография Васильевского острова действительно отличалась неоднородностью. В середине 1710-х гг. Петр I задумал разместить на Васильевском острове административный центр города и парадную царскую резиденцию. Участки на берегу Большой Невы отдавались под застройку лишь самым состоятельным гражданам. Здесь же размещались основные научные и учебные учреждения: Кунсткамера, Академия наук, Санкт-Петербургский университет, Академия художеств, Горное училище (ныне — Горный институт) и пр. К середине XVIII в., однако, административный центр столицы постепенно перемещался с Васильевского острова на левобережную (материковую) сторону, а масштабы строительства на острове сужались. По мере удаления от Большой Невы богато застроенная часть острова сменялась предместьями, а затем переходила в практически не обжитый пригород (подробнее см.: *Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: В 3 т. СПб., 2001. Т. 1, кн. 1. С. 163—166* (статья Г. Ю. Никитенко)).

³ Петровский (в начале XVIII в. — Столбовой) остров лежит в устье Малой Невы, между Васильевским и Фоминым островом (Петербургской стороной). По мнению А. А. Ахматовой, «северная сторона» — это остров Голодай (ныне остров Декабристов), входивший в Васильевскую часть (см.: *Ахматова А. А. Пушкин и Невское взморье // Ахматова А. А. Собр. соч.: В 6 т. М., 2002. Т. 6. С. 184*). По преданию, здесь были похоронены казненные декабристы (подробнее см.: *Невелев Г. А. «Истина сильнее царя...»: (А. С. Пушкин в работе над историей декабристов). М., 1985. С. 135—136*), чем, как считала исследовательница, и объясняется сравнение описываемого пейзажа с могилой. Ахматова, таким образом, настаивала на

принадлежности вводной части повести не Титову, а Пушкину, связывая ее «географию» с размышлениями поэта о судьбе погибших декабристов и его поисками места их захоронения (подробнее см.: *Ахматова А. А.* Пушкин и Невское взморье. С. 184—195). По мысли Ахматовой, это же место послужило прототипом напоминающей пейзаж «Уединенного домика» картины «печального острова» в пушкинском стихотворном отрывке «Когда порой воспоминанье...» (1830), а также завершающего поэму «Медный всадник» описания «острова малого», где был похоронен Евгений (Там же. С. 185—187). Последнее утверждение было поддержано Ю. Б. Боровым (*Борев Ю. Б.* Искусство интерпретации и оценки: Опыт прочтения «Медного всадника». М., 1981. С. 341) и оспорено А. Е. Тарховым и Н. В. Измайловым, считавшими, что описанию могилы Евгения в «Медном всаднике» в большей степени отвечает топография не острова Голодай, а находившегося рядом острова Вольный (*Тархов А. Е.* Повесть о петербургском Иове // Наука и религия. 1977. № 2. С. 64; *Пушкин А. С.* Медный всадник / Изд. подгот. Н. В. Измайлов. Л., 1978. С. 270 (Лит. памятники); с их мнением формально согласился Г. А. Невелев, допуская, однако, вероятность версии, предложенной Ахматовой (см.: *Невелев Г. А.* «Истина сильнее царя...». С. 133—134). Трактовка вводной части «Уединенного домика» как описания пути к могиле декабристов была принята А. Ю. Черновым (*Чернов А. Ю.* Скорбный остров Гоноропуло: Путешествие. М., 1990. С. 15—17). На принадлежности данного фрагмента Пушкину настаивал А. Коджак. По его мнению, «описание северной части Васильевского острова настолько подробно, что слушатель как бы следует за рассказчиком пешком по этой окраине. <...> Во всяком случае, окраины могли быть известны только Пушкину, а не Титову, недавно приехавшему из Москвы, и, следовательно, последний перedal описание ландшафта совершенно вслепую, но тем не менее точно» (*Коджак А.* Устная речь Пушкина в записи Титова // *American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists. Warsaw, August 21—27. 1973. Warsaw, 1973. Vol. 2. P. 324*). Сходная точка зрения была высказана Р. Шульцем (см.: *Шульц Р.* Пушкин и Книдский миф. München, 1985. С. 67).

Иного мнения придерживался Б. В. Томашевский, сближавший пейзаж из «Уединенного домика» с вступительным (а не завершающим, как считала А. А. Ахматова) описанием окраин Петербурга в «Медном всаднике», а также с «Домиком в Коломне» (см.: *Томашевский Б. В.* Петербург в творчестве Пушкина // Пушкинский Петербург. Л., 1949. С. 26—27). Ю. М. Лотман соглашался с Томашевским, сомневаясь, что вводную часть повести правомерно связывать с декабристской тематикой. По словам исследователя, «Уединенный домик» «не был произведением конспиративным: Пушкин публично читал его по крайней мере дважды в обществе. Место захоронения декабристов, окруженное глубокой тайной, было сюжетом, категорически запрещенным». Кроме того, «описание места трагического мемориала в повести, которой развлекают дам», представлялось Лотману неуместным, с чем нельзя не согласиться. Частичное же сходство «Медного всадника» и «Домика в Коломне» с «Уединенным домиком», свидетельствует, по мнению исследователя, не о принадлежности последнему Пушкину, но о «устойчивой

жанровой традиции» (*Лотман Ю. М. Пушкин и М. А. Дмитриев-Мамонов // Тыняновский сборник: Четвертые тыняновские чтения. Рига, 1990. С. 57—58*). Об этом косвенно свидетельствует близость открывающего повесть пейзажа началу «Бедной Лизы» Н. М. Карамзина и описанию городских окраин в повести А. Погорельского «Лафертовская маковница» (Там же. С. 58).

⁴ Рассказчик относит действие повести к концу XVIII в. Ее стилистический строй также содержит в себе элементы архаичной, устаревшей для пушкинского времени речевой системы (см.: *Коджак А. Устная речь Пушкина в записи Титова. Р. 325—327; Виноградов В. В. Сюжет о «Влюбленном бесе» в творчестве Пушкина и повести Тита Космокротова (В. П. Титова) «Уединенный домик на Васильевском» // ПИМ. Л., 1982. Т. 10. С. 134*). А. Коджак (считавший «Уединенный домик» буквальной, «стенографической», записью новеллы Пушкина) видел здесь свидетельство стилизации поэтом своего рассказа, намеренного приближения к языку описываемой эпохи (см.: *Коджак А. Устная речь Пушкина в записи Титова. Р. 326—328, 336*). Пример подобной стилизации исследователь находил и в «Повестях Белкина» (речь шла о стиле письма соседа Белкина к издателю повестей) (Там же. Р. 326, подробный стилистический анализ: Р. 326—336). Коджак перечисляет также ряд сюжетных деталей повести, указывающих, по его мнению, на отнесенность действия к эпохе Екатерины II: «...муж у старухи служил в одной из Коллегий; гости у графини И. наряжены в высокие парики; убранство комнат выдержано в классическом стиле: занавесы висят на лавровых гирляндах, замененных графиней стрелами» (Там же. Р. 327). Этот перечень, однако, не дает достаточных оснований для сделанных исследователем выводов. В частности, «высокие парики», вероятнее всего, указывают не на моду XVIII в., а на демоническую сущность гостей графини, скрывающихся под париками рога, под шароварами — хвост, а под перчатками — когти. По мнению С. А. Фомичева, повесть Титова полностью лишена примет описываемой в ней эпохи (*Фомичев С. А. Владимир Павлович Титов. С. 608*). См. также ниже примеч. 19 и 29.

⁵ *Коллегии* — отраслевые органы исполнительной власти в России XVIII — начала XIX вв. (подробнее см., например: Три века Санкт-Петербурга. Т. 1, кн. 1. С. 269—270 (статья Г. В. Калашникова)).

⁶ Р. Шульц (*Шульц Р. Пушкин и Книдский миф. С. 72—73*) усматривает в описании быта обитателей уединенного домика сходство с рассказом Маргариты, героини «Фауста» И. В. Гете, повествующей возлюбленному о своей жизни (Ч. 1, сцена 12 («Сад»)):

Ja, unsre Wirtschaft ist nur klein,
Und doch will sie versehen sein.
Wir haben keine Magd; und kochen, fegen, stricken
Und nähen, und laufen früh und spat;
Und meine Mutter ist in allen Stücken
So akkurat!

<.....>

Mein Vater hinterließ ein hübsch Vermögen,
Ein Häuschen und ein Gärtchen vor der Stadt.
(Goethe I. W. Faust. 1. Urfaust. Faust. Ein Fragment.
Berlin, 1954. S. 101).

Да, хоть невелико
У нас хозяйство, все же нелегко
Его вести. Служанки нет: должна я
Варить, мести и шить; с рассвета на ногах...
А маменька во всем престокая такая
И аккуратна так, что просто страх!
<.....>
Отец покойный мой довольно был богат,
Оставил домик нам, а с ним и старый сад.

(Гете И. В. Фауст /

Пер. Н. А. Холодковского. М., 1962. С. 170).

⁷ «Четыи Минеи» («чтения ежемесячные») — сборники житий святых, расположенных по календарному принципу в соответствии с днями чествования церковью памяти каждого святого.

⁸ В традиционной народной культуре инородец или иноверец воспринимается, в частности, как носитель свойств потустороннего мира. Облик инородца принимают черт, водяной, леший; он обладает темной душой или вообще ее лишен. «Инородцам и чертям приписывают сходное поведение», а в представлениях об иноверцах доминирует «мотив праведности своей веры и греховности чужой» (Белова О. В. Инородец // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 414—418, цитата: С. 415—416). Традиция изображения «бесовского» как «чужеземного» находит отражение и в древнерусской литературе (подробнее см.: Рязановский Ф. А. Демонология в древнерусской литературе. М., 1916. С. 51), в частности — в «Повести о Савве Грудцыне», с которой сравнивали «Уединенный домик» (см.: Фомичев С. А. Пушкин рассказывает... // Фомичев С. А. Праздник жизни: Этюды о Пушкине. СПб., 1995. С. 132; Шульц Р. Пушкин и Книдский миф. С. 69).

⁹ Внутренний холод мог атрибутироваться дьяволу: например, в «Божественной комедии» Данте («Ад», XXXIV) Сатана изображен наполовину вмерзшим в лед ада, символизирующий «холод нелюбви» (Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 1. С. 39 (статья С. С. Аверинцева)).

¹⁰ Галль Франц Иосиф (Gall; 1758—1828) — австрийский врач, создатель френологии — учения о соотношении между психологическими и физическими свойствами человека и наружной формой его черепа. Пушкин иронически упоминает его в черновиках «Графа Нулина» (1825): «Граф местной памяти орган / Имел по Галевой примете...» (Акад. Т. 5. С. 171). Согласно учению Ф. И. Галля, орган высокомерия «означен на задней конечности стрелообразного края темянных костей. У людей виден позади самой макушки головы» (Пузино П. И. Краткое

начертание Галловой системы, или Наука о мозговых отправлениях. СПб., 1817. С. 52).

¹¹ Ахматова сопоставляла эпизод с участием косоногого с содержанием записки Пушкина от января — середины октября 1828 г. (?) к Н. В. Путьте (1802—1877) с просьбой быть посредником в намечавшейся дуэли поэта с секретарем французского посольства в Петербурге (1823—1825, 1828—1834) Т.-Ж. де Лагрэнэ (Lagrenée; 1800—1862): «Вчера, когда я подошел к одной даме, разговаривавшей с г-ном де Лагрэнэ, последний сказал ей достаточно громко, чтобы я его улышал: прогоните его. Поставленный в необходимость потребовать у него объяснений по поводу этих слов, прошу вас, милостивый государь, не отказать посетить г-на де Лагрэнэ для соответственных с ним переговоров» (Акад. Т. 14. С. 32, 391; оригинал по-франц.) (Ахматова А. А. Пушкин в 1828 году <Уединенный домик на Васильевском> // Ахматова А. А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. С. 159).

¹² Имеется в виду эпизод легенды о Дон Жуане, послужившей основой ряда произведений, например комедии Ж. Б. Мольера (Molière) «Dom Juan, ou le Festin de Pierre» (пост. 1665, изд. 1683; традиционный перевод заглавия в 1810-х гг. — «Дон Жуан, или Каменный гость»; дословный перевод второй части заглавия — «Каменный пир») (явление статуи Командора — д. 4, явл. 12) и оперы В. А. Моцарта «Наказанный развратник, или Дон Жуан» («Il Dissoluto punito, ossia Il Don Giovanni», 1787). Сюжет о Дон Жуане был разработан Пушкиным в трагедии «Каменный гость» (1830) (подробнее см.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. (в печати) Т. 7. С. 823—825, 831—834, коммент. В. Е. Багно, М. Н. Виролайнен).

¹³ Ахматова сравнивала описание интерьера комнаты демонической графини с изображением кабинета княгини Нины в поэме Е. А. Баратынского «Бал» (1828):

Его любимые картины
У ней являлися. Не раз
Блистали новые уборы
В ее покоях, чтоб на час
Ему прельстить, потешить взоры.
Был втайне убран кабинет,
Где сладострастный полусвет,
Богинь роскошных изваянья,
Курений сладких легкий пар —
Животворили все желанья,
Вливая в сердце томный жар.

(Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1957. С. 253
(Б-ка поэта; Большая серия)).

Как полагала Ахматова, образы княгини Нины и графини И. связаны общим прототипом: им послужила А. Ф. Закревская, предмет увлечения как Баратынского, так и Пушкина. Тем самым, по мысли исследовательницы, соответствующий фрагмент «Уединенного домика» необязательно восходит к «Балу», а представляет собой «воспоминание двух любовников

вамп-Закревской об ее покаях, где она их принимала. Это объяснение, которое начинается *возле трюмо*, которое замыкало анфиладу <...> дьявольски выпадает из топорной прозы Титова. Оно в самом деле *существовало*» (Ахматова А. А. Пушкин в 1828 году. С. 161). Последнее утверждение вызвало возражения И. П. Смирнова, заметившего, что «мотив зеркала, выступающего как метафора инобытия (не забудем, что Павел объясняется с чертовкой), — это один из штампов фантастической прозы романтической и предромантической поры» (Смирнов И. П. «Уединенный домик на Васильевском» и «Повесть о Савве Грудцыне» // ПИМ. Л., 1979. Т. 9. С. 209). Л. С. Зингер также сомневался в том, что прототипом демонической графини стала именно А. Ф. Закревская: она «приехала в Петербург летом 1828 г., то есть, по-видимому, уже после того, как рассказ Пушкина был записан Титовым» (Зингер Л. С. Судьба одного устного рассказа. С. 212). Биографическую гипотезу Ахматовой поддержал Р. Шульц. Сам исследователь рассматривал любовный треугольник «Вера — Павел — графиня И.» как литературную вариацию так называемого «книдского мифа» — «бродачего сюжета о разъединении мужчины и женщины потусторонними силами. Этот миф возник в начале н. э. на полуострове Книд <...> где <...> была воздвигнута Праксителива статуя Афродиты» (Шульц Р. Пушкин и Книдский миф. С. 9). В роли антагониста, разделяющего влюбленных, зачастую выступала сама Афродита, или Венера, «превратившаяся в Средние века в злого демона любви» (Там же. С. 11). В этом отношении Шульц считает примечательным тот факт, что Пушкин в 1828 г. именует Закревскую «медной Венерой» (письмо к П. А. Вяземскому от 1 сентября 1828 г. — Акад. Т. 14. С. 26) и перерисовывает ее портрет в зеркальном отражении (см. об этом: Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. М., 1986. С. 204—205).

¹⁴ Согласно одному из греческих мифов, Зевс, влюбившись в финикийскую царевну Европу, похитил ее, приняв образ быка. На его спине Европа переплыла море и попала на Крит, где она разделила с Зевсом ложе и родила ему сыновей.

¹⁵ *Амплификация* (amplificatio — распространение, расширение (лат.)) — ораторский и стилистический прием нагнетания во фразе эпитетов, образов, синонимов, сравнений для усиления действия речи на читателя или слушателя.

¹⁶ По мнению Ю. М. Лотмана, «каламбурный эффект» этой сцены: «светские гости проигрывают в карты крепостные души, а черти ведут игру на человеческие души», — принадлежит скорее Пушкину, чем Титову (Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий // Лотман. Пушкин. С. 684).

¹⁷ А. Б. Ботникова (Ботникова А. Б. Э. Т. А. Гофман и русская литература (первая половина XIX века): К проблеме русско-немецких литературных связей. Воронеж, 1977. С. 93) усматривает в сновидении Павла сходство с образами, преследующими героиню повести Э. Т. А. Гофмана (Hoffmann; 1776—1822) «Магнетизер» (1814), которая испытывает страх при виде цветущих лилий: «So hatte ich einen solchen Abscheu gegen lilien, das ich jedes Mal ohnmächtig wurde, sobald, mar es auch in weiter Ferne, eine blühte;

denn aus ihren Kelchen sah ich glatte, glänzende, züngelnde Basiliske auf mich zuspringen» (*Hoffmann E. T. A. Der Magnetiseur: Eine Familienbegebenheit // Hoffmann E. T. A. Phantasienstücke in Callot's Manier. Berlin, 1827. S. 217*) («Так, я чувствовала такое отвращение к лилиям, что мне каждый раз становилось дурно, как только, хрупкая, далеко вдали, одна из них расцвела; потому что я видела, как изнутри ее чашечки на меня выскакивают гладкие, лоснящиеся, извивающиеся василиски» — *нем.*). Примечательно, что в переводе Д. В. Веневитинова упоминание о василисках в этом месте отсутствует; ср.: «...я получила такое отвращение от лилий, что, увидев этот цветок, всегда падала в обморок» (МВ. 1827. Ч. 5, № 19. С. 286). Таким образом, возможное сходство данного фрагмента с текстом Гофмана говорит скорее в пользу авторства Титова, а не Пушкина, по всей вероятности не знакомого с немецким оригиналом.

¹⁸ Связь с образом змея, являющегося Павлу во сне, указывает на демоническую природу Варфоломея. Традиционное «представление о змее как существе нечистом и враждебном восходит к библейско-христианской традиции, рассматривающей змею как воплощение сатаны» (*Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 280—282, цитата: С. 280*). В Откровении Иоанна Богослова дьявол именуется «древним змием» — Откр. 12:9). В изданной в 1803 г. на русском языке книге В. Франца разъяснение смысла этого именованья (отсылающего к библейскому мифу о том, как сатана соблазнил Еву, приняв змеиный облик) сопровождается детальным сравнением повадок змей и дьявольских уловок (*[Франц В.] История о животных бессловесных, или Физическое описание известнейших зверей, птиц, рыб, земноводных, насекомых, червей и животнорастений, с присовокуплением нравоучительных уподоблений из природы их взятых / Пер. с лат. яз. М., 1803. Ч. 4. С. 29—32, 35, 37—38, 47—48*).

¹⁹ *Думская башня* на Невском проспекте возле Гостиного двора строилась по проекту архитектора Д. Феррари в 1799—1804 гг. Упоминание о ней является анахронизмом в повести, действие которой формально отнесено к концу XVIII в. (*Фомичев С. А. Владимир Павлович Титов. С. 608*).

²⁰ Автор обыгрывает устойчивое языковое выражение, означающее «где-то далеко, неведомо где» (*Михельсон М. И. Меткие и ходячие слова: Сб. русских и иностранных пословиц, изречений и выражений. СПб., 1894. С. 525; Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 4-е изд. / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртене. СПб.; М., 1914. Т. 2. Стб. 554*), которое приобретает здесь буквальный смысл: Павел в итоге действительно оказывается в гостях у черта.

²¹ *Ванька* — в XIX в. бытовое название городского извозчика (Быт пушкинского Петербурга: Опыт энциклопедического словаря. СПб., 2003. Т. 1. С. 240—241 (статья Е. В. Кардаш)).

²² По замечанию Н. Л. Степанова, в этой сцене «чувствуется явно пародийный оттенок, ироническая полемика с поэтикой ужаса, с кладбищенским романтизмом Жуковского», подчеркнутая непосредственной ссылкой на него (*Степанов Н. Л. Повесть, рассказанная Пушкиным //*

Степанов Н. Л. Поэты и прозаики. М., 1966. С. 134). Данная точка зрения была поддержана С. А. Фомичевым, который указал на сходство «лунного» пейзажа со ст. 15—16 баллады В. А. Жуковского «Светлана» (1808—1812): «Тускло светится луна / В сумраке тумана...» (*Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2008. Т. 3. С. 32*). По мнению исследователя, дальнейшее описание ночной поездки Павла с извозчиком-мертвецом представляет собою пародию на соответствующие эпизоды баллад Жуковского «Светлана» и «Людмила» (1808) (см.: *Фомичев С. А. Владимир Павлович Титов. С. 609*). Не исключено, что ирония автора повести вызвала негативную реакцию В. А. Жуковского, о чем упоминается в мемуарах А. И. Дельвига (вероятно, со слов А. А. Дельвига): «В “Северных цветах” 1829 г. была помещена повесть под заглавием: “Уединенный домик на Васильевском острове”, подписанная псевдонимом “Тит Космократов”, сочиненная В. Титовым (ныне членом Государственного Совета). Вскоре по выходе означенной книжки гуляли по Невскому проспекту Жуковский и Дельвиг; им встретился Титов. Дельвиг рекомендовал его, как молодого литератора, Жуковскому, который вслед за этой рекомендацией, не подозревая, что вышеупомянутая повесть сочинена Титовым, сказал Дельвигу: “Охота тебе, любезный Дельвиг, помещать в альманах такие длинные и бездарные повести какого-то псевдонима”. Это тем более было неловко, что Жуковский отличался особым добродушием и ко всем благоволил» (*Дельвиг А. И. Мои воспоминания. [М., 1912.] Т. 1. С. 58; см. также: П. в восп. Т. 2. С. 115—116*). По мнению Вяч. Вс. Иванова, описание облачного лунного пейзажа в «Уединенном домике» находит параллель в стихотворениях Пушкина «Зимняя дорога» (1826) и «Бесы» (1830) (*Иванов Вяч. Вс. Еще раз об «Уединенном домике на Васильевском» Пушкина // Звезда. 2001. № 6. С. 132*).

²³ 666 — число антихриста, согласно «Откровению Иоанна Богослова»: «Кто имеет ум, тот сочтет число зверя, ибо это число человеческое: число его шестьсот шестьдесят шесть» (Откр. 13:18).

²⁴ В. Ф. Ходасевич полагал, что эпизод ссоры Павла с извозчиком напоминает сцену вызова, который бросает герой «Медного всадника» памятнику Петра I: «Евгений только погрозил Всаднику, — Павел ударил извозчика палкой. Но в том, как ответили им и извозчик, и Всадник, есть одна существенная общая черта: оба медленно обратили головы и показали свои лица» (*Ходасевич В. Ф. Петербургские повести Пушкина // Аполлон. 1915. № 3. С. 44*).

²⁵ Имеется в виду собор во имя Святого Апостола Андрея Первозванного на Васильевском острове (ныне: Большой пр. В. О., 21—23). Его каменное здание было заложено в 1764 г. на месте сгоревшей деревянной церкви, построенной в 1728 г. Храм возводился по проекту архитектора А. Ф. Виста (1722—1794). Строительство было завершено в 1780 г. (*Павлов А. П. Храмы Санкт-Петербурга: Художественно-исторический очерк. Л., 1998. С. 56*).

²⁶ Влюбленный бес играет роль лекаря или сиделки, желая завоевать благодарностью героини и тем самым подчинить ее своему влиянию. Сходный сюжетный ход встречается в повести Д. В. Полидори «Вам-

пир», где демонический персонаж выхаживает главного героя. В обоих случаях «бес сначала заботится об излечении героя или героини от болезни (в которой часто сам же повинен), после чего доводит их до смерти <...> лечение здесь — синоним и способ обретения власти над героем <...> тогда как уничтожение происходит в тот момент, когда герой уже выполнил <...> роль, навязанную ему бесом» (*Китанина Т. А.* Сюжет о безумной невесте и влюбленном бесе // Сюжет и мотив в контексте традиции. Новосибирск, 1998. С. 139—140). Эта ситуация первоначально имела место в сюжете «Магнетизера» Э. Т. А. Гофмана (подробнее см.: Там же. С. 133—140).

²⁷ Собор Андрея Первозванного располагался в административной части Васильевского острова, тогда как домик Веры находился в противоположной стороне острова, у «последней возвышенности» перед взморьем; таким образом, расстояние было действительно весьма значительным.

²⁸ В Евангелии дьявол именуется «князем мира сего» (Ин. 12:31, 14:30, 16:11) или «князем бесовским» (Мк. 3:22; Мф. 9:34, 12:24; Лк. 11:15).

²⁹ Указы об обязательном наличии «брандмейстера, или огнегасительного мастера», а также заливных труб в пожарных командах Санкт-Петербурга были изданы при Екатерине II в 1782 и 1786 гг. В 1798 г. появился «Устав Столичного Города Санктпетербурга», согласно которому «город был разделен на части и кварталы, и на каждый квартал полагалось по одной малой и по две ручных трубы, а в каждой части — по две большие пожарные трубы» (*Чехов А. П.* Исторический очерк пожарного дела в России. СПб., 1892. С. 172—173, 178—179; о постановке пожарного дела в Санкт-Петербурге конца XVIII — начала XIX в. см. также: Быт пушкинского Петербурга. СПб., 2005. Т. 2. С. 183—186 (статья С. В. Денисенко и М. Н. Микишатева)). А. Коджак ссылается на эти факты как на свидетельство отнесенности событий повести к концу XVIII в. (*Коджак А.* Устная речь Пушкина в записи Титова. Р. 328).

³⁰ Имеется в виду церковная свеча достоинством в полтинник (50 копеек).

³¹ В России XVIII—XIX вв. *пенником* называли водку высшего качества, «полученную с применением тройной перегонки. Причем от третьей перегонки бралась только первая фракция, составлявшая 15—20% от всей выгонки. Она профильтровывалась через березовый уголь и разбавлялась чистой <...> водой в соотношении 100:24. “Пенник” стоил дорого, его могли позволить себе только состоятельные люди» (*Мирошниченко Л. Д.* Энциклопедия алкоголя. М., 1998. С. 363).

³² По мнению Ахматовой, затворническая жизнь Павла и симптомы его помешательства напоминают обстоятельства реальной биографии М. А. Дмитриева-Мамонова (см. выше, с. 393). Это предположение соответствует ахматовской интерпретации повести как произведения, имеющего скрытый декабристский смысл (подробнее см. выше примеч. 3). Данная гипотеза достаточно правдоподобна. П. А. Вяземский сообщил А. И. Тургеневу в письме от 20 сентября 1823 г., что Мамонов «шесть лет не выходил из своей комнаты в деревне и никого не видал, даже и слуг своих» (ОА. Т. 2. С. 347). Об избиении Мамоновым камердинера, нару-

шившего заведенный в доме порядок, сообщал П. Кичеев (см.: *Кичеев П. Из семейной памяти* // РА. 1868. № 1. Стб. 97—98; подробнее о политической подоплеке этого эпизода см.: *Лотман Ю. М. Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов — поэт, публицист и общественный деятель* // Тр. по русской и славянской филологии. П. Тарту, 1959. С. 57—60 (Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 78)). Известно также, что уже в состоянии клинического безумия Мамонов писал «указы», подписывая их «Владимир Мономах» (Там же. С. 89). О загадочном поведении Дмитриева-Мамонова, по всей вероятности, было известно и Пушкину, и Титову (о слухах, ходивших о Мамонове в Москве, см.: *Дельвиг А. И. Мои воспоминания*. Т. 1. С. 18). А. А. Ахматова склонялась к тому, чтобы приписать авторство финала повести последнему. «М<ожет> б<ыть>, — предполагала она, — Титов, когда было нужно изобразить безумие, просто записал все слухи о Дм<итриеве>-Мамонове. Как недавний москвич, он должен был быть “хорошо” осведомлен» (*Ахматова А. А. Пушкин в 1828 году*. С. 171). Ю. М. Лотман, который счел эту версию «малоубедительной», настаивал на принадлежности описываемого фрагмента Пушкину (см.: *Лотман Ю. М. Пушкин и М. А. Дмитриев-Мамонов*. С. 58). По мнению исследователя, ближайшим источником сведений поэта о знаменитом безумце мог быть П. А. Вяземский, который неоднократно проявлял интерес к Мамонову; будучи его близким соседом по имению, Вяземский даже пытался добиться личной встречи с затворником, но потерпел неудачу (Там же. С. 53—54). О внимании и интересе Пушкина к фигуре Дмитриева-Мамонова свидетельствует сюжет «Рославлева», куда поэт ввел упоминание об известном поступке Мамонова, в 1812 г. сформировавшего на свой счет конный полк (в этот полк вступает в повести жених Полины). Как предполагал Ю. М. Лотман, «вероятным откликом Пушкина на слухи о судьбе Дмитриева-Мамонова» является также стихотворение «Не дай мне Бог сойти с ума...» (1833) (см.: Там же. С. 55). Согласно гипотезе исследователя, в Дмитриеве-Мамонове Пушкин, неоднократно обращавшийся к «фаустовскому» сюжету, должен был видеть, в первую очередь, «не жертву политических преследований, а таинственную фантастическую фигуру “русского Фауста” <...> которого императорская реальность превратила в безумца. “Странные люди” вроде Мамонова <...> неизменно волновали Пушкина — они давали возможность увидеть бытовую реальность при свете фантазмагии, а фантазмагию понять как бытовую реальность» (Там же. С. 58—59).

³³ Изображение демона блондином могло иметь литературные источники. Этой точки зрения придерживался Р. Шульц, указавший, что «антагониста романа Ж. Казота “Влюбленный дьявол” зовут Бьондетта, то есть белокурая голова» (*Шульц Р. Пушкин и Книдский миф*. С. 14; ср.: *bionda* — блондинка (*итал.*)). Ахматова соотносила это описание с известным фактом пушкинской биографии — предсказанием гибели поэта от руки «белого» человека (см.: *Ахматова А. А. Пушкин в 1828 году*. С. 169). О серьезности, с которой Пушкин относился к упомянутому предсказанию, см.: П. в восп. Т. 1. С. 6—7, 10, 200—201, 412—413, 415 (свидетель-

ства С. А. Соболевского, М. П. Погодина, В. А. Нащокиной, А. Н. Вульфа). По предположению Ахматовой, прототипом Варфоломея мог быть и Николай I, также имевший светлые волосы и серые глаза (см.: *Ахматова А. А.* Пушкин в 1828 году. С. 174). Последняя гипотеза (хотя и нашедшая отклик в пушкиноведении, см.: *Званцева Е. П.* Об истоках сюжета повести А. С. Пушкина «Пиковая дама» // *Болдинские чтения.* [1982]. Горький, 1983. С. 84—85) не имеет достаточных оснований.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Акад. — *Пушкин*. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1949. Т. 1—16; 1959. Справочный том: Дополнения и исправления; Указатели.
- АПСС — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1999. Т. 1: Лицейские стихотворения. 1813—1817; 2004. Т. 2, кн. 1.
- БдЧ — журнал «Библиотека для чтения».
- Библиотека П. — *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910. № 691 (ПиС. Вып. 9—10).
- Благ. — журнал «Благонамеренный».
- ВЕ — журнал «Вестник Европы».
- ВЛ — журнал «Вопросы литературы».
- Врем. ПК — Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1963—2004. (1962. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. [Вып. 1]; М.; Л.: Наука, 1966. [Вып. 2]; 1964—1980. Л.: Наука, 1967—1983. [Вып. 3—18]; Сб. науч. тр. 1981. Л.: Наука, 1985. [Вып. 19]; 1986—2005. Вып. 20—30).
- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва).
- ГЭ — Государственный Эрмитаж.
- ДЖ — «Дамский журнал».
- ИВ — журнал «Исторический вестник».
- ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (С.-Петербург); при ссылке на архивные документы — Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН.
- Летопись 1999 — Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. / Изд. подгот. под рук. Н. А. Тарховой; Сост. М. А. Цявловский (1799—сент. 1826), Н. А. Тархова (сент. 1826—1837); Отв. ред. (т. 2—4 науч. ред.) Я. Л. Левкович / РАН. Пушкинская комиссия. М.: Слово/Slovo, 1999.
- ЛГ — «Литературная газета».
- ЛЛ — журнал «Литературные листки».
- ЛН — Литературное наследство.
- Лотман. Пушкин — *Лотман Ю. М.* Пушкин: Биография писателя. Статьи и заметки. 1960—1990. «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1995.
- МВ — журнал «Московский вестник».

- МТ — журнал «Московский телеграф».
- НЛ — журнал «Новости литературы».
- НЛО — журнал «Новое литературное обозрение».
- ОА — Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899—1913. Т. 1—4 / Под ред. и с примеч. В. И. Саитова; 1909—1913. Т. 5, вып. 1, 2 / Под ред. и с примеч. П. Н. Шеффера.
- ОЗ — журнал «Отечественные записки».
- ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва).
- П. в восп. — А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Вступ. Ст. В. Э. Вацуру; Подгот. Текста, сост., примеч. В. Э. Вацуру, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович. М., 1974 (Сер. лит. мемуаров).
- ПД — Отдел рукописей ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, ф. 244 (А. С. Пушкин); при отсутствии указания на опись имеется в виду оп. 1 (автографы).
- ПИМ — Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956—1962. Т. 1—4; Л.: Наука, 1967—2004. Т. 5—18/19.
- ПиС — Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб.; Л., 1903—1930. Вып. 1—39: Нов. серия — Сб. науч. тр. СПб.: Академический проект, 1999—2002. Вып. 1 (40)—4 (43).
- ПФА РАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук.
- РА — журнал «Русский архив».
- РВ — журнал «Русский вестник».
- РГАЛИ — Российский Государственный архив литературы и искусства (Москва).
- РГВИА — Российский Государственный военно-исторический архив (Москва).
- РГБ — Российская государственная библиотека (Москва); при ссылке на архивные документы — Отдел рукописей РГБ.
- РЛ — журнал «Русская литература».
- РНБ — Российская национальная библиотека (С.-Петербург); при ссылке на архивные документы — Отдел рукописей РНБ.
- РС — журнал «Русская старина».
- Рукою Пушкина 1997 — Рукою Пушкина: Выписки и записи различного содержания; Официальные документы. 2-е изд., перераб. / Отв. ред. Я. Л. Левкович, С. А. Фомичев. М.: Воскресенье, 1997. С. 85—86 (*Пушкин А. С. Полн. собр. соч.* Т. 17).
- СА — журнал «Северный архив».

- СиН — Старина и новизна: Исторический сборник. СПб., Пг., М., 1897—1917. Т. 1—22.
- СО — журнал «Сын отечества».
- СО и СА — журнал «Сын отечества и Северный архив».
- Совр. — журнал «Современник».
- Соревн. — журнал «Соревнователь просвещения и благотворения (Труды Вольного общества любителей российской словесности)».
- СПч — газета «Северная пчела».
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аарне (Aarne) А. А. 232
- Абрамс (Abrams) М. Х. 151, 165, 166, 168, 201, 363, 368
- Аверинцев С. С. 413
- Адлерберг В. Ф. 103, 108, 110, 115
- Адлерберг Ю. Ф. см. Баранова Ю. Ф.
- Азадовский М. К. 311
- Азбукин В. А. 13, 22
- Азбукина Е. П. (урожд. Юшкова) 12, 13, 15, 22, 30
- Азбукина Н. А. 13
- Азбукины 22
- Айзикова И. А. 77
- Аксаков С. Т. 138, 250
- Аладьин Е. В. 125
- Александр I, император 6, 24, 33, 37, 38, 46 (Empereur), 66 (император), 67—69, 103 (император), 108 (император), 109, 119 (император), 187, 207, 322, 345, 356, 357
- Александр II, император 84, 101, 102 (наследник), 103, 104 (великий князь), 108 (великий князь), 113 (наследник), 114 (наследник), 115, 118 (наследник), 119
- Александр Николаевич, великий князь см. Александр II
- Александр Фридрих Карл, Герцог Вюртембергский (Alexander Friedrich Karl von Württemberg) 193
- Александра Николаевна, великая княжна (принцесса Гессен-Кассельская) 101, 102, 109
- Александра Федоровна, императрица 94, 95, 101, 102 (императрица), 104, 108 (императрица), 109 (императрица), 110 (императрица), 111 (государыня), 112 (императрица), 113—116
- Алексеев А. П. 352
- Алексеев М. П. 114
- Алексеева Н. Ю. 148, 166, 172
- Альтшуллер М. Г. 155, 170, 289, 345, 356
- Алябьев А. А. 270
- Анакреон 201
- Анненков П. В. 123, 253, 267, 346
- Апр Марк 188
- Аракчеев А. А. 335
- Арапов П. Н. 127
- Арбутнот (Arbuthnot) Дж. 145, 195
- Аринштейн Л. М. 277, 349, 354
- Ариосто (Ариост) (Ariosto) Л. 192, 348
- Аристарх Самофракийский 162, 163, 196
- Аронсон М. И. 368
- Арсеньев В. С. 324, 326
- Арует см. Вольтер
- Аст (Ast) Г. А. Ф. 363
- Аттила 174
- Ахматова А. А. 151, 363, 379, 383—385, 388, 410, 411, 414, 415, 418—420
- Баак (van Baak) Й. Й. ван 386
- Бавий (Bavius) 143, 156, 160, 194, 195

- Багно В. Е. 414
- Бажанов В. Б. 119
- Байрон (Вугон) Дж. Г. 139, 168—171, 174, 182, 183, 186, 193, 196, 202, 214, 221, 225, 236, 237, 239, 298, 346, 348, 380, 381
- Балакин А. Ю. 141
- Бальдауф Ф. И. 245
- Бальмонт К. Д. 359
- Бантыш-Каменский Д. Н. 32
- Баранова Ю. Ф. (урожд. Адлерберг) 103, 109, 115
- Баратынский Е. А. 139, 154, 159, 181, 206, 358, 361—363, 365—367, 369, 370, 388, 414
- Барков Д. Н. 149
- Барсуков Н. П. 138
- Бартенев П. И. 28, 116, 304
- Батюшков К. Н. 80, 89, 156, 161, 175, 194, 195
- Баур-Лормиан (Baour-Lormian) П.-М.-Ф.-Л. 292
- Бахман (Bachmann) К. Ф. 363
- Бахтин Н. И. 124, 125
- Белинский В. Г. 296, 327, 329, 334, 365
- Белкин Д. И. 272—274
- Беллок (Belloc) Л. 214
- Белова О. В. 413
- Белоусов В. В. 281
- Беляев О. П. 157
- Бенедиктов В. Г. 362
- Бенкендорф А. Х. 250, 263
- Берг Ф. В. Р. фон 108, 112
- Березкина С. В. 321
- Берни (Bernis) Ф. 149
- Бернс (Burns) Р. 210, 212—215, 217, 218, 229
- Бертон (Burton) Р. 149, 150
- Бессонов В. А. 26
- Бестужев (Марлинский) А. А. 165 (издатель «Полярной звезды»), 176, 182—187, 190—198, 201—205, 207, 208, 221, 239, 247, 277, 289, 293, 301, 368
- Бестужев Н. А. 185
- Бестужевы 185
- Бетеа (Bethea) Д. М. 164, 236
- Бирон Л. К. см. Виельгорская Л. К.
- Благодаров Я. И. 232
- Благой Д. Д. 132, 135, 218
- Бланк Б. К. 154
- Блок А. А. 231
- Блудов Д. Н. 84, 103, 110, 118
- Блэр (Blair) Х. 166
- Блюмбаум А. Б. 189
- Бобович А. С. 188
- Бобринский Александр Алексеевич 117
- Бобринский Алексей Александрович 117
- Бобров Е. А. 134, 135
- Богаевская К. П. 350, 351, 353
- Бодуэн де Куртене И. А. 416
- Бокова В. М. 312, 316, 317, 319
- Бонами де Бельфонтен (Bonnamy de Bellefontaine) Ш.-О.-Ж.-Б.-Л.-Ж. 9, 10, 13, 14, 26
- Бонди С. М. 374, 380
- Бонжур (Bonjour) К. 129
- Боннатер (Bonnaterre) П.-Ж. 234
- Боратынский Е. А. см. Баратынский Е. А.
- Борев Ю. Б. 411
- Борецкая М. (Марфа Посадница) 248—258

- Ботникова А. Б. 386, 415
 Бошняк А. К. 323
 Браницкая Е. К. см. Воронцова Е. К.
 Бреверн де ла Гарди М. А. (урожд.
 Воейкова) 101, 104, 108, 111
 Бреверн де ла Гарди Н. А. 78
 Бродский Н. Л. 377, 381
 Брокгауз Ф. А. 132, 377
 Броссетт (Brossette) К. 148
 Брюллов А. П. 110, 119
 Брюллов К. П. 106
 Брюсов В. Я. 123
 Буаельдьё (Boieldieu) Ф.-А. 79
 Буало (Boileau) Ж. 148 (покойный
 брат)
 Буало-Депрео (Boileau-Despréaux) Н.
 143—150, 152, 155—161, 164,
 179, 180, 186, 187, 193—195,
 199, 200, 348
 Букильон (Bouquillon) О. П. 13—15,
 19
 Булвер-Литтон (Bulwer-Lytton) Э. 243
 Булгаков К. Я. 108—110, 112
 Булгарин Ф. В. 164, 165, 169, 171,
 180, 201, 206, 235, 238, 242,
 289, 294—297, 299—301, 364,
 368
 Бунин А. И. 12
 Бунина Е. А. см. Протасова Е. А.
 Бунина М. Г. (урожд. Безобразова)
 12
 Буринский З. А. 362
 Бурнашев В. П. 157, 160, 161
 Бурцов И. Г. 309, 325, 334—337,
 339, 341—343
 Бутенев К. Ф. 379
 Бутервек (Bouterwek) Ф. 179
 Бычков А. Ф. 84, 292, 302
 Бычков И. А. 84
 Бэгби (Bagby) Л. 186
 Бюффон (Buffon) Ж.-Л. Леклерк де
 76
 Вальберхова М. И. 130
 Варийяс (Varillas) А. 64, 138, 139
 Васильчиков И. В. 38
 Вацуро В. Э. 21, 138—140, 179, 184,
 186, 187, 202, 208, 255, 268,
 280, 286, 290, 375, 380, 381,
 410, 422
 Вейденбаум Е. Г. 223
 Вейсс (Weiss) Ф.-Р. 179
 Великопольский И. Е. 154
 Вельтман А. Ф. 279
 Вельтман Е. И. 279
 Венгеров С. А. 132, 134, 377
 Вневитинов А. В. 137 (брат), 138
 Вневитинов Д. В. 134—138, 140,
 196, 197, 386, 416
 Вневитинова С. В. 136
 Вневитиновы 136, 248, 373
 Венелин Ю. И. (наст. имя Г. Гуца) 138
 Венецианов А. Г. 113
 Вергилий Марон Публий 143, 191,
 192
 Вересаев В. В. 151
 Верстовский А. Н. 127, 138
 Верто (Vertot) Р. О. де 42, 53, 64
 Веселовский А. Н. 380
 Ветшева Н. Ж. 77
 Вигель Ф. Ф. 290, 347
 Виельгорская Л. К. (урожд. прин-
 цесса Бирон) 102, 118
 Виельгорские 102, 118
 Виельгорский И. М. (Жозеф) 102,
 118, 118

- Виельгорский Матвей Ю. 84, 102, 118
- Виельгорский Мих. Ю. 102, 110, 118
- Визар (Visard), губернёр у Плещеевых 13
- Виктор, Аверонский дикарь (Victor, de l'Aveyron) 234
- Вильдермет (Wildermeth) М. М. см. Раупах М. М.
- Виноградов В. В. 144, 152, 376—378, 381, 382, 385, 412
- Виргилий см. Вергилий
- Виролайнен М. Н. 255, 414
- Висковатов П. А. 28, 84, 85
- Вист А. Ф. 417
- Витали И. П. 105, 106
- Витт И. О. 323
- Вицман И. И. 11
- Вовенарг (Vauvenargues) Л. де Кляпье, маркиз де 43, 54, 64
- Воейков А. А. 102, 105
- Воейков А. Ф. 13—16, 19, 23, 27, 100, 105, 161, 165, 170
- Воейкова А. Ал. 101, 105, 108, 111
- Воейкова А. Андр. (урожд. Протасова) 12, 13, 15, 16, 30 (дочь), 33, 82, 87, 98—102, 105, 106, 108, 110—113, 117
- Воейкова Е. А. 101, 105, 108, 109, 111
- Воейкова М. А. см. Бреверн де ла Гарди М. А.
- Воейковы 108
- Войнаровский А. 183, 184, 203
- Войнова А. В. 127
- Волконская З. А. (урожд. Белосельская-Белозерская) 134—140, 274
- Волынский А. П. 186
- Вольпе Ц. С. 82
- Вольперт Л. И. 280
- Вольтер (Voltaire) (наст. имя М.-Ф. Аруэ) 34, 51, 52, 63, 71, 72, 74, 75, 154, 192, 195, 290—293, 304, 370
- Вольховский В. Д. 325
- Вордсворт (Wordsworth) У. 214, 217, 218
- Воробьев М. Н. 262
- Воробьева Е. Я. см. Сосницкая Е. Я.
- Воронцов М. С. 68, 192, 345—357
- Воронцова Е. К. (урожд. Браницкая) 347
- Воронцов-Дашков И. Л. 68
- Всеволожский Н. В. 335
- Вуич Л. И. 106
- Вульф А. Н. 133, 419
- Вяземская В. Ф. (урожд. Гагарина) 35, 36, 41, 49, 345
- Вяземские 113, 422
- Вяземский П. А. 32—42, 64, 65, 67, 68, 71—76, 94, 102, 110, 113, 127, 129, 130, 133, 154—157, 160, 186, 195, 199—208, 213, 250, 270, 285—307, 326, 356, 410, 415, 418, 419
- Вяземский П. П. 304
- Вязмитинов С. К. 26—28
- Габбе П. А. 327
- Гавкин Н. Я. 145
- Гагарин В. Ф. 41
- Гагарин Г. Г. 95
- Гагарин Г. И. 95, 96
- Гагарина В. Ф. см. Вяземская В. Ф.
- Галенковский Я. А. 153
- Галич А. И. 150, 161, 201

- Галль (Gall) Ф. И. 413, 414
 Гальберг С. И. 105
 Гамба (Gamba) Ж. Ф. 222—226
 Гамсун (Hamsun) К. (наст. имя Кнуд Педерсен) 363
 Гаспари (Каспари) И. 11
 Гаспаров Б. М. 181
 Гаспаров М. Л. 158
 Гвалтиери М. см. Клейст М. фон
 Гегель (Hegel) Г. Ф. В. 363, 364
 Гель (Gail) Ж.-Б. 27
 Гельвеций (Helvétius) К. А. 175, 176
 Георгиевский И. В. 160
 Гераков Г. В. 155, 235
 Гердер (Herder) И. Г. 166
 Гермоген, патриарх 170
 Герцог Вюртембергский см. Александр Фридрих, Герцог Вюртембергский
 Гершензон М. О. 38, 39, 215, 221
 Гесиод 151, 152
 Гёте (Goethe) И. В. 110, 118, 168, 412, 413
 Гийо де Мервиль (Guyot de Mer-ville) М. 279
 Гиллельсон М. И. 34, 39, 206, 285, 287, 422
 Гинзбург Л. Я. 369
 Гиппобот 158
 Гирченко И. В. 173
 Гишар (Guichard) Ж.-Ф. 157
 Глазунов И. И. 97, 110, 119
 Глазунов И. П. 157, 160
 Гликман И. Д. 213
 Глинка С. Н. 112
 Глинка Ф. Н. 37, 320, 330—332, 338, 339, 341, 366
 Гнедич Н. И. 127, 162
 Говард (Howard) Дж. 174
 Гогенлоэ-Вальденбург-Шиллингс-фюрст (Hohenlohe) А. Л. Ф. Э. фон, принц 45, 56, 66
 Гоголь Н. В. 100
 Годунов Борис Федорович, русский царь 186, 248—251, 253, 257, 299, 304, 305
 Голенищев-Кутузов-Смоленский М. И. 97
 Голенищева-Кутузова-Смоленская Е. И. (урожд. Бибикова) 97
 Голидей (Holidans) Г. Е. 109, 115
 Голиков И. И. 190
 Голицын Д. В. 326
 Головин В. В. 280, 281
 Головин А. В. 374, 377
 Гомер 162, 194, 287
 Гончаров И. Н. 270
 Гончарова Н. Н. см. Пушкина Н. Н.
 Гончаровы 251, 270
 Гораций (Квинт Гораций Флакк) 141—143, 145, 148, 150, 156—158, 179, 191, 192, 201, 215
 Горелкина (Журавель) О. Д. 389
 Горсткин И. Н. 308—314, 317, 324—334, 336—344
 Горчаков В. П. 138, 139
 Горчаков Д. П. 153, 154
 Гофман В. А. 182
 Гофман (Hoffmann) М. Л. 84, 85
 Гофман (Hoffmann) Э. Т. А. 380, 386, 415, 416, 418
 Гранвиль (Grandville) Ж.-Ж. 362
 Грацианский И. 264
 Грачева А. М. 388

- Греков Б. Д. 316
 Греч Н. И. 291, 292, 368
 Грибовский М. К. 317, 324
 Грибоедов А. С. 39, 126—130, 154, 172, 219, 225
 Грибушин И. И. 136
 Гришунин А. Л. 225
 Гринченко Н. А. 97
 Гроссман Л. Н. 127
 Грот К. Я. 141, 270
 Грот Я. К. 84, 85, 361
 Гудович И. В. 226
 Гура А. В. 416
 Гюго (Hugo) В. 264, 363
- Давыдова А. 362
 Давыдова С. А. см. Козлова С. А.
 Д'Аламбер (D'Alembert) Ж.-Л. 64, 189—191, 194, 206
 Даль В. И. 283, 416
 Даннекер (Dannecker) И. Г. фон 118
 Данте Алигьери (Dante Alighieri) 413
 Дарвин М. Н. 282
 Даргомыжский А. П. 83
 Даргомыжский А. С. 270
 Дартуа (D'Artois) Арман 127
 Дартуа (D'Artois) Ашилл 127
 Дашков Д. В. 260
 Дезодра (Дюша) (Desaudras (Duchapt)) 124
 Делиль (Delille) Ж. 77
 Дельвиг А. А. 136, 137, 181, 184, 186, 200—202, 297, 301, 305, 374, 375, 380, 410, 417
 Дельвиг А. И. 374, 380, 417, 419
 Дельпоццо И. П. 236, 237
 Демад (Démadys, Démade) 51, 62, 74
 Демокрит 143
 Демосфен (Démosthène) 50, 61, 73, 74, 166
 Денисенко С. В. 418
 Державин Г. Р. 13, 97, 154, 166, 167, 172, 175, 192, 194, 225, 275, 301, 303
 Дерibas А. М. см. Рибас А. М. де
 Детуш (Destouches) (наст. имя Ф. Нериго) 149, 154
 Дешан Д. И. (урожд. Иванова) 361
 Джонсон (Johnson) Б. 145
 Дибич И. И. 260, 269
 Дидло (Didelot) Ш.-Л. 253
 Диоген Лаэртский 158
 Дмитриев И. И. 13, 23, 24, 34, 40, 145, 153, 154, 157—159, 173, 176, 195, 200, 285—290, 293—299, 303—306
 Дмитриев М. А. 154
 Дмитриев-Мамонов М. А. 385, 387, 412, 418, 419
 Дмитриева Н. Л. 41, 132
 Дмитрий Самозванец (Лжедмитрий I) 249
 Добрицын А. 154, 157
 Добродомов И. Г. 204
 Долгоруков И. М. 155
 Долгоруков Ил. А. 309—312, 314, 317, 325, 334, 335, 337—343
 Долгоруков С. Н. 153
 Долинин А. А. 178, 209
 Достоевский Ф. М. 211
 Дрезеке (Dräeseke) И. Г. Б. 117
 Дружинин А. В. 210
 Дрыжакова Е. Н. 285
 Дункер Ш. К. 109, 115
 Дуров С. Ф. 127

- Дурьлин С. Н. 40, 41
 Дьяконов М. А. 269
 Дюкре де Пасенан (Ducret de Pas-senans) П. 6
 Дюмарсе (Dumarsais) Ц.-Ш. 176
 Дюпре де Сен-Мор (Dupré de Saint-Maur) Э. 180, 292, 293

 Еврипид (Эврипид) 166
 Екатерина II (Catherine II, Catherine la Grande), императрица 19, 50, 52, 61, 63, 75, 412, 418
 Елагин А. А. 30
 Елагина А. П. (урожд. Юшкова, в первом браке Киреевская) 10, 12—15, 17, 19, 21, 22, 24, 27—31, 97, 98, 100, 101, 110
 Елагина Е. И. (урожд. Мойер) 11, 15, 103, 105
 Елагины 88
 Елагины-Киреевские 366
 Елизавета I (Elizabeth I), королева Англии и Ирландии 192
 Елизавета Алексеевна, императрица 94, 95
 Ермолов А. П. 9, 298
 Ермак Тимофеевич, завоеватель Сибири 186
 Еропкина Н. М. 353—355
 Ефрон И. А. 132, 377

 Жан-Поль см. Рихтер (Richter) И.-П.
 Жанр А. А. 126, 127
 Жанлис (Genlis) С.-Ф. де 233
 Жемчужников А. А. 327
 Жерандо (Gérando) Ж.-М. де 234
 Живов В. М. 148
 Жиль (Жилль) (Gille) Ф.-А. 110, 118

 Жилиякова Э. М. 77
 Жирмунская Н. А. 64
 Жирмунский В. М. 236, 237
 Житомирская С. В. 37, 68
 Жихарев С. П. 108—110, 113
 Жозефина Богарне (Joséphine de Beauharnais), императрица 66
 Жолковский А. К. 218, 228
 Жуи (Jouy) В.-Ж. Э. де 233
 Жуковская А. В. 106 (дочь Александра)
 Жуковская Е. А. (урожд. фон Рейтерн) 104, 105, 107 (жена)
 Жуковская Т. Н. 318, 319
 Жуковский В. А. 10—15, 17—19, 21—33, 77—85, 87—89, 93—107, 111—120, 154, 155, 168, 170, 171, 195, 201—208, 250, 261, 262, 270, 271, 278, 285, 287, 294, 296, 299—301, 305, 306, 321, 360, 361, 363, 387, 416, 417
 Жуковский П. В. 116, 119
 Жюльен (Jullien de Paris) М.-А. 34, 35, 38—41

 Заблоцкий-Десятовский А. П. 322
 Заборов П. Р. 75
 Загорский М. П. 155
 Загоскин М. Н. 154, 264
 Зайцев А. Д. 385
 Закревская А. Ф. 384, 414, 415
 Западов В. А. 166
 Захаров И. С. 242
 Званцева Е. П. 383, 387, 420
 Зейдлиц К. К. 85, 98, 106, 107, 111, 113
 Зенгер Т. Г. см. Цявловская Т. Г.

- Зенф (Senff) К. А. 117
Зингер Л. С. 375, 378, 379, 383, 385—387, 410, 415
Зонтаг А. П. (урожд. Юшкова) 12, 15, 30, 89, 100, 101, 110, 111
Зонтаг Е. В. 30
Зубков В. П. 326, 327
Зубков Н. Н. 347
Зубов В. А. 225
Зубов П. П. 219, 224, 226
Зульцер (Sulzer) И. Г. 166—168, 368, 369
- Иван (Иоанн) III, великий князь Московский 249, 252, 256—258
Иван (Иоанн) IV Грозный, русский царь 299
Иванов Вяч. Вс. 383, 417
Иванов Ф. Ф. 154, 249
Иванова Д. И. см. Дешан Д. И.
Иванова-Фризенгоф Н. И. 361
Иваск Ю. П. 35
Иезуитова Р. В. 422
Измайлов А. Е. 153, 154, 160, 161, 208, 286
Измайлов Н. В. 211, 217, 228, 246, 381, 411
Ильин П. В. 308, 319
Иовва И. Ф. 355
Ирвинг (Irving) В. 186, 245, 279
Искюль С. Н. 73
Итар (Itard) Ж.-М.-Г. 234
Кавелин А. А. 103
Кавелин Д. А. 11, 13
Каверин П. П. 325
Казначеев А. И. 355
Казот (Cazotte) Ж. 387, 419
Калашников Г. В. 412
Кальянов В. А. 88
Камознс (Camões) Л. 194, 195
Канкрин Е. Ф. 269
Канкрин Е. З. (урожд. Муравьева) 269
Кант (Kant) И. 201, 363
Кантемир А. Д. 153, 156, 157, 194, 195, 204
Канунова Ф. З. 77, 221
Капнист В. В. 153
Карамзин Н. М. 11, 75, 102, 103, 110, 118, 159, 187, 190, 200, 202, 206, 234, 249, 255, 256, 264, 285, 287, 289—291, 296—299, 304—306, 387, 412
Карамзина Е. А. (урожд. Колыванова) 102, 110, 374
Карамзина Е. Н. 374, 375
Карамзины 375, 390
Каратыгин В. А. 124, 125
Каратыгина А. М. (урожд. Колосова) 124
Кардаш Е. В. 373, 416
Карл I, король Англии, Шотландии и Ирландии 101
Карпов А. А. 271
Картавцов И. М. 324, 326
Касовская (Косовская) М. В. 109, 115
Катенин П. А. 124, 125, 127, 154, 207
Катулл Гай Валерий 142, 194, 199, 203
Кацик В. О. 347
Каченовский М. Т. 34, 75, 206, 290, 291
Кашкин С. Н. 327
Квинтилиан Марк Фабий 73

- Кеневич В. Ф. 291, 297, 305
 Керн А. П. 376
 Кибальник С. А. 201
 Кикин А. В. 190
 Киндяков, актер 159
 Киндякова Ек. П. 133
 Киндякова Елиз. П. (в замуж. Лобанова-Ростовская) 133
 Киндякова М. П. 133
 Киреевская А. П. см. Елагина А. П.
 Киреевская М. В. 12
 Киреевские 12
 Киреевский В. И. 10—12
 Киреевский И. В. 12, 18, 101, 114—116, 253, 365, 367
 Киреевский П. В. 12, 101, 380
 Кирсанова Р. М. 361
 Киселев П. Д. 322, 354
 Киселева Л. Н. 153
 Китанина Т. А. 231, 386, 418
 Кичеев П. Г. 418
 Кишкин Л. С. 361
 Клара (Clara) А. Ф. 112
 Клейст (Kleist) Г. фон 116
 Клейст (Kleist) Л. фон см. Стош Л.
 Клейст (Kleist) М. фон (урожд. Гвалтиери) 110, 116, 117
 Клоссен 15
 Княжнин Я. Б. 153, 155
 Коджак А. 379, 381, 411, 412, 418
 Козицкая А. Г. см. Лаваль А. Г.
 Козлов В. И. 184
 Козлов И. И. 112, 202, 203, 206, 212—215, 229, 262, 270
 Козлова С. А. (урожд. Давыдова) 108, 112
 Козмин Н. К. 164, 176, 179
 Кокошкин Ф. Ф. 161
 Колбасин Е. Я. 158
 Коллине (Collinet) Ж.-П. 148
 Коллинз (Коллинс) (Collins) Э. А. Х. Л. 110, 119
 Колосова А. М. см. Каратыгина А. М.
 Колошин Пав. И. 325, 327, 331
 Кольванова Е. А. см. Карамзина Е. А.
 Кольридж (Coleridge) С. Т. 214, 215, 386, 387
 Комарович В. Л. 219, 220
 Комиссаров Д. Д. 237
 Кондильяк (Condillac) Э. Б. 166, 176
 Конради Ф. 242
 Констан де Ребек (Constant de Rebeque) Б. 331
 Константин Николаевич, великий князь 109, 115
 Корбе (Corbet) Ш. 6
 Коренева М. Ю. 380, 386
 Коржов С. Н. 323
 Корнеев Ю. Б. 64
 Корнилова А. В. 361
 Корнуол Барри (Barry Cornwall) (наст. имя Б. У. Проктер) 210—212, 218
 Королева Н. В. 170
 Корсаков Н. А. 127
 Корсаков П. А. 154
 Космократов Тит см. Титов В. П.
 Котляревский Н. А. 136, 138
 Котляревский П. С. 298
 Кошелев В. А. 248
 Краснобородько Т. И. 99, 164, 165, 179, 353
 Красовский А. И. 34
 Крейтон В. П. 110, 119

- Кривцов Н. И. 93, 327
Кривцова А. В. 243
Крылов (Kriloff) И. А. 13, 69, 153, 154, 171, 285—287, 289, 291—295, 297, 299—306, 368
Кубасов И. А. 136
Кузнецов И. А. 106
Кузнецова Э. В. 361
Кулагин А. В. 383, 384
Кулакова Л. И. 166
Кульман Н. К. 117
Куракин А. Б. 6
Курилкин А. Р. 69
Кусов Г. И. 224, 226
Кутузов М. И. см. Голенищев-Кутузов-Смоленский М. И.
Кутузов Н. И. 330
Кюхельбекер В. К. 156, 164—166, 168—182, 185, 198, 203—205, 207, 208, 279, 364, 365
- Лаваль А. Г. (урожд. Козицкая) 270
Лагарп (La Harpe) Ж.-Ф. 16, 50, 61, 73, 152, 279
Лагренэ (Lagrenée) Т. Ж. де 414
Ланда С. С. 33, 318, 387
Ларионова Е. О. 5, 217
Лафонтен (La Fontaine) Ж. де 69, 286—289, 300, 301, 303
Лашоссе (La Chaussée) П.-К.-Н. де 279
Лебедева О. Б. 77, 88
Лебрэн см. Экушар-Лебрэн П.-Д.
Левек (Levesque) П.-Ш. 19
Левин Ю. Д. 212
Левинтон Г. А. 178
Левкович Я. Л. 225, 263, 354, 355, 421, 422
- Левшин В. А. 153
Лейбниц Г. В. 368
Леконт де Лаво (Le Conte de La Vault) Г. 112
Лемонте (Lemontey) П.-Э. 171, 233, 302, 303
Ленорман (Le Normand) М.-А.-А. 44, 56, 66
Лермонтов М. Ю. 240, 244, 246, 247
Лернер Н. О. 124, 132, 134, 377, 383, 386
Линецкая Э. Л. 64
Липман (Lipman) Ф. Л. (Ф. И.) 110, 119
Лисовой Н. Н. 269
Листов В. С. 190, 259
Лобанов В. В. 116
Лобанов-Ростовский И. П. 133
Лозинский М. Л. 72, 74, 359
Ломоносов (Lomonossoff) М. В. 50, 61, 189
Лонгин см. Псевдо-Лонгин
Лонгинов Н. М. 354
Лотман Ю. М. 33, 141, 142, 170, 172, 198, 231, 311, 312, 333, 335, 355, 362, 379—381, 385, 387, 411, 412, 415, 419, 421
Луи-Огюст де Бурбон, герцог де Мэн (Luis-Auguste de Bourbon, le duc de Maine) 73
Лукиллий 142, 156
Лукреций (Тит Лукреций Кар) 191, 192
Лунин М. С. 349
Львов А. Ф. 83
Людовик (Louis) XI, король Франции 205
Людовик (Louis) XIV, король Франции 74, 189, 192, 302

- Людовик (Louis) XV, король Франции 71
- Людовик (Louis) XVI, король Франции 66
- Лямина Е. Э. 118, 119
- Ляпунов (Ljapunov) В. 141, 172, 363, 366
- Ляшенко К. Г. 309
- Магницкий М. Л. 299
- Мазур Н. Н. 141, 184, 358, 363
- Майдель (Maidel) Л. 102
- Майков Л. Н. 124, 194
- Макаров В. Б. 335
- Макаров М. Н. 155
- Маккиавелли (Machiavelli) Н. 204
- Макогоненко Г. П. 280, 298
- Максимилиан Лейхтенбергский (Maximilian von Leuchtenberg), герцог 101
- Максимович М. А. 361, 362, 366, 368
- Макферсон (Macpherson) Д. 220
- Малевский Ф. И. 133
- Малерб (Malherbe) Ф. 50, 61, 73, 160
- Мальгерб см. Малерб Ф.
- Мальтиц П. Ф. 156
- Малэк Э. 232
- Марин С. Н. 153, 155
- Мария Николаевна, великая княжна (герцогиня Лейхтенбергская) 101, 102, 109, 119
- Мария Федоровна, императрица 24, 82
- Марлинский А. А. см. Бестужев А. А.
- Мартынов И. И. 167, 187
- Марфа Посадница см. Борецкая М.
- Марциал Марк Валерий 142, 156
- Масанов И. Ф. 260
- Маслов В. И. 182
- Матвеев А. С. 186
- Матерн Куриаций 188
- Мевий (Maevius) 143
- Мейлах Б. С. 166, 310, 311, 321
- Мену (Menou), французский офицер 13, 14
- Меньшиков А. С. 68
- Мервейе (Merveilleux) Д.-Ф. 241
- Мердер К. К. 102, 103, 108, 109
- Мерзляков А. Ф. 15
- Мессала Випстан 188, 191
- Местр (Maistre) К. де 292, 293
- Мещевский А. И. 359
- Мещерский П. И. 374
- Микишатъев М. Н. 418
- Милонов М. В. 153, 154
- Милорадович М. А. 37, 94
- Мильчина В. А. 36, 41, 65
- Минин (Сухорук) К. З. 170
- Минц З. Г. 231
- Мирошниченко Л. Д. 418
- Мисайлиди Л. Е. 99, 105, 117
- Михаил Павлович, великий князь 24
- Михайлин В. Ю. 151
- Михайлов Г. К. 113
- Михайлова Н. И. 361
- Михельсон М. И. 416
- Мицкевич (Mickiewicz) А. 138, 213, 380
- Могилянский А. П. 305
- Модзалевский Б. Л. 326, 327, 384, 421
- Модзалевский Л. Б. 93, 211, 378

- Мойер Е. И. см. Елагина Е. И.
- Мойер И. Ф. 29, 99, 101, 103, 105, 108, 112
- Мойер М. А. (урожд. Протасова) 12—14, 15 (дочь), 17, 21, 22, 29, 30, 78, 88, 98, 99, 101, 103, 105, 106, 110—112, 117, 118
- Мокрицкий А. Н. 113
- Мольер (Moliér) (наст. имя Ж.-Б. По- клен) 74, 146, 149, 150, 156, 160, 192, 194, 414
- Монтескье (Montesquieu) Ш.-Л. 51, 62
- Монтолье (Montolieu) И. де (урожд. Полье де Боттенс) 245, 279
- Мордовченко Н. И. 165, 182, 205, 368
- Морленкур (Mourlencourt), фран- цузский офицер 14
- Морозов П. О. 132, 156, 210
- Моцарт (Mozart) В. А. 414
- Мур (Moore) Т. 114
- Муравьев А. Н. 134, 138—140, 260— 274, 309, 324, 325, 329
- Муравьев М. Н. 325
- Муравьев Н. М. 309, 311, 317, 320, 325, 331, 334, 335, 337—343
- Муравьев Н. Н. 237
- Муравьев-Апостол И. М. 158
- Муравьев-Апостол С. И. 325
- Муравьев-Карский Н. Н. 261, 273
- Муравьева Е. З. см. Канкрина Е. З.
- Муравьевы 270
- Муханов П. А. 322
- Мюральт (Muralt) И. фон 110, 119
- Набоков В. В. 142, 162, 198, 199
- Надеждин Н. И. 251, 260, 365
- Нансути см. Шампъон де Нансути
- Наполеон I (Napoléon I) Бонапарт, император Франции 8 (им- ператор), 14, 26, 54, 60, 71, 75, 92, 205, 283, 289
- Нарежный В. Т. 245
- Нарышкин М. М. 325
- Нащокин П. В. 105, 304
- Нащокина В. А. 419
- Невелев Г. А. 341, 410, 411
- Нелединский-Мелецкий Ю. А. 285
- Нелюбин А. П. 242, 246
- Немировский И. В. 308, 312
- Немцевич (Niemcewicz) Ю. У. 186
- Нессельроде К. В. 345, 346, 354, 356
- Нефедьев Н. А. 221—225, 242, 244
- Нечаев С. Д. 220, 221
- Нечаева В. С. 36, 39, 65, 327, 329, 334, 335
- Нечкина М. В. 308—313, 316—319, 329, 332, 334—340, 342, 343
- Никитенко Г. Ю. 410
- Николай I, император 24, 88, 101, 103, 114, 115, 306, 384, 385, 420
- Николай Николаевич, великий князь 115
- Николай Павлович, великий князь см. Николай I
- Николев Н. П. 153, 156
- Новосильцев Н. Н. 33
- Новосильцева Е. В. (псевд. Т. То- лычева) 10—12, 14, 15, 17
- Оболенский Е. П. 325, 332
- Оболенский К. П. 325
- Овидий (Публий Овидий Назон) 148, 218
- Огарев Н. Г. 224

- Одоевский В. Ф. 165
 Оже (Auger) Л. С. 180
 Ознобишин Д. П. 362
 Оксман Ю. Г. 184, 385
 Оленин А. Н. 260, 263, 297
 Оленина А. А. 384
 Оленины 127, 128
 Олин В. Н. 170
 Ольга Николаевна, великая княжна (принцесса, королева Вюртембергская) 88, 101, 102, 109
 Омар I (Omars), халиф 51, 62, 74
 Онегин (Onêguine) (Отто) А. Ф. 83—85, 99, 107, 116—119
 Орлов (Orloff) Г. В. 302—304
 Орлов М. Ф. 33, 35, 289
 Орловский А. О. 303
 Осповат А. Л. 178
 Осповат К. А. 189
 Оссиан см. Макферсон Д.
 Остолопов Н. Ф. 153
 Отто (Otto) И. С. 114
 Охотин Н. Г. 141, 184, 358
- П. С. 238, 242
 Павел I (Paul I), император 50, 51, 61, 62
 Павлов А. П. 417
 Павский Г. П. 110, 119
 Панаев В. И. 279
 Панов С. И. 350
 Парис см. Франциск Парижский
 Пастернак Б. Л. 218
 Паткуль А. В. 110, 118
 Патрушева Н. Г. 97
 Паулуччи Ф. О. 346
- Пауль Н. 238
 Пенн (Penn) У. 233
 Пеньковский А. Б. 77, 144
 Перовский А. А. (псевд. Антоний Погорельский) 102, 233—235, 361, 387, 412
 Перовский В. А. 83, 102, 103, 105, 108, 110, 111, 119
 Персий (Авл Персий Флакк) 143, 154
 Песков А. М. 156
 Песталоцци (Pestalozzi) И. Г. 119
 Пестель П. И. 324
 Петерсен (Petersen) Г. Г. (Е. Ф.) 108, 112
 Петерсен (Petersen) К. 112
 Петерсен (Petersen) Ф. 108, 112
 Петр I Великий, русский царь 170, 176, 190, 249, 252, 253, 266, 267, 410, 417
 Петрарка (Petrarca) Ф. 149
 Петров В. П. 153
 Петровский Ф. А. 148, 154
 Петроний (Гай Петроний Арбитр) 155
 Пёльниц (Pöllnitz) К. Л. фон 240, 241
 Пиксанов Н. К. 225, 377
 Пильщиков И. А. 204
 Пиндар 73
 Пирон (Piron) А. 152, 153, 156, 160
 Писемский А. Ф. 207
 Писная В. Н. 376, 383, 384
 Пихлер (Pichler) К. 179
 Платов М. И. 187
 Платон 143, 149
 Плетнев П. А. 82, 84, 88, 102, 110, 111, 173, 248, 250, 275, 305, 361

- Плещеев Александр Александрович 12
- Плещеев (Plestcheyeff) Александр Алексеевич 11, 12, 16—20, 28, 30, 32, 33, 85, 86, 98
- Плещеев Алексей Александрович 11
- Плещеев Алексей Александрович мл. 12
- Плещеев Г. А. 12
- Плещеев П. А. 12
- Плещеева Анастасия И. (урожд. Протасова) 11
- Плещеева Анна И. (урожд. Чернышева) 11, 12, 15, 16, 18, 30, 32, 98
- Плещеева В. А. 12
- Плещеева М. А. 12
- Плещеевы 12—15, 19, 23, 24, 26, 28, 32
- Плутарх 74
- По (Рое) Э. А. 359
- Погодин М. П. 136, 138, 139, 248—259, 263, 264, 267, 271, 279, 368, 374, 375, 419
- Погорельский Антоний см. Перовский А. А.
- Пожарский Д. М. 170
- Покровский М. Н. 316
- Полевой Кс. А. 221
- Полевой Н. А. 177, 178, 208, 212, 221, 251, 260, 264, 279, 299
- Полидори (Polidori) Д. В. 380, 381, 417
- Поль К. Ф. фон 97
- Пономарев С. И. 366, 368
- Поп А. см. Поуп А.
- Поплавская И. А. 27
- Потапова Г. Е. 383
- Потемкин Г. А. 303
- Потоцкий С. С. 68
- Потоцкий (Potocki) Я. 387
- Поуп (Pope) А. 145, 195, 348
- Прадт (Pradt) Д. Дюфур де 52 (archevêque de Malines), 63 (архиепископ Мехеленский), 75, 76
- Пресняков А. Е. 314, 316, 319
- Проскурин О. А. 164, 165, 170, 178, 208, 225, 236
- Протасов А. И. 13, 99, 112
- Протасова А. А. см. Воейкова А. А.
- Протасова Е. А. (урожд. Бунина) 12—15, 18, 22 (мать), 30, 86, 98, 99, 101, 104, 108, 110, 111, 120
- Протасова Е. И. (в замуж. Карамзина) 11
- Протасова М. А. см. Мойер М. А.
- Протасовы 13, 14, 19, 27, 97, 98
- Проташинский В. А. (псевд. Елистрат Фитюлькин) 108, 112
- Псевдо-Лонгин 146, 148, 152, 160, 166—168, 172, 174, 181, 187—191
- Пужан (Pougens) М.-Ш.-Ж. 233, 234
- Пузино П. И. 413
- Пупкевич-Диамант Я. С. 106
- Путята Н. В. 270, 414
- Пушкин В. Л. 179, 205, 275, 287, 297
- Пушкин Л. С. 128 (брат), 183 (брат), 200 (брат), 202 (маленький Пушкин), 301 (брат)
- Пушкина Н. Н. (урожд. Гончарова, во втором браке Ланская) 249, 270, 275
- Пуцин И. И. 320, 321, 323, 325—327

- Пыпин А. Н. 316, 317
Пяткин С. Н. 284
- Радзивиллы 116
Радич Я. Н. 355
Радовиц (Radowitz) Й. (И.) фон 106, 107
Раджицкий И. Т. 242, 244
Раевский А. Н. 384
Раевский Н. Н. 9
Разумова Н. Е. 77
Разумовский А. К. 102
Раич С. Е. 373
Райт (Wright) Т. 120
Рак В. Д. 211—213, 220, 223, 225, 232
Расин (Racine) Ж.-Б. 348
Раупах М. М. (Ц. А.) (урожд. Вильдермет (Wildermeth) М. М.) 110, 116
Раух (Rauch) Х. Д. 113—115, 118
Рафаэль Санти (Raffaello Santi) 116
Рейтерн (Reutern) Г. В. (Е. Р.) фон 104, 105, 109
Рейтерн Е. (Е. А.) фон см. Жуковская Е. А.
Ремизов А. М. 388
Реморова Н. Б. 77
Рибас А. М. де 350—354
Римская-Корсакова А. А. (в замуж. Вяземская) 133, 246
Римская-Корсакова Е. А. (в замуж. Офросимова) 133
Римская-Корсакова М. И. (урожд. Наумова) 38
Римские-Корсаковы 39, 41
Римский-Корсаков А. Я. 38
Римский-Корсаков Г. А. 38, 39, 327
- Рихтер (Richter) И.-П. 168, 174
Ричардсон (Richardson) У. 233
Робертсон (Robertson) В. 302
Рогов К. Ю. 142, 202, 358
Рожалин Н. М. 196, 197
Ронсар (Ronsard) П. де 370
Россиев П. А. 127
Руссо (Rousseau) Ж.-Б. 74, 301
Руссо (Rousseau) Ж.-Ж. 166, 170, 171, 174
Русшковский И. А. 110, 117
Рылеев К. Ф. 165 (издатель «Полярной звезды»), 177, 182—187, 193, 194, 196, 198, 201—204, 207 (издатель «Полярной звезды»)
Рюккерт (Rückert) Ф. 116
Рязановский Ф. А. 413
- Савенко П. Н. 242, 246
Сайтов В. И. 30, 32, 422
Сакулин П. А. 165
Самовер Н. В. 118, 119
Самойлов Н. А. 246
Самойлова С. А. 117
Саути (Southey) Р. 228
Сахарова Л. Г. 104
Свербеев Д. Н. 326
Свечина С. П. 82
Свиньин П. П. 235, 236, 264, 375
Свифт (Swift) Дж. 145
Северин Д. П. 156
Селиванова С. А. 309
Семевский В. И. 69
Семенов А. В. 325
Семенов Л. П. 226
Семенов С. М. 325, 326

- Семенова А. В. 319, 325, 328, 330, 333
- Семенова Е. С. 159
- Сенанкур (Senancour) Э. П. де 168
- Сенковский О. И. 261, 262
- Сербинович К. С. 375
- Сервантес Сааведра (Cervantes Saavedra) М. де 279
- Сергеев А. 359
- Сергеенко М. Е. 188
- Серебrenиков Н. В. 77
- Сеян Луций Элий 356
- Сидни (Sidney) Ф. 145
- Сидяков Л. С. 211, 379, 382, 385
- Синявский Н. А. 137, 373
- Сиповский В. В. 182, 389
- Скотт (Scott) В. 100, 186, 215, 216, 218, 221, 243, 245, 279, 353
- Скриб (Scribe) О.-Э. 253
- Смирдин А. Ф. 111, 120
- Смирнов И. П. 388, 389, 415
- Смирнова Л. Б. 317
- Смирнова-Россет А. О. 111, 112, 116
- Смоллетт (Smollett) Т. 242—245
- Соаве (Soave) Ф. 233
- Собаньская К. А. 384
- Соболевский С. А. 133, 137—140, 419
- Соколов П. И. 73
- Соловьев Д. В. 73
- Соловьев Н. В. 15, 100, 104, 112, 113
- Сологуб Ф. К. 377
- Сомов А. А. 350—354
- Сомов А. С. 349—355
- Сомов О. М. 181, 375
- Сомова О. А. (урожд. Тургенева) 106
- Сомова Т. А. 283
- Сосницкая Е. Я. (урожд. Воробьева) 127
- Сосницкий И. И. 127
- Софокл 16
- Сталь (Staël) А.-Л.-Ж. де 36, 44, 55, 65, 67, 71, 166, 167, 171, 172, 175, 180, 201
- Старобинский (Starobinski) Ж. 189, 190
- Степанищева Т. Н. 207
- Степанов Н. Л. 368, 378, 382, 383, 385, 387, 416
- Стерн (Sterne) Л. 177—180, 186
- Столяров М. Н. 283
- Стош (Stosch) Л. (урожд. фон Клейст) 110, 117
- Суворов А. В. 301, 349
- Суле (Soulès) Ф. 73
- Сумароков А. П. 73, 153, 286
- Сумароков П. И. 249
- Сухомлинов М. И. 158, 159
- Сушков Н. В. 156, 160, 195
- Тартаковский А. Г. 335
- Тархов Е. А. 411
- Тархова Н. А. 162, 261, 264, 421
- Тассо (Tasso) (Тассе) Торквато 192, 194, 195
- Тахо-Годи Е. А. 361
- Тахо-Годи М. А. 237
- Тацит Публий (Гай) Корнелий 188—190
- Теккерей (Thackeray) У. 269
- Теолон (Théaulon de Lambert) М.-Э.-Г.-М. 127

- Теофраст 142
 Теплов А. Г. 32
 Теплова Е. А. 32
 Тиберий Цезарь Август 356
 Тибулл Альбий 191, 192, 201
 Тимашева Е. А. 133
 Тименчик Р. Д. 363
 Титов В. П. 373—382, 384, 386—390,
 410—412, 415—419
 Титов Ф., камердинер Жуковского
 108, 109, 111 (камердинер
 Федор)
 Тишнер И. (И. И.) 108, 112
 Толстая А. А. 83, 110, 119
 Толстая П. 111
 Толстой Л. Н. 119
 Толстой Н. И. 413
 Толстой Ф. И. 155
 Толстой Ф. П. 330, 332, 361
 Тольчева Т. см. Новосильцева Е. В.
 Томашевский Б. В. 124, 182, 200,
 210—212, 221, 264, 302, 321,
 335, 340, 341, 378, 379, 383,
 385, 410, 411
 Томпсон (Thompson) Дж. 213
 Томпсон (Thompson) С. 232
 Топоров В. Н. 363
 Торнау Ф. Ф. 219, 224
 Третьяков В. К. 153
 Третьяков А. А. 271
 Триниус (Trinius) К. Б. (К. А.) 110,
 118
 Трубецкой С. П. 325, 338
 Трюше (Truchet) Ж. 152, 153
 Туманский В. И. 361, 362
 Тургенев Ал. И. 11, 13—15, 19, 23,
 24, 26—29, 32—38, 67, 68, 75,
 76, 81, 82, 89, 93—97, 99, 100,
 102, 103, 108—110, 112, 113,
 117, 119, 157, 160, 202, 205,
 206, 270, 285, 286, 288—290,
 292, 293, 295—299, 302, 305,
 339, 345—347, 418
 Тургенев Андрей И. 95, 96
 Тургенев А. М. 106
 Тургенев И. П. 95, 96, 110 (отец), 117
 Тургенев И. С. 106
 Тургенев Н. И. 33, 37, 68—70, 112,
 170, 316, 320, 322, 330, 331,
 339, 341
 Тургенев С. И. 33, 34, 67, 82, 93—96
 Тургенева О. А. см. Сомова О. А.
 Тургеневы 37, 68, 77, 78, 80, 81, 89,
 95—97, 113, 322
 Тучков А. А. 325, 327
 Тучкова-Огарева Н. А. 327
 Тынянов Ю. Н. 164—166, 176, 178,
 179, 207, 222, 223, 225
 Тюпа В. И. 282
 Тютчев Ф. И. 149, 379
 Уваров С. С. 93, 159
 Удовик В. А. 345, 347—349, 352,
 355
 Уланд (Uhland) Л. 100
 Ушаков В. А. 165, 176
 Федоров В. А. 323
 Федр 295
 Феррари (Ferrari) Д. 416
 Филарет, митрополит Московский
 (в миру Василий Михайло-
 вич Дроздов) 119, 262
 Филдинг (Fielding) Г. 242
 Филимонов В. С. 215
 Филипп Македонский, царь 183

- Фитюлькин Елистрат см. Проташинский В. А.
- Фихте (Fichte) И. Г. 363
- Фовицкий И. 33
- Фок М. Я. фон 28
- Фокион 74
- Фомин А. А. 114
- Фомичев С. А. 165, 275, 356, 381, 382, 385, 387, 410, 412, 413, 416, 417, 422
- Фонтон А. А. 348, 349, 351, 352, 354
- Фонтон Н. А. 349
- Фор (Faure) Р. 5—15, 17—20, 22—32, 34—39, 41—43, 45, 46, 48, 50, 52—54, 56, 57, 59, 61, 63—67, 69—73, 76
- Франсуа (François), капитан 14, 15
- Франц (Franzius) В. 416
- Франциск Парижский (François de Paris) 72
- Фрейганг (Frefgang) Ф. (урожд. Кудрявская) 237
- Фридрих (Friedrich) К. Д. 110, 115, 116
- Фридрих II Великий (Friedrich II., der Große), король Пруссии 114, 192
- Фридрих Александр, принц Вюртембергский см. Карл I, король
- Фридрих Вильгельм, принц Гессен-Кассельский 102
- Фридрих Вильгельм IV, кронпринц, король Пруссии 106, 109 (кронпринц), 113, 114
- Фриоф (Früauf) И. Л. В. 13, 15
- Фут И. П. 97
- Хаев Е. С. 383, 387, 388
- Хафиз 272, 274
- Хвостов Д. И. 141, 143—145, 147, 151, 153, 155—161, 164, 177, 195, 199, 200, 287
- Хемницер И. И. 286, 288, 289
- Херасков М. М. 297
- Хитрова Д. М. 141, 155, 160, 164, 165, 179
- Хитрово Л. К. 77
- Хмельницкий Н. И. 126—130, 279
- Ходасевич В. Ф. 383, 417
- Холодковский Н. А. 413
- Хомяков А. С. 138, 260
- Хомяков Ф. С. 373
- Хохлова Н. А. 260, 261, 267, 268
- Царькова Т. С. 95
- Цертелев Н. А. 204, 205, 208
- Цицерон (Марк Туллий Цицерон) 73
- Цявловская Т. Г. (урожд. Зенгер) 93, 350, 352—354, 375, 378, 379, 384, 385, 415
- Цявловский М. А. 93, 132, 137, 350—353, 373, 374, 377, 378, 421
- Чаадаев П. Я. 35
- Чебышев А. А. 124
- Черейский Л. А. 373
- Черкасов А. И. 13
- Черкасов И. П. 13
- Черкасов П. И. 13
- Черкасова Е. И. 13
- Черкасова М. А. (урожд. Кожина) 13
- Чернов А. Ю. 411
- Чернов С. Н. 318, 319, 330, 332, 333, 335

- Чернышев З. Г. 32
 Чернышев И. Г. 11
 Чернышева А. И. см. Плещеева А. И.
 Чернышева Н. Г. 270
 Чернышевы 270
 Чехов А. П. 418
 Чистова И. С. 123, 132
 Чулков М. Д. 154, 389, 390
- Шадури В. С. 220, 221
 Шаликов П. И. 260, 261, 264
 Шамбо И. П. 104, 110
 Шамиссо (Chamisso) А. фон 359, 360
 Шампъон де Нансути (Campion de Nansouty) Э.-М.-А. 7
 Шанский Н. М. 144, 152
 Шарафадина К. И. 359, 361
 Шарлотта, принцесса см. Александра Федоровна, императрица
 Шатобриан (Châteaubriand) Ф.-Р. де 168, 214, 264
 Шаховской А. А. 126, 129—131, 153, 155, 240
 Швертцель Ш. фон 104
 Шевырев С. П. 217, 249, 250, 252, 367—370
 Шекспир (Shakespeare) У. 145, 192, 194, 279
 Шеллинг (Schelling) Ф. В. 363
 Шервинский С. В. 142, 143, 218
 Шервуд И. В. 323
 Шестериков С. П. 351, 353
- Шеффер П. Н. 422
 Шиллер (Schiller) И. К. Ф. 100, 110, 118, 169, 171, 363, 364
 Шильдер Н. К. 322
- Шипов И. П. 325
 Шипов С. П. 325
 Ширинский-Шихматов С. А. (в иночестве Аникита) 170, 172
 Шишков А. А. 220, 221, 226
 Шишков А. С. 206
 Шлегель (Schlegel) А. В. 363
 Шлегель (Schlegel) Ф. 363, 364
 Шлейермахер (Schleiermacher) Ф. Д. Э. 363, 364, 366
 Шляпкин И. А. 93, 123, 124
 Шопен (Chopin) Ж.-М. 6
 Шульц Р. 387, 411—413, 415, 419
- Щеглов Ю. К. 204, 228
 Щеголев П. Е. 377, 378, 384
 Щепкин М. С. 138
- Эзоп 295
 Эйдельман Н. Я. 182, 321, 349—352, 354, 355
 Эйдельман Ю. М. 354
 Экушар-Лебрэн (Écouchard-Lebrun) П.-Д. 52, 63, 76
 Эмпедокл 158, 159
 Энсти (Anstey) К. 243
 Эрман (Erman) Г. А. 221
 Эфрос А. М. 321
- Ювенал (Децим Юний Ювенал) 155
 Юм (Hume) Д. 302
 Юмин И. М. 317
 Юнг (Young) А. 50, 61, 72, 73
 Юнг (Young) Э. 166, 167, 264
 Юрьевич С. А. 110, 118, 119
 Юшков П. Н. 12, 100, 101
 Юшкова Авд. П. см. Елагина А. П.

- Юшкова Анна П. см. Зонтаг А. П.
Юшкова В. А. (урожд. Бунина) 12,
100, 101
Юшкова Е. П. см. Азбукина Е. П.
- Языков А. М. 271
Языков Н. М. 133, 174, 271
Яковлев М. А. 245
Яковлев Н. В. 210—212
Яковлев П. Л. 165
Якушкин В. Е. 261
Якушкин И. Д. 320, 323
Яновский Н. М. 152
Янушкевич А. С. 77, 78, 80, 81, 84
Ярослав Мудрый, великий князь
Киевский 256
Яценков Г. М. 75, 292
- Abrams M. H. см. Абрамс М. Х.
Ampère J.-J. 360
Béranger P.-J. de 264
Bethea D. M. см. Бетеа Д. М.
Bowles W. L. 210
Byron G. G. см. Байрон Д. Н. Г.
Callot J. 416
Catherine II, Catherine la Grande см.
Екатерина II, императрица
Chamisso A. von см. Шамиссо А. фон
Coleridge S. T. см. Кольридж С. Т.
Connon D. 153
Corbet Ch. см. Корбе Ш.
Darbishire H. 217
Delord T. 362
Démadys (Démade) см. Демад
Démosthène см. Демосфен
Écouchard-Lebrun см. Экушар-
Лебрен П.-Д.
- Falco R. 147
Faure R. см. Фор Р.
Ficino M. 147
Fussel P. 210
Goujon A. 71
Heyd M. 148
Hock St. 380
Hoff U. 162
Hoffmann M. см. Гофман М. Л.
Hohenlohe A. L. F. E. см. Гогенлоэ-
Вальденбург-Шиллингс-
фюрст А. Л. Ф. Э. фон,
принц
Holidans см. Голидей Г. Е.
Hugo V. см. Гюго В.
Karr A. 362
Keats J. 215
Klibansky R. 149
La Solle H.-F. de 241
Lamartine A.-M.-L. de 264
Le Normand M.-A.-A. см. Ленор-
ман М.-А.-А.
Lebrun см. Экушар-Лебрен П.-Д.
Liapunov V. см. Ляпунов В.
Lomonossoff см. Ломоносов М. В.
Malherbe см. Малерб Ф.
Manning P. J. 214
Masson N. 366
Milman H. H. 210
Montesquieu Ch.-L. см. Монтескье
Ш.-Л.
Müller Ch. 359
Napoléon см. Наполеон I Бонапарт
Nilsson N. A. 218
Omars см. Омар I
Onêguine A. см. Онегин А. Ф.
Panofsky E. 149

Paul I см. Павел I
Plestcheyeff см. Плещеев Александр
Алексеевич
Pradt см. Прадт Д. Дюфур де
Ringler W. 150
Saintsbury G. 210
Salfi F. 302
Saxl F. 149
Schipper J. 210
Selincourt E. de 217
Shelly P. B. 215
Staël G. de см. Сталь Ж. де
Stosch см. Стош Л.
Tigerstedt E. N. 143
Todd J. H. 145
Tubach F. C. 232
Vauvenargues L. de см. Вовенарг Л.
де Клапье, маркиз де
Vertot R. O. de см. Верто Р. О. де
Vigny A. de 264
Voltaire см. Вольтер
Warren A. 213
Watkins J. 214
Whittingham Ch. 213
Wildermeth см. Раупах М. М.
Wilson J. 210
Wolfson S. J. 214
Young A. см. Юнг А.

СОДЕРЖАНИЕ

I

- Е. О. Ларионова.* История о докторе Форе в русском плену5
- П. А. Вяземский.* Observations sur l'ouvrage du Docteur Faure, intitulé «Les Souvenirs du Nord» («Замечания на книгу доктора Фора “Воспоминания о Севере”»)
Перевод и примечания Е. О. Ларионовой42
- Л. К. Хитрово.* Тексты стихотворений В. А. Жуковского (По архивным материалам Пушкинского Дома).....77
- Л. Е. Мисайлиди.* Завещание В. А. Жуковского 1831 года.....99

II

- И. С. Чистова.* «Будь подобен полной чаше...»123
(Из истории театральных интересов Пушкина)
- Н. Л. Дмитриева.* Еще раз о стихотворении Пушкина «Есть роза дивная. Она...»132
- Н. Н. Мазур.* Маска неистового стихотворца в «Евгений Онегине»: полемические функции141
- А. А. Долинин.* «Шотландская строфа» у Пушкина (К творческой истории стихотворения «Обвал»).....209
- Т. А. Китанина.* Две заметки о Пушкине и «кавказском тексте»231
- В. А. Кошелев.* Об одном «драматическом изучении» Пушкина248
- Н. А. Хохлова.* О пушкинской рецензии на «Путешествие ко Святым местам в 1830 году» А. Н. Муравьева260
- С. А. Фомичев.* «Метель» в контексте «Повестей Белкина»275
- Е. Н. Дрыжакова.* Вяземский и Пушкин в споре о Крылове285
- П. В. Ильин.* Пушкин и И. Н. Горсткин. К интерпретации одного свидетельства308
- М. Г. Альтишуллер.* Еще раз о споре Пушкина с Воронцовым345
- Н. Н. Мазур, Н. Г. Охотин.* «Рососо нашего запоздалого вкуса...» (Из комментария к стихотворению Баратынского «О мысль! тебе удел цветка...»)358

III

<i>Е. В. Кардаш. Повесть В. П. Титова «Уединенный домик на Васильевском»</i>	373
<i>Тит Космократов. Уединенный домик на Васильевском. Публикация и примечания Е. В. Кардаш</i>	391
Условные сокращения	421
Указатель имен	424

УДК 82(091):94.47.07
ББК 83.3Р1:63.3(2)521
П91

Пушкин и его современники: Сборник научных трудов. Вып. 5 (44) / Под ред. Е. О. Ларионовой и О. С. Муравьевой. — СПб.: Нестор-История, 2009. — 448 с.

Сборник включает публикации материалов по истории русской литературы пушкинской эпохи — неизданную политическую статью П. А. Вяземского, завещание В. А. Жуковского, уточнения к текстам стихотворений нового полного собрания сочинений Жуковского. Статьи, публикуемые в сборнике, посвящены творчеству Пушкина, его ближайшему литературному окружению и различным общественно-литературным вопросам пушкинской эпохи. В заключительном разделе печатается повесть В. П. Титова «Уединенный домик на Васильевском», впервые сопровождаемая развернутым комментарием академического типа.

УДК 82(091):94.47.07
ББК 83.3Р1:63.3(2)521

Редактор *О. Э. Карнеева*

Оригинал-макет подготовлен в издательстве «Нестор-История»

Подписано в печать 29.12.2009. Формат 60x90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 28.
Тираж 800 экз. Заказ № 1365.

Издательство «Нестор-История»
197110, СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел.: (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
198095, СПб., ул. Розенштейна, д. 21
Тел.: (812)622-01-23

